

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ – УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Редколлегия серии

В.Ц. Головачёв (председатель),

Н.Ю. Агеев, С.Г. Андреева, Е.Ф. Баялиева, А.Р. Вяткин, А.Д. Дикарёв,
С.В. Дмитриев, А.И. Кобзев, М.Е. Кузнецова-Фетисова, А.М. Куликов,
Н.А. Орлова, В.А. Перминова, Н.В. Руденко, Э.А. Синецкая, Л.П. Черникова

Серия основана в 2014 году

К 200-летию
Института востоковедения РАН

«Российское китаеведение – устная история» – это очень интересный, нужный и своевременный научный проект. Девять лет успешной работы и выход в свет двух томов с текстами интервью показали, что эта необычная инициатива помогает вписать новую главу в историю отечественного китаеведения. При всех различиях личных судеб, взглядов и исследований героев проекта, в основном известных и авторитетных ветеранов науки и преподавательской деятельности, их яркие устные повествования образуют в совокупности уникальный коллективный портрет нашей профессии, демонстрируют общность непростых судеб советского и российского китаеведения XX и XXI веков. Сбережение собранных в десятках интервью сведений, как драгоценной мозаики коллективной памяти, особенно важно и для передачи этих сведений молодому поколению китаеведов, и для более полноценной презентации российского китаеведения в современной мировой синологии. При этом я разделяю подход авторов проекта, стремящихся уравновесить определённую субъективность и скорректировать спонтанные неточности устных повествований при помощи редакторских сносок и примечаний. Этот ответственный, по-научному строгий подход стоит совершенствовать при дальнейшей работе, чтобы таким образом сознательно восходить от чисто личного восприятия китаеведной истории героями отдельных интервью к формированию наиболее достоверной общей картины событий. Хочется пожелать долгого и успешного будущего этому многообещающему проекту, который сам по себе служит вдохновляющим примером откровенного диалога поколений, хорошего творческого партнёрства ветеранов и их преемников, а также свидетельством продолжения традиций и залогом успешного развития российского китаеведения в XXI столетии.

С.Л. Тихвинский, академик РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ – УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Сборник интервью
с ведущими российскими китаеоведами
XX–XXI вв.

В трёх томах

Том 1

2-е издание, исправленное и дополненное

Институт востоковедения РАН
Издательство «МАКС Пресс»
МОСКВА – 2018

УДК 94(082)
ББК 63.3(5Кит)
Р76

Утверждено к печати Институтом востоковедения Российской академии наук

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Емельяновской биофабрики,
Игоря Анатольевича Батищева (Центр восточной культуры «Победа», г. Севастополь)
и В. Ц. Головачёва*

Ответственный редактор *В. Ц. Головачёв*

Редактор *А. И. Кобзев*

Интервьюеры и редакторы публикуемых интервью:

*Н. Ю. Агеев, С. Г. Андреева, Е. Ф. Баялиева, В. Ц. Головачёв, С. В. Дмитриев,
А. И. Кобзев, М. Е. Кузнецова-Фетисова, В. А. Перминова, Н. В. Руденко, Э. А. Синецкая*

Российское китаеведение – устная история : Сборник интервью с ведущими
P76 российскими китаеоведами XX–XXI вв. : в 3-х томах / отв. ред. В. Ц. Головачёв.
– 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс,
2018.

ISBN 978-5-89282-844-4 (Институт востоковедения РАН)

ISBN 978-5-317-05939-2 (МАКС Пресс)

Том.1. – 496 с.

ISBN 978-5-317-05940-8

Первый том новой книжной серии содержит детально прокомментированные интервью с 12 ведущими российскими китаеоведами старшего поколения, из которых со времени первого издания 2014 г. половина, к прискорбию, покинула наш мир. Настоящая публикация – часть уникального международного проекта «Китаеведение – устная история», начатого в 2006 г. и охватившего уже более 40 стран и территорий, в том числе Россию, КНР, Австралию, Бангладеш, Бельгию, Венгрию, Вьетнам, Германию, Гонконг, Египет, Израиль, Индию, Италию, Казахстан, Корею, Малайзию, Монголию, Непал, Пакистан, Польшу, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Тибет, Турцию, Филиппины, Финляндию, Францию, Чехию, Швецию, Шри-Ланку, Японию и т.д. Интервью публикуются в интернете и научной периодике, транслируются по радио и издаются сборниками в Японии, Индии, КНР, на Тайване и в России. В данной серии подробно представлены профессиональные достижения и судьбы российских китаеведов: их биографии, учёба и карьера, научные исследования, воспоминания об учителях, коллегах и учениках, взгляды на Китай, историю отечественного и мирового китаеведения, на российско-китайские отношения и т.д. В своей совокупности публикуемые записи «устной истории» составляют уникальный, неожиданный и во многом неканонический, даже исповедальный образ отечественного китаеведения на различных этапах и переломных рубежах его развития в XX–XXI вв. Издание посвящается 200-летию Института востоковедения РАН.

УДК 94(082)
ББК 63.3(5Кит)

Инициатор и научный партнёр проекта: профессор *Шу Чжи-юй*
(Тайваньский государственный университет)

Initiator and academic partner of the project: *Shih Chih-yu*, prof.
(National Taiwan University)

ISBN 978-5-317-05940-8 (Т. 1)

ISBN 978-5-89282-844-4 (Ин-т Востоковедения)

ISBN 978-5-317-05939-2 (МАКС Пресс)

© Институт востоковедения РАН, 2018

© Редколлегия, 2018

© Головачёв В. Ц., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Тексты интервью	
Бокщанин Алексей Анатольевич.....	18
Гарушняц Юрий Мисакович	47
Головачёва Лидия Ивановна	75
Делюсин Лев Петрович	116
Каткова Зоя Дмитриевна	166
Кучера Станислав Иосифович	178
Кычанов Евгений Иванович.....	219
Лапина Зинаида Григорьевна.....	258
Мелихов Георгий Васильевич.....	290
Мясников Владимир Степанович	322
Тихвинский Сергей Леонидович	350
Чудодеев Юрий Владимирович	367
Аннотированный список имен и названий.....	420
Summary	495

ВВЕДЕНИЕ

Международный проект «Китаеведение – устная история» и российская наука как часть «глобальной синологии»

Публикуемая книга необычна по жанру и содержанию. В ней собраны тексты профессиональных интервью с 12 известными российскими китаеводами старшего поколения, записанные сотрудниками Отдела Китая ИВ РАН в 2009–2013 гг. в рамках научного проекта «Китаеведение – устная история». На сегодня этот уникальный международный проект, реализуемый с 2008, охватил уже более 40 стран и территорий, в том числе Россию, КНР, Австралию, Бангладеш, Бельгию, Бутан, Венгрию, Вьетнам, Германию, Гонконг, Данию, Египет, Израиль, Индию, Индонезию, Италию, Казахстан, Корею, Малайзию, Монголию, Непал, Нидерланды, Норвегию, Пакистан, Польшу, Сингапур, Словению, США, Тайвань, Таиланд, Тибет, Турцию, Филиппины, Финляндию, Францию, Чехию, Швецию, Шри-Ланку, Японию и т.д. Тексты интервью публикуются в Интернете, транслируются по радио, печатаются в научной периодике и отдельными томами в КНР, Гонконге, на Тайване, в Индии, Италии, Японии и России.

В своей совокупности публикуемые тексты дают широкую картину общественно-политических, идеологических и экономических условий, в которых отечественные китаеведы знакомились с Китаем и его культурой, делали выбор своей необычной профессии, осваивали свою нелегкую специальность и китайский язык, вели научную работу, совершали поездки в Китай, общались с коллегами из других стран. Материалы интервью открывают новые возможности для изучения общих черт, закономерностей, особенностей и специфики отечественного китаеведения на различных этапах и переломах его развития, содержат оценки современного состояния китаеведения в России, позволяют сравнивать его с синологией бывших стран социализма и всего мира.

Благодаря «устному» жанру публикуемые материалы во многом спонтанны и субъективны. Но именно субъективный, личностный момент придает общей картине особую живость и историографическую ценность. А сами субъективные взгляды и оценки, по сути, и составляют так называемую «объективную

историю». Чтобы отчасти уравновесить неизбежную субъективность и скорректировать спонтанные ошибки и неточности, составители сборника дополнили тексты интервью аннотированным списком имён и названий, а также другими самыми необходимыми сносками и примечаниями. Разумеется, собранная справочная информация не снимает все возможные вопросы. Но мы надеемся, что работа по дальнейшей записи, уточнению, комментированию и изучению публикуемых текстов будет подхвачена и продолжена другими исследователями.

Окончание «холодной войны», глобализация общественной жизни и революция в информационных технологиях вызвали начиная с рубежа 1980–1990-х гг. и ускоренную глобализацию мировой науки. Учёные разных стран мира, десятилетиями разделённые «железными» и «бамбуковыми» занавесами, получили долгожданную возможность свободно знакомиться, обмениваться опытом и сотрудничать друг с другом. Все эти перемены затронули и мировое китаеведение (синологию), хотя «глобализация» этой старейшей научной дисциплины идёт далеко не самыми быстрыми темпами. Даже сегодня, на втором десятилетии XXI в., коллеги-китаеведы из разных стран, не говоря уже о широкой общественности, имеют очень смутное, неадекватное представление друг о друге, о «национальных» достижениях, школах и традициях в области изучения Китая. К счастью, разделявший их «вакуум» постепенно рассеивается, а быстро расширяющиеся связи и сотрудничество предвещают зарождение небывалого, воистину «глобального» китаеведения. Как говорят мудрые китайские даосы: «Истинная пустота порождает утончённое наличие» 真空生妙有!

**Китай как зарождающийся новый центр
глобальной синологии и международный проект
«Китаеведение – устная история»**

С начала XXI в. учёные-китаеведы мира предпринимают всё более осознанные, активные и целенаправленные усилия к взаимному сближению, знакомству, взгляду на себя глазами коллег, рефлексии и саморефлексии, осмыслению прошлого, настоящего и перспектив китаеведных исследований. Этот изначально стихийный процесс заметно усилился и стал обретать системные черты после того, как к нему подключились китайские учёные. Последние в прошлом мало интересовались изучением Китая за его пределами, но в последнее десятилетие решительно вышли за рамки традиционного «синоцентризма» и всё яснее осознают весь потенциал и значимость зарубежной синологии. Участие китайской стороны резко меняет исторически сложившуюся ситуацию и выводит мировое китаеведение на новый научный уровень, позволяющий глубже осмыслить меняющуюся роль Китая как уже не просто объекта, но и активного субъекта синологических исследований.

О серьёзности намерений и подхода китайских коллег свидетельствует, к примеру, создание 10 февраля 2004 г. Центра исследований зарубежного китаеведения при Китайской академии общественных наук (КАОН, 中国社会科学院 «国外中国学研究中心») – <http://www.gwzgx.org/content.aspx?id=673671303822>). Начиная с 2008 г. этот центр активно участвует в международном проекте «Китаеведение – устная история». В частности, переводчиками центра уже выполнены переводы с русского на китайский язык интервью с академиками С.Л. Тихвинским и В.С. Мясниковым и десятками других российских коллег.

Активную деятельность ведет с 1996 г. Китайский центр зарубежного китаеведения при Пекинском институте иностранных языков 中国海外汉学研究中心 <http://www.sinologybeijing.net>, издающий журнал «Международное китаеведение» «国际汉学». В 2006–2008 гг. китайские коллеги из упомянутого центра записали серию интервью с ведущими российскими учёными, представившими научным кругам КНР свою профессиональную судьбу, работу и общую картину российского китаеведения. В № 13 (2005) журнала «Международное китаеведение» вышел перевод краткой биографии академика В.С. Мясникова, написанной академиком С.Л. Тихвинским. В № 14 опубликовано интервью с академиком РАН Б.Л. Рифтиным (柳若梅. 俄罗斯汉学家李福清访谈录 // 国际汉学. 大象出版社 – 2006, № 14, с. 32–43). В № 12 вышел перевод статьи Л.Н. Меньшикова об академике В.М. Алексееве и его школе в России. В № 11 опубликована статья об изучении российского китаеведения в Китае (阎国栋. 我国俄罗斯汉学研究的历史与现状). Практически все прочие выпуски данного журнала (№ 1, 5–10, 14–18) также содержат ценные статьи об истории и современном состоянии российского китаеведения.

Впечатляющим примером коллективных мероприятий явилась международная научная конференция «Китаеведение в России» (俄罗斯“中国学”国际学术研讨会), прошедшая 16–19 апреля 2010 г. в городе Чунцин, на базе факультета русского языка при Сычуаньском институте иностранных языков. Темы обсуждения на этой конференции включали: 1) История, текущее состояние и перспективы китаеведения в России; 2) Научные взгляды, результаты исследований и общественное влияние известных специалистов российского китаеведения; 3) «Белые пятна», ошибки и недостатки российского китаеведения; 4) Роль и влияние Китая в российских китаеведных исследованиях; 5) Сравнительные китайские и российские исследования в сфере языка и литературы, социальной жизни и политики, истории и культуры (<http://www.gwzgx.org/content.aspx?id=208731509117>).

Немалую стимулирующую роль играет Всемирный форум китайских исследований, проводимый раз в два года (начиная с 2004 г. проведено уже 7 форумов) под эгидой Шанхайской академии общественных наук и созданного в марте 2012 г. Института китайских исследований при ШАОН.

Заметным событием в процессе изучения российского китаеведения в КНР стало появление коллективной монографии «Изучение Китая в России после распада СССР», выпущенной в 2013 г. издательством Хэйлунцзянского университета¹.

Откровенно говоря, по своим масштабам (правда, пока ещё не по глубине и совокупному объёму) исследования российского китаеведения в Китае уже превосходят аналогичные исследования, ведущиеся сегодня в самой России. Но и они пока не позволяют охватить взглядом, в полной мере осмыслить и ввести в международный научный оборот весь гигантский массив сведений, составляющий более чем двухвековое наследие российских китаеведов.

Общие сведения о проекте «Китаеведение – устная история»

Как уже говорилось, беспрецедентная возможность консолидировать региональное и мировое китаеведение появилась с началом осуществления крупнейшего и уникального международного проекта «Китаеведение – устная история» (China Studies – the Epistemology of the Oral History). Инициатором этого проекта стал известный учёный, профессор Тайваньского государственного университета (ТГУ) Ши Чжи-юй 石之瑜 (Shih Chih-yu), работающий на базе Научно-образовательного центра изучения Китая и связей двух сторон Тайваньского пролива (The Research and Educational Center for China Studies and Cross-Strait Relations, department of Political Science, National Taiwan University). Другими активными участниками проекта являются Центр исследований зарубежного китаеведения при КАОН, Международный синологический центр при Карловом университете в Праге, ИВ РАН и ИДВ РАН в России, а также другие научно-образовательные учреждения и академические ассоциации многих стран². За минувшие годы (2008–2016) в рамках проекта по всему миру записано более трёхсот интервью с известными китаеводами из уже перечисленных выше стран, в том числе в России – более 45 интервью. Полные тексты интервью опубликованы в Интернете на английском, вьетнамском, китайском, русском,

¹ Чжу Да-цю, Цзян Хун-вэй, Хуа Ли. Изучение Китая в России после распада СССР. – Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского университета, 2013. 239 с. 朱达秋, 江宏伟, 华莉. 苏联解体之后的俄罗斯中国学研究. 黑龙江大学出版社, 哈尔滨.

² The Department of Political Science of National Taiwan University; The Center for Overseas Chinese Studies of the Chinese Academy of Social Science (PRC); Institute of East Asian Studies, CCK International Sinological Center, Charles University, Czech Republic; Институт Востоковедения и Институт Дальнего Востока РАН, РФ; The Graduate Institute of Political Science of National Sun Yatsen University; Foreign Language University of Beijing; The Center for Excellence of Wasada University; Chuo University, Tokyo; Woosuk University, Korea; The Association of Asia Scholars, India; Ho Chi Minh City University of Social Science; The Vietnamese Social Science Academy etc.

итальянском, корейском, монгольском, японском и других языках³. Десятки интервью уже переведены с языков оригинала на китайский и английский, а в Индии, Италии, России, на Тайване и в Японии они изданы в виде отдельных печатных томов. По-своему выдающимся событием стал выход в 2013 г. на Тайване (г. Тайбэй) первого тома с переводами на китайский язык серии интервью с российскими китаеводами, изданный факультетом политологии Тайваньского государственного университета⁴.

Многие интервью уже стали предметом специальных исследований. К их текстам составляются комментарии, на их основе за последние годы изданы десятки публикаций и написано свыше 50 диссертаций (больше всего в Японии).

Таким образом, международный проект «Китаеведение – устная история» сделал возможным беспрецедентно интенсивный сбор и ввод в научный оборот сведений о мировом опыте и традициях изучения Китая, активизировал сравнительное изучение китаеведных школ, установление контактов и обмен опытом между китаеводами разных стран. При этом реальное значение проекта сводится к следующим важным моментам:

- Сбор, фиксация и *сбережение* бесценных устных сведений об отечественной и мировой синологии, ранее по разным причинам слабо представленных, либо вообще не зафиксированных в письменном виде.
- Возможность оперативного ввода в мировой научный оборот уникальных сведений, носителями которых являются известные китаеведы разных стран.
- Новые возможности для более глубокого осмысления особенностей отдельных национальных китаеведных школ, в т.ч. истории развития и судеб отдельных учёных, методологии и методик, научных структур и источников их финансирования, проблематики и перспектив исследований и пр.
- Новые возможности для сравнительного изучения синологических школ, их традиций, особенностей и внешних связей путём выхода за рамки этих школ и их более широкой научной оценки с учётом «взгляда со стороны».
- Реальный шаг к сближению сиологов и синологии разных регионов.
- Возможность сравнить научные взгляды на Китай извне с самовосприятием китайцев в исторической перспективе.
- Эффективное содействие сближению и взаимодействию цивилизаций в интересах глобального мира и гармоничного общественного развития.

³ См. сайт: Научно-образовательный центр изучения Китая и связей двух сторон Тайваньского пролива, факультет политологии, Тайваньский государственный университет – <http://www.china-studies.taipei>, а также сайт ИВ РАН – <https://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf>

⁴ Китаеведение и китайские исследования в России – устная история (1). Под ред. Ши Чжи-юй и др. – Тайбэй: Центр китайских исследований факультета политологии ТГУ, 2013.10, 371 с. 俄羅斯的漢學與中國研究 – 口述知識史 (一). 石之瑜等主編. 出版: 臺北市: 臺大政治系中國中心, 民102.10

Общие сведения о российской части Проекта

Как известно, Россия – ближайший географический и исторический сосед Китая. Связи между двумя странами существуют около четырех веков, а изучение Китая в России ведётся более двух столетий. Изучение отечественного китаеведения также давно оформилось в отдельное направление исследований российских учёных. Но вплоть до недавнего времени эти исследования касались в основном истории и мало затрагивали послевоенное советское время. Ещё меньше исследуется китаеведение в постсоветской современной России (с 1991 г.). Немногочисленные мемуары, юбилейные и поминальные публикации дают лишь отрывочное представление о судьбах отдельных китаеведов, об изучении Китая в СССР и России во второй половине XX – начале XXI в. Между тем распад в 1991 г. СССР и последовавший за ним кризис всей отечественной науки, разрыв в преемственности и потеря целого (среднего) поколения российских китаеведов, по сути, поставили под вопрос само существование российской синологии. В этих условиях важнейшей миссией отечественной науки становится *сбережение российского китаеведения*, а ключевой задачей последних лет становится восстановление разорванной традиции. Сделать это можно лишь путём воспитания нового поколения учёных, передачи ему живого опыта старшего поколения и, безусловно, за счёт активного включения российской школы в живое русло мировой синологии. Все эти важнейшие цели и задачи как раз и помогает осуществить международный проект «Китаеведение – устная история».

Осуществление российской части Проекта началось в конце 2008 г., продолжается в настоящее время и имеет долговременную перспективу. Ввиду обширности рядов и географии проживания российских китаеведов (от Москвы до Владивостока и Тайваня, а также от Петербурга до Севастополя) сбор интервью был изначально распределен между двумя ведущими китаеведными центрами России – Институтом востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН) и Институтом Дальнего Востока (ИДВ РАН). В публикуемый нами первый том материалов проекта включены интервью, записанные и собранные в основном сотрудниками ИВ РАН.

В реализации Проекта, включавшей подготовку и запись интервью, перевод аудиозаписей в текст, редактирование и комментирование текстов, приняли участие многие сотрудники Отдела Китая ИВ РАН: Н.Ю. Агеев, С.Г. Андреева, Е.Ф. Баялиева, А.Р. Вяткин, В.Ц. Головачёв, А.Д. Дикарёв, С.В. Дмитриев, А.И. Кобзев, М.Е. Кузнецова-Фетисова, А.М. Куликов, М.А. Неглинская, Н.А. Орлова, В.А. Перминова, Н.В. Руденко, Э.А. Синецкая, Л.П. Черникова, Ю.В. Чудодеев. Координацию работы и общее редактирование русскоязычных текстов осуществляет куратор Проекта, старший научный сотрудник В.Ц. Головачёв.

Три поколения российских китаеведов – участников Проекта

Как уже было сказано, героями-участниками Проекта стали три поколения российских китаеведов, вступивших в профессию в разные десятилетия: 1. Первое послевоенное поколение. С середины 1940-х и на рубеже 1950-х. 2. Второе послевоенное поколение. С середины 1950-х до середины 1960-х. 3. Третье послевоенное поколение. С середины 1970-х.

Следующее «советское» поколение китаеведов, пришедшее в науку с середины и конца 1980-х гг., пока не входит в число интервьюируемых. Представители этого поколения учились и начинали работу в СССР, но сформировались уже после 1991 г., испытав на себе все противоречивые последствия развала СССР и перехода к «рынку». Многие квалифицированные китаеведы были вынуждены в то время полностью или надолго оставить науку, уйти в другие сферы деятельности. Отдав многие годы борьбе за «выживание», они всё же сберегли интерес к Китаю и китаеведению, а в последние годы постепенно возвращаются к научной работе, привнося в неё свой богатый практический опыт и знание Китая. Это «маргинальное» поколение также по-своему уникально и, безусловно, заслуживает изучения на дальнейших этапах Проекта, равно как и новое поколение «постсоветских» китаеведов, сформировавшееся после 2000 г. и всё увереннее заявляющее о себе в отечественной и мировой синологии.

Текущие результаты Проекта

В общей сложности к концу 2017 г. участниками Проекта из ИВ РАН были записаны более 30 интервью, из которых более 20 переведены на китайский язык. Кроме того, коллегами из ИДВ РАН записано более полутора десятков интервью, большая часть которых также переведена на китайский язык и уже издана отдельным печатным томом на Тайване (см. выше: прим. 4).

Время записи отдельных интервью варьировалось в пределах 2–8 часов. На первом этапе «героями» интервью были в основном представители старшего поколения российских китаеведов, в возрасте от 70 до 90 лет, при среднем возрасте 75-80 лет. Большинство из них, несмотря на почтенный возраст, продолжают активную научную работу. В целом в Проекте представлены три главные школы и центра китаеведных исследований в РФ (Санкт-Петербург, Москва, Владивосток).

Полные тексты всех интервью на русском языке опубликованы в Интернете на сайте ИВ РАН (<https://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf>) и на основном сайте Проекта (часть – с переводом на китайский язык) на базе факультета политологии Тайваньского государственного университета (<http://www.china-studies.taipei>).

Многие интервью российских китаеведов транслировались в 2011–2018 гг. в одноимённой с Проектом русскоязычной программе «Международного радио Тайваня»⁵.

Методики, проблемы и сложности выполнения Проекта

По ходу реализации Проекта его участникам приходилось решать ряд проблем технического, методического и психологического характера.

► Подготовка вопросов и краткого описания Проекта. Изначально координаторы Проекта составили список из 67 общих вопросов, учитывающих особенности жанра интервью, характер Проекта и специфику советского/российского китаеведения. Перед каждым интервью общий список дополнялся конкретными вопросами с учётом личности каждого интервьюируемого. Ещё часть вопросов формулировалась спонтанно, по ходу записи интервью. Для более эффективной работы было также подготовлено короткое описание Проекта, с которым заранее знакомились ведущие и герои интервью.

► Разъяснение сути Проекта, переговоры с героями интервью и психологические барьеры. Получив приглашение, некоторые китаеведы поначалу отказывались от участия в Проекте, ссылаясь на скромность своей персоны и вклада в науку, отсутствие времени, уже записанные ранее интервью либо на неготовность работы в жанре интервью. Чтобы преодолеть психологический барьер и добиться согласия на участие, приходилось подробно разъяснять суть Проекта, его значение для сбора, сбережения и передачи молодым учёным сведений об отечественном китаеведении в целом, а также для достойного представления российского китаеведения на мировом уровне. Некоторые кандидаты соглашались на запись интервью сразу после ознакомления с общим списком вопросов. Сведения о других коллегах и уже записанных с ними интервью также помогали преодолеть возникавшие психологические барьеры.

► Физическое состояние и занятость участников Проекта. Реализацию Проекта осложняют высокий возраст, физическое состояние и занятость большей части его участников. По этим причинам запись многих интервью велась по частям, в несколько приёмов. Фрагментарность аудиозаписей затрудняла дальнейшую обработку текстов. В итоге подготовка отдельных интервью со временем записи до 8 часов иногда растягивалась до 3–6 месяцев. С другой стороны, временная разбивка технической записи даже улучшала результаты, так как позволяла исполнителям собираться с мыслями, корректировать и дополнять содержание интервью.

⁵ Международное радио Тайваня: <http://russian.rti.org.tw>; Страница «Китаеведение – устная история» в «Живом Журнале» МРТ: <https://rti-ru.livejournal.com/tag/%22Китаеведение%20-%20устная%20история%22>

► Редактирование и проверка текстов интервью. В силу спонтанности жанра интервью некоторые приводимые в них сведения требовали проверки, исправления, уточнения, сокращения или дополнения. Помимо прямого редактирования и проверки, эта работа включала сравнение разных интервью, привлечение ранее изданной справочной, мемуарной, научной, популярной и прочей литературы. Указанный подход занимал много времени и сил, но позволил существенно улучшить общее качество записанных интервью.

► Утверждение текстов интервью. По завершении записи и редактирования тексты передавались для проверки и утверждения самим героям интервью, которые вычитывали их и вносили необходимые исправления. При этом интервьюируемые порой просили исключить из текста отдельные слова, фразы и даже целые сюжеты, которые могли показаться некорректными. В зависимости от ситуации редакторы либо принимали предложенные изменения, либо старались убедить интервьюируемых (не всегда успешно) в целесообразности сохранить текст и спонтанный стиль интервью.

Вышеперечисленные проблемы отчасти осложняли работу, но в целом не оказали принципиального влияния на её конечные результаты.

Первичный обзор опубликованных материалов Проекта

Предварительный обзор материалов Проекта позволяет выявить ряд общих моментов:

► В текстах интервью упоминается вся многовековая история российского китаеведения, включая Новое время и современную Россию (до начала XX в. и с 1991 г.). Но в силу возрастного состава авторов содержание большей части интервью на данном этапе касается отечественного китаеведения времён СССР, преимущественно в послевоенный период (с 1945 г.).

► Тексты интервью выявляют такую особенность, как неоднократные «разрывы» (вынужденное искусственное прерывание) многовековой китаеведческой традиции в России. Такие разрывы, связанные не с научными, но с внешними общественно-политическими причинами, случались во времена СССР как минимум дважды и оказали крайне негативное, даже губительное, влияние на китаеведение и судьбы многих российских коллег.

► Очень мощное, во многом негативное влияние на советское/российское китаеведение оказала коммунистическая идеология и политика, борьба за лидерство в мировом коммунистическом движении. В частности, во времена СССР официальная идеология и политика предопределили сильную ограниченность связей отечественных китаеведов с зарубежной синологией.

► Отличительная черта большинства отечественных китаеведов – высокий личный профессионализм, интернационализм, патриотизм и преданность профессиональной миссии – изучению Китая и сближению России и Китая.

- ▶ Уникальность научного и жизненного опыта представленных в 12 интервью трёх поколений советских/российских китаеведов (первое послевоенное, с рубежа 1950–1960-х гг., с середины 1970-х).
- ▶ Наличие трёх основных центров китаеведных исследований с традиционной специализацией. Санкт-Петербург – в основном академические исследования. Москва – академические и прикладные исследования. Владивосток – преимущественно прикладные региональные исследования.
- ▶ Сохраняющаяся до сих пор серьёзная изолированность (оторванность) отечественных китаеведов от мировой синологии и почти полная закрытость (труднодоступность) российского китаеведения для мировой синологии, за исключением китайских учёных, из-за языковых, идеологических, психологических и прочих барьеров.

Эффективность и перспективы проекта

- ▶ Материалы интервью представляют «из первых рук» личные судьбы и взгляды трёх поколений отечественных китаеведов.
- ▶ Благодаря записи интервью получены бесценные сведения об истории, современном состоянии и перспективах развития советского/российского китаеведения.
- ▶ Тексты всех интервью дополнены редакторскими сносками и комментариями, значительно повышающими точность и достоверность публикуемых мемуарных материалов.
- ▶ Тексты всех интервью с фотографиями интервьюируемых опубликованы в Интернете. Публикация в Интернете позволяет оперативно включить сведения о российском китаеведении в научный оборот, сделать их более доступными для синологов всего мира.
- ▶ В России тексты интервью получают самые позитивные отзывы, дублируются на многих китаеведных сайтах и форумах, а ссылки на материалы интервью активно используются в электронных публикациях. Например, в биографиях китаеведов в русскоязычной версии Wikipedia.
- ▶ Аудиозаписи многих интервью транслировались в 2011–2018 гг. в специальных программах «Международного радио Тайваня» и продолжают транслироваться в настоящее время.
- ▶ Издание 1-го печатного тома положило начало одноимённой книжной серии, публикация которой поможет упрочить имидж всего отечественного китаеведения в России и за её пределами.
- ▶ На сегодня около 40 русскоязычных интервью переведены на китайский язык, переводы опубликованы в Интернете и частично изданы в печатной научной периодике, отдельных сборниках и монографиях.

► Данный том намечено переиздать на китайском и английском языках, что поможет отечественному китаеведению обрести давно заслуженное признание в России и за её пределами как одного из «краеугольных камней» мировой синологии.

Текущие итоги и перспективы Проекта обсуждались в 2011 г. на международном семинаре координаторов в Праге (Карлов университет), в Пекине в 2011, 2015 и 2017 гг., а также в Риме в 2015 г. Особенности китаеведения в странах бывшего «соцлагеря» стали темой обсуждений на специальной международной конференции «Retrieval or Revival: Evolving Sinology / China Studies in Czech, Mongolia, Poland and Russia», проведённой 4–5 ноября 2013 г. в г. Тайбэе.

В будущем осуществление Проекта возможно на постоянной основе, поскольку для дачи интервью можно привлекать десятки китаеведов всех поколений, живущих в разных регионах России. Итоги Проекта уже сегодня имеют огромную научную, социальную и культурно-историческую ценность, которая со временем будет лишь возрастать.

Хочется верить, что публикация данной доработанной и дополненной версии первого тома с 12 интервью, второго тома с 10 интервью и третьего тома с 10 интервью, заложит основу книжной серии «Российское китаеведение – устная история». От имени российских китаеведов составители тома искренне благодарят за финансовую, организационно-техническую и научную помощь Посольство КНР в РФ, профессора ТГУ Ши Чжи-юя, научно-образовательный центр «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University», Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и Национальный научный совет Тайваня, Центр исследований зарубежного китаеведения при Китайской академии общественных наук, Международный синологический центр имени Цзян Цзин-го при Карловом университете в Праге, а также всех активных участников, организаторов и сторонников международного проекта «Китаеведение – устная история». Общие усилия всех китаеведов работают сегодня и на будущее, и на сегодняшний день, и на историю. Хотя время работает против всех нас...

В.Ц. Головачёв
к.и.н., ст.н.с. Отдела Китая ИВ РАН

ТЕКСТЫ ИНТЕРВЬЮ

БОКЩАНИН АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
INTERVIEW WITH ALEXEY A. BOKSCHANIN

Проект: «Китаеведение – устная история»
China Studies – Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Бокщанин Алексей Анатольевич (АБ) Китаевед, д.и.н., профессор Место интервью: Москва Дата: 16 февраля 2009 г. Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ), ИВ РАН Примечания: В.Ц. Головачёв, Н.Ю. Агеев, А.И. Кобзев Продолжительность: 4 часа	Alexey A. Bokschanin Sinologist, Full doctor (History), professor Place: Moscow Date: February 16, 2009 Hosted by: Valentin Ts. Golovachev, IOS RAS Footnotes: Valentin Ts. Golovachev, Nikolay Y. Ageev, Artyom I. Kobzev Duration: 4 hours
--	--

Бокщанин Алексей Анатольевич (07.11.1935–11.07.2014). Родился в Москве. Окончил в 1958 г. Институт восточных языков при МГУ. Доктор исторических наук (1985), профессор. Специалист по политической истории династии Мин. Работал в Институте китаеведения (1958-1960), в ИВ АН СССР/РАН (с 1961). В 1960-х и в 1980-х гг. стажировался в Китае. Кандидатская диссертация: «Внешние связи Китая со странами южных морей в XIV–XVI вв.» (01.10.1965). Докторская диссер-

тация: «Эволюция удельной системы в Китае в XIV–XV вв.». В 1990–2011 гг. заведовал отделом Китая ИВ РАН. Автор более 100 научных книг, статей и учебников. Участвовал в написании 10-томной истории Китая (5–6-й тома по периодам Юань, Мин, Цин). Особенность российского китаеведения определяет как фундаментальное изучение источников до революции 1917 г. и политизацию исследований во времена СССР. Общая черта – уважение к Китаю и китайскому народу. К главным задачам современного российского китаеведения относит смену поколений и сбережение профессиональных традиций. Подробно см.: *Кобзев А.И. Памяти Алексея Анатольевича Бокщанина // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIV, ч. 2 (Уч. зап. Отдела Китая. Вып. 15). М., 2014. С. 866–868; он же. Алексей Анатольевич Бокщанин (1935–2014) // Восток. 2014. № 5. С. 217–218.*

ВГ: Алексей Анатольевич, я очень рад, что нам представился такой уникальный случай – записать ваш личный рассказ о вашей судьбе и деятельности как китаеведа. Мне кажется, этот проект – очень значимый и интересный, потому что тут есть возможность не просто зафиксировать вашу точку зрения на Китай и китаеведение, но и сохранить, сгруппировать информацию так, чтобы у будущих китаеведов появилась удобная возможность приобщиться к ней. Для начала я хочу попросить вас выполнить формальный момент и представиться.

АБ: Пожалуйста, зовут меня Бокщанин Алексей Анатольевич. Китаевед. Историк. Родился в Москве 7 ноября 1935 года.

ВГ: Интересно узнать, такая дата рождения (7 ноября – годовщина Великой Октябрьской революции в России), наверно, как-то могла повлиять на вашу жизнь, как вы считаете?

АБ: Нет! Я просто радовался, что мой день рождения всегда приходился на свободный день. Поэтому всегда можно было приглашать друзей в день праздника.

ВГ: То есть это совпадение на вас никакого идеологического влияния не оказывало?

АБ: Нет.

ВГ: А вы – коренной москвич?

АБ: Да. И я, и мои родители родились в Москве.

ВГ: Когда вы пошли учиться в школу, наверно, тогда шла война?

АБ: Да, тогда шла война. В школу я пошёл в восемь лет в Москве. Я был в эвакуации. Мой отец работал в университете. Вместе с университетом мы были эвакуированы сначала в Ашхабад, в Среднюю Азию. Потом в Екатеринбург нынешний (в Свердловск). В начале 1943 года правительство, не знаю, *Сталин* или не Сталин, демонстративно вернуло университет в Москву.

ВГ: Получается, если учесть Ашхабад, то ваша жизнь с самого раннего детства была связана с Востоком. Вы что-нибудь помните про Ашхабад?

АБ: Конечно, помню, у меня остались впечатления.

ВГ: Наверно, в то время Туркмения была совсем другой, более традиционной?

АБ: Вы знаете, она была традиционной. Но там меньше чувствовалось всё что угодно. Потом меня там прикрепили в детский сад, куда я ходил и где нам давали питание.

ВГ: В годы войны, когда все воевали с фашистами, наверно, в СССР мало вспоминали Китай? И всё-таки, наверно, Китай как-то присутствовал. Ведь был сорок пятый год, кампания по разгрому японцев и завершению Второй мировой войны. Интересно, когда Китай впервые вошёл в вашу жизнь? Когда вы узнали, что существует такая страна – Китай?

АБ: Поскольку мой отец был всю жизнь преподавателем в университете, преподавал историю и работал с географическими картами, то я достаточно хорошо знал географию и карты. То, что существует такая страна Китай и где он находится, я знал достаточно хорошо с раннего детства. Но какого-то особого отношения, конечно, ещё не было. И вот тут, если брать второй вопрос, каким был изначальный образ Китая... я затрудняюсь сказать, каким было это восприятие в раннем детстве. Просто я знал, что есть Китай, а каких-то ярких впечатлений в детстве не было.

ВГ: То есть для вас это была просто обычная страна, одна из многих стран?

АБ: Да, конечно.

ВГ: Ваш отец был преподавателем Московского университета?

АБ: Да. Он занимался классической историей. Читал курсы по истории Древнего Рима и Греции. Поэтому от Китая это было достаточно далеко. Это был курс только европейской истории. Может, это был какой-то недостаток, что в то время азиатскую историю не давали в курсе древней истории. Не знаю, было ли в то время, время моего детства, какое-то восточное отделение на истфаке. На филологическом факультете оно, наверно, было. Но к тому времени, когда я окончил школу и стал поступать, тогда уже было отделение стран Востока на историческом факультете. Я об этом, конечно, знал.

ВГ: А такие события, как гражданская война в Китае, победа коммунистов над Чан Кай-ши и образование КНР, производили на вас впечатление?

АБ: Ну, в 1949 году мне уже было 14 лет. И эти события вызывали достаточный интерес у всех советских людей. Потому что Китай становился нашим союзником. Он и во время войны был союзником, и это все знали, конечно. Затем был интерес, когда Советский Союз вступил в войну против Японии на стороне Китая, поскольку Маньчжурия освобождалась в основном с помощью советских войск. В Маньчжурии воевал мой крестный отец. Но он воевал недолго, потому что получил там травму. Не ранение, а травму, из-за которой его демобилизовали, и он вернулся с маньчжурского фронта.

ВГ: Как тогда воспринимали советские люди образ Китая? Как относились к Мао Цзэ-дуну?

АБ: Конечно, интерес к Китаю сильно возрос после того, как закончилась гражданская война и образовалась Китайская Народная Республика. Естественно,

это воспринималось как крупный успех, и пропагандой тоже, конечно, подчеркивалось, что увеличился социалистический лагерь. Было понятно, что отношения с Китаем – это были союзнические отношения. И помощь Китаю была оказана очень большая. В частности, почти всё вооружение Квантунской армии было передано Народно-освободительной армии Китая. Победа в гражданской войне с Гоминьданом и образование КНР воспринимались, до некоторой степени, как победа социалистического лагеря. КПК и Мао Цзэ-дун воспринимались, безусловно, как друзья, коммунисты, союзники. Не скажу, что 49-й год был связан с какой-то особой эйфорией, но я не знаю людей, которые были бы этим недовольны.

ВГ: Где-то через год или два после 1949 года перед вами встал вопрос выбора профессии? Как получился этот выбор?

АБ: Тут надо сказать, что получилось это довольно случайно. Не буду говорить, что интерес к Китаю как таковому у меня был с самого детства. Выбор Китая при поступлении в вуз оказался и случайным, и не случайным.

Вступительные экзамены в университет тогда подразумевали 5 экзаменов, а оценки выставлялись по пятибалльной шкале. Для поступления на исторический факультет нужно было набрать минимум 24 балла из 25. То есть из 5 экзаменов можно было получить только одну четверку. Конкурс там всегда был большой, а я получил тройку за сочинение, и поэтому у меня было 23 балла – то есть балл был непроходной. Но мне повезло в том смысле, что в год моего поступления, осенью 1953 года, восточному отделению исторического факультета дали расширенные вакансии на изучение Китая и стран Востока вообще. Возможно, Китай изучали и на филологическом факультете, и на экономическом. Но на историческом факультете МГУ дали достаточно много мест под расширение изучения стран Востока. В том числе, разумеется, и Китая. Когда я об этом узнал, мне предложили написать заявление о принятии на восточное отделение. Я написал такое заявление, и меня приняли туда с 23 баллами. А дальше нужно было писать заявление и выбирать уже страну. И тут у меня вопроса уже никакого не было. Самая большая, крупная и интересная страна – это был Китай. К Индии у меня как-то меньший был интерес, не знаю почему. Возможно, и отец советовал мне, и революция, и дружеские отношения способствовали тому, что если уж изучать, то Китай. Конечно, безусловно, повлияло то, что происходило в отношениях между нашими странами.

Так что я был принят и попал в китайскую группу. Честно говоря, сначала я хотел поступать на археологию. Ну а, поскольку мой отец тоже работал там, то через некоторое время, примерно через полгода, мне предложили перейти уже внутри факультета на археологическое отделение – туда, куда я хотел поступить изначально. Но поскольку я уже изучал китайский язык и я уже познакомился со страной, я, конечно, отказался куда-либо переходить и остался.

ВГ: То есть китайский язык не испугал вас в тот момент?

АБ: Нет! У меня нет сверхспособностей к языкам вообще. Но какие-то средние способности к изучению языка у меня были, и каких-то особых мук изучение ки-

тайского языка мне не доставляло. Надо сказать, что и радости тоже. Потому что я всегда интересовался историей, а не языком как таковым в смысле грамматики или языковых особенностей. Язык был мне нужен только как средство, как инструмент.

ВГ: Кто в те годы преподавал вам китайский?

АБ: Первым моим преподавателем была Савинич. К сожалению, не помню, как её зовут. И она недолго преподавала на истфаке.

ВГ: Были ли среди них китайцы?

АБ: Нет, нет. Преподавали русские. В то время обмена преподавателями ещё не было. Преподавали не китайцы, а те люди, которые учились или работали в *Институте востоковедения*. Ведь, кроме истфака, был ещё Институт востоковедения.

ВГ: Но ведь многие советские китаеведы погибли в годы репрессий?

АБ: Да, но эти люди занимались больше языком и не имели отношения к политике. Поэтому их оставили. Потом, это были уже всё-таки 1950-е годы, а не 30-е. Хоть потом и прокатилась ещё одна сталинская волна репрессий, но, по крайней мере, этих людей они не тронули.

ВГ: Сколько было студентов-соучеников в вашей группе? На отделении?

АБ: Сначала было достаточно много. Кстати, одним из моих соучеников, с которым я учился все пять лет, был *Непомнин Олег Ефимович*, который заведует сектором в нашем институте. Группа у нас была небольшая. Первоначально где-то побольше, человек 17. А потом люди отсеивались, и нас было уже, по-моему, человек семь. Все – историки. Те, кто хотел изучать китайский язык, грамматику и т.п., они учились на филологическом факультете. Нам же китайский язык был нужен как средство получения информации и общения с живыми людьми.

ВГ: Кто преподавал вам историю Китая в то время?

АБ: У нас не было особой истории Китая как таковой. Нам преподавали историю древнего мира, средневековую, историю нового и новейшего времени. Потом уже на кафедре была отдельная специализация по странам. Древнюю и средневековую историю Китая нам преподавала *Симоновская Лариса Васильевна*. Читал *Георгий Борисович Эренбург*, довольно преклонного возраста преподаватель. А новейшую историю нам читал *Михаил Филиппович Юрьев*. Это люди достаточно известные в китаистике.

ВГ: Можно ли сказать несколько особых слов о Симоновской, Эренбурге, Юрьеве? Ваши впечатления о них как о личностях и преподавателях?

АБ: Симоновская занималась средневековым Китаем. По народным восстаниям и народным движениям у неё книга была. Правда, она мало писала, но была достаточно известной. Она была заведующей кафедрой Китая на восточном отделении истфака. Эренбург Георгий Борисович тоже был старшего поколения. Непрямой родственник писателя Ильи Эренбурга. А Михаил Филиппович Юрьев вернулся с войны блестящим офицером, ходил ещё в военном френче. Наверно, он изучал язык раньше, а потом был мобилизован на службу в Маньчжурии. Все трое они очень преданно занимались историей Китая.

ВГ: В то время студентов не посылали учиться в Китай?

АБ: Не посылали. Никакой практики у нас не было. А специализация – потом мы уже сами выбирали, каким периодом хотим заниматься. Поскольку мой отец занимался древним периодом, то и я тоже брал тот период. Тут психология какая была – я думал, что современную историю я и так знаю. Мне было интересно знать то, что прошло и как это формировалось. То есть именно история. Естественно, я был в курсе текущих отношений (с Китаем), но считал, что изучать их – дело дипломатов или других людей к этому причастных – работников внешней торговли и так далее. А мне всё-таки нравилась более глубокая история.

ВГ: То есть у вас был чисто академический интерес, не связанный с какими-либо карьерными соображениями?

АБ: Нет, абсолютно нет. Где-то с четвертого курса мы должны были писать диплом, и тут уже нужно было выбирать тему. Вот, Олег Ефимович Непомнин, он (предпочёл) новую историю. Я выбрал средневековую историю. Руководителем была Симоновская Лариса Васильевна. Новую историю, опять же, вёл Эренбург. А новейшую – Юрьев. Тему дипломной работы мы обсуждали с Симоновской, но, естественно, я выбирал её сам. Тему, честно говоря, я уже не помню.

ВГ: В момент выпуска у вас были какие-то трудности с распределением и устройством на работу?

АБ: Особых трудностей не было, потому что тогда ещё был период дружбы и существовал *Институт китаеведения*, который отделился от Института востоковедения. То есть это был особый академический институт в рамках Академии наук СССР. Это было в 1956 году. Кстати, *Институт Дальнего Востока* праздновал своё 50-летие в 2006 году. Но это неверно, потому что никакого Института Дальнего Востока не было, был Институт китаеведения. А потом его, кстати, закрыли. Наверно, из-за испортившихся отношений с Китаем и каких-то финансовых соображений. Трудно сказать, это решалось где-то наверху, даже не в академии, а выше.

Я поступил в Институт китаеведения в 1958 году сразу после окончания университета. Находился он в Китайском проезде, имеется в виду Китай-город. Название Китай-город происходит не от Китая, а от ограды, плетёные детали которой в старорусском языке назывались «кита». Китай-город – это город, огороженный «китой». Там, в большом административном здании, где были ещё и другие академические институты, мы занимали два этажа. Мы хотели заниматься по специальности и пришли туда вдвоём с Олегом Непомниным. Остальные как-то куда-то ещё «рассосались».

ВГ: В то время в вашей группе были женщины или учились только мужчины?

АБ: Конечно, были *Машкина Ирина*, *Коровкина Татьяна*. Машкина тоже долго работала с нами в Институте китаеведения. Потом ушла на пенсию. А Таня Коровкина нашла какое-то другое место работы, и следы её потом потерялись.

ВГ: В то время была возможность поехать в Китай на стажировку или учёбу?

АБ: Нет, никакой. То есть из Института китаеведения посылались люди. А первый раз я поехал в Китай в 1961 году. Это была сборная делегация. Там

были не только китаеведы, там были и представители власти. Но в основном была интеллигенция, писатели, партийные, театральные и общественные работники. И дали несколько мест для китаеведов. Из китаеведов со мной ездили *Рифтин Борис Львович* и *Леонид Евсеевич Черкасский*, который потом уехал в Израиль и уже долго живёт в Израиле. Нас было трое китаеведов.

ВГ: Наверно, это первая поездка в Китай произвела на вас глубокое впечатление? Мир как-то изменился с момента пересечения границы с Китаем?

АБ: Ну, естественно! Когда поезд пересёк границу, это было ночью. А утром мы проснулись. Я вышел из купе, и Борис Рифтин говорит: «Ну, вот, смотри, перед тобой китайская земля!» А за окном, до горизонта, была сплошная кукуруза. Не помню, какой это был месяц, но уже была высокая кукуруза в полях. И вот мы приехали в Пекин. Ну и, конечно, Пекин произвёл огромное впечатление. И сам город, и Гугун. Поскольку я сам историк, мне были интересны все исторические вещи. Потом нас возили по всей стране – в Пекин, Шанхай и другие, уже не помню какие города. До Шанхая, конечно. Дальше на юг нас не возили.

ВГ: А настоящих китайцев вы тоже в то время увидели впервые?

АБ: Нет, китайцев я видел и дома. Во время дружбы их приезжало довольно много. Но общения с ними не было. На истфаке не было китайцев. Обменов тогда не было. Я думаю, это говорит только о том, что обмены ещё не установились. А потом, когда отношения (с КНР) испортились, об этом уже не было и речи.

ВГ: Это действительно странно, ведь обмены студентами по естественным и инженерным специальностям в то время процветали!

АБ: Естественно, но те, кто приезжал учить историю, скорее должны были изучать русскую историю. Не изучать же им свой Восток!

ВГ: Когда вы пришли на работу в институт, наверно, снова встал вопрос о том, чем вам нужно заниматься, какими исследованиями?

АБ: Нет, всё было очень просто! Тогда писалась большая капитальная «Новейшая история Китая». И нас сразу подключили туда на техническую работу: вычитку и сверку текста. Поскольку я не занимался этим периодом, я не участвовал в написании. Это был общеинститутский коллективный проект. Там, в Институте китаеведения, были и сектор литературы, и языка, и сектор экономики. Я был в секторе истории. И весь сектор истории писал эту работу. У нас в Институте китаеведения не было китайцев из КНР, а были китайцы старшего поколения, которые жили здесь с 1930-х годов и, наверно, иммигрировали (в СССР). Был *Го Шао-тан – Крымов Афанасий Гаврилович*, который был на новейшей истории. А здесь были *Ду И-син* (Ду сяньшэн) и *Линь Цзе-юнь* (Линь сяньшэн). И вот, после окончания новейшей истории мы вдвоём с этим Линь Цзе-юнем были посажены на перевод «ши хо» (разделов о продовольствии и товарах) из всех династийных историй. Мы сидели и вместе переводили экономические разделы «ши хо». Переводили так: текст лежал передо мной и перед

ним. Он давал свою версию, а я её «причёсывал». Я ведь всё же занимался древней историей и *вэньянь* тоже изучал. Я не помню уже, кто давал нам *вэньянь*, но в основном мы учили его сами. Хорошей школой была работа с Линем над династийными историями. Он давал свою версию, а я сначала её только «причёсывал». Но потом, конечно, когда я немного научился читать *вэньянь*, то мы с ним и спорили. Когда мы просидели где-то год, я его уже поправлял. Я знал, как это должно было звучать по-русски, и я знал, что должно быть ещё другое значение иероглифа. Я, конечно, не поправлял его *вэньянь*, но выбор значения – это другое. В то время мы использовали (однотомный китайско-русский) словарь Ошанина. Четырёхтомного (словаря) ещё не было. Я уж не спрашивал, где он получил образование, но он читал *вэньянь*. Ду И-син тоже спокойно читал *вэньянь*. Может, это входило в обычное образование в Китае. Но здесь (в СССР) они оказались, очевидно, в связи с гражданской войной (в Китае), я не спрашивал, так как мне было неудобно. Соответственно, Линь давал какой-то общий смысл, и мы с ним вместе вырабатывали русский вариант перевода. Одновременно я постепенно входил в значение иероглифов. И в это время я столкнулся с очень интересной чертой характера, может, самого Линя, а, может, вообще китайской. Когда я уже немножко освоил работу с текстами, иногда я видел, что это (переводится) не так, и тогда говорил ему, что это не так. Он иногда соглашался, а иногда нет. И когда он не соглашался, он говорил: «Ну, ладно, давай не будем об этом говорить, а отложим на следующий раз». Потом, когда мы приходили в следующий присутственный день, он говорил: «Ты там что-то хотел написать как-то по-другому. Ну, пиши!» То есть он никогда не признавал, что ошибался. Хотя я думаю, что он всё-таки проверял, не мог он просто соглашаться. Ему было неудобно признать перед младшим, что он ошибался. Благодаря всему этому я и овладел *вэньянем*.

ВГ: Вы говорите, вас поставили на вычитывание и перевод. Но в какой-то момент вам всё же пришлось выбрать свою собственную тему?

АБ: Да, я поступил в заочную аспирантуру. Тут уже я выбрал тему для диссертации. Это были внешние связи минского Китая и экспедиции *Чжэн Хэ*.

ВГ: Почему была выбрана именно эта тема?

АБ: Я не могу сказать вам сейчас, почему была выбрана именно эта тема. Может, я с Линем советовался. Может, Симоновская подсказала. Не помню. Но как-то так получилось, что я стал заниматься этими экспедициями. Руководителем по диссертации в университете была Симоновская. Потому что в аспирантуре я был не при академии, а в университете.

Кстати, ИСАА организовался при нас. Первые три курса мы учились на истфаке в 1953–1956 гг. В 1956 году было принято решение на уровне правительства или, уж я не знаю каком, организовать специальный институт востоковедения. Потому что Институт востоковедения был раньше, но он был закрыт. Взяли изучавших Восток людей с исторического факультета, филологического факультета,

с экономического и слили их всех с 1956 года в один институт, который стал называться *Институтом стран Азии и Африки – ИСАА*¹. Нас просто механически слили всех. Соответственно, мы получили новое помещение. Истфак помещался на улице Герцена. Сначала на улице Герцена, 5, с одной стороны улицы. В здании, которое почти на (ближнем) углу к Кремлю. Потом, когда организовали Институт стран Азии и Африки, нас поместили в самом старом центральном университетском здании, где он находится и сейчас.

Меня перевели туда на третьем курсе. Кстати, вместе с нами перевели туда и тех, кто младше. Младше меня на один курс учился *Мейер Михаил Серафимович*, который сейчас работает директором ИСАА при МГУ. Так что я знаю его достаточно давно. И вот, два последних года обучения мы кончали уже там. И диплом у нас был уже не от исторического факультета, а от Института стран Азии и Африки.

ВГ: Какой курс или какой язык был в то время самым престижным в ИСАА? Японский?

АБ: С Японией тогда не было такого ажиотажа. По Ближнему Востоку и по Арабскому Востоку – конечно. Вот Мейер занимался Турцией. Но совершенно не было какого-то особого преимущества у отдельных языков. Тем более у японского. Было больше китайского, потому что с Китаем продолжались дружественные отношения, хотя они уже и начали портиться. Но самой большой союзной страной на Востоке был Китай, поэтому притягательность Китая была для нас большей. Там же (в ИСАА) я поступил в заочную аспирантуру, хотя работал в Академии наук. Руководителем была Л.В. Симоновская.

ВГ: Как в то время писались диссертации? Как вам далась диссертация?

АБ: Безусловно, диссертации все писали сами. Кому было трудно, те отсеивались. Был у нас такой Коля Котиков, который потом отсеялся. Конечно, я обсуждал выбор темы с Симоновской, при её какой-то подсказке. По-моему, она и сказала, что у нас никто ещё не писал про внешние морские связи Китая. Я говорил, что хочу заниматься средними веками. Так что при её доброй подсказке я выбрал эту тему, которая мне очень нравилась.

ВГ: Насколько это была удачная тема с точки зрения наличия материалов?

АБ: Есть биография Чжэн Хэ в «Мин ши» («Истории Мин»). Была уже и литература. В Китае к этому относились с гордостью. Действительно, это необычное дело, что китайцы ходили до Африки. Правда, потом, в последнее время, начали пропагандировать, что китайцы и Америку открыли. Вот это уже, конечно, перебор. Потому что я могу точно сказать, до какого места доходили корабли Чжэн Хэ – до порта Момбаса в Восточной Африке. Это примерно широта Мадагаскара. Они даже до южной оконечности Африки не ходили. Они делали китайские карты, где указывалась береговая линия и как флот шёл. Географии европейской у них не было, конечно. Эти карты изданы. Я купил несколько книжек, и у меня есть дома издание небольшим форматом, выпущенное в 1950-е годы. В том числе

¹ В момент создания он назывался не ИСАА, а Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ.

есть и специальные карты Чжэн Хэ. Но они изданы не как карты, а как книжка. Там только береговая линия и путь флота, который изображён штриховыми линиями. Там есть все названия по-китайски. Они пересекали Бенгальский залив и Аравийское море. Заходили в Бирму, а из Бирмы шли напрямую, на юг Индии. А дальше, да, шли по берегам вдоль южного берега, заходили в Красное море. Корабли ушли дальше, а Чжэн Хэ, поскольку он был мусульманин, ходил в Мекку. Потом их (корабли) догонял, и потом они спускались вокруг Африканского рога до широты Мадагаскара, до Кении. Не так давно кто-то даже опубликовал китайскую карту с обозначением двух полушарий. Карта была составлена во времена Цянь-луна, в XVIII веке. Но там было написано, что это был Чжэн Хэ. Были люди в Китае, которые говорили, что, если на этой карте есть второе полушарие, значит, Чжэн Хэ ходил до Америки. То есть прямого текста там нет, что он ходил до Америки. Дело же (в действительности) очень просто. Даже в XVIII веке, когда появилась эта карта, китайское правительство ещё официально не признавало, что Земля – круглая. Соответственно, традиционной схемой был квадрат Земли, центр с периферией – традиционная точка зрения. И европейские географические карты были запрещены как ересь. И тот, кто сделал эту карту конца XVIII века – она, конечно, не именная, и сделали её китайцы, – чтобы обезопасить себя (повторяю, что официально это отрицалось), они написали, что это сделал Чжэн Хэ. Прикрылись авторитетом традиции. Но это не имеет ничего общего с картами Чжэн Хэ, которые тоже изданы. Думаю, что тот, кто это делал, прекрасно знал карты Чжэн Хэ. Но это была форма выживания. Для того чтобы опубликовать карту обоих полушарий, они сослались на давно покойного Чжэн Хэ. Вот почему всё это произошло. А в картах Чжэн Хэ совершенно точно написано, куда они ходили, докуда они доходили, все порты идентифицированы...

ВГ: Как называлась тема вашей кандидатской диссертации? Когда была защита?

АБ: «Внешние связи Китая со странами южных морей в XIV–XVI веках». Защита состоялась 1 октября 1965 года в университете, в ИСАА.

ВГ: Как эта тема повлияла на вашу дальнейшую научную работу? Это была для вас «сквозная» тема, которую вы изучали и дальше?

АБ: Да, конечно, моя работа была связана с китайской традицией в политике и внешней, и внутренней. Но больше внешней. Я не ограничивался только морскими связями Китая, а занимался вообще внешними связями Китая с миром, дипломатией.

ВГ: Учитывая вашу тему и испортившиеся в 1960-е годы отношения с Китаем, этот период как-то повлиял на вашу работу?

АБ: Вы знаете, нет, потому что моё отношение к Китаю как было положительным, так и осталось положительным. А каких-то пасквилей в отношении китайцев я не писал. Споры, когда это касалось каких-то исторических проблем, когда это были явные нелепости, то – да (велись). Но в пограничных спорах я не уча-

ствовал, не привлекали меня к этому делу. Справок я не писал. Этим занимались больше люди, изучавшие новейшую историю Китая.

ВГ: В какой момент вы ушли от этой темы (Чжэн Хэ) и переключились на проблемы китайской государственности? Как менялась тематика ваших исследований?

АБ: После окончания работы над этой темой нужно было переходить к какой-то другой. Работу над «ши хо» я продолжать не стал, хотя старые материалы по «ши хо» были изданы в 1980-е годы. Это была наша официальная работа по плану института. Мы сделали это вдвоем с Линем. И даже когда испортились отношения, я как занимался средневековым Китаем, так и продолжал им заниматься. Никто на нас не давил.

ВГ: Но в то время всё же велась острая полемика между китайскими и советскими историками по поводу внешней политики на севере Китая, российско-китайской границы и принадлежности территорий?

АБ: Нет, меня к этому не привлекали. Этим занимались другие, достаточно квалифицированные люди. Во мне потребности, наверно, не было.

ВГ: Вы работаете в Институте востоковедения с 1958 г. Вот уже 50 лет это – ваша основная работа. А когда началась ваша преподавательская деятельность? Я помню, что в 1980-е годы я сам сдавал вам зачёт по истории Китая в средние века...

АБ: Да, но я уже не помню, с какого времени. По-моему, ещё была жива Лариса Васильевна или, скорее, после её смерти, возникла необходимость читать лекции про средневековый Китай.

ВГ: Вы могли не втягиваться в политические споры, но не могли не следить за теоретическими спорами об «азиатском способе производства» и периодизации истории? Как эти теоретические дискуссии 60-х и 70-х гг. повлияли на ваши изыскания?

АБ: Я с интересом слушал эти споры и интересовался, но сам в них не включался. Меня больше интересовала историческая конкретика, а не какие-то глобальные обобщения, такие как «азиатский способ производства». В институте это довольно живо обсуждалось. Допустим, *Леонид Сергеевич Васильев* выступал со своими теориями. Ему противостоял *Леонард Сергеевич Переломов*. *В.Н. Никифоров* тоже был теоретиком у нас, хотя он занимался новейшей историей. Но всё-таки лично я в эту дискуссию не стремился включаться.

ВГ: Всё-таки, когда вы учите своих студентов, вы показываете им разницу подходов? Или предлагаете только традиционное деление истории на древность, средневековье, новое и новейшее время?

АБ: Я сразу, в первой же лекции по периодизации истории Китая объясняю, как к этому вопросу подходим мы, какая у нас сложилась традиция. Объясняю китайскую позицию по этому поводу и объясняю доводы и тех и других. То есть я не призываю их выбирать, оставляю на их усмотрение, не запрещаю им считать, как они сочтут нужным. Просто представляю аргументы и точки зрения за и против. И говорю, ка-

кой я придерживаюсь. Я придерживаюсь традиционной (точки зрения). Повторяю, у меня больше интерес к исторической конкретике, нежели к теоретическим подходам.

ВГ: Мы знаем, что существует московская, петербургская, владивостокская или, скажем, сибирская школа китаеведения. Но даже московская делится на учёных, например «школы Алексеева» (у филологов). Есть какое-то деление на местном уровне. Вы отождествляете себя с какой-то школой или учреждением?

АБ: Вы знаете, нет. Скорее, я близок традиционному подходу, под влиянием Симоновской, что была древняя история. Что древняя история где-то после Хань кончается. Что с этого времени начинается средневековая история. И студентам я объясняю, когда читаю лекции, доводы и за, и против, не навязывая какую-то одну теорию.

ВГ: Вы были знакомы со многими известными советскими и российскими китаеводами. Кто из них произвёл на вас по-настоящему глубокое впечатление своей личностью или профессионализмом?

АБ: Во-первых, *Лазарь Исаевич Думан*, который занимался древней историей Китая и был у нас заведующим сектором. Он был и начальник, и хороший китаевед, занимавшийся классическим периодом. Несомненно, его авторитет был большим. И Симоновская как учитель. Кстати, у них с Думаном были различные подходы и точки зрения. Но Думан тоже не очень увлекался теоретизированием. Он больше занимался конкретными историческими вещами. Крымов Афанасий Гаврилович (Го Шао-тан), конечно, занимался другими вещами, но был чрезвычайно яркой личностью. Человеком, который много рассказывал и о китайской революции. Несмотря на то, что он прошёл через лагеря, никакого слома в нем не чувствовалось. Он вёл себя абсолютно адекватно. Очень активно и бурно реагировал на любые текущие события. Просто у него был такой темперамент. Между нами была большая разница в годах, поэтому я с ним не был близок. И потом, всё-таки у него был другой сектор. Крымов заведовал сектором новой и новейшей истории, где был другой состав (сотрудников). Ну и, конечно, Линь, с которым мы занимались чтением древних китайских текстов. Это тоже укрепляло мое желание заниматься древним Китаем.

ВГ: Лазарь Исаевич Думан, каким он был как человек и коллега?

АБ: Это был культурный, образованный, достаточно спокойный человек. Будучи заведующим сектором, он не делал каких-то «накачек», ничего такого не было. У него был отдельный кабинет, где он сидел и тоже занимался своим делом. Если нужно, к нему приходили, просили его сделать что-то или посоветоваться. В общем, он был хороший человек. Китаевед, который учился и сформировался ещё в 1920-е годы, одного поколения с Симоновской. Симоновская его звала «Ласка», уменьшительно от Лазарь. Она вспоминала, как они жили в Питере. Они же из Питера. Она говорит, у нас в комнате стоял длинный стол и Ласка через него прыгал, как через козла, когда был молодой. Думана интересовала реальная работа. Поскольку он был специалистом по древней истории, соответственно, с

его благословения мы и переводили «ши хо». Я также был довольно близок с *Фёдором Степановичем Быковым* из предшествующего поколения 1920-х годов. Но он сейчас куда-то затерялся. Давно его не вижу.

ВГ: Вы уже занимаетесь китаеведением 50 лет. Как менялось отечественное китаеведение за это время под влиянием идеологии коммунизма и т.д.? Сильно ли оно менялось в целом?

АБ: Конечно, менялось. Мы ещё застали старую школу. Тот же Крымов, Думан и Симоновская – это была старая школа. Была ещё и промежуточная, например Юрьев, который воевал. В целом, пока была советская власть, соответственно, господствующей была доктрина о формациях. Ну, и эта доктрина была не выдумана, а идет от Маркса и Энгельса – людей, в общем-то, серьёзных, которые занимались мировым развитием вообще. Насколько она была применима к Китаю – это спорно. Но, во всяком случае, её нужно было учитывать, пытаться посмотреть, как китайский материал ложится на эту схему. В чём ложится, в чём не ложится. Я уже застал то время, когда если «не ложится», то репрессий не применяли. С другой стороны, наотмашь писать, что – нет, тоже было нежелательно или нельзя. Тем более что сами китайцы приняли эту схему после 1949 года. Они ставили другие временные рамки феодализма, говорили о специфике феодализма, но принимали феодализм в целом. Они шли в марксизм через советскую науку.

ВГ: В 1960–1970-е годы советские китаеведы критиковали маоистский Китай и делали это вплоть до начала 1980-х годов...

АБ: Да, конечно. Но мы занимались средневековым Китаем и не участвовали в этой деятельности. Могли обходить эти дискуссии стороной. Вспоминаю один эпизод, когда уже начинались конфликтные отношения и я первый раз приехал в Китай в начале 1960-х гг. У нас была назначена встреча с народом то ли в театре, то ли ещё где. Да, мы должны были идти в театр. Во время обеда мы смотрим, что время подходит, и говорим китайским товарищам, что пора, наверно, ехать на встречу. Они отвечали, что ничего, можно продолжить обед. Проходит еще полчаса после назначенного времени встречи. Мы говорим, что пора ехать. Но нам говорят – нет-нет, ещё посидите. Мы спрашиваем: как же так? Нам отвечают: ничего-ничего, не беспокойтесь! Минут через 50 против назначенного времени нас посадили в автобус и привезли в театр. Там сидит полный театр народа, закрыт занавес. Один из наших сопровождающих выходит на сцену и обращается к публике, которая сидит уже 50 минут или больше: «К нам приехали наши друзья – советские товарищи!» Понимаете, как велась пропаганда. Они нас нарочно задержали, чтобы полный зал сидел 50 минут. А потом радостно объявили о приезде советских товарищей. То есть это было такое накачивание обстановки. В нашей делегации были и китаеведы, и художники, вообще интеллигенция была, настроенная вполне благоприятно к Китаю. И тем не менее это было использовано для того, чтобы лишний раз показать, какие советские люди нехорошие. А с другой стороны, когда мы приехали в Нанкин, там отношение было контрастно. У нас были

билеты на поезд, и мы должны были уезжать с нанкинского вокзала. Тоже сидим, обедаем, уже пора ехать, и нам говорят: ничего-ничего! Мы сидим. Наконец, когда поезд уже должен уходить, все уже стали нервничать, нам сказали, что поезд из Нанкина переезжает через реку на пароме по частям. Короче, поезд задерживался на час или два. И, говорят, мы решили, что вам не стоит сидеть в вагоне. Потом нашли катера, нас переправили, посадили в поезд, и мы поехали! Понимаете? С другой стороны, были люди, которые нас не только не подставляли, а наоборот! Посидели, побеседовали вместе, потом катера специально наняли и перебросили нас на другую сторону. То есть никакой враждебности не было в данном случае.

ВГ: Это была не последняя ваша поездка в Китай?

АБ: Нет, ещё в 1964 году я там бывал. Мы были с *Мясниковым* и *Кычановым* в командировке или, можно сказать, на стажировке. Мы были там пять месяцев. Но университет нас не принял, и нас поместили в школу для иностранных студентов по изучению китайского языка. На Сибэй, в этом же районе, ближе к городу. Нам дали преподавателя, мы занимались китайским языком. А потом мы могли ходить в библиотеку. Сначала они как-то тоже опасались, что мы попросим какие-то не такие книги. А потом они поняли, скажем, что я занимаюсь средневековым Китаем, и никаких препятствий мне не чинили. То, что я хотел в библиотеке, то и заказывал. И никакой дискриминации не было. Там были студенты из других стран. Из русских были только Мясников, Кычанов и я. Была (ещё) *Серова* и одна студентка, уже не помню, как её звали. Отношение было вполне нормальное. Напряжение было, но против нас никаких (выпадов) не было.

ВГ: Удалось ли в то время установить какие-то контакты с китайскими учёными?

АБ: Не удалось. Мы занимались языком. К учёным нас особо не пускали. Это же была школа для тренировки иностранцев в изучении китайского языка. Но в библиотеке можно было работать. Но они тоже смотрели. Если книжка какая-то неудобная, то они говорили, что она занята. Естественно, мне удалось найти какие-то материалы. Но я занимался тогда Чжэн Хэ.

ВГ: Всё-таки вы ощущали какую-то разницу в отношении в СССР к китаеведам и китаеведению в 1970-х, 1980-х и 1990-х годах?

АБ: Всё-таки мы могли заниматься тем, чем хотели. Правда, когда начались те конфликты, была усиленная кампания, чтобы все переходили на новейшую историю, чтобы противостоять китайской точке зрения на мировую революцию. Это были не просто двусторонние отношения. Ведь борьба шла за лидерство в международном коммунистическом движении. Понимаете? И китайские лидеры этим задавались. А наши не хотели уступать. И, вот, на этой подоплёке, конечно, было отношение Советского Союза к Китаю как к младшему партнёру. Естественно, это было понятно и самим китайцам. И не только китайцам. Так что китайцам просто надоело выступать (в роли младшего брата), расшаркиваться и так далее. А у нас, вы знаете, центр коммунистического движения. Мы даём директиву, а вы там выполняйте! Естественно, это китайцев раздражало. А потом они стали

спорить за лидерство. Поскольку я не занимался этим, когда нас там принимали в 1964 году, нам сказали, что заниматься историческими темами – пожалуйста. Если бы кто-то занимался политикой, тогда просто не приняли бы.

ВГ: Очень многие наши старшие коллеги-китаеведы, которые не занимались политикой, всё же продолжают считать, что в то время Советский Союз проводил бескорыстную интернациональную политику в отношении Китая, не предполагавшую подчинения? Получается, вы не согласны с этим?

АБ: Не согласен. «Москва – Пекин. Москва – Пекин. Идут, идут вперёд народы!» Да? И там был припев, что, вот, идёт Советский Союз, а рядом шагает новый Китай. То есть уже неравенство ставилось как естественное. Но, с точки зрения наших, это объяснялось ещё тем, что у нас революция совершилась в 1917 году, а у них – в 1949 году. Поэтому они используют наш опыт и они наши ученики и последователи.

ВГ: В 1970-е годы наше китаеведение всё же испытывало влияние двусторонних отношений, было трудно найти работу китаеведам?

АБ: Не знаю, у нас не чувствовалось ограничений. Были ограничения по другой линии. Само закрытие Института китаеведения было связано с конфликтом, естественно. На волне дружбы открыли отдельно, отделили от Института востоковедения, а потом снова слили вместе. В каком году? Я уже запомнил. По-моему, где-то в 1962 году². Какое-то время мы продолжали оставаться в Китайском проезде. А потом нас, китаеведов, перевели в Хохловский переулок, к Покровским воротам. Институт востоковедения был тогда в Армянском (переулке). Начальником у нас был *Лев Петрович Делюсин*. Кстати, когда мы говорили о том, какие китаеведы достойны всяческого уважения, конечно, таким был и Делюсин. С одной стороны, он понимал, когда китайцы в споре этом говорят «чушь». Но он всегда придерживался взвешенной позиции, не был сторонником нападать. Естественно, как китаист он выступал за то, чтобы, главное, между нашими странами были хорошие отношения и связи, а не раздувание конфликта. Хотя, конечно, все эти безумства «культурной революции» – они не принимались. Но, занимаясь новейшей историей, он не имел в планах смешивать Китай с грязью. Он никогда не выступал ярким сторонником ущемления Китая. Это, скорее, был ответ, ответная реакция. И потом, конечно, когда началась китайская «культурная революция», в их позициях было очень много неразумного, что вызывало сочувствие и сожаление. Просто китайцев жалели уже из-за того, что там творится.

ВГ: Как произошло разделение сфер исследований между Институтом востоковедения и Институтом Дальнего Востока?

АБ: Институт Дальнего Востока родился из нашего института. В связи с идеологической и теоретической полемикой между китайцами и нашей страной была выделена группа, изначально человек 11 или 15, задачей которой было учитывать все китайские теории, касающиеся нападков на Советский Союз. И готовить официаль-

² Институт китаеведения АН СССР существовал в Москве в 1956–1960 гг.

ный ответ. То есть работать на государственные органы, смотреть всю китайскую пропаганду и рекомендовать государственным органам, какую позицию занимать в ответ на эти нападки. Это было в 1960-е годы, по-моему. Этим сотрудникам давали повышенные оклады. Мне предлагали туда пойти, я отказался. Силой туда тоже не брали. Первоначально это было так. Потом эта экспертная группа стала расти. Одни люди уходили, другие приходили. Кто-то приходил из других учреждений, и не только китаеведы. Те, кто занимался действительно языком или современной историей. Это дело стало нарастать и, таким образом, превратилось в особый Институт Дальнего Востока при ЦК КПСС. Там обсуждались современные проблемы. Многие студенты шли туда, потому что не все хотели заниматься историей. Большинство даже занималось современным Китаем. Поэтому туда приток был больше. К нам шло меньше людей. Так и вырос этот институт, и получился этот параллелизм. Потом, когда уже всё сошло на нет, там уже было столько народу и всё было настолько налажено по изучению Китая, что сочли за благо не закрывать и не сливать обратно. Там было их больше сотни. Влить их снова в Отдел Китая нашего института, где все отделы по 15, 20 или 30 человек, было бы тоже (неудобно).

ВГ: Какое место занимает Отдел Китая в ИВ РАН? Ведь есть коллеги-китаеведы, которые работают и в других отделах?

АБ: Да, но это случайная вещь. Так сложились обстоятельства.

ВГ: Приходилось ли вам общаться за минувшие полвека с зарубежными коллегами-китаеводами?

АБ: Конечно, приходилось, но каких-то серьёзных связей всё же не получалось. Потому что если и были поездки на конференцию, – сделаешь доклад, зададут тебе вопросы. Может, кто-то подойдёт. Ну, в лучшем случае, может, была какая-то переписка. Спрашивали, как у нас организовано, кто чем занимается, той или иной темой. А так как темы всё-таки не совпадали, то и эти связи были ненадолго. Постоянных связей не было, серьёзных (международных) проектов не возникало. Когда ещё был Советский Союз, был социалистический лагерь, ещё можно было найти какие-то контакты. Вот, поляки к нам тоже приезжали. Но они приезжали, чтобы посмотреть свои материалы, съездить в другую страну, так как это всегда интересно. А так, каких-то общих работ я не знаю. Может, потому что мы были самодостаточны. У нас всегда было много китаеведов. Есть Отдел Китая в Институте востоковедения, есть отдельный Институт Дальнего Востока, которые освещают и традиции, и современность. И есть ведь группа (китаеведов) в Институте экономики. Поэтому какой-то потребности (в международном сотрудничестве) не было.

ВГ: Советские китаеведы не были избалованы возможностью ездить за границу и общаться с зарубежными коллегами. Но советское и российское китаеведение было открыто влиянию западной науки. Тому же марксизму и т.д. Как это повлияло на советское китаеведение?

АБ: Собственно, и китайско-советский конфликт тоже произошёл на базе марксизма. Была борьба за первенство в марксистском лагере, когда китайцы

почувствовали себя достаточно сильными. Когда им надоела опека Советского Союза и роль младшего брата. Вина или не вина руководителей Советского Союза, что они не смогли это прочувствовать – это уже отдельный вопрос. В той или иной степени, конечно, мы все были марксистами. Это воспитывалось ещё с института. И сами китайцы тоже этого придерживались: древность, феодализм, новое и новейшее время, социализм. Всё это совпадало. В 1980-е годы я бы не говорил о кризисе «марксистского китаеведения» (в СССР). Просто перестали придерживаться тех точек зрения. Те, кто был вынужден подстраиваться, те просто перестали делать это. Ну, а деление на какие-то стадии в мировом развитии не только в Китае, но и в мире имеет определённый смысл. Действительно, всё же можно делить историю на древнюю, новую и новейшую не только для России и Китая. Тут возникали, конечно, споры. Потому что китайцы удлинляли, естественно, свою цивилизацию. Мы же на более умеренных позициях стоим.

ВГ: И все же вы делите средневековье на ранний, развитый и поздний этапы?

АБ: Я считаю, что этапы можно выделять. Всегда студентам объясняю, что эти термины относительны. Деление на средневековье и так далее. Я просто объясняю те переломные моменты в истории Китая. Пытаюсь объяснить, что эти переломные моменты не сами по себе, а открывали одни периоды и закрывали другие периоды.

ВГ: Как вы объясняете отличие развитого средневековья от позднего средневековья?

АБ: Ну, в данном случае я объясняю позднее средневековье по аналогии с европейским. Я считаю, что для Китая трудно говорить о выделении развитого или позднего средневековья. Китай – аграрная страна. Коренной перелом – это 780 год, когда была отменена надельная система и пошло естественное перераспределение земли. Естественное в том смысле, что тот, кто имел больше возможностей, тот её и получал. Государство отказалось от контроля над аграрными отношениями. Не совсем, конечно, но всё-таки. Так что тут я согласен с китайской точкой зрения, что где-то с 780 года у них начинается развитое средневековье. Что касается рабовладения, тут, конечно, спорно. Потому что в Китае труд рабов никогда не играл преимущественной роли. А как назвать этот период? И чем отличается этот период до падения династии Хань или даже в доимперский период? Считаю, что этот вопрос ещё не решён. Конечно, чжоуский, доциньский Китай – это одно. А период Цинь-Хань – это уже другой Китай. Вот здесь бы и провести границу. Но китайцы считают по марксизму и, получается, у них (феодализм) после падения Хань. После падения Хань – тоже перелом, потому что дальше идет многовековая история политической раздробленности. Появляется надельная система, которая существует до Тан и в ранней Тан. Действительно, 780 год это какой-то рубеж, который можно считать как коренное изменение социально-экономических порядков. Марксизм прав, я думаю, в том, что не политические события, которые тоже заметны, а какие-то глубинные социально-экономические сдвиги определяют периодизку. Всё-таки не какие-то правители всё определяют

собой. Скажем, петровская эпоха и допетровская эпоха (в России). Должно смотреть глубже в социально-экономические отношения, которые имеют свою периодичность. Так что та схема, которая предлагается для периодизации самими китайскими учеными, – она достаточно здравая.

ВГ: Поскольку вы занимались внешними связями с соседями Китая, вы изучали и межэтнические отношения. Какие качественные этнические изменения переживал Китай на протяжении своей истории?

АБ: Китай всегда был многонациональной страной, великим очагом земледельческой цивилизации. Думаю, как цивилизация Китай, безусловно, представлял собой единое целое. Оказывал влияние на соседние земледельческие страны, прежде всего Корею, Вьетнам и Японию. На кочевников и Среднюю Азию – меньше, так как тут совершенно другой уклад и устройство жизни. Кочевое и земледельческое хозяйство. Политически Китай не был единым, но можно говорить о дальневосточной цивилизации, в основе которой лежала китайская. Потому что государства в Корее, Вьетнаме и Японии возникли позже и они брали китайское государство за образец. Не потому что они признавали превосходство Китая, а потому что это были уже наработанные для этого региона образцы.

ВГ: Но ведь Китай никогда не был политически единым? Делился на Север и Юг, Запад и Восток.

АБ: Я думаю, это было всё же внутренним делением. Думаю, что китайский патриотизм охватывает всех. Когда Китай оказывается в каком-то неприглядном положении из-за иноземцев, патриотическое движение и осознание китайцами своей общности – оно довольно сильное. Поэтому я думаю, что можно говорить о целостном Китае.

ВГ: И всё же в 1970-х и 1980-х годах прослеживалась склонность китайских учёных отождествлять династии Ляо, Цзинь, Юань с самим Китаем? Насколько корректна такая параллель?

АБ: Всё тут было в разной степени. Поскольку монголов было мало, они пришли в Китай и восприняли китайские порядки. Верхушка была монгольской, а вся машина-то была взята китайская. А те монголы, которые остались в степи, они продолжали заниматься кочевым хозяйством. Та монгольская элита, которая пришла в Китай, приняла китайский образ жизни и окитаилась. Монголы прекрасно понимали, что Китаем невозможно управлять так же, как и степняками. Тем более тут уже была наработана такая машина, которая работала достаточно хорошо. Они просто взяли её, и всё.

ВГ: Выходит, династия Цин – тоже не маньчжурская, а, по сути, китайская династия?

АБ: Конечно. Этнически она была маньчжурская. А по своему устройству – китайская.

ВГ: С чем был связан ваш переход к исследованию удельной системы Мин?

АБ: Просто меня всегда интересовала и больше интересуется политическая история, а не экономическая. И я писал о развитии политических институтов. Считаю,

что хотя эта машина была отработана ещё в древнем Китае, можно найти специфику, как вы говорили, для каждого периода. Но это не мешает нам говорить о китайской системе управления как таковой. То есть это было как бы внутреннее развитие, развитие уже заданного вектора. Правда, в каждой династии можно найти свои особенности. Специфика Мин была в том, что удельная система была восстановлена. Ведь ее же не было в Сунский период и в Танский период. *Ли Ши-миню* советовали ввести удельную систему, а он не ввёл. И там были сторонники и противники. И он послушал противников. Понимали, что это грозит единству страны. Почему при Мин была восстановлена удельная система? Потому что *Чжу Юань-чжан*, конечно, пришел к власти незаконно. Он же был крестьянином, и у него не было никаких моральных прав с точки зрения традиционного наследования престола. Он захватил престол силой, совершенно не относясь к правящему классу. Никакой традиции, никакого авторитета за спиной. Значит, он только опирался на силу, на жестокость и на свой дом. Это его изречение: «В мире нет никого надежнее близких родственников». Он был очень подозрительный человек. Поскольку он пришёл к власти, он понимал, что она досталась ему не по закону наследования, а он захватил её силой. Он считал, что есть ещё и другие, которые могут сделать то же самое. Поэтому он стремился насадить везде своих родичей, считая, что тем самым обеспечивает единство Китая. Но всё это уже через поколение должно было привести, естественно, к обратному движению. Ему удалось решить эту задачу при жизни. Просто он не смотрел вдаль, а смотрел на текущую ситуацию и делал так, как удобно ему в настоящее время, не думая, как всё будет в дальнейшем.

ВГ: Вы также написали исследование, посвящённое войне Цзиннань (1399–1402)³. Как вы оцениваете события этого периода? Почему он так важен?

АБ: Это период Мин. И мне показалось, что мало работ по этому периоду. Вообще я переходил от Чжэн Хэ к *Чжу Ди*. И от *Чжу Ди* переходил к этой войне. И потом, это был первый конфликт на основе родственных отношений. Ведь он воевал с преемником *Чжу Юань-чжана*.

ВГ: Повлиял ли этот кризис на активизацию внешней политики Мин?

АБ: Да, поскольку *Чжу Ди* захватил престол несправедливо, поскольку убил своего предшественника и родственника, то ему приходилось поднимать свой авторитет. А свой личный авторитет он не отделял от авторитета страны. Вот отчего устраивались все эти экспедиции. А не потому, что он любил море! Авторитет этот он видел в признании со стороны всего мира. Так как он совершил вроде бы несправедливые действия, ему нужно было укреплять свой авторитет и внутри страны, и снаружи. Он

³ Когда в 1398 г. *Чжу Юань-чжан* умер, придворная камарилья в обход его сыновей возвела на трон одного из его внуков, *Чжу Юнь-вэня* (朱允炆, 1377–1402), который первым делом замахнулся на созданную дедом систему уделов. Это привело к войне Цзиннань (靖难之役, 1398–1402), в ходе которой правитель Пекина, старший сын *Чжу Юань-чжана* *Чжу Ди* (朱棣, 1360–1424), захватил столицу империи Нанкин. Взяв девиз правления Юн-лэ (永樂, Вечная радость), *Чжу Ди* продолжил политику централизации государства, поставил на место титулованную знать, усилил роль дворцовых и секретных служб в управлении страной.

считал, что признание окружающего мира повлияет и на внутреннюю устойчивость. То есть его внешняя политика была связана с внутривластным положением.

ВГ: Можно сказать, что это была первая в истории Китая попытка своего рода «глобалистского» подхода к организации подвластного пространства?

АБ: С большой натяжкой можно.

ВГ: В 1980-е и 1990-е годы вы ещё принимали участие в ряде таких коллективных проектов, как написание «Истории народов Центральной и Восточной Азии», «Истории Востока».

АБ: Да, я писал свои разделы и лекции. Например, в «Истории Востока». Сейчас уже вышел, по-моему, пятый том этой серии. Проект ведётся через Академию наук. Решение о нём принималось в президиуме.

ВГ: Вы также писали статьи об изучении движения *Ихэтуань* советскими китаеведами?

АБ: Вы знаете, это было какое-то случайное исследование для какой-то отдельной конференции на злобу дня.

ВГ: А другие китайские персоналии под статью Чжу Юань-чжану, например северовэйская императрица *Фэн (Фэн тай хоу)*, это тоже случайное для вас исследование?

АБ: Императрица Фэн – одна из первых императриц, которая долго правила Китаем. *У Цзэ-тянь* правила позже, и она сама себя называла мужчиной (императором). А императрица Фэн правила фактически (как регент), меняла императоров, но не провозглашала себя императором. И это было очень интересно с точки зрения политической истории.

ВГ: Вы согласны с утверждением, что женщины фактически правили Китаем как минимум половину его истории?

АБ: Нет, это неправильно. Это стереотипы. Хотя и Чжу Юань-чжан писал в своих заветах о необходимости не поддаваться влиянию женщин и не допускать их к политике.

ВГ: И тем самым признал их влияние на политику... А вы написали о них в книге «Лики Срединного царства», которую издали вместе с О.Е. Непомниным. Что это за книга?

АБ: Это полностью инициатива Олега Ефимовича написать такую книгу. Древнюю и средневековую часть написал я, а он – новую и новейшую историю. Лишняя интересная книга по Китаю, я думаю, будет только полезной.

ВГ: Вы много раз бывали в Китае?

АБ: Девять раз. Первый раз в 1961 г. Второй раз в 1964 году. Потом был большой-большой перерыв, связанный с отношениями между нашими странами. Потом я попал только в 1987 году. Плюс трудности с финансовым положением института. У нас не было возможности ехать за свой счёт. В 1987 году была небольшая поездка на две недели или десять дней на какую-то конференцию. В 1989 году я попал на стажировку в *Пекинский университет*, на специальный факультет, где

обучали иностранцев китайскому языку. Тогда уже налаживались связи. Нам сказали, пожалуйста, только мы не обеспечим научное руководство. Они знали, что мы не студенты. В библиотеках работать они не запрещали. Просто они сняли с себя обязанность курировать или помогать какие-то темы наши вести. Они не приглашали специально каких-то учёных (для контактов с нами). А те, которые преподавали, только специально давали язык для иностранцев. Политический контекст тут был в том, что китайцы (тем самым) распространяли в то время свое влияние, были заинтересованы, чтобы было какое-то лобби, особенно в странах социалистического лагеря. Из той же Венгрии, Чехии были люди, которые там обучались. Но и не только. Там были (студенты) и из африканских, и из арабских стран. В общем, достаточно много. Нам дали преподавателя, и мы занимались языком. Это были пожилые люди, которые помнили хорошие отношения с Советским Союзом и которые никакого плохого отношения к нам не выказывали.

ВГ: Было ли связано отсутствие контактов с китайскими коллегами-историками с остатками какой-то взаимной настороженности?

АБ: В 1964 году мы были ограничены своей школой. Никаких официальных контактов не было. В 1987 году это уже были научные контакты. Мы были в Академии наук и там имели какие-то кратковременные беседы. Это была какая-то конференция. Это было восстановление научных связей. С 1987 года можно было общаться, хотя настороженность ещё чувствовалась. Во всяком случае, с китайской стороны. С советской тут настороженность уже была не нужна, власти на этом не настаивали. В 1989 году мы провели там почти целый учебный год. Ну вот, они ограничили нас тем, что мы учили только язык. В принципе, можно было познакомиться с какими-то китайскими коллегами. И в университет мы ездили, но контактов каких-то не получалось. Думаю, что, поскольку этот конфликт всё-таки не был до конца изжит, то и китайские учёные опасались с нами контактировать, проявлять инициативу. Хотя никаких враждебных проявлений не было, полной открытости тоже не было. А потом я попал в Китай уже в 2002 году, в 2006 году был два раза, в 2007 году. Ездил либо по обмену, либо на конференцию, либо в составе делегации. После 2000 года по отношению к нам какая-то осторожность ещё была. А в последние контакты, в 2006 году, никакого «противостояния», ни скрытого, ни явного, уже не было. Наоборот, китайские коллеги активно использовали общение с нами. Это была российско-китайская конференция в Год России в Китае. Поскольку я занимаюсь средневековой историей, никаких проблем с изложением взглядов у нас не было. То же самое было с Мясниковым, который изучает историю русско-китайских отношений. Я помню, возник спор, почему мы называем Дунбэй Маньчжурией. Мы им долго объясняли, что россияне не понимают (слова) Дунбэй. Что в русском языке это всегда называлось Маньчжурией. А они, одна женщина, не помню, как её зовут, всё спрашивала: как же так, почему Маньчжурия, когда это Дунбэй и маньчжуров там мало? Короче говоря, Дунбэй – неотъемлемая часть Китая. Почему вы в своих работах не пи-

жете Дунбэй, если это более правильно? Она выступила с возражениями. Мы не собирались спорить. Но долго объясняли, что ничего под этим не подразумеваем. Не пишем потому, что русские читатели нас просто не поймут. Не поймут, что такое Дунбэй. Этот эпизод свидетельствует, что национальный вопрос остаётся достаточно острым.

ВГ: Вы много раз были в Китае. Какое воспоминание для вас самое приятное?

АБ: Пекин – самое первое впечатление от Гугуна, Тяньаньмэнь. Кстати, во время последних визитов у меня осталось неприятное впечатление от того, что они снесли Цяньмэнь. Всю Цяньмэнь вай. Такая была улица традиционная, двух-, трёхэтажные домики с лавками и аптеками. Такой традиционный Китай в самом центре города – всё снесли и поставят, наверно, эти безликие многоэтажные коробки по западному образу и подобию. Это обидно. По-моему, это было ужасно глупо со стороны пекинских властей снести такую улицу, которая привлекала бы иностранных туристов, и её можно было бы использовать.

ВГ: Какое самое негативное впечатление осталось от Китая за все годы?

АБ: В 1987, 1989 годах были ограничения, конечно. Сказали, что нас пустят только в библиотеку для иностранцев. Там был определенный набор книг, определённые ограничения. Какие-то книги не давали. Каких-то крупных претензий нет. Открытой враждебности не было. Наоборот, когда нас предупреждали о возможной опасности, этого в итоге не чувствовалось.

ВГ: Существует точка зрения, что самые лучшие знатоки истории – это сами китайцы. И отсюда возникает несколько покровительственное отношение к зарубежным синологам. Вам не приходилось ощущать такое отношение?

АБ: Открыто – нет, не ощущалось. Другое дело, что они думают. Наоборот, приветствовался наш интерес к Китаю.

ВГ: Вы хорошо представляете, что пишут китайские учёные об изучаемых вами темах и проблемах. Как вы думаете, в чём достоинства и в чём слабости китайских учёных?

АБ: Это трудный вопрос. Достоинства в том, что они более широко знают фактическую базу. А слабость, по-моему, всё-таки в следовании этой марксистской схеме, в очень «буквоедском» её понимании. Можно говорить действительно о китайском феодализме. Но если у них «социализм с китайской спецификой», то надо говорить и про «феодализм с китайской спецификой», выделять те черты, которые сходны с феодальным развитием России или Европы. С другой стороны, нужно говорить о тех вещах, которые отличаются. И ничего в этом зазорного нет. Как раз, наоборот, если есть какая-то своя цивилизация, должна быть и своя «феодальность». По поводу периодизации они сами с собой спорят. Там самые разные точки зрения по этому поводу.

ВГ: Есть ещё своя многотысячелетняя китайская традиция изучения истории.

АБ: Я не вижу тут какого-то противопоставления или порока. Сейчас они под марксистскую доктрину это подстроили. Есть в этом некоторая схоластичность.

А так, при изучении фактологии они имеют больше источников и возможность глубже это видеть.

ВГ: Но ведь излишний пиетет к традиции мешает оспаривать мнение предшественников?

АБ: Я с этим не сталкивался. Конечно, у них есть и свои схемы. Но они все же спорят сами с собой. Ведь у них нет одной-единственной точки зрения, когда все как по команде. Это вполне нормально. В этом смысле дискуссия вокруг феодализма даже помогала. Пускай и в «марксистской» обертке, но можно было высказать свою точку зрения о периодизации китайской истории. Китайские историки правильно делали, используя периодизацию марксизма, чтобы лучше понять периодизацию своей истории.

ВГ: Вот ещё один, уж точно актуальный для любого китаевода вопрос. Как вы относитесь к китайской кухне?

АБ: Самое положительное отношение. Для меня китайская кухня – это все виды её кухни. Острую кухню тоже люблю. В Китае я всегда ел китайскую еду. На завтрак пил чай и ел бутерброды. А на обед и ужин предпочитал китайскую еду.

ВГ: Отношения между нашими странами активизировались в последние годы. Достаточно вспомнить Год России в Китае и Год Китая в России⁴. Ваше личное участие в этих связях тоже активизировалось?

АБ: Да, я участвовал в конференциях. Одна была в Пекине. Другая была в Гуанчжоуском университете. Мы были там вдвоём с *Ипатовой Аудой Семёновной*.

ВГ: В прошлом году и к нам приезжали коллеги из КНР, которые занимаются написанием официальной истории династии Цин. Какое впечатление произвел на вас этот проект?

АБ: Это грандиозно. Это полезно. Но мы не имеем таких возможностей, той квалификации и той литературы, которая есть в Китае. Это нормально, что они пишут официальную историю. Так что пусть делают! Главное, чтобы они нам её тоже прислали и мы могли пользоваться её результатами.

ВГ: Какой научной темой вы занимаетесь в настоящее время?

АБ: Всё время сейчас забирает проект академика *С.Л. Тихвинского* по десяти-томной «Истории Китая».

ВГ: Как вы оцениваете этот российский проект 10-томной истории Китая?

АБ: Это масштабный проект. У нас такого ещё не было. Все общие истории Китая занимали только один том. Даже двухтомника я не помню. Так что этот проект достаточно капитален и даёт возможность достаточно подробно изложить эту историю. Пока ещё есть специалисты старой школы, нужно использовать их опыт. Этот проект задумывается как подведение итогов. А наработано уже достаточно много по всем периодам китайской истории. Я думаю, это вполне обоснованный

⁴ На фоне непрерывного развития китайско-российских партнёрских отношений стратегического взаимодействия 2006 год был объявлен Годом России в Китае, а 2007 г. – Годом Китая в России.

и оправданный проект. С другой стороны, наше поколение уже близко к тому, чтобы отдать эстафету молодому поколению. И надо использовать то, что есть.

ВГ: Как происходит разделение труда между участниками проекта?

АБ: Работа делится на древнюю историю, средневековую. Больше внимание уделяется, естественно, новой и новейшей истории. Распределено это по разным центрам российского китаеведения. Тут задействованы и Новосибирск, и Петербург, и Москва, и Владивосток. Древнюю историю взял под свое крыло академик Деревянко. Он занимается археологией Дальнего Востока. У него там вся ранняя история. Кого он привлекает из местных, я не знаю. Раннее средневековье пишет Петербург. Новейшую историю пишет в основном Институт Дальнего Востока. Мы пишем 5-й и 6-й тома. Пятый том – это Юань и Мин. Шестой том – это Цин. Мы работаем совместно, работа наших институтов тут пересекается. Вообще, эта работа задумана так, чтобы подвести итоги того, что сделано. Дописываются только те вещи, которые связывают материал. Это не написание. Это сведение воедино всего того, что было издано. Того, чего нет, естественно, приходится дополнять. В каждом томе есть ответственный за этот том. Я – ответственный за пятый том. Олег Ефимович Непомнин отвечает за шестой том. За 7-й том отвечает *Н.Л. Мамаева* (из ИДВ). Для написания пятого тома мы подбираем всех, кто занимался этим периодом. Допустим, юаньский период у нас пишет *А.Ш. Кадырбаев, Сергей Дмитриев, Л.А. Боровкова* и другие коллеги. А минский период – целая группа авторов. Я беру материал из тех книг, которые уже написаны. Это «Аграрная политика» *Н.П. Свистуновой*, история города и ремесла – это работы покойной *Э.П. Стужинной*. Берутся не только живущие авторы, но и те, кто, к сожалению, уже в мире ином. Принцип деления материала не династийный, а по периодам, хотя от династий тоже никуда не денешься. Например, пятый том – это Юань и Мин. А шестой – это Цин. Разбивка текста на разделы зависит от того, кто курирует данный том. У меня было полное право организовывать текст тома. Какой-то единой схемы на все 10-томное издание нет. С.Л. Тихвинский нас тут не очень ограничивает. Скажем, по Мин. Первое – приход к власти династии Мин. Затем становление политической власти, организация государственного аппарата, борьба за престол и так далее. Потом характеристика всех императоров и политическая история. Затем идёт экономическая история, аграрные отношения. Город и ремесло. Следующей будет внешняя политика. Приход европейцев. Русско-китайские отношения. Потом культура, литература, театр. Там должны быть материалы и по языку, но у нас нет специалистов, которые занимались бы древним китайским языком по периодам. Допустим танским китайским языком, минским. Нет таких специалистов, хотя есть специалисты по *вэньяню* вообще. То есть должен быть всеобъемлющий материал по каждому периоду. Объём на каждый том примерно по 50 авторских листов и ещё по 5 листов иллюстраций, которые тоже подбирают авторы. С.Л. Тихвинский настаивает, чтобы их было много, чтобы были подписи под ними. Должны быть индексы, справочный аппарат и предисловие, которое характеризует содержание тома. Срок проекта –

3 года. К концу этого года должен быть подготовлен первоначальный текст. Это будет, в общем, событие для отечественного китаеведения. Подведение итогов.

ВГ: Вы уже давно возглавляете Отдел Китая ИВ РАН. Что можно рассказать про отдел?

АБ: Первоначально, после образования института, начальником был *Рудольф Всеволодович Вяткин*. Очень известный китаевед, который переводил, вместе с Таскиным, «Исторические записки» *Сыма Цяня*. Он занимался этим до своей смерти. Потом долгие годы отдел возглавлял Лев Петрович Делюсин. Он – человек квалифицированный, широких и неортодоксальных взглядов. Поэтому работать с ним было легко. Отделу с ним повезло. Потом я принял эту эстафету. Но в Институте Дальнего Востока было больше возможностей. Даже библиотеку туда перевели. Там больше оклад. У нас же в Институте востоковедения изучаются все страны Востока. Поэтому пополнять штат молодыми китаистами нам сравнительно трудно. Особенность отдела в том, что в нём работают квалифицированные специалисты, которые занимаются действительно наукой. И у которых, в отличие от ИДВ, нет политической составляющей, которая и задавалась при организации института (ИДВ) как основная. Они всё-таки молодцы, потому что сумели потом усилить научную сторону, а политическую составляющую отодвинуть. Но это не значит, что при каком-то обострении политической ситуации эта составляющая опять не возникнет. Конфликтные отношения с китайским руководством на нас мало влияли. Нас не дергали и позволяли заниматься тем, чем мы и занимаемся – в основном историей. Здесь легче заниматься чисто научными проблемами. Тематика самая широкая. Быть может, это даже и недостаток – какого-то общего плана, общей линии, к сожалению, тут нет. Это так сложилось. Специалисты меняют темы, но в рамках определённой области, которой они занимаются уже давно. В этом есть определённый резон. Китайские источники всё-таки представляют определённые трудности для иностранца. Когда занимаешься определённой тематикой, тоходишь в круг этих источников, которых много. Так что этого хватает. А смена темы чревата сменой круга изучаемых источников. Особенно это рельефно выступает, когда занимаешься древней и средневековой историей. Новая и новейшая связана всё же с текстами современными.

ВГ: В каком состоянии находится сегодня изучение российскими китаеведами средневековой истории Китая?

АБ: Есть специалисты, в частности, в Петербурге. Их школа была меньше связана с политическими процессами в Москве, отделена территориально и академически более развита истари. Хотя там сейчас тоже есть проблема с возрастом специалистов. Там тоже появлялись талантливые молодые люди, но политическая система их затягивает. Например, там был очень талантливый медиевист *С.Н. Гончаров*, который потом стал работать советником нашего посла в Китае. Конечно, есть специалисты по средним векам и в нашем отделе. Например, ваш

покорный слуга (А.А. Бокщанин), *В.Ц. Головачёв* и *С.В. Дмитриев*. Хотя с молодой сменой плохо. В этом отношении молодец *С.И. Кучера*, который готовит аспирантов. Но они тоже потом уходят. В нашем отделе проблема смены поколений стоит остро, потому что молодого поколения почти нет.

ВГ: Видимо, во многом на это повлиял и распад Советского Союза?

АБ: Распад СССР не очень повлиял на наше китаеведение, но связи с китаеведами из бывших республик Советского Союза действительно усложнились. Прежде всего потому, что мы живём теперь в разных государствах. Кроме того, многие вузы сегодня активно готовят специалистов с китайским языком, чтобы страны СНГ поддерживали отношения с Китаем. Но это всё на уровне прикладном, а не научном. В российском китаеведении в 1990-е годы тоже китаеведы многие ушли из жизни, потому что старые были, многие учёные просто ушли из профессии. Сегодня все китайские отделения, например в ИСАА, переживают бум. Но далеко не все идут на изучение истории. Тем не менее я там веду семинар, и целый ряд студентов занимается средневековой и древней историей, пишут дипломы. В своё время С.Н. Гончаров был аспирантом, которому я оппонировал на защите. Но все они в конце концов уходят на практическую работу. К сожалению, наука плохо пополняется (китаеведами).

ВГ: Как финансируется ваша научная деятельность?

АБ: Получаем жалованье через Академию наук. Кроме того, есть гранты. У нас есть фонд Всеобщей истории РГНФ, который даёт деньги под конкретные темы как дополнительное финансирование, помимо зарплаты. 10-томная «История Китая» финансируется тоже через Академию наук, за счёт отдельного финансирования, рассчитанного на три года.

ВГ: Где обычно издаются ваши публикации?

АБ: Свои статьи мы обычно публикуем в журналах «Восток» и «Проблемы Дальнего Востока», а также в сборниках и отдельными изданиями. Сборники и монографии, как правило, выходят в издательстве «Восточная литература» при Академии наук.

ВГ: Ваши самые большие достижения и сожаления за 50 лет научной работы?

АБ: Явных достижений и разочарований нет. Разочарование в том, что были всякие кампании, когда всех переводили работать на полемику с Китаем. Что касается достижений, я всё-таки выпустил три книги и участвовал в нескольких солидных коллективных трудах. Думаю, и авторитет какой-то есть. Удача ещё в том, что я занимаюсь определённым периодом и кругом вопросов политической истории и что мне давали этим заниматься. Если брать любимую тему, то мне нравится заниматься начальным периодом минской истории, до кризиса. Чжу Юань-чжаном, Чжэн Хэ, Чжу Ди, политической организацией. У меня узкая специализация, но я не считаю это недостатком, так как это позволяет пройти вглубь проблемы. Но каких-то сенсационных открытий у меня не было.

ВГ: Если сравнить западное и российское китаеведение, чем они отличаются?

АБ: Российское досоветское китаеведение, как и западное, отличалось не столько изучением истории, сколько углубленным изучением источников. То, что мы называем базой. Затем, когда оно стало советским, оно стало социализироваться и политизироваться. 1920-е годы – это уже попытки широких обобщений с заданных позиций. Насколько Китай революционен, какая в Китае будет революция, какие пути и методы выбирать. А в 1950-е годы, когда я уже вступил в этот круг, там такого нажима, требующего подлаживаться, уже не было и можно было спокойно выбирать те темы, которые самому кажутся интересными. Не могу сказать, что западное китаеведение отличается какой-то узкой специализацией. Там тоже есть изучение источников и есть разные темы – узкие и широкие.

ВГ: Какие направления и темы наиболее популярны и востребованы сегодня?

АБ: Я не вижу в этом какой-то системы. Может, это и хорошо, так как тематика исследований не задается сверху. Когда-то считалось, что надо заниматься новейшей историей, а остальное не актуально. Хотя актуальность тоже можно понимать в широком и узком смысле... Достижение адекватного имиджа Китая в России и России в Китае, по-моему, это вообще задача всех китаеведов. И на волне дружбы, и на волне противостояния было вовлечено очень много людей, которые вообще не имеют представления о Китае или их представления далеки от истины, от научного подхода. Поэтому задача молодых китаеведов – нести как можно более адекватные, объективные и непредвзятые знания о Китае в широкие слои русского народа. Думаю, то же самое актуально и в Китае. Уважение нашего народа к Китаю, хоть оно иногда и вытравливалось, оно было и есть. В прошлом, во времена конфликтов, обе стороны высказывали крайние точки зрения. И здесь, может я и не объективен, мне кажется, что в негативном плане китайцы нас тогда превзошли. Мы тоже их критиковали, но уж какие-то явные глупости не допускали и не писали.

В 1950-е годы государство популяризировало Китай как друга и союзника по конфронтации с западным миром. А в 1990-е годы, хотя отношения налаживались, насущности и необходимости такой не было. Угрозы войны нет, противостояние с Западом сошло с повестки дня в том виде и масштабе, как это было раньше. Поэтому само блокирование с кем-либо было уже не нужно. С другой стороны, Китай тоже окреп и был уже не младшим партнером СССР, а нормальной иностранной и великой державой.

ВГ: Как изменился Китай за последние 10 лет?

АБ: Быстро и в лучшую сторону. Я же был там в 1960-е годы и помню то давление на народ, которое там было. А сейчас от этого осталась только оболочка. Там живут нормальные люди. Шире стал их взгляд на мир. Даже если это движение к Западу, это движение равного государства, признанной в мире великой державы. Это национальная гордость, пока без фанаберии.

ВГ: Сегодняшняя Россия – это старший или младший брат Китая?

АБ: Думаю, что отношения вообще не братские. Нормальные, которые и должны быть между двумя державами. Другое дело, больше симпатии или меньше

симпатии. Я думаю, след от прошлого сближения ещё заметен. Не знаю, как следующее поколение. Может, это будет забыто абсолютно. На китайца смотрели как на младшего брата, но всё же как на брата. Это было не только давление со стороны СССР. Это популяризировалось в самом Китае. Поэтому пережиток этих союзнических чувств остается. В массе российского населения против Китая сегодня предубеждений нет. Преобладает представление, что опасности от Китая не исходит. Тогда как в отношении Запада предубеждения культивируются со стороны прессы, радио и т.д. Например, Америка всё время критикуется. А другие страны подаются как сателлиты Америки. Но Китай к этому совершенно не причастен. Это самостоятельная сила. Конечно, у отдельных людей есть настроения, что Китай становится всё более мощным и от него может исходить опасность. Тут, может, китаеведам и официальному аппарату и стоит больше работать.

ВГ: Может ли стратегическое партнёрство России и Китая превратиться в стратегическое соперничество?

АБ: Как говорят, на свете нет ничего невозможного. Но я считаю, что в ближайшем обозримом будущем это маловероятно. Каких-то объективных предпосылок для этого нет. Если брать выход Китая на одно из первых мест в мире, то тут Россия будет немного отставать, а соперничество пойдёт между Китаем и США или европейским центром. Здесь Китаю нужна будет какая-то третья сила. И здесь возвращение к более близким отношениям с Россией возможно.

ВГ: Можно ли сказать, что XXI век станет веком Китая?

АБ: У Китая много внутренних проблем: ограниченность природных ресурсов, рост численности населения. Будет очень непросто поднять уровень жизни каждого человека.

ВГ: Конференция «Общество и государство в Китае». Вы, наверно, участвовали во всех 39 ежегодных конференциях?⁵

АБ: Да, наверно. Это была идея, которую выдвинул Лев Петрович Делюсин. Задумывалась как конференция отдела. Потом стали принимать других участников, издавать сборники докладов. Сейчас этот сборник включён в список официальных публикаций ВАК⁶. К сожалению, сегодня денег у нас на организацию и приглашение гостей практически нет. Мы приветствуем участие, но пригласить кого-то и заплатить за проезд мы не можем⁷.

⁵ В апреле 2018 г. прошла 48-я конференция.

⁶ С 2009 г. сборники материалов конференции публикуются в формате продолжающегося издания «Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН» (УЗОК), первый выпуск которых включил в себя статьи, представленные на 39-ю конференцию «Общество и государство в Китае». К 2016 г. издан 21 выпуск УЗОК, которые включены в информационную систему РИНЦ, но не в официальный список ВАК.

⁷ В 2013–2017 гг. конференция поддерживалась грантами РГНФ. Её особенность – широта тем и участие профессиональных китаистов и востоковедов. Подробнее см.: Общество и государство в Китае. Указатели (1–20 научные конференции) / Сост. А.Д. Дикарев. М., 1989; Общество и государство в Китае. Указатели (I–XL научные конференции) / Сост.

ВГ: Какие книги последних лет привлекли ваше внимание.

АБ: Книг выходит много и по современному Китаю, которые издаются в ИДВ, и по истории. Издаваемая сейчас многотомная энциклопедия «Духовная культура Китая» – тоже очень хороший и полезный проект. Кстати, этим проектом руководит сотрудник нашего отдела *А.И. Кобзев*⁸. Духовной культуре у нас обычно уделялось меньше внимания, чем экономическим и политическим вопросам. Русское китаеведение начиналось с духовных исследований Пекинской духовной миссии. И сейчас изучение культуры становится наконец новой тенденцией. Интерес к этому есть, это факт.

Интерес к Китаю растет. Но это во многом интерес практический. В науке и культуре нужно заботиться о том, чтобы была новая смена. Прав А.И. Кобзев в том, что нужно обобщить и сберечь достижения и школу передать. Чтобы передать эстафету, нужны молодые аспиранты и специалисты. Люди не случайные, а настоящие профессионалы. Нужно, чтобы у них было больше возможностей ездить в Китай и работать там, не оставаясь там, даже если будут больше платить. И не уходить в бизнес.

ВГ: Какие качества нужны для того, чтобы стать хорошим китаеведом?

АБ: Не думаю, что нужны сверхчеловеческие качества. Нужна усидчивость, потому что этого требует китайский язык. Нужно пристальное и глубокое изучение Китая. Сегодня студенты стремятся знать Китай. Они идут учиться уже с определённым интересом. Их же посылают сегодня туда на обязательную стажировку, иногда даже по два раза. То, чего не было у нас. Поэтому, я думаю, у них есть хорошие возможности и есть искреннее положительное отношение к Китаю.

ВГ: С чем у вас в первую очередь ассоциируется Китай? Что есть для вас Китай?

АБ: Больше всего Китай у меня ассоциируется с Пекином. Гугун, Цзиньшань, Тяньаньмэнь.

ВГ: Кто из китайцев, на ваш взгляд, олицетворяет Китай?

АБ: Я об этом не думал. Для меня это минские императоры. Тот же Чжу Юаньчжан и Чжу Ди, который организовал экспедицию Чжэн Хэ.

ВГ: Какие у вас планы на будущее после окончания 10-томника?

АБ: Пока нет конкретных планов.

ВГ: Большое спасибо вам за интервью!

АБ: Спасибо за внимание!

А.Д. Дикарев. М., 2011; *Дикарев А.Д., Кобзев А.И.* Более чем 40-летняя традиция изучения китайских традиций в России // 44-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». Т. XLIV, ч. 1 (Уч. зап. Отдела Китая. Вып. 14). М., 2014. С. 7–17; *Дмитриев С.В., Кобзев А.И.* Главный форум отечественной синологии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014, № 3 (76). С. 259–265.

⁸ Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1–6. М., 2006–2010.

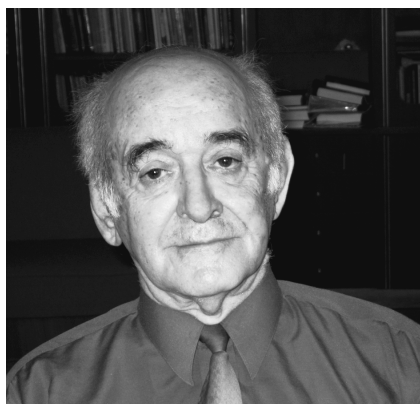
ГАРУШЯНЦ ЮРИЙ МИСАКОВИЧ

INTERVIEW WITH YURY M. GARUSHYANZ

Проект «Китаеведение – устная история»

China Studies – the Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Гарушянц Юрий Мисакович (ЮГ)
Китаевед, к.и.н., старший научный
сотрудник ИВ РАН

Место интервью: г. Москва

Дата: 5 декабря 2009 г.

Вёл интервью: В.Ц. Головачёв
(ВГ), ИВ РАН

Примечания: В.Ц. Головачёв,
А.И. Кобзев

Продолжительность: 4 часа

Yury M. Garushyanz

Sinologist, PhD (History)
former Senior Research Fellow,
Institute of the Oriental Studies, Russian
Academy of Science (IOS RAS)

Place: Moscow

Date: December 5, 2009

Hosted by: Valentin Ts. Golovachev, PHD,
history, IOS RAS

Footnotes: Valentin Ts. Golovachev,
Artyom I. Kobzev

Duration: 4 hours

Гарушянц Юрий Мисакович (24.06.1930–18.01.2012). Родился в Баку. В 1953 г. окончил МИВ. Кандидат исторических наук (10.07.1969). Старший научный сотрудник (1978). Преподаватель МОПИ (1962–1966). Зав. Отделом журнала «На-

роды Азии и Африки» (1962–1969). Зам. главред. журнала «Рабочий класс и современный мир» (1971–1973). Научный сотрудник Института философии (1957), Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (1961–1962 и с 1978), ИМРД (1969–1973), ИМЭМО (1973–1978) АН СССР. Автор более 120 работ. Награждён орденом «Знак Почета» и медалью СССР.

Темы исследований: «Движение 4 мая 1919 года» в Китае; Коминтерн, коммунистическое и революционное движение в Китае; Движение за реформы в Китае. Три народных принципа Сунь Ят-сена (см.: *Милибанд С.Д.* Востоковеды России. Библиографический словарь. – М., 2008. Т.1. С. 301; *Кобзев А.И., Чудодеев Ю.В.* Юрий Мисакович Гарушянц // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLII, ч. 2 (УЗОК. Вып. 6). М., 2012. С. 17–18; то же // Восток. 2012. № 3. С. 215–216).

ВГ: Представьтесь, пожалуйста, как это делают все участники нашего проекта.

ЮГ: Меня зовут Гарушянц Юрий Мисакович. Родился в городе Баку в июне 1930 года. Я китаевед, историк. Живу в городе Москве.

ВГ: Юрий Мисакович, очень приятно, что нам удалось встретиться для работы в рамках этого Проекта. Большая часть вашей жизни связана с Китаем, с его изучением. Но в юности, живя в Баку, вы, наверно, даже не представляли, что станете китаеведом? Когда вы впервые узнали о том, что существует Китай? Почему и как эта страна вызвала ваш личный интерес?

ЮГ: О Китае я узнал из первого издания учебника «История древнего мира», выпущенного под редакцией профессора *Мишулина*. Там был напечатан иероглиф «солнце» 日 (*жи*). Я ходил по всему Баку, по разным профессорам, и пытался спросить у них, что это значит. Но никто не мог мне объяснить, что значит этот иероглиф. Отец мой бы партийным пропагандистом. У него дома всегда были книги о революции. Я очень рано стал читать, в пять с половиной лет. И уже тогда, в юности, прочел книжку. Не помню, как она называлась, это книжка *Чэнь Юня* и какого-то еще автора о Великом походе Китайской красной армии¹. Я всю

¹ *Чэнь Юнь* (1905–1995). Партийный и государственный деятель, участник «Великого похода» китайской Красной армии, прошедшей в 1934–1936 с боями более 25 тыс. км с юга на север Китая, из Центрального советского района (пров. Цзянси) на северо-запад (пров. Шэньси-Ганьсу). В 1935 г. прибыл на учёбу в СССР, где в 1936 г. опубликовал свои заметки о «Великом походе». Видимо, Ю. М. Гарушянц имел в виду книгу *Западный поход Китайской красной армии*. М.: Госполитиздат, 1938. Как сообщает Предисловие: «Настоящая книга представляет собою перевод с китайского брошюр Лян Чэна и Ян Дин-хуа, посвященных двум разным этапам исторического перехода Красной армии. Первая излагает переход главных сил Китайской красной армии из провинции Цзянси в Сычуань, до момента соединения их с сычуаньской группой Сюй Сян-цяня. Вторая описывает первоначальный этап легендарного перехода отряда Мао Цзе-дуна в Шэньси – переход через горы Цзиньминьшань». Судя по Предисловию, имена и даже «легенды» социального происхождения и судеб авторов были изменены из соображений секретности. Текст книги см. на сайте «Военная литература»: http://militera.lib.ru/memo/other/lyan_chen/index.html

эту книгу знал наизусть, хотя ничего в ней не понимал! Не понимал, что (и где) там происходит. Потому что (в книге упоминались) одни незнакомые названия местности, которые на картах не найдешь. Тогда и карт подходящих не было. Так состоялось мое первое знакомство с Китаем. Это был 1936 или 1937 год. Тогда же, читая газеты, я просто помечал отдельные заметки, связанные с китайско-японской войной. И у меня потом собралась целая кипа газет.

ВГ: Значит, уже тогда, в юные годы в Баку, вы начали заниматься сбором информации и материалов о Китае? То есть, собирали свой архив.

ЮГ: Да.

ВГ: Выходит, ваш отец косвенно повлиял на ваш интерес к Китаю?

ЮГ: Да. Эта книжка оказалась случайно в его библиотеке. *Лев Петрович Делюсин* даже обещал подарить мне именно эту книгу. Такая это была старенькая книжка...

ВГ: Наверно, эта книжка и события антияпонской войны создавали у вас какой-то романтический образ военного, борющегося Китая?

ЮГ: У меня это был образ революционный, потому что еще от отца шёл интерес к коммунизму, к революции. И у меня был образ революционного Китая.

ВГ: Можно ли сказать, что именно этот изначальный интерес побуждал задумываться о судьбах Китая и в какой-то момент привел вас к решению стать китаеведом. Или же, подобно некоторым другим советским коллегам, вы пришли в китаеведение случайно, по стечению неожиданных обстоятельств?

ЮГ: Я стал китаеведом не случайно. Но, скажу честно, сначала я хотел поступить на философский факультет. Но когда я пришёл на философский факультет, заведующий кафедрой попросил меня дать, с ленинской точки зрения, критику народничества. Я был тогда ещё совсем ребенком и сказал, что это террористы. Тогда он прервал меня и отправил (восвояси). Я и ушёл. Там, около МГУ, висела какая-то доска с объявлениями *Института востоковедения*². Я почему-то посмотрел на неё и пошёл туда. Сразу нашёл, поговорил с директором института, которым был *Тарковский*, дядя режиссёра *Андрея Тарковского*. Он сказал: «Нет, вам нельзя. У армян не получается...»³

² Имеется в виду Московский институт востоковедения (МИВ), возникший в результате преобразования Лазаревского института восточных языков и действовавший в 1920–1954 гг.

³ Кинорежиссер Андрей Арсеньевич (1932–1986), сын известного поэта и переводчика с восточных языков Тарковского Арсения Александровича (1907–1989), в 1951–1952 гг. учился на арабском отделении ближневосточного факультета МИВа, когда в этом институте учился и Ю.М. Гарушянц, окончивший его в 1953 г. Дядя Андрея и старший брат Арсения Валерий погиб в 1919 г. Загадочное антиармянское суждение, произнесённое в бывшем Армянском училище/институте, основанном в 1815 г. семьёй Лазарян, принадлежало выходцу из Министерства внешней торговли, возглавлявшему МИВ в 1948–1952 гг., Д.И. Тарковскому (*Шаститко П.М.* Век ушёл. Сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009, с. 47). Он явно не был дядей выдающегося кинорежиссера, но, возможно, приходился ему не только однофамильцем, что объясняет одну из тайн его биографии: «Неизвестно, почему Андрей поступил именно на

ВГ: Он имел в виду произношение звуков китайского языка?

ЮГ: Имел в виду, что с языком не получается. Я как разозлился, изнутри такое поднялось у меня (возмущение), но молчу. Он же говорит: «Вы из Азербайджана. Азербайджанский язык, наверно, знаете. Идите на турецкое отделение!» Я говорю: «Спасибо! Тогда разрешите, я дам папе телеграмму, что меня не приняли на китайский язык, потому что я армянин!» Он сказал: «Не делайте этой глупости!» Потом поднял кулак – мощный у него кулак был: «Ну, я вас задавлю, если вы будете плохо учиться!» Вот, так и началась моя учёба.

ВГ: Вас принимали по собеседованию или всё же пришлось сдавать экзамены?

ЮГ: Сдавал экзамены: историю, литературу, какие-то ещё экзамены...

ВГ: Были ли у вас однокурсники, которые потом тоже стали известными китаеоведами?

ЮГ: В группе у нас училось человек десять-пятнадцать. Это был большой курс, женщин туда не принимали. Но известных китаеведов среди них потом не было.

ВГ: Если ваши одноклассники не стали китаеоведами, то можно ли рассказать подробнее о ваших учителях? Наверняка среди них были очень известные и интересные люди.

ЮГ: Первым моим учителем был известный профессор *Войтинский Григорий Наумович*. Первая его лекция была посвящена *Ли Да-чжао*. Он меня страшно увлёк, и на этой почве мы сблизились очень рано. Уже на первом курсе я ходил у него в любимых учениках, потому что другие к этому большого интереса не проявляли. Тихо-тихо он заставил меня перевести с китайского на русский язык две статьи Ли Да-чжао – опубликованную в 1918 году статью «Победа масс» и «Победа большевизма»⁴. И сказал: «Ценной эта работа будет в том случае, если будут указаны источники – откуда он (автор) брал (материал)». Мне все удалось, кроме того, что

арабское отделение Института востоковедения... В беседе в Берлине в 1973 году он так рассказывал историку кино Герману Херлингхаузу: «Полтора года там проучился и ушёл – в ужасе от той профессии. Я понял, что не буду заниматься этим никогда в жизни. Дело в том, что занятие арабским языком было настолько мучительным, лишённым какого бы то ни было *чувства* для меня»» (*Болдырев Н.Ф.* Жертвоприношение Андрея Тарковского. М., 2004. С. 108: http://nik-boldyrev.ucoz.ru/_ld/0/51_Ghertvoprinoshe.pdf). Искажённая в воспоминании Ю.М. Гарушянца и, насколько нам известно, нигде не проясненная связь Андрея Тарковского с директором МИВа Д.И. Тарковским неожиданным образом проливает свет на его поступление в идеологический вуз, хотя до этого в школе (в 15 лет) он не был принят в комсомол и интересовался совсем другими предметами: театром, поэзией, музыкой, живописью. Видимо, не вполне случайно в бывшем Армянском институте оказался и армянин Ю.М. Гарушянц. О способностях же армян к китайскому языку можно судить, например, по работе Л.Х. Тер-Мкртичян «Армяне в Китае (с древнейших времен по новое время)» (XI НК ОГК. Ч. 2. М., 1980. С. 132–140). В ней, в частности, упомянут один из первых переводчиков, опубликовавших Библию на китайском языке, – Ованнес Газарян (Ованес Казарян, Джон/Джоаннес Лассар/Лоссар, 1778/1779 – ок. 1822), в 1815–1822 в Серампуре (Бенгалия) опередивший пионерское издание Р. Моррисона (1782–1834) «Шэнь-тянь шэн-шу» 神天聖書 («Святая книга Божественного Неба». Малакка, 1823).

⁴ Эти статьи под названиями «Победа народа» и «Победа большевизма» в переводе Ю.М. Гарушянца опубликованы в составленных им «Избранных статьях и речах» Ли Да-

я не мог установить источник. А Ли Да-чжао списывал это у японского марксиста *Каваками Хадзиме*. Это было моё первое знакомство с изучением Китая – 1948 год.

ВГ: Для всех более молодых китаеведов Г. Н. Войтинский – уже не современник, а просто историческая фигура, персонаж прошлого. Поэтому было бы интересно узнать, какое впечатление он производил на вас как личность, как живой человек?

ЮГ: Это был очень живой, очень активный человек, который может прийти на помощь всегда, даже в мелочах. Даже материально. Это и есть то личное впечатление, которое он на меня произвёл...

ВГ: Тогда ещё один личный вопрос. Как вы сами оцениваете ту роль, которую сыграл Г.Н. Войтинский в советско-китайских отношениях 1920-х годов?

ЮГ: Ну, если говорить в целом, а не по отдельности, то все тогда сыграли отрицательную роль! Потому что все мыслили «ленинскими категориями» – «левые», «правые» – и он, Войтинский, в том числе. Но чем он выделялся? Все-таки, он был обижен властью, и эта обида в нем сказывалась. Я вспоминаю, как приехали к нам в Москву *Го Мо-жо* и *Сун Цин-лин* из Варшавы, где проходил съезд сторонников мира⁵. И они стоят на лестнице, почему-то пожимают мне руку. А Войтинский ниже стоял. Когда я уже спустился к нему, он сказал: «Да, вот, теперь Гарушняцы пойдут и другие!». С обидой он сказал! Я потом, перед его смертью, спрашиваю: «В чём дело? В чём Ваша обида?» Он сказал, что понимал, что уже забыт, что никому больше не нужен. Вот так.

ВГ: Когда умер Войтинский?

ЮГ: Он умер в 1953 году, 11 июня.

ВГ: То есть как раз в тот момент, когда вы заканчивали институт?

ЮГ: Я тогда действительно кончал институт – сегодня сдал госэкзамены, а назавтра мы его хоронили в стенах института⁶.

ВГ: А где был похоронен Войтинский?

ЮГ: Он похоронен в Лефортово, на немецком кладбище в Москве.

чжао (М., 1965) и переизданы в составленных Н.Г. Сениным «Избранных произведениях» Ли Дачжао (М., 1989. С. 154–161).

⁵ Всемирный конгресс Движения сторонников мира в Варшаве проходил в ноябре 1950 г. Тогда был создан Всемирный совет мира, членом и вице-президентом Бюро которого стали Сун Цин-лин и Го Мо-жо.

⁶ Это воспоминание подтверждает дату смерти Г.Н. Войтинского, данную очевидцем события В.И. Глуниным (соученик Ю.М. Гарушняца, также окончил МИВ в 1951 г.) в последнем (3-м, 1969–1978) издании Большой Советской энциклопедии (<http://bse.sci-lib.com/article006186.html>), что позволяет считать неверной дату – 11.04.1951, трижды воспроизведённую в специализированном справочнике С.Д. Милибанд (Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 117; Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. 1. М., 1995. С. 245; Востоковеды России: XX – начало XXI в. Кн. 1. М., 2008. С. 259). Указанные авторы по-разному датируют и его рождение: 05(17).04.1893 В.И. Глунин и 09(21).02.1893 С.Д. Милибанд.

ВГ: Кто из учителей, помимо Войтинского, также запомнился вам своим личным обаянием, эрудицией? Кто производил на вас глубокое впечатление?

ЮГ: Был такой преподаватель *Мудров Борис Григорьевич*, составитель известного Большого китайско-русского словаря. Больше всего он оказал на меня влияние в смысле китайского языка. Хотя я начал так, что с китайским у меня не получалось. Вместо того, чтобы заниматься китайским языком, я занимался поначалу историей России, которая меня увлекла. А грамматика – это было неинтересно.

ВГ: Я как раз хотел спросить, не помешала ли ваша «армянская кровь», как выразился Тарковский, вашим отношениям с китайским языком?

ЮГ: Нет, не мешала! Но когда у меня не получалось на первом курсе, я даже двойку получил в первом семестре! А все говорили: вообще, армяне не способны осваивать китайский язык. Но когда закончился первый курс, я первый сдал экзамен по китайскому языку на пять, и всё после этого хорошо пошло.

Потом, на втором курсе, выходит как-то наш зав. отделом кадров, татарин это был, и выкрикивает мою фамилию, еще фамилию Штыканова и других студентов. Кричит: «Выходите!» А он злой был, и я подумал, что что-то мы сотворили. Однако он завёл нас в кабинет, посадил. Хотя обычно он никогда не усаживал нас, и сообщил: «Вы направляетесь в качестве переводчиков на работу с первой делегацией Союза китайской молодёжи!» Это было начало 1950-х годов, где-то 1949–1950 год. И я стал с ними (китайцами) работать. Меня в первый же день приставили к группе китайских военных. Вызвали полковника в возрасте двадцати лет! И ещё девушка была полковник – в возрасте девятнадцати лет! Советский представитель говорит: «Вы пойдёте в музей Николая Островского, будете там переводить. Жена его встретит вас там, в доме-музее». Нас встретила вдова Островского, очень мило стала рассказывать. Потом говорит: «Сейчас будем слушать пластинку!» Как сказать слово «пластинка» я не знал, поэтому пришлось это как-то на пальцах показать. В общем, как-то (экскурсию) провели. Но я очень сблизился с этой группой китайских военных! Даже после того, как они уехали в Китай, мы всё время дружили и переписывались, вплоть до начала Корейской войны (1950–1953). Уже в годы «культурной революции» я встретил имя одного из них в списке охраны члена Политбюро КПК *Чэнь Силяня*. Имя другого встретил в списке охранников крупного генерала, который был военным советником во Вьетнаме, имя его уже не помню. Я написал им письма, и один из них ответил мне. А второй не ответил. Видимо, пост его не позволял этого.

ВГ: Юрий Мисакович, в этом году отмечалось 60-летие КНР и 60-летие установления советско-китайских дипломатических отношений. Как те события 1949 года отразились на вас и на настроениях вашего времени?

ЮГ: Я помню одну гениальную фразу. Причём это было сказано мне единолично. Войтинский сказал: «Не радуйтесь! Отношения могут складываться по-разному. Отношения могут быть хорошими, а могут и плохими». Он уже был

настроен, и я чувствовал это, против Мао. И даже когда я писал диплом впоследствии, он меня толкал на эти вещи.

ВГ: То есть опыт собственных ошибок в советско-китайских отношениях научил Войтинского быть осторожным в прогнозах и оценках, не поддаваться общей эйфории.

ЮГ: Да, он был очень осторожный человек. Никакой эйфории!

ВГ: Как называлась тема вашей дипломной работы?

ЮГ: Мой диплом назывался «Борьба китайских коммунистов за единый фронт в 1935–1937 годах. От совещания в Цзуньи⁷ до начала антияпонской войны».

ВГ: На основе каких источников вы писали свой диплом? По китайским источникам или по советской литературе? Наверное, в те годы было мало китайской литературы?

ЮГ: В основном по советским материалам. Почти ничего тогда не было! Вышел только в переводе на русский язык четырехтомник избранных сочинений *Мао Цзэ-дуна*⁸. Он сохранился у меня, вот он, с дарственной надписью китайского переводчика, по фамилии Чэнь⁹. Здесь опубликована первая версия китайской «Резолюции по некоторым вопросам истории партии»¹⁰. Я по ней и работал.

ВГ: Понятно! Когда вы уже окончили институт, были ли проблемы с работой? Ведь очень многие китаеведы после окончания учебы не могли найти работы по специальности и в 1950-е годы, и много позднее. Как сложилась ваша судьба после института?

ЮГ: Дело в том, что мой отец сидел, был репрессирован в 1930-х годах. В 1940 году он вернулся (из заключения). В институт меня приняли, но где-то имели в виду, что я «сын врага народа». И при распределении все сидят, ждут. Их вызывают по именам, всех вызвали, а меня нет. Так я и ушёл. Потом Войтинский сказал: «Я рекомендовал вас в аспирантуру». Так всё и устроилось.

ВГ: То есть это было довольно удачное трудоустройство после окончания института!

ЮГ: Да, очень удачное!

ВГ: И вы сразу же после окончания занялись научной работой?

ЮГ: Сразу же!

⁷ Расширенное совещание Политбюро ЦК КПК в г. Цзуньи (пров. Гуйчжоу) 7-8 января 1935 стало результатом конфликта среди руководителей Великого похода. В итоге победил Мао Цзэ-дун, а Чэнь Юнь был направлен для доклада о сложившейся обстановке в Москву, где оказался в августе 1935 г., в последний день работы VII конгресса Коминтерна.

⁸ *Мао Цзэ-дун. Избранные произведения*: в 4 т. М., 1952–1953.

⁹ Видимо, имеется в виду доцент И.И. Советов-Чень, вместе с более чем десятком других китаистов переведивший указанный 4-томник Мао Цзэдуна, а затем участвовавший в создании 4-томного Большого китайско-русского словаря (1983–1984).

¹⁰ «Резолюция/Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» – принятый на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва в июне 1981 г. документ с обобщающей оценкой исторической роли и идей Мао Цзэ-дуна.

ВГ: Как вы выбирали тему диссертации? Как сориентировались в своих широких интересах?

ЮГ: Войтинский посоветовал: «Давайте начнём с темы образования Коммунистической партии Китая». Вот с этой темы я и начал работать – «движение 4 мая» и образование компартии Китая. Потом я написал что-то про «4 мая»¹¹. А про образование КПК материалов не было. В 1950-х годах на эту тему почти ничего не публиковалось. Только в 1961 году я опубликовал на эту тему статью «Образование коммунистической партии: к сорокалетию компартии Китая»¹².

ВГ: Ранний этап вашей научной деятельности прошёл под знаком изучения «движения 4 мая» в Китае. Как потом изменялись ваши научные интересы?

ЮГ: В то время я был очень привязан к этим темам, потому что в те годы (в моем распоряжении) появился журнал «*Синь циннянь*» («Новая молодёжь»). Он и сейчас у меня есть. Тогда ведь других материалов не было. В лучшем случае, какая-нибудь старая книжка на английском языке. А Войтинский меня уже даже не учил, а наставлял. Он говорил, если вышла какая-то книжка, скажем, по «движению 4 мая», ты должен понять, почему автор написал эту книжку. Если ты этого не поймёшь, ты не поймёшь логику науки. В этом источниковедческом смысле он мне очень помог.

ВГ: Когда была защита? Какой темой вы занимались после защиты диссертации?

ЮГ: Нет, защита была через 20 лет.

ВГ: И всё же, как сложилась в дальнейшем ваша научная судьба?

ЮГ: После аспирантуры снова встал вопрос работы. Сперва я пошёл в Институт философии¹³. Нигде работы не было. Ну, я там покрутился. Там работали *Сенин, Ян Хин-шун*. Жулики настоящие. Особенно Сенин. Помню, был здесь с визитом (историк) *Ху Шэн*, так он говорит: «Ян Хин-шун – жэнь хай кэи, кэши наоцзы бу тай цинчу (человек неплохой, но мозги не очень ясные)». Эту фразу я запомнил на всю жизнь. В общем, мне там было скучно, тоскливо. И как раз в это время открылся Институт китаеведения¹⁴, куда я и пошёл.

ВГ: Но с Ян Хин-шун вы все же опубликовали одну совместную статью?

ЮГ: Это тоже был анекдот! Я уже написал статью. Ян Хин-шун посмотрел и говорит: «Здесь конца не хватает!» Приписал одну фразу, а гонорар пошёл первым получать! Но это обычное дело!

¹¹ *Гарушняц Ю.М.* Идеиная борьба среди китайской интеллигенции в конце 1918 – начале 1919 г. // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 49–61. – Пер. на кит. яз. // Шисюэ юэкань (Исторический ежемесячник). 1960. № 4. С. 26–32; *Он же.* Движение «4 мая» 1919 года в Китае. М., 1959. 48 с.; *Он же.* О движущих силах антиимпериалистической борьбы 1919 г. в Китае (к 40-летию движения «4 мая») // Проблемы востоковедения. М., 1959. № 3. С. 16–30.

¹² *Гарушняц Ю.М.* Борьба китайских марксистов за создание Коммунистической партии Китая (к 40-летию I съезда КПК) // Народы Азии и Африки. М., 1961. № 3. С. 81–96.

¹³ Имеется в виду устройство на работу в 1957 научным сотрудником в Институт философии АН СССР.

¹⁴ Институт китаеведения АН СССР был образован несколько раньше – в 1956 г.

ВГ: На какую тему была эта статья?

ЮГ: А тема статьи была интересная – история просветительской мысли в Китае. В то время вышла книга профессора Хоу Вай-лу. И я критиковал эту книжку за то, что она схематично повторяет русскую схему развития просветительской мысли. Критика тогда запрещена была. Но статья прошла в журнале «Вестник истории мировой культуры»¹⁵, главным редактором которого был А.А. Зворыкин. А в Китае взяли и опубликовали её в закрытых материалах. Потом Хоу Вай-лу сам приехал сюда (в Москву), мы встретились и поговорили¹⁶. И он говорит: «Я понял, что вы неплохой человек. Я не буду обращать внимание на это». Мы даже с внуками Хоу Вай-лу до сих пор поддерживаем отношения.

ВГ: Кроме Хоу Вай-лу, с кем из известных китайских историков вам доводилось встречаться и общаться?

ЮГ: Ху Хоу-сюань, Хэ Линь – переводчик Гегеля на китайский язык. Потом, Фэн Дин – завкафедрой диалектического материализма в Пекинском университете. Его потом в годы «культурной революции» уничтожили¹⁷.

ВГ: С тех пор, как вы пришли в Институт китаеведения, вы постоянно работали в его стенах?

ЮГ: До 1959 года я работал там, в Институте китаеведения, который потом переименовали в Институт народов Азии и Африки¹⁸. Тогда приехал Чжоу Энь-лай и говорит, у нас нет такого института по изучению Советского Союза, а зачем вам Институт китаеведения? И нас всех разогнали¹⁹. После этого я ещё два года поработал. Мне тогда дали защитить диссертацию. Точнее, я не диссертацию защищал, а дали мне «Honoris causa»²⁰, присвоили степень за «движение 4 мая». Это был 1969 год.

ВГ: Приходилось ли вам заниматься преподаванием?

ЮГ: Однажды, когда я был аспирантом, Войтинский заболел, и меня назначили вместо него принимать экзамены у студентов. С этого у меня и началась

¹⁵ См.: Гарушняц Ю.М., Ян Хин-шун. Исследование по истории общественной мысли Китая // Вестник истории мировой культуры. М., 1957, № 4. С. 179–185.

¹⁶ Видимо, это произошло во время приезда Хоу Вай-лу в Москву в ноябре-декабре 1958 г., когда он прочёл десять лекций, в том числе по истории китайской философии.

¹⁷ Неточность. Фэн Дин был репрессирован, но выжил в годы «культурной революции» (см. Список имён).

¹⁸ Ю.М. Гарушняц работал в Институте китаеведения до его закрытия в 1960 г., а в поглотившем его Институте народов Азии (с 1970 г. – Институт востоковедения) АН СССР – до 1962 г.

¹⁹ Премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай (1898–1976) приезжал в Москву на XXII съезд КПСС в октябре 1961 г., когда Институт китаеведения уже был закрыт. Как сообщил в аналогичном интервью академик С.Л. Тихвинский, инициатором этой нелепой акции стал «летом 1960 года какой-то китайский руководитель среднего ранга в беседе с советником-посланником Н.Г. Судариковым».

²⁰ Ю.М. Гарушняц в 1969 г. получил степень кандидата исторических наук не *honoris causa*, а по докладу, основанному на предыдущих работах.

какая-то (публичная) «карьера», известность какая-то. Позднее я преподавал историю Востока в Ленинском педагогическом институте и в педагогическом институте Потёмкина. В основном давал, конечно, историю Китая. Это было в 1963–1965 годах²¹.

ВГ: Вы ещё также работали много лет в Институте международного рабочего движения (МРД) и ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений).

ЮГ: Да, работал в Институте МРД. Потом меня стал припирать своим «революционализмом» директор Института международного рабочего движения. Я плюнул и ушёл²². А куда уходить? Тогда мой друг, *Евгений Максимович Примаков*, предложил перейти в ИМЭМО²³. И я ушёл туда в 1973 году заведующим сектором международного коммунистического движения. Проработал в ИМЭМО несколько лет и оттуда стал рваться обратно в Институт народов Азии и Африки. *Б. Г. Гафуров*, тогдашний директор, был упрямый человек. В своё время он меня не отпускал, долго не отпускал. Потом подписал бумагу, но предупредил: ты больше никогда не приходи. Но тогда я обратился к вице-президенту АН СССР, поскольку я был главным редактором журнала «Рабочий класс и современный мир»²⁴. И я его стал просить, говорил, что это не моя специальность. И ушёл. Ушёл обратно в китаеведение. Это был 1978 год, после которого я постоянно работал в Институте востоковедения (ИВ АН СССР)²⁵.

ВГ: Как сообщает библиографический словарь «Востоковеды России» *Софьи Давидовны Милибанд*, в советское время вы были награждены орденом и медалью СССР²⁶. Можно поинтересоваться, что это были за награды? Когда и как вас наградили?

ЮГ: Мне вручили советский орден «Знак Почёта». Вручили 20 июля 1971 года.

²¹ В аспирантуре Ю.М. Гарушняц не мог подменять уже почившего Г.Н. Войтинского. Видимо, этот эпизод произошел раньше, в его студенческие годы. Московский городской педагогический институт имени В.П. Потёмкина прекратил своё существование в 1960 г., а Ю.М. Гарушняц преподавал в Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской в 1962–1966 гг.

²² Ю.М. Гарушняц работал в ИМРД АН СССР в 1969–1973 гг., когда там директором был чл.-корр. АН СССР Т.Т. Тимофеев, руководивший институтом с его основания в 1966 г. до 2003 г. и в 1971 г. опубликовавший совместно с Ю.М. Гарушняцем статью о «ленинской концепции мирового революционного движения».

²³ Акад. (1979) Е.М. Примаков учился вместе с Ю.М. Гарушняцем в МИВе, а в 1970–1978 гг. был зам. директора ИМЭМО АН СССР.

²⁴ Ю.М. Гарушняц в 1971–1973 гг. был заместителем главреда журнала «Рабочий класс и современный мир».

²⁵ В это время директором ИВ АН СССР уже был не Б.Г. Гафуров, а Е.М. Примаков.

²⁶ См.: *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI века. Библиографический словарь. М., 2008. Кн. 1. С. 301.

ВГ: С чем была связана эта награда?

ЮГ: Не знаю, наверное, дали за работу в журнале «Рабочий класс и современный мир».

ВГ: А за что вам дали медаль? Это была какая-то юбилейная медаль?

ЮГ: Нет. В годы Отечественной войны гражданское население привлекали на работы. Копали там оборонительные сооружения. Но для участия в работе нужно было, чтобы исполнилось пятнадцать лет. Я обманул и сказал, что мне пятнадцать лет. Так и получилось, что мне дали медаль «За оборону Кавказа», за то, что я якобы принимал участие, работал на оборону. И вторую тогда же медаль получил «За победу над Германией». Но эта медаль была тоже дана в общем порядке.

ВГ: Эти награды – совершенно заслуженные! Когда состоялось ваше самое первое свидание с Китаем? Я имею в виду первую поездку в Китай.

ЮГ: Меня за границу не пускали из-за отца. И потом, у меня с *Тихвинским* был один крупный скандал. Я ему прямо сказал – правильно сделали, что вас не пустили на международный конгресс историков-востоковедов в Лондон. Вы фальсифицировали «движение за реформы в Китае» (у-суй бянь-фа)²⁷. Россия тогда ввела туда два батальона на подавление, а вы это скрыли. И правильно сделали, что вас не пустили. Ой! Скандал начался! И всё время у меня из-за этого отношения с Тихвинским были плохие.

ВГ: Но ведь Тихвинский был тогда вашим прямым начальником!?

ЮГ: Был директором, да. И меня не пускали (в Китай).

ВГ: Но ваша встреча с Китаем всё же произошла позднее. Когда это случилось?

ЮГ: Это было в 1990 году, под самый конец существования СССР. Я был одним из последних (китаеведов), командированных в Китай из СССР²⁸.

ВГ: Что это была за поездка? Как она проходила? Где вы побывали?

ЮГ: Это была научная командировка в Китай, стажировка на год при историческом факультете *Пекинского университета*. Окружали меня хорошие люди. И вообще, я сам по натуре человек общительный. Хорошие знакомые у меня появились. И был в курсе всех сплетен в Пекинском университете!

В общем, много лет меня не выпускали. То Тихвинский не пускал²⁹, то парторганизация. Только вдруг директором института (ИВ АН СССР) стал *М.С. Капица*³⁰.

²⁷ «Движение за реформы в Китае» – движение за модернизацию Китая, в основу которого был положен опыт японских реформ после «реставрации Мэйдзи» (1868). После «ста дней реформ» (июнь-сентябрь 1898 г.) потерпело поражение от консерваторов во главе с Вдовствующей императрицей Цыси.

²⁸ Последний выезд из СССР по обмену с Министерством образования КНР был в 1990–1991 учебном году, а Ю.М. Гарушняц выехал в предыдущем.

²⁹ С.Л. Тихвинский был директором Института китаеведения в 1960 г. и заместителем директора Института народов Азии в 1961–1963 гг.

³⁰ Членкор АН СССР (1987) М.С. Капица (1921–1995) был директором ИВ АН СССР в 1987–1994 гг.

А с Капицей у меня были драки сильные, даже руками мы с ним дрались! Честное слово! Капица спрашивает меня: «Ты что сидишь тут столько лет, в Китай поехать не можешь?» Я ему отвечаю: «Ну, я же жопу не могу лизать!» Капица: «А ты попробуй!» Я ему: «Ну, не хватало мне ещё вашу жопу лизать!» Он тогда говорит: «Ты едешь в Китай!» Я говорю: «Да нет!» Не поверил ему. Потом меня вызвали в Комитет высшей школы (по делам высшего образования)³¹ и предложили заполнить анкету. Я заполнил анкету и поехал в Китай.

Первое впечатление, когда я в Китай приехал: когда поезд Москва-Пекин приехал и остановился, я увидел толпу китайцев и сказал своему спутнику (парень из МГУ, он уже скончался): «Неужели они хотели из Москвы руководить этой толпой?» Мой спутник: «А что, нельзя руководить?» Я ему говорю: «Пошёл ты на хер, ты ничего не понял!»... Вот, так прошёл мой первый год в Китае.

ВГ: Как прошёл этот год? В знакомстве с материалами, страной, людьми? Что было самым интересным?

ЮГ: Я просто ходил по книжным магазинам. Целый день! Утром уйду, вечером прихожу. Книги, книги, книги. Но всё это ..., такое «говно» я привёз тогда! Враньё сплошное, ни одному слову нельзя верить! Потом я всё выкинул и заменил их тайваньскими книжками.

ЮГ: Вы говорите, что вам приходилось много и остро дискутировать с коллегами-востоковедами. А кого из них вы считаете для себя настоящим авторитетом? Есть фигуры, которые вызывают ваше глубокое уважение?

ЮГ: Для меня – это был Г.Н. Войтинский.

ВГ: Но, к сожалению, Войтинский оставил очень малое печатное наследие. Он был, конечно, известным революционером и воспитал много хороших учеников. Но все-таки он мало известен по китаеведным публикациям.

ЮГ: Войтинский известен широко. Ты напрасно! Другое дело, что ему не давали публиковаться. Знаешь, что ему давали публиковать: *У Пэй-фу*, *Чжан Цзолин* и другие. А партийные вещи ему не давали публиковать.

ВГ: Кого ещё можно назвать, помимо Войтинского?

ЮГ: Вот, я уже назвал Мудрова. Еще *Исаенко Борис Степанович* – был такой китаист. 25 лет прожил в Китае.

ВГ: Если взглянуть на весь спектр российских китаеведов, включая тех, которые работали с вами позже, а также представителей более молодого поколения? С кем сложились наиболее теплые и уважительные отношения?

ЮГ: С Делюсиным Львом Петровичем³².

ВГ: Можно ли сказать несколько слов о Льве Петровиче?

ЮГ: Да, обязательно! Поначалу я его вообще не знал. Была у нас такая сволочь (нехороший студент) на курсе, он в «Литературке» («Литературной га-

³¹ Имеется в виду Госкомитет СССР по народному образованию (1988–1991).

³² См. интервью с Л.П. Делюсиным для проекта «Китаеведение – устная история».

зете») работал и уже скончался, который как-то предложил мне – ты выступи с троцкистским тезисом, а я буду тебя громить. Я сперва согласился. Потом подумал, что отец у меня сидел, а тут ещё с троцкистским тезисом выступить! Нет, не надо! Я подошёл к нему и сказал, что это не пройдёт. Все это было связано с тем, что мы тогда спорили, что в Китае – диктатура пролетариата или ещё революционно-демократическая диктатура? Вот на этом он меня хотел поймать и ударить – *Сергиев Артём*. Делюсин, *Сухарчук*, *Жилкин*³³ и *Сорокин*, которые тогда только вернулись из Китая, побывали на нашей институтской дискуссии о характере власти в Китае. Я там выступил. И там Л.П. Делюсин «шмякнул» моего научного руководителя *Виноградова*³⁴: «Ничего не понимаешь – сиди!» И после в стенгазете появилась большая статья «Виноградов сел в лужу с диктатурой». Вот, прошло время, и мне понадобилась книжка про «движение 4 мая». Кто-то мне сказал, что она может быть у Делюсина. Тогда я не знал его вообще. Они были взрослые ребята, а мы – «мальши» ещё. Я позвонил ему, и он пригласил меня к себе. Тогда они жили на углу Цветного бульвара. Когда я приехал, Делюсин принял меня хорошо, подарил эту книжку. И мы стали с тех пор общаться, дружить. Кстати говоря, эту книжку я вернул ему в 1980-х годах. Он сам никогда не просил её у меня обратно. С тех пор мы и стали общаться, дружить. Потом, когда он в ЦК КПСС работал³⁵, а я в журнале, всегда у нас дела какие-то были. Он всегда пропускал, говорил: «Юра, на цензуру не смотри!».

ВГ: Как бы вы охарактеризовали роль Делюсина в развитии китаеведения тех лет? Например, в организации конференции «Общество и государство в Китае» и разных научных дискуссий тех лет?

ЮГ: Он помогал всем коллегам. Но если что-нибудь не так, что-нибудь не понравится, то он был очень жёсткий человек. Если начинали по-мелкому на него наговаривать, то он тут же отшивал тебя. Он был помощником у Андропова.

Некоторые научные семинары мы вместе с ним создавали. Могу вспомнить самое первое заседание. Тогда Делюсин работал заместителем директора Института международного рабочего движения³⁶. Он предложил организовать семинар и предложил мне сделать первый доклад. Помимо Делюсина были *Картунова*, *Хейфец*. *Гуревич Н.М.* был такой, он сейчас на Кипре. Я не очень хотел выступать первым. Но всё же сделал этот первый доклад. Я перевернул традиционную концепцию и доказывал, что *Чэнь Цзюнь-мин* был сторонником Коминтерна. И только в результате деятельности Коминтерна он оказался в стане врагов. Тогда эту тему мало кто знал вообще, никто не понимал ничего. Я же, честно скажу,

³³ Личность этого человека не установлена.

³⁴ Видимо, Виноградов Николай Павлович (см. Список имён).

³⁵ В 1959–1965 гг. Л.П. Делюсин являлся ответственным работником ЦК КПСС.

³⁶ В этом институте Л.П. Делюсин работал в 1966–1967 гг.

не хвалясь, я буквально всё перечитывал, день и ночь изучал всю доступную информацию. Ну, а потом я как раз ушёл из института. Лев Петрович перешел в Институт китаеведения, и там уже организовалась конференция «Общество и государство», и ежегодно её там проводили.³⁷

ВГ: Какую роль сыграла эта конференция в жизни советских китаеведов?

ЮГ: Вспомни «культурную революцию». Писать негде было, нечего было. Я помню, *Крюков Михаил Васильевич* написал статью про иньскую бронзовую металлургию. Но цензура её не пропустила. Тогда мы с заместителем главного редактора, тюркологом Ржевным, пошли к цензору. Баба такая там сидела. На вопрос о причине отказа она заявила, что ещё до иньской бронзы металлургия была уже на Урале. Тогда этот пожилой редактор, бывший полковник, обматерил её, хлопнул дверью и ушёл.

ВГ: Получается, что с появлением конференции «Общество и государство» возникла небольшая ниша без какой-то тупой цензуры.

ЮГ: Появилась ниша, чтобы можно было что-то выступать, публиковать более или менее свободно. Хотя *Хохлов*³⁸ немножко пытался ограничивать.

ВГ: О ком из своих коллег вы могли бы вспомнить ещё?

ЮГ: Два человека – *Владимир Иванович Глунин* и *Ким Васильевич Кукушкин*. Глунин занимался сперва третьей гражданской войной в Китае. Потом социалистической революцией в Китае. Потом был двухтомник по истории КПК. Умер он в «культурную революцию»³⁹. Очень знающий человек, тоже очень строгий. И ко мне, и ко всем он одинаково строг был. Вот он производил на меня хорошее впечатление. Ким Васильевич изучал подъём национально-освободительного движения в Китае, «движения 9 декабря», накануне антияпонской войны (с 9 декабря 1935 года до февраля 1937 года), когда большое количество молодёжи пришло в китайскую компартию.

ВГ: После 1990 года вам приходилось ещё бывать в Китае?

ЮГ: Да, я был ещё один раз в Китае, по приглашению своего друга *Сюй Куй*, директора Института изучения Восточной Европы при Китайской академии общественных наук⁴⁰. Мы познакомились в Москве ещё в начале 1950-х годов. Я написал ему письмо, и он меня пригласил на два месяца. Потому что по другим каналам было трудно «пролезть» в Китай. И это была моя последняя поездка в Китай.

³⁷ Научная конференция «Общество и государство в Китае» проводится Отделом Китая ИВ АН СССР (РАН) ежегодно, начиная с 1970 г.

³⁸ Имеется в виду А.Н. Хохлов.

³⁹ Это утверждение ошибочно.

⁴⁰ Имеется в виду Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии (ранее: Институт Советского Союза и стран Восточной Европы) при Академии общественных наук Китая.

ВГ: Но, зато, после этого у вас была ещё целая серия поездок на Тайвань. Можно ли рассказать о ваших поездках на Тайвань? Когда состоялась первая поездка?

ЮГ: На Тайване я был пять раз! И Тайвань оказал на меня, как на китаеведа, самое положительное влияние – я стал по-настоящему понимать Китай! Моя первая поездка на Тайвань состоялась так. Как раз тогда, когда я поехал на два месяца в Пекин, туда же приехал директор тайваньского института. Я прихожу туда, а там какая-то девушка сидит, китаянка. Здоровается со мной. Симпатичная. Сначала я не понял, кто это такая? Потом оказалось, что это *Юй Минь-лин*. Я спросил: «Откуда вы меня знаете?». Отвечает: «А я вас видела!» Она мне так понравилась! И она говорит мне: «В этом году вы обязательно приедете на Тайвань!» Это был 1995 год. И в том году я действительно впервые попал на Тайвань.

ВГ: Как часто вы ездили на Тайвань в дальнейшем? С кем общались?

ЮГ: Ездил туда каждый год. Общался, во-первых, с директором института *Чэнь Юн-фа*. Это замечательнейший историк, талантливейший человек. Я также общался с председателем комиссии по истории партии Гоминьдан. Они меня пригласили отдельно. Это тоже была для меня очень большая школа. Большие люди! Все они были членами ЦК (Гоминьдана). И знаете, я с ними говорил так. Мы спорили – «говно» ли *Чан Кай-ши* или нет. В Китае спорить о том, «говно» ли Мао или нет...

ВГ: Это было немислимо?

ЮГ: Да, ну что вы! А тут, пожалуйста, спорь! Я, например, начинаю критиковать *Сунь Ят-сена* за одни вещи. Они говорят, его можно критиковать запросто! Только найдите удачную форму. Чтобы было не (голословно). Потом, чему я там научился. В конце 1980-х и начале 1990-х годов в Институт Дальнего Востока поступило много тайваньской литературы. Я смотрел все эти книжки и удивлялся! Удивлялся чему? Оказывается в китайских книжках была только правда победителей. Правды побеждённых нет. Вы меня поняли?

ВГ: Да-да, конечно.

ЮГ: То есть, как будто идёт суд, на котором присутствует только одна сторона. А другая сторона отсутствует. Я пришёл в ужас! Тогда я стал пересматривать китайские книжки и понял, какой ерунды я набрал. И тогда я выбросил все китайские книжки.

ВГ: То есть, у вас появилась возможность лично сравнить тайваньскую научную литературу с китайской, так?

ЮГ: Сравнил и понял, что у тайваньцев – это солидная научная историческая школа, традиция.

ВГ: Говорят, сам вице-президент Китайской Республики *Лянь Чжань* подарил вам в один из приездов, вместе с дарственной надписью, «Сводную историю Тайваня» (Тайвань тун-ши) *Лянь Хэна*⁴¹. Как это получилось?

⁴¹ «Сводная история Тайваня» 台灣通史. Составлена тайваньским историком Лянь Хэном по образцу «Исторических записок» Сыма Цяня. Впервые издана на острове в 1920 г.

ЮГ: Это сделала для меня Юй Минь-лин. У меня к ней самое хорошее отношение. Я к ней как к дочке отношусь. Очень люблю её! Она говорит: «Юра, мы сейчас расстанемся. Я скоро тебе позвоню». Потом звонит, приезжает и привозит эти четыре книжки. Сказала про меня, что (российский) профессор занимается, и всё такое. И Лянь Чжань с удовольствием их подарил мне. Потом она меня познакомила с выдающимся тайваньским историком Цзян Цзин-юй. Это выдающийся военный историк и историк Гоминьдана. Причём из Гоминьдана его погнали, и он пошёл в Миньцзиньдан. Теперь Гоминьдан его обратно просит, а он их посылает. 1926 года рождения. Симпатичный мужик!

ВГ: Если говорить не только о науке, что больше всего понравилось вам на Тайване, в плане особенностей жизни, атмосферы или достопримечательностей?

ЮГ: В отличие от Китая, понравились сами тайваньцы. В Китае никогда ничего ни о чём не узнаешь. Только так, иногда и кое-что. Закрытые люди, боятся всего! А там – открытая душа! Когда я поехал туда первый раз, меня больше всего потрясла одна встреча. Один простой тайванец спрашивает меня: «Ты откуда?» Я говорю: «Из России». Он: «Из России? Ой, не переживайте! У вас жизнь будет хорошая, и у нас тоже когда-то было плохо. Не переживайте, всё будет у вас хорошо!» Меня это очень поразило, честно! Я был тронут даже.

ВГ: Тут я должен спросить, когда вы были последний раз в материковом Китае?

ЮГ: В материковом Китае? В 1994 году.

ВГ: Всё-таки, с тех пор прошло уже 14 лет. И тут я, кстати, хочу немножко не согласиться с вами. В прошлом было так, как вы говорите. До 2004 года я и сам не был в материковом Китае много лет подряд! Но сейчас, когда езжу туда довольно часто, я вижу, что люди очень сильно изменились, спокойно критикуют то, что их не устраивает. Во-первых, простые люди открыто высказывают при разговорах то, что думают. Во-вторых, очень сильно изменились учёные. Они тоже открылись и говорят то, что думают. Конечно, есть у них свои заданные рамки или принципы. Например, абсолютно все исследования исходят из той аксиомы, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая. А история Тайваня – часть истории Китая. Но сегодня многие из них открыто говорят и пишут то, что думают. Это заметно. Заметно и то, что в отдельных вопросах они зависят от политической конъюнктуры не больше, а может, даже и меньше, чем тайваньские историки, особенно в период после прихода в 2000 году к власти на Тайване пронеэзависимой партии Миньцзиньдан (2000–2008).

ЮГ: Да, это интересные изменения. Раскрепостились, но, конечно, не все. Несвободно ведут себя. Я их понимаю, конечно, по-человечески. Представляете, если советский учёный поедет за границу! И там также. Одни есть такие «долбаки» противные, комсомольские работники. А есть люди, которые что-то говорят, но молча дают понять, что они всё понимают и, при случае, тебе скажут. Я даже помню, когда я был там на конференции, делал доклад о *Ли Да-чжао*. Подошла

внучка Ли Да-чжао, поцеловала меня. Такая красивая девочка! Я сам хотел поцеловать её, но неудобно было! Очень красивая девочка! Потом собрались, как мне рассказывали, и говорили обо мне: что я – хороший китаевед. Говорили разные вещи. И кто-то сказал про меня: он знает о Китае больше, чем мы все, вместе взятые. После этого мой авторитет знаешь как возрос?!

Ещё был такой известный китайский историк *Пэн Мин*. Я выступил с критикой этого Пэн Мина. Они говорили, что коммунисты возглавили «движение 4 мая». А я говорю, что коммунистов-то ещё не было. Они: «Как не было?» Я говорю: «Они все анархисты!» Тут он возмутился: «Кто анархисты?» Я говорю: «Мао». Специально так сказал. Ну, он тогда собрание собрал, попытался переубедить меня по-братски. Но я с ними не согласился. Сказал, моя точка зрения (состоит) в том, что «движением 4 мая» руководила группа «яньцзю си», группа *Лян Ци-чао*, министерство просвещения...

ВГ: Как вы оцениваете в целом сущность и роль «движения 4 мая»? Ведь сегодня это снова актуальная тема в Китае. Идеи «4 мая» снова обсуждаются в свете реформ.

ЮГ: Знаете, роль этого движения преувеличена. Даже в наших коминтерновских изданиях (был такой *Казанин Марк Исаакович*. Он видел это сам, своими глазами) расценивали как хулиганское движение. На первых порах, во всяком случае. Его антиимпериалистическая роль преувеличена. Ничего антиимпериалистического нет. Это антииностранное движение. Против Версаля. Цзяочжоу-Цзинаньская железная дорога...⁴² Так что роль преувеличена.

ВГ: Как вы оцениваете роль Ли Да-чжао? Насколько отличается ваша оценка его личности от традиционных оценок?

ЮГ: Вы знаете, он тоже анархист. Либерал такой. К началу «движения 4 мая» мало кто знал о нём вообще. Кто он такой? Какой-то директор Пекинской библиотеки. Подумаешь! Я когда писал статью (о нём), редакция выбросила у меня одну фразу. Я только позже заметил, что выбросили фразу о том, что Ли Да-чжао, марксист, пытался соединить на первых порах марксизм с анархизмом. В теории взаимодействия классов, например. В этом отличие моей точки зрения.

Ли Да-чжао тоже не оригинален. Я только до сих пор не могу найти источник. Это, скорее всего, Каваками Хадзиме. Но я не читаю японский язык, и у нас (пе-

⁴² По условиям Версальского мирного договора (28.06.1919), официально завершившего 1-ю мировую войну (1914–1918), Германия отказалась от всех концессий и привилегий в Китае. Но права Германии в отношении Цзяочжоу и всей провинции Шаньдун отошли к Японии. Поэтому Версальский договор не был подписан Китаем и вызывал гнев китайского народа. Заключённое позднее китайско-японское соглашение (Вашингтонское соглашение от 04.02.1922) предусматривало вывод японских войск из Шаньдуна, а также возврат Китаю железной дороги Циндао-Цзинань и территории Цзяочжоу. В то же время договор 9 стран-участниц Вашингтонской конференции (1921–1922) от 06.02.1922 возвестил принцип «открытых дверей и равных возможностей» в отношении Китая как общего объекта эксплуатации.

реводов) Хадзиме мало. Я один раз наткнулся на книжку «Материалистический взгляд на историю» Ху Хань-миня. Посмотрел – это почти Ли Да-чжао. Хотя Ху Хань-минь на полгода позже опубликовал свою книжку, чем Ли Да-чжао.

ВГ: Возможно, что они оба заимствовали свои тексты из одного источника.

ЮГ: Да, взяли у японцев.

ВГ: Выходит, первые китайские коммунисты были не такими уж истинными марксистами?!

ЮГ: Конечно, первыми тремя марксистами были Чжу Чжи-синь, Ху Хань-минь (хороший марксист, хоть он и был гоминьдановцем) и Дай Цзи-тао. До Ли Да-чжао, до Чэнь Ду-сю.

ВГ: А что можно сказать про Цюй Цю-бо?

ЮГ: Цюй Цю-бо я изучал, много занимался. Но сейчас я его просто возненавидел!

ВГ: Это за что же?

ЮГ: За «русский дух», «здесь Русью пахнет!» (цитата из Пушкина – *Ред.*). Он просто переписывал шаблонно, и очень человек беспринципный был.

ВГ: А как вы, в таком случае, оцениваете роль любимого вами Чэнь Ду-сю?

ЮГ: Это выдающийся человек! Он выдающийся человек потому, что он хотел построить независимую организацию. Он не хотел денег от Коминтерна. Хотя это было несколько идеалистично. Он думал, что взносы соберёт и этого хватит. Он ни с кем не соглашался. Свою точку зрения всегда отстаивал до конца. Не взирая на лица. Человек суровый, строгой партийной дисциплины. Любил баб очень, много раз был женат. И этот человек ещё ярок тем, что все лучшие умы и мало-мальски известные деятели Китая, начиная с конца XIX века, – все они были его друзья и знакомые. И он ведь начинал как революционер.

ВГ: Почему вы занялись изучением Чэнь Ду-сю?

ЮГ: Хотел выяснить, кто был прав, он или Коминтерн. И я считаю, что он был прав. Ведь аграрного вопроса в Китае не существовало! Это сказки! Ведь вся земля принадлежала кланам, во главе которых стояли родственники. Почему в 1949 году, когда был начат делёж, все китайские крестьяне выступали против такого дележа? Потому что не было у них помещиков, феодалов, ничего такого. А Сталин хотел сперва свергнуть в 1927 году империалистов, потом Чан Кай-ши. Потом развязать крестьянскую аграрную революцию. Но не получилось! И до 1949 года не получилась эта крестьянская революция. Потому что не было никаких оснований! Возьмите этих *хакка*. Они ведь, как эти тайные общества (*хуэйдан*). Сегодня здесь, завтра там. Возьмите знаменитую февральскую забастовку 1923 года. Кто был организатор? Говорят, Линь Сян-цян или Лу Янь. Все они были членами бандитских обществ. И это доказано на материале истории.

ВГ: Интересно было бы ещё узнать и ваш взгляд на Ли Ли-саня. Ведь оценки его роли очень противоречивы. Его много критиковали в партии, и сам он себя

много критиковал. Сегодня он официально включён в ряды героев партии. Но кем же он был объективно?

ЮГ: Объективно он – самый законченный левак. Самыми законченными леваками в партии были Цюй Цю-бо, Ли Ли-сань и *Цай Хэ-сэнь*. Очень хорошо сказано в книге *Шэн Юэ*, что это были не коммунисты, а радикалы. Отсюда и их место в истории. Кстати, о Шэн Юэ. Очень понравилась мне эта глубокая книжка (Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ят-сена в Москве и китайская революция: личные воспоминания) в вашем переводе! Такая глубокая книжка! Очень думающий был и способный человек! Ходил в «28 большевиках», я не знал этого!

ВГ: Спасибо, очень рад слышать из ваших уст такой отзыв о Шэн Юэ!

ЮГ: Замечательная книжка! Прямо чувствуешь, как будто бьётся живая кровь! Не сравнить с другими мемуарами. Такое враньё пишут!

ВГ: Позвольте ещё поговорить о более общих темах. В 1960-х годах, в русле марксистской методологии, поднялась волна дискуссий о формационном развитии, об «азиатском способе производства». Вы тоже принимали участие в этих дискуссиях. Расскажите о том, как всё это происходило!

ЮГ: Я открыл эту дискуссию. Работал я в журнале «Народы Азии и Африки». Со мной работал заведующий отделом *Гамаюнов*, был такой индолог. И он говорит: «Давай что-нибудь запустим, чтобы нашуметь!» Я говорю: «Шуметь не надо, только надо подумать, что выбрать». И в это время врывается к нам парень-армянин из Института марксизма-ленинизма, автор книги об «азиатском способе производства» (Тер-Акопян Н.Б. – *Ред.*). Говорит: «У нас прошла маленькая дискуссия». Я говорю: «Вот, это объявление мы и дадим в журнале». Что в Институте марксизма-ленинизма прошла дискуссия. Неважно, что было на самом деле. И мы дали объявление таким кратким анонсом. После этого ко мне обратились из журнала «Вопросы истории». *Трухановский* был главным редактором, он и попросил написать статью. В это время уже идут всякие споры: был ли азиатский способ производства или не был. Кто-то говорил, что был «среднеазиатский» способ. И, в конце концов, я написал эту статью⁴³. С большим трудом она проходила в редакции журнала. Там был академик *Сказкин*, академик *Тихомиров*, востоковед *Смирнов*⁴⁴. Статья прошла. И партийное собрание Института истории вынесло решение, что наконец-то, журналам дают право публиковать, со ссылкой на мою статью. И эта ссылка на мою статью в какой-то мере сыграла роковую роль. Тут же подключилось ЦК КПСС. Меня, правда, не называют. Но мне сообщают, что в журнале «Коммунист» Берёзкин проводит дискуссию по азиатскому способу производства. И там разгорелась «буча». Ленинградская «св...чь» *Ефимов Г.В.* выступил с разгромом. Он же был ещё в самые ранние времена противником этой концепции. Тут все насторожились. Почувствовали, что пахнет жареным. Тогда против Г.В. Ефимова выступил дирек-

⁴³ *Гарушняц Ю.М.* Об азиатском способе производства // Вопросы истории. М., 1966, № 2. С. 83–100.

⁴⁴ Видимо, *Смирнов Н.А.* (1896–1983).

тор Института этнографии *Бромлей*. Спросил: «Прошло больше пятидесяти лет. Неужели вы не меняли точку зрения?» Потом Бромлей поддержал американист *Ефимов А.В.* И все историки поддержали меня, кроме Г.В. Ефимова. Но интересно, когда потом в нашем институте было обсуждение, тоже в присутствии академиков. И был там (тот самый) Ефимов, который на дискуссии в журнале «Коммунист» защищал меня. Однофамилец. Я же воспринял его как Геронтия Валентиновича и набросился на него. Так мне потом стыдно было!

ВГ: Но потом же это как-то выяснилось?

ЮГ: Выяснилось, конечно! Я потом извинялся перед ним. А он говорит: «Что вы?! Я хотя бы когда-нибудь намекнул на вас? Что вы?! Молодёжь! Молодёжь!...»

ВГ: Как называлась эта ваша статья, не помните?

ЮГ: «К вопросу об азиатском способе производства»⁴⁵.

ВГ: Она вышла под вашим именем или как редакционная статья?

ЮГ: Вышла под моим именем. И я стал ходить в «классиках». Потом началась дискуссия вокруг неё. Выступил грузинский академик и кто-то ещё. Все как будто обо мне пишут в том же журнале, но не ссылаются на мою статью. И обходят вообще тему. Вот так эта дискуссия и появилась на свет.

ВГ: Как вы оцениваете итоги этой дискуссии? Ведь она заняла много лет. Многие учёные принимали в ней участие. Появилось много новых и неожиданных идей.

ЮГ: Понимаешь. Наша беда была в чём? Мы же всегда в отсталых ходили! Надо было просто переписать американскую дискуссию 1928 года. Что в Китае никакого феодализма не было. И что в Китае лозунг «Каждому пахарю – своё поле» это утопический лозунг. Он неосуществим. Как ни дели, земли всё равно не хватит. Поэтому единственный способ решить аграрный вопрос – это модернизация сельского хозяйства. Вот это новое относительно того, что я сам писал. А я лез в Маркса, искал общину. А американцы всё обсудили раньше нас и с немарксистских позиций.

ВГ: Через два года, в 2011 году, ожидается столетие Синьхайской революции⁴⁶. На Тайване даже создана комиссия по празднованию. Конечно, это очень знаменательная дата. Её сейчас переоценивают и в КНР. Я знаю, что вы тоже изучали этот период. Каково, с вашей точки зрения, значение Синьхайской революции для Китая и всей Азии?

ЮГ: Понимаете, тут до сих пор господствует ленинская точка зрения. На самом деле, я уже это говорил, аграрный вопрос стоял в Китае не так остро. Не было напряжения в аграрном вопросе. Хакка, бандиты из хуэйданов, – они заправляли всем. Лет десять тому назад на Тайване прошла конференция, посвящённая ито-

⁴⁵ Точное название статьи – «Об азиатском способе производства». См. в примечаниях выше.

⁴⁶ «Синьхайская революция» началась 10 октября 1911 г. Привела к свержению монархии в Китае и созданию 1 января 1912 г. Китайской Республики.

гам Синьхайской революции. Все принимавшие в ней участие крупнейшие мировые учёные, в том числе американские и тайваньские, говорят, что это была не буржуазно-демократическая революция, а это было национально-освободительное движение против Цин.

ВГ: Всё-таки за что же боролись китайские революционеры, если не за демократию? Может, это была просто борьба против монархии под «надуманными» антиманьчжурскими лозунгами? Ведь многие известные учёные, например, крупнейший российский специалист по Цин, профессор *Б.Г. Доронин*, настаивают на том, что эта династия стала к тому времени уже классической китайской династией.

ЮГ: Нет, это была борьба не столько против монархии, сколько за восстановление былой славы Китая. За независимость и национальное возрождение. И поэтому я, например, виноват. Ведь в «Советской исторической энциклопедии», где все статьи о революционных организациях писал я, я везде писал, что «*Хуасинхуэй*», «*Синчжунхуэй*» – это всё буржуазно-революционные организации. Но это были националистические организации, не в нашем понимании этого слова. Это были националисты, которые выступали за возрождение нации как государства, за возрождение и независимость страны. А ленинская оценка – это давно уже явная ерунда. Причём китайцы уже вычленили даже уровень капитализации страны на 1911 год. Получается 1499 капиталистов. Какие капиталисты? Мелкие купцы! То есть, капитализма не было! Уровень капитализации был в тридцать пять миллионов на четыреста миллионов населения Китая. Капитализма в Китае не было. Так что, до сих пор у нас это требует пересмотра...

ВГ: В связи с юбилеем было бы интересно узнать вашу оценку фигуры и роли Сунь Ят-сена. Потому что существуют очень противоречивые оценки. В том числе и очень скептические.

ЮГ: Недавно я прочёл книжку, которую издала *А.И. Картунова*. Это переписка Сталина, *Чичерина* и *Карахана*⁴⁷. Читаю я её. Карахан всё время подчёркивает, что Сунь Ят-сен – военный авантюрист. Что он ничем не отличается от милитаристов⁴⁸. Только в одном месте он пишет, что Сунь Ят-сена от милитаристов отличает только то, что у него хоть какое-то учение было. А в Китае его же (сегодня) не изучают. В Китае его просто чествуют, как знамя. Их мало интересует Сунь Ят-сен. Я говорил с очень серьёзными учёными. Они прямо говорят, что не будут изучать Сунь Ят-сена. И не хотят.

ВГ: Юрий Мисакович, в 1960–1970-х годах вы как китаевед наблюдали за ходом «культурной революции». Как, по вашему мнению, повлияли эти события на СССР?

⁴⁷ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. Сост. *А.И. Картунова*. М., 2008. 704 с., илл.

⁴⁸ Очевидно, Карахан заимствовал эту оценку у эмиссара Советской России М.Г. Попова, который встречался в 1920 г. с Сунь Ят-сеном в Шанхае. См.: *М.В. Крюков*. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. М., 2000. С. 156–157.

ЮГ: Они ускорили падение СССР.

ВГ: Но это очень необычная постановка вопроса! Каким образом?

ЮГ: Знаете, я критикую Китай и даю статью в «Правду». Статья выходит в «Правде», и я вижу, что это же я всё критикую СССР! Понимаете? Из-за этого я потом вообще перестал писать. Я критикую, и никто не обращает внимания (на такое совпадение)! Скажи что-нибудь резкое про Китай, и при этом напиши слово «антисоветский», и всё проходило! Всякую ерунду печатали. Поэтому я всего четыре статьи опубликовал. В «Правде», в «Литературной газете» большая была статья «Как и зачем редактировал себя Мао». Потом про Цюй Цю-бо и о наших ветеранах. Темы такие выбирал, чтобы не лезть туда. Критика маоизма меня не увлекала. С чего всё это (нежелание) началось? Был такой Полумордвинов. Это был советский разведчик, руководитель партизанского движения на Дальнем Востоке. В Турции попался на шпионаже. После войны его только выпустили. Он выступает на первом же собрании с критикой маоизма и говорит: «У Мао Цзэ-дуна было четыре жены! Он – блядун!» Я же молодой такой был. Лезу драться, хочется драться! Говорю: «Кому какое дело, у кого сколько жен? У меня уже три! И я не уверен, что четвёртой-пятой не будет!» Зал заплодировал...

ВГ: С уходом науки от методологии марксизма, который вы так критикуете, на место одной методологии должна прийти другая. Какая это должна быть методология?

ЮГ: Позитивистская.

ВГ: После падения СССР перед китаеведами-историками тоже встала задача переоценки взглядов на историю Китая. Такие попытки предпринимались с тех пор уже не раз. Одной из таких попыток было издание в ИСАА МГУ «Истории Китая» под редакцией *Арлена Вааговича Меликсетова*⁴⁹. Сама эта книга небесспорна, не без ошибок и недостатков. Но по случаю её выхода прошла плодотворная дискуссия, в которой вы тоже принимали участие. Эта дискуссия – тоже знак времени. Что нового было в этом учебнике и чего ему не хватило?

ЮГ: Я тогда специально останавливался на новой и новейшей истории. Не лез туда, в древность и средневековье. Во-первых, я проверяю все факты – не нахожу ни одного правильного факта. Зачем мне эта книжка, если в ней так много фактических ошибок? Это как раз то, чему меня на всю жизнь приучил Войтинский: три раза проверь, и каждый раз подписывай, что ты проверил! Я так и делаю, честное слово! Каждый раз проверю цитаты, скажем, и подписался. Смотрю – три подписи стоят...

ВГ: Интересный методический приём. Но если говорить о методологии, то почему всё-таки позитивизм?

ЮГ: Ну, что такое позитивизм? Это общее понятие, которое предлагает описывать всё, как есть, выстраивая при этом стройную концепцию...

⁴⁹ История Китая. Учебник. Издательство: МГУ. М., 1998. 736 с.

ВГ: Как, на ваш взгляд, изменилось российское китаеведение после развала СССР?

ЮГ: По-моему, не изменилось, и в этом трагедия нашего китаеведения!

ВГ: Что же это – инерция или отсутствие ресурсов?

ЮГ: Это и инерция, и отсутствие думающих голов. Понимаешь, Тихвинский не тянет на эту роль. А все остальные – это не серьёзно... Концепция китаеведения осталась та же.

ВГ: Как вы думаете, что общего есть у современных россиян и китайцев?

ЮГ: Общее – это то, что мы научились врать! Это из-за марксистской традиции. Марксистская традиция пришла в Китай, и некоторые считают, что это полезно. А марксизм разрушил основы китайской культуры! То есть этот научный метод оказался негативным во всех отношениях! Эта теория классовой борьбы, например...

ВГ: Сейчас много говорят об «отношениях стратегического партнёрства» между Россией и Китаем. Не кажется ли вам, что это стратегическое партнёрство может когда-нибудь превратиться в «стратегическое соперничество»?

ЮГ: Тут я с тобой полностью согласен. Расписываюсь под тем, что ты говорил.

ВГ: Да, но у меня это был вопрос, а не утверждение!

ЮГ: А я подтверждаю, что я согласен (с такой постановкой). Ну, не верю. В один прекрасный момент – резкий поворот, и всё!..

ВГ: Давайте вернёмся к методам исследований! Как, по вашему опыту, должен работать китаевед? Только что вы уже сказали – проверяй и перепроверяй факты, изучай источники, находи причины... Что ещё необходимо в целом?

ЮГ: Необходимо усиление историографических начал в изучении истории. Что я имею в виду? Например, я взял книжку об Юань Ши-кае, изданную в 1913 году. Потом беру книжку об Юань Ши-кае, изданную в 1914 году. Потом беру изданную перед смертью. Три книги – и все разные. Три разные оценки! Но каждая последующая оценка разрушает предыдущую. Это первое. Потом – (нужно выяснить) политические взгляды автора, (установить) кто писал. После этого – (уяснить) философские взгляды автора. Эволюционист ли он и проч. Затем выбор метода анализа – сравнительный или генетический. Например, русскую революцию сравниваю с китайской революцией. А затем – генетическое изложение. После этого я делаю выводы. Я могу два года потратить на изучение автора. Я очень медленно пишу, кстати. Опубликовано много, но (работаю) очень медленно. Вы даже не представляете! У меня всё время уходит на это.

ВГ: Вы имеете в виду, на изучение автора?

ЮГ: Автора. Откуда я знаю, прав ты или нет? Особенно это важно при работе с китайской литературой. Ты обратил внимание? Как правило, в китайской литературе нет сносок. Это большая проблема! Вот в этом отношении меня очень многому научила блестящая тайваньская историография. Для меня знакомство с

тайваньской историографией стало революцией в сознании. Я стал понимать, что такое историческая наука, китаеведение.

ВГ: Да, тайваньцы точно любят историографию!

ЮГ: Во-первых, тайваньцы очень любят историографию. Во-вторых, они очень внимательны к источникам. Вот возьмите такую вещь. Говорят, что у Мао Цзэ-дуна есть теория «затяжной войны». Но Мао Цзэ-дун никакого отношения к этой теме не имеет. И это доказывается просто! 7 июля 1937 года состоялось военное совещание, на котором Чан Кай-ши освещал теорию затяжной войны как основной пункт. Мао Цзэ-дун об этом узнал через год. Понимаете? Так что, это не его (теория). Когда начинаешь копать такие факты, то вся концепция, вдруг, выстраивается по-другому. Поэтому я и придаю очень большое значение методологии, методике, логике исследования. А не просто – открыл книжку и переписал факты, как это делают многие.

ВГ: Вы только что упомянули про три книги и три оценки Юань Ши-кая. Если добавить к ним последующих исследователей, то это будут, наверно, дюжины книг, или даже сотни книг. Но при этом обычно доминируют негативные оценки. А как вы оцениваете личность и деятельность Юань Ши-кая?

ЮГ: Я думаю, что Юань Ши-кай никого не продавал (из реформаторов). Проводил *Сюй Ши-чан*. Оба они ехали в Тяньцзинь, где был банкет. Потом, когда уже вернулись туда, в Пекин, Юань Ши-кай боялся, что Сюй Ши-чан уже доложил императрице (*Цы-си*). И он не мог не доложить. Что ему оставалось делать?

ВГ: А Сюй доложил всё-таки?

ЮГ: Тот доложил. Большие исследования проведены по этому вопросу на Тайване и в КНР. Я изучал это, и даже три доклада делал на эту тему.

ВГ: Если обратиться к республиканскому периоду. Как вы оцениваете роль Юань Ши-кая в республиканский период?

ЮГ: Мы его недооцениваем. Мы считаем – палач, и всё! А он – государственный деятель. (У него было) то, что Сунь Ят-сен не понимал, что Сунь Ят-сену не хватало. Как государственный деятель Юань Ши-кай был гораздо выше, чем Сунь Ят-сен. Но у нас об Юань Ши-кае ничего не пишут. Пишут только, как он изменил.

ВГ: Да. Такой беспринципный вечный изменник. Видимо, настоящие работы об Юань Ши-кае ещё впереди.

ЮГ: Конечно! Я как раз начал работать над Юань Ши-каем. Не думал, что заболел. Много литературы посмотрел.

ВГ: Возможно, столетие Синьхайской революции как-то повлияет на изменение оценок роли Юань Ши-кай?

ЮГ: Вряд ли. В своих докладах я как раз критиковал книгу Тихвинского, который не понимает Юань Ши-кай, а повторяет традиционные оценки. Потом он Юань Ши-кай называет монархистом. Но он не монархист, он – конституционный монархист! И это разные вещи. Его записывают в чистые монархисты, а он имел

в виду конституционную монархию. Тихвинский тогда разозлился, говорит: «Что вы на меня набросились? Все писали так!» А я говорю: «Ну, так, так, конечно. И ваши ученики могут так писать. Какая разница?!»

ВГ: Юрий Мисакович, вы отдали китаеведению уже больше шестидесяти лет. Что вы считаете своим самым большим достижением в науке, в китаеведении?

ЮГ: Прости, это нескромно. Я считаю, что много сделал для изучения новейшей истории Китая. Поймите меня правильно. Я могу, как таблицу умножения, рассказать, что было в Китае с 1917 по 1949 год. Это я даже не стесняюсь говорить.

ВГ: Так оно и есть, конечно! А что вам хотелось бы сделать, но не удалось? Что вызывает сожаление? Или что можно наметить как перспективу?

ЮГ: Это Сунь Ят-сен. И нам очень мешают существующие ленинско-сталинские оценки «суньятсенизма». Например, Сталин пишет: «Ленин в последние годы придавал большое значение Сунь Ят-сену, ставшему великим революционером...»⁵⁰. Когда Ленин говорил такое? Где документы?

ВГ: Приходилось ли вам принимать участие в переводах китайских источников на русский язык? Вы ведь и сами говорили про дефицит переводных материалов.

ЮГ: Я переводил большой сборник материалов по «движению 4 мая», изданный в 1969 году. Потом я переводил книжку Ма Сяна, охранника Сунь Ят-сена⁵¹. Потом я переводил книгу Го Мо-жо 1959 года об антияпонской войне. Называется «Песня о бушующей волне»⁵². Очень интересная. Это мемуары всё.

ВГ: Заметны ли в последние годы изменения к лучшему в российском китаеведении?

ЮГ: Могу сказать, я очень рад, что есть *Панцов*, *Саша Писарев*. Очень рад, что есть *Саша Ломанов*, *Андрей Карнеев*. Это новое поколение, это лучшее, что есть сейчас в (школе) МГУ. Это настоящие профессионалы. Но мне кажется, что в последнее время стало также развиваться источниковедение древнего Китая. Выходят переводы *Сыма Цяня*, переводы *Конфуция*, *Четверокнижие*. Движение происходит, но очень медленно!

ВГ: Всё же мне кажется, что положительная динамика постепенно намечается.

⁵⁰ Точная цитата из письма Сталина звучала так: «После Октября, особенно же в 1920–21 годах, Ленин относился к Сун Ят-сену с большим уважением из-за того, главным образом, что Сун Ят-сен стал сближаться и сотрудничать с коммунистами Китая...». См.: *Сталин И.В.* Письмо Чугунову (9 апреля 1927 г.) // Иосиф Сталин. Сочинения в 16 томах. Т. 9. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/9-17.html>

⁵¹ См.: *Ма Сян*. Воспоминания о десяти с лишним годах следования за господином Сунь Чжун-шанем // Записи мемуаров о Синьхайской революции. Пекин, 1961. Т. 1. С. 1. 马湘. 跟随孙中山先生十余年的回忆 // 辛亥革命回忆录(第 1集) - 北京:中华书局

⁵² *Го Мо-жо*. Песнь о бушующей волне. Воспоминания об антияпонской войне. М., 1962.

ЮГ: То есть растёт молодёжь. То, что говорит Саша Панцов, не осмелится сказать ни один китаист!

ВГ: И это уже всё-таки качественный отход от марксизма. Какие из вышедших в последние годы книг российских китаеведов кажутся вам достойными наибольшего внимания?

ЮГ: Я нисколько не преувеличиваю, но первой назову твою книгу (перевод книги Шэн Юэ об университете имени Сунь Ят-сена в Москве). Это действительно настоящий источник! Там нет вранья! Мне очень нравится, как там говорится – «радикалы» и «националисты».

ВГ: Спасибо ещё раз! Можно вспомнить ещё книги А.В. Панцова про Мао Цзэ-дуна⁵³ и Чан Кай-ши.

ЮГ: Да, но про Чан Кай-ши мне не нравится книга⁵⁴. Хотя я её два раза прочёл.

ВГ: Зато, наверно, про Мао Цзэ-дуна книга вам должна понравиться.

ЮГ: Там много выдумок и мифов. Вот, посмотрите, есть такая книга Ли Жуя⁵⁵. Я купил эту книгу на Тайване. Прочёл её, вроде бы не понравилась. Директор Института новой и новейшей истории Чэнь Юн-фа мне говорит: «Ты плохо её читаешь. Прочти внимательно!» Я прочёл внимательно, потом спрашиваю Чэнь Юн-фа: «Что же я прочел невнимательно?» Он говорит: «Ты прочёл его не любя! Здесь – самая сильная в мире критика Мао Цзэ-дуна». Что имеется в виду? Он анализирует произведения, которые Мао осваивал до тридцати лет. И из них уже можно составить портрет Мао. Саша взял эту книгу и сказал, что она не заслуживает интереса. Я не стал ему рассказывать ничего. То есть это невнимательное отношение. Потом он также повторяется в той концепции, что Юань Ши-кай – предатель. Потом с *Пэн Чжэнем* он перепутал. Пэн Чжэнь был анархистом, а он пишет, что тот в 1922 году был коммунистом. А Пэн Чжэнь стал коммунистом в 1924 году. Много таких вещей обнаруживается под увеличительным стеклом. Но я даже многих китаистов спрашивал, прочли ли они эту книгу (Панцова) о Мао. Говорят, не осилили. Я же прочёл внимательно два раза.

ВГ: Я тоже прочёл всю книгу один раз. Мне понравилось. Как вы полагаете, каким направлениям и темам сегодня уделяется наибольшее внимание?

ЮГ: Персоналиям. Это и рыночный вариант. И об этом никто не знал ничего. Однажды, когда мы пили чай с коллегами на Тайване, Чэнь Юн-фа у меня спрашивает про генерала Сюй Хуэй-ци, который участвовал в переговорах Сталина в 1945-1946 годах с *Сун Цин-лин*⁵⁶. Спрашивает: «Как советский народ оценивает

⁵³ *Панцов А.В.* Мао Цзэдун // Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1051. М., 2007. 867 с.

⁵⁴ *Цзян Чжун-чжэнь (Чан Кайши)*. Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет / *Панцов А.В.*, ред. М., 2009. 440 с.

⁵⁵ *Ли Жуй*. Мао Цзэ-дун до тридцати лет. Издание 1993 г. 李锐. 三十岁以前的毛泽东.

⁵⁶ Данное известие ошибочно. Сун Цин-лин находилась в Китае и не могла участвовать в переговорах. Переговоры со Сталиным и Молотовым в Москве в июне-августе 1945 г. вёл

Сюй Хуэй-ци?» Я же ему говорю, что знать ничего не знает! Сейчас есть такая тяга к персоналиям, персонализации истории. Это общая тенденция для исторической науки.

ВГ: Как вам кажется, какие научные темы сегодня очень важны, но не получают должного внимания?

ЮГ: Это аграрные вопросы.

ВГ: В прошлом это была очень модная «марксистская» тема. А сейчас...

ЮГ: Никто не занимается.

ВГ: Как можно оценить специфику российского китаеведения в целом? Чем оно отличается от западной или японской синологии?

ЮГ: Если брать американцев, то для американцев это стратегическая наука. И отношение к ней – как к стратегической науке. Построение отношений с таким государством (как Китай), в таком сложном мире – это всё! У нас же этого нет совершенно. Второй вопрос – сколько лет наши библиотеки не получают литературу из Китая?

ВГ: Да, тут мы далеко отстали от китайцев, которые отлично понимают стратегическую значимость изучения России и у которых есть вся необходимая литература на русском языке!

ЮГ: У них тоже есть мощная государственная поддержка. А у нас вот так. Напишешь книжку, так напишешь. Очередная книжка вышла, и всё.

ВГ: Как вы оцениваете перспективы современного российского китаеведения?

ЮГ: Нет больших перспектив. Пока мы не порвём окончательно с марксизмом, у нас всё будет так же (по-прежнему), полу-полу (середина наполовину)...

ВГ: Что бы вы могли пожелать молодым китаеведам, помимо разрыва с марксизмом?

ЮГ: Изучать источники, изучать историографию и законы развития исторической науки, законы движения мысли.

ВГ: Какие качества нужны китаеведу, чтобы стать настоящим профессионалом?

ЮГ: Первое дело – не пить и не курить!..

ВГ: Говоря эти слова, вы при этом курите!

ЮГ: И пью! Пил, вернее. Ну и – день и ночь работать! Честно вам говорю, сколько я себя помню, с 1948 года у меня не было ни одной ночи, чтобы я что-нибудь не прочёл на китайском языке. У меня в голове тысячи планов! Но жизнь рано «оборвалась» из-за курения, из-за этого... Китаевед должен быть очень трудолюбивым. Потому что это китайская история, не наша и не западная история.

глава официальной делегации, премьер Китайской Республики Сун Цзы-вэнь – младший брат Сун Цин-лин. По итогам переговоров о главных принципах послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке, 14 августа был подписан «Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем». Состав делегации: Сун Цзы-вэнь, Ван Ши-цзэ, Ху Ши-цзэ, Фу Бин-чан, Цзян Цзин-го и Лю Цзэ-жун. Генерала Сюй Хуэй-ци в этом списке нет.

Западную историю считаешь, и там вроде бы всё ясно. В Китае многое совсем по-другому. Ведь, например, классовый подход к Китаю неприменим. Во всяком случае, до 1949 года.

ВГ: Любите ли вы Китай?

ЮГ: Я люблю Тайвань. Я могу прямо это сказать. Тайваньская историческая наука – это настоящая Наука, где происходит Суд. Я слушаю одну сторону и другую сторону.

ВГ: Обвинение и Защиту...

ЮГ: А там только восхваления. Посмотри, в Китае есть тысячи книг по истории партии – всё вранье, всё одно и то же! Когда я походил по тайваньским магазинам, взял книги, смотрю – разное. Я потом зашёл в Комитет по истории Гоминьдана и спросил, как будто ещё не знаю: «У вас что, тоже всё так одинаково (в изложении и оценках истории)?» А они: «Что вы, что вы! У нас разное!» Вот, например, большая двухтомная книга Чэнь Юн-фа.

ВГ: «Семьдесят лет китайской коммунистической революции»⁵⁷.

ЮГ: Вот этот автор не использовал в этой книжке ни одного гоминьдановского издания! Всё написано на источниках. И с таким (солидным) анализом, что китайцы не могут с ним ничего поделаться...

ВГ: Вы очень искренний поклонник Тайваня. Кстати, как вы относитесь к перспективе объединения острова с материковым Китаем? Вы сторонник независимости или же сторонник воссоединения с Китаем?

ЮГ: В краткой исторической перспективе это бессмысленно. В длительной исторической перспективе это вполне возможная вещь. И я даже слышал от многих видных людей и в КНР, и на Тайване, что их не разъединить.

ВГ: Мне кажется, мы обсудили почти все запланированные вопросы. Огромное спасибо, Юрий Мисакович, за ваше участие и за вашу редкую откровенность!

ЮГ: Тогда пойдём готовить обед!

⁵⁷ *Чэнь Юн-фа. Семьдесят лет китайской коммунистической революции: от революционного захвата власти до прощания с революцией.* Тайбэй, 2001. 1146 с. 陳永發. 中國共產革命七十年: 從革命奪權到告別革命. – 台北: 聯經出版公司. Первое издание книги – 1998 г.

ГОЛОВАЧЁВА ЛИДИЯ ИВАНОВНА

INTERVIEW WITH LIDIA IVANOVNA GOLOVACHEVA

Проект «Китаеведение – устная история»

China Studies – the Oral History

The project is supported by “The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University.”

Головачёва Лидия Ивановна (ЛГ)

Китаевед-историк, к.и.н., пенсионер
Специалист по новейшей истории
Китая, по древнекитайской
философии (Конфуций и Лао-цзы)
Места работы: Университет Цинхуа
(Пекин, 1961–1969), Институт
истории археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
(Владивосток, 1975–1999), Институт
востоковедения НАН Украины (Киев,
2001–2002)

Место интервью: Пекин (Сяншань)

Дата: 19 октября 2009 г.

Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ)

Примечания: В.Ц. Головачёв

Продолжительность: 6 часов

Lidia I. Golovacheva

Sinologist, PHD(History), Retired
Fields of Studies: PRC’s modern History,
Ancient Chinese Philosophy (Confucius/
Laozi Studies)
Affiliations: Qinghua University
(Beijing, 1961–1969), Institute of History,
Archaeology and Ethnography of Far
Eastern Nationalities, Russian Academy of
Sciences Far Eastern Branch (Vladivostok,
1975–1999), Institute of the Oriental
Studies, NAS, Ukraine (Kiev, 2001–2002)

Place: Beijing (Xiangshan)

Date: October 19, 2009

Hosted by: Valentin Ts. Golovachev

Footnotes: Valentin Ts. Golovachev

Duration: 6 hours

Головачёва Лидия Ивановна (25.10.1937–15.06.2011). Родилась в г. Тамбов. Китаевед, кандидат исторических наук (1981), переводчик. Специалист по новейшей истории Китая, древнекитайской философии (Конфуций, Лаоцзы), древней китайской иероглифике, конфуцианству в современной цивилизации. В 1960 г. окончила ЛИСИ, в 1975 г. – Востфак ЛГУ. В 1961–1969 гг. жила в Пекине, преподавала русский язык в университете Цинхуа. Приглашённый профессор Аньхуэйского, Наньчанского и Пекинского университетов (1994, 1999). Сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР – ДВО РАН (Владивосток, 1975–1999), Института востоковедения НАН Украины (2001–2002). Автор почти 100 научных работ. Пенсионер. Узнала о Китае в годы 2-й мировой войны, а с первыми китайцами лично познакомилась в 1950-х гг., во время учёбы в ЛИСИ. В 1961–1969 гг. жила и работала в Пекине. После окончания Востфака в 1975 г. не могла найти работу по китаеведной специальности в Москве и Ленинграде, поэтому переехала во Владивосток. В 1981 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Механизм перевоспитания кадровых работников в годы маоистской «культурной революции» в Китае». По этой теме изданы (депонированы) две монографии. С начала 1980-х и до 2011 г. изучала «Лунь юй» и «Даодэцзин». В 1992 г. издала первый в советские времена полный перевод «Лунь юй» на русский язык (журнал «Рубеж»). Главная научная тема – Конфуций, переводы «Лунь юй» и циньская реформа письма или так называемая «пре-синология». Автор переводов с китайского и английского на русский язык нескольких научных и художественных книг о Китае.

ВГ: Здравствуйте, уважаемая Лидия Ивановна! Прошу вас в нескольких словах представить себя для формального начала этого «китаеведческого» интервью.

ЛГ: Я – Головачёва Лидия Ивановна. По профессии – китаевед-историк. Приобрела эту профессию после длительного пребывания в Китае. Родилась я в городе Тамбове в 1937 году. Сейчас мне 72 года, и я уже много лет на пенсии.

ВГ: Скажите, пожалуйста, как вы лично относитесь к международному проекту «Китаеведение – устная история», в котором мы в данный момент принимаем общее участие?

ЛГ: Я считаю, что это замечательный проект! Считаю, что у нас и за рубежом до сих пор слишком мало известно о наших китаеоведах, хотя в Китае, например, уже с 80-х годов прошлого столетия существуют библиографические словари советских и российских китаеведов¹. У нас в России, титаническими трудами *Софьи Давидовны Милибанд*, тоже издан биобиблиографический словарь отечественных востоковедов, в том числе и о китаеоведах там говорится². Но биобиблиографических дан-

¹ Видимо, имеется в виду двухтомник «Руководство по российскому и советскому китаеведению» (616 с.), изданный в 1986 г. Академией общественных наук КНР. См.: 俄苏中国学手册(上,下) – 中国社会科学院文献情报中心编. 中国社会科学出版社, 北京: 1986.7.

² *Милибанд С.Д.* Востоковеды России. XX – начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М., 2008.

ных очень мало, стандартный «куррикулум» – где родился, где учился, когда защитился. Самое интересное – как пришёл, как состоялся – остаётся за кадром.

ВГ: Если вспомнить о ваших самых первых шагах на пути к китаеведению, то можно ли спросить, как и когда вы впервые узнали о том, что существует такая страна – Китай? Каким был первый образ Китая, сложившийся в вашем личном представлении?

ЛГ: Лет пять мне было, когда я впервые узнала о Китае из потрёпанной детской книжки с картинками, которую дедушка принёс из библиотеки. Называлась она «Китайчонок Лан»:

Большая страна Китай!
Повсюду – и там, и тут
Цветёт ароматный чай,
Который все в мире пьют...
...Шанхай, корабли встречай,
Придут корабли гурьбой
И чай, ароматный чай,
Они увезут с собой...

В этом стихотворении рассказывалось о шанхайском мальчике, который пробрался на один такой корабль и залез в трюм. Злые английские моряки обнаружили его далеко в море и выбросили за борт. А мальчик хорошо плавал. Обнаружив это, англичане выловили ребёнка и со смехом привязали к его ногам гири: «Ну-ка, ты поныряй с гирями на ногах!..» Ужасный этот образ остался со мной на всю жизнь. Спустя много лет мне сказали, что это было стихотворение *Джека Алтаузена*.

ВГ: Такой антиколониальный образ. Но это был всё же некий вымышленный литературный образ. А когда вы реально узнали о том, что на свете есть Китай?

ЛГ: Во время войны мы с бабушкой искали на карте Нанкин и Чунцин. В школе читала, как пограничники на Дальнем Востоке наблюдали бесчинства японцев на территории Китая. Помню письмо русской девочки из Китая в «Пионерской Правде». Она писала, что, к сожалению, китайцы смиренные, покорные, и революции у них не может быть. Всё оказалось не так. После победы во Второй мировой войне об успехах китайской революции сообщалось много, за китайцев все радовались. Я была в шестом классе, когда в пионерском журнале «*Костёр*» появилась большая статья по истории китайской революции, о *Яньани*. Эта статья произвела на меня большое впечатление, тем более что автором её был школьник. Я удивлялась, как хорошо это написано и как он всё это мог узнать (наверно, его родители работали в Китае)? А когда я окончила школу и поступила в Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ), то оказалось, что со мной в одной группе учатся пятеро китайцев! На нашем курсе училось 10 китайцев! А всего в нашем институте – 40 человек! Тут и произошло моё первое знакомство с живыми китайцами из Китая.

ВГ: То есть это были китайские студенты, которые приехали в Советский Союз, чтобы получить высшее образование и специальность?

ЛГ: Да, они приехали учиться, и мы тогда очень подружились с ними. У нас был большой интерес к Китаю. И эта дружба осталась на всю жизнь! Сейчас мы уже дружим более пятидесяти лет!

ВГ: Насколько я знаю, по своей профессии вы – инженер. Эта ваша первая профессия не имела отношения к Китаю, хоть вы и учились с китайцами. Как получилось, что вы всё-таки стали китаеведом? Что повлияло на ваш переход в китаеведение?

ЛГ: История эта весьма длинная. Мой отец был архитектором, и после войны наша семья переехала в разрушенный до основания город Севастополь, который нужно было поднимать из руин. Поэтому свою первую специальность я выбрала по примеру отца³. Но у меня была склонность к изучению языков. Очень хотелось поступить в Ленинградский университет на китайское отделение. Но даже заикнуться об этом я не могла. Судя по справочнику, в университете не предоставлялось общежитие. А мы поступали учиться вместе с моей сестрой-близнецом, она – в медицинский, где тоже общежития не было. У сестры призвание, я же всего только выбираю, чем в будущем заниматься. В семье младший брат, родители – интеллигенты-бессребреники, живут более чем скромно. Думала, что нужно приобрести какую-то практическую профессию, так и оказалась в строительном институте. Поступила без экзаменов: мы с сестрой окончили школу с золотыми медалями. Судьба распорядилась мною правильно. Китайское отделение, в то время модное и многолюдное, было в 1959 году закрыто в связи со свертыванием отношений с Китаем. Студентов раскидали по другим вузам. А я училась в ЛИСИ с китайцами и, в конце концов, вышла замуж за своего однокашника-китайца. Долгое время, многие годы после окончания института, я прожила в Китае, работая на кафедре русского языка пекинского политехнического университета *Цинхуа*. Это было в 1960-х годах. Изучение китайского языка иностранцами, живущими в Китае в качестве частных лиц, вызывало подозрение. Я немного научилась читать, освоила бытовой язык – не более. В те годы у меня почти не было возможности соприкоснуться с традиционной культурой Китая. Всё старое критиковалось. Правда, я внимательно прочитала переведенные на русский язык классические романы «Сон в красном тереме», «Троецарствие», «Речные заводы». Современная же история Китая была мне скучна. Описание китайской революции не вызывало ни интереса, ни эмоций – в противополож-

³ Головачёв Иван Григорьевич (1909–1997). Архитектор. Жил, воевал и работал в городах Тамбов, Ленинград, Севастополь и др. С мая 1945 г. спроектировал около 40 маяков и створных знаков Черноморского, Азовского и Днепровского лиманов, балаклавскую базу ремонта подводных лодок и многие гражданские объекты. Изобретатель вертикальной системы кладки в крупноблочном строительстве в Крыму. С 1956 г. – главный инженер Горпроекта. Нелькина Татьяна Ильинична (1911–1993). Врач-хирург, коллега и ученица В.Ф. Войно-Ясенецкого, ветеран войны. Никонова Наталья Ивановна (сестра-близнец), врач-терапевт, канд. мед. н. Живёт в Севастополе. Головачёв Александр Иванович (1949 г.р., младший брат), капитан 1-го ранга в запасе, живёт в Москве.

ность прежнему, тому, что было в детстве. Кое-что интересовало – например, старички, отрешённо сидевшие в уединенных местах парков, сложив на животе руки, – что они видят, о чём думают? Что-то связанное с буддизмом. Но о буддизме никто из моего окружения, в основном русскоязычного, ничего не знает. Впрочем, две книги внезапно вызвали во мне интерес к истории. Первой была книга *Натальи Ильиной* о жизни русских эмигрантов в Харбине и Шанхае⁴. Она кое-что прояснила. У нас на кафедре работали бывшие русские харбинцы Андреевы⁵, к которым я относилась критически. Они рассказывали о Харбине, но всё обрывочно, и я не могла связать этого с тем, что знала из русской истории периода революции и гражданской войны. А тут, благодаря Наталье Ильиной, система обнаружилась, причём всё было не так, как я себе раньше представляла. Вторая книга – «Два года в восставшем Китае» – написана *Верой Вишняковой-Акимовой*, жизнь которой меня просто-таки поразила⁶. Она начала изучать китайский язык в Москве в начале 1920-х годов, но увидела, что не сможет им как следует овладеть и в теплушке поехала через всю лежащую в разлухе Россию во Владивосток, где поступила в Восточный институт. После двух лет обучения она была послана в Китай. В Китае развёртывалась антиимпериалистическая революция, там работали советские военные и политические советники при войсках партии Гоминьдан, они нуждались в переводчиках. Эта девушка была назначена переводчицей в армию генерала *Фэн Юй-сяна* и провела в Китае два года, оказавшись прямой свидетельницей и участницей событий революции 1925–1927 годов, от её подъёма до поражения. Для меня вдруг по-новому открылась страница истории того времени. Она была совсем не такой, как в учебниках по новейшей истории Китая, переведённой на русский язык. Революция как бы обрела плоть и кровь и оказалась захватывающе интересной. И вдруг мне вспомнилось одно событие из детства, из севастопольской жизни: пожар на знаменитом черноморском теплоходе «Победа». Кажется, это было летом в 1948 году. Говорили, что там погиб китайский генерал. Его звали Фэн Юй-сян⁷. Более того, наша пекинская знакомая Фэн Ин-да, живущая в соседнем доме и приходившая к нам в гости, чтобы поговорить по-русски, оказалась дочерью того самого Фэн Юй-сяна. Ну и ну! Вот так, неожиданно, и началось моё увлечение современной историей Китая.

⁴ Имеется в виду автобиографический роман Н.И. Ильиной «Возвращение» (М.: Советский писатель. Кн.1–2, 1957, 1965).

⁵ Лев Владимирович (1898–?) и Вера Кирилловна Андреевы (?–?). Супруги. Бывшие белоэмигранты. В описываемое время жили и работали в университете Цинхуа. В годы «культурной революции» эмигрировали в Австралию. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁶ *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае. 1925–1927. М., 1965.

⁷ Фэн Юй-сян погиб с дочерью 4 сентября 1948 г. при переезде из США в СССР, на Чёрном море, недалеко от Ялты, из-за пожара («несчастный случай при возгорании киноплёнки») на пассажирском судне «Победа». Возможно, стал жертвой диверсии. Гроб с его телом был отправлен для кремации в Москву. В 1953 г. власти КНР торжественно перезахоронили останки маршала в Китае, у священной г. Тайшань в провинции Шаньдун.

А потом случилась «культурная революция». Я была её беспомощным очевидцем, и она разрушила мою семью. Мне пришлось вернуться в Советский Союз, но я уже не могла оставить Китай. Я не могла жить без него. Хотя попыталась. Попыталась вернуться к своей покинутой профессии инженера⁸. Мне это удалось, но я уже знала, что это не моя судьба. А как свою судьбу мне отыскать? Продолжая работать по специальности в конструкторском бюро, я поступила в 1970 году на заочное обучение в Ленинградский государственный университет, на философский факультет. Мысль была такая: надо изучать древнекитайскую философию, заниматься самостоятельно китайским языком – а там посмотрим. Я знала, что шансы возвратиться в Китай у меня минимальные. Но хотя бы буду искать какую-то работу, связанную с Китаем. На первом занятии нам привели слова академика *Александрова*, бывшего ректора ЛГУ: «Студент не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно возжечь». Но очень скоро я почувствовала себя именно сосудом, который не только стараются наполнить, но прямо-таки набить до отказа. Нужна только память, всё остальное неважно. Уже учась на первом курсе, я узнала, что Восточный факультет в ЛГУ всё-таки существует и на нём есть китайское отделение, даже два – филологическое и историческое. Приезжая в Ленинград на сессии, я начала посещать заседания кафедры истории Китая на Восточном факультете – там читались научные доклады. И опять неожиданная удача – я попадаю на доклад В.Ф. Гусарова о яньаньском «чжэнфэне» 1940-х годов, о «движении за исправление стиля» в КПК. Глаза у меня открываются – то, что я видела во время «культурной революции», происходило в Китае и в КПК отнюдь не в первый раз. И не так всё просто! И то, что видит сторонний наблюдатель, и то, что думают о событиях их непосредственные участники, совсем не обязательно соответствует истине этих событий. А истина, если она вообще есть, где-то не там. Но где?

В какой-то момент у меня появилась мечта перейти с философского факультета на восточный. И опять мне это удалось, хотя пришлось преодолеть много трудностей организационного характера и сдать экстерном экзамены за два года по китайскому, японскому и французскому языкам, а также по истории Китая, Японии и других стран Азии с древности до нового периода включительно. Я безмерно благодарна своим родителям за понимание и поддержку. Они, конечно, мечтали, чтобы я жила с ними рядом, в Севастополе, ведь уже немолоды они были. Севастополь – идеальный для жизни город, только будущему китаеведу там делать нечего. И родители меня отпустили. В свои 33 года я оказалась студенткой третьего курса Восточного факультета ЛГУ⁹ – без общежития, без стипендии, мой ребёнок остался на руках моих родителей в Севастополе. Семестр прожила за счёт выходного пособия с работы, помощи родителей и помощи старых институтских друзей, дававших мне кров. Но это всё равно не то, что ехать в теплушке на Дальний Восток после гражданской войны, как Вишнякова-Акимова. Очередные

⁸ Л.И. Головачёва вернулась в СССР в 1969 г., жила у родителей в г. Севастополь и работала инженером в ЦКБ «Коралл», ведущем центре проектирования плавучих кранов.

⁹ Это произошло в 1972 г., когда Л.И. Головачёвой было 35 лет.

экзамены я сдала на отлично, мне дали повышенную стипендию и место в общежитии на Васильевском острове, где я почувствовала себя совершенно счастливой в среде будущих востоковедов. Небольшая группа китаистов-историков, в которую я влилась на третьем курсе, постепенно таяла из-за трудностей учёбы и бесперспективности трудоустройства. К окончанию университета нас осталось трое. Насколько мне известно, до сих пор Китаею занимаюсь только я одна.

ВГ: Китаеведческая школа Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета известна своими давними традициями, восходящими к академику *В.М. Алексееву* и многим другим известным китаеведам XIX–XX вв. Кем были ваши учителя, преподававшие вам в 1970-х годах?

ЛГ: Я окончила университет в 1975 году. Не могу сказать, что у меня были Учителя. У меня были преподаватели. Но это были очень хорошие преподаватели! Прежде всего, *Лев Абрамович Березный*, звезда нашего факультета. *Геронтий Валентинович Ефимов*, мой бессменный научный руководитель. Он терпеливо относился к моим философским интересам, но старался переориентировать меня на новейшую историю Китая. Ему это удалось. Мне нравились лекции *Георгия Яковлевича Смолина* по историографии Средних веков. Были и молодые преподаватели, читавшие нам одновременно и лекции по истории, и китайский язык (соответствующую лексику), – *Борис Григорьевич Доронин*, *Борис Михайлович Новиков*. У Новикова был спецкурс по тайным обществам Китая, я потом часто его вспоминала, думая о том, какую роль сыграли тайные общества в установлении в Китае коммунистического режима. Правда, сам он эту тему не затрагивал. Блестящим лектором был *Виктор Васильевич Петров*, читавший нам китайскую литературу и курс по словарям и справочникам. Виктор Васильевич отличался от всех. Он говорил так, что его слушали затаив дыхание. Кандидатской степени он не имел, хотя написал, как говорили, три диссертации по литературе новейшего периода. Как только он заканчивал работу, выбранного им автора начинали критиковать в КНР, а то и просто репрессировали. Так и не удалось ему защититься. Я всегда очень внимательно слушала своих преподавателей и старалась вобрать всё, что можно было от них взять. Правда, нельзя сказать, что я приняла их взгляды, что я принадлежу к их школе, потому что я человек уже другого времени.

ВГ: Очевидно, эти преподаватели много дали вам и привили вам настоящий интерес к изучению истории Китая?

ЛГ: Бесспорно, это так. В этом отношении они были и остаются для меня примером.

ВГ: С какой конкретной темы вы начали свою самостоятельную научную деятельность? Какой была тема вашей дипломной работы?

ЛГ: Моя первая самостоятельная научная тема была необыкновенно интересной! По альманаху «*Дунфан цзачжи*» (журнал «*Восток*») в период 1920-х годов.

ВГ: Что представлял собой этот альманах?

ЛГ: Это был шанхайский журнал знаменитого издательства «Шаньу иньшу гуань». Особенностью его было то, что он выходил в свет непрерывно более пятидесяти лет! Сначала в Китае, а потом на Тайване. Когда я получила эту тему дипломной работы (моим научным руководителем был Г.В. Ефимов), в Москве только-только открылся Институт информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР. И там появился комплект этого журнала. Это было такое погружение в события и идеи того времени, которого я даже не могла себе представить! Я увидела, насколько была развита интеллектуальная жизнь Китая в 1920-х годах. Какие были интересные течения в общественной мысли. Каков был подход к марксизму, к истории революции в России. Всё это меня просто поразило! Не думаю, что я тогда хорошо справилась с этой темой. Но знакомство с этим журналом помогло мне в моей жизни очень сильно. Потому что на разных её этапах эти события постоянно «всплывали». Знакомство с людьми, которые упоминались в журнале «Дунфан цзачжи», сыграло большую роль в моей дальнейшей научной деятельности.

ВГ: С тех пор, как вы окончили в 1975 году Ленинградский государственный университет, прошло уже почти 35 лет. Наверно, учившиеся вместе с вами студенты тоже стали за эти десятилетия известными китаеведами?

ЛГ: К сожалению, очень мало кто из моих однокурсников продолжил работу в китаеведении. Прежде всего, это было связано с тем, что время окончания нами университета совпало, можно сказать, с самым плохим периодом советско-китайских отношений. Пожалуй, я могу назвать фамилию только одной своей однокурсницы, которая с самого начала занималась Китаем и продолжает делать это сейчас. Это известный китаевед, профессор *Марина Евгеньевна Кравцова*. Сейчас она заведует кафедрой на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Все остальные наши сокурсники оставили китаеведение.

ВГ: А сколько вообще студентов изучали китаеведение на вашем курсе?

ЛГ: Из числа китаеведов-историков университет окончили всего три человека! А филологи (Марина Евгеньевна Кравцова была как раз филологом), их было пять человек, двое из них болгары. Были очень маленькие наборы. Вернее, наборы были довольно значительными, но потом все отсеялись. Заниматься китаеведением было трудно и бесперспективно с точки зрения работы (трудоустройства по специальности).

ВГ: Вы уже упомянули о том, что это был самый плохой период советско-китайских отношений, почти полностью исключавший контакты между обеими странами. Вероятно, вы не были исключением и, по окончании университета, у вас тоже возникли большие трудности с поисками работы по специальности?

ЛГ: Да, разумеется.

ВГ: Как вы её искали, и какую работу вы себе нашли?

ЛГ: В это время как раз появилось китаеведческое подразделение на Дальнем Востоке, во Владивостоке, в отделении АН СССР. Точнее, это было ещё даже не отделение, а Дальневосточный Научный Центр (ДВНЦ) Академии наук.

ВГ: Но прежде чем поехать на Дальний Восток вы, видимо, пытались найти работу в Ленинграде или в Москве?

ЛГ: Да. Но в то время это оказалось совершенно невозможно. Государственного распределения на работу по специальности у нас тогда не было вообще. И нужно было иметь либо ленинградскую, а лучше – московскую прописку для того, чтобы хоть что-нибудь найти. Ни той ни другой прописки у меня не было, я приехала с Украины. И когда мне предложили работу во Владивостоке, я согласилась, хотя, конечно, не с дорогой душой, слишком далеко от дома. Пример Вишняковой-Акимовой оказался забыт. А ведь я шла по её следам! Потом оказалось, всё-таки, что я поступила правильно. Впрочем, альтернативы не было, коль скоро я хотела изучать Китай.

ВГ: Что представляла собой эта работа на Дальнем Востоке?

ЛГ: Мне предложили работать младшим научным сотрудником в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока при ДВНЦ АН СССР. В этом институте был так называемый сектор Китая. Занимались мы преимущественно изучением истории Северо-Восточного Китая, региона, который у нас называется Маньчжурией.

ВГ: То есть вам пришлось подключиться к изучению того круга проблем, который уже изучался сотрудниками сектора Китая?

ЛГ: Можно сказать, что это было только самое начало изучения. Потому что сектор под руководством *Фёдора Владимировича Соловьёва*, замечательного энтузиаста изучения истории Китая, сформировался ещё совсем недавно. Основные темы ещё не были разработаны. Мы разделились по временным периодам. Мне с группой коллег поручили работать над последним томом запланированного труда по истории Маньчжурии.

ВГ: Сколько всего томов предполагалось написать в рамках этой серии?

ЛГ: Всего планировались три тома. Первый том – от древности и до начала XX века. Второй том – от начала XX века – до 1945 года. И третий – от 1945 года до наших дней. Кстати сказать, все эти три тома изданы. Причём последний том вышел, когда я уже закончила работу в этом институте и ушла на пенсию. Он был издан в 2004 году¹⁰.

ВГ: Но, помимо коллективной научной работы, вы также занимались и индивидуальной темой, которая стала потом темой вашей кандидатской диссертации. Что это была за тема, как она называлась?

¹⁰ История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1: Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.)/ гл. ред. *А.И. Крушанов*. Владивосток, 1987; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2: Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг./ гл. ред. *А.И. Крушанов*. Владивосток, 1989; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 3: Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг./ гл. ред. *В.Л. Ларин*; отв. ред. *Г.П. Белоглазов*. Владивосток, 2004.

ЛГ: Тема у меня была по «культурной революции» – слишком большую роль она сыграла в моей жизни. И мне хотелось разобраться в тех процессах, которые происходили в Китае начиная с 1966 года и до середины 1970-х годов. Мне казалось, что что-то недосказанное остается в тех работах, которые публиковались у нас в то время.

ВГ: Недосказанное или недопонятое? Или и то и другое?

ЛГ: Скорее всего, недопонятое. Я сосредоточила внимание на том, как «перевоспитывались», вернее сказать, психологически обрабатывались кадровые работники (*ганьбу*) партии и государства во время «культурной революции». Какие инструменты для этого существовали, какой подход использовался. Роль *хунвэйбинов*. Роль всяких традиционных для Китая психологических приемов, практиковавшихся в КПК ещё в 1940-х годах и ранее. Для изучения я использовала провинциальные газеты того времени. Провинциальными газетами тогда в СССР никто не занимался. Они кучей лежали в секторе истории ещё молодого Института Дальнего Востока АН СССР, занимавшего всего два этажа здания по улице Кржижановского. Чтобы познакомиться с ними, приходилось летать в командировки из Владивостока в Москву. Во Владивостоке мы получали только центральные газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», а нашей задачей было изучение жизни региона. Правда, билеты на самолёт тогда стоили очень дешево, но трудно было найти приют в Москве. Получить место в гостинице АН почти невероятно. Мыкались по друзьям и знакомым, причиняя им всякие неудобства, а частная сдача комнат для приезжих тогда не приветствовалась. Но ради провинциальных газет приходилось терпеть. В них не только более откровенно рассказывалось о происходящих в регионах событиях, но и публиковались статьи, которые служили инструкциями – кому, что и как надо делать. На эту особенность я и обратила внимание. К тому же Северо-Восточный Китай оказался плацдармом, где опробовались методы «культурной революции».

ВГ: То есть был как бы уникальной экспериментальной площадкой.

ЛГ: Да, экспериментальной площадкой, откуда всё начиналось. Как говорят в Китае – сначала провести эксперимент в точке, потом превратить точку в линию, а линию превратить в плоскость. То есть этот опыт распространялся на весь Китай.

ВГ: Какие основные выводы позволило сделать ваше диссертационное исследование? Вероятно, вы предложили свою оценку сути процессов, которые происходили в годы «культурной революции»?

ЛГ: Главный вывод моей диссертации был такой, что «культурная революция» была направлена на крупномасштабную «перековку» кадровых работников партии и государства, которые под влиянием неудач маоистских казарменно-коммунистических опытов «забрали слишком много воли» и стали сомневаться в правильности линии *Мао Цзэ-дуна*. Особой новизны в таком выводе как будто бы не было. Но наши исследователи слишком поспешно переносили на Китай суж-

дения, сделанные на основе изучения сталинских репрессий в СССР. «Если враг не сдаётся, его уничтожают», так было у нас, и Сталин безжалостно уничтожал кадровых работников. Особенностью репрессий в Китае было то, что «враг» должен был обязательно сдаться. Его массовое уничтожение не предполагалось, так как кадровые работники были самым активным и относительно грамотным слоем населения, притом слишком тонким, чтобы маоистский режим мог функционировать без него. Поэтому ставилась задача не уничтожить, а психологически «перекорвать» кадровых работников, чтобы использовать их в дальнейшем. И делалось это самыми изощрёнными методами, свойственными для китайской традиции. «Ганьбу» подвергались моральной пытке, доводились до грани сумасшествия и погибали, только если эту грань действительно переходили. Если же под тяжестью предъявляемых им обвинений они сгибались, на грани сумасшествия им разрешали «выпрямиться», то есть признать свои ошибки и снова постепенно вернуться в строй, приняв ту систему ценностей, которую им полагалось иметь. Грань, разделявшая эти две ступени «перевоспитания», была столь тонкой, что попавший в мясорубку «перевоспитания» не был в состоянии её самостоятельно различить, даже если механизм обработки хорошо знал. Механизм гарантировал искренность конверсии – по крайней мере, на время. Кадры традиционно занимались «перевоспитанием» местного населения и относительно механизма и его действенности были хорошо осведомлены. Как только появилась опасность им самим оказаться в роли жертв «перевоспитания», они принялись перенаправлять нацеленные на них удары на другие слои населения, прежде всего на интеллигенцию. Окружение Мао создало организации хунвэйбинов, а кадры в ответ создали свои. Дело дошло до гражданской войны и массовой гибели населения. Введение в действие армии сломило сопротивление ганьбу. Но они (в основной массе) сумели выдержать «перевоспитание», выжили и остались на своём месте. Принцип «согнёшься – уцелеешь, а, согнувшись, выпрямиться недолго», который пропагандировался в китайском марксизме как принцип «отрицания отрицания», вполне оправдался. Это и был самый главный вывод моей диссертации.

ВГ: Когда вы защитили свою кандидатскую диссертацию, и как она называлась?

ЛГ: Я защитила диссертацию в Москве в 1981 году. Называлась она – «Механизм перевоспитания кадровых работников в период маоистской “культурной революции”»¹¹.

ВГ: Насколько мне известно, в своё время вы даже опубликовали монографии по этой теме и по новейшей истории Северо-Восточного Китая...

ЛГ: Да, я опубликовала две монографии. Одна из них была как раз посвящена так называемому «маоистскому подходу к воспитанию кадров». А вторая – ходу

¹¹ Механизм идейно-психологической обработки кадров в период «культурной революции» в КНР (1966–1971 гг.): автореферат диссертации канд. ист. наук/ АН СССР. Институт Дальнего Востока. М., 1980. 19 с.

«культурной революции» в Северо-Восточном Китае. Обе эти монографии были депонированы, то есть опубликованы в одном экземпляре и хранятся в библиотеке ИНИОН – Института научной информации по общественным наукам¹². Учёный совет ИДВ АН СССР дважды принимал решение о публикации монографии по моей диссертации. Она даже прошла редактирование. Но дело, в конце концов, решил начальник редакционного отдела ИДВ, настойчиво расспрашивавший меня, как у нас на Дальнем Востоке дела с рыбой. Когда выяснилось, что рыбы у меня нет, он заявил мне, что такую «китайщину», такие подробности психологической обработки не стоит сообщать широкому советскому читателю. Такие были в то время нравы. Тогда я и отдала свои работы на депонирование. Может быть, кто их и прочитал. Я видела цитаты из своей книги в монографии бывшего посла СССР в КНР, который защитил диссертацию по «культурной революции» после меня. У нас был общий научный руководитель. Наверное, и рыбы у него не попросили.

ВГ: В 1970-х и начале 1980-х годов советское китаеведение и историческая наука активно участвовали в антимаоистской пропаганде, в критике маоизма и опыта Китая. Вам, как сотруднику Академии наук СССР, конечно, тоже приходилось выступать перед населением с лекциями о советско-китайских отношениях и о современном положении в Китае. Как вы выполняли эту работу в то время, каковы были ваши подходы?

ЛГ: Разумеется, я активно участвовала в этой работе. В то время у населения практически не было других источников информации, кроме вот такого рода лекций. И у самих лекторов тоже были ограниченные источники информации. Прежде всего, это были новостные бюллетени ТАСС, где публиковались обзоры газет. Но мне повезло в том смысле, что наш институт получал ещё китайские центральные газеты – «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и др. Я регулярно читала их. Кроме того, мне удалось организовать постоянное обсуждение этих газет в нашем секторе, хотя этому мешало плохое знание китайского языка. Но всё-таки мы каким-то образом поддерживали эти обсуждения. И могли получать часть информации из этих источников.

ВГ: А провинциальные китайские газеты, о которых вы говорили, они были в вашем распоряжении?

ЛГ: Нет, провинциальных газет не было. Провинциальные газеты хранились только в синологической библиотеке в Москве. Я уже упоминала здесь, что

¹² Головачёва Л.И. Культурная революция в КНР: механизм маоистского «воспитательного подхода» к кадрам (1966–1971 гг.) / АН СССР. ДВНЦ. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1981. 235 с. Библиогр.: С. 206–236. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР. №11209; Головачёва Л.И. «Культурная революция» на Северо-Востоке КНР (1966–1971 гг.) / АН СССР. ДВНЦ. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1982. 219 с. Библиогр.: С. 203–219. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР. №18197.

нужно было лететь с Дальнего Востока на самолёте, чтобы читать китайские газеты в Москве!

ВГ: Тем не менее, вы активно принимали в то время участие в лекционной работе, рассказывали местным жителям о Китае. А как относились в то время к Китаю жители Приморья и Дальнего Востока, если учесть, что и сам Китай называл тогда Советский Союз «врагом номер один», и обе страны держали тогда на границах большие войска?

ЛГ: Дело в том, что я попала на Дальний Восток уже в конце «культурной революции». Меньше чем через год после моего приезда во Владивосток (в 1976 году) умер Мао Цзэ-дун. И в это время в Китае начались перемены. Сначала никто даже не верил в их возможность. Были большие страхи у нас на Дальнем Востоке в отношении Китая. Ожидали нападения. Отчётливо помню высказывание директора нашего института¹³ после ареста «банды четырёх»: «Китай в огне. Если там не начнется гражданская война, они кинутся на нас». И нас как учёных поощряли к поддержанию этих страхов.

ВГ: Насколько обоснованными были все эти страхи?

ЛГ: Я думаю, что страхи подогревались совершенным незнанием обстановки в Китае, неадекватными её оценками. Так было не только на «далёкой окраине». По моим наблюдениям, те же самые оценки превалировали в центральных китаеведческих институциях, которые должны были предоставлять свои материалы ЦК КПСС и Министерству иностранных дел для формирования политики в отношении Китая. Наше китаеведение, зашоренное идеологической борьбой с маоизмом, оказалось неготовым к перемене своих взглядов, уже зафиксированных в многочисленных научных трудах. Поэтому и перемен в изучаемом «объекте» вначале не заметили. На Дальнем Востоке дело осложнялось экономическими трудностями, чрезвычайно плохим снабжением, что в какой-то степени могло выглядеть оправданным в условиях внешней угрозы. Признание отсутствия таковой потребовало бы кардинальных внутренних перемен, к этому тоже никто не был готов. Лично я считала страхи в отношении Китая необоснованными, по крайней мере, сильно преувеличенными. Я была категорически не согласна с тем, когда люди в приграничных районах выходили со слезами после выступлений лекторов из краевого центра. Мне приходилось, и нередко, выступать после таких лекторов. Я старалась успокоить слушателей. Меня некоторые местные деятели упрекали тогда в необоснованном оптимизме. Но я всё-таки, в отличие от них, наблюдала за событиями в Китае, хотя и по ограниченному кругу источников. Я видела перемены к лучшему, правда, тоже не думала, что они будут столь радикальны, каковыми оказались в действительности. Позже круг источников немного расширился. В Москву (опять же, в Москву!) стали поступать провинциальные журналы, партийные и академические. Тогда я решила, что нужно написать брошюры

¹³ Директором ИИАЭ НДВ ДВНЦ АН СССР в те годы работал А.И. Крушанов (1921–1991), академик (1987), историк.

с обзором политической и хозяйственной обстановки в Северо-Восточных провинциях. Написала, кое-что добавили мои коллеги из своих материалов. И мы издали эти брошюры под грифом нашего института¹⁴. Особого отклика не ожидали, но потом как-то мне в руки попали брошюры, распространявшиеся среди военных пропагандистов Дальневосточного военного округа. Слово в слово всё было списано с наших брошюр, конечно, без ссылок. Я почувствовала удовлетворение: трудилась не напрасно. Надо сказать, что в оценке обстановки в Китае мне очень помогли мои штудии по «культурной революции». Вот тут я убедилась, что важно не знание множества фактов, а понимание их взаимосвязи.

ВГ: Вы упомянули выше о том, что лично пережили эту «десятилетнюю смуту»? О чём вы чаще всего думаете, когда вспоминаете «культурную революцию»? Каково ваше самое глубокое личное впечатление от событий в Китае того времени?

ЛГ: ... Мне не нравится выражение «десятилетняя смута». В лучшем случае, оно не выражает сущности «культурной революции», в худшем – вуалирует эту сущность. По-моему, «культурная революция» завершилась в 1971 году конверсией кадров и созданием новых низовых органов КПК, взамен разгромленных. А потом шли уже другие процессы. Я не прожила в КНР все эти десять лет. Но я была свидетелем главных событий (из тех, что происходили на виду у всех). Я не могу выбрать какое-то одно событие, оставившее во мне глубокое впечатление. Их было много, слишком много. Это «дацзыбао»¹⁵, в один миг заполнившие кампус университета Цинхуа, где я работала. И «митинги борьбы» с «врагами» – профессора в высоких позорных колпаках и в позах «реактивного самолёта», на которых старательно плюют проходящие студенты. Хунвэйбины, старательно сбивающие молотками каменную резьбу с фронтона кинотеатра – «борьба со старой культурой». Гибель троих ближайших соседей, бросившихся с крыши дома, не выдержав унижения. Профессора и врачи в белых нитяных перчатках (это рабочие перчатки, но они всё-таки белые) на стадионе на корточках дергают траву. За ними надзирает моя соседка, время от времени хлопающая «нестарательных» по голове «драгоценной красной книжечкой» – цитатником Мао. Стодневная война группировок в университете Цинхуа. Подавление университетских хунвэйбинов отрядами рабочих и армии, за один час в кампус ввели почти пятьдесят тысяч человек, и борьба группировок была прекращена мирным путём, за счёт количества

¹⁴ Головачёва Л.И. Китайская Народная Республика. [Ч].1. Провинция Цзилинь/ АН СССР. ДВНЦ. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Препринт. Владивосток, 1986. 37 с.; Китайская Народная Республика: провинция Хэйлунцзян (современное состояние)/ АН СССР. ДВНЦ. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Препринт. Владивосток, 1987. 64 с. Совм. с Белоглазовым Г.П.; Город Харбин: справочник/ РАН. ДВО. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1995. 100 с. Совм. с др.

¹⁵ *Дацзыбао* – букв. «Газета с большими иероглифами». Рукописные стенгазеты, выпускавшиеся с 1966 г. молодыми пропагандистами «культурной революции» в Китае.

вошедших. Внесение в университет на разукрашенных носилках благодарственного подарка Мао Цзэ-дуна рабочим отрядам – плодов манго (их потом будут тащить по всей стране)¹⁶. Митинг борьбы с Ван Гуан-мэй, женой председателя КНР *Лю Шао-ци* (1898–1969), проходивший на ступенях главного корпуса. Она в позе «реактивного самолёта» и с ожерельем из шариков пинг-понга на шее – в память о бусах, которые она надела на какой-то встрече с иностранной делегацией, не вняв совету Цзян Цин, жены Мао Цзэ-дуна. И наконец, измученный вид моего мужа¹⁷, приходившего с собраний «критики предателей, шпионов и ревизионистов без называния имён». Все его коллеги при этом поворачивались в его сторону, пристально на него смотрели и обменивались впечатлениями о цвете лица «некоторых ревизионистов в нашей среде» – от него ждали признания. Напряжённое ожидание его ареста. Наконец, его исчезновение, ночные проверки, обыски, хождение по «ревкомам» разных ступеней с вымаливанием свидания. Суд с двумя румяными студентами в роли судей, выдающий мне справку о разводе по заявлению супруга, «признавшего свои ошибки и не желающего больше иметь дело с советской ревизионисткой». Для меня на этом «культурная революция» кончается, для него – нет. Только через двадцать лет я узнаю, что был ещё вывод на расстрел. Ложный. Этот приём применялся к особенно упорным.

Вот и всё, что было, вот и всё, что было,

Ты, как хочешь, это назови.

Для кого-то просто – лётная погода,

А ведь это – проводы любви...¹⁸

ВГ: Как получилось, что от изучения новейшей истории Китая, проблем политической борьбы и советско-китайских отношений вы перешли к изучению древнекитайской истории и философии?

ЛГ: Это был очень интересный и долгий процесс, который продолжается и сегодня. Во-первых, на меня очень повлияла книга *Леонарда Сергеевича Переломова*, которая попала мне в руки в трудный момент моей жизни. Это была книга о движении «критики Конфуция и Линь Бяо» в Китае¹⁹. Из той её части, что предва-

¹⁶ Курьёзный «культ манго» возник в КНР в 1968 г., после визита в КНР министра иностранных дел Пакистана, который торжественно подарил Мао Цзэ-дуну несколько десятков неизвестных в Китае фруктов. Мао передал все манго группе по рабочей пропаганде университета Цинхуа в Пекине. По легенде, этот акт доброй воли так тронул сотрудников университета, что они решили разослать манго по всей стране, чтобы рядовые китайцы смогли насладиться видом чудесных фруктов. Вскоре было налажено массовое производство пластиковых и восковых макетов манго, которые выставлялись, а впоследствии и продавались в стеклянных колбах, украшенных цитатами из книг Мао.

¹⁷ Муж Л.И. Головачёвой – выпускник ЛИСИ, профессор университета Цинхуа (Пекин), эколого-инженерный факультет. Пенсионер.

¹⁸ Слова из песенки пилота в кинокомедии «Мимино» (режиссёр Г. Данелия, 1978).

¹⁹ *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. 340 с.

ряла собственно рассказ о движении и была посвящена учению Конфуция, я впервые узнала о том, что вокруг главных категорий его учения ведутся тысячелетние споры и обсуждения – что они означают? До этих пор я не задумываясь воспринимала всё, что говорили о Конфуции наши авторитеты, – всё именно так, а не иначе. А, оказывается, никто даже точно не знает, например, что означает самая главная категория учения Конфуция – *жэнь* (仁). Одни думают так, другие совсем иначе. По стечению обстоятельств, я в момент чтения книги раздумывала о совести. И вдруг – как озарение – я поняла, что Конфуций тоже говорит о совести, его главная категория (*жэнь*) – совсем не какое-то странное «человеколюбие», а «совесть», рычаг, открывающий крышку внутренней жизни человека, переносящий его внимание с внешних событий на внутренние переживания. С этого времени (с начала 1980-х годов) и начался мой интерес к Конфуцию. Он был в огромной степени «подогрет» чтением работ академика В.М. Алексеева, который познакомил вообще всех, кто читал его книги, с тем, как комментировался Конфуций²⁰. Познакомил со многими реалиями его жизни и его времени. Можно сказать, что эти две работы, отдалённые друг от друга многими десятилетиями, – они оказали на меня очень большое влияние и привели меня к тому, что я стала заниматься изучением конфуцианства.

ВГ: Но, однажды обратившись к древности, вы изучали потом уже не только Конфуция, но также *Лао-цзы*, *Даодэцзин*? Чем можно объяснить ваш интерес к *Даодэцзину*?

ЛГ: *Даодэцином* я заинтересовалась гораздо раньше, чем Конфуцием. Первая моя курсовая работа о Китае, написанная в то время, когда я ещё училась в университете, была по *Даодэцзину*. Трактат *Лао-цзы* в переводе *Ян Хин-шуна*, опубликованный в советские времена, ещё в 1950-е годы, выглядел необычно. При нём приводился оригинальный текст. В других китаеведных работах оригиналы никогда не выставлялись напоказ, параллельно переводу. А тут китайский текст памятника присутствовал и просто завораживал, завлекал к себе, какая-то магическая сила в нём была. С тех пор я не раз к нему возвращалась. В том числе в связи с изучением Конфуция. Моё первое выступление с предложением трактовать конфуциево *жэнь* как «совесть» было замечено и подверглось критике, впрочем, весьма доброжелательной²¹. Соблазнительно, сказали мне, но весьма сомнительно. Надо было подкрепить свою позицию. Как, например, понимали *жэнь* его современники? Первая мысль о *Лао-цзы*, считающемся антиподом Конфуция. Пришлось браться за *Даодэцзин*. А он меня не отпустил. Че-

²⁰ Алексеев В.М. Китайская литература (избранные труды). М., 1978. 595 с. Книга издана через 17 лет после кончины её автора.

²¹ Выступление прозвучало в 1983 г. на XIV конференции «Общество и государство в Китае». См.: Головачёва Л.И. О взаимосвязи понятий «жэнь» – «чжи» – «сюэ» в раннеконфуцианском памятнике «Лунь юй»// XIV научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1983. Ч. 1. С. 84–91.

рез некоторое время Конфуций отошёл на второй план, восемь лет я занималась *Даодэцином*.

ВГ: Что же вам удалось узнать о *Даодэцине* за эти долгие восемь лет? Какими были ваши основные открытия в изучении этого древнего памятника?

ЛГ: Я неоднократно выступала со своей концепцией *Даодэцина* на разных литературоведческих конференциях.

ВГ: То есть вам удалось разработать и сформулировать целую концепцию?

ЛГ: Да. Вот какую гипотезу я в отношении *Даодэцина* выдвинула: памятник, нацарапанный в период Чуньцю на бамбуковых планках или деревянных дощечках, долгое время хранился в каком-то тайнике, и кожаные шнуры, связующие планки, сгнили от сырости. И планки эти перепутались. В те времена такое часто случалось. Почему «тайник»? Потому что, во-первых, памятник сохранил свою целостность, а во-вторых, нужно было, чтобы много-много лет его не трогали, не рассматривали, не проветривали. То есть длительное время о его существовании не знали. Уж, во всяком случае, о нём не знали во времена Конфуция, хотя Конфуций, по преданию, встречался с Лао-цзы. Потом памятник был обнаружен и реконструирован. Причём существовало несколько вариантов реконструкции, но все они имели одну общую особенность: планки из двух частей, составляющих памятник (части о Дао и Дэ), не смешивались друг с другом, тогда как внутри каждой части они менялись местами. Это привело меня к мысли о том, что в «тайнике», какой бы вид он ни имел, было два отделения, где две части хранились отдельно. Го Мо-жо в своё время выдвинул гипотезу, что автором *Даодэцина* был философ Хуань Юань, чьё имя могло читаться как Гуань Ин. Отсюда, предположил *Го Мо-жо*, и пошла легенда, что Лао-цзы оставил своё произведение некоему Начальнику Заставы (гуань ин 關尹), когда «уходил на Запад». Гипотезу эту никто всерьёз не принимает. Считается, что Го Мо-жо очень много фантазировал по поводу древних иероглифов и о возможности замены одних иероглифов другими. А, по-моему, эта гипотеза чрезвычайно продуктивна. Недавно мне пришлось побывать в музее-квартире Го Мо-жо в Пекине, в его последнем жилище. На стульях в кабинете там лежит множество маленьких тетрадок. Мне объяснили, что это рукописи Го Мо-жо с расшифровками древних надписей на костях и бронзе, они недавно переданы в музей из Японии, где когда-то и были автором написаны. Конечно, я хорошо знаю двухтомник Го Мо-жо по китайскому письму, но объём подготовительного материала просто меня поразил. Непозволительно говорить о «фантазиях» Го Мо-жо перед лицом такой глубины знания материала. Скорее, можно сказать, что он столкнулся с явлением, которое пытался осмыслить, но, может быть, не смел в него поверить. А в действительности он понял, что под древними китайскими иероглифами скрывается фонетическое письмо. Но об этом я ещё расскажу позже, если вас это заинтересует. А сейчас вернёмся к *Даодэцину*. Изучая текст, я увидела, что в некоторых местах отдельные отрывки его схо-

дятся так, как сходятся соединяемые вместе пальцы двух рук. Но эти отрывки находятся в разных местах, что меня тогда удивляло. А потом, познакомившись с публикацией Мавандуйских списков, я узнала, что, оказывается, фразы текста можно переставлять местами, что такая нумерация (отрывков) изначально не существовала, что структура памятника отличалась от современной. Два обнаруженных в *Мавандуе* списка имеют разную нумерацию фраз и разное расположение частей. Есть в них различия в иероглифике. Мавандуйские тексты относятся к эпохе Западной Хань (206 г. до н.э. – 23 г.), они по происхождению довольно поздние. С учётом этого обстоятельства я поставила себе задачу восстановить первоначальную структуру текста. На мысль о необходимости работать со структурой навела меня революционная работа *В.С. Спирина* по построению древнекитайских текстов²², которой в то время увлекались все синологи. Спирин стремился определить структуру существующего канонического текста *Даодэцзина*. Я же предложила другую структуру, которая выявила равновесность и связность всех частей текста, математическую строгость его строения и, сверх того, впервые объясняла обнаруженный в Мавандуе обратный порядок частей памятника, посвящённых Дао и Дэ²³. Много лет по ночам, разложив на полу бумажки с иероглифами, изображающие бамбуковые планки, я пыталась отыскать эту структуру. И однажды отчётливо увидела фигуру человека, склонившегося над разложенными по земле дощечками, которые он время от времени менял местами. Я поняла, что кто-то вот так же, как я теперь, пытался найти структуру разрушенного памятника. Вот тогда-то я и вспомнила гипотезу Го Мо-жо. Эврика! Хуань Юань не был автором *Даодэцзина*! Он нашёл тайник, в котором хранился трактат Лао-цзы, написанный и спрятанный им перед смертью («уходом на запад»). При жизни Лао-цзы вряд ли мог существовать человек, способный оценить его великие прозрения. Возможно, Лао-цзы писал в будущее. О Хуань Юане, нашедшем тайник и реконструировавшем текст по своему разумению, и говорит легенда, где Лао-цзы оставляет рукопись Начальнику Заставы. Видимо, Хуань Юань (или кто-то другой, но оказавшийся именно в такой позиции), обнаружив две части памятника (а разделение памятника на части в легенде подчёркивается), не мог понять, какая из них первая. Поэтому он сделал два варианта реконструкции, просуществовавших вплоть до середины II в. до н.э. Мавандуйские царские захоронения относят к этому времени²⁴.

²² Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. М., 1976.

²³ Головачёва Л.И. К текстологическому анализу 38-го чжана «Даодэцзина» // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: тезисы 12-й научной конференции / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1986. Ч. 1. С. 73–81; Головачёва Л.И. О реконструкции структуры «Даодэцзина» // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1988. Ч. 1. С. 67–73.

²⁴ Древние могильники у холмов Мавандуй (г. Чанша, пров. Хунань) случайно найдены в 1971. В ходе раскопок в 1972–1974 гг. найдены 3 больших захоронения: «князя Дай» (вла-

Это был период Западной Хань, когда для императорской библиотеки собирались и перезаписывались древние памятники, в том числе там фигурировали и новописьменные варианты *Даодэцзина*. Но Мавандуйские варианты в императорскую библиотеку не попали. Возможно, они были намеренно скрыты как великая ценность и захоронены вместе с царской семьёй. Следы этих рукописей в древности не прослеживаются, они стали известны только в результате раскопок в 70-е годы XX века²⁵.

Моя работа над *Даодэцином* не закончена. Гипотеза была выдвинута, реконструкция структуры частично осуществлена, а вот обоснование правомерности моих манипуляций с текстом ещё далеко не завершено и это связано с возникшей фундаментальной историко-лингвистической проблемой – что представляло собой письмо, которым в период Чуньцю-Чжаньго были записаны древнекитайские классические каноны. Я представляла свою работу по *Даодэцзину* в Пекинском университете на кафедре истории древнекитайской философии и на философском факультете Аньхуэйского университета²⁶. Пекинскому университету я подарила свою реконструкцию. Надо сказать, что от такого подарка были они не в восторге. Приняли его небрежно и выразили мне, что я произвела в тексте замену многих иероглифов другими, а это неуважение к традиции. Замен у меня было действительно много, но я заменяла одни иероглифы другими, если они звучали одинаково, но писались по-разному. Такие замены всегда делали древние комментаторы, считая, что древние иероглифы употреблены в тексте не в своём исконном значении, а как «заимствованные знаки», то есть для обозначения звучания слов. Более того, все сделанные мной самостоятельно замены, как потом оказалось, фигурировали в комментариях китайских учёных. В Аньхуэйском университете, наоборот, приняли мою работу с большим интересом. Однако развитию наших отношений помешали слишком редкие мои поездки в Китай.

Как уже упоминалось, этой работой занималась я восемь лет и считаю эти занятия чрезвычайно плодотворными. Мечтаю вернуться к *Даодэцзину*, причём в новом теоретическом вооружении. Надеюсь, что времени моей жизни на это хватит. Работу над Лао-Цзы я оставила на восьмом году, чтобы закончить перевод Конфуция в своей новой трактовке. Я опубликовала этот перевод в 1992 году в дальневосточном альманахе «Рубеж», претендовавшем на преемственность с альманахом

дел уделом Дай в 185–165 гг. до н.э.), его 50-летней жены и, видимо, сына. Могилы князя и сына разграблены. Зато датированная около 175 г. до н.э. могила жены и её тело сохранились полностью. Многие из найденных в 3-й могиле книг были известны лишь по названию, а ряд других (например, приписываемые Конфуцию комментарии к И-цзину) были совсем неизвестны. Всего найдено 28 трактатов по астрономии, истории, медицине и пр., а также древнейшие копии «Планов Сражающихся царств», *Ицзин* и *Даодэцзин*.

²⁵ То есть записанные новыми иероглифами, идеофонограммами.

²⁶ В 1994 г. и 1999 г. как приглашённый профессор Л.И. Головачёва читала лекции в университете провинции Аньхуэй, а также в Наньчанском и Пекинском университетах.

такого же названия, многие годы выходявшем в Харбине. Это был первый опубликованный в советские времена полный перевод *Лунь юй* на русский язык²⁷. Тогда я ещё не понимала, что после «Уже-Конец» следует «Ещё-не-Конец»²⁸. А получилось именно так. В отношении с *Лунь юй* у меня «Ещё-не-Конец».

ВГ: Ваша китаеведческая карьера длится уже 35 лет. На протяжении этих лет вы занимались и журналом «Дунфан цзачжи», и «культурной революцией», и новейшей историей Китая, а также Конфуцием и Лао-цзы. Какую из этих тем вы всё же считаете для себя главной?

ЛГ: Главной для себя я считаю тему Конфуция.

ВГ: Почему вы так считаете?

ЛГ: Вообще, я считаю, что Конфуций до сих пор – по-настоящему ещё не прочитанный автор.

ВГ: Но ведь существует так много переводов! Многие века потрачены сотнями переводчиков на то, чтобы перевести Конфуция на десятки языков мира. Поэтому ваши слова звучат как минимум парадоксально!

ЛГ: Да, я это вполне понимаю. Однако в науке такое бывает. Кажется, всё уже изучено, исследовано, освящено многовековым авторитетом традиционной науки. Правда, некоторые неясности имеются, но их стараются не замечать. А потом – раз! Приходит чужак, обязательно чужак для традиционной науки, потому что у него взгляд свежий, все переворачивает, вывертывает наизнанку. Проблемы становятся явными, и потом для них находится решение. Обычно это связано с какими-то фундаментальными открытиями. И как это ни парадоксально звучит, такое открытие довелось сделать мне, и помог мне его сделать Конфуций.

ВГ: В чём состоит ваше фундаментальное открытие?

ЛГ: Фундаментальные открытия требуют фундаментального обоснования, а интервью – не научная монография. Но я постараюсь, всё-таки объяснить, в чём моё открытие состоит и почему я называю его фундаментальным.

Кто задумывался о том, каким письмом был написан оригинал *Лунь юй*? Ясно, что «старым», поскольку в стене дома наследников Конфуция в эпоху Хань были найдены списки *Лунь юй* и других текстов, исполненные «старым» письмом. Но существовали ещё и другие списки *Лунь юй*, вместе со «старым» легшие в основу нынешнего текста. Они были записаны с голоса «новым» письмом. А что такое «старое» письмо? О нём известно только, что его никто не мог понять, когда «списки из стены» обнаружили. А потом для одного из «старых» текстов из стены (но не для *Лунь юй*) появился параллельный список, записанный с голоса «новым» письмом, и «старое» письмо было расшифровано. Не напоминает ли эта ситуация какую-нибудь другую? По-моему, напоминает – она напоминает

²⁷ Беседы и суждения Конфуция: [гл. 1–20] / Перевод с древнекитайского Л.И. Головачёвой. // Рубеж. Владивосток, 1992. № 1. С. 259–310.

²⁸ «Уже конец» 既濟 Цзи Цзи, «Ещё-не-конец» 未濟 Вэй Цзи. Соответственно, названия предпоследней (№ 63) и последней (№ 64) гексаграмм *И-цзин* (Книги Перемен).

расшифровку Розеттского камня *Шампольоном*. Там ведь были непонятные египетские иероглифы и параллельный текст на греческом. И как же Шампольон расшифровал древнее письмо? Он понял, что за иероглифами на камне стоит фонетический текст, что иероглифы передают звучание слов, а не их значение. А в нашем случае – как обнаружилось, что один непонятный иероглифический текст параллелен другому? Как обнаружилось, что так называемое «головастиковое письмо» списков из стены передает те же слова, что и «новое»? Видимо, было что-то общее во внешнем виде. Знаменитый учёный XX века *Ма Сюй-лунь* (1885–1970) исследовал образцы «головастикового письма» по древнему словарю «Шо вэнь цзе цзы». Вывод был неожиданный: «головастиковое письмо» отличалось от других видов письма в этом словаре только толщиной черт. Начала черт были толстые, а концы тонкие, потому, видно, оно и было названо головастиковым. Ма Сюй-лунь объяснил эту особенность тем, что в древности писали не тушью и кистью, а твёрдым стилем и лаком. Лак в стиле истощался, и концы иероглифов получались тоньше. Но почему же тогда «головастиковое письмо» было непонятно? Вот здесь открытие и происходит. Оно было непонятно не потому, что письмо было неизвестно, а потому, что это было письмо «заимствованными знаками». Нужно было принимать во внимание не их значение, а их звучание. Отсюда понятно и как произошла идентификация параллельного текста – по тождественности звучания. Новое письмо передавало и звучание, и значение слов. Оно состояло из «фонетиков» и «ключей», а «старое» – только звучание. Ключей в нём не было, это были изобразительные знаки. Причём для обозначения одного и того же звучания (слова) могли использоваться самые разные «заимствованные знаки». А как же получилось, что такие сложные тексты, как «Лунь юй» и «*Шан шу*», то есть «*Шуцзин*», который и послужил ключом к расшифровке, были записаны заимствованными знаками? Ведь это очень сложные тексты?! Китайские учёные-грамматологи, а за ними и зарубежные синологи утверждают, что существование письменности, использующей заимствованные знаки, невозможно, потому что её невозможно понять, ведь такие иероглифы означают совсем не то, что они должны означать. Правда, признаётся, что заимствованные знаки всё-таки использовались. Например, надписи на бронзе периода Чуньцю-Чжаньго – это ведь оригинальное письмо того времени, а там заимствованных знаков очень много. По крайней мере, это утверждал «фантазёр» Го Мо-жо. Учёные говорят, что заимствованные знаки использовались в каких-то надписях, а для философских и сложных текстов существовало идеофонографическое письмо. Оно существовало с эпохи Инь (XVII–XI вв. до н.э.), но особое развитие получило в период Чуньцю-Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.). Интересно, а кто же «развивал» такое письмо? Народ, – отвечают учёные грамматологи, – понимая, что фонетизация письма (а использование заимствованных знаков есть первая ступень фонетизации письма) мешает его единству в пределах будущей территории Китая, в то время ещё поделённой на разные царства. Народ стихийно стремился к

единению через создание идеофонографического письма. Звучит идеологически выдержанно, но неубедительно. А синологи, замороженные легендой об альтернативном пути развития китайского письма, этого не замечают. Моё открытие состоит в том, что в период Чуньцю-Чжаньго не существовало никакого идеофонографического письма. А было только изобразительное письмо, использовавшееся в качестве заимствованных знаков. Им и записывали Конфуций с учениками все классические произведения китайской древности (ранее передававшиеся устно) и свои философские тексты. Другого письма взять им было неоткуда, но «нарисовать» новые понятия было уже нельзя. Поэтому письмо фонетизировалось стремительно. А как же этот процесс был прерван? Когда китайское письмо возвратилось «на свой собственный путь, альтернативный мировому»? Это произошло после объединения территории Древнего Китая династией Цинь (221–206 гг. до н.э.). Не стихийно, а целенаправленно. Не народ, а императорская власть ввела в употребление идеофонографическое письмо через реформу письма 213 г. до н. э. в качестве инструмента унификации управления империей. Ведь на территории новой империи говорили на десятках разных языков и диалектов, притом используя сходное изобразительное письмо, которое могло читаться и толковаться по местным правилам.

Вот такую концепцию я сейчас развиваю и, исходя из неё, утверждаю, что Конфуций – это ещё не прочитанный автор. Фонетический текст можно прочитать иначе, чем это было сделано при династии Хань. Свою концепцию я представляю на разных конференциях в России и в Китае²⁹. Не могу сказать, что в Китае её встречают с распростертыми объятиями, так же как и на наших родных просторах. Но всё-таки тот факт, что во времена Конфуция в Китае писали фонетическими знаками, постепенно начинает проникать в умы наших учёных. Думаю, что в своё время эта концепция всё-таки получит признание! Не знаю, правда, когда наступит это время...

ВГ: Существуют ли какие-то сходные идеи в китайской науке и в западной синологии?

ЛГ: В китайской исторической науке? Надо сказать, что существует категория людей, которые придумают что-то новое в результате просветления, а потом оказывается, что это уже существует. У нас в России это называют «изобретением велосипеда». Вот я и есть такой «изобретатель велосипеда». В китайской истории, очень долгой истории, учёные много раз обнаруживали то, что древнее письмо было фонетическим. Причём это отмечено и в наших энциклопедиях. Просто масштабы фонетизации китайского письма, может быть, в прошлом ещё

²⁹ Lidia I. Golovacheva. To observe mistakes of two schools of old jingxue and to build up pre-sinology as a new branch of science// 丽·伊·戈洛瓦乔娃 纪念孔子诞生2555周年国际学术研讨会论文集 [Сборник статей Междунар. науч. Конф. в честь 2555-летия со дня рождения Конфуция]. Пекин, 2005. Т. 4. С. 2143–2156. URL: <http://epub.cnki.net/grid2008/detail.aspx?QueryID=5&CurRec=1>

не осознавались в полной мере. Что касается западной синологии, то тут, можно сказать, пионером исследования китайского фонетического письма – заимствованных знаков – выступил *Карлгрэн*. Он очень подробно исследовал многие древнекитайские памятники (при этом считая, что они были написаны идеофонографическим письмом) – какие знаки комментаторы заменяли другими знаками и какими именно. Он тоже выдвинул свою гипотезу перехода от использования «заимствованных знаков» к использованию идеофонографического письма, причём даже приписал идею идеофонографического письма «какому-то гению», то есть какой-то личности. Но все эти процессы Карлгрэн относил к доклассической древности. Он не понял, что современное письмо, в котором большинство иероглифов относится к категории идеофонограмм, не образовалось в глубокой древности и не развивалось стихийно, а было создано по заказу императорской власти при династии Цинь, причём и имя «гения-изобретателя» идеофонографического письма известно. К счастью, труды Карлгрена избавили меня от огромной работы, которую было бы необходимо сделать, чтобы доказать западным синологам, что сами китайцы, комментируя древнюю литературу, легко заменяли один иероглиф другим, если они звучали одинаково. Карлгрэн это сделал, и мне теперь этого делать уже не надо. Надо только на него ссылаться³⁰.

ВГ: Получается, что циньские реформы письма были прогрессивными для своего времени? Но зачем тогда император *Цинь Ши-хуан* сжигал книги и закапывал учёных-конфуцианцев? Точнее, просто учёных.

ЛГ: Тут возникает сразу два вопроса, которые мне хотелось бы разделить – о прогрессивности единого письма и о репрессиях, повлёкших за собой культурную катастрофу. Циньское книжное сожжение было связано именно с реформой письма, а не с идеологическими разногласиями с конфуцианцами. Да, казнили конфуцианцев, потому что конфуцианцы в основном и были носителями грамотности – «грамотеями», которые знали местное письмо и способы фонетического заимствования. Когда же Цинь Ши-хуан присоединил к изобразительным иероглифам (эти иероглифы использовались в царстве Цинь, в том числе и как заимствованные знаки) разные ключевые знаки, число знаков в употреблении выросло во много раз. Их было трудно запомнить, что, конечно, грамотным не могло нравиться. А вот то, что эти знаки получили фиксированные значения, именно такие, какие они имели в царстве Цинь, что исчезла возможность изменять значения письменных знаков и свободно перетолковывать в свою пользу содержание указов центральной власти, не нравилось бывшей аристократии на местах. Но исполнителями перетолкований всё равно были грамотеи. Они и сопротивлялись реформе. Цинь Ши-хуан уничтожил старое письмо и упрямых старых грамотеев, чтобы быстрее восторжествовало новое письмо. Вместе с тем у него был

³⁰ Головачёва Л.И. По поводу доциньского письма: пре-синология, китайская *сянь цинь сюэ* и Карлгрэн // XXXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае» / РАН Институт востоковедения. М., 2008. С.127–135.

подготовлен свой отряд учёных-эрудитов, которые должны были переписать старую литературу на новый лад, то есть новым письмом. Для этого и были подготовлены прописи – древние словари. Только вот Цинь Ши-хуан не успел сделать все это.

Китайские учёные оценивают циньскую реформу письма как прогрессивную, хотя они понимают её совершенно иначе – как упрощение написания иероглифов. Я же этого сказать не могу. Кто знает, что было бы, если бы фонетизация китайского письма осуществилась? Я всё-таки считаю, что иероглифическое письмо – большое препятствие распространению культуры.

ВГ: То, что вы говорите, действительно звучит весьма революционно...

ЛГ: Я думаю, что это революционные мысли. Надеюсь, что эта революция когда-нибудь победит!..

ВГ: Кто из западных китаеведов, помимо Карлгрена, оказался полезен для ваших исследований и оказал на вас наиболее существенное влияние?

ЛГ: Ну, я в основном знакома с американской и французской синологией. Но не могу сказать, что кто-нибудь из западных синологов оказал на меня большее влияние, чем наши российские китаеведы.

ВГ: Приходилось ли вам, скажем, заочно полемизировать с западными коллегами по изучаемым проблемам?

ЛГ: Да, как-то раз я написала статью с возражениями *Герберту Фингаретту*³¹. Но я не считаю это полемикой. Просто в то время местные оппоненты выдвинули мне упрёк в том, что я не знакома с работами Фингаретта, который будто бы доказал, что никакой внутренней жизни людей во времена Конфуция не было, так что зря я говорю о совести. Мне пришлось написать статью с возражениями. Кстати, Фингареттом и до сих пор клянутся некоторые учёные коллеги. Он сейчас переведен на русский язык, и можно прочесть его, например, в книге *И. И. Семененко* «Я верю в древность»³².

ВГ: Сейчас, когда проводится это интервью, мы находимся вместе с вами в Пекине, где проходила очередная научная конференция по Конфуцию, приуроченная к его годовщине. Можно ли рассказать в нескольких словах об этой конференции и о теме доклада, с которым вы на ней выступали?

ЛГ: Эта конференция была посвящена юбилею Конфуция, со дня рождения которого прошло 2560 лет. Такие конференции проводятся уже двадцать лет, с тех пор как авторитет Конфуция в Китае стал снова повышаться. Многие люди в Китае и руководители этой страны сегодня озабочены тем, как воспитывать молодое поколение. Очевидно, что необходимы перемены. И конфуцианские

³¹ Головачёва Л.И. Герберт Фингаретт и требование «депсихологизировать» Конфуция // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1985. Ч. 1. С. 42–49.

³² Семененко И.И. Конфуций. Я верю в древность / Сост., перевод и комментарии И.И. Семененко. М., 1995.

ценности уже больше не кажутся такими неинтересными, устаревшими и даже реакционными, как это казалось, скажем, во время «движения 4 мая» и, в особенности, в годы после так называемого Освобождения Китая, то есть в годы существования Китайской Народной Республики. В стране нужно восстанавливать уважение к семье, которое сильно пошатнулось в годы «культурной революции». Восстанавливать отношение к старикам, к детям, отношения между начальниками и подчинёнными, между мужем и женой. Все эти проблемы рассматривал Конфуций. Сегодня среди китайских учёных наблюдается своеобразный «бум» изучения Конфуция. Ещё лет пятнадцать тому назад, когда я стажировалась в Академии общественных наук в Харбине, мне удалось побеседовать с директором местного Института философии. Я попыталась поговорить с ним о Конфуции. Но он сказал, что вот Лао-цзы – это «горячая дверь» (*жэ мэнь*), то есть очень популярная тема. А Конфуций – это *лэн мэнь* («холодная дверь»). То есть сфера, где ничего не найдешь, бума не ожидается. В то время так думали и западные учёные. Например, знаменитый учёный *Ду Вэй-мин*, который, кстати, только что получил в Китае премию за изучение конфуцианства, тоже считал, что Конфуций – это «музейная окаменелость». Но оказалось, что современный бум связан именно с именем Конфуция. И Ду Вэй-мин получает сейчас за это премию!

ВГ: Чему был посвящён ваш доклад на этой юбилейной конференции?

ЛГ: Мой доклад назывался так: «Конфуций совсем не прост»³³. Эту статью я, наверно, опубликую в ближайшее время и на русском языке. В своём докладе я хотела показать (не знаю, правда, насколько мне это удалось), что за каждым текстом Конфуция стоит ещё несколько текстов, которые тождественны по звучанию, но различны по содержанию. Конфуций, стремясь развить мышление своих учеников, создавал такие тексты (как он их создавал, трудно даже вообразить), проговаривал их, требовал, чтобы ученики записывали их (разумеется, «заимствованными знаками», по своему разумению) и всегда держали перед собой. Держали, наверно, всё-таки перед мысленным взором, хотя в *Лунь юй* есть место, где говорится, что слова должны быть записаны на передке телеги, чтобы иметь их перед глазами, когда едешь. Задача учеников состояла в том, чтобы в записи увидеть разные содержания. В то время у учеников не было возможности выразить своё понимание в письменной форме, потому что не было соответствующих иероглифов, которые есть сейчас. Они могли проверить свои прозрения только в беседе с Учителем. Сейчас это возможно сделать *на письме*, и я постаралась показать в своём докладе, как делается реконструкция и как можно проверить её корректность. Критериями служат связность текстов при чтении их

³³ Golovacheva L.I. Confucius Is Not Plain, Indeed // Современная миссия конфуцианства – сборник докладов международной научной конференции в память 2560 годовщины Конфуция. Пекин, 2009. В 4 тт. С. 405–415 《儒学的当代使命——纪念孔子诞辰2560周年国际学术研讨会论文集（第四册）》2009年

в разных направлениях (горизонтальном, вертикальном, диагональном), стройность структуры и наличие акростиха во всех реконструированных фрагментах.

ВГ: Получается, что отсутствие однозначной определённости в записи позволяло предлагать различные трактовки одних и тех же высказываний?

ЛГ: Да, то есть текст, записанный заимствованными знаками, или фонетическим письмом, получался как бы многослойным. Я называю эти слои «виртуальными текстами». Кстати сказать, «виртуализм», «виртуальные реальности» – это сегодня модная тема в нашей науке, как и переход «виртуальной реальности» в «константную» и во «вторичную константную реальность». Фиксированный в записи текст – это всегда константная реальность, его можно видеть, трогать, он – «здесь», а вот то, что вы в нём увидели, ваша интерпретация, ваше понимание – его пощупать и ощутить другими способами нельзя, но это не иллюзия, это тоже действительно существующее, только это «виртуальная реальность». Её можно подвергнуть испытанию на правильность, но для этого надо придать ей форму «вторичной константной реальности», или выразить её в форме, доступной для внешнего восприятия. Собственно говоря, это научное объяснение всякой интерпретации. Оно, кстати, показывает, что интерпретация всегда отличается от интенции самого автора, как «иная» реальность. Это я и попыталась показать в своём докладе в Китае. И надеюсь показать ещё в Москве, на следующей конференции «*Общество и государство в Китае*»³⁴.

ВГ: Какой была реакция на ваш доклад здесь, на конференции по Конфуцию?

ЛГ: Был проявлен некоторый интерес. Ко мне подходили, задавали вопросы. Но, конечно, для углубления в тему времени было недостаточно.

ВГ: Если говорить о вашем сотрудничестве с китайскими коллегами, помимо конфуцианских конференций, был ли у вас какой-то другой опыт работы с китайцами? Скажем, чтение лекций или участие в других конференциях, совместные публикации и т.д.?

ЛГ: Да, у меня был такой опыт. Я дважды читала лекции в Университете провинции Аньхуэй. Причём там я как раз читала лекции по *Даодэцзину*, потому что Аньхуэйский университет – это известный центр изучения даосизма в Китае. Интересно, что на философском факультете они всё-таки сосредоточены не на философии Лао-цзы, а на его биографии, поскольку предполагается, что он родился в провинции Аньхуэй. Они тогда с большим интересом прослушали мои структурные упражнения. Но больший интерес они проявляли к положению в России. Поэтому меня тоже просили читать лекции о положении в России. Ректор Аньхуэйского университета (тогда он исполнял обязанности ректора, а сейчас – уже официальный ректор) – грамматолог по специальности и занимается именно иероглификой, историей иероглифики. Из-за его занятости я смогла только раз по-

³⁴ Головачёва Л.И. Конфуций поистине непрост // XL научная конференция «Общество и государство в Китае» / РАН Институт востоковедения. М., 2010. С. 323–332. (Учён. зап. / Отд. Китая; Вып. 2).

беседовать с ним, но успела коротко изложить свою гипотезу по истории письма. Он не согласился с моими выводами. В то время в Китае как раз опубликовали раскопанные в 1997 году тексты из Годянь³⁵. Они впервые явили всему миру подлинный вид письма, которым выполнялись древнекитайские философские тексты IV века до нашей эры. Я этих текстов тогда ещё не видела, но смело утверждала, что в них не должно быть ключевых знаков. Ректор уже видел публикацию и заявлял, что ключевые знаки там присутствуют. Но когда я познакомилась с годяньскими текстами через несколько дней, уже после отъезда из университета, то с удивлением обнаружила, что действительно ключевых знаков там нет. А то, что ректор принял за ключи, – это были структурные элементы изобразительных знаков. И я потом полемизировала с ним (ректором) в статье, опубликованной на Украине³⁶. Но кто же в Китае читает украинские журналы?..

ВГ: То есть, получается, что годяньские тексты *Даодэцзина* подтвердили ваши выводы?

ЛГ: Я считаю, что мои выводы подтвердились полностью. Хотя не все в этом убеждены... Кроме того, я читала лекции в Наньчанском университете в провинции Цзянси. В общем, у меня было три случая с чтением лекций. Разочек я выступала на научной конференции, посвящённой философии *Ван Ян-мина*, в провинции Гуйчжоу, где Ван Ян-мин был в ссылке и где ему открылось значение Дао. С тех пор меня неоднократно приглашали в Гуйчжоу на «праздники культуры Ван Ян-мина», да только поехать больше не пришлось, хотя это было очень интересно.

ВГ: Как получилось, что вы работали двадцать лет на Дальнем Востоке, а потом оказались научным сотрудником Академии наук Украины?

ЛГ: Мне пришлось переехать на Украину, в город Севастополь, который я считаю своей родиной, в связи с болезнью моего отца. В то время я была уже в пенсионном возрасте, поэтому переезд произошёл довольно легко. Прожив некоторое время в Севастополе, я подумала, что можно было бы поработать и на Украине, потому что в Киеве тоже есть Институт востоковедения. Шёл 2001 год. В киевском институте меня приняли хорошо. Там не было специального отдела Китая, был отдел Дальнего и Ближнего Востока. Сотрудник со знанием китайского языка был только один, он как раз готовился к защите кандидатской диссертации. Правда, в штате отдела фигурировала живущая в Одессе японистка, а также тибетолог, живущая в Луцке. Да вот теперь прибавилась я – живущая в Севастополе. Не то чтобы на Украине вообще не было знатоков китайского языка. Как

³⁵ Зимой 1993 г. в местечке Годянь (вост. Китай, пров. Хубэй) при вскрытии гробницы периода царства Чу (около III в. до. н.э.) археологи нашли более 700 бамбуковых планок с древними письменами, в том числе 3 связки планок, содержащих незаглавленные тексты, перемежающиеся с фрагментами знаменитого сочинения *Даодэцзин*.

³⁶ Проблемы древней истории развития китайского иероглифического письма: (новая гипотеза) // Сходознавство. Київ, 2000. № 11/12. С. 165–202.

раз в это время стали обращать внимание на подготовку китаистов, потому что при СССР Украина не занималась Китаем. Но китаистов не было в Национальной Академии Наук Украины. В 2002 году финансовое положение Института востоковедения ухудшилось, как и во всей Академии наук Украины. Поэтому вышел приказ, чтобы всех иногородних учёных сократить. Таким образом, моя трудовая деятельность в Академии наук Украины длилась всего один год с хвостиком. Поэтому, я успела опубликовать там парочку статей по реформе письма. И так на этом всё и завершилось.

ВГ: Давайте вернёмся к вашей более ранней биографии. Когда вы впервые оказались в Китае? И какое впечатление произвел на вас Китай во время вашего первого появления в этой стране?

ЛГ: Впервые я приехала в Китай в октябре 1961 года. Это было трудное для страны время – после «большого скачка», после голода. Меня поразили мои же китайские однокурсники, которые, когда учились в СССР, дышали здоровьем. Здесь же они были измождёнными, худыми. Так же выглядели все мои соседи по дому.

ВГ: То есть экзотику страны затмили трудности, связанные с политическими и экономическими потрясениями, которые имели место в тогдашнем Китае? А именно, с кризисом и с голодом.

ЛГ: Интересно, что я приехала в Китай одновременно с *Чжоу Энь-лаем*, который вернулся с XXII съезда КПСС в Москве³⁷, прервав своё участие в нём. А потом последовало резкое ухудшение советско-китайских отношений. И это, конечно, повлияло на весь ход моей жизни в Китае. Но надо сказать, что доброжелательность простых китайцев – тех людей, которые были моими соседями, меня тогда тоже поражала ...

ВГ: Наверное, тут стоит спросить, где именно вы проживали в Китае?

ЛГ: После окончания Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ) мой муж получил назначение в университет Цинхуа в Пекине. Тогда это, можно сказать, был главный политехнический университет Китая. Образцовый университет, который имел давнюю историю. После приезда в Китай я получила работу в этом институте, на кафедре русского языка, русский язык я и преподавала. Все попытки найти работу по приобретённой в ЛИСИ строительной специальности не привели к успеху. А попытки такие были! И, надо сказать, что окружающие мне в этом помогали. Но начавшаяся потом «культурная революция» свела всё это на «нет». Что касается дружелюбия китайцев, то оно поразительно! Оно поражало меня и во время «культурной революции», кстати. Со стороны своих соседей я никогда не видела ничего плохого! Наоборот, была всесторонняя помощь, внимание. И когда я приехала в Китай снова, через двадцать лет после своего отъезда в 1969 году, в разгар «культурной революции», мы вновь встре-

³⁷ XXII съезд КПСС проходил 17–31 октября 1961 г. в Москве, впервые в Кремлёвском дворце съездов. На съезде присутствовали делегации 80 зарубежных партий.

тились с этими людьми, с которыми когда-то были вместе в трудное время. Они сами меня разыскали, и мы дружим с ними до сих пор.

ВГ: И это несмотря на то, что вы были тогда «советской ревизионисткой»?

ЛГ: Для них я не была «советской ревизионисткой»? Я была их соседкой, я делила с ними все трудности, и они это помнят.

ВГ: В каком году вы снова вернулись в Китай? И какие перемены вы обнаружили к тому моменту? Насколько он отличался от того прошлого Китая, который вы оставили в 1969 году?

ЛГ: Я снова приехала в Китай через двадцать лет, осенью 1989 года, на впервые отмечавшийся в КНР юбилей Конфуция – 2540-летие его рождения. Несколькими днями ранее праздновалось сорокалетие КНР. Бросающихся в глаза внешних перемен, которые произошли позже, было ещё не так много, всё было ещё узнаваемо. Но настроения людей уже значительно изменились. Начались реформы и открытость. Снова проявлялся большой интерес к Советскому Союзу, к перестройке. Все тогда в Китае смотрели на нас как на пример для себя. Снова, после стольких лет.

ВГ: Удаётся ли вам сейчас следить за событиями в Китае, и как вы это обычно делаете?

ЛГ: Сейчас возможностей у меня меньше, хотя Интернет в этом, конечно, помогает. Я также получаю газеты и журналы на китайском и русском языке с Тайваня. Тем, кто интересуется жизнью Китая и Тайваня, газеты и журналы присылаются с Тайваня бесплатно³⁸. Но я сейчас меньше интересуюсь политикой и текущими событиями. В основном ограничиваюсь беглым чтением. Потому что мои интересы сосредоточены на изучении конфуцианства. Китайские научные журналы – философские и лингвистические – просматриваю при поездках в Москву раз в год – в библиотеках, стараюсь сделать ксерокопии. Коллеги из ИДВ РАН всегда помогают мне делать их бесплатно. Недавно Международная Ассоциация конфуцианцев снабдила меня интернет-карточкой доступа в китайские научные библиотеки. Но я её потеряла, к сожалению, так и не успев ею воспользоваться. Времени на отслеживание китайских событий не хватает, тем более что в последние годы я также занимаюсь переводами художественной литературы и литературы по алхимическим практикам даосизма.

ВГ: И всё-таки вы сейчас находитесь в Китае. Прошло ровно двадцать лет с момента вашего второго визита в Китай. Сегодня уже можно точно сказать, что Китай сильно изменился в лучшую сторону. Каким он вам кажется сейчас?

ЛГ: Китай просто неузнаваем! Я сейчас живу опять в Цинхуа. То есть, как раз в том месте, где прошли долгие годы моей «первой жизни» в Китае. Рядом находится академический городок Чжунгуаньцунь. Когда-то, сорок лет назад, это была деревня с узкими улочками, с низкими каменными домами. Сейчас это огромный на-

³⁸ Имеется в виду русскоязычная версия журнала «Тайваньская панорама». Издаётся в г. Тайбэй. Прежние названия: «Свободный Китай», «Тайбэйская панорама».

учный парк с гигантскими зданиями. Люди живут в современных благоустроенных квартирах. Вокруг зелено, чисто. Очень хороший городской транспорт, что резко отличается от прежнего времени. Потому что тогда было большой проблемой добраться до города. Кампус университета находился в пригороде Пекина, примерно в 10 км от центра. Сегодня он находится уже, можно сказать, в черте самого города, который разросся до гигантских размеров. А метро уже шагнуло далеко за университет Цинхуа, за Летний императорский дворец Ихэюань. Пекин просто поражает воображение современной архитектурой. Жаль, конечно, что меньше внимания, чем следовало бы, уделяется сохранению исторической части города, знаменитых переулков (хутунов) его центра. Но, говорят, что решение об охране этих памятников традиционной городской архитектуры, а некоторые из них насчитывают сотни лет, уже принято. Проблема осознана. А вообще, Пекин сейчас прекрасный современный город. В нём даже пыли стало меньше. Говорят, что уменьшение запылённости было одним из условий проведения Олимпиады. Отлично с этим справились. И Олимпиада много способствовала украшению китайской столицы³⁹.

ВГ: Вероятно, вам приходится бывать не только в Пекине, но также в других городах и провинциях Китая. Какое впечатление производит на вас современный Китай в целом, те изменения, которые в нём происходят?

ЛГ: Конечно, в других местах Китая я бываю не так часто. Что касается китайской деревни, то, по китайскому выражению, мне приходится «наблюдать, не слезая с коня». То есть видеть только проездом. Но когда смотришь на китайскую деревню и сравниваешь её с той деревней, которую мне довелось видеть в 1960-х годах, то это – небо и земля. Сейчас в деревне стоят новые и добротные дома, часто многоэтажные. Повсюду ухоженные поля, техника. Везде порядок! Нынешний Китай, особенно когда приезжаешь туда с Дальнего Востока, это вступление в Страну Порядка. Порядок даётся жёстким путем. Все китайцы это признают. Но в Китае слишком большое население и все понимают, что только строгость и порядок могут поддержать мир и благоденствие в стране в настоящее время.

ВГ: Что можно сказать о настроениях и состоянии умов современных простых китайцев? Стало ли китайцам жить лучше, жить веселее?

ЛГ: Материально, конечно, жить стало лучше. Это безусловно. Но появились новые проблемы. И на конфуцианской конференции это было очень хорошо видно! Проблемы сходны с нашими. Это отношения «отцов и детей», доступность образования, лечения, хорошо оплачиваемой работы. Старшее поколение озабочено тем, как воспитать тех детей, которые вырастают по одному в каждой семье (одна семья – один ребёнок). Раньше китайские семьи были многодетными, и у родителей даже не хватало времени на то, чтобы уделять внимание, ухаживать и давать образование всем детям. Естественно, в традиционных больших семьях было больше почтения к старшим и взаимной помощи. Сейчас этого нет. Один ребёнок в семье считается «маленьким императором». И все думают о том,

³⁹ Имеется в виду «пекинская» Олимпиада 2008 г., которая проводилась в КНР.

как привести его к повиновению. Но раздаются и другие голоса, которые говорят: «К повиновению-то мы можем привести. Но вот как привести к внутренней свободе, которая является условием творчества?» Эта проблема стоит сейчас и в Западной Европе, и у нас. Как признают китайцы, сделать это очень трудно. Но сделать это нам надо! Такие настроения я обнаружила сегодня в Китае. Что касается недовольства, то, конечно, существуют поводы и для недовольства. Но в основном китайцы одобряют политику своего правительства. А правительство выдвигает конфуцианскую идею гармонии различного. Это радует – что не всех под одну гребёнку стригут. Кстати, это видно и на улицах по всевозможным молодёжным стрижкам.

ВГ: Вы говорите, что сейчас уже не так интересуетесь политикой. Но всё-таки в своё время вы были опытным и высокопрофессиональным экспертом по Китаю и по советско-китайским отношениям. Уверен, что даже сейчас вы держите эту сферу жизни в поле своего внимания, пусть даже не очень активно. Как вы оцениваете нынешнее состояние российско-китайских отношений и их перспективы? Может ли случиться так, что «отношения стратегического партнёрства», о которых все сейчас говорят, в будущем, вдруг, превратятся в «стратегическое соперничество»? Разумеется, я немного утрирую форму вопроса.

ЛГ: Я надеюсь, что у нас всё-таки будет сотрудничество, а не соперничество. Китай давно уже заявил о том, что не имеет территориальных претензий к России. Китай умеет организоваться на своей собственной территории. Это не значит, что китайцы не могут или не хотят жить в России. Слухи о том, что Сибирь и Дальний Восток уже заполнены китайцами – не соответствуют действительности. Хотя китайцы там работают. Я считаю даже, что мало их там ещё работает. Но благодаря их присутствию Сибирь и Дальний Восток сейчас оживают. Ведь раньше у нас, простите, кушать было нечего на Дальнем Востоке. А теперь есть что поесть и есть что носить. Но это только первая ступень сотрудничества. Сейчас речь идёт о том, чтобы не только поставлять лес или какое-то сырьё, а о том, чтобы Китай помогал нам развивать тяжёлую и перерабатывающую промышленность, строить автомобильные и железные дороги, не говоря уже о лёгкой промышленности. И вот тут могут быть проблемы, если мы займем пассивную позицию. Ожидается приток рабочей силы и специалистов из Китая. Я не сомневаюсь, что они приедут со своими переводчиками. А мы? Кто у нас будет работать с ними? Или они будут отгорожены от наших рабочих и инженеров стеной китайских переводчиков? Вот это я и называю пассивной позицией. Я считаю, что данный долговременный, а, возможно, и постоянный проект может быть успешным только в том случае, если Россия начнёт посылать в Китай на учёбу в вузах и колледжах по техническим специальностям молодёжь из тех мест, где будет осуществляться сотрудничество с китайцами. На это уйдёт 5-6 лет, считая год на изучение языка, но мы получим квалифицированных специалистов со знанием китайского языка, чего у нас практически никогда не

было. Посылать надо не на год, не на месяц, не на стажировку, а на полный курс обучения. Не надо бояться, что уровень подготовки таких специалистов в Китае будет ниже, чем в России. Китайские вузы хорошо оснащены, и там работают прекрасные преподаватели. Дорого стоит? Но это окупится. Одна из важнейших добродетелей конфуцианства – умение учиться у своих друзей, соперников и даже своих врагов их положительным качествам. Если мы не сможем этого освоить, у нас будут проблемы с китайским проектом. А научиться достоинствам китайцев можно только обучая специалистов в Китае, *in situ*, как говорят археологи. В 50-х годах прошлого века, в условиях сложнейшей финансовой и экономической обстановки, Китай послал учиться в СССР тысячи своих лучших и талантливейших молодых людей, взяв их на полное обеспечение государства. Они выучились и стали кадровым костяком китайской экономики, обеспечили её восстановление после «культурной революции». Теперь наша очередь это сделать. Россияне мало знают Китай, мало изучают китайский язык. А в Китае на изучение русского языка обращается большое внимание. Мы опять становимся в такое положение, когда в Китае есть хорошие переводчики с китайского языка на русский и наоборот. А у нас их не хватает.

ВГ: Конечно, в России были и есть хорошие переводчики. Хотя вы правы, их не так много – намного меньше, чем требуется. Вы тоже, например, многие годы активно занимаетесь переводческой работой. И эта работа охватывает не только древнекитайские философские каноны, но и современные сочинения о живой даосской традиции. Я имею в виду ваш перевод книги о даосской школе «Драконовых врат» и её патриархе *Ван Ли-тине*. Как и почему вы решили переводить такую непростую книгу?

ЛГ: Моё знакомство с этой книгой произошло в конце 1991 года, вскоре после её выхода в Китае в издательстве «Хуася». К тому времени я уже несколько лет занималась реконструкцией и переводом текста *Лао-цзы*, но практически ничего не знала о современном даосизме. Одной из целей наметившейся тогда поездки в Китай было посещение даосских монастырей, сравнительно недавно возобновивших своё функционирование после катаклизмов «культурной революции». Я хотела узнать, как ведётся обучение даосов.

Мне удалось тогда побывать в нескольких знаменитых даосских монастырях и побеседовать как с молодыми монахами, так и с некоторыми преподавателями монастырских школ. В большинстве случаев они общались охотно, но не были слишком многословны, и моё любопытство не было удовлетворено. Однажды в городе Сиане, в Басяньань (монастыре Восьми Бессмертных), монах, которого я расспрашивала, заметил у меня в руках книгу Чэнь Кай-го и Чжэн Шунь-чао «Подвижничество Дао», только что купленную в монастырской книжной лавочке. «Читай эту книгу, – сказал он, – и всё узнаешь». Книга меня поразила. Я много рассказывала о ней и сделала доклад на научном семинаре. Мои рассказы всегда вызывали интерес и просьбы перевести книгу. Но много воды утекло, пока по-

явилась возможность взяться за перевод⁴⁰. На сегодня этот перевод выдержал уже три издания. При каждом издании он дорабатывался и, судя по отзывам, пользуется популярностью у русскоязычных читателей⁴¹.

ВГ: Чему же посвящена эта книга, о чём в ней рассказывается?

ЛГ: В книге «Подвижничество Великого Дао» речь идет о мастерстве быть человеком как о цели жизни, о самосовершенствовании человека в «присвоении» родовой сущности, каковое «присвоение сущности» и подразумевается, с моей точки зрения, под уже популярным в мире китайским словом *Дао*, или «Путь». «Путь» всегда ведёт человека наверх, требуя от него усилий самопревосхождения. «Подвижничество Великого Дао» – это рассказ о Лестнице в Небо. Поднимаясь по Лестнице в Небо человек расширяет свои горизонты и на определённой ступени начинает понимать, что мир устроен иначе, чем ему представлялось раньше, и иначе, чем написано в книгах учёными людьми, крепко стоящими на земле. Как же можно познать истинную цельность мира? Она открывается лишь тому, кто подобен миру по цельности и живёт по тонким законам космического порядка, в единстве духа, чувства и действия. Макрокосм может быть познан в полноте истинности только подобным ему микрокосмом. По воззрениям даосов, разные уровни существования Космоса имеют микроанalogии в человеке как в целостном живом существе, в «микрокосме». Стать «микрокосмом» – вот в чём состоит Подвижничество Великого Дао. На наших глазах в книге этот путь проходит под руководством Высоких Учителей школы Драконовых Врат Полноты Истинности (*Цюаньчжэнь Лунмэнь пай*) мальчик Ван Ли-пин, житель города Фушунь на Северо-Востоке Китая, наш современник. Годы его совершенствования в Дао пришлись на период маоистской «культурной революции» (1966–1976). Ему и его Учителям пришлось скрываться, и много лет они странствовали в глуши гор и лесов Китая. Во время странствий осуществлялась главная часть его обучения. Впоследствии Учителя не позволили Ван Ли-пину скрыться в горах и жить отшельником, как жили они сами и как тысячу лет жили их Учителя и Учителя их Учителей, хранители даосской традиции Школы Полноты Истинности. Сокровища даосской культуры тысячу лет передавались тайно, только от учителя к ученику. Но наступило время «Расширения Пути», приобщения к нему не единиц, а миллионов, чтобы человечество на земле могло сохраниться. На Ван Ли-пина была возложена миссия передачи даосских знаний (или, по крайней мере, их

⁴⁰ Первый перевод этой книги на русский язык опубликовал В.В. Малявин. См.: Чэнь Кайго, Чжэнь Шуньчао. Восхождение к Дао: Сборник / Сост. и пер. В.В. Малявин. М., 1997. 399 с. Л.И. Головачёва приступила к переводу в 1991 г. Переводчики работали одновременно и независимо друг от друга.

⁴¹ *Чэнь Кайго*. Подвижничество Великого Дао: репортаж о господине Ван Липине, отшельнике в миру: [пер. с кит.] / Чэнь Кайго, Чжэн Шуньчао [3-е изд., доп. и перераб.]. М., 2007. 417 с. : ил. (Сер.: Сокровенный Китай). Головачёва Л.И., перевод. Предисловие [2006 г.] / Там же. С. 9–12, 15–21.

важной части) для пользования обычным людям. А потому ему следовало жить в миру, жизнью обычных людей, оставаясь при этом Истинным Человеком и взращивая вокруг себя гармонию. В даосской традиции такого человека именуют «отшельник в миру».

Авторы книги – двое китайцев, которые познакомились с Ван Ли-пином ещё в 1980-х годах, когда он приступил к исполнению своей миссии в миру. Авторы книги записали свои беседы с Ван Ли-пином, его воспоминания, и назвали своё произведение «репортажем». По собственному признанию, они не все понимали в том, что говорил Ван Ли-пин. Понимали в меру своей зрелости и готовности к пониманию. В меру своей готовности поняла изложенное в книге и я, как переводчик. В целом эта книга имеет ту особенность, что она не предназначена для одноразового чтения. Хотя, разумеется, её можно прочитать и один раз, просто как историю замечательного человека. Прочитать, подивиться и отложить в сторону навсегда. Это просто означает, что эта книга – не ваша, не для вас. Но, опять-таки, может быть, *пока* не для вас, и вы вспомните о ней, когда придет *ваше* время задуматься о смысле человеческой жизни. В таких случаях естественно обращение ищущего к сокровищам мудрости всех народов и культур. Среди них всё больший интерес в мире вызывает светлая жемчужина китайской культуры – даосизм, о котором и рассказывает книга «Подвижничество Великого Дао».

ВГ: Удалось ли вам познакомиться с Ван Ли-пином лично?

ЛГ: Многие годы я пыталась найти возможность для личной встречи и знакомства. В какой-то момент Ван Ли-пин передал мне через своих учеников, что наша встреча обязательно произойдёт, но когда для этого придёт подходящее время. Это время наступило в мае 2009 года. Мы познакомились, когда Ван Ли-пин приехал в Москву для проведения второго семинара со своими российскими учениками. А сегодня вечером мы снова встретились с Ван Ли-пином в Сяншань, в окрестностях Пекина, и хорошо поговорили друг с другом. Беседовали два часа.

ВГ: Можно ли спросить, как и о чём вы беседовали?

ЛГ: Мы говорили, как будто давно знакомы. Больше всего о распространении даосской культуры, где не меньше проблем, чем в распространении конфуцианства. Ван Ли-пин, например, хочет организовать институт Лао-цзы, да чтобы в нём работали люди, практикующие даосскую систему самосовершенствования, да чтобы он сам мог выразить свою трактовку Лао-цзы. Сейчас организаций и обществ по изучению Лао-цзы в Китае (имеется) очень много. Но все они узурпированы чиновниками и клерикалами. Ван Ли-пин уже выступал, как мне известно, на научных конференциях с теорией Трёх Миров (*сань цзе*), о которой рассказывается в упомянутой книге. Учёные слушать его не хотят. Тем хуже для учёных, я считаю. Сейчас наступает время новых людей, соединяющих в одном лице теорию и практику. Для них и Внутренняя Алхимия будет важна, и Лао-цзы по-новому раскроется. Я не стала рассказывать о своей трактовке Лао-цзы – времени не было. А ось будет ещё возможность встречи. Ван Ли-пин собирается

продолжить семинары в Москве. Вообще-то простецкий и очень душевный он парень. Много расспрашивал, как я живу, на что живу, как работаю, как успеваю со всем справляться... Ничего не обещал, и я не просила. Только сказала, что чуда нужны. Конечно, по разрешению Учителей. Он сказал: может быть, я к вам приеду. После этого мы распрощались⁴².

ВГ: Тогда позвольте вернуться от даосизма к китаеведению. Как вы оцениваете общее состояние российского китаеведения, его современное развитие? Положительна или негативна динамика его развития в целом?

ЛГ: Я помню, что в 1970-х годах, когда я училась в университете, перед нами выступал один учёный, который посетил Америку и рассказывал нам об американском китаеведении. В то время у нас были почти прерваны отношения с Китаем. И у Америки вообще не было дипломатических отношений с КНР. Но там было пятьсот действующих китаеведов. А китайский язык преподавался в пятидесяти университетах США. Они, конечно, стажировались в Сингапуре, Гонконге, на Тайване. У нас же в плане связей не было практически ничего. Хотя в те годы был создан Институт Дальнего Востока, но контакты были тоже очень ограничены. Теперь времена изменились коренным образом. Но я считаю, что и сейчас китаеведение у нас в России развито чрезвычайно мало. Оно не соответствует размерам нашей страны, масштабам наших отношений с Китаем. Мы всегда оказываемся в позиции, когда Китай выступает как ведущая сторона. Вот я уже говорила о том, что они выпустили словарь всех наших китаеведов с темами наших диссертаций. Причём это было сделано ещё в начале 1980-х годов. У нас же до сих пор нет ничего подобного в отношении Китая. Думаю, что надо развивать изучение китайского языка. Чтобы изучение китайского языка было в каждом вузе, как в Америке. Чтобы эти люди (российские китаеведы) работали, не отдавая, не переуступая свою долю работы китайцам. А чтобы они из первых рук знакомили нас с китайцами, с китайскими проектами и культурой, работая переводчиками. Когда же переводчики с той и с другой стороны будут в равном соотношении и качестве, мы сможем сказать, что у нас наступило какое-то равновесие. В целом я оцениваю нынешнее состояние нашего российского китаеведения как неудовлетворительное.

ВГ: Конечно, такое состояние во многом связано с дефицитом и узким кругом источников финансирования.

ЛГ: Разумеется. Источники финансирования, наверно, надо искать. Хотя наука, конечно, дотируется нашим государством. Но вот я посмотрела, например, как решаются вопросы финансирования науки в университете Цинхуа.

ВГ: И как они там решаются, в университете Цинхуа?

ЛГ: Тут построены огромные здания. Когда я впервые увидела эти небоскрёбы, в которых день и ночь горит свет, то решила, что там ведутся круглосуточные научные исследования. А оказалось, что университетская администрация сдаёт

⁴² Последняя встреча Л.И. Головачёвой с Ван Ли-пином состоялась в мае 2011 г. в Москве.

эти помещения в аренду разным фирмам, офисам, банкам. Гуглу (Google), например. И эти денежки они используют для того, чтобы вести свои исследования. Конечно, в Цинхуа существуют не только эти здания, но и прекрасные здания учебных факультетов, где есть всё современное оборудование. Я посмотрела университетскую библиотеку, где на каждом столе в студенческом читальном зале стоит компьютер. Где такое у нас есть? Таким образом, китайцы сами зарабатывают средства на науку, и нам стоит у них этому поучиться.

ВГ: В каких академических журналах или сборниках вы обычно публикуете свои научные работы?

ЛГ: Очень мало сейчас я публикуюсь. В основном в сборниках научных конференций Института Дальнего Востока и Института востоковедения Российской академии наук. Публикую также переводные книги в разных издательствах.

ВГ: Помимо уже реализованных многочисленных результатов вашей научной работы, вероятно, есть темы или проблемы, которые вам пока не удалось разработать по каким-то причинам. Что на сегодняшний день не удалось сделать и завершить? И что вызывает личную неудовлетворённость или разочарование?

ЛГ: Большое разочарование у меня было тогда, когда я работала на Дальнем Востоке над проектом истории Северо-Восточного Китая. На каком-то этапе, в особенности когда реформы в Китае уже набрали быстрые обороты, я увидела, что полученная нами в университете подготовка недостаточна для того, чтобы понять процессы, происходящие в Китае. Наверно, это было не только моё личное ощущение. Это ощутили все другие люди, которые работали в то время в области изучения истории и экономики Китая. Кроме того, было слишком мало доступных для изучения материалов. И тогда, занимаясь новейшей историей Китая, я поняла, что мы просто не можем и не готовы эту работу завершить! Эта книга была опубликована потом, уже после моего ухода на пенсию. Мне её прислали через четыре года после выхода в свет. Но мне её страшно перечитать. Потому что мне кажется, что оценки, которые были даны в то время (конечно, это были наши коллективные оценки, основанные на мнениях наших ведущих специалистов и неоднократно менявшиеся), были такими, что мне сейчас, как я уже сказала, страшно перечитать (этот том).

ВГ: Понятно. Несмотря на нехватку финансирования и недопонимание государственной важности китаеведной специальности, наверно, всё же можно сказать, что российское китаеведение потихоньку оживает. Повышается актуальность китаеведной тематики и общий спрос на профессиональных китаеведов. Это проявляется, в частности, в появлении большого количества популярной и научно-популярной литературы о Китае. Какие из научных трудов, посвящённых Китаю, заслуживают, на ваш взгляд, особого внимания?

ЛГ: Мне нравится, что сейчас проявляется большой интерес к древней литературе. Великая цивилизация Китая привлекает всё больше внимание. И если раньше у нас были неполные или единичные переводы Конфуция, Лао-цзы

и других философов, и считалось, что если один раз перевели, то больше уже и не надо, то сейчас публикуются десятки переводов. Это радует, потому что появляются новые интерпретации, новые мысли. И самое главное, что в российском обществе нарастает интерес именно к этой стороне культуры Китая, а вовсе не к политическим событиям! Можно сказать, что если сейчас объявить публичную лекцию на тему о текущих политических событиях в Китае, то на неё пришло бы гораздо меньше людей, чем на подобную лекцию о Конфуции или Лао-цзы. Вот это мне нравится! Моё внимание привлёк проект энциклопедии «Духовная культура Китая». Это огромный труд, выходящий в шести томах⁴³. Конечно, он не лишён недостатков. Но как справочный материал, как свод общего знания – это работа огромного масштаба, плод трудов многих учёных, вызывающий глубокое уважение.

ВГ: Какие темы в китаеведении кажутся вам особенно важными и актуальными, но не получающими сегодня должного внимания?

ЛГ: Довольно много лет я участвовала в научных конференциях при Институте языкознания РАН. По опыту этих конференций я могу сказать, что изучению китайского письма и его истории уделяется совершенно недостаточное внимание! Тут действует старый принцип: несколько научных авторитетов написали в своё время, в 1950–80-х годах, толстые и тонкие монографии. И больше уже никто не посягает на данные темы, считая, что неизученных проблем тут нет. Однако проблемы тут есть и очень большие. В особенности в связи с появлением новых эпиграфических памятников. Мне кажется, что эта сторона у нас находится в совершенно забытом состоянии. И уж если речь зашла о языкознании, то я должна сказать следующее: даже весьма беглое знакомство с китайскими научными журналами, которое мне сейчас удается осуществлять, показывает, что в Китае имеется большой интерес к лингвистической теории. Более того, там делаются заявки на пересмотр, на основе данных китайского языка, общелингвистической теории *Фердинанда де Соссюра*, принятой на Западе. У нас теоретические работы по китайской лингвистике не то что по пальцам можно перечислить. Тут пальцев одной руки хватит, и ещё будет остаток. В то же время специализация в российском китайском языкознании, кажется, зашла слишком далеко. Такое впечатление, что каждый читает только свои специальные журналы. А если публикация по лингвистике оказывается в другом журнале, то её уже и не замечают. Но, более того, мои попытки «забросить» такие статьи (с уже готовым русскоязычным рефератом) нескольким маститым и притом столичным языковедам не получили отклика. А в китайском языке, в связи с глобализацией и политикой открытости, происходят интересные процессы. Словарные заимствования из других языков – необходимый элемент развития каждого языка. В Китае заимствование осложня-

⁴³ Головачёв В.Ц. Рецензия. Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 томах. Т. 1–4. Гл. ред. М.Л. Титаренко, зам. гл. ред. А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М., 2006–2009. 728 с.; 870 с.; 856 с.; 936 с. // Восток (ORIENTIS). 2010, № 1. С. 189–192.

ется иероглифическим письмом. Тем не менее, в настоящее время они пытаются «китаизировать» иностранные слова. Это тоже операция законная. Вспомним, что до Ломоносова в России говорили «квадратуум», а не «квадрат». А в Китае «китаизация» идёт за счёт подбора иероглифов, которые выражали бы смысл иностранного слова и звучали бы сходно. Вспомним трактор – «то-ла-цзи». Написание таких слов рассматривается и утверждается специальными государственными комиссиями. Но успеют ли комиссии за темпами заимствования? А если не успеют? Будет какая-то китайская «катакана» (транскрипционные знаки уже существуют) в дополнение к иероглифам, или фонетическое письмо всё-таки когда-нибудь заменит иероглифы? Для меня всё это интересно, в связи с выдвинутой мной гипотезой о фонетизации китайского письма в доциньский период истории Китая⁴⁴. Но эти вопросы интересны и сами по себе. Они очень интересны в теоретическом плане. Очень хотелось бы не просто услышать мнение специалистов, «получить помощь» от них, но поучаствовать в квалифицированной научной дискуссии. К сожалению, таких форумов я не вижу. От слова «форум» сразу мысль перекидывается к китаеведческим форумам в Интернете. Они на таком уровне, что слов действительно нет. К сожалению, серьёзные российские учёные тут участия почти не принимают. Наверно, потому, что компьютерной грамотностью ещё не овладели. С этим у старшего поколения большие проблемы.

ВГ: Вы уже больше тридцати лет принимаете участие в ежегодной научной конференции «Общество и государство в Китае», проводимой при Институте востоковедения РАН с 1970 года. Кстати, следующий год будет юбилейным – в 2010 году состоится 40-я конференция. Можно ли сказать несколько слов об этой конференции и о вашем личном отношении к ней?

ЛГ: Я участвовала в этой конференции почти ежегодно, начиная с 1975 года. Она оказала огромное влияние на меня, на темы моих исследований, на мои интересы. Особенно мне нравились первые годы существования этой конференции, когда старшее поколение оживлённо спорило, обсуждало проблемы Китая, категории китайской культуры. Надо сказать, что в последующие годы оживление несколько поубавилось. Поубавилось количество людей из числа некитаеведов, которые приходили на эту конференцию. Они приходили туда потому, что там можно было свободно говорить. На востоковедение обращали меньше внимания цензура и органы безопасности... Сейчас число таких гостей сократилось. И появилась тенденция поменьше обсуждать. Вот пришёл, прочёл доклад и ушёл. Тем не менее, на эту конференцию по-прежнему охотно приезжают специалисты из других городов. Это форум, где люди встречаются, радуются друг другу, узнают о новых темах. Конференция очень демократична. Здесь никогда не спрашивают и не говорят, какая у тебя научная степень или звание. Вылез на трибуну с докладом – отношение к тебе – как к специалисту по вопросу, но и спрос такой же.

⁴⁴ Головачёва Л.И. Изучение «Лунь юй» и гипотеза развития китайской письменности // Проблемы Дальнего Востока. М., 2000. № 3. С. 148–160.

Короче говоря, я люблю эту конференцию! Хотя в последние годы мне довелось меньше принимать в ней участие, я очень её ценю и хотела бы, чтобы жизнь этой конференции продлилась как можно дольше.

ВГ: В чём, на ваш взгляд, состоит особенность или специфика российского китаеведения? В отличие, например, от китаеведения западного или японского?

ЛГ: Думаю, что китаеведение советского периода отличалось большой заидеологизированностью, что наложило большой отпечаток на всё. Задан какой-то уклон, и ты по этому уклону катишься, хотя иногда даже осознаёшь, что катишься не в ту сторону. Сейчас, слава Богу, это прошло. Стал более интересным научный язык, более человеческим. Нет таких штампов. Но, всё-таки, свободы внутренней у нас не хватает, и советского наследия «дурного толка» у нас ещё много.

ВГ: Однако отечественное китаеведение это всё же не только советское китаеведение. Очевидно, российское китаеведение имеет свою специфику, отличную от советской. Как бы вы могли её определить, обозначить?

ЛГ: Я думаю, что это, прежде всего, большое уважение к Китаю и китайскому народу. Интерес и уважение.

ВГ: Наверно это также и очень давние традиции? Ведь российское китаеведение существует уже больше двух веков!

ЛГ: Ну, как Н. Я. Бичурин начал любить Китай и чувствовал невозможность жить без него, так и многие наши российские китаеведы впоследствии тоже разделяли это чувство и эту судьбу.

ВГ: Какова ваша оценка нынешней миссии и перспектив российского китаеведения? Вы уже немного сказали об этом. Но как можно сформулировать их с учётом нынешнего состояния и происходящей смены поколений?

ЛГ: Я думаю, что мало ещё молодых китаеведов приходит сегодня в науку. Тут, конечно, зарплаты небольшие. И возможности применения чисто научных знаний тоже ещё ограничены. Необходимо ещё больше расширять возможности для учёбы и стажировок в Китае. Если вспомнить прошлое, то наши лучшие китаеведы даже в советский период какое-то время жили и работали в Китае. Например, незабвенный *Виталий Фёдорович Феоктистов* (все китайцы звали его Фэй сяньшэн) – превосходный знаток китайского языка, всегда поражавший всех его свободным владением, тоже долго работал в Китае. Когда такой возможности не имеешь, ты уже очень многое теряешь как китаевед. Поэтому нужно, чтобы молодые имели возможность ездить в Китай и, ещё лучше, учиться в Китае. И, по крайней мере, жить и работать там не один месяц, не два месяца, и даже не один год. А работать там долго и регулярно.

ВГ: Что необходимо молодому человеку для того, чтобы стать по-настоящему хорошим, высокопрофессиональным китаеведом, помимо жизни в Китае?

ЛГ: Чтобы быть профессиональным китаеведом, хорошо бы иметь хороший глаз и хорошее ухо – чтобы иероглифы красиво писать (древнее искусство каллиграфии ценится и поныне) и хорошее произношение освоить. Без слуха и умения

рисовать обойтись вообще-то можно, если любишь предмет изучения, обладаешь хорошей памятью и терпением. Опыт нарабатывается. Многое можно и нужно выучивать наизусть. Труднее с пониманием изученного или встречаемого. Понимание – это уже особая, более высокая, чем знание, область – философская область. Именно понимание отличает, с моей точки зрения, «высокопрофессионального» китаеведа от «по-настоящему хорошего». Это, видите ли, «две большие разницы». В китайской философии считается, что беспричинный порядок мира можно постичь только упорядочив самого себя до состояния микрокосма, потому что подобное познаётся подобным. Познаётся не глазом, не ухом, не рукой – всем существом в его цельности. А цельным человек не рождается, он только сам себя может собрать, сделать цельным. Другими словами, для «высокопрофессионального» китаеведа Китай – не объект, не предмет, он с ним слит воедино.

ВГ: Что можно пожелать молодым российским китаеведам, которые приходят на смену старшему поколению и которым, будем на это надеяться, в условиях более солидного финансирования и лучших возможностей предстоит продолжить традиции отечественного китаеведения, принять эстафету?

ЛГ: Это вопрос не такой простой, как кажется. Я бы сказала так – нужно как можно скорее защитить диссертацию для того, чтобы поскорее освободиться, чтобы иметь возможность свободного развития. Потому что когда ты защищаешь диссертацию, ты подвержен многим ограничениям. И в мышлении, и в выражении. А когда ты это сделаешь, стремись воспринимать новое. Ты традиционен, когда пишешь диссертацию, а после этого у тебя появляется свобода! Вот нужно пользоваться этой свободой, воспринимать новое, упорно искать новое и верить в то, что для нового всегда есть место, что не всё сделано до вас. Старшее поколение начало какую-то работу. Мы должны на них опираться, должны изучать их труды. Но надо идти вперед! Знаете китайскую поговорку: «Голубизна, вышедшая из синевы, превыше её»? Это ведь говорится об ученике, превзошедшем своего Учителя. Радуйте учителей не послушанием, а смелостью.

И ещё одно очень важное молодым китаеведам я бы пожелала. Вы помните героя «Подлинной истории А-Кью» Лу Синя? А-Кью несколько раз бывал в городе и от этого вырос в своих глазах. Однако горожан он презирал за их чудачества. Деревянное сиденье в три *чи* длиной и три *цуня* шириной в его деревне называли «лавкой», а горожане говорили «скамья», и он думал: «Неправильно говорят... вот дураки!» Рыбью голову, поджаренную в масле, в его деревне приправляли зелёным луком в *полцуня* длиной, а горожане приправляли рыбу мелко нарезанным луком, и А-Кью думал: «Неправильно делают... вот дураки!» Вспоминайте А-Кью, молодые китаеведы, и не бойтесь чувствовать дураками СЕБЯ! Тогда откроется путь к тому, чтобы поумнеть.

ВГ: Ещё один вопрос. Каково ваше самое глубокое впечатление о Китае? Может быть, о каком-то уголке Китая? Какие ассоциации возникают у вас в первую очередь при упоминании слова «Китай»?

ЛГ: У меня Китай в мыслях всегда ассоциируется с моими китайскими однокурсниками и друзьями, которых знаю пятьдесят и более лет. Пройдя трудные годы «культурной революции», они не потеряли себя. Глубоко впечатляет, как они работали и работают до сих пор, каждый раз при встречах удивляя меня своими новыми творческими свершениями! В этих трудных условиях они сумели расти и послужить для своей страны ведущей силой. Об этом я никогда не могу забыть, и это для меня высокий пример. Долго, конечно, можно рассказывать о впечатлениях и о конкретных людях. Но это – моё глубочайшее впечатление! Для меня мои китайские друзья – маяки. Я думаю, что и весь Китай в целом может служить для нашей страны хорошим маяком. В определённом смысле, конечно.

ВГ: Спасибо за ваше интересное, очень содержательное и откровенное интервью! Желаю вам приятно провести оставшиеся в Китае дни и благополучного возвращения на родину!

ЛГ: Спасибо и вам, до свидания!

Постскриптум. 15 июня 2011 года внезапно и безвременно ушла из жизни героиня этого интервью. Лидия Ивановна Головачёва (1937–2011) была выдающимся российским китаеведом, совершившим уникальные открытия в изучении Конфуция, Лао-цзы и нового направления науки, который сама она назвала «пре-синологией». Истинное значение её вклада, возможно, ещё не скоро будет по достоинству осмыслено и оценено коллегами-китаеведами. Слишком смело шла она против «ортодоксальных» научных традиций, по ходу дела доказывая, что даже самые дерзкие отступления от узко понимаемой «ортодоксии» на самом деле представляют собой лишь органичную часть многотысячелетней, необъятной, величайшей научной мысли Китая. Несмотря на преклонный возраст, Лидия Ивановна была преисполнена творческими силами, идеями и замыслами, которые так и не успела реализовать в полной мере. Она явила собой лучший пример истинной любви и преданности делу всей жизни – изучению Китая. Оставила после себя не только ценное научное наследие, но также передала эстафету своему сыну и, хочется верить, многим будущим поколениям китаеведов.

Преждевременный уход из жизни Лидии Ивановны лишний раз подчеркнул ценность проекта «Китаеведение – устная история», который нужно упорно продолжать общими усилиями. Все его участники работают сегодня и на будущее, и на историю. Хотя время работает против нас...

ДЕЛЮСИН ЛЕВ ПЕТРОВИЧ

INTERVIEW WITH LEV P. DELIUSIN

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Делюсин Лев Петрович (ЛД)

Китаевед, д.и.н., профессор

Место интервью: Москва

Дата: февраль-июнь 2009 г.

Вёл интервью: Синецкая Э.А. (ЭС)

Примечания: Головачёв В.Ц.,

Кобзев А.И.

Продолжительность: 8 часов

Lev P. Deliusin

Sinologist, Full Doctor (History)

Place: Moscow

Date: February – June, 2009

Hosted by: Elvira A. Sinetskaya, PhD

Footnotes: Valentin Ts. Golovachev,

Artyom I. Kobzev

Duration: 8 hours

Делюсин Лев Петрович (16.11.1923–22.05.2013). Родился в Москве. Китаевед, д.и.н. (1971). Окончил МИВ (1950). Корреспондент газеты «Правда» в КНР (1950–1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1958–1965). Научный сотрудник Института международного рабочего движения (ИМРД) (1966–1967), научный сотрудник и зав. Отделом Китая ИВ АН СССР (1967–1990). Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденами и медалями СССР. Издано более 170 работ. Темы исследований: Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК. Реформы и демократические преобразования в современном Китае. Российско-китайские отношения. См.: Общество и государство в Китае. Специаль-

ный выпуск: К 80-летию Льва Петровича Делюсина / Сост. А.Д. Дикарев, А.В. Лукин, Э.А. Синецкая. М., 2004. – 160 с.

ЭС: Здравствуйте, Лев Петрович! Представьтесь, пожалуйста, кто вы, где и когда родились?

ЛД: Здравствуйте! Меня зовут Делюсин Лев Петрович, родился я в городе Москве в 1923 году. По профессии китаевед. Всю жизнь занимаюсь изучением Китая.

ЭС: Когда вы впервые узнали, что существует такая страна, как Китай, и как это произошло? Каким был изначально образ Китая в Вашем восприятии ещё в то время?

ЛД: Впервые узнал, что есть такая страна Китай, ещё в школе, вернее, на уроках географии. К тому же ведь там строилась советская власть. В так называемых советских районах¹ даже праздновали 7 ноября, это широко освещалось в газетах и на радио. По радио были на слуху имена *Чжу Дэ, Мао Цзэ-дуна, Чан Кай-ши*. Говорилось, что ликвидировал монархию и установил республику *Сунь Ят-сен*, а Чан Кай-ши – предал идеалы Отца нации и вёл войну с советскими районами, то есть был контрреволюционером, реакционером. Мы, помогая создавать компартию (Китая), руководствовались идеей всемирной революции, стремились сделать КПК коллективным членом Гоминьдана, чтобы коммунисты гарантировали правильное направление революционной работы в стране. Но Чан Кай-ши пошёл по контрреволюционному пути.

(Есть анекдот, как *Чжоу Энь-лая* спасли от ареста гоминьдановцами уже после разрыва партийных отношений именные часы, которые он получил от Чан Кай-ши за заслуги в совместной работе в Вампу – школе для военных офицеров, созданной совместно Гоминьданом и КПК при содействии советских военных специалистов во главе с Блюхером, где Чжоу был в своё время начальником политотдела.)

И не менее важную познавательную роль в создании образа Китая сыграла книга, которую я прочёл ещё будучи в школе, в 1930-х годах, – биоинтервью *Сергея Третьякова «Дэн Ши-хуа»* («био» – очень модная в те времена приставка, стоит вспомнить биомеханику Мейерхольда). Роман в то время считался в определённой степени пережитком прошлого. Автор не хотел быть сочинителем, поскольку это для него означало быть выдумщиком. Биоинтервью, как объяснял автор, потому, что он писал о «живом человеке». В основе произведения – интервью, которое он брал у своего студента на русской секции Пекинского университета, где работал в течение полутора лет, в 1924–1925 годах. А потом много разговаривал с китайцами, обучающимися в *Университете им. Сунь Ят-сена*, но писал своё произведение как бы от лица китайца, рождённого на берегах Янцзы,

¹ После поражения советского движения в крупных городах (в т.ч. поражение Гуанчжоуского восстания 1927 г.) в 1928 г., в соответствии с решениями Коминтерна, для VI съезда КПК разработана программа советского движения в Китае – создание революционных баз и баз китайской Красной армии в сельских районах. К 1931 г. в Китае было около 10 советских районов с населением в несколько миллионов человек.

учившегося в Пекине, а затем в Москве. Герой – Дэн Ши-хуа, не был коммунистом, «гоминьданство отца передалось ему по наследству». Автор расстался с героем в 1927 году, когда тот из Москвы вернулся в Китай. Дальнейшая его судьба автору осталась неизвестной. Но он выражал надежду, что «измены гоминьдановских генералов, вызывавшие у него болезненное недоумение», наконец приведут Дэн Ши-хуа в лагерь истинных борцов за свободный Китай. Очень популярная книжка была в своё время. Это было первое реальное впечатление о стране, очень хорошо написанное. Быт, мысли, ощущения переданы настолько выпукло, зримо, что создавался полный эффект присутствия в этих обстоятельствах. Шёл у Мейерхольда ещё и спектакль «Рычи, Китай!»² этого же автора, С. Третьякова, о борьбе в Китае с империализмом. Спектакля я не видел, но текст пьесы читал тоже. Произведения этого автора переводились на многие языки у нас и за границей, пьеса также ставилась не только в СССР. Потом автор стал запрещённым, поскольку был репрессирован, а в период «оттепели», после XX съезда КПСС, его произведения были вновь переизданы. Я бы рекомендовал нынешним молодым китаистам читать это биоинтервью. Книга даёт очень хорошее, детальное, с большой любовью к стране и её жителям представление о Китае.

Следует, верно, упомянуть и о том, что, как ни странно, в 1930-х годах мой отец (*Делюсин Пётр Григорьевич*) – партийный работник, должен был поехать в Китай, и мы много на эту тему беседовали с ним. (Папа вступил в партию молодым, в августе 1917 года. Начинать свою партийную деятельность в Москве, в Москворецком районе. Поколение отца больше верило в партию, в Сталина как наследника Ленина.) В помощь китайским товарищам в деле построения советской власти в советских районах готовились посылать наших партийных работников. Но потом ситуация там изменилась, начался *Великий поход* на Север, и надобность отпала – отец не поехал.

ЭС: Кто повлиял на ваши интересы и выбор профессии (родители, друзья, знакомые)? Как и почему вы стали китаеведом, занялись изучением Китая?

ЛД: Когда я ещё был на фронте, хотелось, если буду жив, поехать куда-нибудь на Восток, и дальше – в Индию, Китай. До войны я почти никуда из Москвы не выезжал. Европейскую часть Советского Союза я во время войны пересёк с Востока на Запад. На фронт я ехал из Челябинской области, путешествовал как бы впервые. (Там, в сельской местности, со своей семьёй мы, мать и четыре сестры, находились в эвакуации. Однако, по многим причинам, дорогу туда путешественником назвать было нельзя.) Потом, после ранения под Сталинградом и лечения в Москве, служил на Третьем Прибалтийском фронте. Демобилизовавшись, я поступал в 1945 году в МИВ (*Московский институт востоковедения*: в 1921 году

² Премьера «Рычи, Китай» – 1926 г., реж. В. Фёдоров. Пьеса «о враждебном отношении китайцев к европейцам, особенно – в трудовых слоях». В предисловии к тексту пьесы С. Третьяков писал: «Основная гуща поэмы построена на “звуковых вывесках” уличных бродячих ремесленников и торговцев Пекина – это либо выкрики, либо звуки, издаваемые разными инструментами... Синий – основной цвет их одежды...». Роль китайчонка Боя в спектакле играла народная артистка СССР Мария Бабанова (1900–1983).

все московские востоковедные учебные заведения, включая восточные отделения в разных вузах, были слиты в МИВ; в 1954 году институт был закрыт). Вообще-то, я собирался на индийское отделение, но директор вуза посоветовал на китайское. Предполагалось, что вскоре потребуется много специалистов по Китаю, я же был прекрасной кандидатурой – фронтовик, кандидат в члены КПСС, окончил школу с отличием. А совет директора равнялся приказу.

ЭС: Где и как проходило ваше обучение специальности китаеведа? Кто были Вашими учителями (судьбы, специальность, характер)?

ЛД: Завкафедрой у нас в МИВе был *Николай Николаевич Коротков* (внёсший за последующую жизнь значительный вклад в разработку вопросов как современного китайского языка, так и древнекитайского, в том числе грамматики). Он преподавал китайский язык; Коротков прививал нам любовь к Китаю, и через любовь к китайскому языку, к китайской литературе. В частности, он был составителем хрестоматии – собрания всяких притч, неких рассказов, по которой мы учились; я до сих пор особенно помню одну притчу из этой хрестоматии. Спрашивалось: *сыхоу – хао бу хао?* отвечалось, что, видно, хорошо там, после смерти, ибо оттуда никто не возвращался.

Но в основном язык при отсутствии учебника изучали мы по произведениям *Сунь Ят-сена – Сань минь чжуи* («Три народных принципа»), а на третьем курсе изучали его же другую работу *Син и чжи нань* («Деятельность – это легко, а познание – трудно»), она была на вэньяне. Вообще-то был учебник, составленный *И.М. Ошаниным* и изданный *Военным институтом*. Но этот учебник был слабенький, хотя и им мы пользовались. В послевоенное время нас обучали преимущественно политическому языку, и учебник Ошанина также касался только политической лексики. Бытовой язык мы не знали вовсе.

После увольнения из МИДа пришёл к нам преподавать *Б.С. Исаенко*. Он сам прекрасно знал язык, ведь родился в Харбине, кажется, и преподавал очень хорошо, учил в том числе пользоваться словарями, много дал нам в изучении языка, много рассказывал о Китае.

Коротков не очень любил *И.М. Ошанина*, но пригласил его читать нам лекции по китайскому языку. Очень интересные лекции читал Ошанин, мы с энтузиазмом на них ходили. Он говорил не о политическом языке, чему нас преимущественно и учили, а лекции были о собственно китайском языке, иероглифике, структуре и грамматике, и прочее.

Упор в вузе в основном делался на изучении профильного языка (в нашем случае – китайского), хотя были в институте весьма темпераментные дискуссии, на которых высказывались предложения делать упор на русский язык, независимо от страны специализации. Не потому, что многие коммунисты, и китайские в том числе, знали русский (это не совсем так, или совсем не так). Но потому, что требовалось досконально знать марксизм (который уже воспринимался как русскоязычное достояние).

Конечно, произношение нам ставили более чем плохо. Так называемые носители языка были среди преподавателей (старый *Чэнь-Советов* прекрасно знал ки-

тайский и хорошо преподавал его, было ещё два китайца – один Ли, другой Ма), но технического обеспечения преподавания китайского практически не было (ни магнитофонов, ни диктофонов, ни лингвофонов). Да и качество обучения не всегда можно было назвать высоким.

Историю Китая и историю Востока нам преподавали слабо, экономику мы не изучали вовсе. На последнем курсе пришёл к нам преподавать китайскую философию некто *А.А. Петров*, работавший до того в посольстве в Китае. Его лекции чрезвычайно нравились, к тому же, читая, он писал основные термины-иероглифы на доске. Мы ходили на лекции востоковеда *Н.И. Конрада* (бывшего руководителя Японо-корейского кабинета Института востоковедения АН СССР, арестованного якобы за вредительство в 1938 году; в 1945 году недавний «враг народа» Конрад был награждён орденом Ленина. То есть его не только простили, но как бы и извинились перед ним). Конечно, он – специалист по Японии. Но изучение этой страны всегда связано с китайской традиционной культурой; он был специалистом по литературе, в том числе по древней. Хотя, в сущности, по традиционной философии и литературе нас вовсе не готовили.

На истфаке МГУ, возможно, давали более глубокие знания по Китаю; мы с кем-то из сокурсников пошли записаться туда. Но нас, естественно, не приняли (второе образование не поощрялось). В сущности, нас готовили как переводчиков. А марксизм был в то время главной наукой!

Однажды нам вдруг начали читать курсы истории России и истории Европы – очень интересно читал Куницкий³. Вообще, он был яркой личностью, хотя и не имел учёных степеней. Затем доктор наук Туров⁴, тоже был отличный преподаватель. Но даже читавшиеся интересными лекторами курсы были краткими. Иногда и по причине, не имеющей отношения к программным вопросам: так, историю Востока нам читал полгода очень хороший специалист, но затем его арестовали. *Г.Н. Войтинский* читал лекции по истории Китая. Но это была история новейшего времени. А бывали и такие преподаватели, как некто Фесенко – читал курс по истории древнего Китая, начиная с того, что китайцы произошли со дна океана (и этот полуграмотный человек был в своё время директором *МИВа!*).

У нас в *МИВе* была прекрасная библиотека, куда вошла и бывшая библиотека *ИФЛИ*, а также пополненная издававшимися ранее в Москве *коминтерновскими* материалами на китайском языке, конфискатом арестованных людей и различных закрытых, ликвидированных учреждений. Но странные вещи в ней происходили: скажем, из десяти экземпляров словаря *Цы хай* девять были с грифом секретности (вероятно, по причине того, что на иностранном языке), а стало быть, на руки не выдавались. И однажды на просьбу Исаенко принести словари для практического обучения и пользования ими я смог принести лишь один экземпляр.

Уровень нашей подготовки мы поняли в Китае. Читая газеты и книги, столкнулись со своим практически полным незнанием страны. Теперь в целом иная основа

³ Личность этого человека не установлена.

⁴ Личность этого человека не установлена.

страноведческого обучения, а раньше всё сводилось к Ленину и Сталину. Конечно, надо иметь в виду, что в наше время произошли в определённом смысле социальные сдвиги в преподавательском составе: бывшая профессура пошла работать чернорабочими на стройки коммунизма (в качестве репрессированных по всяким, порой чуть ли не абсурдным обвинениям в противогосударственных преступлениях). А преподавательский состав формировался из практиков «мировой революции».

ЭС: С кем вы учились в одной группе (курсе, факультете, институте)?

ЛД: Вместе со мной на одном курсе училась чета известных филологов *Котовых* (они познакомились и поженились во время учёбы в МИВ), с которыми мы были в очень дружеских отношениях вплоть до самой их смерти. Александр Варламович пришёл к нам на второй курс (после увольнения его из армии, из штаба Дальневосточной армии, в связи с уточнением его анкетных данных, в которых было обнаружено дискредитирующее его обстоятельство – его отец был раскулачен). У него уже была определённая языковая подготовка. По заказу издательства «Иностранная литература» мы с ним вместе переводили две из привезённых мною из Харбина книг: «Новая и новейшая история Китая» и «Агрессия империалистических держав в Китае» *Ху Шэна*. Результаты трудов наших были изданы в Москве в 1950 и в 1951 году, соответственно.

А в 1953 году он выпустил (в соавторстве с Чэнь Чан-хао) русско-китайский словарь, выдержавший три издания. Котов много переводил и преподавал китайский язык (начинал ещё в МИВ). Антонина Фёдоровна (первый брак у которой распался, когда её муж узнал, что она – дочь репрессированного) была кандидатом филологических наук, доцентом, много писала по филологии и методике преподавания китайского языка, всю свою жизнь преподавала. Старше курсом была *Клара Фёдоровна Крючкова* (переводчик, до сих пор активный член Общества дружбы Китая и России, ранее Советского Союза), с которой установились дружеские отношения со времени практики в Харбине. Я учился вместе с *Владиславом Фёдоровичем Сорокиным* (ныне доктор филологических наук, специалист по китайской литературе)⁵. С нами училась и жена В.Ф. Сорокина, ныне покойная *Т.А. Суцкивер*. Она была большим специалистом по языку, в институте ей прочили достойное будущее. Но она была еврейка, да к тому же женщина, и её ни в одно китаеведное учреждение не брали, в том числе и в аспирантуру. В результате она стала преподавать русский язык в МГИМО. И лишь при образовании ИНИОН я её пригласил работать туда. И она начала наконец использовать свои знания китайского языка, очень качественно реферировала китайские материалы. На нашем же курсе училась *Нина Михайловна Калюжная* (тоже, как и я, участник Второй мировой войны, доктор исторических наук, специалист по движению ихэтуаней и идеологии Чжан Бинь-линя), *Вадим Михайлович Солнцев*.

Надо отметить, что послевоенное время влияло на определение будущего китаиста в двух направлениях: во-первых, временами отсекало в определённой

⁵ В.Ф. Сорокин скончался в феврале 2015 г.

степени от науки евреев. И, во-вторых, жёстко определяло тематику научных поисков. И судьба *Я.М. Бергера* (он был моложе двумя, кажется, курсами) в чём-то была в этом смысле также показательна. С ним я познакомился, правда, уже работая в ЦК КПСС. Жизненные обстоятельства заставили его не только выбрать востоковедение в качестве научной стези, но и, не имея возможности поступить в аспирантуру, освоить экономическую географию, ибо только в Институт географии он смог устроиться по протекции. Собрав богатейший материал по Синьцзяну, он подготовил хорошую диссертацию. Но события в этом регионе (там и до сих пор не утихает националистическое движение) сделали тему не могущей быть защищённой на открытом научном совете, поскольку последний подразумевал возможность прийти любому человеку на защиту. Бергер обратился с чьей-то подсказки ко мне, и я помог перенести защиту на закрытый учёный совет. А ведь защита была не только повышением научного статуса. Она была столь же необходима для достижения более-менее нормального финансового состояния: ведь работа на стороне – по договору, на полставки – более чем не приветствовалась, а решение жилищных проблем и тогда для большинства требовало немалых денег – для вступления в так называемые жилищные кооперативы. Сложности были и у *В.Г. Гельбраса*. Но как сын старого большевика он смог попасть в командировку в Синьцзян, что помогло ему собрать хороший материал для кандидатской диссертации. И я пригласил его в новый Институт международного рабочего движения заведовать Сектором китайского рабочего движения.

Кстати, у нас в МИВе учились сыновья Мао Цзэ-дуна – Серёжа (*Мао Ань-ин*) и Коля (*Мао Ань-цин*). Серёжа был старше курсом, а Коля учился на нашем. Он был слегка дурковатый; говорили, будто воспитывавший его католический священник бил его палкой по голове. Они учились китайскому языку, поскольку в Ивановском детдоме некому было преподавать язык. Говорят, что Коля просил после своей смерти на камне высечь не отцовскую фамилию, а деда по материнской линии – Ян (второй жены Мао).

Вообще-то, с других курсов я мало кого знал, так как много времени уходило на освоение китайского языка. Дома и по дороге в вуз и обратно читали карточки: на одной стороне иероглифы, а на обороте – русское значение, транскрипция. Но я очень подружился с *А.Д. Желтяковым*, который был с Синьцзянского отделения. Но, женившись на ленинградке, он перевёлся на Восточный факультет Ленинградского университета. Однако там не было возможности изучать уйгурский язык, и Желтяков перешёл на турецкое отделение. Но дружба наша продолжалась до самой его смерти.

ЭС: Когда и как вы впервые побывали в Китае? Каковы были ваши самые первые впечатления о Китае? Ваши отношения с китайской кухней?

ЛД: Когда мы были на третьем курсе, в наш вуз приехал некий человек, чтобы собрать группу студентов для переводческой работы на *КВЖД*, тогда называемой *КЧ* (Чанчуньской) *ЖД*. Для претендентов это, конечно, была неслыханная

радость: поехать в Китай! На длительный срок! Посмотреть вживе Китай! Проверить свой китайский язык на практике! Отбирали строго: я даже знаю, что приходили к моим соседям, чтобы уточнить данные моей анкеты и составить более полное обо мне представление. Хотя в то время, да к тому же при поступлении в идеологический вуз (а, впрочем, и в любой другой), соответствующие органы проверяли анкеты весьма и весьма тщательно.

Мы жили в городе *Харбине*. В первой половине дня работали переводчиками в управлении дороги. Правление уже состояло преимущественно из советских людей. Но были и старые работники, служившие во время японской оккупации, в том числе – врачи, прекрасные врачи, переводчики (помню прекрасного переводчика, работавшего и при японцах – Иконникова⁶ такого). А во второй половине дня мы учились в *Харбинском политехническом институте*, изучали язык. Кроме китайцев язык нам преподавал некто *Баранов* – профессор, старый китаист. Он прекрасно учил нас.

Самое экзотичное при первом знакомстве с Китаем – разнообразие стилей жизни в Харбине, китайская архитектура, иной стиль жизни (я никогда до этого не был на Востоке, хотя бы и среднеазиатском. Но заочно, посредством прочитанной книги Третьякова, уже имел некое представление о китайцах и жизни в Китае), китайская кухня, китайские харчевни. Европейский (практически русский) город Харбин произвёл на меня огромное впечатление. Я был впервые, что называется, в настоящей «загранице» (если не считать Прибалтики, которая, несмотря на разрушения, оставалась ещё западной страной). Харбин – город, состоящий как бы из нескольких городов. Мы жили в той его части, которая примыкала к управлению железной дороги. В Харбине была большая колония русских, как эмигрантов после 1917 года, так и приехавших в Китай ещё до революции. Эта часть города в чём-то была похожа скорее не на западный город, а напоминала среднерусский провинциальный город, как будто материализовавшийся из какого-нибудь русского классического произведения. Естественно, это был город с большим влиянием Востока, который проявлялся отчасти и в архитектуре, но больше – в стиле жизни. Нас поселили в консульском общежитии, кормили в столовой при правлении Дороги – вкусно и сравнительно недорого. Кухня была европейская. А потом перевели в консульскую столовую, там было и дешевле, и вкуснее (тоже европейская кухня).

Контраст на потребительском рынке для нас, приехавших из послевоенной Москвы, был ошеломляющий. Все покупали и всё покупали, у нас были хорошие зарплаты. И в определённой мере мы даже влияли на ценообразование в Харбине. Так, скажем, я тоже, естественно, решил купить себе часы «Победа» (в Москве мне такая роскошь была не по карману). Но после покупок первой партии переводчиков (приехавшей немного ранее) мне уже пришлось покупать по более высокой цене (раз пошёл такой спрос, цены и возросли!). В магазинчиках можно

⁶ Личность этого человека не установлена.

было торговаться (как-то раз я купил одеяло за 200 тысяч юаней, а продавец вначале требовал 2 миллиона юаней).

Общались мы с местными мало, преимущественно – из-за недостатка времени. Консульские работники казались слегка зажатыми, не очень любили в разговоры вдаваться. Они нас опекали, опасались, как бы мы чего не так сделали, не туда пошли и прочее. Инженеры были более открыты, более свободны. Особенно те, что жили в Харбине, но периодически ездили на восстановление взорванных мостов (политическая ситуация их, судя по всему, интересовала мало – их больше волновало, как вернуться из этих командировок живыми).

Общались, в общем-то, мы друг с другом. Ну, и с китайцами, которые приходили к нам в общежитие (помещения там прослушивались). Дружбы, естественно, не завязывалось – и жили с китайцами в разных местах, да и времени особенно не было.

Среди этих китайцев был, в том числе, и будущий переводчик *Чжоу Энь-лая, Ли Юэ-жань*, с которым я встречался и значительно позже. (Он, конечно, в своё время поплатился, в том числе за своё знание русского языка, и Чжоу Энь-лай не протянул ему руку помощи. Когда его выпустили, то работы не дали. Потом зять его стал владельцем ресторана – и в последний мой приезд в Китай он нашёл меня и пригласил всю нашу делегацию на прекрасный обед в этом ресторане.)

Вообще-то, нам не разрешалось ходить в город, особенно поодиночке. Но мы, конечно, не очень следовали правилам и выходили в город, ходили по улицам, в магазины, ездили на набережную, заходили и в местные харчевни.

Что касается китайской еды, то мы приехали в Харбин перед Новым годом (нашим) и сразу попали на банкет высших чинов, разумеется. Но и нас – студентов-переводчиков, тоже туда пригласили. Китайцы там были, местные начальники, во главе с *Линь Бяо*. Он был тогда начальником всего Северо-Востока. Подавали китайские блюда. Но первое знакомство с китайской кухней произошло раньше – в вагоне-ресторане, когда мы ехали от станции «Маньчжурия». Я отнёсся к этой новой, экзотической пище с любопытством и полюбил её. Но поклонником китайской кухни, можно сказать, я стал со времён работы корреспондентом в Китае. В Пекине особенно хорош был рестораник пекинской утки. Да и в других местах можно было отведать много интересного и вкусного. Едал я всё. Предубеждений у меня никаких нет и не было. На юге, в Кантоне, ел собаку. В последний раз, в мой приезд в Китай в 1980-х годах, меня пригласили на обед бывшие редакторы «Жэньминь жибао», я всех их знал. На этом прекрасном банкете главным блюдом были жареные скорпионы, очень дорогое блюдо. Их заказали столько, что мне досталась не одна порция, очень было вкусно!.. Дома мы готовим китайские блюда. Можно было полакомиться прекрасной китайской кухней в гостях: у Котовых, у *Афанасия Гавриловича Крымова – Го Шао-тана*, где чаще всего готовила *Тань Ао-шунан* – жена *А.М. Карпатьянца*. Супруги были преподавателями Института стран Азии и Африки при МГУ. В китайские рестораны ходили. В Москве раньше

был, правда, один китайский ресторан «Пекин». Теперь разнообразие великое. Но, по разным причинам, потом ходить перестали.

Магазины в Харбине, естественно, потрясали. Но главное – я покупал книги, многие из которых, конечно, привезти домой не мог. И я знал об этом – большинство из них были бы зачислены на таможне в категорию «антисоветских». Я, познакомившись с одной продавщицей, собрал с её помощью очень большую коллекцию граммофонных пластинок, преимущественно классики. Так, я купил много записей Шаляпина, которые, по причине того, что он был «невозвращенец», в Москве не продавались. Среди них была и запись церковной музыки. Немало было куплено и романсов.

Наши таможенники на границе все мои пластинки отобрали (и не у меня одного). Мы долго стояли на пограничной станции «Отпор» и, гуляя по платформе, могли слышать звучание некоторых из конфискованных пластинок (так, кем-то купленные «Чёрные глаза» часто звучали). Я оставил себе «рубашки» пластинок (на память). После возвращения в Москву, через какое-то время, мне позвонили из *Главлита* и сообщили, что могут вернуть конфискованные на границе пластинки (ну, естественно, за некоторыми исключениями – скажем, церковную музыку не вернули). А в качестве компенсации мне подарили «Чёрные глаза» в шаляпинском исполнении.

В Харбине выяснились наши сложности с китайским языком. Они возникли прежде всего потому, что люди говорили на обычном, разговорном языке, что оказывалось вне рамок изучаемого нами языка. Нас всё больше учили (говорить и читать) про забастовки, демонстрации, пролетариат и прочая. И естественно, был ещё блок железнодорожной терминологии – совершенно новый для нас. Но разговорного-то языка мы не знали (не говоря уже про диалект). Профессиональные термины нам помогали осваивать два старых китайца, не знаю сколько лет проработавшие на КВЖД. На заданный вопрос, если один из них находил его глупым, то открывал старый *словарь Иннокентия* и показывал соответствующий иероглиф. Но часто железнодорожные термины не называл (да и в словарях их не было), а показывал на «натуре». Потом я спрашивал у рабочих, как это называется. Таким образом, я и узнавал термины. Но, тем не менее, переводить мы стали сразу, иногда прибегая к языку мимики и жеста.

Потом я работал в Аньнанси. Это был небольшой чисто китайский посёлок, хотя важная станция. Там были инженеры Богданович и Гурин⁷, которые нам помогали осваивать китайский язык – и разговорный, и профессиональный. Надо признаться, именно в то время я уделял меньшее внимание изучению китайского профессионального языка – с большим удовольствием читал купленную в Харбине «Мадам Бовари» по-французски.

Затем была командировка в город Цицикар, переводчиком при местном начальнике железной дороги. Цицикар сильно отличался от Харбина. Это был большой

⁷ Инженеры КЧЖД Богданович и Гурин, в Аньнанси – данных не найдено.

китайский город, хотя и там были русские, старые дореволюционные эмигранты. Но жили они в обычных китайских домах. И ещё там была бригада наших ремонтных железнодорожных рабочих. Они постоянно просили меня читать им местные газеты. Однажды на собрании, посвящённом какому-то революционному празднику, китайский партработник делал (публичный) доклад, который я должен был переводить. Но говорил он на каком-то диалекте, и я в ужасе даже был – я ничего не понимал. Правда, по отдельным словам, которые разбирал в его речи, я понял, что докладчик практически пересказывает статью Мао Цзэ-дуна, опубликованную в «Дунбэй жибао», которую я тоже изучил. И тогда я стал под видом перевода пересказывать её своими словами. Потом присутствующие приезжие китайцы меня хвалили за прекрасный перевод речи докладчика, местный выговор которого, как выяснилось, они также не понимали!

Вообще, относились к нам, переводчикам, очень хорошо. Когда мы собирались возвращаться раньше срока в Москву (а эта командировка длилась с декабря 1948 г. по август 1949 г., очень хотелось поскорее окончить МИВ. Да к тому же в Москве меня ждали жена и маленькая дочка)⁸, я случайно услышал, как начальник с кем-то там ещё обсуждает, какой подарок мне сделать. Я сам предложил подарить мне китайский толковый словарь *Цьюань*, которым ещё и сейчас иногда пользуюсь. (В Харбине мне подарили вышедшие к тому времени книги Мао Цзэ-дуна и другие китайские книги.)

ЭС: Каким образом сформировался круг ваших научных интересов? С чего начиналась ваша исследовательская или преподавательская деятельность? Как изменялись ваши научные интересы и почему?

ЛД: Так сложилось, что я начал заниматься актуальными проблемами Китая. О разработке темы аграрной реформы я стал подумывать на последних курсах, ещё не защитив диплом. Тогда эта тема была на слуху, и было интересно заняться этой проблемой. Сведения мы черпали преимущественно из китайских газет, приходивших, конечно, с опозданием. Появлялся и в нашей печати материал. Во время моей практики ещё ничего конкретного не было, однако и тогда много говорили и писали на эту тему.

Курсовую я писал по теме «Ленин и Сталин о Китае», и она очень понравилась *Г.Н. Войтинскому*. Диплом я защитил с отличием по теме «Военно-контрольные комитеты в Китае», которые были образованы КПК после освобождения Китая в каждом городе (типа ревкомов). Находясь на практике, я собрал немало материа-

⁸ Жена – Ирина Алексеевна Балаева (1923 г. р.). Окончила мех.-мат. фак. МГУ, к.мат.н., зав. лаб. колебаний Ин-та механики МГУ. Дочь – Татьяна Львовна Соколова-Делюсина, 1946 г.р. Окончила ИСАА при МГУ (1970). Преподаватель японского языка. В 1990-х – в ИСАА МГУ. Редактор японской секции издательства «Прогресс». С 1975 г. – член Союза писателей (секция переводчиков). Переводчик японской поэзии и прозы. В 2008 г. указом императора Акихито за многолетний труд переводчика с японской прозы и поэзии удостоена Ордена Восходящего Солнца (Золотые лучи с розеткой).

ла по этому вопросу (по дороге на работу мы проходили мимо одного такого комитета): выходило много брошюр, газетный материал был богатый. Войтинский ничего не знал об этом явлении, хотя считался специалистом по современному Китаю.

После возвращения из Китая я, по предложению Короткова, полгода преподавал на старших курсах китайский язык и почувствовал, насколько слабым был работавший ранее с этими студентами преподаватель.

ЭС: Как складывалась ваша китаеведческая карьера? В каких институтах и учреждениях вам приходилось работать?

ЛД: После окончания МИВа приглашали преимущественно на работу в те или иные «компетентные» органы, в различные подразделения КГБ СССР. Я ссылаясь в своём отказе на то, что ещё не всё собрание сочинений Ленина прочёл, и говорил это вполне искренне. Из всех предложений выбрал должность корреспондента, обозревателя по Китаю газеты «Правда». В «Правде» я, естественно, занимался современными проблемами. Вообще-то, я собирался в аспирантуру (уже договорился с Войтинским, что он согласен быть моим руководителем). Но «Правде» нужен был специалист с китайским языком (и хорошими анкетными данными). И по настоянию *Л.Ф. Ильичёва* (с 1949 года — заместитель главного редактора газеты «Правда»), почти в приказном порядке я был распределён в газету (сначала работал в КНР, а с 1954 года — в той же должности в Москве). В начале своей деятельности в «Правде», в течение 3–4 месяцев, я в Москве правил заметки по Китаю (много было неграмотных корреспондентов). По приказу бывшего главного редактора «Правды», мой отъезд в Китай ускорился.

Я был корреспондентом в корпункте, который был образован военным корреспондентом газеты «Красная звезда» Л.А. Высокоостровским⁹ (он печатался под псевдонимом И. Высоков), приехавшим до меня в Пекин после корейской войны.

Именно в Пекине я всерьёз занялся историей Китая. Накупил книг. К нам приходил китайский историк (по ханьскому периоду) и очень много дал мне. Это было чисто китайское обучение: читка текста и толкование. Этот китаец, человек с учёным именем, был в то время без работы, и наше сотрудничество являлось обоюдозаполненным. Деньги на это выделялись корпунктом, по решению моего старшего товарища Высокоостровского, из статьи так называемых представительских расходов. К тому же были средства, предназначенные для обучения китайскому языку. Нынче в таких образовательных программах в корпунктах уже нет необходимости, подготовка стала намного лучше.

⁹ «В прошлом командир батареи, а до армии рабочий паренёк из подмосковного депо Леонид Высокоостровский. Начал он войну комиссаром батальона, закончил полковником. Среднего роста, с чуть впалыми щеками, по-девичьи стройный, был он, можно сказать, прирождённым спецкором, с острым пером, неуёмной энергией. За спиной у него был опыт финской войны...» <http://thefireofthewar.ru/1418/index.php/1941/noyabr-1941/1285-28-11-1941>

Поездки по стране были под контролем МИДа КНР, но мы были практически свободны в поездках. Чжоу Энь-лай поспособствовал моей поездке в Мукден и Харбин (куда иностранцев не пускали, по причине войны в Корее). Когда меня на каком-то приёме представили ему как нового советского корреспондента, он поинтересовался, как у меня обстоят дела с поездками. Я посоветовал на невозможность посетить Северо-Восток, где я ранее проходил практику. Он позвонил в Отдел печати, дал команду, и я получил возможность поехать. Ездил я на поезде, один, а сопровождающего обычно приставляли на местах. Я ездил по заводам: в Мукдене, Харбине, Аньшане, Фушуне. В Фушуне мне подарили прекрасную статуэтку из угля, там много подобных сувениров изготовлялось, в том числе и эта – чёрный конь. Конь ведь весьма распространённый объект китайского искусства – в живописи, в фаянсе (в Сиане прекрасные цветные кони, тоже у меня есть, тоже подаренные. Вообще, конь – частый подарок в Китае, в виде рисунков, статуэток и пр.). Не исключено, что дарившие были не очень знакомы с символикой этого животного. Мне, во всяком случае, об этом не говорили, а я так и вовсе тогда не знал.

В поездках по стране показали мне и лагерь по перевоспитанию – поселения по перевоспитанию проституток. Потом, когда была борьба с «правыми» – меня уже в Китае не было, а приезжающих с коротким визитом по лагерям, естественно, не возили. Эти лагеря по перевоспитанию «правых элементов» могли видеть и те, кто, как Я.М. Бергер, долго ездили, скажем, по Синьцзяну, занимаясь полевыми исследованиями.

Сопровождавшие меня местные журналисты (все – члены КПК, конечно) – опытные, прошедшие антияпонскую войну люди, пытались учиться у меня журналистскому ремеслу, которым я вовсе тогда не владел.

Во время поездок я собирал материал по аграрной реформе, предполагая писать большую работу (мысль о научной работе меня не оставляла). При поездке в Ханчжоу местный политработник, ответственный за проведение аграрной реформы, подарил мне очень много материалов, в том числе и под грифом «Для служебного пользования».

Конечно, я писал во время работы в городе Пекине о некоторых явлениях, представлявшихся мне недостатками или в корне неправильными. К тому же во время поездок по стране ко мне иногда подходили крестьяне или рабочие и высказывали своё недовольство тем или иным мероприятием или тем или иным *ганьбу* (возможно, они сами не боялись говорить это иностранцу, хотя бы и из СССР, или их кто-то подталкивал делать это). Местные товарищи старались не очень заметно, но оттереть от меня этих жалобщиков. А бюрократический жирок коммунистические *ганьбу* нарастили быстрее даже, чем гоминьдановские. Однажды в деревне под Пекином я спросил старую китайянку, как она отличает коммунистов от гоминьдановцев. Она ответила, что разницы нет: и одни дерут налоги, и другие. То есть, и те и другие грабили деревню.

Чаще всего критический материал отражался в записках в ЦК КПСС, регулярно посылать которые входило в мои обязанности корреспондента. Не все эти мои записки воспринимались благосклонно. Бывало, вызывали и недовольство мною. Как и некоторые статьи, которые я посылал в «Правду» и которые, по мнению редакторов, либо вызывали аллюзии с какими-то нашими явлениями, либо не отвечали ожиданиям нашего руководства по поводу китайской действительности, либо (опять же, по опасению редакторов) могли вызвать неодобрительную реакцию китайского руководства. Но практически все мои статьи из Пекина печатались в «Правде» в том или ином виде (хотя, по требованию цензуры, иногда с купюрами, иногда дописанные, с дополнениями). Но вслед за моими записками и статьями по существу дел в стране, из Пекина, из посольства в Москву шли докладные по моему как бы личному адресу (в сущности – доносы о так называемых моих «отклонениях от правильной линии нашей партии»).

С другой стороны, несмотря на советско-китайскую дружбу, кое-что из моей деятельности не нравилось и китайцам: больно многим-де этот корреспондент интересуется. И эта дотошность вызывала некое настороженное отношение. Например, со слов китайцев я понял, что в районе г. Сианя, в Ланьчжоу, строились заводы. При этом абсолютно не учитывалась обеспеченность рабочей силой (и перед китайцами встала проблема согласования оплаты привозимых, скажем, из Шанхая рабочих с необходимостью учитывать оплату местных). Я ходил по заводам и стройкам, естественно, разговаривал с людьми – кому-то это не нравилось. Или был такой случай: рабочий из Мукдена уехал на Северо-Запад, с военного на гражданский завод работать, его славили за этот поступок. Я, конечно, поехал, расспрашивал – что, как. Это тоже не нравилось.

Поездки по стране были очень продуктивными. Во время моей поездки в провинцию Сычуань, в Чунцине (как раз) были *Дэн Сяо-пин* и *Хэ Лун*. Принимающие меня спросили, с кем из руководителей я хотел бы встретиться. Я отказался, поскольку у нас было указание не настаивать на встречах с высокими руководителями (из опасения подавать пример китайским журналистам брать интервью у наших руководителей). Дэн Сяо-пин сам меня пригласил в свою резиденцию аж в 11 вечера (они ведь и жили в тех же зданиях, где работали). Состоялся очень интересный разговор о ходе аграрной реформы в Юго-Западном Китае. Он говорил о трудностях и с определённой степенью откровенности делился проблемами. Это не был доклад о достижениях (на местах я, конечно, узнавал больше). С Дэн Сяо-пином больше личных встреч у меня не было. (Хотели мы после смерти Мао, где-то году в 1979, поехать с *Бовиным* в Китай. Скорее всего, была бы возможность напомнить Дэн Сяо-пину о нашей встрече в бытность мою корреспондентом в Китае. Но *Ю.В. Андропов* не пустил меня тогда, сказав, что я слишком уж большой фрондёр.).

Весть о моей встрече с Дэн Сяо-пином и Хэ Луном разлетелась по Юго-Западу, и это мне в определённой степени помогало при различных встречах и разговорах

на местах по вопросам реформы. Поскольку я же беседовал с Дэном и Хэ! (а в разговорах обычно партработники как бы окольными путями искали подтверждения от меня этого события), ко мне относились очень радушно и доверительно.

Тематика моих научных интересов менялась вслед за изменениями в Китае. Следующей заинтересовавшей меня темой стали демократические преобразования на предприятиях, вызванные начавшимися недовольствами среди рабочих, подвергавшихся издевательствам новых *ганьбу*. А в «Правде» моей статье об этом очень удивились – какие демократические преобразования на третьем году народной власти, какие такие издевательства новых *ганьбу*? На шахтах Юньнани были тоже сложные отношения, поскольку среди работающих оставалось много сторонников Гоминьдана, которые вели агитационную работу среди шахтёров против компартии. Я написал, что коммунистам приходится подпольно вести агитацию среди рабочих, чтобы не накалять конфронтацию в трудовом коллективе. И опять у нас в Москве не было понято, как такое может быть: что за подпольная работа коммунистов на третьем году установления их правления в Китае?! (статью здорово урезали).

У китайцев и в период «большой дружбы» были противоречия с СССР, в том числе по экономическим вопросам. Скажем, разногласия были по соотношению рубля и юаня, претензии по поводу довольно поздней передачи *Порт-Артура*, о стоимости для Китая советских специалистов. (Сталин требовал компенсации за использование специалистов, как бы вырванных из экономики нашей страны, требовал возмещения зарплаты их в СССР. То есть, требовал большой двойной оплаты, и так называемая «безвозмездная» помощь стоила китайцам весьма дорого.). В дружеских разговорах с китайцами часто вставал вопрос, скажем, почему долг Китая не списывается (как было сделано в отношении Польши). *Архитов* (главный специалист по экономике в Китае, очень любивший Китай и бывший в хороших отношениях с Чжоу Энь-лаем) как-то говорил мне в Пекине (я уже работал в Москве, в «Правде»), подтверждая иногда слышанное мною и от китайцев, что наша помощь очень дорого обходится Китаю.

Практически селтльмент советских граждан под названием гостиниц «Гоцзи фаньдянь» и «Дружба» не могли не вызывать, возможно, раздражения местных жителей, особенно занятых в сфере обслуживания. Быт советских специалистов (преимущественно членов их семей) резко отличался расточительством и, прежде всего, уровнем питания. Также, верно, не могло не бросаться в глаза отсутствие лимитирования потребления для специалистов продуктов питания и промтоваров, особенно хлопчатобумажного текстиля и ваты, бывших очень дефицитными для обычных китайцев, получавших очень ограниченное количество так называемых *бу пяо*. А на зимний комплект одежды требовалось немало и ткани, и ваты – ватник вовсе не только русская народная зимняя одежда.

В поездках по стране я также много слышал от наших специалистов об их проблемах. Чаще всего это касалось несвоевременных поставок оборудования и материалов. Так было на строительстве автомобильного завода в г. Чанчуне: при

приезде нашего инженера с московского автозавода подготовка к стройке, для которой должна была поступить из СССР строительная техника, не была осуществлена. Пришлось пригнать солдат, и те выполняли работу вручную, киркой и лопатой. На один из построенных уже заводов не поступало оборудование, и специалисты простаивали, им нечего было устанавливать, как и не на чем было обучать местных работников. Но обо всём этом обычно не принято было говорить для широкой публики (я только мог это всё писать в закрытых письмах, но записки об этом воспринимались не очень одобрительно).

Дневниковых записей никаких я не вёл (в том числе и разговор с Архиповым не записывал). Ещё при отъезде первый раз на практику в Китай Б.С. Исаенко говорил мне, чтобы я ни в коем случае не вёл дневника (ходили слухи, что именно за свои дневники он и вынужден был оставить работу в МИДе).

Цензура в журналистской профессии всегда присутствует. Находясь в Китае я был бессилён отстаивать свои позиции в посланном в Москву материале. Но, работая в Москве, уже был способен как-то бороться за свою точку зрения (без гарантии на успех, разумеется).

ЭС: Ваши воспоминания о встречах с китайскими учёными и видными деятелями Китая? Ваш опыт общения и сотрудничества с китайцами?

ЛД: С *Пэн Чжэнем*, Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем, *Лю Шао-ци* и другими – за руку при представлении здоровался, но ни с кем, кроме Чжоу Энь-лая (и Дэн Сяо-пина), бесед не вёл.

Го Мо-жо для меня был прежде всего поэтом, хотя он числился общественным деятелем, преимущественно – в области борьбы за мир. И когда я брал у него интервью, то разговаривал с ним как с поэтом, что вызвало некое непонимание в Пекине. Интервью даже «переписали».

С писателем *Чжао Шу-ли* встречался, брал у него интервью.

Среди интересных знакомств – знакомство с художником *Сюй Бэй-хуном*, прославившегося своими рисунками коней. Мой приятель Чеканов – секретарь посольства, писал статьи для «Советской культуры». Однажды я его подвозил к художнику на корреспондентской машине (у него не было своей машины). Я к этому времени стал покупать китайские картины, и Сюй Бэй-хун помогал мне советами в этих моих приобретениях. Встречались мы весьма часто. В том числе поводом для встречи могла быть посылка с его родины (он южанин) с чёрным рисом, на блюдо из которого звали в гости. Потом он больше стал заниматься административной деятельностью, меньше рисовал, и в последующие мои приезды в Китай я с ним больше не встречался. Уже после его смерти как-то, будучи в Москве, его вдова пришла к нам в гости, с интересом увидела несколько картин Сюй Бэй-хуна и посетовала, что у неё дома ни одной его работы нет, все забрали в музей.

При поездке в Маньчжурию (после протекции, оказанной мне Чжоу Энь-лаем) ко мне в Харбине переводчиком был приставлен *Гао Ман* (после серии карикатур в журнале – против империалистов можно было, а по поводу внутренней жизни

было нельзя карикатуры рисовать – его выгнали из журнала и отослали в Общество дружбы переводчиком). Кроме этой совместной работы с Гао Маном меня сдружило и то, что он был другом *Лю Бинь-яня*, с которым мы уже давно к этому времени были знакомы. С Гао Маном мы поддерживаем отношения до сих пор. Он – очень осторожный человек. Помню, в 1958 году при приезде в Китай я, остановившись в гостинице «Пекин», спросил зашедшего ко мне в гости Гао Мана, что с Лю Бинь-янем, где он. Гао Ман отвёл меня в какой-то угол в коридоре гостиницы (верно, предполагая, что там нет прослушки) и рассказал, в какой деревне сейчас находится Лю Бинь-янь (возможно, не только имел сведения, но, может быть, и общение какое-то).

За период моей работы корреспондентом в Китае у меня сложились хорошие отношения с рядом китайских коллег, которые продолжались и долгое время позже.

Например, с *Дэн То* – главным редактором «*Жэньминь жибао*» и его заместителем *Ху Цзи-вэем*. С Чжан Пэем¹⁰, тогда работавшим в «*Дунбэй жибао*». Встречи в последующем всегда были тёплыми. При моих приездах в Китай или их визитах в Москву бывали совместные обеды, часто и в домашней обстановке. В тот период отношения были проще. Например, *Чэнь Бо-да*, тогда помощник Мао Цзэ-дуна, нередко приходил ко мне в корпункт обедать, предпочитая европейскую кухню (у нас был хороший, работавший ранее у французов повар; он мог, конечно, и по-китайски готовить). Разговоры мы с ним вели преимущественно о марксизме-ленинизме. С Дэн То мы откровенно разговаривали о ситуации в Китае. Он многое мне рассказывал. Например, о закрытом докладе Мао Цзэ-дуна – он пригласил меня к себе в кабинет, вызвал работавшего в соседнем кабинете Лю Бинь-яня, дал ему свои записки, чтобы он мне понятно расшифровал их. Мои китайские друзья могли предполагать, что я передам эти сведения своим руководителям (что я, естественно, и делал – за посланную в ЦК КПСС закрытую записку об этом докладе Мао Цзэ-дуна – «о десяти противоречиях» – я даже заслужил благодарность, ибо там об этом ничего не знали). С Дэн То я встретился в канун «культурной революции», когда уже прозвучали первые обвинения в его адрес – в просоветских взглядах, в антимаоцзэдунизме (и вскоре он покончил самоубийством). Мы приехали в Китай с делегацией Общества дружбы. Сидим на встрече, оказались визави. Я чувствую, ему хочется со мной поговорить, но боится. А я, конечно, из тех же соображений (не навредить ему) тоже не начинаю разговор.

Думаю, хорошие отношения с китайскими коллегами складывались преимущественно потому, что каждый из нас любил свой народ и свою страну, желая добрых отношений между нашими странами, понимая причины неудач и ошибок руководства, и столь же уважительно относился к народу и стране того человека, в общение с которым вступал.

Слежка, конечно, была с обеих сторон. И это чувствовалось. Несмотря на «любовь и дружбу навеки», было твёрдое убеждение, что каждый журналист, неза-

¹⁰ Личность этого человека не установлена.

висимо от страны, пославшей его, – резидент разведки. И эти мнения имели под собой основания. Был даже случай, когда ко мне обратился польский журналист с просьбой восстановить контакт с одним сотрудником нашего посольства, ибо для него у этого поляка есть-де ценная информация (а наш сотрудник просто потерял номер телефона информатора). Правда, Сталин запретил вербовать корреспондентов «Правды», но веры всё равно не было.

ЭС: Как изменялись ваши научные интересы и почему?

ЛД: По-прежнему меня интересует современность, но на настоящий момент мне представляется наиболее актуальной тема реформ, политики, проводимой в Китае после Дэн Сяо-пина. Интересны современные оценки Мао Цзэ-дуна.

По-прежнему важен и интересен аграрный вопрос – это чрезвычайно важный вопрос и в истории, и нынче тоже. Спор по этому вопросу шёл и между КПК и Гоминьданом. Конечно, КПК сделала много грубейших ошибок. Сожалею, что многое об этом не сказал, по цензурным требованиям сверху не мог внести в корпус работы важные замечания, пришлось уводить некоторые в сноски и примечания (например, точку зрения Г. Н. Войтинского о необходимости делать аграрную революцию и так далее). Сейчас гонконгцы пишут о крестьянских бунтах на материке, хотят-де крестьяне землю в собственность...

Казалось бы, о «культурной революции» написано немало. Наша точка зрения иногда ошибочно все движения во время «культурной революции» приписывала инициативе центра. Мао, конечно, хотел усилить свою (личную) власть. Но в некоторых местах движение развивалось стихийно, выходя из-под контроля власти, вырываясь из прописанного центром сценария. На бюрократию вряд ли «культурная революция» нагнала страха – коррупция по-прежнему, если не более, процветает всюду.

Хотя я и написал о Дэн Сяо-пине книгу¹¹, мне представляется, что его роль не может быть переоценена. И не исключено, что она ещё не полностью раскрыта. Он, конечно, выступал за политические реформы, но проводил прежде всего экономические преобразования. А про демократию он говорил, что надо, чтобы прошло три поколения – вот тогда возможна демократия.

Раньше большой интерес вызывали крупные политические кампании: «культурная революция», борьба с «правыми»... Они так плотно следовали одна за другой, что создаётся впечатление, что не всегда хватало времени отстранённо и углублённо исследовать проблему.

ЭС: Изменилось ли Ваше отношение к Китаю и китайцам за период работы корреспондентом в КНР? Менялось ли что-то в вашем мировоззрении в результате журналистской работы?

ЛД: Моё пребывание в Китае, поездки по стране, конечно, повлияли на моё мировоззрение, ибо я читал одно, а видел другое. И иногда меня даже пытались обвинить в плохом отношении к китайцам. Но двоемыслие, конечно, было знакомо и по

¹¹ Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М., 2003.

жизни в Советском Союзе. И, тем не менее, многое из того, о чём писалось, но не подтверждалось на глаз, вызывало, как ни странно, всё равно доверие – воспринималось как желаемое, ожидаемое. Конечно, считалось, что построение социализма в отсталой стране не может обойтись без ошибок и в китаизации марксизма ничего плохого нет. (Это ещё Чэнь Бо-да в одной брошюре, изданной в 1930-х годах в Шанхае, призывал применять марксизм, соотнося его с китайскими условиями, что Мао Цзэ-дун и взял на вооружение.) А потому обвинения во всевозможных уклонах казались убедительными. Такие уклоны представлялись вполне закономерными, а вовсе не инспирированными, что создавало доверие к предъявляемым обвинениям. К примеру, борьба с «правыми элементами» буржуазии – (это) была целая кампания, очень сложная. Я, естественно, писал только по материалам китайской печати, потому что тогда ведь иначе опубликовать работу было невозможно. (Лю Бинь-янь говорил в одной статье, что работающие в Москве китайские корреспонденты могли писать лишь на основании публикаций в советской прессе. Я, когда уже в Москве работал в «Правде», сопровождал Ли Хэ¹² – корреспондента «Жэньминь жибао» в поездке в город Горький. Ходили с ним по горьковскому автозаводу и ещё куда-то. То есть, у меня сложилось мнение, что он писал корреспонденции явно и по своим впечатлениям. Конечно, я тоже должен был писать о том, что пропечатано в китайской прессе. Но нельзя понимать это указание слово в слово.) Я старался написать об этом движении как можно объективнее, строго придерживаясь марксистских позиций. Иногда ныне мне стыдно, что в публикуемых в Москве брошюрах¹³ я переписывал китайские оценки, касающиеся борьбы с «правыми элементами» буржуазии. Сейчас появилось много новых фактов, и я бы переписал эту брошюру заново. Впрочем, ничего удивительного в этом нет – ведь полвека прошло после этого. Правда, Лю Бинь-яня я в этой брошюре не упоминал, ибо я неплохо знал его лично и, несмотря на обвинения в его адрес, я не мог представить, что он – «правый», «идуший по капиталистическому пути». На него посыпались обвинения после того, как он выступил в Шанхае с критикой неравенства в уровнях жизни руководства и народа. С Лю Бинь-янем я ещё в Москве подружился, будучи студентом, (когда) он приехал переводчиком с молодёжной делегацией. А во время «культурной революции» он попал сперва в лагерь, потом в деревню. Я с ним встретился снова только в 1980 году. Сейчас он умер, умер в Америке, а так хотел вернуться на родину! К сожалению, чтобы его не травили, я не мог при его жизни ничего писать о нём (хотя постоянно собирал все материалы, касающиеся его). Да, у меня вообще было много хороших друзей среди китайцев. Сейчас, кто умер, кто в живёт Америке.

Конечно, было заметно и в 1950-е годы, что китайское руководство питалось вовсе не так, как обычное население. Да и на КЧЖД во время практики было за-

¹² Данных о Ли Хэ не найдено.

¹³ Например: Делюсин Л.П. Борьба с правыми элементами буржуазии в Китае (1957 год). М., 1961.

метно, что обеспечение разных групп населения было неодинаковым. Как-то раз я обедал по приглашению одного из железнодорожных руководителей в их – руководящих сотрудников – столовой и был потрясён разносолами на столе. Хотя кормёжка в общей столовой при том же ведомстве нам казалась отменной и сытной, но она не шла ни в какое сравнение (со столовой руководства).

ЭС: Как складывалась ваша карьера после работы в газете «Правда»? В каких институтах и учреждениях вам приходилось работать?

ЛД: После работы в «Правде» я уехал в 1958 году, по приглашению академика А.М. Румянцева – шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма» (с обещанием вскоре отпустить меня в аспирантуру), работать в Прагу заместителем заведующего Отделом национально-освободительного движения при этом как бы коминтерновском журнале (заведовал отделом китаец, который вскоре практически самоустранился). Предполагалось, что командируюсь месяца на три для того, чтобы сделать первых два номера (после закрытия из-за событий в Югославии находившейся в Белграде редакции журнала «За мир и демократию»). Но пробыл (я там) практически год. В эту группу набирали человек пятнадцать, и меня включили (вместе с *Н.Н. Иноземцевым*, будущим академиком). В Праге как-то легче дышалось, в том числе и благодаря личности Румянцева. Будучи кандидатом в члены ЦК КПСС, он старался сделать журнал именно международным, настаивал на независимости от *Б.Н. Пономарёва*, то есть от Международного отдела ЦК КПСС, в том числе в праве посылать своих корреспондентов в командировки в разные страны без согласования с этим отделом. Хотя, естественно, линия «советского» ЦК в материалах журнала прослеживалась, несмотря на ведущиеся дискуссии по этому поводу в редколлегии (которая состояла из коммунистов разных стран). И по этой линии, как представитель редколлегии «Проблем мира и социализма», я побывал в Египте, Судане, Сирии, Ираке, Индонезии, Индии, Корее, Китае, Монголии.

Иногда в редакции возникали маленькие (и не очень маленькие) коллизии. Например, один человек из Африки очень нелюбезно отзывался в статье об англичанах. И в этом случае надо было утрясать вопрос с английскими товарищами в редакции (впрочем, отнёсшихся к этому вопросу с юмором). Кроме визирования китайских материалов (и не только китайских) я помогал ещё Румянцеву общаться с китайским членом редколлегии. Иногда после правки материала, в том числе и литредактором, жена этого китайского члена редколлегии (такая жёсткая ганьбу), опасаясь каких-то изменений в их тексте, высказывала именно мне всяческие претензии и подозрения.

Румянцев, выполнив данное мне обещание, добился моего приёма в 1959 году в Академию общественных наук при ЦК КПСС без вступительных экзаменов, ибо я уже сдал кандидатский минимум (Ильичёв, считавший меня ещё по работе в «Правде» либералом, препятствовал этому, настаивая на моём поступлении на общих основаниях). Думаю, Румянцева в какой-то степени спасали некие личные

отношения с *Сусловым*. После возвращения из Праги он стал вице-президентом Академии наук СССР.

Но через год моё обучение в аспирантуре закончилось – меня пригласили, практически в приказном порядке, на работу в Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, возглавляемый Ю.В. Андроповым. Поскольку считалось необходимым, можно сказать – в некотором смысле по каким-то этическим причинам, не упоминать истинное название отдела, не упоминать того, что в отделе занимались социалистическими странами, он именовался просто – Отдел. В назревающей полемике с китайцами нужен был грамотный китаист (знание языка, отнюдь не поверхностное знакомство со страной). Здесь я проработал без малого 6 лет, сначала референтом, затем ответственным консультантом. Работа в ЦК КПСС значительно расширяла кругозор, расширяла видение проблем. Там была группа людей, работавших и в Отделе (Андропова), и в Международном отделе (Пономарёва) – очень широко мыслящие товарищи. Почти все вновь пришедшие, с которыми я работал и даже подружился, прошли шлифовку в центральных партийных изданиях (как ни странно, в том числе и Бовин).

В Отделе в качестве консультантов числились тогда *Г.А. Арбатов*, *А.Е. Бовин* (с ним мы вообще стали большими друзьями), *Г.Х. Шахназаров*, *О.Т. Богомолов*. Первым консультантом был *Л.Н. Толкунов* (потом ставший заместителем Андропова). Работали мы в тесном контакте с сотрудниками Международного отдела, который возглавлял Б.Н. Пономарёв.

Атмосфера у нас в Отделе была очень свободная. Свободная настолько, что однажды привела чуть ли не в ужас зашедшего по делу заместителя главного редактора журнала «Коммунист». Свободомыслие наших разговоров с Ю.В. Андроповым о разных делах, свободно высказываемые нами мнения совершенно противоречили тому, что «спускалось» сверху даже на тот уровень, на котором находился этот замглавред «Коммуниста». Ю.В. Андропов поощрял свободные дискуссии, однако только в его присутствии. Своё мнение (как, скажем, моё мнение об отзыве советских специалистов, с чем я был не согласен) мы могли высказывать практически только ему, но вовсе не вне Отдела. Несоблюдение этого правила заканчивалось увольнением (как, например, произошло с что-то не то и не там сказавшим *Бурлацким* или с Бовиным, написавшим в письме своему приятелю несколько неприятных строк о Брежнев). Такой линии придерживался и Б.Н. Пономарёв: во время написания «исторических документов» (заявлений партии и правительства, докладов ведущих руководителей страны), чаще всего это происходило в Кунцево, на одной из дач Сталина, Пономарёв сам провоцировал консультантов на откровенный разговор (часто даже потом не доверяемый стенографисткам для расшифровки). Конечно, страх был присущ и им, но в такой закрытой обстановке они не мешали нам высказываться.

Среди членов и работников ЦК КПСС единодушия не было. Во всяком случае, то, что мне известно – в тех вопросах, что касались отношения с Китаем. Ильичёв,

Суслов были, в сущности, сталинистами и резко выступали против всего, хотя бы слегка либерального. Например, готовилась большая статья о маоизме, объёмная и прекрасно обоснованная. В сущности, она была не в последнюю очередь и о сталинизме. Андропов и Пономарёв поддерживали выход её в свет. Но *Н.С. Хрущёва* сняли, и готовая вёрстка погибла в недрах сусловско-ильичёвского аппарата.

В 1964–1965 году Андропов ушёл из Отдела в КГБ. *Русаков, Катушев* (даже Катушев больше) старались придерживаться взвешенной линии, старались находить ходы, чтобы отношения между странами не выходили за определённые рамки. *Рахманин*, будучи замзав Отделом, приобретший вес в оценках Китая, поскольку долго работал в посольстве в Пекине, был убеждён, что ссора с китайцами будет навечно (так и Мао Цзэ-дун, в сущности, говорил). Он давал задания и нам, и ленинградскому отделению, чтобы показать историческую глубину конфликта между Китаем и Россией, доказать, что нынешняя ссора, полемика заложена исторически. Мы с Бовиным считали иначе. Поскольку Рахманин меня обвинял в хорошем отношении к Мао, я написал Катушеву бумагу (и Андропову в том же 1966–1967 году) о том, что рано или поздно отношения улучшатся, и надо быть готовым к этому. А прежде чем критиковать, надо хорошо разобраться с причинами события, изучить его истоки. И показал эту записку – изложение моей точки зрения Рахманину, что не улучшило наших отношений.

ЭС: Как вы оцениваете влияние российско-китайских отношений, их подъёмы и спады, на китаеведение?

ЛД: Именно в период острой полемики между КПСС и КПК я выступил с идеей создания того научного подразделения, которое, пройдя некий промежуточный этап (вначале был создан закрытый отдел), ныне известно в мире как Институт Дальнего Востока РАН. Для этого нужно было решение ЦК КПСС (ведь говаривал же *М.Е. Салтыков-Щедрин* в «Дневнике провинциала в Петербурге»), что «только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний»). Ибо в тот момент Советский Союз лишился объективной информации о процессах, происходящих в Китае, научного осмысления различных проблем идеологии, политики, экономики и других важных аспектов жизнедеятельности в стране. И как результат – оказался совершенно не готов к начавшейся в конце 1950-х годов советско-китайской полемике (равно, как и к обоснованию развития добрососедских связей, несмотря на резкую межпартийную полемику). Это произошло в результате закрытия исследовательского *Института китаеведения*, журнала «Советское китаеведение», учебного Института востоковедения (в сохранившихся китаеведных подразделениях в Москве и в Ленинграде занимались преимущественно традиционной культурой Китая, так сложилось исторически). Такая ситуация являлась следствием того, что в период «Великой дружбы» требование прекратить «вмешательство во внутренние дела Китая», высказанное советскому послу китайским руководством, в Москве восприняли как указание к действию: нашлись «доброжелатели» в Китае, которые нашёптывали «великому

кормчому», что китаеведение – наука колонизаторов и великий китайский народ не должен никому позволять себя «ведать». Я, конечно, в принципе был против закрытия Института китаеведения. Но институт-то закрыли, ибо от *Н.Г. Сударинова* – временного поверенного в делах СССР в КНР была телеграмма, что китайцы возмущались наличием в Москве подобного научного подразделения. Надо сказать, что и наше руководство было недовольно сотрудниками этого института: в журнале Института китаеведения – «Советском китаеведении», поскольку это был научный, а не публицистический журнал, в период дружбы писались определённые статьи, в которых отмечались отнюдь не только положительные моменты во всех сферах жизнедеятельности Китая и КПК. В результате журнал вышел только в двух номерах и был закрыт вместе с Институтом¹⁴. Правды ради, следует заметить, что первый удар по китаеведению в Советском Союзе был нанесён ещё в 1937 году, когда практически всех научных сотрудников тогдашнего Института Китая власти объявили иностранными шпионами и репрессировали.

Идея создания некоего закрытого подразделения родилась и была обоснована. Но надо было ещё пробить решение в ЦК КПСС. *С.В. Червоненко* (наш посол в Китае в 1959–1965 годах), будучи в Москве, всегда заходил ко мне, в наш Отдел. И вот, в очередной раз, когда Червоненко ехал в Пицунду к Хрущёву, он спросил меня: мол, какие вопросы поставить. Я и сказал, что среди прочего надо поставить вопрос о создании Института китаеведения, ибо необходима теоретическая база, в том числе для квалифицированного диалога с КПК. Хрущёв согласился, но с одним требованием – чтобы слово Китай не упоминалось. Я и придумал – создавать надо «Институт Дальнего Востока», а в скобках – «по изучению современного Китая». Но «скобки» вышли за скобки¹⁵. Итак, вначале был создан Закрытый отдел Китая. Несмотря на то, что отдел входил в академическую структуру, как я уже говорил ранее, он был создан по решению ЦК КПСС в 1965 году. Патроном его был тот самый вышеназванный Отдел ЦК, а первым руководителем – *С.Л. Тихвинский*. Официально называлось это подразделение Отделом истории при Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. Располагался он в здании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, но занимался вопросами сугубо современного Китая и поставлял всякие справки для ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ и т.д.

ЭС: Как складывалась ваша дальнейшая китаеведческая карьера? В каких институтах и учреждениях вам приходилось работать?

ЛД: Во время работы в ЦК я защитил в 1961 году кандидатскую диссертацию по теме «Классовая борьба в деревнях Центрально-Южного Китая в период аграрных преобразований (1950–1952)». А в 1964 году вышла моя книга «Борьба Коммунистической партии Китая за разрешение аграрного вопроса». По отзыву моего американского коллеги *Эзры Вогеля*, это было «объективное и информа-

¹⁴ Редакция журнала существовала в 1957–1959 гг. В 1958 г. вышли в свет четыре номера.

¹⁵ Директор ИДВ в 1985–2015 гг. М.Л. Титаренко называет себя одним из инициаторов создания института – см. интервью с М.Л. Титаренко в т. 2 данной серии.

тивное исследование», результаты которого «были крайне полезны» в его работе, заменив ему (в результате невозможности до 1972 года совершать аналогичные поездки по Китаю) отсутствие собственных полевых исследований.

Из ЦК я ушёл сначала в тот самый закрытый Отдел Китая. После того как Тихвинский опять вернулся на работу в МИД, освободилось место заведующего этим Отделом, и я уговорил Андропова, чтобы он меня отпустил, очень хотелось заниматься научной работой. (С довольно молодого возраста, практически с детства, словосочетание «старший научный сотрудник» звучало для меня слаще музыки. Казалось, высшее счастье – быть «старшим научным сотрудником», заниматься тем, что тебе интересно!) Первая реакция Юрия Владимировича на эту мою просьбу была резко отрицательной. Он даже разозлился на меня, а потом всё же согласился со мной и решился отпустить. Я там какое-то время работал, но потом меня, как либерала, решили из этого отдела убрать и назначили другого заведующего.

Я ушёл в ИМРД (Институт мирового рабочего движения) на должность заместителя директора по научной работе. Этот институт был создан в 1966 году. Формально он был институтом при ВЦСПС. Я, собственно, пришёл в формирующийся коллектив. Я перетащил в институт из Отдела Китая (закрытого) В.Г. Гельбраса, он стал возглавлять в ИМРД Сектор рабочего движения в Китае. Я начал проводить семинары. Тема семинара заранее не определялась, просто – о Китае. Началось всё с китайца из Гонконга, приехавшего в Москву. Я пригласил его выступить с докладом. Приходили специалисты из разных отделов, а состав сотрудников института был разнообразен и очень квалифицирован. Тема Китая тогда была весьма актуальна. Например, выступал *Мамардашвили*, который однажды говорил, что нет никакой демократии буржуазной, как нет и демократии пролетарской, демократия – она либо есть, либо её нет. (Помню, я на какой-то конференции в 1989 году, по поводу юбилея «движения 4 мая», процитировал это [высказывание] в Китае. И слушающими, китайцами, [оно] было воспринято с большим интересом, если не энтузиазмом.) *Ю.А. Замошкин* выступал – известный американист. *Л.А. Гордон*, изучавший в тот момент рабочий класс Индии, а в последующем – известный социолог. После гонконгца другие делали доклады, в которых осмысливали реалии современного Китая с точки зрения философии, политологии и так далее, находили аналогии с ситуациями в других странах, определённые концептуальные созвучия с подобными китайскими явлениями, с другими временами, сравнивали маоизм со сталинизмом и другими подобными режимами. Таким образом, чисто китайские вопросы вводились в контекст мировой истории, и новый взгляд позволял чётче понять, что именно происходит в Китае. В целом это придавало некоторый дополнительный импульс китаеведению (скорее, отдельным представителям китаеведной науки). Доносы, конечно, на меня поступали. Они шли в отдел Б.Н. Пономарёва, а там ко мне относились хорошо (и друзья там были, и сам Пономарёв понимал меня). Вызывать вызывали, но никаких разносов в полном смысле этого слова мне не устраивали. Когда я ушёл из ИМРД, семинары прекратились.

Затем я перешёл в Институт востоковедения Академии наук, в отдел Китая, где и проработал по 1990 год. Надеюсь, что есть и моя лепта в сохранении китаеведного подразделения по истории Китая в Институте востоковедения. (Вновь созданный Институт Дальнего Востока историей Китая, собственно, не занимался. Обращались к истории лишь когда возникала необходимость обосновать некоторые моменты, связанные с историей КПК, проследить подоплёку территориальных претензий Китая к России, некоторые исторические корни определённых идеологических элементов. Тем, кто перешёл работать в ИДВ из Отдела Китая ИВ, а вначале там были преимущественно сотрудники закрытого отдела, этим учёным в большинстве приходилось переориентировать свои научные интересы на проблемы современного Китая.) А сохранить отдел Китая ИВ было не так-то просто. В стране были «отказники» (подавшие прошение о выезде на «историческую родину» – Израиль, но получившие отказ), были «подписанты» (поставившие свои подписи под различными письмами протеста по поводу репрессий, расцветших в нашей стране). Да мало ли чего было?! И надо было держать удар, стараясь сохранить коллектив отдела. Иногда приходилось ультимативно заявлять на требование уволить такого-то: «Если он уходит, то и я!». Так, мне стоило больших трудов и нервов оставить в отделе *Е.В. Завадскую*. Да, ей запрещали командировки в Китай, и она смогла наконец-то вживе пообщаться с «носителями» трепетно любимой ею китайской культуры (лишь) уже в очень зрелом возрасте. Ей не давали возможности защитить докторскую диссертацию (что, чего скрывать, сказывалось на её материальном положении). Но она оставалась в творческом коллективе, она могла выступать хотя бы на нашей конференции («Общество и государство в Китае»). Музеи и библиотеки были в её распоряжении – короче, она могла продолжать научную работу.

Я не пытался переориентировать сотрудников отдела Китая ИВ на современность. Они по-прежнему занимались традиционным Китаем или цинским периодом, в том числе и реформами.

Ранее заведующим отделом Китая был *Р.В. Вяткин*, человек очень осторожный. (Он) предпочитал с начальством не ссориться, а поскольку был подполковником в отставке, преподавал в Военном институте, строго следил за дисциплиной. Именно по его инициативе я и стал заведующим Отделом Китая ИВ. Я-то хотел пойти старшим научным сотрудником (осуществить свою старую мечту: заниматься любимой, самой интересной работой и никому практически не подчиняться, ни от кого не зависеть в своих мыслях). Вяткин – серьёзный, прекрасный китаист. Они начали с *В.С. Таскиным* перевод «Ши цзи» (*Сыма Цяня*), но разошлись по принципиальному вопросу: Таскин не видел никакого смысла в комментариях, тем паче, иностранных – есть канон, его и надо переводить, а Вяткин говорил, что надо широко привлекать уже опубликованные, в том числе и на иных языках, комментарии. Таскин ушёл заниматься самостоятельной работой. С Таскиным я познакомился ещё будучи на практике в Харбине, (где) он работал переводчиком в Торгпредстве. Переехав в Москву и будучи принятым в Институт востоковедения, (Таскин)

занимался преимущественно переводами. Думаю, что специального образования он не имел. Язык знал хорошо. Он боролся за чистый перевод источника, можно сказать, буквальный, а можно – буквоедский. Вяткин уделял слишком много внимания чтению лекций. (В Советском Союзе была разветвлённая сеть «Общества Знание», которая рассылала лекторов по всевозможным вопросам, конечно, преимущественно с целью донесения основных политических, в том числе и в международной политике, установок КПСС до широких масс, но и научно-популярных знаний тоже. Многие любили такие встречи с аудиториями. Иногда действительно встречались заинтересованные слушатели, с которыми можно было общаться значительно дольше установленного для этого мероприятия времени. Другие любили разъезжать по стране за казённый счет, да и гонорары за эти лекции давали возможность весьма ощутимо пополнить бюджет даже и доктора наук.) Я часто его призывал больше уделять времени переводу, хотел я ему кого-нибудь в помощь определить. Но Вяткин хотел сам один работать и думал, что успеет завершить работу. Вот так, к сожалению, он и не успел закончить свой труд!

Н.М. Калюжная занималась историей *ихэтуаней*, и эта тема ею в двух книгах прекрасно разобрана. До неё у нас никто этой темой не занимался. *Л.Н. Борох* написала блестящую книгу о *Лян Ци-чао*, об общественной мысли реформаторского Китая. Сейчас её, к моему сожалению, занимают другие проблемы. *В.А. Рубин*, несмотря на прекрасное знание китайского языка, долгое время (по известной причине – пятому пункту) должен был работать в *ФБОН* (Фундаментальной библиотеке по общественным наукам). Жаль, что Рубин так рано и так случайно умер – погиб в автомобильной аварии в Израиле, куда всё-таки эмигрировал. Он не только прекрасно знал китайский язык. Он был очень талантливый, но сложный человек. Однажды хотел выступить на общем собрании отдела, посвящённом поддержке ввода наших войск в Чехословакию (тогда везде в обязательном порядке проходили такие собрания), с протестом по поводу этой нашей акции. Я отговорил его, доказав, что это совершенно бессмысленно, но чревато для него всяческими последствиями. Потом он решил ехать в Израиль – надоело-де сталкиваться с антисемитизмом. Домой ко мне приехал (я болел), то ли сообщить, то ли предупредить. Я возразил, что не вижу никакого антисемитизма в СССР на тот момент, особенно в научной среде. Но он сказал, что он-то чувствует.

Л.С. Васильева часто парировали – «вас подвело знание английского», ибо часть китаеведного сообщества считала его не владеющим в полной мере китайским языком, а, стало быть, пользующимся лишь англоязычными материалами, что, по мнению ряда его коллег, уводит его иногда от китайских источников в теоретизирование, в построение очень интересных, но нередко вступающих в противоречие с китайскими фактами схем. Знаю, однако, что лекции Васильева пользуются чрезвычайной популярностью в студенческой среде.

С *Л.И. Думаном* я мало работал. Он занимался древним Китаем, хорошо знал язык, но не помню уже, что именно он переводил. *В.П. Илюшечкин* весьма про-

дуктивно занимался средневековьем. (Однажды по собственному почину написал восторженную записку о «народных коммунах». Вероятно, на основе журналистских публикаций, без критического их осмысления.)

Коммуны, которые я видел, будучи в Китае как член редколлегии «Проблем мира и социализма», вовсе не были иллюстрацией построения всеобщего счастья. То, что мне показали вначале, казалось на скорую руку инсценированным: да, улочки почистили, и два закутка, казавшиеся необжитыми, были представлены как дом престарелых. Никакого очарования. А когда я настойчиво потребовал отвезти меня в другую деревню, сопровождающие сначала отказывались. Я поставил ультиматум: тогда – конец моей поездки! И мы даже уже поехали в Пекин. Но, посоветовавшись, они всё-таки отвезли меня в находящуюся неподалёку бедную и грязную деревню, в которой ничего не напоминало даже движения в сторону коммуны как прообраза светлого будущего. Ничего мне по этому поводу не объяснили. В коммунах партийное и государственное руководство практически было в одном и том же лице.

Были и показушные коммуны, куда возили иностранцев. Но один из руководителей одной из коммун сказал, что в будущем всё будет иначе (как бы молча признавая, что нынче не всё так хорошо, как хотелось бы), а Китай всё равно по темпам движения к коммунизму обгоняет Советский Союз. Но не один Илюшечкин был очарован народными коммунами. Когда я возвращался из Китая в 1959 году, мы на какое-то короткое время задержались в Иркутске, и я слышал от многих советских специалистов такие же восторженные отзывы о народных коммунах. Я не понял, то ли их и не возили ни в какие коммуны, то ли им так понравилось то, что им показывали. Вероятно, они тоже находились под обаянием того равенства, пусть и видимости его, той идеи коммун, о которой писала китайская печать, и которые строились и были популярны в Советской России в начале её развития – некая ностальгия по романтизму первых лет советской власти. Идея светлого справедливого равного общества, в общем-то, живёт вечно, и многих пленяет сама эта идея.

Среди сотрудников отдела был *Афанасий Гаврилович Крымов* (настоящее имя Го Шао-ган) – китайский коммунист, рождённый в провинции Чжэцзян, окончивший Институт красной профессуры в Москве, строивший металлургический комбинат в Норильске, а после реабилитации с 1955 года – сотрудник Института востоковедения, доктор исторических наук, резкий противник азиатского способа производства. Он был не только специалистом по новой и новейшей истории Китая, но и участником её. С убеждениями своей молодости расстаться не мог, несмотря на лагеря и XX съезд КПСС, ибо сетовал, что таким образом он признал бы всю прожитую свою жизнь напрасной.

С И.М. Ошаниным я познакомился, как уже говорил, ещё в МИВе, а потом я с ним встретился в отделе Китая ИВ, ибо словарь, который в это время создавался под его руководством, входил словарной группой в наш отдел.

Собственно, работы всех наших сотрудников напечатаны, желающие могут прочесть их сами и составить своё представление. *В.С. Кузес* – окончил военное

учреждение. Кузес после окончания работы со словарём, по моему предложению, взялся за тему компрадорской буржуазии (к сожалению, закончив работу, так и не решился сдать её в печать). Главным консультантом по китайскому языку в отделе был *Ду И-син*. Но и Таскин помогал многим понять, в случае трудностей, тексты. Кузес также работал переводчиком в суде, на главпочтамте. Работа была, считается, добровольной. *Панасюк*, так же, как бы на общественных началах работавший цензором на главпочтамте, вместо того, чтобы просто перевести текст послания, украл из конверта, и не единожды, видно, доллары, с которыми и пошёл в «Берёзку» (был такой магазин, типа послереволюционного Торгсина). Его посадили. Но эта история с Панасюком была ещё до моего прихода в отдел.

Конечно, кто-то пытался приспособиться – отвечать на запросы партии, им были ясны цели и понятны пути стремления к ней. Но были научные сотрудники, которые пытались противостоять заказному китаеведению, выбирая и разрабатывая свои темы. Такие учёные, как Рубин, Васильев, *Переломов*, Илюшечкин и другие, наши переводчики и исследователи литературы и искусства (*Л.З. Эйдлин*, *Л.Е. Черкасский*), делали своё дело, изучая древнюю и средневековую историю Китая, продвигая вперёд развитие китаеведения, внося свою лепту в понимание страны. В соседнем в нами отделе литературы китаист *М.Е. Шнейдер* специализировался на русской, советской литературе в Китае. Л.Е. Черкасский много переводил китайской классической поэзии. Л.З. Эйдлин сам переводил много и хорошо, но главное – будучи заведующим отделом литературы Института востоковедения, давал больше свободы своим сотрудникам – литературоведам. Во время обучения в аспирантуре в МИВ у Эйдлина и *Н.Т. Федоренко* был научным руководителем *В.М. Алексеев* и они ездили к нему в Ленинград на консультации по согласованию, с разрешения, кажется, *А.С. Перевертайло*, бывшего тогда директором МИВа. (Алексеев был эрудированный, побывавший не раз за границей китаист. Он считал, что после танской эпохи в Китае литературы практически не было. Он дал очень критический отзыв на перевод *Щуцким «И цзина»*, закрытый отзыв. Конечно, Щуцкий изучал китайский язык в Ленинграде, да и материал «И цзина» сложный, а Алексеев был неоднократно в Китае, да и кругозор у него был значительно шире, что и при переводе играет немалую роль¹⁶.) Но стать ответственным редактором книги *Т.П. Григорьевой* о японской традиции Эйдлин попросил меня, так как Федо-

¹⁶ Действительно, в отличие от В.М. Алексеева, Ю.К. Щуцкий не побывал в Китае, но имел лингвистический талант и был полиглотом, знавшим и пекинский, и гуанчжоуский (кантонский) диалекты китайского языка. Он был любимейшим учеником В.М. Алексеева, который как официальный оппонент на защите его докторской диссертации об «И цзине» дал ей в своём, разумеется, совершенно открытом отзыве высочайшую оценку, назвав «образцом для наших докторантов», «достойным перевода на иностранные языки, в том числе на китайский и японский». См.: *Алексеев В.М.* Замечания на книгу-диссертацию Ю.К. Щуцкого «Китайская классическая “Книга перемен”»; Он же. Наука о Востоке. М., 1982, с. 371–388; *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *А.И. Кобзев*. 2-е изд. М., 2003, с. 500-519).

ренко, работающий в этом отделе на полставки, отказался стать ответственным редактором, поскольку работавший в этом же отделе *Е.П. Чельшев* посчитал работу Григорьевой антимарксистской. При утверждении её книги к печати на Учёном совете ИВ тот же Чельшев подсел ко мне и зашептал, что я совершенно неправильно поступаю, совершаю ошибку, взявшись быть главным редактором этой антимарксистской работы. Но я читал работу, она мне понравилась, и я согласился.

Только с приходом *Ю.М. Гарушянца* в отдел Китая у меня появился человек, с которым можно было обсудить современную тему, привлечь его к написанию записок.

Поворот сотрудников отдела к современности начался с приходом директором Института востоковедения *Е.М. Примакова*, когда почти в приказном порядке (вернее, «пряниками» определёнными заманивали – повышением в должности, премиями) требовали «раскрытия» современных тем, участия в так называемых ситанализах (ситуационных анализах). Тут-то и стало видно, что и для науки политика есть командная сила. Прежний директор *Б.Г. Гафуров* был довольно равнодушный человек, поэтому он не мешал мне иметь свою точку зрения на события в Китае. А Примаков боялся, что я его поссорю с Рахманиным. На одном партсобрании я выступил с призывом: прежде, чем разоблачать Мао, надо его изучать, понять суть его учения. Воспринято было как выступление против Рахманина, и я был вызван к Примакову и получил внушение, получил практически выговор от Примакова. Замдиректора *Г.Ф. Ким* хотя и был осторожным человеком, но ко мне относился хорошо, поэтому меня поддерживал.

Политические обвинения, скажем, в объективизме или в неследовании марксизму могли не обойти и (учёного), занимающегося проблемами традиционного Китая. Всегда идеология влияет на науку. Иногда очень мешая, иногда даже и помогая. Скажем, в период ссоры между КПК и КПСС я начал ездить за границу, встречаться с приезжающими в Москву иностранцами. С ними было чаще всего интересно. Они привозили новые идеи, иногда от них в подарок перепали книги и журналы, а специальной литературы в то время у нас был дефицит.

Новые сотрудники в отделе Китая ИВ появились с большим разрывом. Молодёжь не шла на китайский язык. Но в стране вдруг возникла новая мода – мода на восточные философии. Молодые сотрудники, пришедшие к нам через почти четвертьвековой интервал для пополнения отдела, были с философского факультета (не исключено, в силу специфики ИСАА. Но школа вэньяня, основные специалисты по древнекитайскому языку были в ИСАА, прежде всего – *А.М. Карапетьянц*): *Г. Горохова* (жаль, что этот перспективный в области даосизма научный сотрудник ушла из науки в частную жизнь, став попадёр), *А.И. Кобзев* – очень талантливый человек, написал прекрасную работу о *Ван Ян-мине*¹⁷. Очень эффективный учёный, достигший к настоящему времени не просто всевозможных званий, но главное – непоколебимого авторитета, прежде всего в области философии

¹⁷ *Кобзев А.И.* Учение Ван Янмина и классическая китайская философия / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1983. 354 с.

традиционного Китая. Третьим в этом молодом пополнении отдела был *А.А. Крушинский* (он составляет в этой троице исключение, поскольку окончил ИСАА). Он начал с прекрасной работы – «*Янь Фу* и проблемы перевода», которая в том числе касалась той ключевой проблемы (чрезвычайно сложной), с которой сталкиваются и политики – трудности, если не сказать невозможности адекватного перевода с языка одной культуры на язык другой ключевых понятий современного культуроведения, философии и прочих наук, особенно гуманитарных. Он ныне занимается традиционной китайской логикой, вплотную занялся «И цзином».

Кроме Крушинского (да и то после службы в армии) из ИСАА никто к нам не приходил на работу. Вообще-то в этот вуз поступить было очень сложно, необходима была рекомендация райкома комсомола. Вуз был практически очень политизирован, идеологизирован, можно сказать – элитарен. Кузницей наших кадров ИСАА не стал, но одно время многие его сотрудники, аспиранты и даже некоторые выдающиеся студенты активно участвовали в научной конференции «Общество и государство в Китае», публиковали свои статьи в сборниках (например, *А.Н. Карнеев* и *В.А. Козырев*, по рекомендации *М.Ф. Юрьева*, начали печататься чуть ли не будучи студентами на 4-м курсе). Скорее, наши сотрудники преподавали и продолжают преподавать в ИСАА¹⁸.

Нынешнее поколение молодых учёных смогло выйти на новый уровень изучения Китая, в том числе и за счёт возможности доступа к книжному богатству, которого мы в своё время были лишены. Они знают лучше Китай, они бывают в Китае. Вузы теперь хорошо технически оснащены (всякие там лингафоны и прочее), что помогает достичь прекрасной языковой подготовки. У молодого поколения (появилось) больше свободы, больше информации обо всём мире. К тому же (используется) уже иная методологическая основа изучения истории вообще и истории Китая в частности. Ещё и при Брежнев были студенческие поездки к «носителям китайского языка»: ездили в Сингапур от института – того же ИСАА группы человек по 10–15 (Китай тогда был в определённом смысле закрыт для нас). Во время таких языковых практик можно было купить и книги, китайские и иностранные – по китайской философии, по истории страны. Мы-то были зашорены, были идеологически ограниченными. Молодое поколение ушло от привычного «нам кажется», «считается», поменяли эти вводные обороты на «я считаю», «мне представляется», что говорит о них как о людях, не боящихся брать на себя ответственность, имеющих собственное мнение (потому что имели право на это, получили его!). Именно с ними связано новое явление на нашей конференции («Общество и государство в Китае»), новый взрыв её популярности.

Молодые (теперь уже и им за пятьдесят, к сожалению. А впрочем – это самый плодотворный возраст для учёного в области гуманитарных наук) начали разрабатывать темы, которыми раньше не приходило никому в голову заниматься.

¹⁸ Из числа выпускников ИСАА МГУ в отделе Китая ИВ РАН работали в 1980–1990-х гг. А.Д. Дикарёв и В.М. Крюков.

Поскольку я человек толерантный (только очень не люблю стукачей, ну и немых людей), то крен нашей конференции в сторону нумерологии (которую я всё-таки за науку никогда не считал, да нынче будто она уже и кончилась), приход новых людей на конференции я перенёс без особых чувств. Желание расширить кругозор, расширение тем исследования, скажем, Тибета, буддизма, осмысления мистики и её роли в культуре, рассмотрение канонов, даже династических хроник с точки зрения нумерологии – это всё было интересно и, думаю, полезно в целом для востоковедения. Я считал, что что-то может из этих изысканий принести и пользу, а остальное со временем само отомрёт. Запрещать что бы то ни было во всех смыслах не полезно, можно загнать в подполье, что никогда не приносило пользы.

ЭС: Есть ли у вас свои ученики? История ваших отношений с учениками?

ЛД: Аспиранты у меня, естественно, были, но не все из них могли бы называться учениками, да и многие из них ушли в иные сферы деятельности. Кто-то оказался за границей (никуда не уезжая). Из учеников могу прежде всего назвать *Елену Стабурову*, очень талантливого и перспективного исследователя, правда, нынче ставшую иностранкой (она ещё при советской власти вышла замуж за латвийского поэта и живёт в Риге, но связи с нами не порывает, да и гражданство, кажется, российское не поменяла). Это моя бывшая аспирантка, ныне, правда, иностранная наша коллега. Сейчас она занимается средневековьем. А в качестве аспиранта она, по моему совету, занялась темой анархизма в Китае (абсолютно вначале не веря в её актуальность) и написала очень фундированную, прекрасную работу (а затем и книга вышла). Талантливая учёная. Возможно, жаль, что ушла от разработки идеологических проблем. Ещё один мой аспирант, заслуживающий доброго упоминания, А.А. Крушинский – также после прекрасной работы по новой истории («Янь Фу и проблемы перевода») занялся традиционной китайской логикой, занялся «И цзином». Впрочем, это представляется закономерным: при изучении неких инновационных процессов в идеологии сама тема ведёт учёного к истокам – традиционным идеологиям страны и методам их взаимодействия и изменения.

ЭС: Большой проблемой для отечественных китаеведов был книжный дефицит в СССР, не так ли?

ЛД: Практически, моё поколение всегда испытывало книжный голод. Во времена оные, ходя по букинистическим магазинам Москвы и Ленинграда, я мог с большим трудом приобрести некоторые издания, но исключительно пятидесятилетней давности. В Харбине, когда я там был на практике, конечно, книжный выбор был несравненно большим, хотя уже с преимуществом тематики революционной. Но, честно признаться, я в Харбине получил доступ к русскоязычным книгам – о *Бухарине*, *Троцком* и тому подобное – и активно использовал время практики на чтение этой литературы, прекрасно зная, что провести через границу ничего подобного не смогу.

Когда я уже работал в Праге и вёз книги, купленные там, у меня конфисковали чемодан китайских книг (при возвращении из Харбина в 1940-х годах такого не было – китайских книг на границе не изымали). Пришлось писать письмо от имени редакции журнала, что данные книги предназначены для библиотеки «Правды» (конечно, я ни в какую библиотеку не отдавал этих книг). Такими же письмами приходилось и позже вырывать книги, присланные из-за границы мне в подарок.

ЭС: Можно ли тут вспомнить некоторые моменты взаимоотношений с «компетентными» органами?

ЛД: Мы не только должны были сообщать в компетентные органы о своих командировках и о встречах с иностранцами, но и, зная о предстоящих встречах такого рода (не исключено, как результат прослушки телефонных разговоров с территории посольств или гостиниц, специализирующихся на обслуживании иностранцев), их сотрудники предлагали задать определённые вопросы, интересующие именно эти структуры. Иногда приходилось жёстко отказываться от таких предложений, если вопросы абсолютно не соответствовали моим интересам, и предложенный вопрос мог поставить под сомнение моё реноме учёного.

ЭС: Как известно, вы были одним из отцов-основателей ежегодной научной конференции «Общество и государство в Китае», которая в 2010 году будет проводиться уже в 40-й раз. 40 лет – это впечатляющая традиция и огромный срок для любого научного мероприятия! Как зародилась эта конференция?

ЛД: Перейдя в отдел Китая Института востоковедения я начал проводить то, что потом вылилось в ежегодные конференции «Государство и общество в Китае». Вначале это тоже были с некоей периодичностью семинары-симпозиумы по какой-то определённой животрепещущей проблеме Китая. И я думал, что это вскоре закончится, долго продолжаться не будет. А посему то, что на следующий (2010) год можно будет отметить сорокалетие конференции, не пропустившей и года даже в самые тяжёлые времена, когда прекратилось государственное финансирование (конечно, деньги были нужны преимущественно на публикацию материалов к началу конференции) – всё это вызывает моё прямо-таки удивление.

В отделе Китая ИВ первая тема, как бы начало НКОГК, наметилась такая: «О традиции в Китае». Повторюсь, в отделе были специалисты преимущественно по традиционному Китаю, а я взять в отдел никого не мог – дирекция не давала ставок; только В.А. Рубина из ИНИОНа (тоже по традиционной философии) и А.В. Меликсетова (по новой и новейшей истории Китая) взял.

На первую конференцию приглашения разослали, люди приехали: из Ленинграда, Владивостока (много людей), Казахстана (Алма-Ата). Кто-то был с Украины. Приехал из ГДР мой друг *Фельбер*, из Венгрии – *Полоньи*, из Польши – *Славинский*. С этими китаистами я был знаком ранее: они приезжали в Москву, кто на практику, кто поработать в ИНИОНе, кто работал в Москве по партийной линии (как Полоньи). У коллег из соцстран явно чувствовался недостаток профессионального общения в рамках своей страны. А в Москве много «дискуссионного

клуба» ещё не было (конференции в ИДВ стали происходить после так называемой перестройки – полузакрытость данного подразделения не очень способствовала свободному обмену мнений).

Приходили и некинтаисты московские, также имели право выступить. Ведь востоковедение отличалось от прочих гуманитарных наук тем, что, ссылаясь на восточную специфику, можно было более свободно высказываться по ряду животрепещущих проблем: то же обсуждение азиатского способа производства (столь же актуальное и для советской действительности тех лет) смогло быть продолжено именно таким образом.

Дискуссия об азиатском способе производства началась ещё до Второй мировой войны, в 1930-е годы была весьма активная дискуссия. Потом, не исключено, по причине отбытия основных участников в места не столь отдалённые, она прекратилась. После Второй мировой в Китае ожидали быстрой революции, восстания крестьян. Именно этого – активизации крестьянства – ожидали и в России, а его не произошло, что и обусловило обращение к теории азиатского способа производства. В результате несоответствия марксовской теории ходу строительства социализма, в 1930-е годы вспомнили марксовское же выделение азиатского способа производства. Дискуссия возобновилась в 1960-е годы, когда и в Китае «всё пошло не так». В СССР главными сторонниками наличия такой общественной формации были в этот период Л.С. Васильев и А.В. Меликсетов. Ю.М. Гарушянц практически подвёл итоги всей этой дискуссии, написав большую статью, в которой опроверг эту точку зрения весьма аргументированно (в журнале «Вопросы истории» в 1966 году). Но это вовсе не повлияло на точку зрения сторонников идеи азиатского способа производства. В азиатском способе производства главным был вопрос владения землёй, наличие в ряде стран государственной собственности на землю. Но один француз доказывал, что независимых помещиков не было и в Европе. Дело, конечно, в степени казалось бы одинаковых явлений. Ведь был *Карамзин* удивлён, посетив Францию, что, несмотря на то, что французских крестьян тоже грабили помещики, в целом там всё резко отличалось от ситуации в России.

Нельзя сказать, что на конференции собирались единомышленники. Скорее приходили люди, очень заинтересованные в понимании процессов, происходящих в Китае, а аналогичных дискуссионных площадок в Москве, подчеркну повторно, ещё не было. То, что первая конференция была посвящена именно теме традиций в Китае, объясняется ситуацией в научном сообществе Москвы (да и не только Москвы).

Первые сборники печатались свободнее, верно, это заслуга *О.К. Дрейера* (создателя и директора Издательства восточной литературы с момента организации его в 1957 году, принявшего решение об уходе со своей должности в 1992 году)¹⁹.

¹⁹ С 1964 г. ИВЛ, сохранив финансовую самостоятельность, стало хозрасчётной Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». В 1992 г. преобразована в издательскую фирму «Восточная литература» – ИФВЛ.

Естественно, сборники цензурировались. Печатались они практически кустарным образом. Машинистки набирали, после вычитки, а главное – после цензуры наши сотрудницы работали с клеем (дело это тонкое и тщательное – как в электронной промышленности Японии – требовало женских рук), часто с пинцетом вклеивали, заклеивали, приводили текст в «божеский» вид. И затем всё это печаталось офсетным способом. Часто зачёркнутое цензурой вынуждало *А.Н. Хохлова* (а он долго и успешно руководил выпуском материалов конференции) с ножницами в руках перекраивать в полном смысле текст сборника, меняя страницы, последовательность материалов, тем или иным образом заполняя лакуны, образовавшиеся после карандаша цензора, так как денег на перепечатку у нас не было. Вообще-то ограниченные деньги, которые я смог «выбить» на печать этих сборников, целиком уходили на типографские услуги. Чтобы сдать материалы на печатание машинистке, приходилось просто-таки заниматься незаконным бизнесом – продавать заинтересованным коллегам, но не авторам напечатанного в томиках, сборники за почти символическую цену. Сотрудники, естественно, не ставили меня в известность об этих мелкоспекулятивных операциях, как бы закрывая меня от возможных претензий всевозможных финансовых, контрольных органов.

Конечно, по поводу первой же конференции был донос, пришлось объясняться: почему без решения-разрешения провёл международную конференцию. Звучали и обвинения нашей конференции в чуждости марксизму. Но – обошлось. Как-то приехал человек из *Тартуско-московской семиотической школы*, где был руководителем *Ю.М. Лотман*. Конечно, его выступление нельзя строго назвать китаеведным, но затрагивались очень интересные моменты, способствующие пониманию китайских реалий. Такие люди очень не приветствовались компетентными органами. Даже Солнцев (тогда замдиректора ИВ) вызывал меня с требованием не предоставлять этому человеку из Тарту слова, на что я ответил, что фамилия коллеги стоит в списке докладчиков и у меня нет способов запретить ему говорить. Из Института Дальнего Востока сотрудники приходили, но не часто выступали. (Я ходил на конференции в ИДВ и выступал – в том числе с докладом о Сунь Ятсене. Но там была другая атмосфера.) Иногда даже и странные слегка бывали выступающие – один пересказывал Гегеля по вопросу о Китае, его зашикали. Списки выступавших на НКОГК вообще-то не проверялись, но уж по итогам этих выступлений, повторюсь, были доносы, вызовы в ЦК, но мягкие, в общем-то.

На первом симпозиуме схлестнулись В.А. Рубин с Л.С. Васильевым – о конфуцианстве вели спор. Это не было запланировано или срежиссировано, так получилось. Это было очень темпераментно, интересно. Теория доминирующей роли китайских традиций разрабатывалась многими сотрудниками отдела Китая ИВ, и китаисты со всей страны (и не только) широко её обсуждали на конференции «Общество и государство в Китае». Считается, что сотрудники более жёстко связанного с ЦК КПСС Института Дальнего Востока именно по этой причине редко посещали эти конференции и ещё реже выступали на ней.

Вообще конференция замысливалась без секций, общие заседания, на которых должен был расширяться кругозор китаистов, обычно поглощённых своей темой. Однако в таком случае (поглощённости своей темой) истоки данного явления и связь его с иными фактами не могли быть установлены, ускользали, что упрощало и уплощало отчасти понимание проблемы.

Часто докладчиками на конференции были люди, которые безбрежно расширяли горизонты китаеведов. Например, *Г.С. Померанц* – философ, культуролог. Какой-то период и после первой конференции к нам приезжали китаисты из социалистических стран (и это тоже по-прежнему не приветствовалось). Бывали периоды, когда конференция дрейфовала к нумерологии – к новой науке, продвигаемой А.И. Кобзевым, и зал заполнялся в большом количестве молодыми и лохматыми, в общем-то, часто дилетантами. Но порой высказывались и чрезвычайно интересные мысли. Сейчас можно услышать о роли этих ежегодных конференций «Общество и государство в Китае» в формировании новых подходов и принципов китаеведческих исследований в 1980-е годы. В 2009 году уже 39-я сессия НКОГК. (Издание томиков докладов к конференции также не прерывалось ни разу, даже в тяжёлые годы начала 1990-х – когда Институт востоковедения прекратил их финансирование. Искали и находили спонсорские деньги – время было не только тяжёлое, но интересное: как грибы возникали разные биржи, фонды и корпорации. Обращение к ним за материальной помощью научного подразделения, не исключено, вызывало у них чувство самоутверждения, как бы легитимизировало их в качестве полноправной структуры российского общества. Естественно, помогали далеко не все.) Эти материалы НКОГК пользуются авторитетом в мировом востоковедении. В сборниках тезисов и докладов конференции, так же как и в выступлениях и порой острых дискуссиях, разворачивающихся нередко на заседаниях, традиционно поднимаются как вопросы актуальные, связанные с текущей ситуацией в Китае, так и широкий спектр тем по всестороннему изучению истории (древнего, средневекового, нового и новейшего времени), культуры, философии, идеологии нашего великого соседа – темы, представляющие интерес не только для профессиональных востоковедов.

Но и проведение конференций, и издание сборников её материалов (а в первые годы по материалам конференции выпускались под таким же названием, уже типографским способом, сборники лучших статей) тоже давалось непросто. «Директивные органы» всё-таки «прослеживали» списки выступавших и тематику докладов, кажется полагаясь на энтузиастов из сотрудников отдела (а таковые, к сожалению, находились порой). А среди гостей практически всегда присутствовал некто, кто писал потом обстоятельный «доклад» (проще говоря – донос) о допущении с моего попустительства какого-нибудь «неправильного», с точки зрения тех самых «директивных органов», положения или факта (кто-то из сотрудников отдела даже увлекался некоей игрой – определить этого человека среди участников очередного симпозиума, – так у нас называли сессии конференции в отделе). И приходилось проходить через выволочки в ЦК КПСС. Хотя грех жа-

ловаться – и в Международном отделе, и в том, в котором я работал ранее, были дружественно относящиеся ко мне и к моим взглядам люди. И, тем не менее, в том числе и по этим доносам, в знак наказания что ли (в ЦК работали разные люди), порой откладывалась перед самым отъездом, в день отъезда, поездка в Китай или куда-нибудь за границу (на конференцию или для чтения лекции).

ЭС: Как складывалась ваша китаеведная карьера? В каких институтах и учреждениях вам приходилось работать (продолжение)?

ЛД: Когда *Румянцев* в 1970 году настоял на том, чтобы я стал директором вновь создаваемого *ИНИОНа* (создание ИНИОН тогда было новым этапом информационной работы, можно сказать – созданием нового информационного климата в стране), я согласился лишь из большого уважения к нему, поскольку по образованию я всё-таки китаист, и мне заниматься Китаем нравится больше, чем решать любые другие проблемы. Мы договорились с ним, что я перехожу работать директором ИНИОН, но при этом остаюсь формально заведующим отделом Китая, но не буду получать зарплату в этом качестве. За неполные два года моего директорствования сформировался костяк коллектива (куда вошли в том числе и квалифицированные, прекрасно знающие иностранные языки, столь же прекрасно ориентирующиеся в океане специальной литературы по различным отраслям гуманитарных знаний сотрудники бывшей *ФБОН*). Определилась структура *ИНИОНа*, определились главные направления его работы. Мы жили в такой период, когда большой свободы не было, но всё-таки можно было что-то говорить. Когда меня назначили в ИНИОН, то меня, естественно, утверждали в ЦК, и сначала не хотели утверждать, так как за мной была слава либерального человека. Но *Румянцев* настоял на том, чтобы меня утвердили. В то время заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК был *А.Н. Яковлев*. Он мне тогда сказал (мы с ним были близки одно время), что назначают меня в хорошее время (это были 1970-е годы), поскольку принято решение о сужении закрытой информации. Но работать мне будет сложно, так как, будучи директором академического института, информацию я буду должен давать в ЦК, но не имею права давать её академикам. Я подумал тогда, что больше трёх лет в этой должности не проработаю, потому что работать в таких условиях, когда на тебя всё время давят, очень трудно. Но мы старались, с помощью *Румянцева* – он поощрял информацию и всячески поддерживал институт. И та информация, которая шла из *ИНИОНа*, приоткрывала начальникам и работникам ЦК новые горизонты, мнения, идеи о том, что такое социализм, что такое коммунизм, что такое СССР. Это всё-таки как-то на них действовало. Однако чаще к нашим мнениям наверху абсолютно не прислушивались. (Так, против ситуации вокруг Афганистана записки писали и *Богомолов* из Института востоковедения²⁰, и *Иноземцев* выступал тогда против

²⁰ Видимо, имеется в виду академик *О.Т. Богомолов*, в 1969–1998 гг. возглавлявший Институт международных экономических и политических исследований РАН (до 1991 – Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР).

этого – но не было должной реакции в высших инстанциях! А на выступление Бовина против ввода войск в Чехословакию Брежнев сказал: «Ты что, хочешь уйти из партии?») С другой стороны, мне рассказывали, что реферативные сборники ИНИОНа, преимущественно публиковавшиеся под грифом «Для служебного пользования», нередко можно было купить на так называемом чёрном книжном рынке. То есть новые горизонты, мнения, идеи проникали и в более широкие слои образованного советского общества, что не могло не сказаться на идеологическом состоянии общества. Какая тогда была информация? Я исходил из того, что информация должна быть объективной. С одной стороны, тем, кто был у власти, хотелось иметь объективную информацию. Но, с другой стороны, хотелось, чтобы это была хорошая информация. И меня упрекали, что я даю нехорошую информацию. Это было первое из обвинений в мой адрес, из-за которых я сам решил уйти из ИНИОНа. Кроме этого, меня упрекали в том, что я беру на работу много евреев и диссидентов (что нередко соединялось в одном человеке). А с такими анкетными данными возникали трудности при поступлении на работу (следует принять во внимание, что тогда был указ о высылке из Москвы, вплоть до направления на принудительные работы, неработающего человека, причисляемого в этом случае к так называемым тунеядцам, без разницы, что послужило причиной его увольнения). Это-то мне потом и поставили в вину. Когда Румянцева сменил *П.Н. Федосеев*, то один из его упреков в мой адрес был таким: он мне показывал реферат американской статьи из одного сборника, где Троцкий упоминался просто как Троцкий, без всяких ругательных слов, и это очень возмутило Федосеева.

В 1970 году мне присвоили учёную степень доктора исторических наук, диссертационная работа была по теме «Аграрно-крестьянский вопрос и политика КПК: 1921–1928 гг.», на основании которой я подготовил вышедшую в 1972 году монографию «Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921–1928)». Без лишней скромности могу сказать, что это было не только первое объёмное исследование этой темы в советском китаеведении, но долгое время эта книга оставалась единственным источником по данной проблематике. Жаль, что я не всё из собранного материала смог включить в эту книгу! Я так старался как можно больше китайского материала, переводов вместить в книгу – слишком бы объёмной она стала. И так было около 500 страниц. И так поползли слухи, и добрые люди об этом предупреждали, что я выпускаю такую толстую книгу используя свои связи в ЦК КПСС. Нелзя, конечно, кое-что было включить в книгу и по политическим соображениям (как внутри нашей страны, так и из-за возможности быть неправильно истолкованным китайскими друзьями). Но это не меняло общий строй книги, оценки и факты.

С 1990 года по настоящее время я – главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН (ныне являющегося подразделением Института экономики РАН). Этот переход был следствием снятия меня с должности заведующего отделом Китая в связи с моим семидесятилетием (некоторое время продержалось положение, по которому после достижения этого

возраста нельзя находиться на руководящих должностях, в науке тоже)²¹. Я ушёл из Института востоковедения, чтобы не мешать работать новому заведующему.

ЭС: К какой научной школе вы себя причисляете? В каких научных сообществах состоите?

ЛД: Никаких школ в нашем китаеведении я не вижу. Если считать школой, как записано в словарях, научное направление, возглавляемое и руководимое каким-либо авторитетным учёным, или совокупность последователей ведущего учёного или сторонников одного из них, то этого я в российском китаеведении не вижу. Не исключено, что такое положение сложилось в результате исторического развития советского востоковедения в целом и китаеведения в частности (да и не только этих отраслей знания и науки). Ведь считается, что у нас происходило, и не раз, нарушение преемственности научных и педагогических школ. А для создания полноценных научных школ необходимо 2–3 поколения. Мнение, согласно которому научная школа – это некое сообщество, объединённое вокруг харизматичного лидера, в целом имеет право на жизнь и разделяется научным сообществом. Представление о научных школах как субъектах противостояния проникло даже в обыденное сознание и отражено в произведениях искусства. И всё-таки, повторяюсь, я не вижу в нашем китаеведении того, что назвал бы школой.

На мой взгляд, конечно, китаеведение не состоит из единомышленников, но и не состоит из атомизированных научных сотрудников. Но деление происходит по иным каким-то признакам. Возможно, играют роль определённые мировоззренческие особенности учёного. В конце концов, и морально-этические качества тоже занимают немалое место в позиции учёного.

Можно, конечно, определить как бы два течения в китаеведении, особенно зримо проявившихся в период конфронтации КПК и КПСС. Одно из них исходило преимущественно от некоторых товарищей из партийного руководства страны. Но оно поддерживалось и рядом китаистов и характеризовалось почти оголтелой критикой КПК. Другие видели отнюдь не в китайской специфике то, что подвергалось столь резкой критике в те годы в состоянии Китая, и беспокоились о том, каковы будут отношения между двумя странами, когда пик межпартийной войны сойдёт на нет.

Стоит при этом учитывать и то положение, точно сформулированное *Г.А. Арбатовым*, что именно «китайский фактор» – взвешенная, аргументированная критика маоизма – «подрывал позиции активизировавшихся сталинистов», а по-сему дискуссии с китайским руководством в целом оказали позитивный эффект на внутреннюю ситуацию в СССР. И можно считать, что выражение антисталинистских взглядов либералов в ЦК КПСС (ярким примером которого являлось «Открытое письмо ЦК КПСС от 14 июля 1963 года» в ответ на открытое письмо КПК, в котором критиковалась хрущёвская политика десталинизации и его стратегия мирного сосуществования с Западом) в определённой степени оказывало

²¹ В 1990 г. Л.П. Делюсину исполнилось только 67 лет, а возрастной ценз для руководителей, как и ныне для директоров институтов РАН, вводился с 65 лет.

позитивный эффект на внутреннюю политику в стране, проявлявшийся в литературе и искусстве, в науке и особенно в теории, в том числе в гуманитарных науках, что и получило в целом название «оттепели».

Но, с другой стороны, борьба со сталинизмом путём борьбы с маоизмом обещивалась ухудшением отношений двух стран. А с середины 1960-х годов военное столкновение с Китаем стало рассматриваться советским руководством как реальное, и это проникло в сознание не только некоторых китаистов, но и в так называемое обывательское сознание. И это был не просто пропагандистский приём. В ЦК КПСС из Института Дальнего Востока во второй половине 1960-х поступила записка, в которой с уверенностью сообщалось, что Китай готовится к войне с СССР. На что я, будучи принятым *А.Н. Косыгиным*, высказал иную точку зрения. Эту позицию мы совместно с Гельбрасом и Бергером обосновали и отправили (за подписью директора ИВ АН СССР Б.Г. Гафурова) в ЦК КПСС. В этой записке утверждалось, что китайское нападение маловероятно.

Пограничный конфликт (*Даманский инцидент*) имел только отрицательное значение, вовсе не сыграл, как считали некоторые, отрезвляющую роль – это было на руку Рахманину и его сторонникам на обострение отношений с Китаем, сторонникам настороженного, мягко говоря, отношения к Китаю. Что и явилось, собственно, основанием для развёртывания той оголтелой кампании.

В 1974 году Андропов, тогда уже председатель КГБ, спрашивал у меня о гарантиях ненападения Китая на СССР. Я, конечно, полной гарантии дать не мог, но, ссылаясь на анализ данных о китайской военной политике и военной готовности, утверждал с максимальной вероятностью о невозможности войны между нашими странами.

Но и в период политической стабилизации и начала экономических реформ раскол в среде советских экспертов по Китаю только углублялся. Те же самые «ортодоксы-рахманинцы» (по выражению *А.В. Лукина*) считали, что новые лидеры Китая продолжают дело Мао Цзэ-дуна, а маоизм своими действиями отлучил себя от научного социализма, превратился в политического пособника империализма в борьбе против социалистической системы. С их точки зрения, политика КПК имела гегемонистскую направленность, делалась ставка на антисоветизм; в стране проводилась форсированная милитаризация, что, естественно, имело негативные последствия во всех сферах жизни общества. А, стало быть, перед дипломатическим аппаратом, средствами массовой информации и научными сообществами ставилась задача изыскивать и освещать примеры, подтверждающие эту точку зрения. Пресекалась так называемая народная дипломатия, то есть цензурировались добрые воспоминания и высказывания о стране или отдельных китайцах, внимательно следили за синологическими конференциями. Всё это работало против нормализации советско-китайских отношений.

ЭС: Ваш взгляд на современное состояние российского китаеведения? Ваш взгляд на зарубежное китаеведение и китаеведов?

ЛД: То, что просто бросается в глаза, – увеличивающееся количество структур, занимающихся Китаем: кроме ИСАА, Института востоковедения, Института Дальнего Востока появилось (и появляются вновь?) немало других центров. Масса всевозможного уровня, в том числе коммерческих, учебных заведений, преимущественно языкового направления. Трудно ответить в целом на вопрос о нынешнем состоянии китаеведения. Да к тому же изменения в наших странах, открытие многих архивов (и у нас, и в Китае), вообще научная методология развивается – всё это приводит к расширению, а главное, к углублению китаеведческих исследований. Правда, создаётся впечатление, что молодёжь не очень-то охотно сейчас идёт в науку вообще и в китаеведение в частности. Мне представляется, что то же самое можно сказать и о мировом китаеведении, во всяком случае, я разницы не вижу.

Современностью занимаются, на мой взгляд, наиболее много и плодотворно в Японии. Впрочем, мне представляется, что изучению современности отдают предпочтение во всех странах. В Японии я также высоко оцениваю и исследования традиционной культуры. Читаю результаты этих исследований (не столько просматриваю на японском, сколько пользуюсь переводами на английский).

ЭС: Принимаете ли вы участие в коллективных исследовательских проектах? Каких?

ЛД: Практически, у меня одна совместная работа – вместе с *А.С. Костяевой* мы писали книгу о революции 1925–1927 годов. И написали с *Бовиным* книгу, по заказу издательства «Иностранная литература»²². Составляли записки, совместно с Бергером, Гельбрасом, Гарушянцем.

Можно ли отнести к совместной работе то, что ты являешься ответственным редактором чьей-то книги, притом не просто твоё имя стоит на форзаце, но ты внимательно прочёл её, сделал замечания автору и так далее? Тогда я могу привести целый список.

ЭС: Часто ли вам приходилось бывать в Китае?

ЛД: Я объехал почти весь Китай, бывая там практически раз в год. Не был только в Фуцзяни и на Тибете. Последний раз был в Китае в 1990–1991 году, на одной дискуссии по российско-китайским отношениям. Уже после Горбачёва.

ЭС: Каково влияние на вас западной мысли, науки (Marx, Weber, Parsons, etc.) и западного китаеведения?

ЛД: Влияние западных учёных на моё изучение Китая – самое разнообразное. Начиная с *К. Маркса*, *М. Вебера* (он больше писал о Китае), *Т. Парсонса*, *М. Джиласа*, работ западных китаистов и востоковедов – всё это, конечно, расширяло видение Китая и процессов, происходящих в нём. Скажем, *Гегель* (конечно, не в современности) помогает разобраться. Его работы – это как необходимое общее образование любого гуманитария.

²² *Бовин А.Е., Делюсин Л.П.* Политический кризис в Китае. События и причины. М., 1968.

ЭС: Ваше участие в различных научных мероприятиях (выступления с докладами, присутствие, участие и т. д.)?

ЛД: Приходилось с лекциями выступать в Америке, в Австралии, в Германии, бывал неоднократно на различных международных конференциях. В Москве три года преподавал в Высшей школе КГБ, вёл семинары в ИСАА при МГУ.

ЭС: Принимаете ли вы участие в развитии современных российско-китайских связей?

ЛД: Никакого участия сейчас ни в каких обществах не принимаю, да и раньше не очень был в этой области активен.

ЭС: Восприятие вами и россиянами образа Китая и китайского народа?

ЛД: Образ китайского народа? У меня сложился самый хороший образ. Ни в какие коварные замыслы китайцев не верю, уважаю их трудолюбие, коллективизм, определённую аскетичность. Однако и так называемые простые россияне по-разному воспринимают Китай, и учёные тоже. Ведь все мы настолько разные, что, считаю, единого образа Китая не может быть в России. В зависимости от уровня образования, эрудированности, даже региона проживания и, определённо, неких морально-этических ориентиров каждого отдельного человека зависит его восприятие как какой-либо страны, так и её жителей. Есть ещё у некоторых опасения, что Китай нападёт на нас и отнимет Сибирь. Конечно, такие настроения населения в определённой степени иногда нагнетаются нашей прессой.

В Америке ведь тоже есть те, кто внушает страх (не только внушает, но и имеет его сам) в отношении Китая. Китай идёт по пути своего доморощенного капитализма, и что будет потом... Я считаю, что пока ещё о страхах, внушаемых Китаем, говорить рано. Но Китай ведь имеет ядерное оружие, а психология в отношении его может быть другая: вот у Мао – была установка, что ядерная война не так уж и страшна, выжившая половина человечества будет жить при социализме. А внук *Чжу Дэ* года два тому назад повторил слова Мао: пусть Америка бросает на нас бомбу, половина пусть погибнет, но другая – уйдёт аж за Урал.

Тут вот была статья о китайцах (приглашённых, кстати, не самостоятельно приехавших) в сельском хозяйстве Биробиджана. Часть продукции и деньги (основную часть выручки) они отсылают в Хэйлунцзян. И кто-то даже высказался в том смысле, то эта хозяйственная единица России стала практически колонией Китая. Китайцев много в России в разных регионах работает. В Иваново, в Волгоградской области, в Пермской. Они хорошо работают, деньги зарабатывают большие, всю проявляя присущее китайцам трудолюбие. Проблема не в китайцах, а в том, что наши не хотят работать.

В России большой популярностью пользуются китайские товары, преимущественно за счёт их относительной дешевизны (хотя некоторые отмечают, что в Америке, скажем, цены на эти товары относительно ниже). Однако нередко китайский товар вызывает недоверие по качеству, во всяком случае, у нашего потребителя. Это уже просто стереотип, даже вошедший в анекдоты.

ЭС: Удастся ли вам следить за событиями в Китае? Каким образом вы это делаете?

ЛД: Слежу теперь за событиями в Китае преимущественно по гонконгским журналам. Раньше китайские корреспонденты приносили мне газеты за месяц-два, и я их читал. А потом из-за Интернета им перестали присылать газеты, и нынче газет китайских в бумажном варианте в Москву уже не поступает. Друзья порекомендовали меня издателям, и мне уже несколько лет из Гонконга присылают 4 гонконгских журнала бесплатно. Иногда в разговоре со знакомыми китаистами я по их вопросам сужу, что они не знают того, что я узнаю из гонконгской прессы, хотя они и пользуются Интернетом. Как-то у меня были два корреспондента из Китая, из агентства «Синьхуа». В разговоре они спросили меня, откуда я знаю некоторые вещи. Я показал им эти журналы. И они мне сказали: «Там более достоверная информация, чем в *Жэньминь жибао*». Так что в гонконгской печати можно найти более достоверную информацию о Китае, чем в официальных пекинских газетах. Иногда что-то интересное о Китае попадает в российской прессе. Компьютером, к сожалению, не владею. В мои-то годы поздно освоивать новую технику. Китайское радио на русском языке информативно, но, я считаю, в его передачах избыточно победных реляций. Эмигрантская пресса (хотя эмигранты печатались и в гонконгской прессе) представлена рядом изданий, и более академическими, например – «Modern China», и более публицистическими – «Китайская весна» («Чжунго чуньтянь»). «Китайская весна» издавалась в Америке, Лю Бинь-янь мне регулярно присылал, но, кажется, она перестала выходить. В Америке есть Комитет по изучению современного Китая, издают небольшой журнал «Дандай Чжунго яньцзю». Авторские коллективы эмигрантских изданий практически не пересекаются. Эмигранты свободны в своих оценках и суждениях. Собственно, эмигрантская пресса много даёт в понимании страны и происходящих в ней событий. Эти издания – во все не злопыхательские, стараются чрезвычайно объективно писать о своей родине. Эмигранты эти были формально добровольными. В общем-то, ситуация в стране, несогласие с политикой руководства их выталкивали из страны. И эмигрантская пресса, и гонконгская очень неплохо представляют весь спектр именно китайских мнений по основным животрепещущим вопросам современного Китая.

ЭС: Как и где обычно публикуются ваши исследования? Источники финансирования вашей исследовательской деятельности?

ЛД: Мои исследования всегда финансировались из бюджета – получал заработную плату по месту работы, в том или ином академическом институте. Результаты моих научных исследований публиковались либо в издательствах, если это была книга или брошюра, либо в журналах. Публиковался преимущественно без гонораров, также за счёт бюджетного финансирования или в газетах.

Сейчас никакой крупной работы не планирую, так – даю интервью (иногда по телефону), статью в газете. Иногда выступаю с докладом (сейчас – преимущественно в своем институте, последний раз – в прошлом году).

ЭС: Как вы считаете, каковы ваши самые большие личные достижения и самые большие разочарования?

ЛД: Я не стыжусь своих изданных работ (кроме некоторых брошюр, как, скажем, изданных в период борьбы с «правыми», как я уже говорил) – это были объективные работы. Мои работы по аграрному вопросу, по «культурной революции», «спор о социализме», по истории общественной мысли я считаю честными и объективными (не устаю сожалеть, что многого, правда, не вошло в работы по разным причинам). Я не писал жёстко, политически ангажированно, даже в период пика межпартийной полемики. Ведь тогда под вывеской «маоизма» мы (во всяком случае, мы с Бовиным), вероятно, впервые за годы советской власти пытались критиковать в открытой печати практически все недостатки коммунистической системы: и деспотическую власть, и диктатуру партийной бюрократии, тяжёлые жизненные условия и бесправие населения, экспансионизм советского руководства. Всё это подавалось как маоистские извращения в Китае истинного и совершенного советского социализма. В нашей книге «Политический кризис в Китае: события и причины» (1968 год) мы с Бовиным вели полемику не только или не столько с тогдашним китайским руководством, но и с отечественными консерваторами и сталинистами. Хотелось бы сказать больше, но было невозможно (скажем, после событий в Чехословакии нам с Бовиным пришлось снять главу с рассуждениями о социализме).

ЭС: Имелся ли у вас личный опыт общения и сотрудничества с китайцами?

ЛД: Общения – да, конечно. Но прямого научного сотрудничества, в полном смысле этого слова, с китайскими учёными у меня не было. Не знаю, как они, а я тщательно прорабатывал их исследования.

ЭС: Находятся ли китайские учёные под идеологическим давлением?

ЛД: Конечно. Но сейчас, создаётся впечатление, постепенно ситуация меняется. Нынче и китайские учёные меняют свои оценки (и Мао, и его роли. Но для официального признания этого, утверждается, необходимо минимум три поколения). Новая и новейшая история в Китае сейчас пересматривается. Западное влияние и иностранная помощь уже не представляются только негативно. *Боксёрское восстание* нынче скорее оценивается как отрицательное явление, не исключено, спровоцированное антиреформистскими силами. Отношения с западными странами пересматриваются, и так далее. Но новые точки зрения встречают явное сопротивление не только директивных органов, но и ряда учёных (собственно, напрашивается аналогия с нашей внутрироссийской ситуацией). Правда, эти ревизии истории страны, скорее, не поощряются и не особенно приветствуются, можно сказать, происходят как бы неофициально. Было, например, еженедельное приложение к молодёжной газете, где очень радикально пересматривались многие оценки: приложение закрыли, редактора выгнали. Конечно, политики часто повторяют старые клише про социализм и прочее. Но слова политиков расходятся с реальностью не только в Китае.

ЭС: Ваш взгляд на современное состояние Китая и происходящие там изменения?

ЛД: Считаю, последнее десятилетие в Китае характеризуется развитием по новому пути, и оно идёт весьма и весьма обнадеживающе. Нынче это уже иной путь, чем при Мао Цзэ-дуне. «Социализм с китайской спецификой», вообще-то, скорее является капитализмом с китайской спецификой. Ведь капиталистов нынче и в КПК принимают, много частных предприятий. Социализма там нет, в марксистском смысле, ибо частная собственность наличествует довольно широко. Конечно, о Китае в целом говорить нельзя. Основной массив страны (и территория, и численность населения) вряд ли затронут капитализмом. Но частная собственность и туда проникла, глубоко проникла, в деревню особенно. С социализмом практически покончено, хотя, конечно, государственное регулирование присутствует. Плохо, что расслоение растёт, коррупция, проституция.

Но основная проблема остаётся – положение крестьянства, положение сельского хозяйства – то есть проблема производства собственного продовольствия. Крестьяне практически налогов не платят, но местное руководство иногда крестьянство доводит поборами до бунтов. Чаше это нечто вроде государственного побора – на дороги и прочие полезные вещи коллективного пользования. Но особенное возмущение вызывают поборы, используемые на частные потребности местных ганьбу. Конечно, эти сведения я получаю из гонконгских журналов, в объективность которых верю, считаю информацию обоснованной, это вовсе не злопахательство. Но я верю в прекрасное будущее Китая и китайского народа. Ну, а где нет своих проблем?!

ЭС: Ваш взгляд на изменение роли и места Китая в мировом масштабе? Ваш взгляд на современное состояние отношений России и Китая?

ЛД: Роль Китая возрастает, и значение его в мировой политике будет ещё более возрастать. Я бы сказал, что изменение положения Китая в мире весьма разительное. Конечно, и при Мао кто-то прислушивался к китайцам и китайская карта разыгрывалась практически всегда, и при Сунь Ят-сене тоже. В том числе и на него мы какой-то период очень рассчитывали – на роль страны в развёртывании мировой революции. Но сейчас рывок в развитии экономического потенциала, демпинговая экспансия товаров китайского производства в мире, – всё заставляет учитывать китайский фактор в мировой политике. Ныне Китай считается уже развитой страной (в отличие от нашей, которую иногда представляют как развивающуюся). Конечно, повторяюсь, для некоторых Китай – фактор угроз и экономических, и не только (их собственный ядерный потенциал сравним с американским и российским). Китай осознаёт свой территориальный и, главное, демографический фактор.

Наши отношения (России с Китаем) сейчас могут быть оценены как хорошие. Начиная с Горбачёва, когда межпартийные отношения были впервые выведены за скобки (безусловно, раньше межпартийные отношения не могли оказывать отрицательное воздействие на межгосударственные). Я бы назвал нынешние отноше-

ния с Китаем просто великолепными. Всё-таки основные пограничные споры разрешились между нашими странами. Но и их оценка в России неоднозначная. Однако представляется, что пограничный вопрос в наших отношениях снят с повестки дня, готовится общий договор о границе. Сложность в том, что мы стремимся заключить союзный договор (подобный периоду «великой дружбы»), а китайцы – против.

Что касается Тайваня, то мы в целом считаем Тайвань китайской территорией. Но в любом случае являемся противниками вооружённых действий по воссоединению Китая (собственно, такова же была точка зрения ещё Сталина). Хотя не исключено, что эта точка зрения чаще озвучивается из-за нежелания испортить отношения с КНР. Но сейчас ведь наблюдается постепенное сближение материка и острова в экономике, в культуре, смешанные предприятия, смешанные браки, можно сказать. Нынче китайское руководство идёт по пути мирного, если можно так сказать, поглощения Тайваня.

ЭС: В чём вы видите сходство судеб Китая и России?

ЛД: Нас многое с Китаем роднит и объединяет. Мы пережили сталинизм, Китай – маоизм. Однопартийная система в Китае, у нас вновь наблюдается нечто подобное. Правда, на последних мартовских региональных выборах в России были регионы, где победили коммунисты, а были и такие, где победила партия «Правое дело» (но с меньшим результатом). Но всё это, можно сказать, – незначительные победы.

ЭС: Может ли стратегическое партнёрство России и Китая перерасти в стратегическое соперничество?

ЛД: Стратегическое партнёрство Китая и России может, конечно, перерасти в соперничество. Во всяком случае, союзнический договор (типа того, что был в 1950-х годах) китайцы не хотят заключать. И, тем не менее, такая перспектива – стратегическое соперничество – видится мне не очень-то реальной. Сейчас отношения России с китайцами лучше, чем с Америкой (обе страны заинтересованы в многополюсном мире).

ЭС: В октябре этого года (2009) ожидается очередной крупный юбилей – 60-летие со дня образования КНР. Как вы прокомментируете это событие?

ЛД: Создание 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики было мировым событием. Это была победа народной революции, усиление социалистического лагеря! Никто не мог предположить, во что это всё превратит Мао Цзэдун. Собирались ведь провести народно-демократическую революцию. Многие писатели, интеллигенты пошли в компартию в период антияпонской войны, предполагая осуществление в Китае именно народно-демократической революции. Им виделось, что путь Китая – не буржуазный и не социалистический, а некий третий путь – новодемократический, или народно-демократический. Мао с этим будто бы соглашался. И в первый период как бы к этому и шло, настроение у китайцев было приподнятое: буржуазию (кроме запятнавших себя сотрудничеством с японцами) не тронули, разрешали им продолжать своё дело. Собственно, это и

Сталин рекомендовал Мао Цзэ-дуну, когда Мао рассказывал, что он собирается делать после победы. Именно Сталин посоветовал ему не сбрасывать со счетов буржуазию и, наоборот, полагаться на капиталистов, которые помогут поднять производство. Мао, правда, после смерти Сталина решил обогнать Советский Союз по темпам строительства социализма, добиться более быстрого движения к коммунизму (хотя это уже было после его экспериментов). Впрочем, ещё в Яньани Мао в личных беседах высказывался, что одной из первых задач после победы будет обуздание демократических партий, которые входили в революционную коалицию. То есть, первоочередной задачей после победы для него была борьба с демократами. Он не признавал демократизм несоциалистический.

Конечно, эти 60 лет – это долгий и сложный исторический период. Я уже говорил и писал, что существование КНР распадается на две эпохи. Одна эпоха – эпоха Мао Цзэ-дуна. Но есть среди китайских учёных и политологов мнение, что и эта эпоха распадается также на две. И если первая была короткой, когда предполагалось идти по пути народно-демократическому, то вторая наступила тогда, когда Мао обманул надежды сторонников этого пути и начались его эксперименты, как политические, так и экономические. Вторая эпоха в истории КНР – это приход к руководству Дэн Сяо-пина после смерти Мао Цзэ-дуна. Главным, возможно, в политике Дэна был отказ от разоблачения Мао как виновника всех китайских бед. Но сам он проводил совершенно иную политику – и это есть нынешняя особенность КНР. Дэн говорил нашим руководителям, что напрасно они ругают Сталина, надо было не ругать его политику, а менять её, оставить знамя Ленина-Сталина и проводить другую политику. Для Дэн Сяо-пина характерно то, что он начал под руководством КПК создавать совершенно новые экономические порядки, сохранив ведущую роль КПК, оставив знамя Мао Цзэ-дуна. Но, несмотря на это, китайцы теперь совершенно по-другому относятся к Мао и к его политике. А главное, проводят иную: в Китае отказались от классовой борьбы и во внутренней, и во внешней политике и перешли к социальной гармонии, в том числе и во внешнем мире. И можно, в сущности, сказать, что перешли к прагматизму (Дэн вообще – большой прагматик). Идео, лозунг социальной гармонии выдвинул после смерти Дэна *Ху Цзинь-тао*. Ещё раньше капиталистов стали принимать в КПК, но не давали значимых политических постов. Теперь и партийные посты занимают капиталисты. Ведь, вступая в партию, предприниматель как бы автоматически становится секретарём парткома, такие примеры уже были, судя по сообщениям гонконгской печати. Но, тем не менее, эмигранты по-прежнему называют строй в КНР феодально-фашистским, ибо они считают, что, несмотря на большие экономические достижения, оставшееся на прежнем месте знамя Мао Цзэ-дуна, декларирование принципа китаизации марксизма приводит к тому, что в стране нет, как и прежде, демократии. Нет свободы слова, свободы инакомыслия. По-прежнему действует однопартийная система, пресекаются попытки создать какие-либо объединения вне руководства КПК. То есть, остаётся многое, что

существовало ещё при Мао. Некоторые эмигранты настаивают, что без отказа от марксизма-ленинизма, без отказа от идей Мао Цзэ-дуна (без чего, однако, не может существовать коммунистическая партия Китая) в стране не могут произойти кардинальные изменения по дороге к демократии. А сама КПК должна, считают они, изменить своё название. Дэн тоже пресекал всякие попытки молодёжи, интеллигенции выйти из-под контроля КПК, как, скажем, студенческие выступления в 1989 году за демократизацию партии (молодёжь требовала прекращения практики, когда один человек руководит всем).

Мао был практически не просто коммунист, он был монархист по существу, самодержец. Кстати, когда в 1950 году в Шанхае, на каком-то собрании капиталистов, поддерживающих в то время коммунистов, у Лю Шао-ци спросили, можно ли считать Мао новым императором, Лю ответил, что в какой-мере можно. Дэн Сяо-пин тоже практически самолично, единолично распорядился в партии не взирая на Устав партии. Снимал генеральных секретарей, как было с *Ху Яо-баном*. Мой друг *Ху Цзювэй* и некоторые другие помощники Ху Яо-бана считают, что именно Ху Яо-бан был архитектором реформ. И ещё – Ху активно содействовал реабилитации жертв «культурной революции». Как только Дэн Сяо-пин сделал Ху Яо-бана заведующим Организационным отделом ЦК КПК, Ху начал работу по реабилитации (в 1978 году). Он был терпим в определённой степени к отклонениям во взглядах. Так, он привечал Лю Бинь-яня, оставлял его в должности главы писательской организации Китая, несмотря на то, что тот писал очень критические статьи по отдельным недостаткам в Китае. (Лю Бинь-янь эмигрировал, как и многие другие демократически настроенные интеллигенты, которые после событий 1989 года, опасаясь ареста, тем или иным способом уезжали из страны.) Ху также выступал против коррупции. Именно поэтому Ху Яо-бан пользовался таким уважением у молодёжи.

Но, конечно, нельзя отрицать некоторые перемены, происходящие в политическом климате страны. Так или иначе, ныне озвучивается отказ от диктатуры пролетариата, классовой борьбы. По сообщениям гонконгской печати, некоторые газеты и журналы КНР, особенно на Юге, весьма свободно пишут о многом. Проходят местные совещания интеллигенции с участием некоторых ветеранов партии, которые весьма открыто обсуждают все эти наболевшие вопросы. И именно ветераны партии резко выступают с критикой Мао и его политики, за отказ от этой политики. Недавно, например, в Пекине в Педагогическом университете на собрании памяти одной преподавательницы, забитой студентами-хунвэйбинами насмерть во время «культурной революции», резко осуждалась эта политическая кампания, открыто критиковали Мао Цзэ-дуна. А ведь на государственном уровне «культурная революция» практически не осуждена. То есть осуждена, но отделена от имени Мао Цзэ-дуна. Говорится, что якобы не Мао её спровоцировал. Да, к некоторым нынешним «вольнодумцам» применяются иногда определённые формы воздействия, могут и ненадолго посадить в тюрьму – для острастки. Конечно, изменения происходят. Нынешние огромные экономические достижения

КНР признаются и резкими критиками политического режима в стране. Нынешние руководители – Ху Цзинь-тао и *Вэнь Цзя-бао* – более передовые люди, по возрасту мало связанные с революционным прошлым. Все с высшим образованием.

Противоречива история КНР, но отметить этот праздник – не зазорно. Большой праздник, великое событие в мировой истории! Эти 60 лет КНР, тем не менее, благо для Китая. Это – как Петровский рывок в России: стоит много, но и многого стоит, несмотря на маоистские эксперименты. Цена заплачена очень высокая. Республиканский Китай был тоже монархический, но раздроблен, раздираем сепаратистами. Ныне Китай – един, централизован. Недаром Мао говорил, что он соединил Маркса и *Цинь Ши-хуана*, который считается объединителем, воссоединителем Китая.

ЭС: В апреле этого года на Тайване широко отмечалось 100-летие президента *Цзян Цзин-го*. Как можно оценить его личный вклад в развитие общества и демократии на Тайване?

ЛД: На Тайване большие экономические достижения. Больше там и демократии. Сын *Чан Кай-ши* сделал многое в этом направлении (во всяком случае, эти перемены произошли тогда, когда он сменил умершего отца на посту главы государства). Он практически покончил с однопартийностью, имевшей место во время Чан Кай-ши. Больше там и политических свобод. И на материке, и на острове одинаково было практически монархическое правление. Но на Тайване публично осудили кровавое подавление демонстрации 28 февраля 1947 года²³, покаяться перед людьми. То есть, Цзян Цзин-го как бы осудил действия отца (но это во все не повлияло на почитание Чан Кай-ши в стране). Видно, близкие отношения с Америкой способствовали не только развитию тайваньской экономики, но и определённого знакомству и заимствованию западных ценностей. Не исключено, что этому способствовало и определённое знакомство многих руководителей Тайваня с основами христианского миропонимания. Тайвань был более открыт миру. Тайваньцы немало ездили за границу, в том числе в Америку. А открытость, являясь результатом стремления к демократии, одновременно является и залогом движения к углублению демократии.

ЭС: Наконец, совсем недавно был ещё один юбилей: 20-летие событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь²⁴ в Пекине? Насколько значимо это событие для современного Китая?

²³ 28.02.1947 в Тайбэе вспыхнули протесты из-за убийства простой торговки агентами табачно-винной монополии. Войска открыли огонь, были убитые и раненые. Протестующие, захватив радиостанцию, призвали население к восстанию, которое охватило все крупные города Тайваня. Беспорядки были подавлены войсками Гоминьдана, переброшенными с материка. Цзян Цзин-го публично осудил жестокое подавление протестов 1947 г., получивших название «инцидент 228».

²⁴ События на площади Тяньаньмэнь 1989 г., или «события 4 июня» 六四事件. Серия демонстраций, в основном студентов (15.04–04.06.1989), под лозунгом *Дадао гуаньдао!* (Долой продажных чинуш!). 4 июня была разогнана войсками. В ходе разгона погибли сотни людей.

ЛД: Многие считают, что новое руководство должно пересмотреть оценки этого студенческого выступления, снять обвинения в контрреволюционности и осудить такой жестокий разгон молодёжи. Я был в 1989 году в Пекине, проходил в конце мая мимо площади. Там всё было спокойно, шли митинги, некоторые уже уходили с площади, другие – решили стоять до конца, пусть их хоть танки расстреливают (а за пределами площади шла обычная жизнь). Лозунги были вполне демократические («упразднить диктатуру пролетариата», «создать демократическое правительство», «допустить свободу слова», против коррупции и бюрократизма и прочее). Молодёжь вознесла Ху Яо-бана на небывалую высоту, признавая политику Ху Яо-бана как вполне либеральную как в политическом, так и в экономическом плане. Молодые верили, что Ху Яо-бан введёт многопартийную систему. Реабилитация жертв «культурной революции» для этой молодёжи также имела значение – это касалось родителей или родственников многих из них. То есть Ху Яо-бан давал все основания для такой высокой оценки своей деятельности. А Дэн Сяо-пин не спешил с политическими реформами. Говорить-то говорил, но ничего не делал. *Чжао Цзы-ян*, сменивший Ху Яо-бана в руководстве страны, как бы тоже не отвергал эту идею многопартийности, признавая однопартийную систему злом. Во время моих разговоров (весной того же 1989 года, ещё до разгона митинга) со студентами в *Пекинском университете*, в *Цинхуа* (я читал там лекции, а после беседовал с преподавателями и ребятами), все выступали за демократию в Китае, все открыто критиковали Мао. Сейчас многие и проживающие в КНР говорят (по Интернету, в статьях гонконгских изданий) о том, что без критики политики Мао, без его осуждения ничего демократического не будет в стране. В политическом плане многие оценивают ситуацию в КНР ничем не лучше, чем при Мао. Хотя в компартии явно есть немало людей, думающих так же, они как бы пытаются помочь организоваться думающим таким образом. Но полной свободы КПК не даёт, всё резко пресекается. И экономические свободы тоже неполные. Контроль над ценами, за рынком по-прежнему партийный (или правильнее – государственный), это – не рыночная экономика в полном смысле, скорее государственный капитализм, хотя партийно-государственные лидеры всё ещё говорят о социализме в Китае, продолжают утверждать, что в Китае строится социализм с китайской спецификой.

Это событие – 20-летие того, что произошло на Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года – постоянно вспоминается демократической общественностью как в стране, так и за рубежом. Эмигранты, где бы они ни были, в том числе и в Гонконге, отмечают эту дату. Считается, что в разгоне митинга виноват Дэн Сяо-пин. Некоторые убеждены, что если бы этой трагедии не произошло, то, возможно, в результате инициативы молодёжи Китай пошёл бы быстрее по пути политических преобразований. Многие признают этот политический акт молодёжи как бессмысленный. Немало и тех, кто даже считает его приведшим к ухудшению ситуации, ещё больше отвратившим Дэн Сяо-пина от проведения политических реформ,

вероятно, замедлившим политические преобразования в стране. Дэн Сяо-пин начал борьбу с «буржуазным либерализмом» (против свободы слова, объединений и всего того, что отличалось от коммунистической идеологии), а Чжао Цзы-ян не проявлял рвения в проведении этой борьбы. Он к тому же был против кровавого разгона митинга на Тяньаньмэнь. Всё это очень не понравилось Дэн Сяо-пину, и он снял Чжао Цзы-яна. Чжао Цзы-ян вскоре после прихода к власти Дэн Сяо-пина начал проводить земельную реформу – ликвидировал народные коммуны и допустил семейный подряд. Дэн не сразу, но поддержал это начинание, и Чжао Цзы-ян вскоре сделал большую карьеру, сменив Ху Яо-бана на посту Первого секретаря ЦК КПК.

ЭС: Лев Петрович, прежде чем завершить наше интервью, хочется спросить, что бы вы хотели пожелать молодым китаеведам, желающим стать настоящими специалистами-профессионалами?

ЛД: Прежде всего, добиваться прекрасного знания языка, больше читать китайской литературы: и современную, и классическую. В современной литературе много нынче отражено мыслей и чаяний китайских интеллигентов, их понимание ситуации в стране. Необходимо знать основы конфуцианства, буддистской философии. Некоторые в Китае даже выступают за объединение конфуцианства, буддизма и христианства в одно некое целое, сделав это общей духовной идеологией Китая (это, правда, говорилось ещё во времена критики конфуцианства). Ныне конфуцианство поощряется сверху. В том числе и с помощью таких вот идеологических ходов: «сяо кан» (то есть добиваться не коммунизма, а малого достатка) – термин, введённый Дэн Сяо-пином, казалось бы, чисто из области экономической политики. Но вообще – это классический конфуцианский термин. То есть, этот экономический термин содержит в себе большой идеологический, в данном случае конфуцианский компонент.

Чтобы понимать китайскую идеологию, китайский менталитет, короче – понимать, что и почему происходит в стране, необходимо иметь вот этот багаж: знание языка и художественной литературы, знакомство с жизнью, культурой и духовным богатством страны. И при этом необходимо учитывать, что Китай – огромная страна, что не может быть единства в понимании мира и современности в разных регионах страны, в разных социальных слоях. Это понимание неизбежно значительно отличается. Ещё я бы посоветовал будущим китаеведам изучать, кроме английского, японский язык. В Японии более богатая литература о Китае, чем в Америке. Японцы лучше, чем на Западе, знают и понимают Китай, страну и людей...

КАТКОВА ЗОЯ ДМИТРИЕВНА

INTERVIEW WITH ZOYA D. KATKOVA

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Каткова Зоя Дмитриевна (ЗК)

к.и.н., Старший научный сотрудник,

Отдел Китая, ИВ РАН

Место интервью: Москва

Дата: 26 сентября 2009 г.

Вёл интервью: Н.Ю. Агеев (НА)

Примечания: Н.Ю. Агеев

Продолжительность: 2 часа

Zoya D. Katkova, PHD (History)

Senior Research Fellow, Institute of

Orientalism, Russian Academy of Science

Place: Moscow

Date: September 26, 2009

Hosted by: Nikolai J. Ageev

Footnotes: Nikolai J. Ageev

Duration: 2 hours

Каткова Зоя Дмитриевна (02.02.1932–10.02.2014). Китаевед, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН. Специалист по истории китайской дипломатии, внешней политики Гоминьдана, советско-китайским и японо-китайским отношениям. Под влиянием событий 1949 г. в Китае поступила в 1950 г. на китайское отделение МИВ. Ученица Р. В. Вяткина, Л.И. Думана, Г.А. Ганшина. После закрытия в 1954 г. МИВ завершила учёбу в МГИМО. В 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию, поступила на работу в отдел Китая ИВ АН СССР, где работала до конца своих дней. Выезжала в Китай в 1990 г. Ав-

тор 4 книг и десятков статей. Избранные труды: Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). М., 1978, 240 с.; Китай и державы, 1927–1937 гг. М., 1995, 276 с.; Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай–Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 20-е гг. XX в.). М., 1995, 230 с. и др. См.: Кобзев А.И., Журавлева В.П. Памяти Зои Дмитриевны Катковой // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIV, ч. 1 (УЗОК. Вып. 14). М., 2014, с. 573-581; то же // Восток. 2014, № 3, с. 217-229.

НА: Здравствуйте, Зоя Дмитриевна! Добро пожаловать в число участников международного проекта «Китаеведение – устная история»!

ЗК: Здравствуйте, ваше приглашение стало для меня неожиданностью и большой честью. Но я постараюсь ответить на интересующие вопросы.

НА: Тогда давайте начнём с небольшой формальности. Представьтесь, пожалуйста, кто вы, где и когда родились?

ЗК: Я, Каткова Зоя Дмитриевна, родилась в Москве 2 февраля 1932 г. Кандидат исторических наук. Работаю в Отделе Китая, в *Институте востоковедения РАН*.

НА: Когда вы впервые узнали, что существует такая страна, как Китай, и как это произошло?

ЗК: В 1950 году я окончила школу и хотела поступать на исторический факультет в МГУ. Как раз в это время в нашей стране (в СССР) было очень большое увлечение Китаем, поскольку там в 1949 году произошла революция. И все люди в Советском Союзе с большим вниманием и симпатией следили за тем, как развивается эта большая и красивая страна. Мы старались как можно больше читать о Китае. И здесь у меня уже возникли сомнения, куда мне после школы поступать. Мои друзья стали уговаривать меня, чтобы я пошла в Институт востоковедения на китайский факультет. Наконец, уговорили и я в этом же году поступила туда, сдав успешно вступительный экзамен по французскому языку.

НА: Расскажите, пожалуйста, поподробнее о вашей учёбе в институте. Например, о предметах, преподавателях и об общей обстановке, в которой вы учились!

ЗК: Мы там учили два языка: один восточный, а другой западный. На первом курсе были в основном преподаватели, которые сами раньше оканчивали наш институт. Они были молодыми и преподавали очень интересно. Учиться нам тоже было интересно. На уроках китайского языка писали сначала палочки, потом иероглифы, потом перешли к фразам. Нас хотели научить произносить китайские иероглифы с соблюдением тонов. Для этого мой папа купил мне патефон, а в институте нам выдали пластинки. Мы, готовясь к урокам, заучивали тексты с этих пластинок, стараясь как можно больше подражать тому, что было на этих пластинках записано. Там были сначала небольшие фразы, вопросы и ответы. Это было интересно, и на уроках мы всё это отвечали. Потом тексты постепенно усложнялись, а направление текстов и их лексика были политические.

Практически всё было связано с политикой, американским империализмом и т.д. По Китаю мы ещё изучали историю Китая, преподавал нам известный китаевед *Рудольф Всеволодович Вяткин*, который впоследствии перевёл на русский язык громадный памятник – «Исторические записки» *Сыма Цяня*. Р.В. Вяткина все очень боялись. Мы также учили географию Китая и Азии (*Георгий Александрович Ганшин*). Дальше, новую историю нам преподавал *Н.П. Виноградов*. Поскольку у нас не было никаких учебников, мы всё записывали на лекциях и очень старательно это учили, чтобы хорошо сдать экзамен. Потом был такой предмет, который мы все называли «электрический стул». Студент, которого вызывали к доске, садился посередине, между двумя преподавателями – китайцем и русским. Преподаватели разговаривали между собой при помощи переводчика. А ты – тот самый переводчик – переводил их разговор. В общем, можно сказать, что четыре года мы проучились с большим интересом, были довольны. Это, пожалуй, самые лучшие годы моей жизни. Когда мы окончили четвёртый курс, сдали экзамены и все разъехались на летние каникулы, то тут нам преподнесли очень неожиданный и неприятный сюрприз. Я уехала в Литву к мужу, он у меня был военный, и тут я получаю письмо, что должна срочно возвращаться в Москву, потому что наш институт расформировали. Это был 1954 год. Все, конечно, тут же собрались, были расстроены и не знали, что нам делать. Нам предложили идти на первый курс в любой институт. Это было очень странно, потому что многие уже обзавелись семьями и детьми, и начинать учёбу снова было не так просто. Это, во-первых. А во-вторых, все уже были настолько увлечены Китаем и строили планы на жизнь в этом направлении, что не хотели менять свою специальность. Поэтому мы решили предпринять такой шаг – написали в ЦК КПСС письмо с просьбой о том, чтобы всему пятому курсу нашего института всё же разрешили доучиться по специальности и получить диплом об окончании института.

НА: Как же всё это разрешилось? Чем закончилась эта история?

ЗК: Потом мы целый месяц ждали, пока пришёл ответ. К счастью, нам разрешили доучиться в Институте международных отношений (МГИМО), перевели весь пятый курс в этот институт. Там нам прочитали курсы по истории международных отношений и истории международного права. Я сейчас не помню фамилии этих профессоров. Но это были высококомпетентные и профессиональные преподаватели. А после этого мы стали писать дипломные работы. Я написала диплом по тайпинам, а руководителем у меня был *Л.И. Думан*, тоже очень известный китаевед. Свой диплом я защитила на «отлично».

НА: Как вам удалось трудоустроиться после окончания института?

ЗК: Потом нас ожидало малоприятное будущее, потому что было трудно с распределением. Объясняли это тем, что китайские товарищи уже хорошо владеют русским языком и что наши специалисты не нужны. Тем, кто уже был семейный, выдавали просто свободные дипломы. А тех, кто был неженат или незамужем, отправляли на границу или в Среднюю Азию преподавать английский язык. В об-

щем, занимались мы всем, только не Китаем. Я уехала на какое-то время в Литву, потом вернулась в Москву. В Москве я тогда не могла устроиться по специальности и, в итоге, устроилась в один технический НИИ, где работала переводчиком английского языка. Здесь мне, правда, удалось пообщаться с китайцами: приехала один раз китайская делегация на заседание СЭВа. Их было 3 человека: один был из Маньчжурии, командир партизанского отряда, другой – капиталист из Гуанчжоу, и с ними был переводчик. Мне было очень интересно то, что они не понимали друг друга. А поскольку мы учили пекинский диалект, то мне с ними тоже было сложно объясняться. Поэтому, как ни странно, приходилось использовать английский язык. Правда, письменные документы (различные соглашения) были присланы на китайском языке – это всё я сумела перевести. Это, можно сказать, была моя единственная встреча с китайцами. После событий 1969 года на острове *Даманском* обстановка в СССР изменилась. Китаеведов стали принимать в аспирантуру. Тогда я и поступила в аспирантуру Института международных отношений, где стала заниматься внешней политикой и международными отношениями. В частности, подготовила кандидатскую диссертацию по теме «Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны». Я её защитила в 1972 г., после чего перешла работать в Институт востоковедения, в Отдел Китая (в начале 70-х годов). Здесь я продолжала исследовать эту тему. Опубликовала в 1978 г. книгу «Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны (1937–1945)». В последующие годы я продолжила изучение Гоминьдана, но обратилась к более раннему периоду. Я вернулась назад на 10 лет и стала исследовать период «Нанкинского десятилетия» (1927–1937). Написала книгу, объёмом около двадцати авторских листов.

НА: Расскажите, пожалуйста, подробнее об этой книге.

ЗК: Эта книга называется «Китай и державы, 1927–1937». (Издательство Восточная литература. – М., 1995, 278 с.). Работа начинается по времени с момента прихода к власти в Китае в 1927 г. партии *Гоминьдан*. Её официальная идеология – учение *Сунь Ят-сена*, организатора и руководителя Гоминьдана, крупного политического деятеля Китая первой четверти XX в. Политическая программа, изложенная Сунь Ят-сеном на I съезде партии в январе 1924 г., была нацелена на построение единого, независимого и экономически сильного Китая. Её выполнение легло на плечи нового, сформированного в Нанкине правительства, которое возглавил лидер правого крыла Гоминьдана *Чан Кай-ши*.

Чан Кай-ши и его сторонникам досталось тяжёлое наследство. Страна была опутана сетью неравноправных международных договоров, предоставлявших империалистическим державам самые широкие возможности для политического, экономического и военного закабаления Китая. На пути выполнения задачи, направленной на возрождение Китая, китайских политиков и дипломатов ожидали большие сложности. И если за спиной держав было экономическое, политическое и военное могущество, то новое китайское правительство могло рассчитывать

только на благоприятное для Китая стечение обстоятельств на международной арене и на искусство своей дипломатии, профессионализм и компетентность дипломатов. Гоминьдановская дипломатия строила свою деятельность на сочетании традиционных доктрин с теорией суньятсенизма, которая, в свою очередь, являлась своеобразным сочетанием традиций Востока и Запада, старого и нового.

В книге рассматривались отношения китайской дипломатии с крупнейшими империалистическими державами – США, Англией, Германией, Францией и Японией в период от образования в апреле 1927 г. нанкинского правительства и до начала антияпонской войны 7 июня 1937 г. Главный акцент сделан на китайско-японских отношениях, так как именно они занимали центральное место во внешнеполитической деятельности Нанкина на данном этапе. В эти годы от империалистической Японии исходила прямая угроза существованию Китая как независимого суверенного государства.

В общем, изучение отношений Китая с крупнейшими империалистическими державами в первое десятилетие республиканского правления имеет большое научное значение, потому что именно в эти годы китайское правительство приступило к проведению независимого внешнеполитического курса, к борьбе за равное место среди других государств.

НА: Известно, что роль Гоминьдана в борьбе за национальное освобождение Китая долгое время замалчивалась, приуменьшалась и даже искажалась как в мировой синологии, так и в историографии КНР.

ЗК: Именно поэтому, обратившись к теме «Китай и державы», которая в той или иной степени освещалась в мировой синологии, я ставила своей задачей воспроизвести объективную картину борьбы Гоминьдана за освобождение от империалистических оков, мешавших национальному возрождению. Я считала необходимым отказаться от старых стереотипов и политических клише типа «продажная», «капитулянтская», применявшихся к оценке политики Чан Кай-ши. Стремилась показать Китай и его правительство как субъект в системе международных связей, последовательно отстаивавший национальные интересы. Появившиеся в то время новые источники и литература давали возможность избежать упрощённого, субъективного подхода, характерного для исследований 1950-х – начала 1970-х годов при оценке деятельности Гоминьдана, и сделать акценты на те моменты, которые либо замалчивали в угоду политической конъюнктуре, либо не были известны. Так, многие российские и китайские авторы на первое место выдвигали классовую борьбу и с этой позиции оценивали внешнеполитическую деятельность правительства Чан Кай-ши. Поэтому долгое время в тени оставались истинные импульсы его деятельности. Речь идёт о модернизации политического строя Китая, превращения его в могучую державу, ликвидации цепей колониальной зависимости.

НА: Как потом получилось, что вы перешли от международных отношений к изучению темы взаимовосприятия китайцев и японцев?

ЗК: Ещё в годы работы над вышеназванной книгой мне попала известная в то время статья Джонсона (Johnson) «How Japan and China see each other». Исследова-

ние политических отношений между Китаем и державами, главным образом Японией, вызвало интерес к психологическому аспекту их отношений и необходимость наметить основные черты, проследить вехи в эволюции стереотипов китайско-японского взаимовосприятия, выявить те их компоненты, которые, трансформируясь, сохраняют определённую устойчивость вплоть до настоящего времени. На этапах новой и новейшей истории эта тема тесно связана с более общей и широкой проблемой отражения в китайском общественном сознании процесса насильственного вовлечения традиционного Китая в современные международные отношения, его приобщения к современной цивилизации. Решение этой проблемы позволяет глубже раскрыть характер внешнеполитического мышления как феодально-консервативной элиты, так и представителей прогрессивных общественных сил.

НА: Наверное, все эти исследования как-то изменили и ваши собственные прежние стереотипы о Китае?

ЗК: Разумеется. Когда я подбирала материал, то столкнулась со многими разночтениями в оценке китайских лидеров. Но у меня сложилось другое мнение о руководителе Чан Кай-ши, что я и изложила в своей работе. Я считаю его патриотом, который хотел добиться суверенитета для своей страны. Это была его главная задача (сверхзадача), которой он посвятил всю свою жизнь: добиться отказа западных держав от неравноправных договоров и превратить Китай в могучую страну. И хоть у Чан Кай-ши далеко не всё получилось, но он боролся за интересы своей страны. А вовсе не хотел находиться под влиянием японцев и быть у них в качестве марионетки. Это совершенно неправильно, хотя некоторые авторы именно так и писали. После этой работы я со своим коллегой (*Ю.В. Чудодеевым*) стала писать книгу о китайско-японских отношениях, которую мы назвали «Китай – Япония: любовь или ненависть?».

НА: Расскажите, пожалуйста, об этой книге.

ЗК: Ещё в начале 1980-х годов мною, совместно с коллегой из Отдела Китая, старшим научным сотрудником Ю.В. Чудодеевым, была написана статья «Китай – Япония: Эволюция социально-психологических стереотипов взаимовосприятия». (Общество и государство в Китае. – М., 1982, с. 94–106). В 1987 г. мы с Юрием Владимировичем депонировали монографию по этой теме. Наконец, в 2001 г. мы выпустили в соавторстве книгу под названием «Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия». Эта работа написана совместно. Эта книга состоит из пяти глав и охватывает период от установления отношений между Китаем и Японией в VII веке н.э. до 30–40-х годов XX века. Точнее, заканчивается 1945 годом – годом окончания Второй мировой войны. Объём книги – 376 с., или более 20 авторских листов.

НА: Какие темы вы исследуете в настоящее время?

ЗК: В последние годы я занимаюсь китайскими дипломатами. Я хочу посмотреть более объективно на весь этот период: кто был тогда у власти и какую роль реальную играл в судьбе Китая. Сейчас пока я взяла дипломатов англо-американской школы: это *Гу Вэй-цзюнь*, *Ван Чжэн-тин*, *Ши Чжао-цзи*, *Юджин Чэнь*

(*Чэнь Ю-жэнь*) и др. То есть тех, кто получил образование за границей. Это были очень компетентные люди, прекрасно владеющие языком. А самым главным было то, что все они были патриотами. Они во время войны на всех конференциях отстаивали права Китая. В результате из Второй мировой войны Китай вышел как великая держава. Хотя когда он вступал в войну, на нём висели эти неравноправные договоры. В 1943 году Китай окончательно избавился от этих договоров. Главным было – договориться с Америкой, а остальные страны отменили их потом сами по себе. Так что, деятельность этих китайских дипломатов заслуживает памяти и всякой положительной оценки.

НА: Вероятно, вы публиковали научные труды и на другие темы?

ЗК: Ряд моих статей, касающихся различных аспектов отношений Китая с империалистическими державами, публиковались во многих институтских сборниках. Это такие сборники, как «Современный Тайвань», «Китаеведение Англии», «Революция 1925–1927 (Западная историография)», «Социальные и экономические проблемы Китая» и др., а также статьи в ежегодном сборнике «Общество и государство в Китае» (материалы проводимой Отделом Китая ежегодной конференции). В настоящее время я участвую в подготовке десятитомной «Истории Китая», под общей редакцией академика *С.Л. Тихвинского*. Для этого издания мною написаны разделы о Парижской и Вашингтонской конференциях, обсуждение китайско-японского конфликта в Лиге Наций, Брюссельская конференция, переговоры об отмене неравноправных договоров 1928–1931 гг. и др.

НА: Каковы ваши научные планы на будущее?

ЗК: Чем я сейчас буду заниматься, я ещё пока не решила. В этом году в нашем институте произошли изменения, сменилось руководство. Возможно, это как-то повлияет на наши коллективные исследования. Например, в 1980-х годах, когда у нас директором был *Е.М. Примаков*, я ещё занималась так называемыми «ситуациями» (ситуационными анализами), то есть анализом современных проблем в ходе совместных заседаний экспертов. Я также писала историографические статьи. Одна статья у меня была о Тайване (см. выше). Также участвовала в Международной конференции, посвящённой окончанию Второй мировой войны. А сейчас я пока ещё думаю, чем буду заниматься.

НА: Когда и как вы впервые побывали в Китае?

ЗК: В Китае я, к сожалению, была только один раз. У нас это очень сложно. Но один раз мне удалось поехать в Пекин на 12 дней. Это произошло в 1990 году. Я была просто потрясена, когда увидела Китай. Причём, если учитывать, что я всё время занималась Китаем, а приехала туда только в 1990 году! Я всё время ходила по городу (Пекину). Я посмотрела все храмы и была так расстроена, что был сильный ветер, из-за которого нас не пустили посмотреть Великую стену! Мне хотелось осмотреть буквально каждый уголок этой прекрасной страны. Я была очень довольна и эти впечатления сохранила в памяти. И люди, с которыми я встречалась в Институте новой истории, были такие доброжелательные. Как они меня принимали, и какие у нас были беседы! За две недели в Китае я была

несколько дней в этом институте, и сохранились самые лучшие впечатления. Во время этих визитов в Институт новой истории, в китайский отдел, я стремилась поговорить с китайскими коллегами о своей книге по нанкинскому десятилетию, которая называется «Китай и державы». Так сказать, сравнить, как я оцениваю, и какова сейчас общая оценка в КНР. Современную оценку мы уже знаем из литературы. Она сводится к тому, что это направление изучения республиканского Китая является главным научным направлением, и поэтому мы тоже стараемся к этому подходить по-другому, как можно больше читать. Но с этим у нас тоже проблемы, потому что китайских книг мы получаем очень мало. У нас при Институте Дальнего Востока есть специальная синологическая библиотека. Но за последние два года мы получили очень мало книг. Буквально накануне этого интервью пришли три работы о Чан Кай-ши. Ещё в этом году появились новые работы об антияпонской войне, и ещё вышла книга «Новая история республиканского Китая». Это то, что можно уже использовать в последующей работе.

НА: Как складывалась ваша китаеведческая карьера?

ЗК: Об этом я уже упоминала. Начиная с 1970-х годов я по-прежнему работаю в Институте востоковедения Академии наук. Ни в какие другие институты я за всё это время не переходила.

НА: В каких научных обществах вы состоите?

ЗК: Раньше у нас было общество «Дружба», отвечавшее за поддержание дружеских связей с Китаем. В нём состояли почти все советские китаеведы. В то время, независимо от взлётов и падений в отношениях с Китаем, у нас проводились очень интересные заседания.

НА: С кем из известных китаеведов вам приходилось работать, что вас объединяло?

ЗК: Я работала с академиком Тихвинским Сергеем Леонидовичем, с *Меликсетовым Арленом Вааговичем*. Они занимались сходными с моей темой исследованиями. И у нас было какое-то сходство в идеях и оценках в отношении развития Китая. Вот, сейчас пересматривается даже эпоха Цин, её значение для истории Китая. И, очевидно, над этим придётся думать и работать.

НА: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом? Влияние идеологии на науку?

ЗК: Идеология на науку, безусловно, и влияла, и влияет. Вот развитие советского и российского китаеведения, я бы сказала, зависит от тех условий, которые ему создаются. Нужно быть в этой стране, которую ты изучаешь, нужно иметь литературу, по которой можно заниматься исследованиями. А если просто смотреть какую-то случайную макулатуру, то, конечно, ничего серьёзного написать нельзя.

НА: Как на вас повлияла «холодная война» и эпоха противостояния между СССР и КНР?

ЗК: На меня она никак не повлияла. Я как придерживалась каких-то взглядов по той проблематике, которой я занималась, так и продолжала их придерживаться. Сейчас современное состояние российского китаеведения, я бы сказала,

таково, что мы не очень активно занимаемся наукой. И опять же это связано с нашим внутренним положением, с тем, что у нас в стране не устоялось всё, что мы не имеем возможности регулярно ездить в командировки. Мы не можем покупать книги, потому что они стоят таких денег, что на нашу зарплату, а я – старший научный сотрудник и кандидат исторических наук – не могу покупать такие дорогие книги. Поэтому я пользуюсь в основном литературой, которая приходит в библиотеку. Но библиотеки сейчас даже не дают возможности выписывать китайские журналы, такие прекрасные журналы, как «Миньго данъань», «Лиши данъань» и др. А это именно те журналы, откуда мы можем брать информацию из архивов. Чан Кай-ши, когда он уезжал с континентального Китая, забрал архивы на Тайвань. Поэтому приобщение к архивам Тайваня было бы тоже очень важным условием для написания наших научных работ.

НА: Приходилось ли вам заниматься наукой и преподаванием в третьих странах?

ЗК: Нет, жизнь сложилась так, что я вообще преподаванием не занималась.

НА: Ваш взгляд на зарубежное китаеведение и китаеведов?

ЗК: Зарубежные синологи тоже все очень разные, и у них разные взгляды. Иногда можно с ними соглашаться, а иногда совсем не соглашаться, спорить. Но мы, к сожалению, с ними общаемся довольно мало, и чаще всего только заочно. Вообще, я бы не сказала, что западная мысль и западная наука влияет на меня как-то уж очень прямо и непосредственно. Я стараюсь быть более объективной в своей работе. И сейчас стараюсь больше заниматься той новой китайской литературой, которая к нам поступает.

НА: Ваше отношение к китайской кухне?

ЗК: Китайская кухня – это что-то необыкновенное! Когда мы иногда бываем в китайских ресторанах, нам хочется попробовать буквально всё. Но это «всё» мы не в состоянии съесть – слишком велико разнообразие блюд. Мне, лично, особенно нравится карп, запечённый в кисло-сладком соусе. И мне кажется, что я смогла бы его съесть одна – такую большую рыбу!

НА: Принимаете ли вы какое-либо участие в развитии современных российско-китайских связей?

ЗК: Ну, какое я принимаю участие, если я нахожусь в Москве?! Я с удовольствием принимала бы более активное участие. Но, к сожалению, моя поездка в Китай ограничилась 1990 годом. Правда, в Институте Дальнего Востока, это наш смежный институт, когда у них бывают какие-то встречи с китайскими товарищами, я нередко принимаю участие. К ним в институт недавно приезжали профессора из Шанхая, из института, который занимается республиканским Китаем, и мы с ними встречались. Когда в Москву приезжают китайские учёные, мы стараемся посещать эти встречи. В последние годы к нам в отдел Китая также всё чаще приезжают гости из Академии общественных наук КНР, из *Академии Синика* на Тайване и из Гонконга.

НА: Каково, на ваш взгляд, восприятие россиянами образа Китая?

ЗК: Все россияне воспринимают Китай как большую страну, которая стремится добиться приоритета, выйти вперёд в мире и чувствовать себя уверенно и т.д.

Китайский народ – это самый трудолюбивый и доброжелательный народ, и мы к нему относимся очень хорошо. Мы ещё помним, как в институте мы пели песню «...Сталин и Мао слушают нас»¹. До сих пор от учёбы в институте остались большие впечатления. Очень жаль, что нам так и не удалось его закончить, а произошла уже рассказанная выше история.

НА: Удаётся ли вам следить за событиями в Китае?

ЗК: Да, мы следим за событиями в Китае, в основном по прессе. И по китайской, и по нашей русской прессе.

НА: Как вы оцениваете развитие последних десятилетий в Китае?

ЗК: Последние десятилетия в Китае могут только восхищать: как быстро они развиваются, какой большой прогресс, и как многого китайцы добились за это время. Я думаю, что в будущем Китай станет великой страной и будет находиться в числе первых держав, а, может быть, и первой, перегонит Америку. Это происходит уже сейчас. Мы приветствуем это.

НА: Каково будущее между Россией и Китаем?

ЗК: Мы надеемся, что будущее между нами будет всё-таки дружеским, что мы будем дружить так же, как дружили в 1950-х годах. Хотя эти поколения середины XX века и уходят, но всё-таки что-то передаётся. Поэтому нам кажется, и хотелось бы, чтобы мы были дружескими странами, развивались рука об руку.

НА: В чём сходство судеб наших стран?

ЗК: Сходство в прошлом: то, что и Россия и Китай были слабыми странами, и Россию угнетали, и Китай угнетали. Но в конце концов им удалось вырваться из этого ярма западных держав. В обеих странах к власти пришли коммунисты, строился социализм. А теперь активно проводятся рыночные реформы.

НА: Что разделяет и сближает Китай и Россию?

ЗК: То, что, во-первых, у нас общая большая граница, и это должно нас сближать. Мы должны стараться превратить эту географическую близость в истинно дружеские добрососедские отношения. Мне кажется, что России и Китаю не стоит быть «стратегическими соперниками», лучше мы будем друзьями и «стратегическими партнёрами».

НА: Где обычно публикуются ваши исследования?

ЗК: Наши исследования сейчас публикуются очень мало. А раньше, в советское время, они публиковались издательствами «Наука», в журналах «Восток», «Проблемы Дальнего Востока», в других журналах. Источники финансирования публикаций и исследований – обычно бюджетные, государственные. Нас финан-

¹ Строки из популярной в 1950-х годах песни «Москва – Пекин»:

Русский с китайцем братья навек,
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас!

сирует государство. Темы исследований в основном мы стараемся выбирать сами, конечно согласуя с руководством отдела, чтобы потом не было недоразумений.

НА: Самые большие достижения и разочарования?

ЗК: О больших достижениях, может быть, и не стоит говорить. А разочарования, конечно, есть. И в этом определённую роль сыграло то, что ликвидировали наш институт, из-за чего наша карьера и наша жизнь уже пошла по другому пути. Конечно, не всё сделано и хотелось бы сделать как можно больше, но на это не хватает сил. Из достижений – я написала четыре книги, 30 или больше статей. У нас в отделе проводится ежегодная научная конференция, которая называется «Общество и государство в Китае». Все сотрудники Отдела Китая ИВ РАН выступают на этой конференции с докладами и обязательно пишут статьи для сборника материалов этой конференции.

НА: Влияние российско-китайских отношений на китаеведение?

ЗК: Конечно, развитие китаеведения в СССР и России зависит от международной обстановки. Немалое влияние оказывала и обстановка в стране, и между двумя странами, – всё это оказывало влияние. Российско-китайские отношения очень сильно отразились на китаеведении в 1950–1960-х годах. С момента прихода к власти *Хрущёва* у нас сначала сохранялись дружественные отношения. А потом эти советско-китайские отношения испортились. И конечно, это повлияло на китаеведение. События на *Даманском*, например, и т.д. Тут были спады. Были взаимная критика и обиды. Но потом, к нашему счастью, этот период закончился, и у нас был очень большой подъём. Подъём начался после встречи *Косыгина* с *Чжоу Эньлаем*. Двусторонние отношения начали выравниваться и потом стали развиваться всё больше и быстрее (это в 1980-х годах). В 1980-х годах это вызвало возрождение интереса к китаеведению и повысило престижность нашей специальности. Но с началом рыночных реформ академическое китаеведение оказалось без денег. Интерес к научной карьере в китаеведении упал, а молодёжь предпочитает использовать знание Китая и китайского языка не для науки, а для занятий бизнесом.

НА: Как влияли на вас пограничные конфликты с Китаем?

ЗК: Я в основном занимаюсь внешней политикой. Поэтому и советские пограничные конфликты с Китаем, конечно, отрицательно влияли на меня, на мою работу. Выпускались всякие пропагандистские спецбюллетени и прочая, не очень научная продукция. К счастью, пограничные конфликты между нашими странами уже в прошлом, уже стали частью истории!

НА: Коллективные исследовательские проекты?

ЗК: Я уже упоминала, что участвую в написании десяти томной «Истории Китая». Кроме того, сейчас я принимаю участие в энциклопедии духовной культуры Китая, а также публикую статьи в сборниках, которые издаются после проведения научных конференций у нас в институте. Например, не только в отделе Китая, но и в отделе *Хазанова* по международным отношениям.

НА: Какие направления являются, на ваш взгляд, приоритетными в современном китаеведении?

ЗК: У нас в отделе Китая много внимания уделяется историческим памятникам. Работе с древними и средневековыми письменными источниками. Например, *Н.П. Свистунова* исследует «Законы великой династии Мин». *С. Кучера* занимается «*Чжоу ли*». Коллеги в отделе также занимаются «*И цзиньом*» (Книгой перемен), изучают средневековую эпиграфику. И это только одно направление, наряду с которым изучаются история, философия, религия, искусство и культура. Несколько меньше внимания в отделе Китая ИВ РАН уделяется сегодня изучению экономических и политических проблем современного Китая. В этом и состоит наша научная специфика.

НА: В чём отличие российского китаеведения от китаеведения Запада?

ЗК: В основном, что в России, что на Западе отношения этих стран с Китаем непосредственно влияют на развитие китаеведения. Преимущество российских китаеведов состоит в том, что они, при всей своей изолированности, способны знакомиться с достижениями мирового китаеведения и использовать богатый потенциал и традиции российского китаеведения. Большая часть западных синологов лишена этой последней возможности в принципе, так как мало кто из них владеет русским языком.

НА: Ваша оценка миссии и перспектив российского китаеведения, с учётом нынешнего состояния смены поколений?

ЗК: Сейчас трудно об этом говорить. Сейчас продолжается кризис науки. И пока, как мне кажется, больших перспектив у нас нет. Но, конечно, есть разница в оценках и во взглядах разных поколений, меняется отношение к науке в целом, к тематике и методам научных исследований. Поездки для научной работы в Китай всё-таки становятся реальностью. Растут связи с Китаем, происходит постепенная «глобализация» китаеведения.

НА: Ваши пожелания по поводу будущего российского китаеведения?

ЗК: Я бы хотела, чтобы оно развивалось более активно, на более естественной и объективной основе, не поддаваясь всякому идеологическому и политическому влиянию. Кстати, по поводу глобализации китаеведческих исследований: что касается российских китаеведов, то мы с удовольствием объединились бы с китайскими исследователями и стали бы писать совместные работы. Это очень интересный вопрос, над которым стоит подумать. Осуществить это, наверно, на сегодняшний день всё ещё не так просто, но уже реально.

НА: Какие качества нужны, чтобы стать профессиональным китаеведом?

ЗК: Во-первых, нужно хорошо знать язык. Нужно следить за всей литературой, которая выходит в КНР, стараться анализировать любые изменения в КНР. Главное – писать интересные и объективные работы, которые не были бы подвержены чьему-либо влиянию. И ещё одно «вечное» пожелание молодым китаеведам – трудиться, трудиться и трудиться!

НА: Спасибо большое, Зоя Дмитриевна, за ваше интервью!

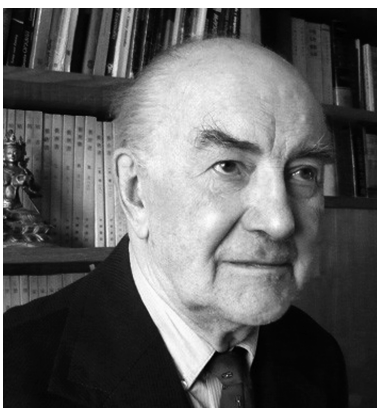
ЗК: Спасибо и вам за подаренную возможность вспомнить прошлое и поговорить о судьбах нашего российского (советского) китаеведения!

КУЧЕРА СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ
INTERVIEW WITH STANISLAV KUCZERA

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Кучера Станислав Иосифович (СК)

Китаевед, д.и.н., ИВ РАН

Место интервью: Москва

Дата: апрель-сентябрь 2009 г.

Вёл интервью: С.В. Дмитриев (СД)

Примечания: С.В. Дмитриев,

В.Ц. Головачёв, С.И. Кучера

Продолжительность: 8 часов

Stanislav J. Kuczera

Sinologist, PHD history, IOS RAS

Place: Moscow

Date: April – September, 2009

Hosted by: Sergey V. Dmitriev

Footnotes: Sergey V. Dmitriev,

Stanislav J. Kuczera,

Valentin Ts. Golovachev

Duration: 8 hours

Кучера Станислав-Роберт. Родился 05.05.1928 в г. Львов. Китаевед, главный научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН, д.и.н., профессор. Родился 05.05.1928 в г. Львове. Окончил Институт востоковедения Варшавского университета (1947–1952), защитил работу «Основы даосской философии» и получил степень магистра философии в области востоковедения. Работал ассистентом в Варшавском университете (1951–1953). В феврале 1953 г. послан в Китай на учёбу в аспирантуре Пекинского университета. Стал единственным иностран-

ным студентом, который защитил в 1960 г. диссертацию на китайском языке на тему «Классовая структура древнекитайского общества на основе материалов *Чжоу ли*». В 1958–1959 гг. преподавал, руководил кафедрой польского языка и культуры Пекинского института иностранных языков.

В 1960 г. вернулся в Варшаву, был стипендиатом Министерства высшего образования ПНР. С 1961 г. работал адъюнктом в Польском институте международных отношений. В 1966 г. переехал в Москву. С 1967 г. – на научной работе в Институте народов Азии АН СССР (ИБ АН СССР). В 1981 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит-эпоха Инь. Находки и проблемы». В 1988–2002 гг. – профессор кафедры древнего мира истфака МГУ, преподавал в Российском Государственном Гуманитарном Университете.

Является членом Российского археологического общества, Европейской ассоциации китаеведения. В 1993 г. избран членом Народной Академии России, 02.04.1998 стал академиком РАЕН. Участвовал во многих международных конференциях в России и за рубежом. В мае 1993 г. прочёл курс из четырёх лекций для аспирантов *Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales* в Париже, затем – два научных доклада в Китайской Республике на Тайване. С октября 1995 г. по март 1996 г. вёл научную работу в *Academia Sinica* (Тайвань), за этот период прочёл 6 научных докладов. В марте 1996 г. прочёл лекцию в Сингапурском университете. Значительное количество докладов было прочитано в разные годы в научных учреждениях Польши.

Основные сферы научных интересов: китайская археология и палеонтология, история древнего и средневекового государства и права, история китайской культуры, палеография и эпиграфика, текстология.

Основные работы (Main Publications): Китайская археология, 1965–1974 гг. Палеолит – Эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977, 268 с.; Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М., 1996, 431 с.; Шу цзин («Книга истории») // Древнекитайская философия. М., 1994; Историография истории древнего Китая // Историография древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай. М., 2002, С. 163–301. Литература о жизни и трудах: Основные научные труды С. Кучеры / Сост. Т. П. Сиренко // Восток. М., 2004, № 4, С. 207–209.

СД: Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста, кто вы, где и когда родились, где и кем работаете?

СК: Здравствуйте. Меня зовут Станислав Кучера. Родился 5 мая 1928 года в городе Львов, который тогда принадлежал Польше, а ныне входит в состав Украины¹. По специальности я китаевед, историк. Работаю в Отделе Китая Института востоковедения РАН.

¹ Львов включён в состав СССР вместе с другими восточнопольскими территориями в сентябре 1939 г., после раздела Польши между СССР и гитлеровской Германией (в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова–Риббентропа).

СД: Когда вы впервые узнали, что существует такая страна, как Китай, и как это произошло?

СК: Я этого не помню, это было очень давно, во всяком случае, уже в начальной школе я это точно знал, и что есть такая страна, и где она находится.

СД: Каким был изначальный образ Китая в вашем восприятии ещё в то время?

СК: Большая страна, где живут люди, цвет лица которых отличается от нашего. Конечно, в этой картине был какой-то элемент экзотики. Но я не помню, чтобы это вызывало во мне какой-то особый трепет. Это появилось, когда я стал читать разную литературу, в том числе и художественную. Именно тогда проявилось представление об оригинальности китайской культуры.

СД: Кто повлиял на ваши интересы и выбор профессии (родители, друзья, знакомые)?

СК: Это было моё абсолютно самостоятельное решение, причём принятое в буквальном смысле слова на улице. Я шёл, возвращался к себе домой, и меня осенило, что я хочу заниматься наукой. Потом, уже поступив в университет, я понял, что мне интересно заниматься именно китаеведением.

СД: А что послужило причиной этого озарения, как вы полагаете?

СК: Я не могу этого сказать, хотя очень хорошо помню этот момент. Это было весной 1940 года, шла Вторая мировая война. Мы находились под советской оккупацией. Уже была капель, солнце, было тепло. Я возвращался домой и проходил мимо театра, который тогда был украинским. Это было уже советское время, но он был украинским театром и до войны, и так им и остался. И я вдруг понял, что хочу заниматься наукой. Я ещё не знал, каким предметом именно, какой областью науки я буду заниматься. Но то, что я буду учёным уже для меня не составляло вопроса. Так оно и получилось.

СД: А кем вас хотели бы видеть родители, вы знали?

СК: К тому времени у меня уже был только отец, мама умерла раньше. Но у нас никогда на эту тему разговора не было. Я думаю, что, даже если мама была бы жива, они не хотели бы в этот вопрос вмешиваться, главным было моё желание. Я очень хорошо помню, что я пошёл в школу на год раньше, чем тогда было положено, по своему собственному настоянию. Для того, чтобы пойти на год раньше, нужно было иметь специальное разрешение образовательного органа, который назывался Кураториум, это что-то вроде советского РОНО. И я попросил родителей, чтобы они пошли и устроили это дело. И поскольку я очень на этом настаивал, это было сделано. Я не знаю, почему я так уж рвался в школу на год раньше, для этого не было внешних причин, просто очень хотел. Я вообще сильно отличался от других учеников. Я очень любил всякого рода контрольные работы, охотно отвечал у доски, сдавал экзамены. Когда начинались летние каникулы, то, конечно, я встречал их с радостью. Но уже второй месяц был мне в тягость, и я уже хотел вернуться в школу. Последние дни я уже, как говорится, сидел как на иголках – очень хотелось пойти в школу.

Школа у нас была очень хорошая, до войны только мужская. Совместное обучение было введено только при советской власти². Преподаватели тоже были только мужчины, причём настоящие педагоги. Вообще, в Польше это была очень престижная и хорошо оплачиваемая профессия, куда шли лучшие люди, которые действительно хотели учить детей. Я помню, у нас был учитель-математик, который был настолько интересным человеком и настолько заботился о том, чтобы мы всё понимали, что очень много занимался с троечниками после занятий. Так что, даже самые тупые всё понимали. Так вот, я помню, что во время большой перемены, когда учителя завтракали, то мы бились друг с другом, чтобы отнести ему завтрак из столовой. В итоге, один из нас нёс подстаканник, второй нёс стакан с чаем, третий нёс сахар, а четвертый – какой-нибудь бутерброд или пирожное. В учительскую мы входили по очереди, и это было очень смешно. Другие учителя нас ругали, потому что мы своей процессией им мешали. Но ничего нельзя было с нами сделать – мы его очень любили, как и других учителей. Директора я помню до сих пор, это был очень серьёзный и суровый мужчина с седой бородкой, и хотя мы его немножко побаивались, но чтобы сделать ему какую-нибудь гадость – это было немыслимо.

Это была очень хорошая школа. Она находилась в типичном рабочем районе, бедном районе, где двухкомнатные квартиры были роскошью и редкостью. Несколько иначе всё было на уровне старшей школы, в лицеях и гимназиях. Существовали так называемые «именные» лицеи. Я, например, потом в Варшаве ходил в лицей имени Словацкого, это был один из четырёх лучших лицеев Варшавы: был лицей имени короля *Стефана Батория*, лицей имени Словацкого, имени *Мицкевича* и ещё какой-то, я не помню. Кроме того, были частные пансионы. Там уровень был очень высокий, но там нужно было платить. Но наша начальная школа была совсем обычная, в бедном районе, но всё равно очень хорошая. Мы жили нормально, никто не голодал, но часть учеников в классе не могли принести с собой второй завтрак. У нас до войны не было столовой, и те из нас, кто мог принести чуть больше, – приносили и делились.

Класс был очень дружный, мы были вместе от первого класса до 1939 года, до пятого класса, без всяких изменений. Вот потом они (изменения) произошли – в той школе, где мы учились до войны. Это было четырёхэтажное здание, оно размещалось рядом с какими-то армейскими складами, поэтому в нём сделали казармы, а нас перевели в другое здание, и это не всем было удобно. Второе изменение произошло в декабре 1939 года, потому что начали вывозить в Сибирь. Из нашего класса прямо в первой группе, 23 декабря 1939 года, сразу исчезла примерно треть класса, десять человек. Потом выяснилось, что они вместе с родителями были вывезены в Советский Союз и пропали.

СД: Как и почему вы стали китаеведом (занимались изучением Китая)?

² В СССР обязательное совместное обучение для мальчиков и девочек было введено в мае 1918 г. В 1943 г. в школах крупных городов было введено раздельное обучение, но в 1954 г. реформа была отменена.

СК: Этого я не могу сказать. Боюсь, на такой вопрос вообще нельзя ответить. Я вполне мог бы стать, например, тюркологом. Вероятно, тут какую-то роль могли сыграть два обстоятельства. Во-первых, есть такой венгерский роман, который называется «Сдвинем мир с пьедестала». Это очень хорошо звучит по-польски, значит – «будем действовать, чтобы идти вперед». И автор – *Мор Йокаи* – там описывает венгерскую ситуацию. А тогда, когда он писал, и особенно в то время, о котором он писал, ещё было не вполне ясно, откуда венгры взялись в Европе. В романе описаны несколько талантливых и образованных востоковедов, которые занимались именно этим вопросом. Причём это вымышленные люди, но они описаны как очень эрудированные. В частности, там есть такая сцена, где ректор разговаривает с преподавателем, который чем-то проштрафился. И вот, он ему первый вопрос задаёт по-венгерски. Тот ему отвечает на хинди. Он его спрашивает на хинди, но тот ему отвечает по-арабски; потом он ему задаёт вопрос на арабском – а тот ему отвечает на татарском. И тут он перестает ему задавать вопросы, потому что этот ректор не знал китайского языка и испугался, что тот ему ответит по-китайски и он не поймёт. Почему-то эта сцена и вообще эта книжка произвела на меня большое впечатление, а детские впечатления очень устойчивые. А второй момент, наверно, более существенный. Как известно, Польша понесла огромные потери во время мировой войны, поэтому когда я пришел в Варшавский университет, в Институт ориенталистики³, там было тогда два профессора. Это был профессор *Зайончковски*, специалист по Ближнему Востоку, прекрасный арабист, тюрколог и иранист, и профессор *Витольд Яблонски*, который занимался Дальним Востоком и, в частности, Китаем. Они оба были очень образованными людьми. Вообще, вся довоенная профессура состояла из людей исключительно образованных, все они свободно говорили на нескольких языках. Как минимум, все они знали немецкий, французский и английский. Как правило, знали ещё и русский, но это я не проверял. А вот во время приезда западных учёных я имел возможность слышать, как они разговаривали. Яблонски учился и преподавал во Франции, преподавал французскую литературу в Пекине, разговорный китайский язык он, конечно, тоже знал.

Влияние профессора Яблонски на меня было очень большим. Он был интеллигентом очень широкого образа мышления, интеллигентом с лёгким шармом не-обязательности и лёгкости. Поэтому его занятия были очень интересными, хотя тогда они были для меня малопонятными. Например, он мог начать занятие по истории с рассказа про Цинь Шихуан-ди, сбиться и начать цитировать какую-нибудь поэзию, которая как-то с этим связана. Но от неё он переходил к поэзии,

³ Институт ориенталистики Варшавского университета основан в 1932 г., среди 4 первоначальных кафедр одна была китаеведческой. В 1952 г. включён в состав Факультета филологии. С 2005 г. Институту вернули статус факультета, с 2008 г. именуется Факультетом ориенталистики (Востоковедным факультетом). В настоящее время на 11 кафедрах (в т.ч. синология, японистика, монголоведение) работает 130 сотрудников, учится 1200 студентов.

которая с этим никак не связана, а потом от поэзии – вообще к архитектуре или искусству. Конечно, если бы я сейчас имел возможность побеседовать с ним, то это было бы для меня крайне интересно, потому что это падало бы на подготовленную почву. А тогда мне всё это было настолько в диковинку, что я почти ничего не успевал схватить. Первые два года я был вообще единственный его студент. Поэтому он, например, приходил в аудиторию и говорил так: «Пане Станиславе, зачем мы будем тут сидеть, тут неподалеку есть хороший ресторан. Пойдёмте, проведём наш семинар там». Мы шли в этот ресторан, он заказывал обед или ужин, в зависимости от времени дня, который он и оплачивал. Я думаю, он это делал и для того, чтобы меня немножко подкормить, потому что моё материальное положение тогда было не очень хорошим. И там мы разговаривали и вроде как вели этот семинар. Но какой может быть семинар, если играет оркестр или хотя бы фортепиано, ты ешь и всё такое прочее.

Но самое главное – он был влюблён в Китай и в китайскую культуру, и мне это передал. Я ведь занимаюсь Китаем не потому, что мне за это платят или это моя обязанность, а потому что мне это интересно, и я тоже люблю Китай. Я люблю Китай, китайскую природу, я с большим удовольствием ездил по Китаю, хотя это было тяжело. Даже сейчас железные дороги в Китае – это сплошной кошмар, а тогда это было тем более непросто. Думаю, в моём поколении иностранных студентов, обучавшихся в Китае, не было больше никого, кто бы увидел в Китае столько, сколько увидел я. Это именно заслуга профессора Яблонски. Такой его подход меня очень сильно подтолкнул к тому, чтобы заниматься китаеведением.

Также существенную роль сыграл ещё один профессор, профессор *Раносек*, который был крупным специалистом по клинописи и вообще древнему Ближнему Востоку, по шумерам, аккадцам и так далее. Он был крупнейший польский специалист по этим проблемам. Он, кстати, сильно пострадал во время войны, у него вся правая сторона лица была обожжена. Я ходил на некоторые его занятия и он мне как-то разъяснил то, что я до того времени не понимал. Я считал тогда, что ориенталистика – это один предмет, как, например, физика, а он мне открыл глаза, сказав, что я не могу заниматься всеми этими проблемами. А я тогда ходил на китайский, на японский, на шумерский, на древнеегипетский, по персидскому я даже сдал магистерский экзамен, который длился три часа для одного человека! А он мне сказал, что я должен выбрать одну дисциплину, и поскольку, как ему кажется, китаистика меня привлекает больше других, то, может быть, мне стоит сосредоточиться на ней. Так оно и произошло! Я поговорил об этом с Яблонски и другими профессорами и понял, как это всё выглядит. Поэтому я окончательно решил ограничиться синологией, хотя и решил всё же сдать тот экзамен по персидскому языку. Кстати, потом это мне пригодилось. У нас тогда выделили специальную типографию с восточными шрифтами и мы вели специальные занятия для рабочих по восточным письменностям. И я вёл как раз экзамены по арабской азбуке. И среди

них был один человек, которому это так понравилось, что он начал заниматься этим специально. Потом, после моего возвращения из Китая, он со мной встретился: я делал доклады в Обществе польско-китайской дружбы⁴, и он пришёл на мой доклад. Оказалось, что он закончил технический вуз, стал инженером, но продолжал работать с арабскими и персидскими книгами.

СД: А вообще, когда вы учились, студентов было много?

СК: Нет, когда я учился, это вообще была трагедия. Нас было девять человек, из которых я остался один. Когда я перешёл на второй курс, то на первый курс пришло ещё несколько человек. Они продержались месяц или два – и ушли. Дело в том, что у людей не было материальных возможностей, они не могли посвящать учёбе много времени, а предмет был сложный. Только когда я был на третьем курсе, пришла целая группа, которая насчитывала где-то 12–15 человек. Они были гораздо моложе, они пришли в университет в положенном для этого возрасте. До этого все мы были, так сказать, старики – то есть на два, три, четыре года старше, чем должны бы были быть. Много было таких, кто начал учёбу ещё до войны и теперь вернулись в университет после длительного перерыва. А это пришла уже молодёжь. У них была лучше подготовка, у них были родители (мы почти все были одиночками). Поэтому многие из этой группы закончили университет. Потом стали принимать систематически, на каждую специальность – раз в два года. На китаеведение принимали раз в два года 12 человек.

СД: А когда в образовании стало чувствоваться советское влияние?

СК: Когда я поступал в 1947 году, у нас уже был вступительный экзамен, которого до войны не было. И в рамках этого экзамена появилась дисциплина, которая тогда ещё не называлась марксистско-ленинской философией, но, по сути, ей и была. Меня там спрашивали, помню, про социалистическую партию Польши, про рабочую партию Албании, что-то такое. Тогда была такая система, что после каждого курса мог быть или коллоквиум, то есть зачёт, или экзамен. Таких курсов надо было набрать шесть, причём совершенно неважно каких. Я мог пойти на право или на историю Древнего Рима и сдать там экзамены. Минимум два экзамена должно было быть по своей специальности – язык и ещё что-нибудь, культура, литература или история. Кроме того, надо было сдать три магистерских экзамена – они не были связаны с курсом, но связаны с избранной специ-

⁴ Общество польско-китайской дружбы (Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Chińskiej) основано в 1957 г. в Гданьске представителями крупных польских компаний, работавших с Китаем. Первый съезд прошёл в 1958 г. в Варшаве. Во времена расцвета (до 1-й пол. 1960-х гг.) Общество насчитывало до 20 тыс. членов, выпускало ежемесячник «Китай» («Chiny»), затем – «Горизонты» («Horyzonty»), проводило много выставок и лекций по всей Польше. После ухудшения советско-польских отношений в сер. 1960-х гг. работа Общества фактически прекратилась, возобновилась лишь в 1985 г. Но в 1989 г., с падением коммунистического режима, Общество лишилось казённого финансирования, его работа вновь оказалась под угрозой. После 2000 г. ситуация улучшилась, возобновили работу многие отделения в провинции. См.: <http://www.tppch.pl/historia.htm>.

альностью. Их обязательно должен был принимать профессор, а не ассистент, как могло быть на обычных экзаменах. Если ты историк, то неважно, слушал ты курсы или нет, ты должен был сдать экзамен по мировой истории. Поскольку я шёл по линии филологии, я должен был сдавать языкознание. Я должен был знать практически всё, что в этой сфере сделано. Я не должен был знать языки, но должен был иметь представление о теориях в языкознании, ведущих учёных и так далее. Второй экзамен был связан с твоей узкой специальностью. В моём случае – китайский язык и что-то по Китаю. А третьим экзаменом была философия. Тогда ещё было на выбор – либо марксистско-ленинская философия, либо история философии. Многие выбирали именно историю философии, потому что у нас были очень крупные специалисты, например такой профессор *Татаркевич*. А у меня так получилось, что, так как у меня не было дома и не было никакой домашней библиотеки, из-за чего я ничего не мог прочесть из философских трудов, мне легче было сдать марксистско-ленинскую философию. Причём этот экзамен принимал у меня человек, который тогда считался крупнейшим польским марксистом, профессор *Шафф*. Когда его ассистенты принимали курсовые экзамены, то у них это длилось пятнадцать минут и ставили они в основном пятёрки-четвёрки, потому что они понимали, что люди ещё марксистско-ленинскую философию не могут хорошо знать. Я сдавал экзамен у самого Шаффа четыре часа, и он меня уж так допекал. А потом сказал: «Вообще-то, вы знаете на пятёрку, но я вам поставлю четвёрку». Но вообще советское влияние тогда не очень чувствовалось. Вообще, у нас даже в самые худшие сталинские времена прямое вмешательство в дела университета было очень редко. Хотя формально университет потерял автономию и подчинялся Министерству образования, но если иметь в виду такие крупные университеты, как Варшавский или Ягеллонский в Кракове, то там был настолько мощный сенат, то есть учёный совет, и ректоры, что их особенно не трогали. Не трогали даже до такой степени, что милиция теоретически не имела права входить на территорию университета. Потом это немножко сошло на нет, после 1953 года. Но, всё равно, кое-что сохранилось. Ректоры в основном были крупными и довольно независимыми учёными и в вопросах науки на внешнее влияние внимания не обращали. Другое дело, конечно, когда речь шла о политике.

СД: Как складывались ваши отношения с китайским языком, кто вам его преподавал?

СК: В Варшаве мне его преподавал профессор Яблонски. Но это было очень ограничено и по времени, и по изученной литературе, и в других отношениях. Кроме того, хотя профессор Яблонски сам довольно хорошо говорил по-китайски, его произношение было довольно далеким от оригинала. Поэтому в основном это была учёба в Пекинском университете. К сожалению, я допустил ошибку: я учился на подготовительном факультете, в *цзинь-сю бань* 进修班, только 4 месяца: я приехал в феврале [1953 г. – *Ред.*] и учился там только до лета, а в сентябре пошёл на факультет, и это была ошибка, надо было, конечно, ещё на год остаться

на подготовительном факультете и поучить язык. Так и было принято тогда, но я поторопился. Потом, на факультете, поскольку я слушал лекции по-китайски, и у меня как у аспиранта были ассистенты, которые мне помогали, приходили и разъясняли мне то, что я не понял, то я понемножку улучшал свой уровень. Но когда я приехал в Китай, я по-китайски не говорил. Мои знания были настолько ничтожны, что и говорить нечего. Я мог кое-что прочесть, немножко знал классический язык, поскольку мы уже с профессором Яблонски читали *Чжуан-цзы*, которого он очень любил и перевёл на польский язык. Но, в принципе, и классический, то есть древнекитайский язык, и разговорный – это мои достижения времен моего обучения в Пекине. Я приехал в Пекин в феврале 1953 года, после окончания Варшавского университета, а уехал оттуда в декабре 1960 года.

СД: С кем вы учились в одной группе (курсе, факультете, институте)?

СК: В Варшаве я практически учился один на курсе. Потом, когда пришла эта группа молодёжи, то кое-какие занятия я посещал вместе с ними. Но я не могу считаться членом этой группы. В Китае я был уже аспирантом, ходил на занятия по своему выбору и поэтому тоже не могу себя считать членом какой-нибудь группы. Конечно, у меня были знакомые среди китайских студентов, но на занятиях присутствовало сорок-пятьдесят человек китайцев и я – один. Поэтому, естественно, они меня знали очень хорошо, а я их – нет. Потом иногда кто-нибудь мне напоминал, что он со мной учился, но я его обычно с того времени не помнил. Если говорить об иностранных студентах, то мы были знакомы, поскольку все мы жили в Пекинском университете по соседству, в тех четырёх центральных *юанях* (двориках), которые находятся рядом с гимнастическим залом. В Первом юане, в котором я жил, сейчас находится исторический факультет. Сначала я около месяца жил у своего польского коллеги, к которому меня подселили, потому что для меня не была готова комната. А потом жил в Первом юане. Так как мы там жили такой интернациональной группой, питались в одной столовой, вместе играли в волейбол или пинг-понг, то мы, конечно, дружили. У меня были приятели и среди венгров, и среди немцев, и среди чехов. А когда приехала советская группа (они приехали гораздо позже, первая группа приехала в 1957 году), то я с ними познакомился ближе и быстрее, чем кто-либо другой, потому что меня к ним тянуло. И потом я лучше других знал русский язык. До войны я учил украинский язык, так у нас было принято: в украинских школах учили польский язык, а в польских – украинский⁵. Потом, когда пришла советская власть, на первый год у них ещё не было преподавателя русского языка, а на второй год, то есть на 1940–1941 гг., уже перед самым бегством советских войск из Львова, у нас был русский язык. Но поскольку он наложился на украинский язык, то украинский я забыл, зато русский дался намного легче, и в Китае я его знал. У нас

⁵ По переписи 1931 г. поляки составляли 63,5% населения Львова, украинцы – 7,8%. Русины, которых зачастую не отделяли от украинцев – 3,5%. См.: Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 R. Miasto Lwów. «Statystyka Polski» seria C, z.58. Warszawa, 1937.

в Пекине вообще основным языком общения был именно русский. Например, с чехами, с румынами мы редко говорили по-китайски, хотя тоже бывало. С венграми приходилось обычно говорить по-китайски, с немцами, особенно на первых порах, тоже: они немножко учили русский язык у себя в ГДР, но всё-таки говорили с ними в основном по-китайски. Советская группа была большая, в её составе были медики, лесоводы, геологи, люди разных специальностей. Часть из них были настоящими китаеведами, которые прошли полноценную учёбу в московских или ленинградских вузах, были среди них и аспиранты. И вот, советская группа стала проводить научные заседания, на которых выступали самые разные специалисты с докладами. Это была молодёжь, которая приехала учиться, но все они уже были дипломированными специалистами. По меньшей мере, у них за спиной было три-четыре курса, это уже были образованные люди. У них было много интересных материалов, они делали доклады и я в это включился, причём не только слушал и выступал в прениях, но и сам делал доклады. А поскольку я к этому времени уже несколько лет был в Китае, я многое знал из того, что они ещё не знали. Вообще, они же впервые в жизни оказались за пределами Советского Союза. Для них всё было в новинку, а про Китай они и вовсе ничего не знали, кроме того, что им говорили в рамках пропаганды. Приходилось открывать им глаза на другие стороны реальной жизни. К тому же я делал и сугубо научные доклады. Это было интересно: я лучше, чем они, знал китайский материал, а они – методологию и тому подобное. Поэтому у нас сложились дружеские отношения. Конечно, теперь мы все старики, кое-кто уже умер, кое-кто разъехался и с ними контакт прекратился. Но у меня до сих пор есть друзья с тех дальних времён. Вот, например, *Михаил Васильевич Крюков*, который, правда, живёт сейчас не в России, а на Тайване⁶. *Наталья Павловна Свистунова* тоже была в той группе. Был ещё *Юра Горгониев*, языковед, который приехал первым, без группы. Он приехал на год, в 1953 или в 1954 году, и потом уехал. Он тоже работал в Отделе языков нашего института. Но, конечно, многие были не из Москвы и не из Ленинграда. Многие медики и лесники были с Урала или с Дальнего Востока. Они разъехались – кто куда, и с ними контакт, конечно, потерялся.

СД: Как сложилась судьба Витольда Яблонски?

СК: Знаешь, он умер прекрасной смертью – он приехал в Китай в 1957 году, летом, и жил в Пекинском университете. Я был тогда в Китае. Но я был в поездке, и в Пекине меня не было. Поэтому я с ним, к сожалению, не столкнулся. 22 июля тогда был праздник Возрождения Польши, сейчас это не праздник. А тогда считалось, что 22 июля 1944 года был опубликован манифест Временного комитета в Люблине⁷, и это считалось началом народной Польши. Тогда это отмечалось

⁶ М.В. Крюков покинул Тайвань в 2003 г. и с тех пор живёт преимущественно в КНР.

⁷ 22.06.1944 был издан Манифест Польского комитета национального освобождения. Манифест, одобренный лично Сталиным и напечатанный в Москве, провозглашал Комитет временным органом власти на территориях Польши, освобождаемых от немецкой оккупации (несмотря на то, что в это время в Лондоне существовало польское правительство в из-

как праздник. Его, естественно, пригласили в посольство. Он там немножко поел, немножко выпил, погода была жаркая. Его привезли домой в *Бэйда*, где он сел за письменный стол, чтобы ещё поработать, и умер поздно ночью. Сердечный приступ. Я считаю, что это прекрасная смерть! Во-первых, китаевед умирает в Китае, и не просто в Китае, а в Пекинском университете. А во-вторых – не просто в Пекинском университете, а за письменным столом – что может быть лучше? И к тому же без страданий. Возможно, он даже и не осознал ничего.

СД: А Яблонски успел создать свою научную школу в Польше или у него было мало учеников?

СК: Он успел бы, если бы я успел вернуться до его смерти, потому что я продолжил бы его традиции. А так получилось, что после него пришёл человек, который был его учеником ещё до войны, но который был узконаправленным лингвистом. Яблонски формально был тоже лингвист, поскольку вся ориенталистика вообще считалась прежде всего филологической наукой. Поэтому у нас Институт ориенталистики всегда находился при факультете филологическом, хотя формально и имел независимый статус. Когда я поступал, то у нас был один факультет, гуманитарный, там были история, философия и филология. А потом, это было уже советское влияние, его разделили на три: отдельно история, отдельно филология, отдельно философия. Но Институт ориенталистики был всегда при филологии. Так вот, Яблонски был человек широко образованный, и вообще, человек широких взглядов. Поэтому мне, когда я должен был ехать в Китай, он сказал: «Пане Станиславе, я занимаюсь литературой Китая. *Хмелевски* (это тот его ученик, который пришёл ему на смену) – занимается языком. Было бы очень хорошо, если бы вы занялись историей. Как вы на это смотрите?» Ну, он был для меня таким авторитетом, что я сказал: «Пане профессоре, пожалуйста, я буду заниматься историей». Поэтому в Китае я и стал историком, и я ему благодарен по сегодняшний день, потому как я считаю, что история – это очень занимательно. При этом, поскольку у меня есть эта филологическая подготовка и вынесенные от него взгляды на китайскую культуру, то я очень часто цитирую поэзию, причём не только *Ши цзин*, который нельзя не использовать, но и *Цюй Юаня*, и поэтов ханьского времени, и средневековых. Если взять мою работу про *ци-пань у*⁸, то там я очень много цитирую и поэзию, и философские трактаты. То есть занимаясь историей я не чуждаюсь и осталь-

гнания, чья легитимность признавалась и СССР), провозглашал начало аграрной реформы и повышение минимальных зарплат, декларировал поддержку новой Польшей Красной армии и СССР. Комитет состоял из представителей левых партий, был поддержан частью лондонского правительства. С 1.08.1944 его резиденция находилась в Люблине. Выполнял функции временного органа власти до 31.12.1944, когда, после вхождения в его состав нескольких представителей лондонского правительства, он был преобразован во Временное правительство Польской Республики.

⁸ *Кучера С.* Из истории китайского танцевального искусства: *ци-пань у*. – Китай: история, культура и историография. М., 1977. С.158–199.

ных моментов. А Хмелевски был узконаправленный языковед, даже не филолог, а языковед. И когда я вернулся, он мне так и сказал: «Мы перестраиваем нашу кафедру на узкофилологическую и нам история не нужна. В той мере, в какой она нам нужна, мы её сами преподадим». И поэтому он фактически уничтожил тот разбег, который дал Яблонски, и который дал бы очень интересные всходы. Яблонски, например, воспитал такого студента, как *Жбиковски*, который занимался китайской литературой. К сожалению, он уже скончался, хотя и был моложе меня. Ну, вот, он скончался – и нет специалистов по литературе. Если бы Яблонски прожил ещё лет двадцать, то ему бы, конечно, удалось это закрепить в молодёжи и его уход тогда уже не мог бы этого изменить. Он, к сожалению, ушёл тогда, когда ещё не была готова смена. Я был бы первый, кто мог бы вернуться на самостоятельную работу, я был самый старший. Например, Виковски был из той группы, которая была на два года позже меня. И раз я не успел, то он тем более не мог ещё успеть серьёзно чем-то заняться. Поэтому, к сожалению, этой школы не получилось. И это большое несчастье для польской ориенталистики, потому что фактически у нас научного китаеведения, научной синологии нет. Есть, конечно, кафедра при Варшавском университете, но очень жаль, что нет того, что могло бы быть. Вообще, я, конечно, боюсь авторитетно высказываться, потому что у меня мало данных. Но мне кажется, что и другие кафедры много потеряли после того, как ушли те два корифея, Яблонски и Зайончковски (Зайончковски, кстати, был единственным ориенталистом, который стал членом Академии наук), а потом другие профессора, такие как, например, Ранешек, который был специалистом по Ближнему Востоку; или *Рысевич*, очень известный у нас языковед и востоковед, который знал восемнадцать языков. Я у него сдавал экзамен по языкознанию, который тоже длился несколько часов. И он прямо при мне брал примеры из санскрита и сопоставлял их с литовским языком. Потому что литовский, оказывается, с точки зрения классических языковедов, в Европе представляет собой самый чистый индоевропейский язык. Он покончил жизнь самоубийством в моё отсутствие. Затравили несчастного человека: он был типичный довоенный интеллигент. Но от него стали требовать все эти марксистско-ленинские штучки, а ему это было абсолютно чуждо. Не по политическим причинам, просто до его широко образованного мозга не доходили эти примитивы. Он двадцать-тридцать лет работал без этого. Так почему он, вдруг, должен знать все эти теории? Тем более что сначала нам насаждали *Марра*. Потом Сталин похерил Марра и нам стали насаждать Сталина. Но даже если считать, что он, Сталин, был гениальным, он же не может быть гениальным во всех областях! Даже если он был гениальный марксист, то, уж точно, он не мог быть гениальным языковедом!

Рысевич был прекрасный профессор. И вот, его тоже не стало. Был ещё профессор *Михаловски*, который, кстати, имел очень крупное мировое имя, потому что он копал в Египте, был очень крупным египтологом. Он тоже уже ушёл. Ещё

был такой *Таубенилаг*, специалист по клинописи и древним юридическим текстам. Всё это была довоенная профессура, хотя вообще, конечно, по-настоящему от того, что было до войны, остались рожки да ножки. Потому что и немцы, и наши «восточные друзья» считали, что с интеллигенцией лучше иметь дело, когда она сидит где-нибудь подальше, где-нибудь в районе Иркутска или Владивостока. Там они хороши, а тут их не надо. Поэтому осталось очень немного интеллигентов. Когда немцы заняли Львов, то они специально выловили всех, кого могли, из профессоров Львовского университета (а Львовский университет до войны был в Польше вторым после Ягеллонского. Варшавский был слабее, хотя он имел центральную позицию, поскольку находился в столице). А это всё были очень крупные специалисты, все они учились за границей, практически никто из них не был в такой ситуации, чтобы между войнами хотя бы два-три года не провести в Штатах, в Японии, в Китае, во Франции, на Ближнем Востоке или ещё где-нибудь. Во Львове немцы расстреляли несколько десятков специально выловленных профессоров⁹: практически, они уничтожили весь цвет львовской университетской интеллигенции. Поэтому, конечно, к 1945 году из этих людей мало кто остался в живых. Ведь война продолжалась, люди гибли и потом, в 1944 году, когда советская авиация, например, бомбила Варшаву, то формально они старались бомбить железнодорожные узлы, но ведь тогда была не такая техника, как сейчас, бомбы падали где попало. Тем более – во время восстания. До войны Институт ориенталистики имел собственное трёхэтажное здание, где была своя очень большая библиотека, потому что каждый раз, когда эти люди куда-нибудь ездили, то они, во-первых, привозили книги себе, а во-вторых, покупали для библиотеки. Они специально для этого получали деньги от государства. Это здание было разбомблено в 1939 году. Кое-что из этой библиотеки спаслось, потому что, когда шли бомбёжки, преподаватели успели оттуда что-то унести. Поэтому небольшая часть, но не больше одной пятой, уцелела. Но потом, ведь,

⁹ Немецкие войска вошли во Львов 30.06.1941. У них уже имелись расстрельные списки, куда были включены многие польские политики, артисты, ученые, священники. Целью расстрелов было уничтожение польской элиты, культуры и государственности. Подобные акции проводились немцами в Польше и раньше – в 1939 г. были брошены в концлагеря профессора Краковского университета. Арестовывали не только профессоров и их жён, но и всех взрослых мужчин, находившихся в их домах. Утром 4 июля один из профессоров и большая часть прислуги были освобождены, а остальные расстреляны либо в Вулецких холмах за городом, либо во внутреннем дворе Воспитательного дома им. Абрахамовичей. Несколько человек расстреляны позже. В октябре 1943 г. их тела были эксгумированы и сожжены в Кривчицком лесу. Всего было расстреляно 45 человек – 25 профессоров, их жёны, дети, внуки и домочадцы. Вопреки распространённому мнению об участии в казни украинцев, все палачи были немцами. Эти расстрелы не были первыми в Львове. 22–28.06.1941 органами НКВД было расстреляно, по разным оценкам, от 2,5 до 4 тыс. заключенных львовских тюрем – в основном из числа интеллигенции и польских властей.

пришло восстание¹⁰, и кто же будет тащить с собой книги? Что-то, конечно, спрятали: например, у Яблонски был очень хороший подвал, куда он сложил эти книги в ящиках и замуровал. И поскольку верхние этажи обрушились, то подвал уцелел и эти книги были спасены. Ещё кое-что уцелело потому, что Варшавский университет был занят немцами, там находились войска. Конечно, это был не университет, занятия не велись. Просто немецкая администрация использовала здания для своих целей. То, что было в библиотеке, они не трогали: им это было не нужно. Но в тоже время это были достаточно цивилизованные люди, чтобы не крутить из книг самокрутки, поэтому кое-что уцелело. Но всё-таки от того, что было до войны, и от преподавателей, и из библиотеки – сохранилось очень немного. Здание института было настолько разбомблено, что от него вообще ничего не осталось. Сейчас на этом месте находится просто площадь.

СД: С чего начиналась Ваша собственная исследовательская или преподавательская деятельность?

СК: С преподавательской деятельностью есть одна сложность: если подразумевать преподавание в университете – то это одно. А если имеется в виду преподавание вообще – то оно у меня началось ещё в средней школе, поскольку я, чтобы иметь какие-то деньги, помогал своим коллегам [соученикам]. То есть, я им преподавал те предметы, которые им трудно давались, например физику и химию. Поскольку я тогда в этих предметах был очень силен, я их очень любил и хорошо знал, поэтому вёл для коллег дополнительные занятия. Но это всё-таки неформальное преподавание. А если иметь в виду формальное, то это началось в Пекине, в Институте иностранных языков 外國語學院. Сам этот институт тогда находился недалеко от Народного университета 人民大學. Там сложилась такая ситуация, что заведующая польской кафедрой, полонистка, уезжала. На её место пришёл специализировавшийся у Хмелевского языковед *Мечислав Кинслер*, который, уже окончив университет, приехал в Китай на год стажировки и ему предложили это продолжить. Он отбыл на этой работе свой срок стажировки и хотел остаться ещё. Но как раз скончался профессор Яблонски и профессор Хмелевски, который стал руководителем кафедры в Варшаве, написал ему и предложил решить: либо Кинслер остаётся в Пекине и тогда он отказывается от его услуг, либо он немедленно возвращается. Итак, он должен был ехать в середине года, и из Польши никого не могли прислать. Тогда Кинслер лично обратился ко мне, не могу ли я его заменить. Я с этим согласился и, в результате, второй семестр 1957–1958 года и весь учебный 1958/59 год

¹⁰ Варшавское восстание – крупнейшая операция польского сопротивления (Армия Крайова), имевшая целью освободить Варшаву от немецких войск в ситуации, когда восточные пригороды польской столицы были уже заняты Советской армией. Восстание началось 1.08.1944, и поначалу восставшим удалось очистить от немцев многие районы города. Но к 2 октября восстание было подавлено, немцы восстановили контроль над городом, фактически уничтожив его. Польская сторона потеряла убитыми 16 тыс. повстанцев, также погибли от 150 до 200 тыс. горожан, около 700 тыс. были вынуждены бежать из города. Немецкая сторона потеряла убитыми 8 тыс. чел.

я проработал руководителем кафедры польского языка. На этой кафедре я преподавал язык, перевод с польского на китайский и с китайского на польский, историю Польши. На кафедре была ещё одна женщина, с которой я был знаком ещё по Варшавскому университету. Она вела занятия только по языку: переводом она не могла заниматься, потому что не знала китайского. Было два курса: второй и третий. А на следующий год был последний четвёртый курс и третий. И начался набор новых студентов. Было по 12–15 человек на каждом курсе.

В польской синологии всё обучение было направлено на науку и письменный перевод. Но очень долго существовала традиция довоенных времён – синология не мыслилась как источник кадров для министерства иностранных дел, иностранной торговли или для правительства. Таких людей китаеведение не готовило. Поэтому набор был очень ограничен, так как в таких специалистах формально не было большой нужды. А китайцы готовились именно к практической работе, а не к научной. Только два человека из них потом стали учёными, но просто так сложилось. В принципе, всё это были люди, которых готовили к практической работе. А поскольку тогда были «поцелуйные» отношения не только с Советским Союзом, но и со всеми так называемыми социалистическими странами, то я, например, путешествуя по Китаю, несколько раз сталкивался с группами польских рабочих. Например, у нас в Польше тогда была очень хорошо поставлена добыча угля, были разработаны интересные новые методы, например, метод добычи угля при помощи напора воды или коксование прямо в шахте. Поэтому в Шаньси работала довольно большая группа польских специалистов, поскольку мы туда поставляли оборудование для добычи угля. Потребность в людях, которые могли бы практически работать переводчиками при этих специалистах, была велика. Кстати, самым лучшим среди них оказался парень, который не кончал польское отделение, а который изучал русский язык. Он выучил у этих шахтёров силезский диалект¹¹, который очень сильно отличается от литературного [польского] языка. Есть два диалекта, очень сильно отличающиеся от литературного языка – это силезский и кашубский¹², на взморье. И тут и там – сильное немецкое влияние и влияние

¹¹ Силезский язык (диалект) относится к лехитской подгруппе западнославянских языков. В Польше официально считается диалектом польского языка или переходным диалектом между польским и чешским языками. С 2007 г. признан Библиотекой Конгресса США отдельным языком. Сейчас родным языком его считают 509 тыс. чел. (используют в быту ок. 56 тыс. чел.), в основном в Верхней Силезии.

¹² Кашубский язык (также поморский, померанский язык). Западнославянский язык лехитской подгруппы, близок к польскому. Распространён западнее и южнее Гданьска. На нём говорят кашубы – потомки поморских славян. Долго считался диалектом польского языка, официально признан региональным языком в 2005 г. Отношения поляков с кашубами были непростыми – в годы 2-й мировой войны Берлин считал кашубов славянизированными немцами и благоволил к ним. В итоге после войны кашубов едва не выселили из Польши вместе с немцами. Сейчас знакомы с кашубским языком ок. 150 тыс. чел., используют в быту ок. 52 тыс. чел.

специфики их труда. Вот этот китаец, не зная собственно польского языка, очень хорошо выучил их язык, силезский, и он с ними разговаривал так, как они говорили. А там, кроме инженеров, были и простые рабочие.

А следующий этап моего преподавания связан уже с Россией, где я преподавал в МГУ и в РГГУ¹³. В Польше я делал много научных и политических докладов, но в этот промежуток после возвращения из Китая я не преподавал.

Что касается исследовательской работы, то моим первым исследовательским трудом был перевод научной статьи с китайского на польский язык. Дело в том, что у нас в 1956 году издавали специальный сборник с материалами по истории Китая. У нас выходил такой солидный толстый журнал, кажется, «История Польши», и было решено издать специальный том, только с переводами китайских статей. Поэтому в 1955 году, когда я единственный раз был в Польше на каникулах, мне предложили в этом поучаствовать. Я согласился и перевёл для них статью Чжоу И-ляна о западном китаеведении, о *Ху Ши*. Это было первое. А вторая моя научно-исследовательская статья – это статья о «Чжоу ли», которая была опубликована в «Вестнике древней истории» в 1961 году¹⁴.

В Китае я не публиковался, тогда это было как-то не принято. Для защиты диссертации это было не надо, да и вообще система научных степеней ещё не была выстроена. Например, защита как таковая у меня прошла, и это была настоящая защита. Была комиссия, в состав которой вошло восемь человек, возглавлял её *Цзянь Бо-цзань*, который был деканом исторического факультета. Были Чжоу И-лян, его заместитель, профессор *Чжан Чжэн-лан*, мой научный руководитель, и ещё несколько профессоров – специалистов по древней истории Китая. Их задача заключалась в том, чтобы мне показать, что я – дурак и ничего не понимаю, а моя – доказать, что я хоть что-то понимаю. Никакой снисходительности не было. Я был вообще вторым среди всех иностранцев, кто там защищался. Первой была кореянка, которая к этому времени более двадцати лет жила в Китае, потому что она участвовала в антияпонской борьбе, а потом бежала в Китай и участвовала в борьбе сначала против японцев, а потом против Гоминьдана. Будучи кореянку, она считалась также и гражданкой Китая. Она написала работу по истории Кореи. Вот к ней было действительно очень снисходительное отношение, хотя её ситуация была гораздо легче моей. Её защита длилась час с небольшим. Моя защита длилась более четырёх часов, почти пять! Причём это был самый настоящий научный спор, который, как я полагаю, отчасти был связан с политической ситуацией. Дело в том, что я там приобрёл репутацию главного ревизиониста. Многие мои высказывания официальным властям не нравились, а, естественно, всякие фокусы Мао Цзэ-дуна я не воспринимал. Я не мог согласиться с «большим скачком» или

¹³ С. Кучера работал профессором кафедры древнего мира истфака МГУ (1988–2002), преподавал в Российском Государственном Гуманитарном Университете (2002–2004).

¹⁴ Кучера С. К вопросу о датировке и достоверности «Чжоу ли» // ВДИ, №3, 1961. С. 111–120.

«движением против правых элементов» 反右派分子運動¹⁵. Им это, конечно, не нравилось. К тому же, когда я представил свой вариант, и они с ним ознакомились, то они сказали, что здесь имеется один большой недостаток – я совершенно не цитирую работ Мао Цзэ-дуна. Я на это сказал, что я прошу прощения, но я писал историческую работу. Конечно, товарищ Мао Цзэ-дун великий политический лидер, вождь партии и государства, но всё-таки профессионально он не занимается историей Китая, поэтому я не видел необходимости, чтобы в моей работе были цитаты из него. На что они мне сказали, что в таком случае они не смогут принять эту работу, поскольку там обязательно должны быть эти цитаты, потому что товарищ Мао Цзэ-дун всё-таки занимался историей Китая. Вот он, в частности, написал, что феодализм в Китае длится 2500 лет¹⁶. А тогда в Китае шли очень ожесточенные дискуссии вокруг того, когда в Китае кончился рабовладельческий строй и начался феодализм¹⁷. И некоторые из этих учёных, или квази-учёных, говорили так: «Товарищ Мао Цзэ-дун сказал, что феодализм длился 2500 лет. Если мы отсчитаем от наших дней 2500 лет, то получим V век до нашей эры. Значит, именно с этого времени и надо вести отсчёт, что тут ещё думать?». Тогда я сказал: «Хорошо, если вы считаете, что здесь должны быть цитаты Мао Цзэ-дуна, то, пожалуйста, я с этим согласен». А эти вопросы со мной обсуждал Чжоу И-лян, который был замдекана, *фу сичжужэнь*. Но поскольку он сам учился в Соединённых Штатах, то, конечно, он вроде как автоматически должен был быть *ю пай фэньцзы*. Поэтому он, чтобы избежать этой участи, был не просто членом партии, но более

¹⁵ «Движение против правых элементов», также «Движение против правого уклона» – кампания, развернутая Мао Цзэ-дуном после окончания т.н. кампании «всех цветов», показавшего руководству КНР, что очень многие, особенно среди интеллигенции, недовольны политикой правительства. Призыв к разоблачению «правых уклонистов», которых объявили внутренними врагами, врагами коллективизации и сторонниками капиталистического пути развития, прозвучал в июле 1957 г. Выбор жертв был довольно произволен. К концу года около 300 тыс. чел. были объявлены «правыми уклонистами». Они должны были выступить с раскаянием, многих снимали с работы и высылали в деревню для «перевоспитания трудом». Вторая волна кампании началась после т.н. Лушаньской конференции (8-го пленума 8-го состава ЦК КПК) 1959 г., на которой за критику политики «Большого скачка» был осуждён министр обороны КНР маршал Пэн Дэ-хуай (1898–1974). Всего в ходе кампании было репрессировано около 550 тыс. чел.

¹⁶ Имеется в виду работа «Китайская революция и коммунистическая партия Китая», а точнее, её 1-я глава, «Китайское общество», написанная Мао в соавторстве в декабре 1939 г. в Яньани (по другим данным, речь шла о его общей редакции текста, написанного группой китайских историков-марксистов). Там о феодализме сказано следующее: «период существования ... феодального строя, начавшийся со времён династий Чжоу и Цинь, затянулся примерно на три тысячи лет» [Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 1–4. М., 1953. Т. 3. С. 138]. Естественно, подобная расплывчатость формулировок не могла не вызвать «войны толкований» среди китайских историков.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Бокщанин А.А. Современные историки КНР о проблемах феодализма в Китае. М., 1998.

«маоцзэдуновским» членом партии, чем даже Цзянь Бо-цзань. Последний был в партии с 1930-х годов, был действительно настоящим коммунистом и настоящим коммунистическим деятелем, в отличие от Чжоу И-ляна, который просто делал при коммунистах карьеру и действовал соответствующе. Так вот, я ему сказал: «Поскольку вы блестяще знаете труды товарища Мао Цзэ-дуна, конечно, гораздо лучше меня, то, прошу вас, помогите мне, подберите мне цитаты, которые, как вы считаете, надо вставить в текст, и я их вставлю». Они мне подобрали, кажется, двадцать или тридцать цитат, я их довольно механически повставлял в текст. Поэтому формальной причины отказывать в защите у них уже не было, и они согласились. Но при этом они с защитой тянули, потому что как раз тогда, во второй половине пятидесятых, началось уже охлаждение отношений между Китаем и Советским Союзом и они ждали, что из этого выйдет. Охлаждение началось в 1959 году, когда Хрущёв приехал на десятилетие Китайской Народной Республики. А как раз перед этим он был в Штатах и прямо оттуда прилетел в Китай. И он тогда, в частности, как стало потом известно, сказал китайцам, что им не нужна атомная бомба (а они очень настаивали, что им нужна атомная бомба), что Советский Союз их будет защищать, в случае чего, пусть они не беспокоятся, но бомба им не нужна. Ему это мешало в его отношениях с Западом, а он старался эти отношения хоть немножко улучшить. К тому же уже было это международное соглашение о нераспространении атомного оружия, и он даже формально не мог им (китайцам) его дать. Но какие-то обещания уже были раньше даны, когда Китай был очень нужен Советскому Союзу, и они нажимали на это. Вот эта ситуация привела к тому, что испортились отношения между странами. Но, к счастью, на празднование годовщины Октябрьской революции в 1960 году в Москву приехал *Лю Шао-ци*, который тогда был вторым человеком в государстве: Мао Цзэ-дун был председателем партии, а он – председателем Китайской Народной Республики. Раньше Мао Цзэ-дун совмещал оба поста, а теперь один из них занимал Лю Шао-ци. Было похоже на то, что во время этого визита противоречия несколько сгладились. И как только это стало известно, мне в семь утра позвонили и сказали, что вот сегодня будет моя защита. Так что я даже не позавтракал, я был совершенно к этому не готов! Дискуссия была очень живой и даже довольно резкой. Резкими были не все. Чжан Чжэн-лан и Цзянь Бо-цзань были помягче, а Чжоу И-лян и, кажется, *Сюй Да-лин*, молодой специалист, очень резко пытались мне доказать, что я заблуждаюсь в своих высказываниях. А я говорил то, в чём я уверен и сейчас – что в Китае рабовладения как формации не было. А тогда, ещё до всяких дискуссий об азиатском способе производства¹⁸, это была, в сущности, прямая ересь. Я признавал,

¹⁸ Азиатский способ производства (АСП) упомянут в нескольких работах К. Маркса 1850-х как вариант общественного устройства, иногда (в Индии и Китае) предшествующий феодальной формации. Для него характерна значительная роль в организации общества коллективов (например, сельских общин), малое количество и значение рабов, а также очень большая роль государства в жизни подданных. Несмотря на то, что к концу жизни Маркс

что были рабы, было рабство как социальное и политическое явление, но формации, образа жизни, при котором рабы играют определяющую или очень значительную роль – не было. В ханьское время их было больше, они играли более важную роль. А в чжоуское время их было мало, они были больше для украшения. Вот лейб-гвардия набиралась из рабов. Они были в национальных костюмах, с национальным оружием, всё это выглядело красиво, это понятно. В Европе, в Ватикане, до сих пор охрану несут швейцарские гвардейцы. Но на экономику они почти не влияли. Но тогда китайцы совершенно не хотели этого признавать, они думали, что это свидетельствовало бы об их ущербности – как это так, такая великая страна и не было одной формации! Я им на это говорил, что поймите, например, среди славян тоже не было рабовладения как такового! Рабы были, но как формации этого не было. И вообще, если поискать, то выяснится, что только в Греции, а ещё больше в Риме, было настоящее классическое рабство. Хотя я знаю, что сейчас и по отношению к Греции и Риму высказываются иные суждения, но тут хоть какие-то конкретные вещи были, это было зафиксировано в римском праве и так далее. А во всей Азии рабства как формации не было! В Японии, в Корее тоже не было, немножко заметнее оно было только на Ближнем Востоке. Они с этим не очень соглашались. Но поскольку я оперировал конкретными фактами, против которых они возразить не могли, – они эти факты знали, может быть, лучше меня – делать им было нечего. Я им, в частности, говорил: вот, смотрите, идёт дискуссия среди вас о том, когда кончилось рабовладение и начался феодализм. И я начинаю цитировать – я тогда всё это хорошо знал, сейчас-то отчасти забыл – была группа учёных, которая считала, что уже Шан-Инь – это феодализм. Была группа учёных, которая считала, что переход от Чуньцю к Чжаньго – это переход от рабства к феодализму; были такие, которые считали, что феодализм начинается только с периода Троецарствия (Сань-го 三國)¹⁹. Так вот, подумайте логично: если вы сами находите между вами такие колоссальные расхождения, то это значит, что либо

перестал упоминать АСП, наличие термина в его работах позволяло ряду историков-марксистов использовать концепцию АСП, чтобы несколько отойти от догматизма пятичленной модели и объяснить ряд особенностей восточных обществ, не вписывающихся в теорию формаций. В СССР было несколько (обычно выделяют три) дискуссий об АСП. Наиболее важной для научной жизни в стране была вторая, проходившая в 1957–1971 гг. на фоне общей либерализации после XX съезда КПСС. В 1965 г. прошла Московская дискуссия об азиатских производственных отношениях, в которой участвовали видные историки СССР, Франции, Венгрии и Германии. Большой резонанс получила предложенная К. Виттфогелем концепция восточного деспотизма, проводившая параллели между АСП и тоталитарными обществами вообще (в т.ч. сталинским СССР) (см. Wittfogel K. *Oriental despotism; a comparative study of total power*. New Haven, 1957).

¹⁹ По датировке начала феодализма в Китае в историографии КНР 1950-х гг. выделялись 3 основных подхода: Фань Вэнь-лань 范文瀾 в своей переработанной «Общей истории Китая» (1-й том вышел в 1955 г.) предлагал считать началом феодализма в Китае династию Западная Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.).

теоретические послышки неверны, либо что конкретный материал, конкретные аргументы, которыми мы можем оперировать, недостаточны. Они не проливают на данную проблему достаточного света, и мы её разрешить не можем. В Риме ведь никто не спорит, когда было рабовладение и как оно выглядело. А вы все оперируете одними и теми же цитатами – и такие колоссальные расхождения! Значит, вопрос спорный и я могу высказать своё мнение: рабовладельческой формации в Китае не было. В итоге они посоветовались, и поскольку я довольно долго сидел в *Бэйда* и меня все знали, они решили, что лучше от меня избавиться. Они меня пригласили и объявили, что хотя они не во всем со мной согласны, но поскольку я показал, что знаю язык, древний язык и конкретные материалы, они принимают эту защиту. Но они мне не могли присудить учёной степени, потому что система не была установлена. Они просто констатировали, что я завершил аспирантуру с защитой диссертации. До войны были учёные степени²⁰, но когда коммунисты пришли к власти, они эту систему демонтировали. Был нужен правовой базис, а в Китайской Народной Республике в этот период правового базиса вообще ни для чего не было. У них тогда даже настоящей Конституции-то не было, был документ, исполнявший её роль²¹. Но настоящей Конституции, которая была бы одобрена парламентом, прошла бы обсуждение в народе, ещё не было. Ведь Китай единственная страна, где на протяжении трёх-четырёх лет поменялось три-четыре Конституции²². Например, в одной из них было точно указано, что наследником Мао Цзэ-дуна является *Линь Бяо*. А потом Линь Бяо сбежал в Монголию, там его убили и надо было срочно эту Конституцию убрать. Вся правовая база вообще была плохо разработана: в значительной части вообще не разработана, а в значительной части основывалась на существующих традициях. Но чтобы присуждать

²⁰ Система из трёх ученых степеней была введена в Китайской Республике в 1935 г.

²¹ Это не вполне верно. В 1949 г. Народный политический консультативный совет Китая принял т.н. Общую программу, выполнявшую роль Конституции до 1954 г. 1-я Конституция КНР была принята ВСНП в сентябре 1954 г., но на деле действовала недолго – с лета 1957 г. началась кампания борьбы против «правых элементов», за которой последовали другие кампании борьбы, плавно перешедшие в «культурную революцию» 1966–1976 гг. Нормальное функционирование права прекратилось. Конституция 1975 г. была призвана формализовать странную систему власти, выстроенную Мао во время «культурной революции»: был отменён пост Председателя КНР, власть сосредотачивалась в руках Мао, как председателя КПК. Формальные функции главы государства исполнял председатель ВСНП (в тот момент этот пост занимал Чжу Дэ). Местные органы управления заменялись Ревкомками. Из Конституции исчезли многие права граждан (права собственности, свободы передвижений, свободы слова и др.), а также обязанность граждан платить налоги. Конституция 1978 г., принятая после смерти Мао и падения «банды четырёх» в 1976 г., во многом восстанавливала нормы Конституции 1954 г., хотя и была написана в стиле, близком к Конституции 1975 г. Следующая Конституция, отразившая реалии реформ Дэн Сяо-пина и действующая (с некоторыми поправками) до сих пор, была принята в декабре 1982 г. Фактически, это первая в истории КНР в достаточной мере разработанная Конституция, которая может называться таковой.

²² Судя по всему, имеются в виду Конституции 1975, 1978 и 1982 гг.

учёные степени, нужен был конкретный закон, который бы указывал, когда, кому, на основе чего и какие степени присуждать. Это было постепенно введено уже после «культурной революции», когда начались изменения, при *Дэн Сяо-пине*.²³ При Мао Цзэ-дуне, ведь, практически никаких контактов в научном плане с Западом не было. Были кое-какие контакты с Советским Союзом, с социалистическими странами, а на Запад никто не ездил и оттуда никто не приезжал. Были отдельные случаи: у нас был какой-то англичанин, какой-то француз, был американец – и то только потому, что он попал в плен в Корею и его переслали в Китай. А теперь они (китайцы) всюду пытаются быть, ездят на все конференции и приглашают к себе. Так что, теперь им это нужно.

СД: Чем вы занимались в Китае уже после защиты?

СК: После защиты я почти сразу уехал. Защита была 5 или 6 декабря, и недели через две я уехал. У меня было очень много книг. Нужно было достать большие ящики, чтобы их уложить – я их не мог взять с собой, поэтому нужно было их отправить медленной скоростью. Всё это отняло какое-то время, но вообще я уехал почти сразу, в декабре 1960 года. Это было связано прежде всего с тем, что я уже не получал стипендию и последние два-три месяца, когда я ждал защиту, я жил на какие-то сбережения, но денег уже было мало. На кафедре я уже не работал – я всё-таки не обладал необходимой квалификацией, и польское правительство, в итоге, прислало на это место хорошо профессионально подготовленного человека. Я всё-таки был силён только в том, что мог вести курс перевода, потому что другие не знали китайского языка. И те два года, что я был на кафедре, я это делал. А потом приехали новые люди. Вообще, тогда никто долго такие посты не занимал, приезжали на два-три года. Никто и не хотел ехать надолго: у них были семьи, работа, был вопрос климата. Например, дама-полонистка, которую я сменил на посту главы кафедры (первый семестр я был преподавателем под её началом, а со следующего года уже стал и главой кафедры), она пробыла два года и поставила вопрос очень жёстко – что эта работа плохо действует на её здоровье и она требует, чтобы её заменили.

В Польше работа в таких условиях, в отличие от Советского Союза, никогда не была особенно престижной: всё-таки после 1956 года у нас произошла демократизация. Выезд за границу и до того был не слишком сложным, а когда к власти пришел *Гомулка*, то границу открыли. Причём инициатором этого было Министерство внутренних дел. Я однажды говорил с довольно высокопоставленным сотрудником этого министерства, который работал там ещё тогда, и он мне сказал: «Вы понимаете, мы сами это инициировали, потому что зачем нам все эти хлопоты с анкетами и согласованиями? Хочешь ехать – езжай, хочешь там остаться – оставайся! Мне-то какое дело?». Поэтому всё время вводили облегчения. Тем более что в Польше было совершенно очевидно: как только зажимали –

²³ Положения об учёных степенях КНР были приняты на 13-й сессии ПК ВСНП 5-го созыва и официально вступили в силу 1 января 1981 г.

сразу люди начинали бежать. Как только открывали – зачем бежать? Скажем, я ездил как-то на экскурсию, в моей группе было три архитектора. Все они по два-три года проработали в Германии или во Франции, заработали денег и вернулись. Они мне сами говорили, что с удовольствием ещё поедут – на год, может быть, на два. Потому что в Польше они были уважаемыми людьми, главными в разных областях. Там была женщина из Быдгощи, очень хороший архитектор, как я понял. Она говорила: «Вы понимаете, у себя я возглавляю бюро, я начальник, со мной считаются. А там я – подмастерье, я даю им планы и расчёты, обо мне никто не знает. Там мне платят больше, чем тут, но удовольствия-то от этого никакого! Так что я могу там год-другой поработать, заработать денег, но не дольше». Поэтому за границу особенно не стремились и эту преподавательницу с кафедры практически заставили ехать. Её вызвали в Варшаву и очень долго уговаривали. Больше двух лет почти никто не оставался.

Кафедра пережила «культурную революцию». Когда я последний раз был в Китае, в 1988–1989 гг., она существовала и её возглавлял мой тогдашний студент. Его, между прочим, в своё время здорово помытарили, в результате довели до того, что у него было очень плохое сердце. Когда я там был, он жил, как там принято, на территории института, на четвёртом этаже. А когда я через несколько месяцев с ним обменивался письмами, он мне написал, что переехал на первый этаж, потому что уже не может подниматься на четвёртый. А он на десять лет моложе меня! Он уже, к сожалению, лет пятнадцать назад скончался. И всё потому, что его гноили. А никто из них никакой политической деятельностью не занимался, просто изучали польский язык и потому были подозрительными. Кстати, когда началось это движение против правых, то абсолютно все *пэн-ю* 朋友, то есть китайцы, которых приставили к полякам, – абсолютно все, поголовно, были объявлены «правыми элементами». Причём ведь это были несчастные люди, их выбирали среди комсомольцев как лучших из лучших! Если бы они тогда попробовали отказаться, то их моментально уничтожили бы – ведь комсомол доверяет такое важное, ответственное дело – как можно отказаться?! И вот, потом их объявили «правыми уклонистами», хотя они нигде не выступали, ничего не делали, просто приходили ко мне или к кому-нибудь ещё и объясняли, что это надо понимать так-то, а это иначе, и надо бы прочесть такую-то книжку – и всё! Все поголовно были обвинены! В других группах было не так, это было выборочно, кое-кого из *пэн-ю* объявили «правыми уклонистами», кое-кого – нет. Но по отношению к польской группе – не было никаких исключений – всех поголовно! Польша считалась плохой, даже когда ещё были хорошие отношения, потому что, когда к власти пришел Гомулка, то, хотя в открытую они так не писали, но втихаря, на закрытых заседаниях (а я иногда получал такие ознакомительные материалы для внутреннего потребления *нэй-бу ды цань-као цай-ляо* 内部的參考材料) говорили, что то, что происходит в Польше, – явный ревизионизм, *сючжэн чжун* 修正主义. Польша с 1956 года была почти вне закона, а я был прямо знаменосец этого ревизионизма.

Не знаю, повлияло ли это каким-нибудь образом, но однажды было, что институт (ИВ РАН) хотел меня отправить, когда стали возобновляться отношения, в Китай. А китайцы ответили, что я такой крупный учёный, что они, к сожалению, не могут меня принять. Реальных причин отказать мне не было, тогда уже многие ездили. Мне, в отличие от того времени, когда я приехал в Китай в первый раз, уже не нужен был какой-нибудь сопровождающий или помощник, я отлично справился бы сам со всеми своими проблемами, многих я знал лично. Ясно, что этот аргумент очень натянут. Думаю, где-то на моём имени была пометка соответствующая. Хотя они и сами, ведь, к тому времени стали «ревизионистами» *сючжэн чжун чжэ* 修正主义者!

СД: А как получилось, что вашим руководителем стал Чжан Чжэн-лан? Это было решено уже до вашего приезда в Китай или это было ваше личное желание?

СК: Нет, это не было решено до моего приезда. Более того, когда я приехал, в Пекине мне заявили, что у них нет специалистов по древней истории Китая. Это, конечно, вызвало моё глубокое изумление, потому что представить, что в Китае, где изучению древней истории на протяжении всего его существования придаётся очень большое значение, вдруг нет ни одного специалиста, очень трудно. Но именно так мне было заявлено, причём несколько раз, в том числе и не только внутри Пекинского университета, но и в Министерстве высшего образования КНР. Тогда я попросил, чтобы они мне дали телефон *Го Мо-жо*, я позвоню ему и с ним договорюсь. А Го Мо-жо был тогда президентом Академии наук и кем-то в правительстве. Он, в общем, всегда играл определённую политическую роль, особенно после 1949 года. И когда люди, которые со мной разговаривали, услышали такую просьбу, они поняли, что дело – «швах». И на следующий день оказалось, что всё-таки один специалист у них есть, и это – профессор Чжан Чжэн-лан. При этом оказалось, что в это время он был профессором Пекинского университета, то есть находился под рукой, его нигде не надо было искать. А, кроме того, он ещё и работал в Институте истории Академии наук. Тогда это была ещё единая академия, не как сейчас, когда есть Академия наук и *Академия общественных наук*. И с тех пор он мною занимался. И я был очень доволен этим решением китайской стороны, потому что, во-первых, он был очень хорошим специалистом, и я у него очень многому научился. Во-вторых, он проявлял ко мне очень большой интерес и руководил мной не чисто формально, из-под палки, а с большой отдачей. Он был настоящий педагог. Кроме того, он был очень широких взглядов и интересов, поэтому у нас было очень много разговоров, которые далеко выходили за рамки того, что мы должны были делать строго по нашим официальным отношениям. Причём это касалось как китайских, так и иностранных проблем. Он очень любил у меня спрашивать о Европе или США. Так что у нас были очень разносторонние и хорошие отношения и с ним, и с его тогдашним ассистентом *У Жун-цэном*, который потом стал профессором в университете Хух-Хото. Его отправили как сильного специалиста во Внутреннюю Монголию, где нужно было укрепить но-

вообразованный университет. У Жун-цэн был, конечно, слабее Чжан Чжэн-лана. Но он был и много моложе, очень талантливый и много знающий молодой человек, чуть старше меня. А потом он вернулся в Пекин и в 80-е годы, когда я был в Китае, он был профессором истфака Пекинского университета.

СД: После отъезда из Китая вам приходилось встречаться с Чжан Чжэн-ланом?

СК: Нет, потому что сначала их никуда не выпускали. А потом я переехал в Москву, и он совсем меня потерял. Он знал, что я в Варшаве, и там, может быть, он бы меня и нашёл. Хотя, насколько мне известно, он в Польшу так и не попал. А потом, когда после «культурной революции» профессуру стали выпускать, он ездил в Японию и, кажется, в США. Но тут он уже много ездить не мог, потому что возраст не позволял. Мы встретились, когда я в 1988–1989 гг. поехал в Китай. Он уже не работал в *Бэйда*. По-моему, он уже вообще формально не работал и был на пенсии, но поддерживал контакты с Институтом истории, неподалеку от которого он жил. И когда я договорился с ним встретиться, институт послал за ним машину, он приехал. У нас состоялся очень длительный и милый разговор. Потом я ещё несколько раз у него был дома. Это был такой отчёт о моей деятельности. Я хотел, конечно, показать, что его работа со мной не прошла даром, что я работаю в этой области, есть кое-какие достижения. С ним, с его супругой было очень интересно. Мне приятно вспоминать эти визиты.

СД: Как изменялись ваши научные интересы и почему?

СК: Меняться они менялись, но сказать, как и почему, не так просто. Я бы сказал так: первое изменение состояло в том, что я завершал магистратуру как специалист в области философии. А потом, когда я ехал в Китай, мне профессор Яблонски посоветовал стать историком. Это было первое крупное изменение. При этом должен сказать, что то, что я вынес из Варшавского университета в области филологии или языкознания, сейчас мне очень помогает, потому что в любой работе, чем бы я ни занимался, даже если речь не идёт о переводе как таковом, как, например, сейчас перевод «*Чжоу ли*»²⁴, у меня всегда много переводов первоисточников. При переводе всегда возникают какие-то спорные вопросы и сомнения, и их решение, конечно, чаще всего лежит в области филологии, в самом широком смысле этого слова. Но всё же я стал историком. Я даже не могу сказать, почему я заинтересовался именно древней историей. Это получилось как-то произвольно. Я приехал в Китай и понял, что хочу заниматься именно древней историей. Может быть, в какой-то мере сказались то, что магистерскую работу я писал по древности, про даосизм середины I тысячелетия до н.э. Конечно, чтобы понимать, что происходило в этой философской школе, мне надо было познакомиться и с тем, что было вокруг. Потом я довольно долго занимался только древней историей. Но тут произошло второе, не столь разительное изменение,

²⁴ Изданную часть перевода *Чжоу ли* см.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Вступительная статья, перевод с китайского, комментарии и приложения С. Кучеры (Памятники письменности Востока. СXXXVI, 1). М., 2010.

скорее небольшой крен. Я заинтересовался археологией. Она была мне и раньше интересна, но углублённо я ей не занимался. А тут в Китае произошла «культурная революция», во время которой исчезли все журналы, и вообще никаких гуманитарных наук в Китае не было. Первыми журналами, которые появились после этого, были как раз археологические журналы. А ещё до этого стали появляться очень интересные археологические сообщения в «*Гуанмин жибао*». Эта газета, в отличие от полностью пропагандистской «*Жэньминь жибао*», всегда обращала внимание на вопросы науки, культуры и искусства. Я тогда выписывал эту газету, так как это можно было делать через институт. И я стал это читать и понял, что происходят интересные вещи. На уровне нулевой ситуации в истории и филологии археология вносила какую-то новую струю. Они открывали вещи ранее неизвестные и восстанавливали науку тогда, когда другие науки ещё не существовали. Первые археологические журналы появились в 1972 году, а первые исторические – в 1974 году. Это меня заинтересовало, я стал читать эти публикации, старался передать информацию своим коллегам, стал делать доклады, писать статьи, в том числе для «*Общества и государства в Китае*». Правда, когда я написал большую статью для «*Археологии СССР*», то её зарезали из *Института Дальнего Востока*, потому что сочли, что она политически не в той интонации написана. Но меня это не расстроило. Ведь такой материал интересно и просто знать, необязательно его для чего-то использовать. Это было существенное изменение в моих интересах. Хотя археология – это часть истории, и тут я не отходил от основного русла моих научных интересов, занятия археологией заставили меня обратить внимание на сугубо внешние науки, такие как палеонтология, палеоботаника, краниология. Я должен был очень расширить свой научный кругозор. При занятиях палеолитом без геологии, например, просто невозможно обойтись, потому что очень часто исходная датировка – именно геологическая, по пластам, в которых эта находка обнаружена. Мне было интересно узнавать до того совершенно неизвестные мне вещи, разбираться в вещах, которые до того я знал только понаслышке. Мне пришлось прочесть массу литературы, чтобы самому понять это и иметь возможность изложить всё это так, чтобы это было понятно читателю, который никогда не занимался этими науками специально. Потом настолько важных изменений уже не было. Конечно, потом как-то приходилось разбираться в астрономии, когда я писал про календарь, но это были уже занятия, нужные для чего-то конкретного. Я по-прежнему работаю в рамках древней истории с включением археологии и всего, что с этим связано.

СД: Какую научную тему вы считаете главной для себя лично?

СК: Я думаю, что есть две вещи. Первая, которая остается моей жизненной симпатией, это археология Китая. Прежде всего, потому, что она всё время приносит совершенно новые элементы, причём не только в археологическое прошлое Китая, палеолит и неолит, но и в исторический период археология вносит немало того, о чём раньше и не подозревали. Раньше, например, не было даже

речи о том, что китайцы умели мумифицировать трупы. И только находки в *Маньчэньдэ* (правда, это южный Китай и надо ещё подумать, к кому это надо отнести, к собственно китайцам или к местным народностям. Но, всё равно, это в пределах тогдашнего Китая) показали, что это существовало. Причём метод совершенно иной, чем в древнем Египте – там превращали людей в щепки, их высушивали, вынимали внутренности, бинтовали. А тут это делалось совершенно иначе – так, что кожа сохраняла упругость. Или, например, раньше не очень было понятно, что такое «нефритовые одежды, шитые золотыми или серебряными нитями». Данных в письменных источниках было много, но полной ясности не было. А когда в Маньчэньдэ, а потом и в других местах нашли захоронения, где умершие лежали в одеяниях из сшитых кусков нефрита, то выяснилось, что это такое, когда использовались какие нити²⁵. И тогда многие из ранее не очень понятных текстов предстали перед нами в совершенно другом свете. Или, например, акупунктура. Выясняется, что китайцы умели это делать уже в неолите. Уже там обнаружены предназначенные для этого иглы²⁶. Это не только то, что можно считать узко археологией. Эта наука вносит очень много нового в изучение истории вообще. Это первое, что меня интересует. И второе – всё время моего пребывания в Москве и работы над разными проблемами истории Китая я перевожу довольно много текстов. Я не говорю о специальных изданиях – в Московском университете, например, издали специальную книжку²⁷, где 10 листов – это мои переводы множества китайских текстов начиная от *цзягувэнь* и *цзиньвэнь*. Ещё был двухтомник по китайской философии, где мной тоже были сделаны большие переводы философских текстов²⁸. Всё это были специальные издания переводов. Но, кроме того, у меня почти в любой работе и любой статье всегда присутствует довольно значительное количество разных источников в переводе на русский язык. Потому что я считаю, что если я о чём-то хочу написать, то я должен это документировать, чтобы было понятно, что это действительно так. Или я признаю, что тут я сам не очень понимаю, и читатель должен сам разобраться, где я прав, а

²⁵ *Маньчэн* 满城 – уезд в пров. Хэбэй. В 1968 г. там обнаружены могилы чжуншаньского вана Лю Шэна 劉勝 (ум. 113 г. до н.э.) и его жены Доу Вань 竇綰, оба тела были одеты в саваны из кусочков нефрита, до того известных лишь по письменным источникам. Считалось, что нефрит должен предохранить тело от разложения. Кусочки нефрита скреплялись золотой (для императора), серебряной (для удельных князей) или бронзовой нитью.

²⁶ Вернее, в неолитических слоях найдены камни *бянь-ши* 砭石, которым придана особая форма, позволяющая использовать их в лечебных методиках, сходных с акупунктурой. Подробнее см.: *Ма Цзи-син, Чжоу Ши-жун*. Каогу фацзюэ-чжун со-цзянь бянь-ши ды чу-бутаньсо (Первые догадки касательно *бянь-ши*, обнаруживаемых в ходе археологических раскопок) // *Вэнь*, 1978, № 11. С. 80–82.

²⁷ История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002.

²⁸ Древнекитайская философия. Т. 1–2. М., 1973. Переводы С. Кучеры см.: Шу цзин: Т. 1. С. 101–111; Ле-цзы: Т. 1. С. 213–224; Чжуан-цзы: Т. 1, с. 249–294; Гуань-цзы: Т. 2. С. 15–25, 42–51.

где нет. Поэтому перевод древнекитайских текстов на русский язык – это второе главное направление в моей исследовательской работе.

СД: Какую научную тему Вы исследуете в настоящий момент?

СК: В настоящий момент, если широко говорить, я работаю над первым томом перевода «*Чжоу ли*». А если в узком смысле, то я сейчас к этому тому пишу исследовательскую статью. Дело в том, что, в отличие от моих предшественников, я не ограничиваюсь переводом и комментарием. У меня будут, по меньшей мере, четыре исследовательские статьи, которые я называю *Addenda*, чтобы показать, что это не просто Приложения (туда войдут разного рода указатели, библиография и так далее), а именно исследовательские статьи. Статья, над которой я сейчас работаю, посвящена древнекитайской музыке и связи этой музыки с культовой жизнью. Мы знаем, что музыка связана с культом и на Западе – в церкви поют, в костёле играет орган, в синагоге поёт кантор, но нигде музыка не связана с культовой жизнью так глубоко и сильно, как в Китае.

СД: Как складывалась ваша китаеведческая карьера? В каких институтах и учреждениях вам приходилось работать?

СК: Ну, собственно говоря, не в столь уж многих. В Польше я работал только в одном учреждении – Польском институте международных отношений. При этом, правда, я имел контакты и с другими организациями, хотя там и не работал. Например, я часто выступал с докладами, в основном довольно популярного характера. Правда, если я выступал в научных институтах, то уровень был довольно серьёзным, хотя надо исходить из того, что мои слушатели не были китаеводами. Я не старался говорить, чтобы им было непонятно. К тому же хотя, когда я приехал, взаимоотношения между КНР и Советским Союзом уже портились (и это, естественно, сказывалось на отношениях с Польшей), тем не менее тогда, в 1961–1965 гг., ещё очень активно действовало Общество польско-китайской дружбы. Это было польское общество, китайская сторона никак финансово не участвовала в его работе. У них были еженедельные китайские вечера. В их распоряжении был очень красивый и хорошо расположенный прямо в центре Варшавы небольшой старинный особняк²⁹. Там был довольно большой зал, который вмещал 50–60 человек, и там устраивались вечера. В остальные дни там тоже были всякие мероприятия – звучала китайская музыка, можно было попробовать кое-какие китайские блюда. Люди любили приходить туда, там была небольшая библиотека с польскими книгами про Китай и свежими китайскими журналами на английском и русском языках. Так вот, на эти еженедельные встречи меня довольно часто приглашали: я сравнительно недавно вернулся из Китая, у меня было много свежих впечатлений. Эти выступления могли касаться современных проблем политики, экономики и культуры. Но также я там делал целые циклы докладов, посвящённых классическому Китаю, от глубокой древ-

²⁹ В 1958–1997 гг. Общество польско-китайской дружбы размещалось в т.н. Голубом дворце (Pałac Błękitny) или Дворце Замойских, построенном в начале XVIII в.

ности до средневековья, до династии Мин. Я рассказывал о поэзии, о культуре, о строительстве Великой Китайской стены, могиле Цинь Шихуан-ди и многом другом. И хотя эти выступления имели популярный характер и были предназначены для широкого слушателя, я старался делать их на хорошем уровне, без всяких фантазий. Если я в чём-то не был уверен, то всегда подчеркивал это. Надо сказать, что на эти вечера, не только на мои, но и на мои в частности, всегда приходило много народу. Зал всегда был заполнен, люди сидели даже в коридоре. Китай пользовался большим спросом, может быть, и эта ссора подливала масла в огонь... Но, кроме того, Общество польско-китайской дружбы имело отделения в других городах, причём отделения были не только в центрах таких воеводств, как Краков, Познань или Вроцлав, но и в районных центрах. И там я тоже часто читал доклады. Если это было не очень далеко, то нам давали машину и мы ехали. Иногда кроме меня ехал ещё кто-нибудь, с небольшим докладом или выступлением, небольшой фотовыставкой. Такая поездка обычно охватывала два или три города. То есть, мы в один город попадали после обеда, потом ехали во второй город, поблизости (ты понимаешь, ведь Польша – не Россия, там не надо ехать десять часов, чтобы наконец что-то увидеть), а к вечеру успевали попасть ещё в какой-нибудь город. Как правило, вечерние доклады были открыты для публики, более популярные. А дневные устраивались на предприятиях, заводах или в воинских частях. Причём если доклад был в воинской части, то обычно он был не для солдат, а для офицеров, как правило старших: майоров, полковников, генералов. А если нужно было ехать куда-нибудь дальше, то я ехал туда поездом, ночевал в гостинице (конечно, за счёт Общества), потом в двух или трёх местах выступал и возвращался в Варшаву.

СД: В Польше вы работали в Институте международных отношений. Вы занимались там в основном аналитической работой?

СК: Да, правда, я всегда привносил и какой-то элемент, которого, может быть, не было у моих коллег. Я работал в отделе, который занимался Азией. Точнее, это был такой спаренный Отдел Азии и Африки. Все мои коллеги были специалистами по современности: кто по арабским странам, кто по Индии. А я всегда привносил в это элемент истории, я старался дать понять, что для того, чтобы понять современные события, надо обязательно знать их исторические истоки и предпосылки. Например, я там написал довольно большую работу про судьбу Сиккима, небольшого княжества в Гималаях, которое было примерно в это время включено в состав Индии³⁰. Или, например, как раз тогда вспыхнул конфликт между Китаем и Индией³¹. Когда я писал что-нибудь, я показывал, как к этому

³⁰ *Kuczera S. Sikkim i stosunki chińsko-indyjskie // Sprawy Międzynarodowe, 1966, № 5. С. 84–89.*

³¹ Китайско-индийские отношения были далеки от идеальных с момента образования КНР из-за пограничных споров. В частности, Китай контролировал район Аксай Чин на востоке Кашмира, который Индия считала своим. Обострение произошло в марте 1959 г.,

пришло (и потом это отмечали в отзывах). Причём в данном случае не только начиная с Бандунга, где, казалось бы, Китай и Индия были соавторами концепции неприсоединения³². Я показывал, как отношения складывались на протяжении веков, как это было раньше. Конечно, это было небольшое введение, но фундаментальный элемент присутствовал всегда. Формально я там занимался Китаем, но писал не только по Китаю, а по всему Дальнему Востоку, про Индию, Корею и Японию. К тому же от имени этого института я тоже довольно много ездил с докладами. Это были доклады более политического и пропагандистского характера, и тоже каждая такая поездка обычно была двухдневной. Если, скажем, меня посылали в Вроцлав – это довольно далеко по польским меркам, да и не каждый же день туда приезжает кто-нибудь из Варшавы – то местные организаторы старались это максимально использовать. Так что формально я ехал во Вроцлав, но на самом деле выступал, по меньшей мере, ещё в двух местах этого воеводства. Я всегда старался выходить за рамки чистой пропаганды. Более того, чаще всего я чистой пропагандой и не занимался. Например, рассказывая о конфликтах на Ближнем Востоке, я всегда подчеркивал вину арабской стороны и не валил всё на Израиль, хотя формальная линия была именно такова. Я старался быть объективным. Когда я говорил про Китай, я тоже не впадал в крайний антимаоизм, потому что я считал, что китайцы сделали революцию сами, в отличие от Восточной Европы, куда этот так называемый социализм был привнесён на советских штыках. Китайцы сами на себя навалили то, что они имели, так что это их ставило в несколько особую ситуацию. К тому же они никогда особенно не подчинялись даже Сталину и Коминтерну. А уж после смерти Сталина они практически с самого начала ни в грош не ставили Хрущёва, поэтому они могли себе позволить вести себя по-иному. Даже при Сталине Советский Союз мало что мог с ними поделать, тем более – после его смерти. Надо сказать, что Сталина Мао Цзэ-дун, конечно, уважал, потому что Сталин был восточным человеком, он вел себя как богдыхан, как царь, как «хуанди» (император), поэтому к нему был пиетет. А Хрущёв при-

когда Индия дала убежище Далай-ламе и прочим тибетцам, бежавшим из родных мест при подавлении восстания тибетцев. Начались стычки на границе. 20.10.1962 началось вторжение войск КНР на нескольких участках границы. Войска КНР продвинулись на 80–100 км. 21 ноября Китай объявил об одностороннем прекращении огня и начал отвод войск на 20 км от линии фактического контроля, военные действия прекратились. Всего Китай сохранил под своим контролем ок. 36 тыс. кв. км территории, которую Индия считает своей. Подробнее см.: Границы Китая: история формирования / Под ред. Мясникова В.С и Степанова Е.Д. М., 2001. С.314–322.

³² 18–24.04.1955 в Бандунге (Индонезия) прошла Азиатско-Африканская конференция с участием 29 стран, большинство из которых недавно обрели независимость. На конференции был выработан ряд принципов мирного сосуществования и сотрудничества, а также борьбы с колониализмом и неоколониализмом. Конференция стала важным шагом к созданию Движения неприсоединения (провозглашено в Белграде в 1961 г.), участники которого провозглашали свой принципиальный нейтралитет в «холодной войне».

езжал в Китай, похлопывал Мао по плечу, что само по себе уже было шоком для несчастного вождя китайского народа! Поэтому китайцы вели свою политику, и я старался это объяснить не впадая ни в одну крайность, ни в другую. Я, конечно, не был крайним маоистом – если я не был им в Китае, то в Польше у меня, тем более, не было никакого резона им быть – но не впадал и в примитивный анти-маоцзэдунизм. Я просто пытался объективно показать, что происходит в Китае, и почему это происходит, вне зависимости от того, насколько отрицательно или насколько положительно я при этом высказывался по поводу тех явлений, которые имели место.

СД: Как получилось, что вы перебрались в Москву?

СК: Понимаешь, всё время стоял вопрос о звании. Дело в том, что в Китае я, формально говоря, защитил кандидатскую диссертацию. Но в это время в Китае ещё не было системы степеней. Поэтому в документах, которые я получил, было сказано, что я защитил диссертацию, но не было сказано, что мне присвоена степень кандидата наук или какая-нибудь другая степень, потому что никаких степеней не было. А в Польше, притом что ко мне там с самого начала относились хорошо – я не могу жаловаться на этот институт, мне там сразу дали относительно высокий пост и всё такое прочее – мне для дальнейшего развития всё-таки надо было защититься. Сделать это в Польше я практически не мог. Я мог бы это сделать, если бы целиком решил перейти на эту работу пропагандистско-политического характера, потому что этот институт имел право защиты, и я мог прямо в этом институте защититься, но это меня не устраивало. Я всё-таки был китаевед, имел классическое синологическое образование, интересовался китайской древностью: всем тем, что им было не нужно, и защититься там я не мог. Вторым местом, где я мог бы защититься, был Варшавский университет. Но там, так сказать, у руля китаеведения стояли люди, которые меня недолюбливали, потому что они меня боялись, прекрасно зная с каким багажом я вернулся. Они знали это, потому что эти люди побывали в Китае, я им там очень помогал, они могли убедиться и в том, как я говорю по-китайски, и как я знаю памятники и книжные магазины Пекина, разные проблемы истории и культуры Китая. Они просто боялись. У меня никаких намерений выкидывать кого-либо из них не было. Но это было их личное психологическое восприятие, которое не было вызвано какими бы то ни было действиями с моей стороны. Тут подтвердилась старая истина, что если ты делаешь людям хорошо, то они тебе ответят чёрной неблагодарностью. Там были два основных действующих лица, оба они от меня в своё время в Китае довольно много чего получили, включая даже то, что, поскольку я в конце пребывания там работал, у меня была в распоряжении машина и я мог возить человека по Пекину и по окрестностям, что я и делал. Не бог весть какая услуга, но всё-таки им это было удобно. Но они решили, что лучше от меня сразу избавиться, и там я не мог защититься. Тогда я решил, что лучшим выходом будет переехать в Москву. Тут у меня были довольно большие возможности. Была На-

талья Павловна (Свистунова. – *Ред.*), с которой тогда нас связывали очень тесные дружеские отношения, хотя романа тогда ещё не было. Мы поженились позже, а тогда мы с ней по-настоящему дружили, впрочем не только с ней. И поэтому я решил, что это будет самое разумное. Тем более что я уже знал здесь многих людей, знал учреждения. Когда я ехал из Китая в Варшаву, то остановился в Москве, делал ряд докладов и в Московском университете, и в *Институте востоковедения*. Я знал даже тех людей, которые не были в Китае вместе со мной. В частности, я был знаком с *Л.В. Симоновской*, которая была заведующей Кафедрой истории Китая на историческом факультете МГУ³³. Мне удалось тогда встретиться с многими сотрудниками из Института, даже с *Николаем Иосифовичем Конрадом*. До этого я его не знал, но удалось познакомиться. Я понимал, что, приезжая сюда, я приезжаю, хоть в какой-то мере, на подготовленную почву. Ведь не только я многих знал, но и многие знали меня. С теми, кто был в Китае в составе той советской группы, у меня были очень хорошие отношения: с *М.В. Крюковым*, с *Е.П. Синицыным*, с *Л.С. Васильевым*, с *Л.С. Переломовым*. Так что, я их знал, они знали меня. И я понимал, что тут передо мной открываются возможности творческой работы в той области, которая меня действительно интересовала. Не могу сказать, чтобы современные проблемы Китая, которыми я занимался в Польше, меня совсем не интересовали. Но это было всё-таки «не то, что любят тигры», как говорил Винни-Пух. Мне было куда интереснее заниматься тем, чем я потом занимался и занимаюсь до сих пор.

СД: Вы приехали в Москву и стали работать сразу в Институте востоковедения?

СК: Это был тогда Институт народов Азии. Когда я останавливался в Москве проездом из Пекина, тогда ещё существовал *Институт китаеведения* и мы, в частности, с Натальей Павловной туда тоже заходили. Но пока я был в Польше, его расформировали, и, с одной стороны, часть сотрудников стали готовить создание Института Дальнего Востока, а остальные сотрудники, поскольку в своё время Институт китаеведения был создан на базе китаеведов Института востоковедения, то они туда и вернулись. Тогда он назывался Институтом народов Азии. Я там работаю с апреля 1967 года.

СД: Причисляете ли вы себя к какой-нибудь научной школе?

СК: Нет, не думаю. Я могу говорить о людях, к которым я был близок в научном плане, но ни к какой школе я себя причислить не могу.

СД: В каких научных сообществах состоите?

СК: Я состоял в *Европейской ассоциации китаеведов*. Но поскольку я поступил туда в личном порядке, за меня никто не платил взносы, а самому платить не всегда удобно. Тем более, пока существовал Советский Союз, я даже не мог офи-

³³ Востоковедные кафедры существовали на историческом факультете МГУ до 1956 г., когда на их базе (а также на базе востоковедных кафедр филфака МГУ) был создан ИВЯ МГУ (с 1972 г. – Институт стран Азии и Африки МГУ).

циально поехать на какой-нибудь конгресс, только по частному приглашению. Такая была глупая система: по приглашению на конгресс не могли оформить (выездные) документы. Посылать туда членские взносы я тоже не мог, это было невозможно. Чтобы их заплатить, надо было поехать куда-нибудь во Францию или Германию. То есть нужно было платить за дорогу, за проживание, да ещё и взнос за участие. А отдача была не очень большая, иногда на этих конференциях были интересные доклады и новая информация, но всё-таки обычно эти конференции не производили на меня такого уж впечатления. Я думаю, наше «Общество и государство в Китае» в значительной мере лучше, чем то, что было там. Потому что приезжают люди, которые понимают, что они выступают перед другими людьми, которые их хорошо знают – неудобно ударить лицом в грязь. Конечно, есть такие, которым на это наплевать, потому что у них в принципе ничего за душой нет и им приходится выступать с тем, что у них есть. Причём и они всё-таки стремятся выступить получше, произвести впечатление. Поэтому каждый из нас всё-таки стремится сделать доклад на хорошем уровне, а туда часто приезжали люди, которые иногда вообще с китаеведением имели довольно отдалённые связи. Зачастую это были не профессиональные китаеведы, а так, околोकитаеведческая публика. Эти конгрессы были интересны в основном потому, что человек получал возможность личных контактов, личных разговоров, можно было получить какие-то материалы, купить что-нибудь из западной литературы, что у нас было тогда абсолютно недоступно. Но в общей сложности польза от этого, в моём случае, была значительно меньше того, что приходилось за это платить. Конечно, другое дело было для тех, кто ехал туда как официальные представители Советского Союза – им всё оплачивалось, да ещё и выдавались какие-то деньги. К тому же всё-таки для них это была уникальная возможность куда-то вырваться. А я, как польский гражданин, мог ездить достаточно свободно, мне это было не так уж нужно.

СД: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом? Что в нём изменилось за то время, что вы его наблюдаете?

СК: К сожалению, я должен сказать, что развитие российского китаеведения идёт по наклонной плоскости вниз. Причём это не вина людей, не вина конкретных китаеведов, а вина общей ситуации. Конкретный пример – наш отдел. Когда я пришёл в него в 1967 году, в нём было почти пятьдесят человек. В том числе группа по древнему Китаю, шесть-семь человек. Причём там были такие «тузы», как *Вяткин*, *Думан*, *Таскин*, *Рубин*, *Васильев*! Это была мощная группа, которая действительно могла очень многое друг другу дать. Мы всё время выступали, внутри отдела бурлила научная жизнь, систематически были встречи, причём не только дисциплинарно-производственные, а научные. Мы делали доклады, обсуждали их и так далее. Что сейчас от этого осталось? Восемнадцать человек. Что касается древности – хорошо хоть, что вы пришли: ты (*С.В. Дмитриев*), *Марина (Кузнецова-Фетисова)*, в какой-то мере, *С.И. Блюмхен*. Всё-таки мне подспорье. Но из той группы я остался один в отделе. Как бы мы это ни оценивали, даже если

бы остались только самые лучшие, то одно дело – когда нас пятьдесят человек, и совсем другое – когда восемнадцать. И это касается и института в целом. Так что, хорошо хоть что ещё существует Институт Дальнего Востока, он немножко спасает положение. В особенности те из сотрудников, кто попал туда из нашего института, кто занимается фундаментальными исследованиями, такие как Переломов или *Сорокин*. Это хорошие специалисты, они много чего могут сделать. Поэтому они мобилизовали людей, издали эти несколько томов энциклопедии «Духовная культура Китая»³⁴. Я считаю, что это действительно очень хорошая работа, такой *opus magnum*, или, как там написал *Кобзев*, – *summa sinologiae*, это хорошо звучит. Но в целом, конечно, российское китаеведение ослабело, и особенно в нашем институте, да и не только. До меня доходят отголоски того, что происходит в Новосибирске. Там всё же тоже была довольно сильная группа молодых людей, которые, правда, специализировались в археологии самой Сибири. Но они попутно занимались и археологией Китая, бывали в Китае. Но сейчас тоже часть оттуда ушла, часть больше Китаем не занимается... Так что, там тоже ситуация плохая. Но я подчёркиваю, это не потому, что люди стали хуже или выжили из ума, а просто общая обстановка такова, что люди не идут в науку. Когда ещё был Советский Союз, то к нам в аспирантуру всегда было вдвое-втрое больше желающих поступить, чем было мест. Сейчас берут практически всех, потому что почти никто не хочет поступать. Люди не рвутся, потому что молодой человек не пойдёт на нашу зарплату, если он может пойти в какую-нибудь организацию рядом и получать гораздо больше. Сейчас это немножко изменилось, но не принципиально. У нас тяжёлый труд, а зарплата – абсолютно не по труду. Мои коллеги на Западе зарабатывают всё-таки по их труду, вполне прилично. Кроме того, у нас ещё и многие другие вопросы не решаются как там. У них нет никаких проблем с поездками, почти всегда можно получить от университета соответствующие деньги на командировку, без всяких усилий, и ничего не надо доказывать. Гораздо проще там с покупкой книг, с подпиской на журналы. Я, например, на китайские журналы подписаться не могу. А во Франции для китаеведа – это очень просто, можно просто пойти на почту и подписаться. То есть, хуже не только финансовая сторона, но и условия работы. Вот раньше при Президиуме Академии наук существовал специальный отдел, где доктора наук и академики раз в год могли на пятьдесят тогдашних рублей (тогда это было примерно 70–80 долларов), потом это повысили до ста рублей, заказать за рубежом нужные книжки или журналы. Это не была подписка, просто каждый год можно было заказать те или иные номера. Притом, поскольку тогда китайские материалы были довольно дешёвыми,

³⁴ Энциклопедия «Духовная культура Китая» под общей редакцией М.Л. Титаренко, в 6 тематических томах, вышла в 2006–2010 гг. Самое объёмное синологическое энциклопедическое издание на русском языке. Общий объём материала – 620 п.л. В 2011 г. М.Л. Титаренко и его партнёры по редколлегии А.И. Кобзев и А.Е. Лукьянов награждены за подготовку энциклопедии Государственной премией РФ.

то даже на эту небольшую сумму китаевед мог заказать очень много, это было большое подспорье. Хотя, конечно, если человек хотел купить какую-нибудь хорошую книгу на Западе, то ему как раз хватало на одну, может быть, на две. Но и это неплохо. Потом, когда рухнул Советский Союз, это тоже рухнуло. И сейчас никто не думает о том, чтобы эту традицию восстановить. Хотя сейчас это было бы очень хорошо, потому что страна окрепла и в стране и у людей кое-какие деньги есть. Государство могло бы чуть раскошелиться, чтобы создать организационную структуру, которая бы этим занималась. Раньше этот отдел получал каталоги буквально со всего мира, этим занимались специальные сотрудники. И очень легко можно было заказать то, что интересно. А сейчас я не могу ничего заказать, потому что я не знаю, что выходит. Конечно, кое-что можно заказать по Интернету, но в абсолютно частном порядке. Это большие суммы, да и, всё равно, доставка в Россию не очень хорошо работает. Я боюсь, что эти наблюдения касаются не только китаеведения, и даже не только ориенталистики. Думаю, сейчас и вообще гуманитарные науки в целом живут за счёт вот таких стариков, которые уже настолько привыкли, что продолжают работать за свою скромную зарплату и никуда не бегут.

СД: Вы работали в советском китаеведении более двадцати лет. Был ли там какой-то вектор развития или была более-менее ровная научная жизнь?

СК: При мне было довольно ровное существование, потому что перед этим был большой всплеск. Эти «поцелуйные» отношения между Советским Союзом и Китаем с 1949 по 1960 годы дали просто «атомный взрыв» в области китаеведения. Если ты посмотришь: классическая литература вся переведена тогда, книжки по древней и средневековой истории выходили, переводы выходили, выходил даже отдельный журнал³⁵. Правда, потом его закрыли, но это были уже политические игры. Закрытие Института китаеведения, которое тоже произошло по политическим причинам, было ошибкой. Оно было обусловлено влиянием китайцев, я точно это знаю. Китайцы поставили вопрос так: зачем вам этот институт? Если вам что-нибудь будет нужно, то мы для вас сделаем. А поскольку отношения были хорошими, то решили прислушаться к китайским товарищам. Это была глупость. Тогдашняя система вообще отличалась всеобщей глупостью, потому что иначе эти люди не умели мыслить. Это просто удивительно для меня, тем более что марксизм вообще всегда подчёркивает, что необходимо смотреть на вещи в развитии, вопрос не только в том, что происходит сейчас, надо уметь из современной ситуации спроецировать её развитие в будущее и понять, что может произойти через пять-десять лет. Причём необязательно назначать какие-то конкретные планы, как Ленин, который хотел сделать революцию, речь не об этом. Но, всё-таки, надо понимать, что может произойти через некоторое время и что в связи с этим нужно делать. Совершенно очевидно, что для Советского Союза Китай – враждебный ли, дружеский ли, я бы даже сказал враждебный

³⁵ Журнал «Советское китаеведение» выходил в 1958–1959 гг.

больше, чем дружеский – это объект заботы в любом случае. Потому что это огромная страна, это страна перенаселенная, с огромным и быстро растущим населением – в Китае едва ли не каждые два-три года прибывает больше народа, чем в России вообще есть. Нужно с этим считаться, нужно иметь представление, что там происходит и что может произойти через пять лет, через десять лет. Не надо впадать в истерику по поводу «жёлтой опасности», но надо и понимать, что они просачиваются в Сибирь, где невозможно так закрыть границу, чтобы никто не мог через неё проникнуть. Это даже в Советском Союзе было почти невозможно, а в России тем паче. Значит, этим нужно заниматься и Институт китаеведения был бы очень кстати. Но его ликвидировали по глупости. К сожалению, люди не соображают, что это очень существенно. Так получилось, что на протяжении моего пребывания в Москве я сталкивался с разными людьми, многие из которых работали в МИДе, и они через некоторое время сами признавались, что часто их действия (не обязательно в Китае: в Африке, в арабских странах) были недостаточно продуманны. В частности, и потому, что они не учитывали всего того, что они могли бы получить от Института востоковедения, если бы они этому институту дали возможность (на существование). Вот, одно время, особенно когда пришел *Примаков*, поскольку он стремился к политической карьере, которую он, как известно, блестяще и сделал, став премьером и ещё много кем, он постоянно заставлял наших сотрудников писать справки для ЦК. Но никогда ни одна из этих записок никакого воздействия, на самом деле, не имела. Я подозреваю, что так происходило потому, что эти люди там считали: «Что там пишут эти китаисты? Я же начальник отдела, сижу тут. Конечно, я лучше их знаю, что надо». Да и вообще они были, думаю, не очень способны всё это прочесть и осознать. Когда я работал в Варшаве, то наш институт очень много контактировал с польским МИДом. Там всё это было устроено совсем иначе. Наш институт (ИВ РАН) мог бы дать многое, если бы они просили нас писать. Только писать не то, что они хотят от нас услышать, а то, что мы считаем нужным, как мы это видим. А то, когда СССР с Китаем поссорились, нас всех тогда заставляли писать отрицательно о Китае – это же глупость! Было же с самого начала ясно, что эта «культурная революция» продлится, ну, пять, ну, десять, ну, пятнадцать лет. Но потом эта волна схлынет, не может не схлынуть! Страна не может жить в условиях казарменного социализма на протяжении веков! История Китая показывает то же самое: до чего был мощный человек Цинь Шихуан-ди, но умер – и всё! Было же ясно, что Мао Цзэ-дун тоже умрёт! Было ясно, что после его смерти ситуация не может не измениться. Даже в Корее, где, в отличие от других стран, Ким Ир Сен постарался сделать всё, чтобы сохранить ситуацию, передал власть сыну – и то там многое изменилось! Нынешняя Корея, конечно, всё равно паршивая, там сталинский социализм. Но, всё-таки, это уже совсем не та Корея, которая была при Ким Ир Сене. Потому что когда исчезает такая мощная личность, то всегда меняется ситуация в стране. Нельзя жить моментом.

Было же понятно, что те, наверху, которые ссорятся, – они не вечны. Было ясно, что и Мао умрёт, и Брежнев умрёт. Ну, или Хрущёв. Правда, никто, конечно, не ожидал, что он так уж быстро состарится и вдруг уйдёт на пенсию. Но было ясно, что рано или поздно это произойдет и ситуация обязательно изменится. Но никого это не волновало, что сейчас – то сейчас, а потом – хоть потоп.

СД: Реформы после смерти Мао как-то отразились на нашем китаеведении?

СК: Да, довольно быстро отразились. У меня как раз должна была выйти книжка, и в ней было предисловие, где были отмечены всякие отрицательные моменты. Я это делал не потому, что мне кто-то это приказал или я хотел выслушаться. Просто я относился к этому критически, потому что к этому нужно было относиться критически. То, что отрицательно – то отрицательно, об этом можно и надо говорить. И даже когда говоришь о текущем моменте, нужно писать о нём с определенной отстранённостью. А мы всегда – как головой в омут. Поэтому, как только там всё произошло и стало понятно, что Дэн Сяо-пин вернётся к власти, то сразу стали притормаживать антикитайское направление и был дан сигнал, что надо быть помягче. Нас это коснулось в минимальной степени, всё-таки мы пропагандой почти не занимались. То, что я тогда писал, я и сейчас повторить могу. Я это писал не потому, что это кому-то нравилось, а потому, что это объективно так было. Вообще, даже когда началась эта кампания, что нужно охаивать всё китайское, наш отдел в этом не участвовал, благодаря *Льву Петровичу Делюсину*. Он единственный и в нашем институте, и вообще, кто не позволил себя согнуть, кто не допустил, чтобы наш отдел ринулся догонять Институт Дальнего Востока, который в этой кампании участвовал всеми силами, потому что они считали, что это их прямая обязанность. Поэтому нашего отдела эти изменения коснулись в меньшей степени. Но даже у нас стало сразу понятно, что можно писать спокойнее и объективнее. Впрочем, конкретная ситуация зависела от каждого конкретного человека. Например, всегда были люди, которые особенно любили цитировать классиков марксизма-ленинизма, всегда стоявших первыми в списке литературы. И они всегда старались вставить цитатку, даже если это было не очень нужно. Сталина, правда, вставлять перестали после его развенчания, но как же не вставить Ленина, Маркса? Я за всю жизнь только один раз процитировал Энгельса, и то только потому, что это было к месту. Энгельс писал про немецкую марку, и то, что он там написал, было по делу и вполне мне подходило. Вообще, это ведь были образованные люди. Я не разделяю их политических взглядов, но охаивать их как мыслителей не надо. Для своего времени они были, без сомнения, крупными учёными. А то, что они выдвигали те или иные политические теории – что ж, хочешь – верь, хочешь – не верь. Так вот, я тогда эту цитату вставил, потому что она была к месту. А многие вставляли большие цитаты, просто когда им нечего было написать, и всё было прекрасно.

СД: То есть всё-таки основной взлёт советского китаеведения пришелся на 1949–1960 гг., а потом интерес к Китаю снизился?

СК: Нет, не то чтобы интерес снизился. Просто в этот первый период было так много сделано, что потом уже просто невозможно было продолжать на том же уровне. Посуди сам – «Сон в Красном тереме» (*Хун-лоу мэн* 紅樓夢) был уже переведён, «Речные заводы» (Шуй-ху чжуань 水滸傳), «Путешествие на Запад» (Си-ю цзи 西遊記) – переведены³⁶. Что тут ещё можно сделать? Конечно, китайская литература очень большая, можно найти (и другие книги для перевода). Но, всё-таки, это будет несравнимо по важности. Нужно помнить к тому же, что абсолютно не каждое произведение может быть переведено на русский язык и быть интересным для читателя. Это своеобразная литература: не всем она нравится, не все её могут осилить. Конечно, после такого взрыва, после того как на рынок выплеснулось такое количество китаеведческой литературы, нужен был своего рода спад, нужно было отдохнуть. Но это был спад объективного характера, в отличие от того спада, который мы видим сейчас, который вызван внешними факторами, развалом страны и так далее. Тот спад должен был произойти, потому что уже столь много было сделано, что уже нельзя было и дальше делать столь же много.

СД: Ваш взгляд на зарубежное китаеведение и китаеведов?

СК: Из зарубежного китаеведения я бы поставил очень высоко четыре страны. Прежде всего, это, конечно, Соединённые Штаты. Это понятно, поскольку это страна, которая ведёт огромную международную политику. Ей до всего есть дело и до всех есть дело. Китай тоже играет в ней колоссальную роль. При этом у них в то время, когда у нас был расцвет, как раз было затухание – у них не было дипломатических отношений, американцы в Китай не ездили, китайская литература в Америку почти не поступала, поэтому им было, конечно, трудно работать. Но потом ситуация поменялась, и когда для нас Китай стал труднодоступен, то для них как раз всё стало проще. И конечно, они этим воспользовались, они делали и делают очень многое. К тому же, как я мог наблюдать, у них система образования устроена так, что они гораздо лучше овладевают более широким кругом материала. Я встречался с довольно широким кругом молодых американцев, и они все в той или иной степени знали японский язык. При этом, конечно, они довольно хорошо говорили по-китайски и понимали китайцев. Но японским они тоже могли пользоваться, по крайней мере, на уровне чтения. В отличие от нас: у нас, как правило, даже если в списке литературы есть японские книги, то обычно это не значит, что человек это прочитал – просто эти названия взяты из каталога библиотеки. Там почти везде есть английское резюме – с ним и работают. Американцы в этом плане подготовлены лучше. Это вообще касается Запада, но в особенности американцев, они на это обращают особенное внимание.

³⁶ Роман «Сон в красном тереме» переведён В.А. Панасюком (1924–1990), издан в 1958. «Речные заводы» и «Путешествие на Запад» – А.П. Рогачёвым (1900–1981). «Речные заводы» – при участии В.С. Колоколова (1896–1979). Перевод «Речных заводов» вышел в 1955 г., «Путешествия на Запад» – в 1959 г.

Потом, конечно, Англия, Франция и Германия. Там, во-первых, очень старые научные традиции, и это очень важно. И во-вторых, там везде есть большая китайская диаспора. Как-то мне один из моих французских друзей сказал: «Понимаешь, мы сейчас все тут сидим и трясёмся от страха. Вот, смотри: у нас столько-то китайцев проживает во Франции. По меньшей мере, две тысячи из них имеют высшее образование. Представляешь, если они захотят пойти в китаеведение, то нам уже делать будет нечего!». И сейчас это уже активно происходит, потому что они, живя во Франции, уже хорошо знают французский язык, они могут писать и говорить. А так как они знают китайский язык, современный и, часто, классический – тут с ними трудно тягаться. Поэтому это, конечно, даёт хороший и большой результат. Я сталкивался с тем, что, даже если эти китайцы сами не пишут, у них есть возможность давать консультации.

Вот, у нас в отделе в своё время было два китайца – *Крымов* и *Ду И-син*. Крымов сам работал, он защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую, и он никаких консультаций не давал. Кроме того, он занимался только современностью. И тут и там был в партии, работал в Коминтерне. Занимался современной политикой, идеологией, партийной жизнью. Ду И-син, в отличие от него, помогал нашим коллегам освоить классические тексты, давал консультации. Но кем был Ду И-син? Это был простой крестьянин из Шаньдуна, который ездил на Дальний Восток на заработки, и в очередной раз не смог вернуться, потому что закрыли границу. Семья у него осталась там, а ему пришлось остаться тут. Он, конечно, был грамотным, но на уровне обычного человека, а не специалиста. Потом, конечно, о нём « позаботилась » советская власть, он довольно долго « находился на полном гособеспечении ». А потом, когда великий вождь советского народа ушёл в небытие, его освободили, реабилитировали и он приехал в Москву, где стал работать в нашем отделе и консультировать. Надо ему отдать должное, через несколько лет он поднаторел. Он отнёсся к этому очень серьёзно, стал читать древние и средневековые тексты, которые он должен был помогать понять. Но, всё равно, это не был подготовленный специалист, как те, которые живут во Франции или Германии. У тех очень хорошая китайская подготовка, они в Китае кончают хотя бы среднюю школу, а кто и университет. Потом кое-кто ещё кончает университет на Западе. То есть, у них есть специальная подготовка на том высоком уровне, который возможен в современной науке.

Я очень любил и уважал Ду И-сина. Я любил с ним разговаривать, но с ним было трудно, потому что он не имел подготовки. К тому же он был шаньдунец, поэтому его китайский нелегко было понять. Но поскольку мой профессор тоже был шаньдунец, то я немножко привык и мог с ним говорить. Чжан Чжэн-лан, конечно, говорил на *путунхуа*, но с шаньдунским произношением, часто с шаньдунскими словами. Я сначала этого не понимал, а потом узнал, что он из Шаньдуна, и всё встало на свои места. Поэтому понять Ду И-сина было тяжело, и те, кто пользовался его услугами, разговаривали с ним, как правило, только по-русски,

что, с моей точки зрения, было плохо, потому что они не упражнялись в китайском языке. Правда, часто они и не могли упражняться, потому что не знали китайского языка. А он, в свою очередь, по-русски говорил очень плохо. Кстати, Крымов тоже, хотя он и был доктором наук. Понять часто было почти невозможно. И конечно, когда люди так говорят, то они и помочь могут очень ограниченно. Но вот он скончался, и сейчас и вовсе никого в отделе нет, кто бы мог давать такие консультации. А там (на Западе) такой проблемы нет. Там, наоборот, слишком много желающих работать в университетах и институтах. Поэтому, конечно, мы в более трудной ситуации.

Несколько особое место, с моей точки зрения, занимает японское китаеведение. В целом, конечно, это хорошее китаеведение, они многое делают и это понятно, потому что их культура выросла на базе китайской культуры. Китай рядом, и он для них намного важнее, чем любая другая страна, может быть, кроме Америки. Но Китай всё-таки даже важнее, потому что они его боятся. Китай стал мировой ядерной державой, стал намного сильнее, а что они могут им противопоставить? Сколько бы у Китая ни было боеголовок, на Японию хватит. Поэтому, конечно, китаеведение там сильное. Но они часто идут по пути наименьшего сопротивления: они просто оставляют китайский текст, а катаканой добавляют грамматические связи. За этим иногда что-то следует, а иногда и ничего не следует. Бывает, когда читаешь (особенно это касается, конечно, классических книг), то становится непонятно: сам-то автор понимал, о чём идет разговор?

Так бывает и с китайскими учёными. Мы-то все не можем спрятать своё непонимание! Мы можем соврать, но это будет сразу понятно, а так-то, если подходить честно, то мы должны всегда сначала сами докопаться до сути или признаться, что мы не понимаем. Я так и делаю: если я что-нибудь не понимаю, то я всегда пишу, что данный вопрос неясен или есть несколько возможных интерпретаций. Они этого не делают почти никогда, и это слабое место в их китаеведении. По крайней мере, так было несколько лет назад. Может быть, сейчас многое изменилось, я уже довольно давно никуда не выезжал и с японскими учёными не встречался. Но я знаю, что у них бывают специалисты несколько сомнительного уровня. В любом случае, конечно, жаль, что у нас такая подготовка, что люди, которые приходят в китаеведение, не знают японского. Было бы лучше, если бы они его знали. Тут есть два существенных момента: во-первых, подготовка в университетах, где, по видимому, с этим есть свои трудности и организационного, и финансового характера, и, во-вторых, вопрос оплаты. Ведь чем больше человек тратит сил и времени на подготовку, тем больше он потом хочет получать за свой труд. А у нас, увы, достойных зарплат не предлагают. Сейчас лучше, чем было. Но, всё равно, совершенно не соответствует тем усилиям, которые человек должен приложить для того, чтобы достичь необходимой квалификации. А если к этому ещё добавить японский язык?

СД: Что вы можете сказать про китайское и тайваньское китаеведение?

СК: К сожалению, несмотря на то, что на Тайване их технические возможности были лучше, чем на континенте (сейчас это очень выравнивается, Китай обращает на это внимание; к тому же большую роль сыграло присоединение Гонконга), тайваньское китаеведение не может сравниться с континентальным по очень простой причине – они не могут иметь столько институтов, столько людей, такую огромную издательскую базу как в КНР. Всё-таки, на Тайване проживает 22 миллиона человек³⁷, а на континенте – 1 млрд. 350 млн. Поэтому у них больше университетов. В каждой провинции есть свой провинциальный музей – крупное выставочное и научное учреждение. Кроме этого, если раньше были только археологические группы при этих музеях, то теперь почти во всех провинциях есть отдельные институты археологии или археологии и памятников материальной культуры. Во многих провинциях есть и институты истории. Издаётся огромное количество журналов, не говоря уж об издательстве книг. На Тайване есть Институт истории, языка и археологии³⁸. Он насчитывает несколько десятков человек, и это практически всё. Ещё, конечно, есть Национальный музей *Гугун*, но они раньше там особой исследовательской работы не вели. Может быть, сейчас что-то изменилось, потому что там сейчас стал директором бывший директор этого института³⁹. Может быть, он что-то стал делать. Ещё есть университет в Тайбэе и других городах, там есть исторические факультеты, есть истфаки педвузов, но всё, вместе взятое, я думаю, в лучшем случае, может равняться с Нанкином, может быть – с Шанхаем, но очень вряд ли – с Пекином.

СД: Но ведь, казалось бы, они могли бы, используя достижения материковых учёных, сохранив утраченные там научные традиции и не будучи задавлены идеологически, выдавать какую-то качественно более совершенную продукцию?

СК: Понимаешь, теоретически это так. Но, всё-таки, количество людей, которые занимаются той или иной проблемой, играет очень большую роль. Большое количество людей означает, что среди них может быть больше особенно талант-

³⁷ По данным на 6 мая 2018 г., население Тайваня составляло 23 млн. 595 тыс. чел.

³⁸ Институт истории и языка Академии Синика (*Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо* 中央研究院歷史語言研究所). Первый институт в составе Академии в 1928 г. В годы войны с Японией (1937–1945) был единственным НИИ, который сохранил кадровую и материальную базу и продолжал работу. В 1954 г. институт возобновил работу на Тайване – с материка удалось эвакуировать большую часть библиотеки и археологических коллекций, а также около половины сотрудников. Состоит из 4 отделов: истории, археологии, антропологии и филологии (основан в 1958 г. как центр изучения надписей на гадательных костях, получил нынешнее название в 1990 г.). Отдел лингвистики выделен в 2004 г. в отдельный институт. Институт имеет свою библиотеку и музей, является одним из ведущих мировых центров изучения истории и археологии Китая. См. <http://www.ihp.sinica.edu.tw/english/introduction.html>

³⁹ Имеется в виду Ду Чжэн-шэн (杜正勝, Tu Cheng-sheng, 1944 г.р.), который был директором Института истории и языка Академии Синика в 1995–2000 гг. и занимал пост директора Национального музея Гугун (2000–2004).

ливых и знающих людей. Достигается некий кумулятивный эффект: те, кто позади, ориентируются на тех, кто впереди, стараются им соответствовать. И третий момент: если иметь в виду историю в целом и древнюю в частности, то там очень существенную роль играют достижения археологии. Чем больше делается археологических открытий, тем больше всплывает нового материала. В Китае, как известно, довольно много всплыло древних текстов. Появляются новые сведения о материальной культуре, сведения о жизни людей, сельском хозяйстве, торговле. Никаких таких находок на Тайване быть не может. Там ведутся работы, но это всё касается в основном палеолита и неолита. Размах работ, конечно, не может сравниться с работами, которые ведутся на материке. Я вообще считаю, что ни одна страна не делает так много в археологии как Китай. Китайская Республика на Тайване не может себе этого позволить. Да и там, в общем, почти нечего копать по истории собственно Китая. Контакты Тайваня с материком не были столь велики, чтобы, например, ханьский или танский период оставил в истории Тайваня сколь бы то ни было глубокий след. Никаких революционных находок там сделано быть не может. К тому же многие тайваньские учёные очень тесно связаны с американскими университетами, часто они их выпускники, читают там лекции, там лучше заработки, работать там престижно. Они стараются, если есть возможность, попасть туда или, скажем, в Австралию. Это очень распространено среди историков и лингвистов, в меньшей степени – среди археологов, хотя они тоже часто работают как раз в Австралии или в австралийских экспедициях на островах Тихого океана. Но всё это очень их отвлекает от работы на Тайване.

Вообще, *Академия Синика* – это, конечно, организация, которая не может сравниться с Академией наук Китая или с Академией общественных наук КНР. Эти институты прекрасно снабжены. Они всегда располагают всем самым современным, самой лучшей аппаратурой, самой свежей литературой, такое есть мало где в мире. Но все они – небольшие организации, по несколько десятков человек. Может быть, иногда доходит до ста сотрудников. Но всё-таки такого, как наш Институт, который даже сейчас, когда от него остались «рожки да ножки», всё равно насчитывает 400–500 человек, я там не видел. Может быть, вся Академия Синика насчитывает столько людей и это, конечно, ограничивает их возможности. Да и, как мне кажется, работают тайваньские учёные гораздо меньше, чем их коллеги на материке. Когда я там был, то вечером почти никого нельзя было застать в институте.

КЫЧАНОВ ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ

INTERVIEW WITH EVGENY I. KYCHANOV

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies Oral History

The project is supported by RHSF Grant № 12–21–10000 «Signology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)

Кычанов Евгений Иванович (ЕК)

Тангутовед, китаевед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института восточных рукописей (ИВР) РАН

Место интервью: г. Санкт-Петербург

Дата: 29 июня 2012 г.

Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ), М.Е. Кузнецова-Фетисова (МК)

Примечания: Головачёв В.Ц., Кузнецова-Фетисова М.Е.

Продолжительность: 4 часа

Eugeny I. Kychanov

An expert on the Tanguts, sinologist, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) – History, Chief Research Fellow at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Place: Saint-Petersburg

Date: June 29, 2012

Hosted by: Valentin Ts. Golovachev, Marina Kuznetsova-Fetisova

Footnotes: Valentin Ts. Golovachev, Marina E. Kuznetsova-Fetisova

Duration: 4 hours

Кычанов Евгений Иванович (22.06.1932 – 24.05.2013). Родился в г. Сарапул. Китаевед-историк, доктор исторических наук (1970), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН. Профессор ЛГУ-

СПбГУ (1986). Области специализации: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации, национальные меньшинства КНР. Окончил Восточный факультет ЛГУ (1955) по специальности «История Китая». С 1955 г. – научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (ныне – Институт восточных рукописей РАН). В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию «Государство Си Ся (982–1227 гг.)». В 1970 г. защитил в качестве докторской диссертации монографию «Очерк истории тангутского государства». В 1996–2003 гг. – директор СПбФ ИВ РАН. Почётный член венгерского Общества востоковедов им. Чома де Кёрёши, почётный профессор университета Нинся и университета Ланьчжоу, почётный член Центра по изучению Си Ся при Академии общественных наук КНР.

ВГ: Здравствуйте, уважаемый Евгений Иванович. Позвольте начать это интервью с просьбы коротко представить себя!

ЕК: Я, Кычанов Евгений Иванович, родился в городе Сарапуле Кировского края 22 июня 1932 года. С 1939 года этот город относится к Удмуртии. Я родился в семье служащих: отец был инженер-землеустроитель, мать – дошкольный работник. До восемнадцати лет я жил в г. Сарапуле. На данный момент я главный научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей. Моя основная специальность – история Китая.

ВГ: На сайтах, где даётся ваша краткая биография, пишут «тангутовед, китаевед». А как вы сами считаете – в каком порядке следует перечислять эти специальности?

ЕК: Я считаю, что, конечно, первая моя профессия – китаевед. И уже потом – тангутовед, изучение *тангутов* – это моя вторая специальность.

ВГ: Вы родились в г. Сарапуле, где люди наверняка имели малое представление о Китае, и родители ваши тоже не имели отношения к китаеведению. Как получилось, что молодой сарапульский парень заинтересовался Китаем?

ЕК: Ну, во-первых, я вам скажу – не совсем правильно считать, что о Китае в то время никто ничего не знал и не слышал. Город Сарапул стоит на реке Каме и через неё проложен большой железнодорожный мост, который соединяет линию Казань-Свердловск. Сарапульский мост строили во время Первой мировой войны, и на стройке работало очень много китайских рабочих. Это мне рассказывала моя мама, которая всё это хорошо помнила. Поэтому я бы не сказал, что в тех местах ничего не знали о Китае.

Что я слышал о Китае? Я вам скажу так – я читал. В доме пионеров была хорошая городская библиотека, и я помню, какое на меня произвело впечатление то, что *Перл Бак* написала о китайцах. Потом я читал переводы *В.М. Алексеева* о лисах в издании Академии. И ещё у нас была учительница географии, которая очень жалостливо относилась к китайцам, говорила, что они «такие бедные, что даже к лошадям и мулам подвешивают мешки, чтобы собирать навоз для удобрений». Поэтому, уже будучи подростком, я немало знал о Китае. А в старших классах у нас был завуч, который воевал на Дальнем Востоке, был в Китае и в Ко-

рее. И он рассказывал много любопытного об этих странах. Например, о складах *Квантунской армии*, которые после 1945 года передавали без всяких документов: китайский часовой становился на место нашего, и всё становилось китайским.

ВГ: С минимумом формальностей.

ЕК: Таким образом интерес к Китаю у меня присутствовал, не говоря уже о том, что была китайская революция, была гражданская война, 1949 год и всё прочее...

В 1950 году я окончил школу с серебряной медалью. Но из центра, из Ижевска, медали не дали, и я оказался перед несколько запоздавшим выбором, как быть? Сначала я собирался поступать в Москве в Институт прикладной химии, потому что единственной из негуманитарных наук, с которой у меня было более-менее хорошо, была химия. Но у меня были товарищи, которые меня стоворили поехать в Ленинград. Я колебался – поступить ли мне на истфак, на филологический факультет или на восточный факультет? Но все мои колебания были решены простым и практическим образом. Мне помог нынешний доцент кафедры истории стран Дальнего Востока *Новиков Борис Михайлович*. Как раз в то время был большой набор 1950 года и он уговорил меня поступить на Восточный факультет, на историю Китая, сказав, что это курс истфака, но специализация по Китаю. И веским аргументом было то, что всем востоковедам давали общежитие. Для меня это было очень существенно, поэтому я поступил на Восточный факультет, сдал экзамены. То есть, вы понимаете, что никакой особой тяги к Китаю у меня тогда не было.

ВГ: То есть выбор был довольно случайным?

ЕК: В какой-то мере я стал китаеведом случайно.

МК: Каким вы представляли себе Китай в то время? Имелась ли уже некая цельная картина?

ЕК: Мои родители помнили китайцев-рабочих и китайцев-торговцев. Вот эти «ходя», как это ни странно, в Сарапуле были. Что касается моих общих впечатлений о Китае, то они были связаны, во-первых, с гражданской войной и революционным подъёмом. А во-вторых, если честно, мне казалось, что Китай – достаточно бедная страна и что китайцев надо было жалеть.

ВГ: Когда вы поступили в университет и занялись изучением китайского языка – было ли это для вас культурным шоком?

ЕК: Для меня это никаким шоком не было. Но должен задним числом сказать, что то решение партии и правительства, которое тогда осуществляли в отношении нашего образования, не было выполнено. Почему? Потому что наш набор 1950 года был очень большим. *Б.Л. Рифтин* писал мне, что там было 100 человек. Может быть, было и больше принято. Было 5 филологических групп и 1 историческая группа. Но при этом некому было преподавать. Многие выпускники 1950 года – *Серебряков, Итс, Малиновская, Яхонтов* и другие, – они все, бывшие студенты, стали преподавать.

ВГ: Старое поколение либо пропало на фронтах войны, либо подверглось репрессиям.

ЕК: Старых не было. Академик *Алексеев* умер в самом начале 1951 года. Я его только видел, помню, но он нам не преподавал. Он читал только филологам курс введения в китаеведение, который после него стал читать Яхонтов. У нас основными преподавателями были Малиновская и Кудрин¹. Это были хорошие люди, которые очень любили свою работу, особенно Малиновская. Неплохо читали китайские тексты, но надо прямо сказать, что никакого разговорного языка не было. Был здесь один китаец по фамилии *Ниткин*, по-моему, его настоящее имя было Ни Дэ-гэнь, который нам дал несколько уроков. Он писал тексты, и их нам нужно было учить наизусть. Все к этому относились очень критически, хотя я сейчас считаю, что он был глубоко прав. Помню, начиналось: 你的哥哥在这吗? 你干什么? 我帮助建设新中华. Эти фразы врезались в память навсегда, и если бы этот Ниткин не умотал обратно в Китай, если бы он нам хотя бы 3–4 года преподавал и мы бы его тексты учили наизусть, то я совершенно уверен, что наши выпускники хоть немного говорили бы по-китайски. Но, надо прямо сказать, когда мы окончили обучение, по-китайски в нашей группе никто не говорил, и в филологических группах тоже. Единственным исключением был Рифтин, потому что он после первого курса ездил к дунганам и был очень целенаправленный человек. Я не знаю, правда, насколько он владел разговорным языком сразу после окончания обучения.

У нас ещё были военные занятия, которые проходили раз в неделю, там был *Зыков*, военный переводчик; и мы тоже в основном там читали сводки с фронтов гражданской войны. И когда мы сдавали военный экзамен – это тоже, в общем, была профанация, потому что *Спешнев*, который владел языком, сидел и изображал из себя военнопленного, которого мы должны были «допрашивать». 飞机场在哪儿? Так что я считался военным переводчиком, но это была «липа». Так что самым узким местом было то, что не было преподавателей. Потом они появились.

ВГ: А какими словарями вы пользовались?

ЕК: Словарём *Колоколова* пользовались. Было ещё полгода, когда с нами китайским языком занимался *Георгий Феофанович Смыкалов*, старый, дореволюционный китаевед. С ним мы читали «Историю Китая» Фань Вэнь-ланя². Я не знаю, насколько он говорил по-китайски, но он любил рассказывать случаи, как он ехал в Китай, когда ещё не было железной дороги, вёз с собой самовар и очень был поражён, когда в Пекине увидел в магазине, что российских самоваров там полно.

ВГ: А Николай Алексеевич Спешнев, помимо «военнопленного», в каком статусе присутствовал во время вашей учёбы?

ЕК: Он был студентом, он с нами не занимался. По возрасту был на год старше меня, учился на год или на два младше. Хорошо владел языком, так как был родом из Пекина, окончил китайскую школу. Бывали и курьёзные истории. Например, идёт научная конференция, Спешнев рассказывает о Китае, а его заподозрили в том, что он представляет китайцев несколько не в том (слишком негативном)

¹ Кудрин В.И. – советский китаевед. Более точные данные не обнаружены.

² *Фань Вэнь-Лань*. Древняя история Китая. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 349 с.

свете. Был небольшой скандальчик. Это были 1950-е годы, там оказался солдат Народной Освободительной Армии Китая – так его в актовом зале университета внесли на руках! Ну, и другой был небольшой скандальчик, связанный уже с китайцем Ниткиным, на пару с Яхонтовым. Яхонтов делал доклад о китайском языке и сказал, что китаец Пекина не понимает китайца Кантона. Ниткин взвился к полту: «Это всё ложь! Существует единый китайский язык! Давайте я напишу иероглифы – все китайцы это понимают!» и прочее. Был довольно громкий скандал. Колоколов, с которым потом я имел дело, говорил: «Да хоть русский язык запиши иероглифами, его всё равно можно будет по-русски читать и всё будет понятно». А вообще, основными нашими преподавателями были *Березный* и *Ефимов*.

ВГ: Можете сказать несколько слов также и о них?

ЕК: У меня о них самые хорошие воспоминания. Геронтий Валентинович Ефимов и Березный, они, конечно, китайского языка не знали вообще, даже не читали. Они работали на кафедре колониальных и независимых стран, которая была при истфаке. И как раз в 1949 году на волне китайской революции здесь были организованы независимые кафедры Востока: кафедра истории стран Дальнего Востока, которую возглавил Ефимов, и кафедра истории стран Ближнего Востока, которую возглавил *Илья Павлович Петрушевский*. Вот основные преподаватели. Курсы лекций нам читали по довоенным записям, которые остались ещё от *Думана*. Историю Китая нам в основном читали с 1644 года, прихода маньчжуров. Здесь литературы было много. Ефимов написал первый практический очерк истории Китая³, это было в основном на европейской литературе.

Очень важным было то, что мы прослушали полный курс истфака и методологическая подготовка была очень хорошей. Моим преподавателем был в основном Березный. Он и Ефимов давали нам хорошие установки. Березный был и руководителем моих научных работ. На 4-м курсе у меня была курсовая по *Чэнь Ду-сю*, что по тем временам было необычно. Я потом уже это понял. Когда эту работу зачли мне уже, меня остановил Березный в коридоре и передал мне слова Ефимова о нашей работе, что мы допустили в ней «троцкистские высказывания». А потом у меня была дипломная работа, посвящённая крестьянскому движению в провинции Гуандун, *Пэн Бай*, крестьянские союзы и всё прочее, про период начала 1921–1925 годов.

ВГ: Какие материалы вы использовали тогда?

ЕК: Я использовал в основном китайскую книгу, изданную в 1953 году. Она называлась, кажется, «Крестьянские союзы в период первой гражданской революционной войны»⁴. То есть, я сам переводил с китайского. Было трудно, но переводить я мог. К слову, на перепечатку дипломной работы я заработал тем, что очень подробно прореферировал китайскую книгу «Ордоский человек»⁵ для из-

³ *Ефимов Г.В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 1951. 584 с.

⁴ См.: *Dì yī cì guó nèi gé mìng zhàn zhēng shí qī de nóng mǐn yùn dòng* 第一次国内革命战争时期的农民运动 – 人民出版社1953年初版

⁵ *Цзя Лань-по.* Ордоский человек. Пекин, 1951 贾兰坡.河套人.北京:龙门联合书局出版社

вестного археолога *Окладникова Алексея Павловича*. За свою дипломную работу я даже получил свою первую университетскую премию. Это был 1955 год.

ВГ: Евгений Иванович, кроме дефицита учителей, какие трудности возникали при изучении китайского языка? Какие у вас с ним были отношения?

ЕК: Вы знаете, я вам почитаю свои короткие стихи тех лет:

«День так скучен и мрачен – завыл бы, как дикий скиф.

В глазах упорно маячит мёртвый иероглиф.

Вслед глядя годам ушедшим, вскочил, издав дикий свист:

Не считайте меня сумасшедшим, я просто лишь китаист!..»

Но, с другой стороны, не скажу, что изучение языка меня угнетало. Единственным, что вызывало особые трудности, был мой плохой почерк – я до сих пор плохо пишу иероглифы, это мне мешало всегда.

ВГ: Помимо вас лично, кто из ваших однокашников стал известным китаеведом?

ЕК: Из нашей группы, если брать с Востока на Запад, это был прежде всего *Шавкунов*. Мы с ним и в общаге вместе жили, и учились в одной группе. Были *Ларичев Виталий Епифанович*, *Кузнецов Вячеслав Семенович*, который работает в Институте Дальнего Востока. Был ныне покойный *Зуев*, который работал в институте Алма-Аты, тоже остался в китаеведении. Ещё два человека ушли в практическую работу – это *Журавлёв Юрий Иванович*, сейчас генерал-лейтенант в отставке, живёт в Москве. Одно время он занимался написанием шеститомной истории внешней разведки⁶; и *Бородин Борис*⁷, который работал до последнего момента в международном отделе ЦК КПСС. Ему дважды в жизни не повезло: один раз его избили хунвэйбины в Китае, в Пекине; а второй раз избили стонронники Ельцина, которые «вышибали» их из Международного отдела. А среди однокурсников был *Рифтин Борис Львович*.

ВГ: Можно ли сказать несколько слов о Шавкунове? Не так много людей помнят этого учёного сегодня.

ЕК: Знаете, я даже печатные воспоминания написал несколько лет назад во Владивостоке. Эрик пришёл уже после службы в армии, был постарше, человек целеустремленный. Он был профдеятелем, занимался кассами взаимопомощи. Я хорошо знал его первую жену и даже на свадьбе у него в 1954 году был как бы ответственным за порядок. Он взял с меня слово, что я сам не буду пить, а буду следить, чтобы наши соседи по общежитию и гости не «перебрали» на празднике. Приехала его мама (она была повариха), сделала хороший стол. У меня с ним всегда были самые дружеские отношения. Потом он как «сел» на *Бохай* и *чжурчжэней*, так и продолжал. Они с Ларичевым – оба через Окладникова в науку по-

⁶ Очерки истории российской внешней разведки: в шести томах / ред. *В.И. Трубников, В.А. Кирпиченко, Ю.И. Журавлев*; сост. А.И. Байдаков, В.Б. Барковский, Ю.А. Волосов, Г.И. Гончаров. Т. 4. М., 2003.

⁷ Бородин Борис Александрович. Автор книги: *Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне*. М., 1964.

пали, несколько друг с другом соперничали. А Окладников большее предпочтение Ларичеву отдавал. Он устроил Шавкунова во Владивосток, а Ларичев вначале был здесь в аспирантуре, а потом уехал в Новосибирск, обосновался в Сибири.

ВГ: Вы окончили ЛГУ в 1955 году. Как решился вопрос трудоустройства?

ЕК: Когда мы завершали учёбу в университете, конечно, никакой работы не было. Наш и последующий наборы студентов были очень большими по тем временам. Но они закончились «разгоном» – многие люди перешли на филфак, истфак. Остались всего две урезанные группы – филологическая и историческая. Даже наши предшественники уже жаловались, что работы по специальности нет. Из предыдущей группы историков Китая, которая училась до нас, только один человек попал на работу во Внешторг⁸, и то потому, что во время войны был военным переводчиком с немецкого языка. Были у нас студенты, которые войну застали, воевали.

В общем, выбор у меня был небольшим: стать школьным учителем либо в Мурманской, либо в Свердловской области. И я уже решил, что поеду в Свердловскую область, потому что я сам с Прикамья, с Урала. Но накануне распределения ко мне (у нас общежитие было прямо во дворе университета) подошла секретарь кафедры, Горохова Галина Сергеевна, и спросила, не соглашусь ли я поступать в аспирантуру, в Сектор восточных рукописей. Недолго думая, я сказал: «Конечно, я соглашусь». Тогда Горохова сказала: «Ты на распределение не приходи».

Я перебрался из одного общежития в другое – в общежитие Академии наук, которое находилось на Петрозаводской, 76, где сейчас Институт истории. Единственное, что я могу себе поставить в заслугу – я стал готовиться к экзаменам в институт: почитал про тангутское государство, ходил сюда каждый день готовиться. Позже я узнал, что конкурс на место составлял 4 человека. Все претенденты были очень достойными, из филологической группы, и по части языка они были, думаю, даже лучше подкованы. Но мне помогло историческое образование. Комиссия была общей, из представителей разных специальностей. Одного моего коллегу спросили: какая религия была у монголов в эпоху Чингисхана? Он, недолго думая, сказал: ислам, и его тут же выгнали. Были ещё две дамы: одна из них очень успешно работает в Институте этнографии, другая много лет проработала в китайской школе. Я повторю, что не был лучше их, но мне повезло. Экзамен – это всегда везение. Когда мы сдавали последний экзамен – китайский язык, Колоколов поставил мне четвёрку, а Нине Кулаковой – тройку. Меня взяли. И вот тогда я уже нацелился на тангутоведение.

ВГ: Почему такой резкий переход – от проблем китайской революции к тангутоведению?

ЕК: Надо сказать, что по проблемам китайской революции я скучал. Когда я позднее прочитал книжку *Костяевой* и *Делюсина*⁹ по поводу крестьянских союзов, я и тогда ещё несколько ревниво к этой теме относился, прямо скажу. Но

⁸ Министерство внешней торговли – основной государственный орган, монопольно ведавший внешней торговлей в СССР.

⁹ *Делюсин Л.П., Костяева А.С.* Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985.

в то время не было выбора. Ведь, некоторые мои одноклассники в школу преподавать пошли!.. Мне, правда, не совсем повезло и потому, что 1953–1954 гг. были временем реабилитации жертв сталинских репрессий. Стали думать, что вернётся *Невский*. Потом и к его материалам резко возрос интерес.

ВГ: Выходит, никто даже не знал, что он умер?

ЕК: Не верили... Кто-то говорил, что его видели. А вы знаете, могу сказать между нами, что до сих пор неизвестно, где и как он умер. Хотя есть официальные справки: первая – что его расстреляли в ноябре 1937 года, а вторая – что он умер в 1945 году. А на самом деле был один человек, который с ним сидел – рабочий из города Сызрань. Когда в 1962 году Невскому дали Ленинскую премию посмертно, этот человек писал сюда письма, из которых явствует, что он видел его... после его расстрела. Ещё более солидный аргумент – был один китаевед и японовед, который учился у Невского в 1930-х гг. и работал в той группе в Хабаровске, которая готовила войну с японцами в Маньчжурии. Позднее он рассказывал, что видел там живого Невского. И ещё рассказывал историю о каком-то перебежчике из Квантунской армии, который выдавал себя за буддийского монаха. И Невский ему доказал, что он совсем не буддийский монах, потому что толком ничего не знает. Это известие оценивайте, как хотите, оно никак не подтверждено. Дочь Невского считает, что его расстреляли в 1937 году.

ВГ: Позвольте вернуться к вопросу о вашем переходе на тангутские дела?

ЕК: Ради Бога. Мне дали тему, но в годы аспирантуры я, к сожалению, не мог работать ни с архивом Невского, ни с фондами. По той причине, что встал вопрос о том, как бы кто не воспользовался его материалами. Стала предъявлять права дочь его, стали издавать словарь Невского. Поэтому в аспирантуре я использовал китайские источники о тангутском государстве и другую литературу, которая была (доступна). И только в 1960 году меня допустили к тангутскому фонду. Это было связано ещё и с тем, что в 1956 году из сектора сделали отделение, которое возглавил *Орбели*. Было принято на работу много новых людей, и в ход пошли старые счёты, ещё с 1930-х годов. В общем, здесь такая «войнушка» была! Мягко говоря, сложная была обстановка.

ВГ: Кто в те годы работал в вашем научном заведении из китаеведов?

ЕК: *Колоколов, Панкратов, Фишман, Вахтин Борис.*

ВГ: С кем из них вы общались наиболее тесно?

ЕК: Наиболее тесно я общался с Колоколовым. Потому что он сам потом заинтересовался тангутоведением. У нас была тангутская группа, и я с ним работал. Были ещё *Горбачёва, Петров Николай Александрович*. Мало кто знает, что Петров был полковником, окончил учёбу ещё до войны и состоял на дипломатической службе. В частности, был консулом на станции Маньчжурия.

ВГ: Хотелось бы спросить про тангутскую группу. Что она собой представляла? Кто в ней работал? Какие задачи у неё были?

ЕК: В те годы у нас тут была старая система кабинетов, которую потом правильно предложил сломать *Евгений Максимович Примаков*. Был *Виктор Мори-*

цевич Штейн. Кононов Андрей Николаевич, который был заведующим уже после Орбели, взял на заведование Отделом Дальнего Востока Вахтина. А Вахтин предложил разделить весь отдел на творческие группы: литературоведов, лингвистов. Так появилась и тангутская группа.

ВГ: Тут, наверное, нужно пояснить, почему тангутская?

ЕК: Потому что эта группа занималась тангутским материалом. Это всё те материалы, что *Козлов* нашёл в мёртвом городе *Хара-Хото*. Они были перевезены в Азиатский музей, а сейчас хранятся и изучаются уже многие десятилетия здесь, в нашем институте. Первыми были *Котвич* и *Иванов* (был такой профессор). Затем *Драгунов* занимался, *Флуг* занимался. И Невский тоже целых 7 лет активно работал с этим делом. Потом Зоя Ивановна Горбачёва, а потом и меня призвали к этому.

ВГ: Колоколов был вашим старшим коллегой?

ЕК: Да, Колоколов был старшим коллегой.

МК: Вы говорили, что в то время взяли на работу много людей, у которых были старые счёты ещё с 1930-х годов, что в некоторой степени парализовало продуктивную работу. Может быть, вы вспомните какие-то случаи того времени, которые повлияли на вашу судьбу или на ваши исследования?

ЕК: На мою судьбу, может быть, имело косвенное воздействие то, что старые руководители сектора, в который я поступил, – *Тихонов Дмитрий Иванович*, который ещё до войны долгие годы был учёным секретарём Института востоковедения, и Зоя Ивановна Горбачёва, – они оказались в позиции, когда на них оказывалось давление. И, в конце концов, они оба были вынуждены уйти. Она ушла на пенсию, он – на работу в Институт этнографии.

МК: Кто на них оказывал давление и в связи с чем?

ЕК: Ну, я бы не хотел называть фамилии, но суть была вот в чём. Взять, к примеру, Ольгу Лазаревну Фишман – очень активная была женщина, у неё был муж – германист, профессор филфака Левинтон Ахилл Григорьевич. Его арестовали в 1949 году, может, по Ленинградскому делу. Фишман была активным работником, партсекретарём университета, и, несмотря на это, её отставили от работы.

ВГ: Как родственницу «врага народа»?

ЕК: Ну, я не знаю... По-моему, в это время слова «враг народа» уже не было в употреблении. Она должна была преподавать китайский язык уже в приватном порядке. Расскажу один эпизод. Я однажды шёл по коридору и слышал, как они разговаривали – Горбачёва и Фишман. Они были на «ты», по именам, и Горбачёва говорит: «Ольга, ну, ты же пойми, что мы тебя всё равно не могли взять на работу...». Корень в этом был.

В те времена вернулась часть репрессированных. Одно время учёный секретарь был из тех, кто отсидел 20 лет. Надо сказать, что у Горбачёвой тоже был муж-китаец. Он когда-то писал книги по истории под фамилией *Осипов*, занимал довольно неплохие посты в компартии Китая. Ещё до войны его посадили, он

отсидел и вернулся. У них двое детей было от Горбачёвой: дочь была актрисой, сын – инженером. Муж очень звал её поехать обратно в Китай, но она в Китай не поехала, здесь осталась.

ВГ: Китайское имя того Осипова известно?

ЕК: Его китайское имя – *Чжу У-шан*¹⁰. Короче говоря, после возвращения в Китай он стал то ли зам. министра культуры, то ли зам. министра образования (я забыл), и долго занимал пост хороший. Горбачёва даже под это дело хотела поехать туда в командировку, но ничего не получилось...

Бывали, в общем, такие случаи, когда люди предъявляли претензии, что не брали на работу... Не скажу, что были прямые обвинения в том, что кто-то кого-то посадил, хотя, может, и были...

МК: Подспудно, скорее всего, было?

ЕК: Подспудно было.

МК: То есть, это всё было связано больше с политической ситуацией, нежели напрямую с научными конфронтациями?

ЕК: Нет, с наукой это абсолютно не было связано. И, конечно, Орбели очень старался. Ему уже тогда было 70 лет. Он на собраниях говорил: «Я прошу вас, не пейте чай друг с другом, держитесь в рамках», и всё прочее... Ему тоже тяжело было.

ВГ: Судя по вашим словам, в научной группе были и репатрианты, вроде Панкратова Бориса Ивановича. На каком положении они были в вашем коллективе, как к ним относились? Ценили или как-то по-другому относились к ним?

ЕК: Панкратов всегда занимал здесь высокое положение. Он был мэтр, эксперт – китайский, маньчжурский, монгольский, тибетский языки и всё прочее. Он сидел там, где сейчас реставрационная. У него была такая чёрная шапочка академическая, а в колбе кипел чай.

ВГ: То есть коллеги относились к нему хорошо?

ЕК: Относились к нему хорошо, ценили, и у него была квартира.

ВГ: А чем он занимался, какова была его ниша?

ЕК: Формально он занимался переводом «*Сокровенного сказания монголов*» (*юань чао би ши*). Он считал, что перевод Козина¹¹ не совсем точен и переводил сам. До конца этот перевод не был сделан, но часть того, что он сделал, была издана в «Странах и народах Востока». Я с ним общался, разговаривал, даже помогал хоронить его жену первую.

¹⁰ *Осипов Павел Иванович* (1901–?). Настоящее имя Чжу У-шан. Китаевед-историк. Окончил Пекинский университет (1925). Член КПК с 1921 г. С 1926 г. жил в СССР, окончил КУТК (1926–1927). Член ВКП(б) с 1926 г., исключён во время чистки 1929 г. Преподавал китайский язык в ЛВИ. Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1932). Репрессирован в 1937–1954 гг. В 1954 г. реабилитирован, в 1956 г. вернулся в Ленинград. Позднее выехал в КНР.

¹¹ *Козин Сергей Андреевич*. Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. Том 1. М.–Л., 1941(1942).

ВГ: Он вам какую-нибудь помощь оказывал в плане языков, консультации какие-то давал?

ЕК: Практически нет. Не было случая. Не хочется говорить, но когда мы ещё учились в университете, он стоял у нас в расписании, но так ни разу и не пришёл... В общем, своеобразный был человек. У него *Ким Васильев* был аспирантом, который «Планы сражающихся царств»¹² перевёл, и *Кроль Ю.Л.*, который *Сьма Цянем* занимается. Кроль – его преданный ученик, который заботится о нём, его репутации и всё прочее.

ВГ: С тех пор, как вы пришли в 1955 году на работу в *ЛО ИВ АН*, вы служите в одном и том же научном учреждении уже 57 лет!

ЕК: Даже в здании в одном!

ВГ: Как вы сами относитесь к такому постоянству?

ЕК: Я не жалуясь, нет. Я интересно прожил эту жизнь. Мне это нравилось. И даже, более того, давало определённые «дивиденды» – я успешно защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую.

ВГ: Какова была тема вашей кандидатской диссертации?

ЕК: «Государство *Си Ся*», а докторской – «Очерк истории тангутского государства». Такого описания не было тогда ещё на европейских языках, даже на китайском не было вообще.

ВГ: А кто руководил вами при написании кандидатской диссертации?

ЕК: Руководителем кандидатской была Горбачёва.

ВГ: Какой это год был?

ЕК: Защитился я весной 1961 года. Тогда ввели требование обязательной публикации и я попал под это «колесо». Хотя я был не в самом худшем положении, потому что, живя в общежитии в аспирантуре, я слышал весь этот стон, когда люди написали свои диссертации в 1956–1957 годах, а публикаций нет! И приходилось им ждать годами. У нас всё проходило ещё довольно оперативно, потому что появилось *издательство «Восточная литература»* и конгрессы много издавали. Во всяком случае, издали 2–3 сборника статей, которые позволили многим защититься.

ВГ: Хотелось бы узнать про вашу первую встречу с Китаем. Мы знаем, что вы попали в Китай не сразу, а где-то в начале 1960-х годов.

ЕК: Через 9 лет после окончания.

ВГ: Расскажите, пожалуйста. Наверно, эта встреча стала для вас сильным впечатлением?

ЕК: Я попал в Китай в составе той группы, где были *Мясников*, *Бокшанин*, *Чудодеев*, *Светлана Серова*. У нас был отличный руководитель группы – *Владик Сорокин*. Что я хочу сказать – это был 1964 год. Мы поехали в марте, а должны

¹² *Васильев К.В.* Планы Сражающихся царств: исследование и переводы / Отв. ред. *Л.Н. Меньшиков*. М., 1968.

были ехать ещё осенью 1963-го. Отношения уже были очень сложные, поэтому мы поехали на полгода позже. И занятий там тоже было – всего ничего.

ВГ: Это была стажировка?

ЕК: Стажировка по обмену.

ВГ: Годичная?

ЕК: Ну, на учебный год. Но год «кончился» в июне, и уже летом, в августе, мы вернулись обратно. Так что я был всего пять месяцев с небольшим. Три месяца у нас были занятия по языку. Но китайцы троим из нас не дали возможности заниматься по специальности: мне – по тангутоведению, Бокщанину – по странам южных морей, Мясникову – по русско-китайским отношениям. Мы просто изучали язык и отчасти могли пользоваться библиотекой.

Поначалу Китай на меня произвёл, я бы сказал, тяжёлое впечатление. Бедность в то время была ужасающая: эти нищие, которые ползали по улицам Пекина, люди – тогда уже весна была – плохо одеты. Эти синие робы, под которыми подшиты куски тёплого чего-то; невозможность что-то купить, поскольку практически не было никаких продовольственных магазинов. Хотя водка, вино были кругом сколько хочешь. Поест невозможно было: мы как были прикреплены к своим столовым, так и должны были только там питаться. Я в Пекинской библиотеке занимался и один раз даже попытался пообедать в другом месте, чтобы не возвращаться обратно (Пекинская библиотека тогда в центре города была). Зашёл в ресторан. Хозяин долго (не соглашался). В конце концов, дал мне чашку риса, но взял с меня расписку. Официальные отношения тоже были сложные. Хотя я должен сказать, что на самом деле со стороны китайского населения мы ничего недоброго по отношению к себе не чувствовали. С тем же Бокщаниным мы вместе ездили на Минские могилы.

ВГ: В *Ши сань лин*?

ЕК: Да, да. Ездили в разные пригороды на обычных автобусах, на которых китайцы ездили. Мы, конечно, могли немного говорить и всё было нормально. Но был инцидент в нашей школе, с которым у меня связаны неприятные воспоминания. Это была такая высшая подготовительная школа для иностранных студентов, которая помещалась рядом с Институтом иностранных языков в районе Сичжимэнь 西直门. В ней в основном учились иностранцы: демократы из Африки, Азии, кубинцы первые приехали и другие. Были ли американцы – не помню. Однажды было собрание и всех нас почему-то рассадили по отдельности. Директор школы делал доклад и начал самым грубым образом поносить Хрущёва. Мы все дружно встали и вышли. Никто, вроде, внимания на нас не обратил. Потом нас, меня лично (я почему-то считался старшим, Мясникова не было тогда на том собрании), привезли в посольство и *Ганишин*-старший, который географию Китая перевёл – он на меня накинулся: «Что вы там делаете? Что вы себе позволяете? На воре шапка горит...» и всё прочее. Я уж думал, меня обратно вышлют и дело

плохо. И к послу меня даже отправили, к *Червоненко*. А он говорит: «Молодцы ребята! Правильно сделали, всё хорошо!».

А вообще, нас возили каждый четверг в посольство, где не то чтобы инструктор был, читали нам лекции. И это было довольно интересно. Там был советник-посланник (*И.С. Щербаков*), родной брат московского секретаря горкома партии Щербакова, умершего рано, сразу после войны. Очень интересно нам рассказывал. Всё то, чего ни в какой газете не прочитаешь. Потом он был послом во Вьетнаме. Это, я думаю, было очень полезно.

Ещё 1-го мая мы должны были встречаться в парке *Сунь Ят-сена* с *Чжоу Энь-лаем*. Но накануне нас всех собрали в посольстве и ...заперли, чтобы никакой встречи не было. Потом наступает вечер, а нам негде спать. Мы устроили бунт. На следующий день посол распорядился, нам дали автобус и свозили в Тяньцзинь. Так что, я Чжоу Энь-лая не видел.

ВГ: А с кем-то из китайских коллег вам удалось тогда завязать рабочие отношения, просто познакомиться? Или это была некая изоляция?

ЕК: Нет. Было так. Вы *Комарову* знаете, которая занимается Тибетом?

ВГ: Как её зовут?

ЕК: Ирина Комарова, стажировалась тогда в Институте национальностей 民族大学, занималась тибетской грамматикой. И вот оттуда поступило предложение съездить на Минские могилы (*ши сань лин*). Тогда это как курорт был. Даже вход был с другой стороны. И мы поехали. К сожалению, фотографии не осталось. И вот у меня есть подозрение, что там была парочка китайских тангутоведов, которые меня посмотрели под это дело. Руководил всем этим делом некий Ли Тань 李坦. Потом я его встречал в Будапеште. Очень образованный человек, монголовед. Владел английским и тибетским языками. Потом он долгое время был заместителем объединённого центра изучения Тибета в Пекине. Ну, такое знакомство-прощупывание было. Других связей не было.

ВГ: Как вы считаете, что вам дала та первая поездка в Китай?

ЕК: Я посмотрел если и не всю страну, то хотя бы Пекин и окрестности. Одно дело – читать, а другое дело – видеть.

ВГ: Какие-то материалы там набрали?

ЕК: Да, сейчас скажу. У меня остались неплохие впечатления, потому что на общем фоне мы жили-то неплохо. Нам китайцы платили по 150 юаней в месяц, и такую же сумму нам давали втихаря в посольстве.

ВГ: Наверно, это была немалая сумма?

ЕК: Это были очень хорошие деньги! Мы были в разных институтах. Тот же Сорокин был в театральном, занимался историей театров. Большая группа была в *Бэйда* 北京大学, где был Чудодеев.

ВГ: Вы-то где были?

ЕК: А мы были в той самой высшей подготовительной школе для иностранных студентов.

МК: Где-то недалеко от *Бэйвая* 北京外国语大学?

ЕК: Да, да, там. С нами на этаже жили пакистанские офицеры, которые проходили там обучение. И один меня спрашивал: «Евгений, а вы были в Монако?» Он думал, что мы тоже военные.

ВГ: Интересно, что вы ему ответили на такой вопрос?

ЕК: Сказал, что не был. Там и из мусульманских стран люди были. Была одна очень экзотичная негритянка, мать которой была главой какого-то женского африканского движения. Потом кубинцы приехали.

ВГ: Венгры были?

ЕК: Венгров в то время не было. Немцы были, румыны. Был один такой, который хотел смотреть кино в нашем посольстве. За нами машина приходила, он ложился на пол, чтоб при выезде из нашей школы и при въезде в наше посольство его китайцы и румыны не засекали. Албанцев было много. Уже отношения с албанцами были плохие, но, надо сказать, что они к нам очень хорошо относились. У нас были с ними хорошие контакты, и они, конечно, с русским языком все были. А вот вьетнамцы и корейцы нас не видели в упор. Как будто я смотрю, что на вас, что на шкаф – никакой разницы. Один раз только какой-то кореец где-то со мной на задворках встретился и сказал: «Здравствуйте!».

ВГ: А что вам удалось раздобыть там по своей теме?

ЕК: Сложно было, но удалось. Вначале я заказывал книги через библиотеку нашей школы. И мне стыдно было, потому что я приходил, а библиотекарь всё время говорила: «找不到, 找不到». Мне полный был отказ. Была рукопись одна, которую я очень хотел посмотреть, находилась она в библиотеке Пекинского университета. В конце концов мне разрешили. Меня привезли в эту библиотеку, заперли там, в полном смысле слова. И вот сколько было времени – небольшая такая книга – я её всю просмотрел за один этот приём, который там просидел. Потом я ходил в Пекинскую библиотеку, там хоть и не всё давали, но давали. В основном это были не очень ходовые материалы по Тибету, которые запрещались.

ВГ: Ну, просмотреть... Вот я тоже смотрел, скажем, там эстампы, надписи на стенах. Но это же пролистать, и всё! Ни переписать нет времени, ничего...

ЕК: Почему? Нет, я выписки делал. А копирования никакого не было. Ну, я когда читал, записывал там переводы и всё прочее. Вот эта книжка «西夏记», конца XVIII в., она мне очень помогла потом.

ВГ: В те 1960-е годы это была ваша единственная поездка в Китай?

ЕК: Единственная. Второй раз я поехал в Китай уже в 1989 году.

ВГ: То есть, через 25 лет?

ЕК: Да. Первый раз мы поехали для того, чтобы установить контакты. Был в Шанхае такой Институт стратегических исследований, который почему-то положил на нас глаз. Нас пригласили – *Петросяна*, меня и *Меньшикова*, и мы поехали туда. И как раз в конце апреля – начале мая мы оказались в Пекине, когда

все эти волнения происходили в 1989 году. Уже митинги были на площади, толпы там ходили. Я всё это видел.

Институт стратегических исследований очень быстро понял, что мы не та организация, с которой надо иметь дело. Хотя консул в Шанхае очень удивлялся, что мы туда проникли. Говорил: «Мы 5 лет пытаемся попасть в этот институт. И вот, ни с того ни с сего, вас туда пригласили». Ну, они действительно не поняли. Говорили: давайте сотрудничать! У нас вы на Хайнань поедете, всё прочее... Потом они один раз сюда к нам приехали. И когда увидели всё наше убожество...

ВГ: У них, наверно, были какие-то завышенные представления о советских академических институтах.

ЕК: Да, да.

ВГ: А каким вы нашли Китай через 25 лет? Как вы восприняли изменения?

ЕК: Китай уже был более ухоженным. Уже жизнь стала гораздо приличнее. Дело в том, что я в 1989 году 2 раза был в Китае. После того как произошли упомянутые события на Тяньаньмэнь 天安门, уже в начале августа возникла проблема по обмену. Не хочу называть фамилии, но некоторые китаеведы боялись ехать. А у меня ещё паспорт был, все документы сохранились... Мне предложили, и я поехал. Я был в Китае в августе. Жил я половину срока (из 4 недель) в Пекине, а потом даже поехал в Иньчуань 银川, бывшую столицу тангутского государства, и в Ланьчжоу 兰州. В общем, они там мои работы знали и я сам даже был удивлён тому, что часть наших публикаций была переведена на китайский язык под грифом «для служебного пользования» 内部发行. Очень хорошо принимали нас, а потом уже меня одного повезли в Ланьчжоу и Иньчуань. В Ланьчжоу, скажем, меня поразила колоссальная гостиница, оставшаяся от наших специалистов, которые там помогали строить оборону. И вот эти полупустые коридоры. В одном из них ночевал я, в другом – китаец, который меня сопровождал, хотя он сам был из Ланьчжоу. Я ему говорю: «Иди, ночуй дома, у тебя жена и дети, никуда я не убегу!» Нет, всё равно он оставался, ночевал там вместе со мной...

ВГ: В то время, наверно, китайцы уже не шарахались от вас? Удалось ли вам наладить контакты с коллегами, и как они вас встречали?

ЕК: Нет, не шарахались, это было уже позади. Где-то в начале 1970-х годов в Уханьском университете 武汉大学, в его «Вестнике», была опубликована статья под псевдонимом. Не знаю до сих пор, кто её написал. В ней против меня были выдвинуты политические обвинения. Меня обвиняли в том, что я, во-первых, разрушаю дружбу народов Китая и, во-вторых, посягаю на целостность китайской территории. Поскольку я потом китайским правом занимался. Если бы я тогда туда попал, я бы потом сидел всю оставшуюся жизнь...

ВГ: Как они аргументировали обвинения? В чём была суть обвинения?

ЕК: Общие обвинения были. Ещё была одна статья, автора которой я уже знал. Это был Хуан Чжэнь-хуа 黄振华 с хорошим русским и английским языком, который окончил вуз в Маньчжурии сразу после войны. Он писал, что я «захватил»

место лидера в изучении тангутоведения, написал замечания по поводу «Очерков истории Китая». Но дело в том, что он не различал цитат в тексте. Там были два замечания, на которые действительно стоило обратить внимание, поскольку их делал китаец, а всё остальное было мимо цели. Потом я с ним встречался и у нас были вполне нормальные отношения.

Ну, вот тогда возник Ши Цзинь-бо 史金波, нынешний академик. И в Иньчуань были люди, которые занимались этим, разные издательства, Ли Фань-вэнь 李范文. Это сейчас первые лидеры китайского тангутоведения. Ши Цзинь-бо стал потом академиком, а Ли Фань-вэнь, он – *гобао* 国宝, «сокровище государственное». Они вполне процветают, особенно академик Ши Цзинь-бо. У него «нехилое» жильё, прямо скажем.

ВГ: В последние 20 лет часто ли вы бывали в Китае?

ЕК: Вообще, я в последние годы бывал там почти каждый год, но, к сожалению, недолго – только на конференциях. Я бывал 2 или 3 раза в Кантоне. По крайней мере, трижды был в Шанхае. В Иньчуань был, может быть, даже 5 раз, был в Ланьчжоу, в Чэнду.

ВГ: В Тибете побывали?

ЕК: Нет. Но я не видел территории тангутского государства, поскольку только буквально в последний мой визит мне на 3 дня позволили съездить в Увэй 武威, в Лянчжоу 涼州. Насчет Тибета я намекал не раз, но мне сказали: «Ну, что вы, вы уже немолодой человек, а там тяжелая атмосфера, высокогорье». И я нигде там так и не побывал.

ВГ: Известно, что у вас довольно хорошие связи с венгерскими синологами. Как они возникли?

ЕК: Я вам скажу честно: на западные связи мне повезло. Когда был конгресс востоковедов в 1960 году, тут была подготовлена выставка рукописей и была организована группа, куда входил и я, которая должна была принимать участников конгресса (я в Москву не ездил) и здесь им всё показывать. В итоге, со мной довольно детально беседовали два человека. Один из них – *Демьевильль*, был такой китаевед французский, который весьма усомнился – как это я тангутским языком занимаюсь? А вторым был сэр *Жирар Клосон*, который занимался Центральной Азией, а до этого – тангутским языком. Он создал мне, прямо скажем, рекламу. Он написал в «Asia Major» большую статью «Будущее тангутоведения»¹³, где перехвалил и подрекламирал меня весьма неплохо.

ВГ: То есть вы побеседовали и они поверили, что вы серьёзный учёный?

ЕК: Ну, да, конечно. Я с Клосоном потом был в переписке. Затем я познакомился с французскими тибетологами. *Рольф Штайн* – это был немецкий еврей, который возглавлял кафедру тибетоведения в Сорбонне. Потом был *Луи Гамбиз*, который тоже ко мне очень неплохо относился, я там у него был в Париже,

¹³ The future of Tangut (Hsi Hsia) Studies; Asia Major (New Series), volume 11, 1964, part 1: 54–77.

на Rue du Cardinal Lemoine, где институт (l'Institut des Hautes Études Chinoises). И потом я познакомился с *Гербертом Франке*, который был вице-президентом Академии наук ФРГ и сам занимался маньчжурами. Поэтому у меня контакты были неплохие. А в Венгрии стали проводить симпозиумы по Тибету и Монголии. На меня даже были «наезды» наших коллег. В частности, *М.И. Гольман*, зав. отделом Монголии, говорил: «Вот, ты там всё время ездешь...» А дело в том, что я ездил за венгерский счёт. И ещё из Блумингтона (Bloomington), из университета Индиана (*Indiana University*) – там тоже ездила парочка одна, некий профессор Миллер¹⁴ был. Короче говоря, моя и его роль заключалась в том, что мы регулярно писали благодарности венгерским востоковедам в адрес венгерского правительства. Конечно, он писал всё по-английски, а я смотрел и подписывал. В Венгрии было хорошо. У нас Кара Гьёргь здесь был, я с Каром был достаточно близко знаком.

ВГ: Ваше знакомство было чисто протокольное или всё-таки какие-то общие интересы были, планы, сотрудничество? Проекты какие-то, может быть?

ЕК: Была такая Эрика Мольнер, она и сейчас работает, жена Чонгара, китаеведа венгерского. Она, вообще, пыталась заниматься тангутоведением, мы ей тексты давали... Но у неё там как-то не получилось. Она потом заведовала Музеем восточных культур в Будапеште. В общем, в Венгрии я под это дело был минимум 4 или 5 раз. И ещё у меня был коллега в Дании, Эрик Гринстед¹⁵, благодаря которому я в 1978 году месяц был в Копенгагене. Вы знаете, в принципе я ездил, хотя меня пару раз останавливали...

ВГ: Но вы были выездным.

ЕК: Но я был выездным, да.

ВГ: Вы ездили на конференции или приходилось читать там какие-то лекции?

ЕК: И лекции читать приходилось. Но самый большой проект с лекциями сорвался. Меня Гамбиз приглашал в Сорбонну на месяц, чтобы я там прочитал три лекции. Я уже заказал перевод на французский язык, перевёл, а меня здесь от компартии не пустили. Ещё не пустили меня в другой раз, когда Франке организовал очень престижную поездку – в Штатах была конференция по китайским национальным государствам на территории Китая. Кроме этой конференции мне ещё давали деньги на 4 недели, чтобы поехать по основным университетам Штатов. И тоже меня не пустили.

ВГ: Какие это были годы?

ЕК: 1978 год. 1970-е годы были.

ВГ: Расцвет «застоя».

ЕК: Да, понимаете ли. Не хочу сказать, что я не ездил вообще. Вот, в Японию ездил ещё. В Японию впервые поехал в 1975 году. Там принимали японские кол-

¹⁴ *Eric Fry-Miller.*

¹⁵ *Grinstead, Eric Douglas (1921–2008).* Синолог, тангутовед.

леги – *Нишида Тацуо*, потом другие. В Японии я много раз был. Потом у нас был совместный проект в 1990-е годы...

ВГ: Какой проект, можете рассказать?

ЕК: Он назывался примерно так – Изучение рукописей по Центральной Азии, хранящихся в Институте востоковедения. Совместный проект – японско-российский. Там работали... был такой профессор Сёгайто Масахиро, который сейчас, к сожалению, по болезни ушёл. Долго он был зав. кафедрой филологии в университете Киото. Вот, Нишида Тацуо, академик японский. Я до встречи с ним не знал, что в Японии есть академики. И была группа японцев, которые просто занимались историей Невского. Например, *Като Кюдзо*, которому 100 лет должно исполниться, он и сейчас собирается приехать на конференцию, посвящённую 120-летию Невского¹⁶.

ВГ: Помимо Невского, вы общались с зарубежными учёными в основном по теме тангутоведения?

ЕК: Ну, конечно, конечно...

ВГ: В чём состоит особенность советско-российской школы тангутоведения? Только ли в том, что мы «сидим» на уникальных материалах и даём другим понемножку к ним приобщаться? Или есть ещё какие-то важные особенности, скажем, наработанная традиция какая-то?

ЕК: Ну, всё-таки, если сказать честно, мы прежде всего интересны материалами. Ещё у нас *Софронов Михаил Викторович* сделал свою реконструкцию фонетическую. Ещё у нас есть «Грамматика» *Ксении Борисовны Кепинг*. Кепинг родилась и выросла в Китае и уже потом сюда приехала...

ВГ: Вы занимаетесь публикацией и исследованием тангутских фондов многие десятилетия. А если дать общую оценку, в какой степени освоены эти фонды?

ЕК: Здесь есть два момента. Во-первых, хранение. К сожалению, за 100 лет ещё многое нуждается в реставрации. На это нужны большие деньги и даже помещение, потому что это дело надо поставить на поток. Всё-таки, там около 10 тысяч единиц хранения. Громадная коллекция! Что касается изучения, то это публикации. В своё время, когда мы только начинали, у нас даже было некоторое распределение. Скажем, Кепинг занималась переводами с китайского на тангутский язык, а Колоколов – китайской классикой. Мы издали китайскую классику в тангутском переводе. *Анатолий Павлович Терентьев-Катанский* занимался памятниками книжного дела. Сейчас уже достоверно известно, что наша тангутская коллекция является самым большим собранием ранних книг, напечатанных

¹⁶ Конференция, посвящённая 120-летию со дня рождения Н.А. Невского, проведена в ИВР РАН (Санкт-Петербург) 3-5 октября 2012 г. Включала секцию о жизни и трудах Н.А. Невского. В секции японоведения основными были аспекты, изучение которых вёл Н.А. Невский: мифология, синто, этнография, фольклористика, диалектология и лингвистика.

набором. Более того, у нас есть тексты, где использованы китайские наборы, которые не сохранились в самом Китае.

ВГ: Имеется в виду печать наборным способом, не ксилограф?

ЕК: Ну, да. Ясно, что они напечатаны подвижным шрифтом. Не ксилограф из резных досок, а набор! Это уже как Гуттенберг, только за 200 лет до него. Это уже теперь вполне доказано. И здесь, в истории книги, тоже есть свои исключения. Ну, а тексты, конечно, очень разнообразны. Большею частью буддийское содержание. Я лично буддизмом особенно не занимался никогда, сейчас *Солонин* этим занимается. Ну, а меня интересовала история, документы, светская история.

ВГ: Были какие-нибудь особо интересные памятники истории, хроники?

ЕК: К сожалению, хроники не сохранились. Но главное, что я бы про себя сказал – главным своим достижением я считаю перевод Кодекса¹⁷. Кодекс середины XII в., 4 книги. 10 лет я потратил, чтобы только это перевести. Потом и китайцы перевели, но они мне пока замечаний не сделали, это я вам говорю совершенно откровенно. Хотя уверен, что там есть ошибки.

ВГ: И всё же, освоение тангутского языка, письменности – это же отдельная глава в вашей личной истории? Как вам это всё удалось?

ЕК: Ну, вы знаете, это была скорее необходимость.

ВГ: Но ведь не было ни учебников, ни учителей, разве что словари какие-то?

ЕК: Была литература. Я вам говорил, что во время аспирантуры, когда меня к фонду не допускали, я расписал всю возможную литературу на английском, французском, немецком языке. Японский материал потом смотрел – немножко-то японский язык я учил. Потом издали словарь Невского¹⁸. Это было большое достижение! Потом я Фонд (тангутский) использовал, меня допустили и я продолжал инвентаризацию Фонда. Так, чтобы специально изучать – я этим не занимался.

ВГ: То есть, вы подходили к делу практически.

ЕК: Практически, да.

ВГ: А инвентаризация Фонда закончена? В каких условиях хранятся все документы?

ЕК: Ну, эти условия вы можете пойти и посмотреть, документы в шкафах лежат. Это дело директора. А вообще, инвентаризация уже дважды была проведена, и надо ещё третий раз уточнять. Конечно, там сложно разобрать бумажки некоторые, переплёты. Картонные тангуты не делали, а кожаные переплёты для буддий-

¹⁷ Изменённый и заново утверждённый кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). (Серия «Памятники письменности Востока», LXXXI, 1–4) / Издание текста, пер. с тангутского, исследование и примечания Е.И. Кычанова. Кн. 1–4. М., 1987–1989.

¹⁸ *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь. В 2 кн. М., 1960. Кн. 1. Исследования. Тангутский словарь. Тетради I–III. 602 с. Кн. 2. Тангутский словарь. Тетради IV–VIII. 684 с.

ских текстов лепили из разных бумажек. Например, в одном из переплётов были найдены 3–4 страницы чжурчжэньского текста.

ВГ: Значит, переплёты можно расслоить и находить там новые источники?

ЕК: Ну, конечно. Их клеили в основном из документов хозяйственных всяких. И на китайском языке, и на тангутском, и на чжурчжэньском – повезло.

ВГ: Источники по чжурчжэням Вы имеете в виду?

ЕК: По чжурчжэням, конечно.

ВГ: Насколько расшифрована на сегодня вся тангутская письменность?

ЕК: Когда я начинал, ещё собственно большой тангутский текст читать было невозможно, сейчас – вполне возможно читать. Но ведь письменность жила, она развивалась. Поэтому последнее, что я сейчас делал, – это новые законы. И там было где-то несколько десятков знаков, которые не зафиксированы в других словарях. И приходится как-то по контексту понимать, перекрестно, и всё прочее.

ВГ: Что представляла собой тангутская письменность?

ЕК: Тангутская письменность – калька с китайской. Это иероглифика, где в основном знаки категории 會意 и 形聲. Остальное – есть всего понемножку. Но в основном два вида: фонетики и идеограмма.

ВГ: А какое-то сходство с чжурчжэньским или киданьским письмом есть?

ЕК: Я не занимался этим вплотную, но смотрел некоторые публикации. Возможно, графически киданьское письмо оказало влияние на тангутское. Может быть. Есть такие примеры, я сам их приводил. Потом, есть профессор в Штатах, *Лук Квантэн*. Не знаю, слышали вы о нём или нет. Он там тоже сравнением занимался. С чжурчжэньским письмом я не нашёл общего, хотя оно наиболее доступно, есть публикации. Но это, конечно, один период в истории письменности. Если в Танское время иероглифика заимствовалась для японцев, корейцев, вьетнамцев, то где-то со времён киданей, уж трудно сказать – политика там сыграла роль или ещё что, но пришло время, когда стали создавать собственное письмо. Думаю, что и киданьское во многом на основе китайского письма создано. У тангутов – тоже своё. Ну, и чжурчжэньское письмо. Потом ещё монголы создали письмо универсальное. Такая эпоха была «отталкивания» от китайской иероглифики, я бы так сказал.

ВГ: Но всё же они были во многом производны от китайского письма?

ЕК: Ну, в принципе, да.

К-Ф: Поскольку большая часть вашей жизни посвящена тангутоведению, наверно, у вас есть особое отношение, личная оценка роли и значения тангутской культуры для человечества, в глобальном масштабе?

ЕК: Это была некая кратковременная культурная «вспышка» в западной части Китая. Вообще, феномен очень интересный, потому что там активно развивалась буддийская культура – собственно тангутская, китайская и тибетская. Уйгурская меньше прослеживается, но влияние уйгурской культуры тоже было. И поэтому сохранилось много памятников письма, чего не скажешь о киданях и чжурчжэ-

нях. Ведь в Китае тоже сейчас очень много найдено. Сейчас уже стали понимать цену таким находкам. Например, строили ЛЭП, нашли что-то. Раньше просто выбросили бы, а теперь всё это в ход идёт. Думаю, теперь у них в Китае уже довольно много всего хранится... Ну, а в цивилизационном плане процессы появления на территории Китая инациональных, некитайских государств шли непрерывно с самого начала. Возьмите Маньчжурию и Бохай, чжурчжэньское, киданьское и тангутское государства, Тибет. На территории Тибета там ещё были Чоучи¹⁹. Про Синьцзян я уже и не говорю. Конечно, имеет значение, во-первых, сам процесс развития государственности, во-вторых, взаимовлияние Китая и этих народов. Я не говорю о значении только в политическом плане... История национальностей – вопрос сложный и для китайцев.

ВГ: Как известно, китайские коллеги развивают концепцию «единой, неделимой и процветающей китайской нации», в которой все, включая тангутов, являются частью Китая. Вы разделяете эту позицию?

ЕК: Ну, во-первых, это политическая позиция, которую даже не все китайские учёные разделяют, между прочим. Есть люди, которые считают, что это история братских народов с самого начала, с догуннского времени. А есть люди, которые признают и государственность, и всё прочее. Ну, и позиция китайцев по тангутоведению тоже несколько переменялась. Вот я вам рассказал про Уханьский университет. Вначале они были тоже, так сказать, настроены несколько враждебно. Была такая теория, которая рассматривала все эти некитайские государства и владения как отколовшиеся политические власти. В годы «культурной революции» и позднее такая теория была. Сейчас к этому спокойнее относятся. Конечно, в отношении тангутов они сейчас перешли на такую позицию, что была Империя, был китайский император, и были правители, которые, так или иначе, зависели от него. В танское время тоже концепция очень хорошая была, согласно которой Поднебесная – одна семья. Самый главный – китайский император. А потом шли дядья, племянники, сыновья, внуки. Степень родства зависит от силы. И все они – одна семья. Сейчас у меня должна статья выйти по поводу национальной политики. И я считаю, что теория, которую у нас критиковали 中华民族 – она вполне лояльная и вполне государственная. В конце концов, мы тоже говорили о советском народе, и есть американский народ. Почему бы и нет? Я считаю, что и гоминьдановская постановка вопроса, и то, что КПК не признала право наций на самоопределение, – вполне нормально. Я об этом пишу даже.

МК: Ну, это общая тенденция. А остаётся вопрос именно о специфике данной цивилизации, данной культуры. Вы всю жизнь занимаетесь тангутами – так чем же они конкретно дороги лично вам? Что позволяет вам с удовольствием заниматься этим? Почему так интересно переводить судебное законодательство, которое может казаться довольно скучным?

¹⁹ Чоучи 仇池. Китайско-дийское государство, существовало во II–VI вв. в северо-западном Китае, на территории современной провинции Ганьсу.

ЕК: Нет.

МК: Там очень много «скучного» до тех пор, пока не начинаешь вникать в суть и видеть, как это действительно в жизни было. Вы же видите, как они жили, по этим документам?

ЕК: Ну, мысленно вижу. Вот вы древним Востоком занимаетесь. *Игорь Михайлович Дьяконов* был, который вот тут раньше сидел. Он вообще считал, что никогда никакой исследователь не может окончательно проникнуть ни в психологию, ни в жизнь этих древних народов. Это я его точку зрения излагаю.

МК: Это, конечно, не можем.

ЕК: Что касается тангутов, то это была такая яркая локальная страница в истории народа, которая признаётся таковой всеми учёными. Вот, сейчас в читальном зале у нас (в ИВР) сидит *Линь Ин-цзинь* из Тайваня, из Академии Синика.

ВГ: Она тангутоведением занимается?

ЕК: Да, давно занимается. Она не раз писала, как удивительно, что существовала такая большая культура. Начинает сравнивать прежде всего с киданями. Я думаю, что от киданей просто меньше следов осталось. Но, конечно, культура была высокая для того времени и своеобразная. Это была не китайская культура, это была своя культура, очень сложная. Это и не тибетская культура, и не уйгурская. Эта культура имела своё письмо, свои традиции, своё мировоззрение, свои представления о происхождении династии. Культура, которая развивалась, но была прервана монголами...

ВГ: То есть имелось сознание обособленности от китайской культуры?

ЕК: Да! И даже есть такие строчки от тангутов как бы в адрес китайцев: кто раньше родился, раньше погибнет, кто позже родился, позже погибнет. Правда, на самом деле всё получилось наоборот. И всё же, XI век прошел в войнах, китайцы военную победу над тангутами одержать не смогли. И они (тангуты) на западе от уйгуров заняли большую территорию. Дуньхуан ведь тоже был частью тангутского государства. И тибетцы – тоже...

ВГ: Обычно принято говорить о всеохватывающем китайском влиянии, об ассимиляции и аккультурации. По материалам, с которыми вы работаете, конечно, тоже видно китайское влияние. Но видно ли по ним какое-то обратное влияние, контраккультурацию? Как вы думаете, насколько сами тангуты повлияли на китайцев?

ЕК: Откровенно говоря, думаю, что тангуты на китайцев особенно не повлияли. Трудно повлиять на такой громадный народ. Но, понимаете, было осознание такой молодой сильной культуры. Если мы возьмем предисловие к тангутско-китайскому словарю 1190 года, там автор-тангут говорит: плохо, что китайские мудрецы не знают тангутских, а тангутские мудрецы – китайских. Для этого я составляю словарь, чтобы те и другие знали друг друга.

ВГ: Выходит, сознательно диалог культур выстраивали...

ЕК: Да!

ВГ: Как возникла в ваших исследованиях тибетская тема?

ЕК: Когда вышла книга «Люди и боги Страны снегов. Очерки истории Тибета и его культуры»²⁰, некоторые мне говорили, что я якобы выполнял какой-то социальный заказ со стороны наших властей. Ничего подобного! Это связано с тем, что был такой очень хороший тибетолог *Богословский Василий Алексеевич*. И *Зубков* ещё такой в издательстве работал. В то время вышла книжка Штайна *L'a Civilization Tibetain*²¹. И *Зубков* попросил нас перевести её с французского на русский язык. Я половину перевёл, а *Богословский* ничего не сделал, хотя хороший мой друг был. Потом, чтобы материал не пропал – я книжку всё равно всю прочитал и решил сделать популярную книгу, основываясь на стихах Шестого Далай-ламы. К сожалению, у меня есть и была склонность к графоманству! Так я задумал писать эту книжку и большую часть её написал. Но, честно сказать, я один не решился выступить как тибетолог. Хотя и учил немного тибетский язык, литературу читал, но всё-таки очень ответственно, конечно. И тогда я пригласил в соавторы *Савицкого*, хранителя тибетского фонда. Ну, он и сам написал свою часть, особенно про буддизм. А потом ещё мы с *Мельниченко* издали историю Тибета²².

ВГ: Мельниченко – ваш ученик?

ЕК: Нет, он коллега. И ещё я несколько лет читал в Ленинградском университете курс истории Тибета. А так, конечно, я тибетологом себя считать не могу.

ВГ: А какое место занимает в вашей жизни преподавание?

ЕК: Вы знаете, я много лет уже преподаю, лет 10–12 уж точно. И сейчас ещё числюсь на четверть ставки, читаю две основные дисциплины. Я всегда читаю историю китайского права. А к китайскому праву я пришёл для того, чтобы понять тангутское. Чтобы понять тангутское, надо было изучить основы традиционного китайского права. Во-вторых, я много лет читаю краткий, к сожалению, спецкурс по истории национальностей Китая. А третье – когда *Смолин* заболел и отошёл от дела, я года 3–4 читал историю Китая в период монгольской династии Юань, поскольку у меня про монголов и *Чингисхана* есть.

ВГ: Как известно, в мире существует море книг про Чингисхана (Темуджина). Но у вас свои особые отношения с ним. В чём особенность вашего подхода? Почему нужно было писать про него ещё одну книгу?

ЕК: Начнём с того, что именно Темуджин уничтожил тангутское государство. И ещё, конечно, мне всегда хотелось выйти за пределы тангутоведения. В классическую историю Китая уже выходов не было. Даже первая моя статья 1960 года,

²⁰ *Кычанов Е.И., Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., ГРВЛ, 1975. 319 с. с ил. («Культура народов Востока»).

²¹ *R. Stein.* Civilization Tibetain. Stanford University Press, Jun 1, 1972.

²² *Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005. 351 с.

которую мне Окладников заказал, – это была стела про бохайскую принцессу²³. Не знаю, насколько там всё правильно переведено...

Поэтому я интересовался вообще историей Центральной Азии – от гуннов и монголов, и позже, и калмыками, Джунгарией. Всё время у меня к этому интерес был, он и сейчас не пропал.

ВГ: Эта ваша постоянная тема кочевых государств – она от тангутов идёт?

ЕК: В общем, конечно, от тангутов. Там есть вопросы: скажем, происхождение государства. Наверно, считают, что я в основном стою на марксистских позициях, как человек старого поколения. Есть более мощные теоретики вроде *Крадина*, который сейчас стал членкором. Тоже добрый мой знакомый в прошлом, Николай Николаевич. Это моё сугубо личное мнение, но мне кажется, что часть наших кочевниковедов всё-таки несколько некритично воспринимают те теории, которые на Западе есть.

ВГ: Увлекаются этими теориями?

ЕК: Увлекаются, да. Но это уже моё личное мнение.

К-Ф: А о каких теориях идёт речь?

ЕК: Ну, о происхождении кочевых государств. Китай – другое дело. Китай – оседлая цивилизация.

ВГ: Теория дистанционной эксплуатации...

ЕК: Да, там всё, что хотите. Нелинейное развитие, вождества и всё прочее. Кстати, в Сибири довольно успешно этим всем занимаются...

ВГ: Чем вы занимаетесь сейчас, какими исследованиями, темами?

ЕК: Последние годы я переводил новые законы тангутские. Был основной кодекс тангутский, были дополнения начала XIII века. Я их не без труда, поскольку это рукописный текст, перевёл. Они сейчас в издательстве. Когда будут изданы, не знаю, потому что там всё время перекраивают «чёрную серию»²⁴.

Я также участвовал во втором просмотре, сверке тангутского фонда, инвентаризации и т.д. Ну, и сейчас, если буду жив-здоров, какое-то время буду работать, то, конечно, я хотел бы составить с молодым помощником-исполнителем генеральный каталог всего фонда. Потому что, когда начинаешь снова смотреть, всё время что-то новое открывается. Так сразу и не заметишь.

ВГ: Наверно, это очень захватывающий процесс?

ЕК: Да, да!.. И у меня ещё плановая тема – это важные документы – хозяйственные, политические и пр. Их довольно много, но они в подавляющем большинстве написаны скорописью. А скоропись пока читать трудно. Да и китайцы тоже пока ещё не очень её понимают.

ВГ: Написано от руки, тушью?

²³ *Кычанов Е.И.* Первый бохайский письменный памятник на камне // Материалы и исследования по археологии СССР, № 86, М.–Л., 1960.

²⁴ Книжная серия «Памятники письменности Востока» издаётся с 1965 г. в чёрных переплётах. Список изданных томов см.: <http://Annales.info/sbo/contents/ppv.htm>

ЕК: Тушью на бумаге, бумагу свою делали. Бумага очень хорошего качества, в основном сделанная из тряпья, хлопчатобумажного и льняного.

ВГ: Вторсырьё, так сказать...

ЕК: Вторсырьё, да.

ВГ: Удивительно!

ЕК: Особенно бумага, которая использовалась для сутр, которая была вощё-ная. Я вам скажу, наша бумага сейчас столько не проживет. А тут – 800 лет!

ВГ: Сотрудничаете ли вы сейчас с китайцами в деле расшифровки, истолкования скорописи и прочих текстов? Или вы сами, так сказать, своим домом обходитесь?

ЕК: У нас сотрудничество определённое есть давно. Дело в том, что в период конца 1980-х – начала 90-х гг., когда приходилось восстанавливать хорошие взаимоотношения, нам было рекомендовано (не могу сказать, что в жёсткой форме) заключить с китайцами договора о публикации части наших текстов. Таким образом, примерно в 1990-м году был заключён договор о публикации на китайском и русском языках текста из *Дуньхуана*, а в 1992–1993 гг. – о публикации текстов из мёртвого города Хара-Хото.

ВГ: Была ли завершена эта работа?

ЕК: Поначалу, в 1990 году, у нас был заключён договор с издательством «Нинся чубаньшэ» 宁夏出版社 в Иньчуань, бывшей столице тангутского государства. Мы с Петросяном ездили туда для переговоров. Предполагалось примерно 5 томов издать. Но потом, буквально через несколько месяцев, приехал китайский министр то ли культуры, то ли образования КНР, который сказал, что там слабое издательство, что оно ничего сделать не может и что китайская сторона переводит всё это в издательство «Древняя книга» в Шанхае 上海古籍出版社. И вот, в Шанхае у нас было сотрудничество в 1990-е годы. Китайцы сюда приезжали много раз. Например, *Не Хунь-инь*, тогда ещё совсем молодой человек, был у нас не один раз.

Короче говоря, было издано 14 или 15 томов, хотя нафотографировали они гораздо больше. Во-первых, этот проект оказался коммерчески не очень выгодным, поскольку лишь первые тома, где публиковались уникальные буддийские тексты, шли на ура. Последующие тома продавались хуже. Во-вторых, требуется также, чтобы был рабочий коллектив. В-третьих, хотя китайцы хотят продолжать проект, они ещё не расплатились с нами за два последних тома. Но в 1990-х годах этот договор был всё же выгодный для нас, потому что китайцы за это платили. А в то время бывали моменты, когда и зарплаты нечем было платить. Поэтому нам это сотрудничество обеспечило некоторую материальную поддержку.

ВГ: Кстати, в трудные, «лихие» 1990-е годы, в 1996–2003 гг., вы возглавляли свой родной институт. Как удалось выжить в то время, и как вы перенесли всю эту тяжесть директорства?

ЕК: Ну, не такие уж и лихие! И я бы не сказал, что особую тяжесть испытал, потому что до этого я 30 лет был на общественных началах заместителем директора. То есть, опыт был. Во-вторых, всё-таки ситуация уже начала улучшаться. И у нас были определённые договоры, по которым мы получали энное количество денег, которые пускали на зарплату и прочее. Конечно, сложно было, но всё-таки ничего, как-то мы продержались.

ВГ: А кто был директором института в начале 1990-х годов?

ЕК: Я был всегда при Петросяне. Юрий Ашотович Петросян был историком Турции, много лет был директором, потом он даже был здесь заместителем *Алфёрова* по гуманитарным институтам (РАН). Конечно, не все сотрудники были довольны. Ну вот, пожалуй, наиболее яркий пример. Не мною был подписан договор об уйгурском фонде с «Тоё бунко» 東洋文庫. Они давали плёнку, снимали, и всё прочее. Были люди, которые считали, что с ними и с тангутским фондом мы поступили неправильно.

ВГ: Продешевили, мол!

ЕК: И не то, что продешевили, а что вообще не надо. В общем, это сложный вопрос. С одной стороны – это своё, и никому не давать. С другой стороны – есть же наука и международное сотрудничество. Это непростой вопрос даже помимо всяких финансов.

ВГ: То есть, фонды института – это всемирное культурное наследие, а не частная лавочка...

ЕК: Ну, конечно. Жалобы были разные. В это время выставки тоже были хорошие. Первый раз поехал я на Тайвань в 1994 году, когда Эрмитаж и наш институт сделали большую выставку²⁵ на базе Исторического музея в Тайбэе. Она работала довольно долго, почти месяц, и проходила очень хорошо. Конференция по этому случаю была проведена, на которую приезжал *Пиотровский*, только что ставший директором. Рифтин приезжал, он на Тайване работал. Вот это было довольно любопытное событие. После этого я был ещё на конференции на Тайване в 1998 году.

ВГ: Сколько раз вы были на Тайване?

ЕК: Четыре раза я был. Один раз приглашал *Ду Чжэн-шэн*, который был директором Института языка и истории, а потом стал директором *Гугуна*. Мы даже уже договорились тогда о большой выставке нашей в Гугуне, и я даже смотрел помещение, где должна была пройти выставка. Но дело как-то не состоялось. Не знаю, почему...

ВГ: Это какой год был примерно?

ЕК: Ну, это было уже начало 2000-х годов.

ВГ: Говорят, на Тайване тоже имеются учёные, которые занимаются тангутоведением, изучают тангутскую письменность?

²⁵ Выставка предметов материальной культуры Си Ся. Тайбэй, 1994.

ЕК: У них есть очень хорошие специалисты. Был профессор, академик *Гун Хуан-чэн*, который умер недавно, к сожалению.

ВГ: Кто сейчас продолжает его дело?

ЕК: *Линь Ин-цзинь*, из Института лингвистики (Академии Синика), которая, как я уже говорил, как раз сейчас сидит у нас наверху. Есть ли там молодые учёные или нет, я уже не знаю.

ВГ: Есть какой-то японец с русским именем Женя Tsukamoto, который, говорят, живёт на Тайване, работает там, в Университете Культуры 文化大學, и тоже изучает тангутов. Вы слышали о нём?

ЕК: Не знаю. Я такого не видел. Но ещё вот университет Чжэнчжи 國立政治大學 вспомнил. Там есть некий профессор *Чжао Чжу-чэн*. Я с ним познакомился, как ни странно, в Казани. Он относительно молодой, кончил аспирантуру в Казанском университете, защитил там диссертацию. И я дважды был там у них в университете Чжэнчи, даже лекции читал. Он очень приглашал, чтобы я к ним на целый учебный год приехал. Но я говорю: «Послушайте, на каком языке я буду лекции читать?» На английском я говорить не могу. На китайском – тоже. С переводчиком, что ли? Но с профессором Чжао у меня были хорошие отношения. Он хорошо владеет русским языком, поскольку здесь учился. Сам он монголами занимается...

Потом существует правительственный Совет по делам Монголии и Тибета 蒙藏委員會, где мы тоже бывали, и не раз. Я даже сидел рядом с младшим братом Далай-ламы, который находился на Тайване. А старшего брата я знал даже очень неплохо. Он к нам в Россию приезжал несколько раз.

ВГ: Вы имеете в виду самого Далай-ламу?

ЕК: Нет, *Джигме Норбу Туптэн* – его старшего брата. Далай-лама тоже приезжал, и я его тоже принимал.

ВГ: Так вы встречались с Далай-ламой XIV? Тогда можно сказать пару слов о той встрече?

ЕК: Он был здесь короткое время, и я водил его в Тибетский фонд. Далай-лама был приглашён сюда будущим Патриархом Алексием, который в то время был главой Санкт-Петербургской епархии. Далай-лама был гостем Алексия и посетил наш институт. Петросяна не было, и я его принимал. Мы с ним довольно долго беседовали, и я ему показал Тибетский фонд. Далай-лама даже соизволил сказать Его Преосвященству, что коллекция очень хорошо подобрана. Вот, буквально, его слова – «хорошо подобрана». А его старший брат Джигме Норбу был когда-то настоятелем монастыря и профессором университета Индиана. Он приезжал сюда несколько раз, читал на тибетском языке сочинения *Доржиева* – того бурята, который храм здесь основал. Потом написал о нём книгу. Его я лучше знал, поскольку мы здесь и выпивали вместе, и всё прочее. Я даже потом побывал у него дома в Блумингтоне.

ВГ: Он ещё жив?

ЕК: Сейчас он уже умер. Умер в Японии. Он преподавал долго, потом на пенсию ушёл. У него в Блумингтоне дом был, была красивая жена, породистая очень женщина из *Сакья*.

ВГ: Из высокого рода.

ЕК: Да, да.

ВГ: В конце 1990-х годов на Тайване преподавал ваш коллега, *Евгений Иосифович Лубо-Лесниченко*. Не могли бы вы немного рассказать о нём, вспомнить как человека, как учёного?

ЕК: Ну, с Лубо я был знаком с конца 1950-х – начала 1960-х годов. Когда Невскому дали государственную премию, сюда приехала большая группа сотрудников Моснауцфильма. Они должны были снять фильм о дешифровке тангутской письменности под названием «Семь веков спустя». И был хороший режиссёр, *Агаси Бабаян*, который снял художественный фильм про Дерсу Узала.

ВГ: Ну да, вместе с Куросавой.

ЕК: Да. Вот он и снимал этот самый фильм. К сожалению, у нас даже копии нет. Лубо-Лесниченко из Эрмитажа (там же тоже колоссальная коллекция икон и пр.) и я от ЛО ИВ АН – мы были консультантами. Поэтому я Лубо знал давно, и мы всегда с ним контактировали хорошо. Дружеские отношения были.

ВГ: Мы уже вспомнили ваших учителей и коллег. Но хотелось бы поговорить и о ваших учениках. Как известно, у вас были десятки защитившихся аспирантов.

ЕК: Ну, десятки – громко сказано!

ВГ: Тем не менее, среди них есть очень интересные личности, известные китаеведы. Профессор *Кадырбаев* и многие другие. Есть ли у вас любимые ученики?

ЕК: Я скажу так: кого можно назвать более первым? Ну, первой была такая Евгения Козина, которая хорошую диссертацию написала по праву. Она писала про неполноправных членов Танского общества. Но потом она стала успешно двигаться, с хорошим английским языком, была в Штатах. Когда наступили, как вы сказали, «лихие» 1990-е, стало трудно жить. Она ушла на более высокооплачиваемую работу в Русском музее и до сих пор об этом жалеет. Потом был *Рыбаков Вячеслав Михайлович*, который сейчас Танский кодекс перевёл. Вот он сейчас доктор наук. Кроме того, он ещё творит как довольно известный писатель-фантаст. Потом был Александр Шайдаатович Кадырбаев, про которого вы сказали, который окончил университет во Владивостоке. Была ещё *Скрынникова Таня*, она тоже была моей аспиранткой. Чисто по монголам делала уже диссертацию. В общем, меня часто просили, когда не было руководителя. Был даже случай, когда *Попова* в аспирантуру сюда поступала. Смолин её к нам посылал.

ВГ: Она тоже была вашей аспиранткой?

ЕК: Нет, не была. Это мне иногда припоминают, и недавно припоминали опять. А всё дело в том, что мне уже неловко было – у меня были аспиранты, а у

А.С. Мартынова не было аспирантов. Не было и у *Кроля*. Я её Мартынову передал, но она, тем не менее, обиделась. Хотя я думаю, что там было лучше, чем у меня было бы. Да, и такое бывает. Кроме того, у меня киргизы были. Мне как раз Кадырбаев рассказал, что один из них, Муратбек²⁶, стал крупным чиновником в шестёрке государств²⁷. Он был послом Киргизии в Китае, окончил МГУ, китайское отделение, и потом был тут. Изучал китайские источники по киргизам. И ещё один киргиз очень хорошо тут защитился. Не знаю, какая у него была потом судьба, потому что никакой большой официальной поддержки он не имел.

ВГ: В общем, много было учеников и из России, и из ближнего зарубежья.

ЕК: Из других стран-то не было...

ВГ: Евгений Иванович, где вы в основном публикуете свои работы? Всё-таки, в Москве и Петербурге возможности разные.

ЕК: Раза два-три я публиковался в «Петербургском востоковедении» – есть такое частное издательство, *Алимов* им руководит. Как они сейчас – я не знаю, но я на этом деле один раз чуть не погорел. Они у нас помещение имели, и мы с них денег не брали, но они обязаны были издавать по 80 авторских листов в год. Поэтому когда я перестал быть директором, мне пытались пришить дело, что я незаконно сдавал в аренду помещения. Сейчас они в непонятном для меня состоянии находятся, поскольку Попова их от нас попросила.

ВГ: Понятно, что в 1990-е годы был всеобщий провал в науке. А как вы оцените нынешнее состояние петербургской школы китаеведения? Возрождается ли сегодня жизнь института и его коллектива? Появляются ли новые возможности, приходит ли молодёжь?

ЕК: Я бы не сказал, что в 1990-е годы здесь у нас был конкретный провал. Во времена СССР, когда здесь создали Ленинградское отделение, нам под крылом Института востоковедения по-своему неплохо жилось. К нам хорошо относились и *Гафуров*, и *Примаков Евгений Максимович*, и *Капица*. Всё было нормально, нас не зажимали. Какие деньги мы должны были получать – получали.

ВГ: А молодёжь к вам сейчас приходит? Ведь в чём провал-то был главный в 1990-е – в том, что молодёжь ушла из науки на заработки.

ЕК: Сейчас многие пошли зарабатывать деньги. Но желающих пойти в науку и сейчас вполне достаточно. Во всяком случае, сейчас мест в аспирантуру не хватает, и ставок не хватает. Конечно, за последние 15 лет у нас резко сократилась численность института. Если у нас в лучшие времена было под 200 человек, то сейчас, я думаю, вместе с техническим штатом – около 90.

ВГ: А каков средний возраст?

²⁶ *Иманалиев Муратбек Сансызбаевич*. Киргизский государственный и политический деятель.

²⁷ Шестёрка государств – 6 стран-учредителей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

ЕК: Возраст очень разный: часть людей после 80 лет, старые сотрудники. Потом идут их ученики. Ну, а молодёжи Попова много взяла: работают и в Рукописном отделе, и в других отделах.

ВГ: Но средний возраст всё-таки, наверное, высокий, как и у нас в Москве?

ЕК: Ну, я насчёт среднего возраста не знаю. Скажу так: это зависит не только от данного момента. Я хорошо это лично наблюдал в Институте археологии, у наших соседей. Молодой коллектив, потом начинает всё стареть, стареть. Нет мест, поэтому молодёжь меньше берут. А потом начинается провал. Мы тоже этот период пережили!

ВГ: Смена поколений.

ЕК: Смена поколений, естественная. Вот был момент, когда все места заняты. Потом мало молодёжи, потом надо набирать молодёжь. Это по всей академии такая ситуация. Я считаю, что нормального процесса смены поколений в системе академии нет. Говорят же, что множество стариков. Относительно всех наук не знаю. Но в гуманитарных науках, я думаю, если голова работает, то и возраст – не помеха. Это я не только про себя говорю. Есть и *Лившиц*, которому 87 лет, и *Большаков*, который за историю халифата получил государственную премию – ему тоже 83–84. Есть *Дандамаев*, член-корреспондент по древнему Востоку...

ВГ: На стенах в вашем отделе висят портреты многих китаеведов. Чьи это портреты?

ЕК: Это Бичурин в костюме китайского чиновника. Это – Алексеев. Там, наверху – Невский. Слева – Фишман, а внизу – Кепинг. Она была племянницей последнего главы духовной миссии РПЦ в Пекине в советское время.

ВГ: Вы очень интересные сведения сообщили по Невскому.

ЕК: Но это проверять надо. Вот, японист *Георгий Монзелер* был его учеником в 1930-х годах, есть его словарь иероглифики китайско-японской.

ВГ: Монзелер – он советский?

ЕК: Советский, немецкого происхождения. В годы войны он служил на Дальнем Востоке. После войны работал в нашем институте, потом работал в музее истории религий и атеизма. Здесь у нас *Скачков Пётр Емельянович* был тоже. Очень хороший человек. Я много с ним общался, и даже мне в память врезалось: в Доме учёных буфет был, куда мы все ходили обедать или чай пить. Однажды мы стояли в очереди за винегретом и он мне говорит: «Женя, а ты сходил на Псковскую улицу, архив там посмотреть?» Я говорю, что всё собираюсь. Тогда он говорит: «Иди скорей! Уже материалы перестали давать...» Это было самое начало 1960-х годов. А через дней десять он умер. Я хорошо его знал. Много было хороших людей. И были свои отношения, по-разному всё было.

ВГ: Кого ещё можно упомянуть?

ЕК: Была *Павловская Людмила Кузминична*, очень квалифицированный специалист, изучала «Пинхуа по истории Пяти Династий». Был *Миша Ермаков*.

Меньшикова, конечно, больше знают, поскольку он был ярче, гремел больше. Вахтин, конечно, много не успел, в 50 лет с небольшим умер.

ВГ: Вы были знакомы с *Михаилом Фальковичем Чигринским*?

ЕК: Конечно, я его хорошо знал!

ВГ: Было бы интересно узнать, как он пришёл на тайваньскую тему?

ЕК: Я застал его тогда, когда он уже «сел» на тайваньскую тему. Поэтому не знаю, что было раньше. Он часто сюда ходил, и я его хорошо знал. Но он был в известном смысле любителем, потому что почти всю жизнь в школе проработал.

ВГ: Сколько у вас в отделе сейчас человек работает? Примерно?

ЕК: Честно сказать, я не могу точно назвать. Думаю, примерно 20 с лишним человек, потому что у нас ещё Япония, Корея, Китай.

ВГ: А сколько китаеведов в отделе?

ЕИ: Надо по пальцам считать. *Пан*, потом есть старики – *Мартынов*, *Гуревич*, *Зограф*, Кроль, я.

ВГ: Уже шесть...

ЕК: Рыбаков. Ещё молодые есть, аспиранты. Так что, немало. Ну, может, под десяток человек.

ВГ: Почти половина отдела получается.

ЕК: Ну, японоведов тоже хватает. Меньше кореистов... раньше они неплохо развивались. Но сейчас *Троцевич* только осталась и ещё одна, *Юля Болтач* – 2 человека.

ВГ: Как бы вы оценили специфику своего института и своей работы?

ЕК: Ну, специфика нашего института, она была всегда, начиная с Азиатского музея. На первом месте это хранение, изучение той коллекции, которая у нас есть. Она набиралась почти столетия, потому что многие коллекции существуют начиная с XVIII века. В отдельных случаях это уникальные, ценные вещи. Например, китайское «Шитоу цзи» 石頭記. Китайцы переиздают этот роман, который в самом Китае не сохранился. *Ли Ши-юй* был по *бао цзюаням*²⁸ – он говорил, что у нас есть несколько книг, которых в Китае тоже нет нигде. Есть арабские рукописи... Важно понять, что всё это – национальное достояние. Более того, в наше время это и капитал, потому что многие вещи на международных рынках (Сотбис и прочее) огромные деньги стоят. Но в целом у нас нет генеральной оценки, вот в чём вся наша беда. Наша коллекция, конечно, стоит дороже, чем всё это здание, хоть это и дворец²⁹. В денежном выражении – да. Поэтому нужно постоянно налаживать реставрацию и современное хранение! Здесь спорный вопрос: поддер-

²⁸ *Бао цзюань* (букв. – драгоценные свитки). Жанр китайских (бух) народных театральных представлений.

²⁹ ИВР РАН находится в Санкт-Петербурге, по адресу Дворцовая набережная, д. 18. Бывший Ново-Михайловский дворец. В 1857–1861 гг. полностью перестроен архитектором А.И. Штакеншнейдером.

живать ли постоянную температуру и влажность. Вспоминается Борис Иванович (Панкратов), который так говорил: «Когда рукописи были в Хара-Хото, они мёрзли и страдали от жары. И неизвестно, что для них лучше!». Поэтому много неизученных вопросов, которые касаются всех рукописных материалов, всех фондов.

Конечно, фондами надо заниматься. Молодых людей, которые бы пришли и сразу бы сели на фонды, почти нет. Почему? Потому, что сама система такая, что нужно написать диссертацию, защитить, иначе вы денег не будете получать, не будете расти. Эта проблема была всегда: и когда я был молодым, и после. Такая принудилка была, особенно Кононов старался «посадить». Но люди разными путями старались от этого уклониться.

ВГ: От работы с описаниями, с коллекциями?

ЕК: Конечно! Описания, каталогизация, всё прочее. Поэтому нельзя сказать, что каталогизация была завершена на 100%. Ещё есть вещи, которые не зафиксированы твёрдо, даже Порт-Артурский архив на китайском языке.

ВГ: А что он из себя представляет?

ЕК: Документы разные. *Школяр* немножко писал об этом, но я только со стороны видел.

ВГ: Китайские документы? А когда были они вывезены?

ЕК: Во время Русско-японской войны, но они сами по себе более ранние. Я знаю, что есть часть документов Османской империи. Именно документы, а для настоящей-то работы документы труднее всего.

ВГ: Нужна хорошая источниковедческая подготовка?

ЕК: Конечно! Нужно готовиться даже не один десяток лет, чтобы по-настоящему работать.

ВГ: А как вы думаете, что нужно для того, чтобы стать по-настоящему хорошим китаеведом?

ЕК: Китаеведом? Гм... Это, может, личное мнение: преподавание китайского языка должно быть поставлено на уровень преподавания западноевропейских языков. То есть, надо учить языку так, чтобы человек говорил. Говорил, понимал, писал и т.д. Это, я считаю, самое главное. Другое дело – заниматься совсем старыми текстами, для этого нужно изучать *вэньянь*, *гувэнь* и т.д. А для работы, я вам скажу, хорошая голова должна быть равноценной хорошему заду.

МК: И, как мне кажется, нужна хорошая методологическая база? Вы говорили, что у вас всё-таки базу задал истфак?

ЕК: Здесь я с вами согласен вполне. Но сейчас такая тенденция, знаете: с одной стороны, считать востоковедение либо частью исторической науки (история Востока), либо филологической науки: литературоведения, лингвистики и пр. Но жизнь показывает, что в востоковедении есть своя специфика. Не знаю, в чём – это трудно объяснить, но она всё-таки есть. Я слышал не раз, что в университете новое руководство пытается создать учёные советы по защитам так, чтобы была общеисторическая для истфака и для восточного факультета, по части изучения

истории. И то же самое для филологии, лингвистики и пр. Но как это получится, не знаю. Хотя по истории при университете уже был «межгородской» совет. Сейчас его ликвидировали, не знаю, почему. Там были историки Института истории, востоковеды и из Педагогического института, объединённый такой совет. И, кстати, он хорошо работал! Почему его прикрыли – не знаю. Я там пару раз оппонентом выступал, мне очень нравилось. Чувствовалось, что есть люди, которые что-то слушают и понимают.

ВГ: 22 июня (2012) был ваш юбилей, 80 лет. Мы с радостью присоединяемся к поздравлениям! Юбилей – это и хороший повод оглянуться назад. Как вы считаете всё же, в чём состоит ваше самое главное научное достижение?

ЕК: Кодекс законов, я уже сказал. И, безусловно, словарь ещё.

ВГ: Сейчас модно считать число научных публикаций. Сколько работ издано вами за минувшие 57 лет?

ЕК: Самое интересное, что не знаю.

ВГ: Ну, если примерно?

ЕК: Вы знаете, у меня есть часть книг научно-популярных, которые я ценю не меньше. Например, для меня действительно дорого то, что книжку о Чингисхане монголы перевели на монгольский язык. Сказание о Галдане Бошокту-Хане³⁰ тоже перевели на монгольский язык.

ВГ: Ну, это же истинная миссия учёного – популяризировать знание. «Власти-тели Азии», кстати, тоже очень интересная и нужная книжка. Её не перевели ещё?

ЕК: Не знаю. Меня интересовали эти азиатские деятели. Я всегда с интересом о них писал.

МК: Вы большую часть жизни работали с тангутским фондом. Есть ли у вас документы или всего один документ, который вам наиболее интересен в силу каких-то причин, имеет какое-то особое значение?

ЕК: Поскольку я начал работу с оригинальными тангутскими памятниками с тангутских изречений и пословиц, которые переводил³¹, это для меня интересно и до сих пор дорого. Хотя критика и была определённая. Но потом китайцы в Ланьчжоу, *Чэнь Бин-ин*, перевели на китайский язык. Он сам перевёл текст, в приложение к которому и моё предисловие и исследование полностью перевели. Это, конечно, интересный памятник – то, что из Индии идёт – субхашиты, парные изречения. По-китайски *лянцзюй* 两句.

ВГ: Насколько они отличны от китайских, эти тангутские изречения?

³⁰ Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-Хане. Новосибирск, 1980. 192 с.

³¹ Море письмён. Факсимиле тангутских ксилографов. (Серия «Памятники письменности Востока», XXV, [1]–[2]) / Пер. с тангутского, вступительные статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2. М., 1969. Ч. 1. 608 с. Ч. 2. 272 с.

ЕК: У них прежде всего есть кочевая специфика, скотоводческая. Да, они ещё и на тибетском языке опубликованы были. Где-то в конце 1950-х годов с тибетского языка были переведены «Изречения Матери Сумпа» («*Sumpa mother's sayings*»).³² Томас, профессор, англичанин, перевёл. Они тоже в эту обойму попадают.

ВГ: Тут какой-то буддистский налёт есть ещё?

ЕК: Нет, буддизма почти нет. Вообще нет!

ВГ: Какие-то бытовые темы?

ЕК: Да, бытовые. «Вор унёс – следы оставил, волк поел – объедки оставил», «Если говорить не умеешь – рта не раскрывай, если из лука стрелять не умеешь – стрелу не пускай». Интересные изречения есть. Кстати, и рукописи этого текста есть в Британском музее.

МК: А наша коллекция – это печатный текст, да?

ЕК: Да, наша – печатный. Некоторые переводы, я бы сказал, не совсем, может, и правильно сделанные. Китайцы как-то пытались поправить. Но здесь как раз есть поле для совместной деятельности.

ВГ: Вы рассказали про свои успехи и достижения. А какие у вас были разочарования? Ведь что-то не удалось сделать или удалось, но не так, как надо? Бывает, что человек занимается всю жизнь одним делом, но хотел другим заниматься...

ЕК: Ну, я же вам говорил, что мне хотелось заниматься историей китайской революции.

ВГ: Жалеете о том, что не посвятили себя китайской революции?

ЕК: Да, определённое время сожалел. Ещё сожалею, что есть тексты, которые не поддаются ещё адекватной расшифровке. Вот, *Мария Ференци* из Венгрии, про которую мы говорили, она брала для перевода. Мы ей дали тексты, но и она тоже ничего не сделала. Хотя она – очень квалифицированный китаевед, и муж у неё был китаеведом первого ранга. Потому что там очень трудно! Это был сборник цитат из китайских классических сочинений. И очень трудно по нескольким тангутским фразам найти китайский контекст. Так он и лежит неизданный. Календари тоже, например, сколько я ни пытался, не переведены. И ошибки были! У меня был чертёж один, который я принимал за чертёж струнного инструмента. Но японец Аракава Синторо 荒川慎太郎 доказал, что это чертёж катапульти, боевое оружие. Дело в том, что тогда уже стали больше изучать эти камнемёты, блиды. У нас тут Школяр написал большую книжку по древнекитайскому оружию: «Доогнестрельная артиллерия»³³. В чертеже есть размеры и прочее. Верёвки, на которые крепились камни, я за струны принял.

³² *Thomas F.W.* Ancient folk-literature from north-eastern Tibet (introductions, texts, translations and notes). Berlin, 1957.

³³ *Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия: (Материалы и исследования) / АН СССР. Институт востоковедения. М.: ГРВЛ, 1980. 404 с. Ответственный редактор *Е.И.Кычанов*.

ВГ: Может, не было бы вашей ошибки, не было бы и версии камнемёта. И это был шаг на пути к установлению истины.

ЕК: Ну, конечно. Документы некоторые, иногда китайские коллеги тоже кое-что поправляли в их переводах, почему нет? Хозяйственные документы, продажа, залог...

ВГ: А есть в документах кулинарные книги?

ЕК: Кулинарных книг не было. Но самый интересный, последний документ – он на китайском языке. Кстати, китайцы первые его перевели. Ду Цзян-лу, который здесь был. Это интересный документ о сдаче в аренду помещения для выпечки лепёшек. Похожие лепёшки сейчас узбеки делают – *хубин* 胡饼 называются. Любопытно, как там обозначено всё. Есть интересные вещи. Но, конечно, не так просто, не все реалии поддаются восстановлению.

ВГ: Кстати, о кулинарных книгах. Как вы относитесь к китайской кухне?

ЕК: Я хорошо отношусь к китайской кухне.

ВГ: А поподробнее можно? Есть какие-то любимые блюда? Допустим, синьцзянская пища, северная или южная – что вам ближе?

ЕК: Манты дунганские – очень хорошо! А вообще, когда я приехал в Китай, такие были блюда популярны: *мусюйжоу* 木犀肉, *лацзижоу* 辣鸡肉. Потом, свинина кисло-сладкая *гулаожоу* 古老肉 – это всё я с большим удовольствием всегда ел. Но, надо сказать, дай бог здоровья ещё Сорокину Владику – поскольку он уже в 1940-е годы был в Китае корреспондентом, мы каждый месяц ходили и обедали в коммерческие рестораны. Тогда кругом бедность была, но были и такие рестораны. Мы ходили в ресторан каждой провинции и там заказывали блюда их кухни.

ВГ: Сорокин был вашим проводником кулинарным?

ЕК: Да, конечно. Сычуаньский, гуандунский, синьцзянский рестораны и т.д. Мы могли себе это позволить.

ВГ: Как вы считаете, чем российские китаеведы отличаются от западных, японских и китайских китаеведов?

ЕК: Насчёт японских я вот что могу сказать: у нас есть стремление к большим обобщениям. А японцы, наоборот, детально изучают тексты. И некоторые проблемы, связанные со средневековой историей, они в Японии до сих пор лучше, чем в Китае изучены. У японцев текстология на высоком уровне.

ВГ: А что у нас на высоком уровне? В чём специфика российских китаеведов?

ЕК: У нас, считаю, методология была. Я против того, чтобы целиком отвергать марксистскую методологию, которая была. Она, кстати, и в Китае сохранилась. Ду Цзян-лу, который сейчас возглавляет тангутоведение в Иньчуань – я читал пару его книг. У него хорошая такая подготовка в изучении социальной истории.

Мне трудно судить обо всём. Я про литературу не могу судить, про язык. Но у нас хорошие лингвисты были: *Драгунов*, *Яхонтов*, *Софронов* (я считаю, он тоже хороший лингвист) и другие.

Что касается литературы, то у нас основные классические романы переведены, и были хорошие знатоки. С кем я сталкивался, это Колоколов и *Спеишев*. Но они «натуральную» школу в Китае прошли. Может, это не очень хорошо говорить сейчас, но когда в 1950-х годах писали: «Вечная и нерушимая дружба», Колоколов говорил: «Если китайцы пишут так, то не надо им ни на копейку верить: всё равно, это всё не так!». Уж не знаю, почему он так говорил. Ну, а в остальном я не совсем могу судить.

ВГ: Понятно, спасибо. Сейчас очень часто говорят о том, что после 1991 года не стало молодых, мало денег, нет нужной помощи от государства. Как вы оцениваете нынешнее состояние и перспективы всего российского китаеведения? Оптимистично или пессимистично?

ЕК: Я никак не оцениваю. Почему? Я могу сравнивать немножко, поскольку у меня есть опыт, скажем, состояние китаеведения, гуманитарной науки в Японии, в Китае, на Тайване, в Индии. Конечно, в общей сумме научных изысканий там гуманитарным наукам уделяется гораздо больше внимания. У нас же всякие гуманитарные науки часто существуют по остаточному принципу – я не беру идеологию. Это, конечно, не совсем верно, потому что даже машины устаревают. Китай никуда не денется, он под боком! С ним надо жить, с ним надо уметь ладить, его надо знать. Это знания, которые накапливаются веками. Российское китаеведение существует, меняется. Я считаю, что гуманитарная наука, в том числе китаеведение, конечно, нуждается в большем финансировании.

ВГ: В начале интервью вы озвучили такой замечательный куплет про китаеведа, зубрящего иероглифы. Позднее вы не писали больше стихи про китаеведов, тангутоведов?

ЕК: Про китаеведов я не писал, нет. Знаете, я не скажу, что я как-то тяготился этим: общение, тексты. Более-менее нормально у меня всё было. Конечно, всегда был громадный минус – незнание разговорного языка. На уровне «Здравствуйте», «до свидания», «твоя-моя понимай» я кое-что понимаю, могу общаться, всё же три месяца в Китае учился. Но читать лекции, читать на китайском языке... Раньше была такая полуофициальная точка зрения – зачем учить китайский язык русским, когда китайцы быстрее выучивают русский и хорошо им владеют – что это всё дешевле и проще. Понимаете, эйфория такая была. Тут нужно винить общий подход. Нужно было быть понастойчивее и больше людей посылать по обменам в Китай.

ВГ: И это искренне было?

ЕК: Искренне, конечно. Каждый четвёртый аспирант – точно был китаец. В самых разных сферах. Ну, в востоковедении только не было... Карьеры, я вам скажу, были фантастические! Был такой Константинов Венья, который со мной жил, китаевед, учились вместе. С третьего курса его перекинули на филфак, он кончил его. Сам он был из города Устюжна, поэтому далеко не поехал, где-то в Ленинградской области преподавал. В 1958 году случился какой-то массовый призыв в армию. И я тоже, как окончил аспирантуру, меня едва не забрали в ар-

мию. А его в армию забрали и сделали из него классного... арабиста. Он потом окончил спецшколу, арабское отделение. Лет 12–15 терял здоровье, потолкался в Йемене, там ещё где-то. Потом, когда я его встретил, он уже был полковником ГРУ, преподавал арабский язык, военный перевод студентам ИСАА. И одновременно работал – там была контора, которая занималась переводом для арабов руководств к использованию нашего оружия. Его арабскому языку выучили великолепно. А китайский он давно забыл. Не знал, да ещё и забыл! Вот так, такие судьбы были. Но я бы не сказал, что это было особенно трагично. Молодые годы были, мы принимали жизнь такой, как она есть.

ВГ: По поводу разочарований и сожалений: как период ухудшения отношений в 1960–1970-е годы сказался на вас, на ваших коллегах? Ведь это тоже огромное разочарование: изучать Китай и не иметь живой связи с ним?

ЕК: Понимаете, мне уже сейчас трудно сказать. Конечно, тогда поездки в Китай дорожке ценились у нас здесь, в Ленинграде. В Москве больше и чаще ездили. Скажем, когда я поехал, то из Петербурга я был один, остальные все были москвичи. Поэтому, нужно регулярно ездить в Китай, чтобы люди жили, учились, смотрели. Потому что иначе ничего вы толком знать не будете! И сейчас ребята молодые, кто хочет заниматься тангутами, им надо посмотреть территорию! Когда вы увидите, какая территория была у государства, горы Хэланьшань, реку Хуанхэ, башни буддистские, которые там остались ещё, есть совершенно конкретные следы. Мёртвый город Хара-Хото, – всё это производит огромное впечатление. А иначе, как ты почувствуешь страну?

ВГ: То есть надо приобщиться к этому пространству, чтобы лучше ощутить время и действие?

ЕК: Конечно! Я не буду говорить за всю науку, за всё китаеведение. Но в области тангутоведения сегодня есть хорошая тенденция – больше взаимного доверия, отход от некоторых политических реалий 1970-х годов. К счастью, не дошло тогда дело до прямых стычек... Конечно, китайцы – Ши Цзинь-бо, Бай Бинь и Ли Фань-вэнь – они люди старой формации. У Ли Фань-вэня научным руководителем был ещё *Николай Николаевич Чебоксаров* в пятидесятые годы!

Может, это не для записи... Ши Цзинь-бо был довольно активным хунвэйбинном, и старый китайский тангутовед Ван Цзи-жу, которого я дважды встречал, в 1979 и 1990 году, жаловался мне на него. Поэтому даже когда я последний раз был в Пекине, и у Ши Цзинь-бо был, и он меня спрашивал, встречался ли я с Ван Цзи-жу, я ответил: да, встречался, конечно. Что было, то было! Его (Вана) самого с работы уволили, сына из университета прогнали. Что мне вам рассказывать, лучше меня знаете! Как у нас все помнят: папу, маму репрессировали, где, что и как; так и китайцы ведь тоже помнят, я это хорошо знаю. Не Хун-инь, который сейчас приезжал сюда, семь лет в лагере отсидел! Из школы ещё его, бедняка, взяли. А сейчас ведь профессор, доктор наук. Но семь лет тоже даром не проходят.

ВГ: Кто-то из китайских коллег сказал мне на днях, что сейчас отношения друг к другу китайцев в академической среде очень чётко различаются в зависимости от того, кто как вёл себя в годы «культурной революции», это своеобразный психологический водораздел. Как и у нас: были репрессируемые, были и репрессирующие.

ЕК: Да, когда был в тангутских районах на западе, в Ланьчжоу, в Нинся, я тоже встречал бывших сосланных людей, которых туда сослали, либо их родителей. Директор издательства «Нинся чубаньшэ» была из Сучжоу, и её на запад (Китай) отправили. Что я хочу сказать: люди помнят, и от этого могут быть самые разные последствия.

МК: Вы говорили, что очень сложен вопрос о публикации архивов, потому что, с одной стороны, это, несомненно, наше национальное достояние. С другой стороны, это часть мировой науки. И в этом плане я буду всегда стоять на стороне науки – думаю, что публиковать надо.

ЕК: Во всяком случае, договор не прерван. Но я уже не директор, директор – Попова... Да и я уже говорил, что «Шитоу цзи» издают, мы и японцам даём тексты..

МК: Это хорошая и нужная тенденция, потому что, как это известно во всём мире, слишком многие хранители коллекций рано или поздно становятся как Горлумы: «Моё сокровище, и никого не подпущу». К сожалению, эта тенденция очень губительна для науки.

ЕК: Как собаки на сене... Я бы сказал, что в целом она для нашего института нехарактерна. Сейчас существует Интернет. Я знаю, что Дуньхуан почти весь вывешен где-то, сотрудничество с британской библиотекой. Доступна одна тангутская сутра «Праздняя парамита». Есть также венгерские коллеги, которым монгольские и тибетские рукописи всегда были доступными. Ну, и с немцами у нас активное сотрудничество есть.

МК: Я хотела сказать, что публикация всё равно не заберёт хлеб. Потому что хлеб – не в том, на чём ты сидишь, а в голове, в методологии, в возможности правильного оперирования.

ВГ: Это даже повышает публичные акции и авторитет заведения.

ЕК: Есть одно правило академическое, которое и зарубежные специалисты признают. Если какой-то наш специалист работает над конкретным текстом, то этот текст для публикации не должен даваться. Институт этот текст изучает, обрабатывает, хочет издать диссертации. И это на Западе тоже железное правило, которое соблюдается.

МК: Это понятно. Но когда громадные фонды, всё это невозможно одному человеку охватить.

ЕК: Один человек – никогда, всем миром надо наваливаться. Скажем, если говорить про тангутский фонд, так китайцы давно уже получили наиболее ценную часть его. Участвовали и смотрели. Если они считают себя в чём-то оби-

женными, то это не совсем верно. Я скажу так, у нас есть специальная комиссия (Совет хранителей), которая этим занимается. Раньше был такой порядок: на каждый запрос – и с Запада, и с Востока – мы должны были подавать докладную записку в Отделение истории (РАН). Соответственно, они нам или разрешали, или запрещали. Такое тоже бывало, но не скажу, что всё время, когда там командовали академик *Тихвинский*, академик *Хвостов*. Затем, ещё до всяких недавних перемен, стали говорить, что надо и нам что-то за это получать. А то мы давали совершенно безвозмездно. Речь не шла о деньгах, а о том, чтобы равноценный обмен был: книги, рукописи, микрофильмы, журналы. А потом появился и коммерческий обмен, деньги. Сейчас уже я ситуации не знаю, это надо у Поповой спрашивать. Но, по-моему, она пытается ориентироваться на средние европейские цены.

МК: Я не выступаю в данном случае с китайской стороны. Наоборот, слышала много нареканий, что люди приезжали в Китай и им не показывали документы: ни уже изданные, никакие. Положим, раскопанные планки в могилах, очень многие из них не опубликованы, и до них никто не может добраться.

ЕК: Я могу это подтвердить косвенно. Вот когда я был в Ланьчжоу, покойный Чэнь Бин-ин, который был тангут, водил меня и показывал великолепную древнюю гробницу из Синьцзяна. Это совершенно явное иранское искусство, мастерство по росписи, по всему прочему. Она до сих пор не опубликована, но целиком собрана эта гробница, стоит у них. Скажем, почему не копают: кладбище императоров сохранилось, а могилу всего одну раскопали. От китайцев можно услышать два мнения: первое – денег нет, второе – может, и не стоит раскапывать. Вдруг найдёшь много такого, что не совсем желательно показывать.

МК: Официальная версия, что нельзя раскапывать до того момента, когда будет возможность сохранить всё это в должном виде.

ЕК: В общем, не копают, я вам могу прямо сказать, что не копают. Хотя там сделали гигантский музей, транспорт, всё есть, возят вас от могилы к могиле.

МК: А местное население грабит или нет?

ЕК: Нет, грабить – нет.

ВГ: Как же нет? Это же древнейшая профессия.

ЕК: Сейчас, секунду, если вы не спешите, я возьму фотоальбом, который китайцы сделали. Фотографии новой дороги, Субурган, Хара-Хото, вид издали. Я там тоже два раза был. Это ступа, это резиденция местного монгольского князя. Это мечеть, которая сохранилась с юаньского времени у стен Хара-Хото, пейзажи...

ВГ: Очень интересный альбом! Евгений Иванович, спасибо за то, что позволили нам побеседовать с вами, «попытать», дали такое интересное интервью! Желает вам крепкого здоровья!

ЕК: Мне тоже было приятно познакомиться и пообщаться! Я тоже доволен! Приезжайте почаще, заходите к нам в сектор Дальнего Востока, звоните! Пока я на ногах, я готов служить Отечеству!

ЛАПИНА ЗИНАИДА ГРИГОРЬЕВНА

INTERVIEW WITH ZINA G. LAPINA

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies – the Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Лапина Зинаида Григорьевна (ЗЛ)

Китаевед, д.и.н., профессор
ИСАА МГУ

Место интервью: Москва

Дата интервью: 22 мая 2009 г.

Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ)

Примечания: В.Ц. Головачёв,
В.А. Перминова

Продолжительность: 8 часов

Zina G. Lapina

Sinologist, PhD (History),
Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University

Place: Moscow

Date: May 22, 2009

Hosted by: Valentin Ts. Golovachev

Footnotes: Valentin Ts. Golovachev,
Vera A. Perminova

Duration: 8 hours

Лапина Зинаида Григорьевна. Родилась 27.12.1934 в г. Москве. Китаевед, доктор исторических наук (10.10.1986), профессор (17.04.1990). Заслуженный профессор МГУ (2002). В 1957 г. окончила Институт восточных языков при МГУ, в 1960 г. исторический факультет Пекинского университета (КНР). Кандидат исторических наук (08.05.1964). Тема диссертации «Политическая борьба в Китае в связи с проведением реформ в XI в.». Доцент (10.03.1986). Преподаватель

(с 1964), заведующий кафедрой истории Китая (1989–1993), зав. лабораторией Экологии культуры Востока ИСАА МГУ (1993–2010). Стажёр Наньянского университета (Сингапур, 1972–1974). Читала лекции в Карловом университете (Прага, 1977, 1979). Автор ряда монографий, десятков статей, учебников по истории Китая и истории стран Азии и Африки в средние века.

ВГ: Здравствуйте, уважаемая Зинаида Григорьевна! Если вы готовы, мы можем начать наше с вами интервью.

ЗЛ: Здравствуйте! Давайте начнём! Чтобы был какой-то почин: ваша задача – запечатлеть все воспоминания (китаеведов) – кажется мне очень интересной и важной. Это очень творческая, но и очень непростая работа, которая требует и времени, и сил, и повышенного внимания. Как интересно в жизни получается, мы с вами знакомы уже больше 20 лет. Вы – выпускник Дальневосточного университета. В 1987 году пришли к нам на кафедру истории Китая ИСАА и стали писать свою кандидатскую диссертацию под моим научным руководством. Так что, беря у меня интервью, вы и сами обо мне многое знаете. Что касается меня, то мне было интересно работать с вами. И вот теперь мы общаемся в новом качестве. Интервью для меня и большая честь, и большая ответственность. Это серьёзный повод поразмыслить о пройденном пути в китаеведении и наметить перспективы на будущее, не взирая на мой возраст.

ВГ: Спасибо, будем стараться! Позвольте начать с просьбы представить себя.

ЗЛ: Зинаида Григорьевна Лапина. По образованию – историк, китаевед. Доктор исторических наук. Почётный профессор МГУ. Заведую лабораторией «Экология культуры Востока», которая представляет собой одно из научно-исследовательских подразделений Института стран Азии и Африки (ИСАА) при Московском государственном университете.

ВГ: Надеюсь, вы ещё расскажете нам про вашу лабораторию. Но для начала, позвольте спросить, где и когда вы получали китаеведческое образование?

ЗЛ: Училась я на историческом факультете МГУ. А в 1956 году, когда образовался Институт восточных языков, меня как и всех других студентов перевели в этот институт. После его окончания в 1957 году, уже имея диплом об окончании МГУ, я уехала в Китай, где снова оказалась в качестве студентки и проучилась три года. Окончила исторический факультет Пекинского университета. Потом я работала в Институте восточных языков, а с 1964 года работаю в ИСАА, на кафедре истории Китая. После 1981 года, уже будучи заведующей кафедрой, я перешла от истории на другую, на мой взгляд, более широкую стезю – культурологию. И сейчас я считаю себя культурологом. Но как китаисту по базисному образованию прикосновение к Китаю мне странным образом очень помогает. Помогает понимать характер других культур. Потому что в Китае многие проблемы чётко классифицированы. Существует ясная логичность изложения – то, что, может быть, не очень ярко выражено в других культурах. Например, в последнее время, имея

за плечами базу изучения средневекового Китая, я вдруг поняла в чём (заключается) смысл культуры Индии, многие стороны которой становятся понятными для меня с точки зрения Китая... Опыт изучения традиционного Китая в этом смысле, можно сказать, драгоценен.

ВГ: Как произошло ваше приобщение к Китаю и китаеведению?

ЗЛ: Начнём с того, что я никогда не собиралась связывать свою жизнь с Китаем. Окончила с золотой медалью среднюю школу, где мне приходилось постоянно участвовать в олимпиадах по химии, и думала, что пойду в точные науки. Намеревалась поступить на химический факультет МГУ. Но, преуспевая в точных науках, я однажды со страхом подумала, что мимо меня могут пройти гуманитарные науки. Поэтому в 1952 году, когда я пришла в приёмную комиссию университета (тогда она работала в Императорском зале Московского университета) и узнала, что на историческом факультете есть восточное отделение, где готовят китаистов, я подала туда свои документы. И почему-то выбрала Китай. Экзамены не сдавала, было только собеседование. В приёмной комиссии был *Алексей Петрович Рогачёв*... Это неожиданное решение повергло в изумление моих родителей, никак не ожидавших такого поворота. Но участь моя была уже решена. Пройдя собеседование, я поступила на первый курс истфака, на кафедру истории Дальнего Востока. Заведовала кафедрой *Лариса Васильевна Симоновская* – известный китаевед, знаток традиционного Китая.

ВГ: И это было ваше первое соприкосновение с Китаем?

ЗЛ: И да, и нет! Как учит культура Китая, всё, что происходит, имеет глубинные корни, которые мы не всегда осознаем!.. Забавно, что ещё в глубоком детстве я с большим подъёмом пела популярную тогда песню «Любимый город», который «в синей дымке тает» 藍色霧幕中溶化. Но я почему-то в этой фразе слышала не её настоящие слова, а совсем другое, как бы своеобразный намёк на моё будущее – «Синий дым... Китая» (藍色霧幕... 中華). Но что такое «Китай» – я в то время не знала. А потом узнала, что по восточному гороскопу Китай, как и я – козерог. Так что, видимо, правильно говорится в китайской традиции: «Подобное тянется к подобному» (тун лэй сян чжао).

ВГ: Выходит, ваш почти интуитивный приход в китаеведение тоже не был случайным?

ЗЛ: Выходит, что да! Я стала китаеведом и не пожалела об этом. Наоборот! Вся прелесть изучения культуры и истории Китая состоит в том, что оно даёт ответы на фундаментальные вопросы мировоззренческого характера. Соприкосновение с Китаем, с Востоком очень обогащает человека, но только если человек к этому готов. Правда, когда я училась, нам очень мало давалось знаний о культуре Китая. В то время образование было, мягко говоря, слишком политизировано. Например, мы подробно изучали крестьянские войны и восстания. Как я уже потом поняла, повышенное внимание к ним было связано не только с марксизмом. А просто потому, что русские люди по своему характеру очень отзывчивы. Поэтому

му и наш интерес не был только научным. Кстати говоря, наука – внеэмоциональна и вненравственна, как я теперь понимаю. Все наши учителя по Китаю и Востоку были интеллигенты высокой пробы, и своей личностью они окрашивали свой «предмет». Поэтому это была не «хладная», по выражению А.С. Пушкина, наука, а отношение любви и уважения к китайскому народу, к его культуре! В то время ещё не было базовых учебников по истории стран Востока и по Китаю. Мы все сдавали экзамены и зачёты, читая только что отпечатанные на машинке и сброшюрованные страницы, которые несли в себе свежий отпечаток творческой работы. По этим лекциям мы и изучали историю Китая.

ВГ: Раз уж мы заговорили про ваших учителей, можно ли вспомнить о них более подробно?

ЗЛ: Свою специальность – историю китайского средневековья – я выбрала, как и все другие студенты, на третьем курсе. Я понимала, что это один из базовых периодов в истории Китая. В качестве научного руководителя я выбрала Л.В. Симоновскую, потому что она была учителем с большой буквы и потому что у неё была какая-то особая аура и отношение к студентам. Она интересовалась нашей жизнью, могла дать совет практически по всем вопросам. Она всячески помогала студентам. Кроме того, меня волновал вопрос о роли женщины в науке. Известно, что женщине приходится сочетать занятия наукой с традиционными женскими обязанностями! И я видела в Симоновской идеал для подражания. Правда, ей же принадлежали и такие экстремальные выражения: «Если научная жизнь мешает личной жизни – то долой науку!» Конечно, это говорилось с юмором. Во всяком случае, меня она привлекала тем, что занималась наукой органично. Но ведь, как известно, для того чтобы завоевать признание в научном творчестве среди коллег, женщине приходится прилагать больше усилий, чем мужчинам.

Не так давно мы решили (в ИСАА при МГУ) выпускать брошюры об учителях, потому что люди уходят, а потом уже мало кто о них вспомнит. Например, я стала готовить материал о Ларисе Васильевне. Собрала воспоминания почти всех её учеников. Изучила её биографию... Для меня память об учителе – священна. И от того, кого ты встретил в пору юности, зависит и весь твой творческий путь. Общаясь с Симоновской я всегда ощущала «за кадром», что она была носителем русской культуры. И это составляло её обаяние.

Когда мы уехали в Китай, Л.В. Симоновская писала нам письма, давала много ценных советов. Очень привлекала широта её подходов в изучении Китая. Симоновская всё время говорила, что нельзя замыкаться изучая какой-то один период. Когда я со своей подругой, *Ириной Сергеевной Заусцинской (Ермаченко)*, приехала на учёбу в Китай, Лариса Васильевна писала нам, что если нам не удастся заниматься средневековьем, то не нужно расстраиваться. Надо знать изучаемую страну досконально. И, кстати говоря, Симоновская написала кандидатскую диссертацию по восстанию XVII века под руководством Ли Цзы-чэна. А докторскую диссертацию она хотела писать по новой истории. Правда, у неё это не вышло, по независящим от неё причинам.

Симоновская также очень заботилась о том, чтобы у студентов была фундаментальная языковая подготовка. Судьба её сложилась так, что она долгое время работала в университете на Дальнем Востоке. И когда приехала оттуда в Москву, вместе с ней приехали два китайца – Чжоу Сун-юань и Кондратий Васильевич Лепешинский (я не помню его китайское имя).

Особый след в моём приобщении к китайской мудрости оставил незабвенный Чжоу Сун-юань, консультант по средневековым текстам, по теме моей дипломной работы. Учитель в высоком смысле этого слова, он покорял богатством своей личности. Он не только был высоким носителем китайской культуры, но и вобрал в себя всё лучшее от русских. Пожалуй, впервые в жизни я слушала такую завораживающую русскую речь (из уст иностранца). А уважительная манера общения со студентами, как с себе равными, выдавала в нём интеллигента высшей пробы. Помнится, что всегда после занятий с ним я летела как на крыльях. Росла уверенность, что я сумею одолеть языковой барьер и адекватно понять первоисточник. Это увлекало и было сродни решению шахматной задачи. Именно Чжоу Сун-юань умело показывал, как «входить», вживаться в контекст средневекового текста. Там я, пожалуй, зримо и изнутри соприкоснулась с некой тайной притягательностью китайской культуры, обладающей принципом голографии «всё в одном, и одно во всём». Конечно, тогда я ещё очень мало знала *вэньянь*¹... Помня о китайском культурном знании и иероглифов, я поначалу воспринимала их профанно – всё заключённое в иероглифах и с трудом добытое знание казалось мне ценным. Но Учитель убеждал, что не надо сразу судорожно и суетливо обращаться к словарю. Важнее попытаться выявить внутренние связи контекста, и тогда внутри целостного источника непременно найдёшь ответы на все вопросы. Позднее, готовясь к написанию творческой биографии Л.В. Симоновской, я узнала, что, в годы жизни на Дальнем Востоке Чжоу Сун-юань и К.В. Лепешинский стали как бы носителями двух культур. В творческой атмосфере Владивостока происходил некий синтез русской и китайской культуры. Приведу лишь один пример. Тогда во Владивостоке существовал китайский квартал, где появляться было небезопасно...

ВГ: Этот квартал назывался «Миллионка» ...

ЗЛ: Да-да. Но, с другой стороны, во Владивостоке был открыт и театр, где ставили «Капитанскую дочку» Пушкина (в переводе Лепешинского), повесть «Дубровский». Туда приезжал китайский поэт *Эми Сяо*. А когда ставилась «Сказка о царе Салтане», то китайские артисты исполняли боевые акробатические сцены, характерные для пекинской оперы. В результате, постановка стала более яркой и эмоциональной. Именно они, эти люди, были носителями двух культур. И в этом была их особая привлекательность...

Конечно, большое влияние на меня оказал и *Михаил Филиппович Юрьев* – специалист по новейшей истории Китая, ставший заведующим кафедрой после Ларисы

¹ *Вэньянь* 文言. Классический китайский язык – письменный язык, использовавшийся в Китае с древности и до начала XX в.

Васильевны. Он очень заботился обо всех студентах и молодых преподавателях. Потом он стал ещё и заместителем директора Института восточных языков по научной части. И он был для всех как отец родной. Он мог пригласить человека и спросить: «Когда ты напишешь статью, диссертацию? К такому-то времени приходи ко мне, я проверю». На кафедре в целом было очень тёплое, внимательное отношение к студентам. И я воспринимала наш институт как своеобразный «оазис», где все мы, преподаватели и студенты, жили единым коллективом. Достаточно сказать, что когда осенью 1957 года я поехала в Китай, нас пришли провожать не только наши друзья-студенты, но и все преподаватели. Потому что это был прорыв! Впервые мы ехали учиться в страну изучения! И это произвело потрясающее впечатление не только на китаистов! У нас даже не спрашивали, на какой срок мы едем. Этот вопрос было даже как бы неприлично задавать. Потому что мы были готовы на всё. Вот, такое было романтическое отношение к Китаю. Было счастье от того, что мы едем в страну изучения. И я думаю, что такое доброжелательное отношение к Китаю сохранялось даже когда испортились отношения двух стран. Помню, уже после возвращения на родину в 1960 году я работала переводчиком с приехавшим на гастроли китайским Ансамблем песни и пляски народной армии. Отношения между нашими странами становились всё более прохладными. Но, несмотря на уже наметившиеся противоречия в политической области, на представление приходила масса народу.

Но вернёмся к Ларисе Васильевне Симоновской, человеку высокой культуры. Она читала лекции не только по истории и историографии Китая в широком контексте мировой культуры. Она владела этими знаниями. Знала немецкий, французский язык. Кстати говоря, в китаеведении она появилась тоже не случайно, а потому что жила в Харбине, хотя была родом с Полтавщины. У неё был потрясающий отец – отважный офицер, который имел много орденов. Потом семья переехала в район КВЖД, и с детства Симоновская впитала аромат ярких цветов на сопках Маньчжурии, впечатления о бурном нраве реки Сунгари. Видимо, всё это, заложенное в детстве, повлияло на её выбор специальности. Потом уже актуальность изучения Китая возросла в связи с политической ситуацией в мире. Я всегда интуитивно чувствовала, что она из очень культурной среды. Когда я училась, я ещё ничего не знала об её прошлом. После своего отъезда из Китая они оставили там потрясающую библиотеку – «библиотеку Симоновских»...

Как ведущий китаевед профессор Симоновская встречалась с *Хоу Вай-лу, Го Мо-жо*. Она была в центре всех событий, связанных с Китаем. Она очень беспокоилась о том, как пройдет наше обучение в Китае.

ВГ: Кто преподавал вам китайский язык в Москве и в Китае?

ЗЛ: Было много учителей. В частности, Юлия Николаевна Исаенко, жена известного китаиста *Б.С. Исаенко*. Вэньян (древнекитайский язык) нам преподавал А.П. Рогачёв. Но интересно, что когда мы приехали в Пекин, мы поняли, что изучали совсем другой китайский язык! Наши русские учителя тогда не знали тонов. И потому нам пришлось один год доучиваться китайскому языку. У русских

студентов был общий акцент. И китайцы, смеясь, говорили, что мы разговариваем на «шаньдун хуа» (шаньдунском диалекте). Большое впечатление на меня тогда произвело то, что работы нужно было писать на определённое количество иероглифов. Писали всё это в клеточках... Была ещё такая *Тамара Павловна Задоенко* – преподавательница китайского языка в нашем институте, которая уже в Китае, помимо официальных занятий языком на подготовительных курсах, обучала нас китайским тонам при помощи гитары. Так, под гитару, мы и учили эти тона. В Китае было тоже очень много учителей – особенно запомнился Тянь-сяньшэн. Вэньянь я тоже учила. А потом я ещё два года занималась у профессора *Дэн Гуанмина*. Это был известный в Китае специалист по сунской истории, в том числе по теме моего диплома, связанного с реформами *Ван Ань-ши* (XI век).

ВГ: Я знал этого профессора! Встречался с ним в 1987 году у него дома, в кампусе Пекинского университета!.. Позвольте спросить, при той первой поездке в Китай туда направили всех, кто учился вместе с вами в Москве?

ЗЛ: Нет-нет! Во-первых, группа китаистов первоначально состояла из двадцати одного человека. А потом, уже после перехода с исторического факультета в Институт восточных языков, осталось только шесть. Такая же перегруппировка была и с японистами. Выбирали нас, может быть, по успеваемости. А в Китай мы поехали только вдвоём с Ермаченко. Дело в том, что кто-то не смог поехать по различным обстоятельствам, были больны родители и т. д.

ВГ: С кем из китаеведов вы учились в одной группе?

ЗЛ: У нас училась *Лилия Николаевна Борох*. Она была старше, но потом заканчивала в нашей группе. Учились *Алёна Алексеевна Волохова (Монина)*, Ирина Сергеевна Ермаченко (Заусцинская). Потом в нашу группу пришёл Андрей Сергеевич Крушинский. Его отец был известным журналистом. Хотя Крушинский учился у нас только один год, Лариса Васильевна тоже оказала большое влияние на его судьбу.

ВГ: *Эмилия Павловна Стужина* была старше вас?

ЗЛ: Да, она была старше. Но потом мы работали с ней уже как коллеги. Ещё я могу добавить, как шло обучение. Лариса Васильевна очень творчески и неформально нас учила. У нас были семинары, где мы, в частности, изучали труды Русской православной духовной миссии в Пекине. Л.В. Симоновская говорила, что русские китаеведы оставили большое наследие, которым нельзя пренебрегать. Лариса Васильевна, как я уже упоминала, хорошо знала западные языки, западную литературу. Но при этом она настаивала на том, что русские учёные, быть может, более глубоко понимали культуру Китая, чем их западные коллеги. Одна из статей Симоновской Л.В. была посвящена известному китаеведу, члену Русской духовной миссии, *Иакинфу Бичурину*...

Помню такой эпизод: наш сокурсник *Юрий Николаевич Гаврилов*, корейст по специальности, тоже слушал лекции Симоновской Л.В. И именно знание трудов русских китаеведов неожиданным образом повлияло на его карьеру. Как это случилось? Темой одного из семинаров было знакомство с традиционным зем-

леделием Китая. Мы очень подробно изучали, как пользовались сельскохозяйственными орудиями китайские крестьяне. Когда наш сокурсник уехал работать в Китай, однажды он побывал с высокой делегацией в народных коммунах. Увидев сельскохозяйственные орудия крестьян, он проявил эрудицию и рассказал, как их применять. Как писал об этом с юмором он сам, все присутствующие высоко оценили его глубокое постижение крестьянского труда. Этот курьёзный случай показывает, как творчески, вдумчиво и глубоко подходили к изучению культуры Китая наши учителя. К сожалению, эта тенденция сейчас не сохранилась у нас в китаеведении. Сейчас все больше чтят западные труды. Не ценят те богатства, которые, словно жемчужины, рассыпаны в словарях и трудах русских китаеведов. Когда я, например, изучаю какой-то термин или проблему, то обнаруживаю, что, оказывается, о нём уже очень много написано именно в трудах русских авторов.

ВГ: А что вы скажете о работах западных учёных?

ЗЛ: Естественно, что по роду моих занятий я читаю западных учёных. Но иногда это чтение вызывает у меня разочарование, ощущение, что чего-то в них не хватает. Особенно это касается философии. Но не хочу говорить огульно. Например, мне очень нравятся работы *Гранэ*. Но, всё-таки, подход с точки зрения западного менталитета губителен для понимания китайской культуры. Я несколько обостряю этот вопрос. В своё время я всё время стремилась читать – читать как можно больше (западных трудов). Но, прочитав, я понимала, что, к сожалению, не продвинулась в своём понимании Китая. Конечно, я считаю, что надо стоять на двух ногах, изучая и западные труды. Сегодня я с удивлением узнаю, что некоторые мои коллеги рассматривают ту или иную научную проблему исключительно с точки зрения Запада, забывая о том, что сами они – носители русской культуры. Сейчас и значительная часть китайской молодёжи стремится заимствовать западный образ жизни. Но, по моим наблюдениям, истинным китайским интеллигентам было легче общаться с русскими, чем с американцами...

ВГ: Если вернуться к вашему первому приезду в Китай. Вы ехали на поезде? Вы помните свои ощущения, когда впервые пересекли советско-китайскую границу?

ЗЛ: Помню ощущения того времени. Вот, мы уже едем в поезде «Москва–Пекин», счастливые ожиданием непременно счастливого будущего. Ещё долго в пути нас радовали букеты цветов, которыми был буквально завален наш вагон. Мы ехали семь дней и познакомились в дороге со всеми попутчиками. Оказалось, что мы едем туда в большой компании. Там были студенты – специалисты в разных сферах: и медики, и чаеводы, и филологи, – каких там только не было специальностей! За время долгого пути все мы успели не только переболеть сильнейшим гриппом, но и поправиться. Смена впечатлений, ощущения судьбоносности момента, смена пейзажей за окном, первый опыт приобщения к китайской кухне в вагоне-ресторане занимали нас и приближали к долгожданной встрече. И вот уже пошли по вагонам улыбочивые и приветливые китайские пограничники.

Мы миновали пограничную станцию Отпор и оказались в Китае. Помню первые яркие впечатления: та же степь, но что-то появилось новое, неуловимое. И дело не только в том, что кругом одни китайские лица. Всё как-то обустроено иначе. Безусловно, ощущение какой-то иной, незнакомой тебе жизни. Было какое-то новое, непередаваемое ощущение новой страны, ощущение того, что ты уже находишься в каком-то новом культурном поле.

И вот мы уже в Пекинском университете, в котором, как потом оказалось, нам предстояло проучиться три года. Появление нашей группы было весьма колоритным. Дело в том, что, отправляя нас за границу, министерство решило нас приодеть (тогда мы жили очень скромно) и выдало «подъёмные» деньги. Мы их «отоваривали» всем коллективом в московском ГУМе. Помню, на эти деньги я купила себе нарядное платье. А юноши из нашей группы, чтобы не ударить в грязь лицом, все как один оделись по моде того времени, в широченные шляпы и макинтоши советского образца. В итоге, они вызвали в (Пекинском) университете настоящий шок! Ведь там было много студентов, как тогда говорили, из стран народной демократии. Они ходили в шортах, в свободной летней одежде. А эти приехали в одинаковых шляпах и макинтошах! Со стороны все это выглядело несколько комично...

Что я ещё могу сказать о пребывании в Китае? В первый год я ощущала, что постоянно нахожусь в состоянии счастья! Я приехала в страну изучения, которую я пыталась уже как-то понять. И я не разочаровалась. Постепенно мы освоились и вполне вжились в колоритную упорядоченную жизнь университетского городка. Первый год, несмотря на большую учебную загруженность, прошёл как праздник. Впечатления от страны древней культуры, особенно гостеприимной тогда к «старшему брату», были ярки и незабываемы.

Прежде всего, меня приятно поразило, что весь комплекс зданий университета утопал в живописном парке. Здесь словно было реализовано представление древних о том, что творчество есть сотворчество с природой, и потому плодотворнее учиться и работать на лоне естественных пейзажей. Вероятно, именно по этой причине студенты и преподаватели, как правило, не только работают, но и живут в университете постоянно. Нас же поселили (вместе со студентами из разных стран мира, прежде всего Азии и Африки) в живописно обвитом плющом «юане» с покатыми крышами и колоритным внутренним двориком с огромным реликтовым деревом гинкго, где ранней весной к тому же зацветали белым облаком сливы и груши. Может быть, впервые в жизни я, городской житель, физически и наглядно ощущала, какой прилив сил приносила эта красота, если живёшь (а не отдыхаешь, как бывало на каникулах, а потом в отпуске) постоянно на природе! В весеннюю пору весь университетский парк благоухал ароматом внезапно распусившихся кустов и деревьев. Ещё не выпустив листья, они стояли как нереальные фиолетовые, жёлтые, розовые видения и даровали людям радость и гармонию.

Но, как выяснилось потом, этот чудесный парк оказался рукотворным. Следуя правилам традиционного учения «о воде и ветре» (фэншуй), он был сотворён по подобию естественной природы и ориентирован по частям света. Всё здесь было эстетизировано и «списано» с лучших природных и культурных образов.

Живописный пруд, манящий своей прохладой в жаркую пору, специально выкопанный по подобию водоёма в знаменитом *Ихэюань*, имел такое же название – «Вэйминху» (Озеро без названия). Летом здесь можно было кататься на лодке. А зимой, когда в белоснежном Пекине дули пыльные ветры и редкий китаец не носил закрывающую рот и нос от песка повязку (коу чжао), здесь можно было наслаждаться катанием на коньках по чистой глади пруда. Посреди него находился рукотворный островок с лёгкими прозрачными беседками. Летом к глади пруда склоняли свои ветви плакучие ивы, а в небольших заводях поднимал свои прекрасные цветы лотос.

Оказавшись в университете, мы должны были освоить своё новое жильё, чтобы там было уютно жить. Друзья-китайцы приходили потом, чтобы смотреть наши комнаты, потому что мы сразу повесили занавески и в комнате стало очень уютно. Как известно, стиль жизни китайцев и русских в то время сильно отличался по эстетическим показателям...

ВГ: Но было ведь и много непривычного?

ЗЛ: Когда мы приехали, погода была замечательная. Синее яркое небо, много фруктов, цветов, цветущие хризантемы! Осень – самое прекрасное время на Дальнем Востоке. Всё стоило достаточно дёшево, по нашим стипендиям. Всё необходимое было нам доступно. С другой стороны, постепенно стали возникать и проблемы. Весной появились ветры и пыльные бури. У нас в общежитии было холодновато, а в китайских общежитиях вообще не было никакого отопления! Я постоянно простужалась, и поэтому первой моей покупкой оказалась традиционная меховая куртка – оказалось, что она очень дорогая. Очень украшало нашу жизнь, что мы жили в чудесном парке. И меня потрясло, например, что на деревьях сначала зацветали обильные красные или жёлтые цветы, и только потом появлялись листья. Всё это заряжало нас энергией и радостью.

Запомнилось, что помещения (где мы жили) были внешне китайскими, а интерьеры, «начинка», была западная. И там были чаны с китайской горячей и холодной водой. И работали в доме по хозяйству работники-мужчины, которые убирали шваброй холодный цементный пол. Ну и, конечно, меня поразил парк! Дорожки парка были специально выложены как бы необработанным естественным камнем, поросшим травой. Рядом росли полевые цветы. Традиционный пейзаж парка оживляло живописное строение, напоминающее буддийскую пагоду, оказавшееся на деле всего-навсего водонапорной башней. И не случайно эта многоярусная «буддийская вертикаль», доминирующая над парком (изображённая на фоне голубого неба и возвышающаяся над жёлтыми крышами строений), стала символом *Бэйда* (Пекинского университета) на памятном значке,

воплощая идею необходимости постоянного совершенствования и восхождения духа человека.

Потом я собрала целую коллекцию значков Пекинского университета. Показательно также, что почти на всех присутствует лист древнего дерева гинкго («серебряный абрикос», прашур сосны и ели. – В.Г.), символизирующий крепость духа и, в то же время, экологичность китайской культуры. Без сомнения, этот знак – не только дань уникальности древнего вида, но и отражение культа дерева как символа культа живой природы в целом. Эта символика тем более уместна для учебного заседания, что высокое слово «учитель» буквально означает «прежде рождённый» (сяньшэн). Под «прежде рождённым» в китайской культуре понимается прежде всего природа – как наставник и как образец для подражания и сотворения человеческой культуры.

Совершенствовать разговорный язык мы имели возможность не только в учебном классе. Мы приехали в Пекин как раз накануне ноябрьского праздника. И здесь всё еще (начиная с сентября) стояла дивная пора сухой осени, радующей яркими красками синевы неба, разноцветной листвы и растущих в кадках хризантем, бесконечно разнообразных форм и цветовых оттенков.

Праздник Октября мы встречали в тёплом дружеском общении с китайскими друзьями (именно это слово кажется здесь уместным для выражения тогдашнего настроения) на площади Тяньаньмэнь, где было много встреч, окрашенных интересом к нашей стране и неподдельной искренностью праздника, играла музыка (и по большей части наши популярные советские песни). Мы, буквально пленённые по случаю советского праздника китайцами, так и были запечатлены с ними на фотографии в газете «Гуанмин жибао». А уже поздним вечером, по завершении праздника, мы были просто очарованы уникальным салютом-фейерверком. Мы уже успели приехать из центра города в Бэйда, а цветные всполохи всё ещё озаряли небо. Как я потом узнала, шло соревнование пяти провинций, а фейерверк был пятицветным, как и пристало китайской традиции.

ВГ: Наверно, наладить питание было тоже очень непросто?

ЗЛ: Получилось так, что мы с подружкой жили отдельно в общежитии, где была своя студенческая столовая. К сожалению, мне тогда не подсказали, что не надо было питаться в этой столовой. Молодые люди (юноши) ходили большей частью питаться в окрестных лавочках в районе Хайдянь. Ну, а я, как положено, ходила в столовую и заболела, потому что там были антисанитарные условия. Не было холодильника, и поэтому, например, «сяо чанцзы» (колбаски) нам давали не иначе как зажаренные до черноты. Яйца можно было есть только в виде жареной яичницы. Кроме того, я была очень спортивная и, прыгая с вышки в бассейне, наглоталась грязной воды. И вот так я заработала традиционную «болезнь иностранных китайцев» – воспаление желчных путей. Поэтому когда я вернулась летом из Китая в Москву, то сразу же попала в больницу. Конечно, это несколько омрачило мою жизнь. Тем не менее, впечатления о пребывании в Китае остались самые радужные.

Когда я училась на истфаке в Бэйда, у меня было много китайских друзей. Помню среди них археолога – представительницу рафинированной китайской интеллигенции Ли Дэ-цзинь. Но я потеряла с ней связь. До сих пор я переписываюсь со своей верной подругой Сюй Нин-ин. Даже когда я не писала, она писала мне постоянно. Она работала в Академии наук КНР в Гуанчжоу. Но уже давно ушла на пенсию...

Помню, когда мы приехали в КНР в 1957 году, СССР только что запустил в космос первый спутник, потом спутник с собакой лайкой. Китайские студенты всё это изображали в своей самодеятельности на сцене. Приходили к нам в университет и поздравляли нас целыми группами. И я видела, что они это делают искренне, не по разнарядке! Друзей было достаточно много, и среди них иностранные студенты (*лю сюэшиэн*) из очень многих стран – настоящий «интернационал». Однажды я даже танцевала в одном из посольств с тайским князем и играла в теннис с вьетнамцем. Общались мы все, естественно, на китайском языке. Я понимала, что, например, вьетнамцам легче изучать китайский язык, чем нам, потому что у них в своём языке восемь тонов. Они были более музыкальны, и культура у них более близка к китайской. В общем, остались самые приятные воспоминания и я считаю, что мне очень повезло, что в молодые годы я поехала в Китай как студентка. Это изучение живого языка и культуры Китая, конечно, повысило мой общий уровень. И я уже чувствовала себя более уверенно, когда возвратилась на родину и приступила к работе.

ВГ: Как определялись ваши научные интересы? Занимались ли вы наукой в Китае?

ЗЛ: Да, темой моей дипломной работы были реформы *Ван Ань-ши* и, находясь в Китае, я изучала в основном источники по этой теме. Продолжением этого, уже по возвращении на Родину, стала моя кандидатская диссертация – «Политическая борьба в Китае в связи с реформами в XI веке».

ВГ: То есть в СССР вы продолжили исследования, начатые в Китае?

ЗЛ: Когда мы вернулись на Родину, то узнали, что найти работу по специальности очень трудно. И мы с подругой устроились работать младшими техническими сотрудниками в Институте китаеведения АН СССР. Мы получали совершенно мизерную зарплату, какие-то семьдесят пять рублей, но считали, что нам ещё очень повезло. Потом я поступила в заочную аспирантуру при Институте восточных языков, некоторое время была в очной аспирантуре. А после защиты диссертации в 1964 году я перешла работать на кафедру истории Китая в Московском университете, где работала Лариса Васильевна, и стала преподавать. Погрузилась в разнообразную преподавательскую работу. За всё время работы я читала такие курсы, как история древнего и средневекового Китая, традиционная древняя и средневековая историография, историография нового времени Китая. Руководила курсовыми и дипломными работами студентов, а потом и кандидатскими работами. Потом были разные спецкурсы. Очень скоро подключилась к так называемому «колхозу», общему курсу по истории стран Азии в средние

века, и стала читать лекции по истории Китая, и даже Японии. А потом также долгое время читала курс истории Китая и принимала экзамены на истфаке МГУ (на очном и заочном отделении). То есть, прошла большую школу преподавателя. Я любила эти общие курсы больше, чем курсы по отдельным темам. Потому что, когда читаешь общий курс и выделяешь основные проблемы, там есть больший простор для творчества.

ВГ: Какие крупные события, помимо учёбы в Китае и преподавания, повлияли на вашу карьеру китаеведа?

ЗЛ: Во-первых, я была знакома со всеми крупными китаеведами из Отдела Китая Института востоковедения (ИВ АН СССР) – *Р.В. Вяткиным, Л.П. Делюсиным, А.А. Бокщаниным, Л.Н. Борох* и другими коллегами. И была среди них как своя. А потом, когда работала в университете, по-прежнему поддерживала с ними тесные связи.

ВГ: Потому что также работали вместе с ними...

ЗЛ: Да. Кроме преподавания в университете, для меня большим событием было участие в ежегодных конференциях «Общество и государство в Китае», которые уже более сорока лет проводятся в Институте востоковедения. Эти конференции расширяли кругозор и были очень полезными. Во-вторых, очень большое впечатление на меня оказал *Николай Иосифович Конрад*. В частности, я слушала его лекции, которые проходили при переполненных аудиториях. Как я понимала, одной из центральных тем его творчества была тема «китайского ренессанса» *Хань Юя*. Николай Иосифович доказывал, что понятие «жэнь» близко к европейскому термину «гуманизм». Говорил он очень ярко, и аудитория была в восторге. И сам его облик настоящего русского интеллигента был внушающим доверие. Он как бы поднимал человека и вдохновлял его своей яркой личностью! Душа жаждала чему-нибудь у такого человека поучиться! Мне даже посчастливилось видеться с ним лично: когда я защищала кандидатскую диссертацию, он был в составе Учёного совета. Он тогда приболел и я поехала к нему домой, чтобы он проголосовал, как член совета. Не так давно бывший стажёр нашей лаборатории (лаборатория была ведущей организацией при защите) *Е.В. Бадаев* написал кандидатскую диссертацию о Конраде. Я с удовольствием читала эту работу и обращалась в то прошлое, вспоминала эту яркую личность. Хотя в одном вопросе я была с ним несогласна.

ВГ: С чем вы не были согласны? С попытками Конрада провести слишком прямую параллель между Западом и Востоком?

ЗЛ: Да. Я понимаю, почему он проводил такую параллель. В 1957 году по его инициативе была издана Всемирная история, где проводилась очень важная мысль о том, что изучение истории Востока, как и Запада, является органической частью всемирной истории. И в этом была большая заслуга *Н.И. Конрада*.

ВГ: То есть Конрад пытался как бы «реабилитировать» Восток, используя европейские же реалии для разрушения европоцентризма в тогдашней всемирной истории?

ЗЛ: Именно так. Но ведь что касается понятия «жэнь», то оно гармонично бытовало в сознании китайцев всегда. И каждое поколение жителей Поднебесной заново осмысливало для себя учение *Конфуция*. Тут всё время шел некий процесс забвения и «ренессанса», «малого ренессанса». Я считаю, что древняя культурная традиция в Китае никогда не пресекалась. Конечно, на Западе среди гуманистов было много ярких личностей. Но, с экологической точки зрения, они были бунтарями, ставя человека выше Бога и выше природных сил. Поэтому я не разделяю общего восторга по поводу «гуманизма» на Западе. Что касается понятия «жэнь» в Китае, то оно намного глубже. Я долгое время не могла понять, почему понятие «бу жэнь» переводится как «паралич» на физическом плане. И вот, в одном из толковых словарей я нашла потрясающее объяснение: «На Небе – юань (первопричина, первоисток), а на Земле – жэнь». То есть, «жэнь» – это земная проекция «юань» как источника энергии. Это и «любовь». Это, как переводит *Л.И. Головачёва*, и «совесть». Это базисное понятие. К тому же я с удивлением обнаружила, что все три иероглифа «тянь» (天), «юань» (元) и «жэнь» (仁) состоят из одних и тех же элементов – две «палочки» (Небо и Земля) и «человек». Только «человек» в каждом из трёх иероглифов занимает разные позиции. Кстати, одно из направлений моих нынешних исследований – это постижение сути иероглифов, связь между ними. Есть люди, которые говорят, что иероглифы нужно «зубрить», так как они бессистемны. Но я считаю, что это тупиковый путь. Иероглифы, которые звучат одинаково в пекинском диалекте, – все имеют между собою тесную связь, уловить которую сейчас нелегко.

Кстати, о преподавании на китайском языке. Сегодня я понимаю, что в прошлом я была уж слишком добросовестной школьницей и студенткой. Но что такое – изучать восточный и, в частности, китайский, язык. Это, как у нас шутили, – прощай, молодость! Поскольку всё было построено на зубрёжке, а также в силу моего психологического склада, я всё время тревожилась («Завтра это будут спрашивать!») и училась в ущерб своему здоровью. В то время как Конфуций говорил, что учение должно быть в радость. Однажды произошел такой парадоксальный случай. Одна наша коллега не бывала в Китае, но, будучи творческим человеком, так изучила китайский язык, что все китайцы стремились, чтобы именно она была у них гидом-переводчиком. Так случилось, что одна моя студентка имела очень хорошие отметки по истории и «двойку» по китайскому языку. Тогда я попросила свою подругу позаниматься с этой студенткой. Через какое-то время эта студентка призналась, что открыла для себя совсем другой китайский язык и теперь с радостью учила его. Она очень быстро подравнялась, преуспела и стала учиться на «четыре» и на «пять». Потому что моя подруга применяла игровую методику.

Очень часто студентов заставляют механически заучивать сочетания иероглифов в одном слове, не осмысливая составляющие его иероглифы. Я полагаю, что язык нужно изучать, всё время обращаясь к словарю. Как писал С.Я. Маршак: «Нет, не словарь лежит передо мной, а древняя рассыпанная повесть». Если из-

учать иероглифы в их отдельном значении и в сочетании с другими, то можно достичь прорыва в обучении. Это будет удивительное обогащение! Потому что таким образом выявляется культурная семантика и целостность языка. Конечно, сегодня методика преподавания китайского языка в России значительно улучшилась. Но всё ещё до сих пор далека от идеала...

ВГ: Кто ещё из коллег-китаеведов заметно повлиял на вас?

ЗЛ: Кто ещё на меня повлиял? В какой-то степени на меня повлиял *Владимир Николаевич Никифоров*. Это было начало моего пути в науке. Я тогда писала свою первую статью о реформах *Фань Чжун-яня*. Писала с большим трудом, а потом узнала, что у тех, кто занимается китайским языком, как-то невольно «засоряется» русская речь. Так, вот, В.Н. Никифоров в нужный момент предупредил меня, что опыт писать научные тексты постепенно придёт со временем. Он меня очень ободрил. Я в это поверила. Мне теперь действительно легко писать. Тем более что я много редактировала чужие труды. Кстати, большой школой для меня была работа с редактором моих главных книг, Беатой Леонидовной Модель. Она была кандидатом исторических наук и правила мою рукопись. Я видела как она всё это делала и просто всё это в себя «впитывала». Такое общение было очень важно для того, чтобы обрести свой стиль, чтобы русский язык был на высоте. Ведь логика китайского и русского языка совершенно разная! Например, в китайском языке – нормально, если одно и то же слово употребляется на одной странице по двадцать раз и больше. По-русски же непременно нужны синонимы. А частое повторение одного и того же слова уже выглядит как убожество речи. В то же время китайский язык – язык образный. На него работает правое полушарие (мозга). Мне лично постигать китайский язык помогло знакомство с «Живой этикой» Рерихов, которая во многом основана на восточной мудрости, в том числе на китайской мудрости. И я со временем стала лучше чувствовать глубину традиционного текста.

ВГ: Действительно, смысл китайских текстов бывает необычайно глубок, неоднозначен!

ЗЛ: Смысл китайского текста многослоен, и каждый понимает его на своем уровне, в меру своей готовности. Вначале я этого не осознавала. Но потом стала вчитываться и у меня раскрылись возможности глубже постигать этот «переливающийся» смысл текстов. Эти тексты построены по принципу живой логики, в корне отличающейся от современной формальной логики и цивилизации Запада. Приведу один пример. Я изучала трактат *Ли Гоу* (1009–1059), и там есть триада: «План обогащения страны» (фу го цэ), «План усиления армии» (цян бин цэ) и «План успокоения народа» (ань минь цэ). Все эти планы пересекаются. Здесь воплощен экологичный образ дерева, гармоничное соотношение его частей, ствола и ветвей «бэнь мо» (本末), что может быть примером в творчестве. Все это выглядит как переплетающиеся корни или ветви одного древа. В эзотерическом глубинном китайском тексте есть повторы. Если что-то непонятно, то в конце будет

дано пояснение и идёт многократное наращивание смысла того или иного понятия. И это очень увлекательно. Как я уже говорила, мой учитель Чжоу Сунь-юань заложил мне любовь к расшифровке текстов. Это сродни шахматной игре, где ты высчитываешь комбинации, варианты, связи. Это очень хорошая гимнастика для ума, которая развивает интуицию и воображение.

ВГ: Предлагаю вернуться к более личным темам. Например, как изменялись ваши научные интересы в ходе всей вашей китаеведческой судьбы?

ЗЛ: Изучение Китая даёт хорошую базу для познания всей мировой культуры вообще. Моя докторская диссертация (тогда ещё можно было защититься по книге) – «Учение об управлении государством в средневековом Китае» (1985)². Фактически, я взяла за основу один источник. Но, на самом деле, я писала не о Ли Гоу, а о (краеугольном) понятии «цзин ши цзи минь» – «упорядочивание – гармонизация мира ради вспомоществования народу». Данный термин подводит нас к фундаментальному понятию китайской социально-политической мысли, которое получило наиболее яркое выражение в экзаменационном сочинении Ли Гоу. В основе этого мировоззрения лежал тезис о высоком предназначении человека, в данном случае монарха, призванного творить жизнь в сотрудничестве с Небом и Землёй.

В современном китайском языке бином *цзин цзи* имеет значение «экономика». Это западное понятие (*economy*) уже в традиционной одежде пришло в Китай из Японии, где оно прижилось уже после реставрации Мэйдзи (1867–1868). Перевод прежде неизвестного западного термина традиционным понятием *цзин цзи* (рождавшим у конфуцианских образованных учёных ассоциации, связанные со старым значением слова) был вызван отсутствием в целостной китайской культуре специального экономического предметного знания. В отличие от английского «*economy*» (который, прежде чем стал обозначением «экономической науки», был неотделим от осмысления собственно экономической жизни), бином *цзин цзи* обнимал комплекс единого целостного знания, включая экономический аспект лишь в качестве его составляющего.

Генезис этого учения как комплекса единого целостного знания (включавшего экономический аспект лишь в качестве его составляющей) о поддержании жизни, дарованной Космосом (Небом), и само бытование термина *цзин цзи* в политической культуре Поднебесной даёт нам основание поразмышлять о причинах успехов современного Китая. Можно с уверенностью сказать, что, проводя реформы и обсуждая проблемы экономики уже в современном значении этого термина, представители китайской политической элиты решают чисто «экономические» проблемы по традиции в более широком контексте жизни. Генетическая память, заложенная предками в традиционную культуру, ограждает их от всякого рода крайностей, не позволяя проводить эксперименты над собственным народом –

² Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: «Наука», 1985. 388 с.

ведь *цзин цзи* означает ещё и бережливость, экономность в самом высоком смысле как соблюдение меры в потреблении природных ресурсов и жизненной энергии самого социума и индивидуумов, его составляющих.

ВГ: Вопрос о глубинной сути китайского понятия *цзин цзи* 經濟, которому вы уделяете большое внимание, является сегодня особенно актуальным в связи с кризисом мировой экономики и глобальной идентичности. Быть может, в сбережении природных ресурсов и энергии социума как раз и заключается секрет преодоления или, что ещё важнее, предотвращения кризисов?

ЗЛ: Это очень сложный вопрос. Повторюсь, что и сами китайцы говорят сегодня, что «цзин цзи» – это просто «экономика». На самом же деле, это куда более широкое понятие, которое действительно означает ещё и «бережливость». Как говорится, «благородный муж бережлив в тратах». Нужна бережливость во всем, но прежде всего в затратах энергии. Сегодня это уже ясно всем, как никогда раньше. Способность сберегать энергию приводит к тому, что благородный человек продвигается вверх (*шан да* 上達) и, утончая свои вибрации, совершенствуется (*сю шэнь* 修身), а низкий человек деградирует (*ся да* 下達). Не случайно в Китае благородный человек уподобляется прямой и высокой сосне, а низкий человек – лиане, которая энергетически паразитирует за счёт других. Китайская культура очень экологична в своих образах и призывает к экономии средств и энергии.

Вообще, написав свою книгу, я думала, что термин *цзин цзи* – это частный момент, присущий только Китаю. А оказалось, что этот термин универсален и применим к политической культуре других стран Востока, в частности, как это не странно, к Индии.

ВГ: Как образовалась ваша лаборатория?

ЗЛ: В 1991 году у нас в ИСАА при МГУ возник творческий коллектив по изучению экологии культуры, который я возглавила и который потом в 1993 году был преобразован в лабораторию «Экология культуры Востока» (научно-исследовательское подразделение ИСАА), действующую уже почти 16 лет. До этого я была заведующей кафедрой истории Китая, но с восторгом приняла предложение о создании лаборатории и уступила руководство кафедрой Арлену Вааговичу Меликсетову, потому что уже «выросла» из рамок прежних научных интересов.

ВГ: Что представляет собой ваша лаборатория и какова её миссия?

ЗЛ: Как я уже сказала, в настоящее время я веду лабораторией «Экология культуры Востока», которая представляет собой научно-исследовательское подразделение ИСАА при МГУ. Лаборатория имеет в своём штате несколько докторов и кандидатов наук. Уже название лаборатории говорит само за себя – в нём органично соединены три важнейших направления гуманитарных исследований: экология, культура и Восток.

ВГ: Какие принципы лежат в основе работы по этим направлениям?

ЗЛ: Работа по этим направлениям базируется на глубинном понимании экологии как прежде всего целостного экологического сознания. Культура в таком

контексте понимается как самая широкая система общения человека с природой. Именно такова культура Востока, ориентирующая человека на духовное совершенствование. С учётом этого общая стратегическая цель лаборатории состоит в формировании экофильного сознания на основе обогащения экологических потенций культуры Востока и мира в целом. Конечно, при этом мы стараемся делать особый акцент на русской, российской, культуре, которая, в силу геополитического положения России, исторически являет собой мост между Востоком и Западом.

Наряду с этим в лаборатории разработана концепция нормативного прогноза желательного будущего мировой культуры (основной автор *К.И. Шилин*). Работая над созданием экологической модели как отдельного человека, так и народа (народов) XXI в., путём экосинтеза мировых культур (при обязательном сохранении своеобразия и уникальности каждой из них), небольшой коллектив лаборатории пытается внести свой вклад в преодоление экологического кризиса. В «ЛЭКВ» разработано понятие «Экософия» как система цельного Живого знания и как методология экологии культуры.

ВГ: Насколько актуальны все эти перемены и связанные с ними задачи?

ЗЛ: Осознание губительности конфронтации общества с природой требует коренной смены мировоззренческих координат, создания подлинной системы ценностей. Оно подразумевает необходимость сущностных перемен в науке и в образовании посредством интеграции лучших достижений культуры, науки, религии. Поскольку восточная философия (а точнее, её Экософия, или экологическая мудрость) построена на интегральном подходе к природе, к проблемам человека как её части, в лаборатории ставится задача освоения не только цельного или Живого знания, но и тесно с ним связанной Живой этики Восточных культур, исключающих конфронтацию человека с природой.

ВГ: Какова главная идея научных разработок лаборатории?

ЗЛ: «Узловая» идея научных разработок нашей лаборатории заключается в том, что структуры разных сфер – культуры личности, труда, производства, учебно-научного знания и, наконец, природы – аналогичны, подобны и логически тождественны друг другу. Благодаря этому возможно, меняя структуру знания, изменять и структуры всей «цепи». Здесь в латентном виде дана идея возможного снятия угрозы всеобщей экокатастрофы посредством гармонизации господствующих ныне формальной логики, гносеологии, диалектики, философии, цивилизации (рационалистической) личности и видов деятельности, имеющих свои ограничения.

ВГ: Занимаясь Экософией вы всё же не отходите от китаеведения?

ЗЛ: Да, я по-прежнему продолжаю работать как китаевед. Например, писала главы для «Истории Китая»³, под общей редакцией А.В. Меликсетова. Сейчас я пишу раздел по истории Сунской династии для десяти томной «Истории Китая»,

³ История Китая. Учебник. Под редакцией А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. 736 с.

под общей редакцией *С.Л. Тихвинского*. Есть моя глава «Конфуцианство» в учебном пособии «История религий»⁴. Я продолжаю заниматься и Конфуцием – опытом его личного совершенствования. Но, оставаясь китаеведом, я всё-таки расширила рамки своих исследований. Со временем меня уже перестали занимать определённые сюжеты только какого-то одного исторического периода – Сун, Тан и др. Кстати, ум у меня устроен так, что я не помню отдельные мелочи. Но меня интересуют более общие закономерности. И именно этот интерес вывел меня на понятие «культура». Я поняла, что история – это концентрированный опыт самопознания. Что, строго говоря, в китайской культуре не существует прошлого, настоящего и будущего, которые составляют один (непрерывный) поток вечности. Удивительно, что многие китайцы относятся к древнему учению Конфуция так, как будто Конфуций – это их современник. В то время как в России мы как бы более оторваны от своих предков и от своих корней.

Кстати, именно на примере Конфуция я поняла структуру «откровений» во всех культурах. По той же гексаграмме, построенной в шесть строчек, построены «Молитва» М.Ю. Лермонтова («В минуту жизни трудную...»), а также «Пророк» Пушкина, откровения суфиев – туркменского поэта Махтумкули и перса Хафиза. И все они основаны по матрице из «*Шу цзина*». Получается, что всё то, что содержится в «*Шу цзине*» – не только китайская, но и общечеловеческая мудрость. Суть её, по «*Шу цзину*», сводится к пяти аспектам совершенствования человека. Это прежде всего покоряющая речь (янь), вызывающий уважение облик (мао), духовное зрение (ши), духовный слух (тин) и, наконец, – как синтез всего этого – пронизательное мышление «сы». И этой пятерке соответствует пять первоэлементов (стихий) или пять аспектов движения духа...

ВГ: Какую тему вы считаете самой главной для себя? Ведь за прошедшие десятилетия вам приходилось изучать очень разные темы...

ЗЛ: Сейчас – это тема совершенствования человека. Суть проблемы состоит в том, что следует осознать, зачем человек приходит в этот мир. Китайская культура ясно отвечает на этот вопрос. Человек должен совершенствоваться. То есть в итоге сжечь свое «эго» и из простой личности стать творческой индивидуальностью. Китайская культура в принципе отличается от западной культуры тем, что там личность и «государство» не конфликтуют. Ведь у них одна цель. В идеале государство в китайской культуре рассматривается как инструмент для обеспечения жизни человека, а задача каждого подданного – совершенствоваться, возвышаясь духовно над своим «эго».

Кроме того, я думаю развивать тему искусства – как высшей формы культуры. В книге «*Экологическое воспитание*»⁵ мною написан материал об искусстве езды

⁴ Лапина З.Г., Винокуров В.В., Забияко А.П. История религий. Учебник. М.: Изд-во «Высшая школа», 2002. 463 с.

⁵ Лапина З.Г., Чжоу Хун, Шилин К.И. Экологическое воспитание – творческая индивидуальность будущего // Энциклопедия Живого знания. Т. 6. М., 2002. 256 с.

на колеснице. Там чётко показано, как буквально преобразуется сущность («семь тел») человека. Как Конфуций стремился к единению с Небом. Стремился быть на одной вертикали с Небом, подобно душе и телу возничего, который мчится на колеснице. Это означает быть способным «взять бразды в свои руки» и успешно осуществить все свои планы. В этом случае человек обретает силу, которая дана ему Богом, Высшим Разумом или Небом. И у него тогда появляются неограниченные возможности. Но большинство людей ведёт «приземлённый» образ жизни. Они и не помышляют, какая энергия – выше атомной – заключена в каждом человеке. Поэтому культура – единственное спасение. Кстати, очень интересно сравнить. В языке у представителей российской власти вообще понятие «культура» почти отсутствует.

ВГ: Но, ведь, можно отдавать дань культуре, даже и не говоря о ней словами?

ЗЛ: Действительно. В своё время я была поражена, когда увидела, как ежегодно 1 октября, в годовщину образования КНР, широкое пространство площади Тяньаньмэнь (Врата Небесного спокойствия) украшается многоцветным ковровым узором, как бы сотканным из двух переплетающихся символов китайской культуры – дракона и феникса, мужского и женского начал. Яркий ковёр буквально «соткан» из многочисленных цветов, растущих в земляных горшочках, умело спрятанных от взора. В этом праздничном убранстве заключена глубинная идея жертвоприношения, преподношения живых цветов Небу (Природе) как высшему началу, в соответствии с духом китайской культуры. Это выражение своеобразного ритуала, обращённого к Небу, как к «прежде рожденному». Это безмолвное, но зримое свидетельство того, что идеология «социализма с китайской спецификой» органически соотносится с истоками древней культуры. Следуя духу своих предков, вечно занятых поиском наведения гармонии (исключающий всякий конфликт и хаос), они, как и их учителя, стремятся обеспечить «счастье десяти тысяч поколений». Мне представляется, что пока руководители «Срединного государства» чтят память предков, Китай будет иметь перспективы развития жизни.

Что же касается моих научных интересов, то в 2001 году я выпустила книгу «Искусство властвовать»⁶, где помещены мой перевод экзаменационного сочинения Ли Гоу и перевод трактата Лю Шао «О сущности человека» (*жэньу чжи*), сделанный моим учеником *Георгием Вениаминовичем Зиновьевым*. Лю Шао – это автор. Я написала предисловие к этой книге, в котором концентрированно изложена суть моих научных изысканий. Я думаю, понятие «культура» генетически заложено в каждом китайце. И прежде всего тезис об учении как самосовершенствовании. Как говорили ученики Конфуция: «Учитель расширял нас с помощью *вэнь* и ограничивал посредством ритуала» (*бо во и вэнь, чжо во и ли*). Короче говоря, человек должен расширять своё сознание, духовно расти и сливаться с природой и Небом. Тем самым он обретает великую силу. Поэтому понятие «культура» явля-

⁶ Лапина З.Г. Искусство властвовать. Каноны (2 китайских канона: III и XI вв., первая публикация). М., 2001. 288 с.

ется ключевым. В трудах и речах политических деятелей Китая я тоже усматриваю язык, который хранит эту мудрость предков, пусть даже уже в современном изложении. Как писал Ломоносов: «Устами движет Бог». То есть, вылившаяся в запись речь как бы формирует человека. В речи и иероглифах заключена огромная сила. Поэтому я считаю угрозой потери своей культуры, большой угрозой для многих народов тот факт, что они подключаются к Интернету, где все общаются на английском языке. Язык культуры – это мощное оружие. И это оружие стреляет.

ВГ: Ещё одной большой угрозой для Китая я бы назвал отход от традиционной китайской письменности, вместо которой приняты упрощённые иероглифы. Но это уже особая тема... Вы говорили, что пишете книгу о Китае. Почему вы решили назвать её «Мой Китай»? И о чём вы пишете в этой книге? Это не мемуары?

ЗЛ: В какой-то степени. Я пишу о том, как я постигала культуру Китая через своё личное восприятие. Как я делала это, когда была студенткой, а потом преподавателем и исследователем. Так, когда полвека назад я жила и училась в Китае, я была ещё не готова понять глубинную сущность культуры Китая. Нас этому не учили, и мы этого не понимали. Может, только догадывались...

ВГ: Приходилось ли вам бывать в Китае после своей учёбы в Пекине?

ЗЛ: К сожалению, только один раз в 1986 году. Я ездила в Китай с делегацией Общества советско-китайской дружбы, куда входили деятели культуры. В их числе был *Никита Богословский* и другие известные композиторы. Это была очень интересная поездка по всему Китаю. Повсюду в нашу честь устраивали банкеты (от которых мы потом даже сильно уставали), и повсюду нам представляли местную кухню данной провинции. Мы проплыли по реке Янцзы. К сожалению, меня много раз приглашали, но у меня долго болела мама и я не могла оставить её одну в Москве. Сегодня меня тоже приглашают в Китай, и я думаю, что, наверно, скоро поеду туда.

ВГ: В каких городах Китая вы бывали?

ЗЛ: Во многих городах. Ещё студенткой я объездила почти весь Китай. Бывала в Пекине, Шанхае, Нанкине, Сиане, Лояне, Ханчжоу, Цзиньдэчжэне. Мы видели много достопримечательностей: дворцы и резиденции правителей, парки, гробницы. Как студенты мы путешествовали скромно, в сидячих вагонах. И у меня есть сохранившееся посвящённое нам стихотворение, где автор выражает восхищение, что мы ездим по Китаю в сидячем вагоне, наравне с простыми китайцами. Помню, что иногда проводники пускали нас в другие свободные плацкартные вагоны. Там не было постелей, но мы просто ложились на полки и это было настоящее блаженство!.. Были и комичные случаи. Однажды, на зимних каникулах, мы (четыре студентки) поехали в Сиань. Нас разместили в большом доме, где были большие перины и так жарко натоплено, что было невозможно дышать. Когда мы появлялись на улице, то там собирался народ, кричали ребятишки. Появление четырёх иностранных «граций» становилось целым событием. Но, вообще, отношение было везде доброжелательным.

ВГ: Какой уголок Китая произвел на вас наибольшее впечатление?

ЗЛ: Во время поездок по Китаю я просто сидела у окна и упивалась открывавшимся равнинным пейзажем. И эти пейзажи стоят у меня в глазах до сих пор. Во время плавания по Янцзы я увидела горы, которые китайцы часто изображают на своих картинах. И я поняла, что китайские пейзажи, эти казавшиеся фантастичными горные пики – не просто вымышленный плод воображения, а написаны с натуры. И меня это просто потрясло. Интересно, что пока мы плыли на пароходе, по радио на борту всё время шла пропаганда китайской культуры. Нам всё время рассказывали о тех местах, которые мы проезжали. Например, когда за бортом показалась родина древнего китайского поэта *Цюй Юаня*, нас познакомили с его биографией. А завершались эти рассказы лозунгами: «Да будем достойны патриотического духа Цюй Юаня!» Всё это было так необычно. И пекинская опера меня тоже очень поразила, хотя это было и непривычно с первого раза. Кстати, когда в Китай впервые приехал балет из Большого театра, я попала на представление. И рядом со мной сидели китайцы, которые очень неожиданно реагировали на балет. Всё же это условное искусство и надо родиться в этой культуре, чтобы воспринимать её условности. А они их не воспринимали, а только предельно изумлялись! Аналогичная история случилась и в российской глубинке. Как рассказывал Мстислав Ростропович, однажды он играл на виолончели в глухой деревне. На концерте в первом ряду сидели два бородатых крестьянина и, реагируя на музыку, всё время приговаривали: «Ишь (видишь), как пилит! Ишь, как пилит!» Их все утихомиривали, но они не обращали внимания и просто искренне обменивались эмоциями. А когда он переходил на высокие ноты, эти мужики очень беспокоились, что Ростроповичу стало плохо. Так вот, у тех неподготовленных китайцев была такая же неожиданная реакция.

ВГ: Так же часто реагируют и россияне на непривычные им звуки пекинской оперы. Ещё академик *В.М. Алексеев* в своей книге «В старом Китае»⁷ писал, как однажды он сидел на вечеринке со своими учителями в Пекине. После исполнения арий пекинской оперы они попросили Алексеева спеть какую-нибудь русскую песню. Когда же он запел низким голосом какую-то русскую народную песню, его уважаемые учителя попадали со стульев и стали кататься от смеха по полу. Успокоившись через некоторое время, они извинились и объяснили, что пение гостя напомнило им медвежий рёв!..

ЗЛ: Да, неподготовленные люди не понимают этого. Но как китаевед я и тогда понимала, что пекинская опера требует от человека постоянного совершенствования, великолепной выучки и высокого творчества. Были и другие яркие впечатления. Когда я однажды пошла в Шанхае к китайскому доктору (а он принимал на дому), то увидела традиционную китайскую мебель, непривычную для меня обстановку. Необыкновенно утончённый облик был и у самого врача. В общем, посещение дома китайского интеллигента также произвело на меня большое впечатление.

⁷ *Алексеев В.М.* В старом Китае. М., 2012. 512 с.

В целом, поучившись три года в Китае, я получила некоторый опыт постижения его культуры. Она воплощалась для меня не только в живописных парковых ансамблях, в богатейших исторических музеях, могилах императоров, буддийских храмах, городах-садах, но и в самом строе повседневной жизни. Неизгладимое впечатление представляла страна в дни праздника весны. Казалось, всё население передвигалось на колёсах, чтобы поспеть встретить новый год в кругу семьи. Органическими носителями китайской культуры выступали простые люди, чья память генетически связана с её истоками. Навсегда запомнился мне приветливый старик-*гунью*, в чью обязанность входило наведение порядка в нашем общежитии: он мыл огромной тряпичной шваброй каменный пол, топил печь, чтобы кипятить воду в огромном чане, и хлопотал по другим хозяйственным нуждам. Нередко мы слышали, как он пел свои любимые арии из классических китайских опер. Это означало, что он немного выпил подогретого шаосинского вина и находился в самом благодушном расположении духа. Добродушный и приветливый был человек.

Наши китайские друзья (почти все без исключения) при первом знакомстве непременно с пристрастием оценивали как мы пишем иероглифы. Неудивительно, что, например, каллиграфическая надпись мэра Шанхая украшала сцену консерватории, где шёл концерт традиционной китайской музыки и привлекал всеобщее внимание. В китайской традиции почерк человека свидетельствует о степени его совершенства: ведь, как утверждал знаменитый каллиграф Ван Сянь-чжи, «почерк выдает злодея».

ВГ: Время вашей пекинской учёбы пришлось на годы «большого скачка». Вы помните его?

ЗЛ: Да, я хорошо помню посещение «народных коммун», где китайцы говорили, что они так благодарны Мао Цзэ-дуну за то, что у них каждый день есть «кай шуй» (кипяток) в термосе. Так что я видела всё это своими глазами. Многие иностранцы поначалу впадали в эйфорию от возможностей «большого скачка», от того, как китайцы выплавляют сталь. Но я как-то понимала, что для китайской культуры всегда была важна мера, и не разделяла восторг по этому поводу. Но я видела и неподдельный энтузиазм самих китайцев, который вызывал уважение к людям, которые действительно хотели быстро построить идеальное общество. Потом я и сама трудилась на субботниках в *Шисаньлине*! На эти субботники иностранные студенты ходили единым строем. Все мы (студенты из Венгрии, Чехословакии, Румынии и других стран) очень сроднились в Китае и со многими из них мы потом сохраняли связи долгие годы!

Забыла сказать, что иностранные студенты жили в отдельном общежитии. А мы с моей подругой хотели большего общения, и поэтому перешли жить в китайское общежитие. Но когда мы пришли туда, то обнаружили, что китайцы почти не бывают дома. Их посылали трудиться, поэтому оказалось, что нам и незачем было туда переезжать! Но какое-то время мы всё же жили там, пытаюсь лучше

освоить китайский язык. Конечно, при изучении языка очень важно не только прямое общение, но и то, как были с самого начала заложены основы. Я могу, конечно, объясняться, читать, писать. Тексты я читаю лучше и без проблем, имею большой запас слов. Но достичь высокого уровня – говорить как китайцы – мне всё же не удалось...

ВГ: Вы говорите, что сохраняете связи с бывшими однокашниками по Пекину из других стран, и даже ездили на конференции в Венгрию. Как вы поддерживаете эти связи?

ЗЛ: Да. Все они потом ездили в Китай через Москву и все останавливались в нашей квартире. Их хорошо знали мои родители. Например, венгра Петера Полоньи из Венгрии, немку Интраут Хеньес из ГДР, румынку Аурелию, которая потом уехала в Израиль. Она в совершенстве выучила русский язык и тесно общалась с нами. Мы много переписывались и знали, кто чем занимается. В то же время было хорошо, что я поехала студенткой, уже имея за плечами университетскую школу. Я училась в Пекине три года, а они приехали после средней школы и учились в Китае по 8–10 лет. И все они китайский язык знали очень хорошо. Но в итоге они нашли меньшее применение своему знанию Китая. Их было много, и им было трудно найти работу у себя на родине. У меня было много знакомых чехов-китаистов. Два раза я была в Чехословакии в 1975–1976 годах, преподавала в Карловом университете для студентов-китаистов древнюю и средневековую историю Китая. Заведующей кафедрой стран Азии и Африки тогда была китаевед Марцелла Кубешова. Она часто приезжала в Москву, и мы издали вместе несколько книг по Китаю. Мы также ездили друг к другу по приглашению. В общем, были достаточно тесные связи.

ВГ: Какие-то научные связи были с восточноевропейскими коллегами?

ЗЛ: Раньше были, но сейчас – меньше. В нашей лаборатории за последние годы было много стажёров-китайцев. Мы сотрудничали с ними по линии культуры. Так, мы издали книгу «Экологическое воспитание» совместно с профессором Чжоу Хун из Юньнаньского университета. Она получила в Китае грант на публикацию, для которой я написала общий большой раздел об экологичности китайской культуры. Были у нас на стажировке профессора Юй Си-сянь, Хоу Цзин-линь из Пекинского университета, профессор Су Фэн-линь из Харбина, Оуян Чжи-юань (философский факультет Народного университета), а также многие, многие другие. Кстати, я была научным руководителем магистерской диссертации Го Чао на тему «Вклад Конфуция в систему образования».

ВГ: Уже почти полвека вы преподаёте в Московском университете. Как вы оцениваете сегодняшний уровень подготовки и интересов студентов-китаеведов?

ЗЛ: Сейчас я уже меньше преподаю. Конечно, студенты изменились за многие десятилетия. В своё время мы были очень преданны своей специальности. Мы ехали в Китай и даже не задавали вопрос: «На сколько?». А сейчас мне даже трудно найти хотя бы одного студента, который бы занялся изучением трудоём-

ких, но очень важных тем по китайскому средневековью. Ведь у меня очень много почти переведённых источников. И я могла бы дать их студенту, чтобы он доработал эти переводы. Но все студенты стремятся заниматься только современным Китаем! Все уже знают, где они будут работать. В целом я подготовила семерых кандидатов наук и была куратором двух докторских диссертаций. Одна из них по Китаю, по русско-китайским отношениям. Её написал профессор Су Фэн-линь из Харбина. Другая докторская диссертация – по Африке. Одну из кандидатских диссертаций защитил китаец Сюй Тао. Он сейчас успешно работает в Пекине...

ВГ: Следите ли вы за современными переменами в Китае?

ЗЛ: Слежу, конечно, и прежде всего за тенденциями в духовной жизни Китая. Особенно за курсом, направленным на создание гармонического общества.

ВГ: Раньше Конрад доказывал, что Восток – не хуже Запада. А сейчас оказывается, что, может, даже и лучше! Как вам кажется?

ЗЛ: Нет, он не лучше. Я бы сказала, что он «базиснее». Восток, по моим представлениям, не географическое понятие, а своего рода пространство сознания. Восточная культура – это традиционная культура. Даже тот, кто живёт на Западе – индейцы, например (это тоже Восток). Или, скажем, традиционная русская культура. Она восточная в силу своей экологичности. Она более точно и ясно выражает суть отношений человека и мира. Поэтому Восток является основанием.

ВГ: Выходит, будущее всё же за Востоком?

ЗЛ: Это видно и на примере Конфуция. Как говорил учитель: «Надо каждый день быть новым» (*жи жи синь*). Оказалось, он вовсе не был консерватором! Конфуций – это учитель будущих поколений. И вот сейчас наступило его время. Потому что в прошлом его трактовали, опять-таки, в рамках того сознания, которое имел каждый из его последователей или толкователей. Но почему Конфуций считается одним из Учителей человечества? Потому что он говорил, что нужно обращаться вспять к истории, ради счастья десяти тысяч поколений! То есть, он думал о будущем и работал для будущего. Он не был оценён, не нашёл себе применения на службе и даже говорил, что чувствует себя «несъеденной тыквой!» Но он стал Учителем. И, как сказал один из учеников Конфуция, «он будет колоколом будущего, у которого (служит для озвучивания) деревянный язык!» Что это означает? Как известно, дерево в китайской традиции ассоциируется с гуманностью «жэнь». А это значит, что идеи Конфуция – прежде всего учение о гуманности – будут звучать и разноситься по всему свету.

Я долго изучала проблемы *вэнь хуа* (культура) и *вэнь мин* (цивилизация). Древние мудрецы видели своим духовным зрением *ци* на тонком уровне, когда они ещё не материализовались. Они видели невидимое для обычного глаза и поэтому могли соблюдать меру в потреблении, могли понять суть «золотой середины». Когда их не стало, то, как сказал Конфуций, древние мудрецы заповедовали людям ритуал. А ритуал, как сказано в «*Ли цзи*», является «основой» и «утком» между Небом и Землей. Ритуал задаёт ритм и меру человеку, задаёт «золотую

середины» всему человечеству. Согласно китайцам, мир справедлив. Потому что он такой, каким мы его создали своими мыслями. Подобно тому, как ткётся ткань из тонкого шёлка, человек («космоткач») путём взращивания жизни (*ян шэн*) тоже создает себя и мир. Человек велик тем, что Космос, Небо творит через человека этот зримый мир...

На самом деле, всё самое существенное для культуры мира уже сказано в древних трактатах. Парадоксально, но, читая переводы, порою, неискушенный дилетант с раскрытым сознанием может увидеть в текстах больше, чем профессиональный китаевед. В этом отношении очень интересна посвящённая «*И цзину*» работа Дудорова⁸. Древние китайские трактаты – наследие не только китайцев, но и всего мира.

ВГ: Сейчас стало модным открывать по всему миру «Институты Конфуция», которые создаются при помощи правительства КНР. Считаете ли вы эту деятельность способствующей возвращению человечества к Конфуцию? Или это просто удобная форма массовой международной пропаганды китайской культуры?

ЗЛ: Я считаю, тут и то и другое вероятно. У нас в МГУ тоже открыли Институт Конфуция. Волнует меня то, что они делают основной упор лишь на изучение языка. Конечно, язык – это, можно сказать, базис культуры. Но тут важно учитывать особенности местной культуры. Не забывать, например, что эта деятельность ведётся в России. И поэтому необходимо, чтобы шло взаимодействие в более широком контексте культуры. На самом деле, в рамках этого института при желании можно осуществлять культурные связи и творить культурный синтез. Тут всё зависит от конкретных людей, работающих в Институте Конфуция.

ВГ: Насколько мне известно, «культурный синтез» наших стран – это как раз одна из основных тем, исследуемых вашей лабораторией «Экологии культуры Востока»?

ЗЛ: Собственно, поэтому мы в лаборатории тоже создали проект «Китае-России» или «СиноРоссии», с целью синтеза культур Китая и России. Ведь сегодня весь мир идёт к единению. А, по сути, именно к этому и призывал Конфуций. Символом единения во всех культурах является община. В том числе в России и в Китае. Дух единого творчества, создания единого пространства в рамках равноправной общины является наиболее перспективным. Я уже говорила о тех китайцах, которые жили на Дальнем Востоке, прекрасно знали язык и культуру России, но и о своей культуре не забывали. Синтез на уровне личности и на уровне общества должен идти непрерывно. И этот синтез должен идти на самом высоком уровне культуры. Носителями этого синтеза должны стать самые совершенные люди в обеих культурах. А они уже подтягивают за собой к этому единению остальных. И это не нивелирование культур. Потому что, как говорят китайцы: «благородные мужи объединяются, не растворяясь»

⁸ Дудоров О.Е. Основы теории перемен. Ицзин. М., 2003.

(*цзюньцзы хэ эр бу тун*). То есть, каждый благородный муж индивидуален. Но он сливается (*хэ*) с себе подобными на уровне духа, движимый высокой мыслью. В противовес этому корыстные мелкие люди (*сяо жэнь*) «растворяются, но не объединяются» (*тун эр бу хэ*). То есть, они действуют только ради выгоды, ради низкой цели. Многое тут зависит от качества партнёров. Если есть китайцы, которые знают и любят Россию, и если есть россияне, которые знают и любят Китай, то они всегда стремятся постичь культуру друг друга. Для этого нужна любовь. А любовь рождает (новую) энергию. Но сейчас таких людей становится всё меньше.

ВГ: Думаю, кризис должен умножить число таких людей по всему миру, так как заставляет их заново переосмысливать свою жизнь.

ЗЛ: Сейчас появляется много книг с откровениями, в том числе в сфере «живой этики», которые указывают, что этот кризис создан специально для того, чтобы человек вернулся к истинным, самым элементарным ценностям жизни. Многие люди меняют своё мировоззрение, переходят в другие сферы творчества. Начинают понимать, что деньги – призрачная ценность. К счастью, русский человек, несмотря на все свои недостатки, не потерял способность творческого горения.

ВГ: На волне глобализации сегодня остро встаёт вопрос о судьбе востоковедения как науки и образовательной специальности. Насколько правомерны такие попытки «закрыть» или «отменить» востоковедение в России? Как известно, *Хрущёв* уже закрывал китаеведение в СССР.

ЗЛ: Закрывал. У него это было от невежества и от непонимания Востока именно как пространства сознания, роли культуры Востока для судеб мира. Здесь, на Востоке, очень чётко обозначены ориентиры, смысл жизни человека. Но мало иметь великую культуру, нужно ещё уметь воспользоваться духовным опытом восточных мудрецов ради будущих поколений. А для этого нужно самим быть на уровне. Поэтому на «закрытии» востоковедения настаивают люди с низким сознанием. А культура – ключ ко всему!.. Способ построения будущего.

Возможно, корень попыток «отменить» востоковедение состоит в том, что и вся наука должна быть другая. Образование тоже должно быть другим. Слишком много научной схоластики, утомительных методов обучения. Не зря же мы сейчас готовим проект «Университет будущего». Современная наука во многом безответственна перед жизнью. Там есть право на эксперимент с непредсказуемыми разрушительными последствиями. Сейчас такое время, что приходится многое отрицать из, казалось бы, незыблемых достижений прошлого. И даже опыт восточных мудрецов приходится избирательно переосмысливать, выбирая всё лучшее.

ВГ: Идея создания некоего «университета будущего» уже витает в воздухе. Появляется много различных проектов. К примеру, Ю.В. Громыко предложил проект Международного русского университета. Совсем недавно принципиально утверждена концепция «Сетевого университета» ШОС. В то же время порой

приходится слышать звучащие с высоких трибун совершенно неприемлемые заявления типа того, что Сетевой университет ШОС нужен для того, чтобы пополнять кадрами организацию ШОС. То есть для самовоспроизводства этой бюрократической структуры. Но каким, всё-таки, должен быть этот «университет будущего»?

ЗЛ: Эта тема очень широкая, она выходит далеко за пределы Китая. Прежде всего, образование должно быть не субъект-объектным, а субъект-субъектным... Нужно не учить людей, как правильно действовать на пожаре. А готовить их так, чтобы они были способны самостоятельно принимать творческие решения, воплощать собой «Живое Знание». Эту задачу мы преследуем в Проекте «Живой университет будущего».

Нужно, чтобы представители двух культур лучше понимали друг друга. Приведу один пример. Одна наша студентка поехала в Японию на стажировку и так вошла в эту культуру, что японцы просто позабыли, что она русская. И когда она однажды поступила не так, как подобает японке, они её осудили. На что ей пришлось напомнить японцам, что она – русская. И что они, взаимно, должны воспринимать её так же, как она восприняла их культуру.

Есть ещё один очень существенный тезис: чтобы создать лучшее будущее, человек должен стать лучше. Всё зависит от расширения сознания на уровне каждого индивида... Но расширить или развить можно только то, что у человека есть хотя бы в зародыше. С другой стороны, в человеке заложено многое. Но ещё Конфуций признавал, что есть люди, которые вообще не могут учиться. Другим учиться не надо, так как они обладают знанием от рождения. А третьи быстро достигают высокого уровня при помощи учёбы. То есть, нужно создавать все условия для творческого развития человека, чтобы человек совершенствовался, то есть становился лучше. Это может звучать неконкретно, но на самом деле другого пути нет. Нужно давать каждому человеку именно те знания, которые он способен воспринять. Как говорил всё тот же Конфуций, одному ученику скажешь одно, и он сразу знает два. Другому ученику скажешь одно, а он уже знает десять (то есть всё целое). Никогда не знаешь, кто перед тобой.

ВГ: Что необходимо студентам-востоковедам для того, чтобы стать профессионалами?

ЗЛ: Если говорить о студентах-востоковедах, то главное для них в период обучения – это по-настоящему прикоснуться к культуре Востока, которая должна стать для них источником совершенствования. Обрести способность к различению добра и зла, способность к различению сути, образов и особенностей вещей, которые мы видим и слышим. Нужно развивать интуицию, обрести способность заглянуть в себя, осознать свои недостатки, расширить своё сознание, выйти за рамки предметного изучения, научиться воплощать в жизнь свои знания и применить к себе мудрость прошлого.

ВГ: В чём состоит современная и грядущая миссия российских китаеведов?

ЗЛ: Я считаю, что их будущее также зависит от расширения их сознания. Они должны быть на уровне не только китайской, но и прежде всего русской культуры. Но в реальности так бывает не всегда.

ВГ: Что общего есть у Китая и России, помимо общей границы? Что их сближает?

ЗЛ: Сближают не только общие интересы и общие достоинства, но и общие недостатки. Например, господство бюрократии и погоня за деньгами. Я считаю также, что и в России, и в Китае на уровне сознания, особенно у молодёжи, наметился слишком большой крен на Запад. Даже язык засоряется сегодня такими терминами, как «либерализация», «демократия», «гражданское общество» и другие. Я против «западничества» в России. И не согласна, когда китайцы доказывают, что у них в древности уже была демократия. Китайский и западный «либерализм» – это совершенно неидентичные понятия. Страшно, что некоторые наши руководители обеих стран воспитывались на Западе и не знают должным образом национальной культуры – русской и китайской культуры.

ВГ: Кто из китаеведов близок вам по духу?

ЗЛ: Их много. Я, например, очень уважаю *Л.И. Кондрашову*, которая перевела в стихах *Даодэцзин*⁹. Я считаю, что её перевод – идеальный. Она перевела этот трактат так, словно это не древнее произведение, а пособие на сегодняшний день. *Бронислав Виноградский*, переводя *Даодэцзин*, даёт на одной странице перевод текста, а на другой – его толкование. А у неё это совмещено в самом переводе. У неё необыкновенный талант! Кроме того, хотя она специалист по экономике, она глубоко постигает характер китайских иероглифов и китайского языка, пусть даже на дилетантском уровне. Но дилетанты, как ни парадоксально – это те, кто нередко первыми выходят на новые рубежи.

ВГ: Видимо, это всё же авторская адаптация, реинтерпретация текста?

ЗЛ: Нет! Вот именно, она переводит всё точно по тексту! Известно, что какого-то одного идеального перевода не существует. В каждом переводе сливаются качества автора оригинала и переводчика. Но Кондрашова перевела на достаточно высоком уровне, и я просто потрясена её результатом! Я очень ценю, как работает *Л.И. Головачёва*. Она настоящий подвижник в науке. Её трактовка учения Конфуция очень интересна. Вообще, нужно ценить каждого человека за то, что он делает. Прекрасно, когда все думают по-разному. Например, *А.И. Кобзев* – яркое, высочайшее выражение профессионализма. Я читала все его книги, писала рецензии на его работы. Это высокая предметность, доведённая до своего совершенства. Но я очень ощущаю в целом ограничения науки. Хотелось бы историю изучать не ради истории, а ради будущего, как это делал Конфуций. Изучать ради развития самой жизни, чтобы человек жил и был счастлив. Сама же наука ради науки, как известно, никого счастливым ещё не сделала.

⁹ *Лаоцзы. Дао-Дэ цзин, или Трактат о Пути и Морали / Пер. Л.И. Кондрашовой. М., 2003. 222 с.*

ВГ: Как вы оцениваете многотомный проект «Энциклопедия духовной культуры Китая», публикуемый по инициативе А.И. Кобзева?

ЗЛ: Я познакомилась только с первым томом «Энциклопедии» – «Философия». Там всё замечательно оформлено. Но нет целостного мышления, всё разделено по местным «квартирам». Только отдельные выдержки, соединение из частей, хотя и полезное.

ВГ: Над чем вы сами работаете в настоящее время?

ЗЛ: В настоящий момент я закончила раздел по истории Китая в период династии Сун для десяти томной «Истории Китая». К сожалению, это только полтора авторских листа. Одна из наших коллег в Петербурге тоже пишет раздел по средним векам. Потрясающая работоспособность у человека. Она подробно анализировала взгляды танского правителя *Ли Ши-миня*. Но мою книгу «Учение об управлении государством в Китае»¹⁰ она не читала и не использовала, потому что знает, что я занимаюсь преимущественно периодом династии Сун. Однако всесторонне рассматриваемое в моей книге понятие *цзин цзи* имело хождение не только при Сун, но и в танское время. Обратите внимание, например, что бином *цзин цзи* развёртывается по смыслу в *цзин ши цзи минь*. Из чего видно, что имя Ши-минь – это благопожелательное имя. А значит, танский император Ли Ши-минь был носителем учения *цзин цзи*. Ведь *цзин цзи* – это теория управления социумом в соответствии с природно-космическими законами. Есть такой жанр сочинения трудов – *цзин цзи лэй бянь* – где всё сущее классифицировано по родам: небо, земля, человек, военное дело, экзамены и др. Тут всё расписано как по нотам, не случайно, по великому плану. И всё это было бы ей полезно знать. Но, как правило, мы все – писатели, а не читатели. У меня лично так сложилась судьба, что я должна была читать лекции. А для этого должна была читать все учебники и монографии коллег.

ВГ: Участвуете ли вы в каких-либо ещё коллективных проектах?

ЗЛ: Помимо уже названных мною проектов, в лаборатории «Экология культуры Востока» разрабатывается проект «Экосинтез культур России и Китая гармоничного будущего». Адресатами этого проекта, субъектами творчества в культурном поле двух сторон должны быть русские и китайцы, равно озабоченные будущим наших отношений, понимающие, что Россия и Китай просто «обречены» быть добрыми соседями. Очевидно, что общение китайцев с русскими (россиянами) на современном этапе требует известной коррекции. Один из самых актуальных вопросов, как лучше выстроить общение двух стран. На этот вопрос и даёт ответ концепция экосинтеза культур Востока–Запада–России, разработанная в лаборатории «Экология культуры Востока». В основе её лежит тезис о том, что создать гармоничное будущее мира и, в данном случае, общение Китая и России, возможно лишь на основе самого широкого понимания понятия «культура», выступающего как система общения человека с природой.

¹⁰ Лапина З.Г. Учение об управлении государством в Китае. М., 1985. 388 с.

ВГ: А как же политика и экономика?

ЗЛ: Именно духовная культура, в пространстве которой проявляется творчество самого космоса, должна стать основой всей жизни, включая политику-экономику. Как известно, культура – главный энергетический устой космической эволюции человека. Она ориентирована на вечность. Культура – это Дух творчества самого человека. Цивилизация – это материя; она конкретна и преходяща. Сейчас нарушена мера в должном соотношении культуры и цивилизации. Материя отошла от духа. Поэтому так ценен опыт древних культур – источник духовной мощи каждого народа и всего человечества.

Изученный нами личностный опыт Конфуция по совершенствованию (запечатлённый в «*Лунь юе*») обнаруживает общечеловеческую значимость матрицы китайской культуры. Это подтверждает, в частности, и сходство описания опыта духовного восхождения Конфуция и Пушкина. Русский гений запечатлел его, как известно, в своем наиболее значимом произведении «Пророк» (1826). Поразительно, что Конфуций и Пушкин, воплотившие в своём творчестве высокую суть культуры Срединного государства и России, выразили удивительно близко смысл своего духовного подвига. Оба текста, так же как и процесс трансформации человека в личность, а затем в индивидуальность высокого духовного плана, сотканы по единым космическим законам, выраженным в структурном построении по пяти аспектам служения высшему. Вторить прекрасному порядку Вселенной можно, лишь встав на путь самосовершенствования. Суть его – в развитии способности человека взаимодействовать с высшими уровнями, являть обществу достойный облик, покоряющую (убедительную) речь, острое зрение, тонкий слух, проницательное мышление.

ВГ: То есть, культура – это тот самый «золотой ключик», который откроет путь к общему счастью «десяти тысяч поколений» в России и Китае?

ЗЛ: Культура, как средство созидания будущего, позволяет нам общаться друг с другом на языке духовности. Настало время для потомков быть достойными надежд наших духовных учителей, осознанно синтезируя опыт духовного восхождения, хранимый в китайской и русской культурах на благо наших народов. Культура высветляет прежде всего энергетическую мощь человека, его потенциальные возможности, которые представлены в высоких носителях культуры, этих маяках духовного подвижничества. Значение нашей эпохи – в осознании возможности претворения этой мощи в жизнь.

ВГ: И всё же, насколько реален и перспективен такой синтез культур?

ЗЛ: Китай долгое время с разной долей успеха строил своё общество беря за образец западные мерки (капитализм, марксизм и т.д.), а свою традицию, восходившую к культивированию жизни, сводил лишь к специфике. Настало время сменить основание и поменять местами общее и особенное. В контексте мировой культуры китайская (восточная) специфика неминуемо должна быть осознана, по своему типу, как общий фундамент. В этом деле свой весомый вклад может

внести Россия с её классической культурой, находящейся на перекрёстке двух влияний и потому обладающей бесценным историческим опытом диалога и гармонического синтеза культур своих восточных и западных соседей.

Взаимодействие культур Китая и России – конкретное воплощение процесса синтеза культур как реального средства нормативного прогноза желательного будущего культуры. В рамках проекта, естественно, созреет новая реальность: две культуры, нуждаясь друг в друге, гармонично взаимодействуя (как инь-ян), гармонично дополняют друг друга. В этом контексте выявляется самоценность каждой из культур, расширяется сознание участников культурного синтеза.

ВГ: Кто призван осуществлять ваш проект?

ЗЛ: Мне кажется, что осуществить этот проект должны в первую очередь русские китаеведы и китайские русисты. Причём главное, чтобы они любили изучаемую страну и были носителями культуры своей родины. А любовь порождает энергию. В целом же наш проект предусматривает выявление и формирование духовных элит двух стран. Союз творческих личностей России и Китая – неформальный коллектив, должен создаваться по велению сердца, на духовной почве. Каждый сотрудник должен осознать свою личную ответственность за судьбы России и Китая, мыслить позитивно, вдохновенно работать на духовное единение двух стран.

ВГ: Мне кажется, наше интервью стоит завершить именно этой замечательной мыслью, которая звучит как мудрое напутствие и пожелание! Спасибо большое, Зинаида Григорьевна, за такую интересную беседу!

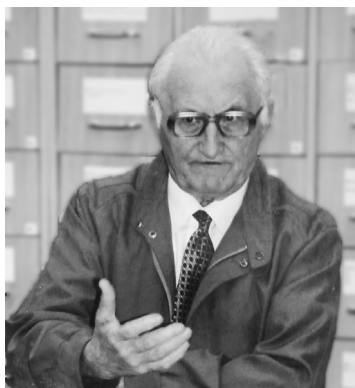
ЗЛ: Спасибо, всего доброго!

МЕЛИХОВ ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
INTERVIEW WITH GEORGY V. MELIKHOV

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies – the Oral History

*The Project is supported by RHSF Grant № 12–21–10000 «Sinology – the Oral History»,
International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)*

Мелихов Георгий Васильевич (ГМ)

Китаевед, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН

Специалист по истории русско-китайских отношений в XVII–XX вв.

Место: Москва

Дата: 14 апреля 2012 г.

Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ)

Примечания: В.Ц. Головачёв,

А.И. Кобзев

Продолжительность: 4 часа

Georgy V. Melikhov

**Sinologist, Full Doctor (History)
Leading Research Fellow, Institute of
the Russian History (Russian Academy
of Science)**

**Expert on History of the Russian-
Chinese relations during the XVII–XX**

Place: Moscow

Date: April 14, 2012

Hosted by: Valentin Ts. Golovachev

Footnotes: Valentin Ts. Golovachev,

Artyom I. Kobzev

Duration: 4 hours

Мелихов Георгий Васильевич (1930.06.14, Харбин). Крупный российский историк-китаевед, доктор исторических наук (1986), ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Родился в семье инженера, строителя

КВЖД. Учился в Лицее св. Николая в г. Харбине, Харбинском политехническом институте. В 1950–1955 гг. преподавал русский язык в Пекине, в Народном и Пекинском университетах. По возвращении в СССР в 1955 г. работал на границе с Казахстаном. Окончил Институт восточных языков при МГУ (1964), работал внештатным переводчиком ряда центральных издательств Москвы. В 1959–1970 гг. – сотрудник Института китаеведения (ИБ) АН СССР, в 1970–1980 гг. работал в ИМЭМО АН СССР, а затем – ведущим научным сотрудником ИИ СССР (ИРИ РАН). С 1984 г. является действительным членом Русского географического общества, а с 1993 г. – председатель Ассоциации «Харбин (Москва)». Автор книг: «Маньчжурия далекая и близкая». М., 1991 (2-е изд. М., 1994); «Российская эмиграция в Китае» (1917–1924). М., 1997, а также других монографий и статей. Специалист по истории русско-китайских отношений в XVII–XX вв., истории российской эмиграции на Дальнем Востоке, истории Маньчжурии и Приамурья в период династий Мин (1369–1644) и Цин (1644–1912).

ВГ: Добрый день, уважаемый Георгий Васильевич!

ГМ: Здравствуйте!

ВГ: Вот, прежде чем приступить к работе, позвольте передать вам на память текст интервью с *Юрием Мисаковичем Гарушянцем*, с которым вы когда-то вместе работали.

ГМ: Да, мы были очень похожи с ним по характеру!

ВГ: Похожи?! Мне кажется, что вы не очень похожи, у вас несколько более мягкая манера общения.

ГМ: Ну, это не так. Мои деды происходили из казаков, и всё оттуда идёт. Поэтому характер у меня очень нетерпеливый был. Но, видишь ли, в чём дело, я научился свой характер сглаживать. Потому что иначе было бы просто невозможно в Советском Союзе жить.

ВГ: Времена были действительно такие, что нужно было уметь сдерживаться.

ГМ: Да, и я всё это сумел. Вы не можете себе представить, что мне пришлось пережить здесь!

ВГ: Я тут почитал вашу книгу «Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке»¹. Среди многих интересных иллюстраций увидел фотографию «старостата» Харбинского политехнического института за 1924 год. На этом фото, в числе прочих студентов, запечатлён некий Мелихов. Это ваш однофамилец или это родственник?

ГМ: Это отец.

ВГ: Вы пишете в своих воспоминаниях о том, что ваш отец работал на КВЖД. Когда ваша семья приехала в Китай? Наверно, это было ещё до Октябрьской революции и последующей волны «белой» эмиграции в Китай?

¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. 320 с.

ГМ: Да, давно, и даже очень... Когда строительство КВЖД ещё только начиналось, в Маньчжурию приехали оба моих деда. Дед со стороны матери, Пётр Павлович Меньшиков, обосновался примерно в районе Хайлара. Дед со стороны отца, Георгий Яковлевич Мелихов, поселился в Бухэду, на другой стороне Большого Хингана. Станция Бухэду – это Западная линия КВЖД, курортная местность у отрогов Большого Хингана. Оба они жили преуспевающе, потому что была «рабочая косточка». Они не чуждались никакой работы и были просто очень богатыми, состоятельными людьми. Можно сказать, что все тогда были богатые. Потому что в тех местах иметь сотню овец – это был мизер. Живущие рядом монголы пасли овец, принадлежавших тем, кто работал при КВЖД. В общем, жили очень хорошо, дружно. Мой отец родился в 1903 году в *Харбине*. Потом, через много лет, отец выдворился из Бухэду и переехал в Харбин, где поступил в *Харбинский политехнический институт (ХПИ)*, стал харбинцем. Окончил этот блестящий институт, инженерно-строительный факультет, и был прекрасным инженером путей сообщения. К моменту окончания института в Харбине ему было уже около 25 лет.

ВГ: Какой работой занимался ваш отец?

ГМ: Он был строителем-железнодорожником. Работал на разных дорогах, работал вместе с *Б.В. Остроумовым* на Хухайской дороге. Сам проектировал дороги в районе Чола и так далее. Там я и родился 14 июня 1930 года, в Харбине, в полной хорошей семье.

ВГ: А где и когда он познакомился с вашей мамой?

ГМ: Познакомился ещё в Бухэду. Бухэду, как я уже говорил, это крупный железнодорожный узел на восточном склоне Хингана, с оборотным депо, перед самым подъёмом на Большой Хинган. Там поездам давалась двойная тяга, были сдвоенные паровозы. И, главное, там был хороший персонал, были лучшие железнодорожники. Мои родители сначала познакомились в Бухэду. Потом отец учился...

ВГ: То есть ваши родители были земляками.

ГМ: Они не были земляками, но жили очень близко друг от друга, по разным склонам Большого Хингана. Бухэду был на восточном склоне Хингана, а дед мой по матери жил на западном, в районе станицы Хунхульди. Это был чисто казачий посёлок. Никого из иностранцев в нём не было. Там и жила вся семья: бабушка Вера Васильевна, дочери Вера, Надежда, Любовь², сын Алексей (любимый дядя Алёша) ... То есть все мои тётки – они оттуда. Потом мать уехала в Бухэду, там познакомилась с отцом. Затем они перебрались в Харбин и поженились. Отец мой – самый дорогой для меня человек: ему я обязан всем. Мать была, конечно, не менее дорогой, любимой. Она всегда заботилась обо мне, всё делала для меня и ради меня, потому что я был её единственным сыном, как «свет в окошечке». Но всё это было до 1941 года, когда мои мать и отец развелись. Отец работал потом в Мукдене и Чанчуне. А мать тоже уехала в Мукден, вышла там замуж, тоже хорошо, и всё время за мной следила, меня поддерживала.

² Мама Г.В. Мелихова, Любовь Петровна, родилась в 1907 г. в Чите.

ВГ: После развода вы остались жить с мамой?

ГМ: В 1940 году нам с мамой пришлось вернуться в Харбин. На семейном совете было решено: я должен поступить в закрытое учебное заведение – знаменитый *Лицей св. Николая*, находившийся в ведении Русской Католической Епархии (*Церковь византийско-славянского (восточного) обряда*). Почему в этот лицей? Это было одно из самых лучших учебных заведений в Харбине того времени и, вместе с тем – интернат, воспитанники которого жили на полном пансионе. До этого я с 7 до 11 лет был на семейном воспитании, учился и воспитывался дома. Меня учила мать, учил отец (очень оригинально) и ещё кто-то из авторитетных, дорогих и приятных членов русской колонии в Мукдене. В общем, это было хорошее домашнее образование. А потом я готовился, держал экзамены и поступил в этот лицей, который, как я теперь понимаю, был одной из лучших школ не только в Китае, но и в мире. Достаточно сказать, что нам преподавали шесть языков!

ВГ: Какие это были языки?

ГМ: Церковно-славянский, русский, китайский, японский, английский и – обязательно – латынь. Но это лишь одна сторона учёбы. Преподавали нам изумительные учителя, священники-христиане, которые имели учёные степени и высокие священнические саны, уроженцы Западной Европы, в основном из Белоруссии и приграничных районов Польши. Своё высшее образование они получили в Петербургском университете, в польских университетах, в Риме, Париже. И приходили к нам преподавать (смеётся) ... арифметику.

Руководители лицея подобрали и очень хороший коллектив преподавателей-мирян из Харбина, большинство из которых имели опыт работы в России. Напомню только одно имя – *Виктор Всеволодович Власов фон Вальденберг*, автор книги «Русская история», потрясающий человек. Все педагоги были глубоко воспитанными людьми. Они создавали атмосферу! Дисциплина была строгая, но не было никакой муштры. В тех условиях они проводили с нами огромную работу по развитию знаний, навыков, способностей! Помимо учёбы устраивали всевозможные игры, шарады, – у нас был целый комплекс развивающих игр. И конечно, во главе воспитания стоял спорт. Лицейские всегда были лучшими спортсменами города Харбина. В этой среде я и рос. Всё, что я сумел потом сделать, было сделано за счёт дисциплины, за счёт лицея. Всем этим я обязан лицу!

ВГ: Как долго вы учились в этом лицее?

ГМ: Я учился в лицее до 1947 года. Отец абсолютно правильно считал, что мне нужно окончить учёбу с советскими документами. Поэтому я перешёл в Третью полную среднюю школу, как она тогда называлась. При этом «выиграл» целый год, окончив её в 1948 году. Школа находилась в здании бывших коммерческих училищ, где раньше учился и мой отец.

ВГ: Мы часто задаём участникам проекта, героям наших интервью, вопрос о том, когда и как они впервые услышали или узнали, что существует такая страна

как Китай. Но нет никакого смысла задавать такой вопрос вам, потому что вы родились в Китае.

ГМ: Я, наверно, родился со словом Китай на устах и усвоил это слово если не со дня своего рождения, то где-то очень близко от него. Китай был всегда рядом. Это была огромная страна, рядом с нами жили китайцы – великолепный народ.

ВГ: В какой момент вы всё же почувствовали и осознали, что вы – русский человек, который живёт в Китае. Или вы не отделяли себя от китайцев?

ГМ: Такого ощущения у меня никогда не было. Я всегда осознавал, что я русский – это точно. Но всё моё окружение было китайским. Это было абсолютно нормально и естественно. Китайцы всегда окружали нас заботой и вниманием. Конечно, я знал, что это такая страна – Китай.

ВГ: То есть, хоть вы и родились в Китае, у вас всё же была русская идентичность. В таком случае, как вы воспринимали далёкую Россию, которую никогда не видели?

ГМ: По своей крови я – русский. Мой дед приехал из России. Дома всегда можно было слышать разговоры о величии моей страны, её замечательной истории и культуре. Вот, таким образом, исподволь, совершенно незаметно, на этих разговорах я стал глубоким патриотом России. Настоящим патриотом России! Хотя мы об этом в семье никогда не говорили.

ВГ: Но при этом о самой России вы узнали заочно. То есть, это было заочное знакомство с родиной ваших предков?

ГМ: Да, заочное. Хотя слово «заочное» мне не нравится, оно в данном случае неточно. Ведь дед-то родной, Мелихов, был русским! С другой стороны – тоже родной дед был русским. Один приехал в 1898 году. Другой – в 1899 году, может быть. Они всю жизнь прожили в Маньчжурии. Но при этом всю жизнь прожили практически в местной русской среде³.

ВГ: Были ли у вас китайские друзья, друзья детства?

ГМ: Конечно, конечно были! Было и много старших китайских друзей, которые заботились обо мне, как маленьком мальчике, всегда угощали какими-то лакомствами, что было очень приятно. Корейцы у нас тоже жили в Маньчжурии – «русские» корейцы.

ВГ: Как вы общались с китайцами?

ГМ: Мы с ними общались в основном на русском, китайском и на ломаном русско-китайском языке. Но общались мы прекрасно без всяких переводчиков! Равно как и с маленькими японцами. Когда мой отец жил в Чанчуне, в Синьцзине («Новая столица» это тогда называлось)⁴, там уже поселились японцы (японские поселенцы). В районе Куаньчэнцзы он строил одно из зданий министерства ино-

³ Жизнь дедов и родителей Г.В. Мелихова в Маньчжурии подробно описана в книге: *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003.

⁴ В 1932–1945 гг. Чанчунь под названием Синьцзин (в переводе: «Новая столица») являлся столицей марионеточного государства «Маньчжоу-го», созданного японцами в Маньчжурии.

странных дел нового государства Маньчжоу диго. И там я жил рядом с японцами, с япончатами, с которыми мы особо не дрались. В общем, дружили и играли, собаки у нас были общие... Поэтому я нахватался там «с ходу» ещё и японских слов.

ВГ: То есть, детство у вас было интернациональное: вы дружили и с русскими, и с китайцами, и с японцами.

ГМ: Да, это был в хорошем смысле слова «интернационал». Ненавязчивый и естественный. В результате я неплохо говорил по-японски. На китайском я говорил гораздо меньше. Отец меня не воспитывал, не подталкивал к усвоению китайского, но сам говорил очень хорошо.

ВГ: Я как раз хотел поинтересоваться, как складывались ваши личные отношения с китайским языком?

ГМ: С китайским языком? С его изучением я впервые соприкоснулся в лицее, где у нас были преподаватели китайского языка: господин Василевский и Т.А. Морев. Они не были выдающимися китаеоведами.

ВГ: А были ли преподаватели-китайцы как носители языка?

ГМ: Китайских преподавателей не было как-то.

ВГ: Легко ли было учить китайский язык, нравился ли он вам тогда?

ГМ: Он не приводил меня в восторг. Потому что русская среда была сильна. Не было особой потребности и особого интереса тогда ещё не было. А вот когда я окончил школу и поступил в ХПИ (под влиянием отца, который был инженером путей сообщения и, конечно, хотел, чтобы я тоже пошёл по этой линии), то у нас там был замечательный педагог. Он запал мне в душу, и я запомнил его на всю жизнь. Китай и китайский язык у меня во многом ассоциируется с ним, потому что в наше студенческое время мы много увлекались спортом, по-своему «разгильдяйское» это было время. И вот, приходит на урок человек среднего возраста, в тёмном костюме с галстуком, подтянутый, смуглый, такой блестящий «дэнди» с исключительно благородными манерами, который великолепно говорит по-китайски и объясняет нам всякие китайские премудрости. Этот человек, звали его *Глеб Иванович Разжигаев*, глубоко запал в моё сердце как китаевед, который, видимо, хорошо знает Китай, потому что «дышит» Китаем. Он явился к нам «из того соседнего китайского мира», запросто повсюду разговаривал с китайцами. В то время у нас в ХПИ уже образовался восточно-экономический факультет, где кафедру китайского языка возглавлял *Инполит Гаврилович Баранов*. Это был тоже глубокий знаток Китая, всех китайских обычаев и реалий – настоящий китаевед. Правда, сам я тогда как-то наладился «в техническую сторону», поэтому мало контактировал с китаеоведами с восточно-экономического факультета.

ВГ: Когда же у вас проснулся настоящий интерес к Китаю?

ГМ: Я был уже студентом второго курса электромеханического факультета ХПИ, когда у меня установились хорошие отношения с харбинским обществом китайско-советской дружбы. Они устраивали разные мероприятия, с ними я также стал заниматься китайским языком, и они сделали для меня особенно вели-

кое дело. Это общество пригласило небольшую группу, меня и ещё примерно с десяток молодых харбинцев, поехать в Пекин для обучения китайских студентов русскому языку. В Пекине я побывал впервые ещё в 1938 году, мы ездили туда всей семьёй. В студенческие годы я уже много знал о Пекине, и эта возможность меня, конечно, очень заинтересовала. К тому же в 1949 году произошло очень серьёзное событие, образовалась Китайская Народная Республика. К моему удивлению, отец исключительно терпимо отнёсся к известию о том, что я не пойду по его стопам, перестану учиться в ХПИ, в техническом вузе. А вместо этого уеду в Пекин, чтобы заниматься там интересующим меня делом. В итоге, в самом начале 1950 года, в январе, я уехал в Пекин и прожил там 5,5 лет. Это был очень интересный период, во время которого я с утра до вечера по собственной инициативе «безумно» занимался изучением Китая и китайским языком. Собственно, в Пекине я и стал «наполовину» китаеведом.

ВГ: То есть, ваш настоящий интерес к изучению Китая и китайского языка проявился уже в Пекине?

ГМ: Во-первых, мне нравился сам Пекин тех лет. Такой старьёй, спокойный город. От первого приезда в 1938 году остались в памяти прохлада торгового пассажа на Ванфуцзине, выставленные на прилавках антикварных магазинов всевозможные старинные вещи, какая-то необычная атмосфера... Но я, конечно, не очень помнил тот визит. Поэтому второе свидание и знакомство с Пекином стало для меня «по-настоящему первым». И я был просто восхищён. Мы бродили по всему городу, наблюдали и слушали пекинцев, которые говорили на очень хорошем, певучем и красивом китайском языке. Люди выглядели довольно беззаботно, хотя обстановка была ещё не очень спокойная. Запомнился один мой большой друг, военный, с которым мы также вместе занимались китайским и русским языком. Когда я однажды спросил, не боится ли он ходить в одиночку по вечернему городу, он ответил, что не боится и достал из-за пазухи большой маузер. Этот друг потом погиб в Корее, куда был послан в качестве китайского народного добровольца в годы Корейской войны⁵.

ВГ: Кто преподавал вам китайский язык в Пекине?

ГМ: Кто только не преподавал! Прежде всего – кадровые работники и преподаватели Народного университета Китая 中国人民大学, куда мы приехали с группой. Они приходили ко мне «в три смены», учили меня китайскому, а я учил их русскому языку. Это были люди в возрасте, ганьбу, военные. И студенты ходили толпой, которую там, конечно, как-то регулировали. Все они приходили ко мне домой, и мы тоже всё время занимались языками. Плюс к этому, я вышел на улицу. Я уже стал разговаривать по-китайски и даже с этим «ограниченным» языком чувствовал себя просто как рыба в воде. А потом узнавал всё больше и больше. Иероглифы учил очень старательно, писал их длиннейшими столбцами на бумаге. Потом переворачивал бумагу и старался их запомнить. А произношение, разго-

⁵ Корейская война – война на Корейском полуострове 1950–1953 гг.

ворная речь мне давались легче. Пекинский северный диалект позволил намного облагородить мой «харбинский» китайский и, в общем, всё получалось неплохо...

В Народном университете Китая я проработал 1,5 года. Всё это время мы жили в общежитии, расположенном в старой части города, в переулке Мадажэнь – Дунсы Мадажэнь хутун. Это были несколько дворов и двориков, сообщающихся друг с другом. Условия были очень хорошие. К нам был прикомандирован повар-китаец, который кормил нас по-китайски и часто готовил очень вкусные китайские пельмени... Со временем я незаметно вырос в очень хорошего преподавателя. Сказались живость характера, язык, знания, уважительное отношение к ученикам. Все они были намного старше меня, те мои ученики – в большинстве своём военные и кадровые работники.

ВГ: В те годы, вскоре после образования КНР и горячей дружбы с СССР, изучение русского языка, наверно, пользовалось огромной популярностью.

ГМ: Да, конечно. Были потом и студенты, которые поехали учиться в СССР. Но я говорю о кадровом составе первых курсов Народного университета, на которых учились взрослые, более старшие люди. Среди них было много военных, ветеранов войны. И все они изучали русский язык. А мне очень нравилось преподавание. Видимо, были у меня какие-то определённые способности, потому что я просто завораживал своих учеников, пользовался у них успехом. Между нами была огромная симпатия. Я учил их русскому языку, они меня – китайскому языку и знанию Китая. Всё это было очень дружно и прекрасно. Но, проработав 1,5 года, я имел наглость заявить декану, что я хочу учиться в этом Народном университете. Китайские коллеги были очень смущены, потому что это была слишком непривычная просьба со стороны молодого преподавателя. После долгих разговоров и обсуждений они сказали, что это невозможно. Тогда я сказал им, извините, но я перейду в другой университет. И перешёл в Пекинский университет (*Бэйда*), в центр *Цао Цзин-хуа*. Это был замечательнейший человек, переводчик художественной литературы, большой знаток своего дела. У него была располагающая внешность, мягкость в обращении, широкое улыбочивое лицо. Цао Цзин-хуа заведовал факультетом русского языка в Бэйда. В Пекинском университете я тоже преподавал блестяще. Извините, что я так о себе самом говорю. Но получалось действительно очень хорошо, без всякого напряжения с моей стороны. Все мои ученики говорили, что я «хэнь жэсинь», то есть «с горячим сердцем», очень воодушевлённо занимаюсь своим делом. И тогда это, видимо, очень нравилось, импонировало людям. В то время у нас уже появились советские специалисты, работали несколько преподавателей. Профессор Чивикова Татьяна Николаевна, приехавшая из Ленинграда, сказала мне как-то: «Если вы не станете преподавателем, то вы погубите свой талант!» Мне было очень приятно это слышать, хоть это и были просто слова. В Бэйда у нас были великолепные условия для преподавания. Жил я тогда в районе Дундань, в восточной части Пекина, и раза три в неделю ездил через весь город на велосипеде в Бэйда, чтобы отвести там свои

часы. А потом возвращался домой таким же образом. Многие удивлялись тому, что человек живёт в Дундань и ездит через весь город в Бэйда.

ВГ: В те годы кампус Бэйда был даже не в городе, а где-то за окраиной!

ГМ: Естественно. Но мне эти поездки доставляли удовольствие. И не были никаким обременением. С Цао Цзин-хуа у меня сложились очень душевные отношения. Потом я также познакомился с его дочерью Цао Су-линь, которая родилась в Советском Союзе, и несколько раз был в Пекине у неё в гостях.

В какой-то момент тот же Цао Цзин-хуа предложил мне вести вечернюю школу русского языка для кадровых работников в министерстве культуры КНР (вэньхуа бу). Пришёл я в эту школу и тоже им всем понравился. Масса друзей у меня там появилась. Но все они, видимо, потом погибли или были репрессированы в годы «культурной революции».

Спрос на русский язык был тогда очень большой, я был очень активен и подружился с высокопоставленными китайскими военными, которые пригласили меня и мою супругу преподавать русский язык в подразделение горюче-смазочных материалов при Главном тыловом управлении НОАК⁶ (*цзун хуо цинь ю ляо бу*). Это был примерно двухгодичный курс. Он запомнился великолепной услугой. При этом они так по-царски расплатились с нами, просто диву даёшься! Не знаю почему, но невозможно передать – в десяток раз больше того, что я получал в университете. Это самые интересные события тех лет...

ВГ: Но ведь вам было в то время всего лет двадцать с небольшим! И вы были уже не только опытным, активным преподавателем, но к тому же ещё и жениться успели!

ГМ: Да, к тому времени я женился, в 1952 году. Мне было 22 года уже, и я женился, влюбившись в изумительную женщину, Таисию Васильевну Тешину. Тешина – была её девичья фамилия. Она была харбинкой, но уже много лет жила в Пекине и тоже преподавала русский язык в академии при Главном управлении тыла.

ВГ: А где же вы познакомились?

ГМ: Мы познакомились в Советском клубе. У нас в Пекине был свой Советский клуб с великолепной художественной программой, где постепенно, по мере приезда в город новых людей, собиралось всё больше народу. Там мы и познакомились. Очаровательная, замечательная женщина, которую я помню всю жизнь и перед которой буду всегда преклоняться. Светлая женщина! Она стала моей женой, и в мае 1955 года мы вместе с ней уехали в Советский Союз. Но до мая 1955 года происходило ещё много всяких интереснейших вещей. У нас был в то время небольшой коллектив, в котором все старались заниматься китайским языком. Но далеко им было до меня! Я очень активно учился, тянул всю эту учёбу «как вол», и интерес у меня был огромный. Интерес этот был не на пустом месте. Потому что я посетил в то время, наверно, все пекинские храмы и парки. Посещал со своими студентами и без студентов, «самотёком». Конечно, огромное

⁶ НОАК – Народно-освободительная армия Китая.

впечатление производили все эти храмы, парки, дворцы, Запретный город... Старинные здания, пекинские «хутуны»-переулки. Всё это было безумно интересно! Я заходил в какой-нибудь переулок, заводил общий приятный разговор с его жителями и уходил оттуда уже их другом. Не брезговал контактами ни с кем. Моим любимым местом стал рынок Дундань шичан, куда по вечерам приезжали и приходили простые чернорабочие, которые заслуженно заканчивали свой рабочий день, отдыхали, сидели, ужинали. Мы много беседовали и ели вместе, несмотря на то, что я был высоким, сухопарым молодым человеком, и явно не китайцем по внешности. И какая-то устанавливалась глубокая связь с этими простыми людьми. Было у меня такое любимое место в Пекине – Дундань.

ВГ: Выходит, у вас был самый широкий круг общения: от простых китайцев-чернорабочих до преподавателей, высокопоставленных чинов и военных. И все они могли вас чему-то научить.

ГМ: Да, все меня учили. Рабочие, например, учили даже, как нужно есть разные простые блюда китайской кухни. В это же время я познакомился с замечательным человеком, глубочайшим знатоком китайского языка, пекинским старожилом *Константином Викторовичем Мильским* (китайское имя Ми Лэ-сы). Мы с Костей стали переводить статьи, заметки, различные «мелочи» в появившейся тогда газете «Дружба». Я стал там очень активно сотрудничать, и это был уже какой-то опыт письменного перевода... Мы с ним очень подружились в Пекине. У нас был общий «предмет» любования и восхищения – моя жена. Костя был влюблён в неё, но не более того...

Костя Мильский был в кадровом составе (при КПК) ещё со времён «особого района», жил, работал и учился в Яньани. После 1949 года преподавал русский язык в сельхозакадемии в Пекине. Опытный «революционер» из среды русских эмигрантов, по возрасту старше меня, замечательный человек по своим личным качествам, глубочайший знаток китайской литературы, которого я глубоко уважаю. У него было уникальное собрание китайской классики. Особенно он увлекался темой китайской эротики, имел уникальные книги. Очень жаль, что все эти книги реквизировали, когда он выезжал в Шанхай, а из Шанхая – в Париж. После этого он работал в Париже, и мы с ним встречались, беседовали в Москве... Китайская эротика – страшно интересная вещь, вообще говоря!

ВГ: Сейчас это модная тема, но тогда, наверно, всё было наоборот.

ГМ: Да, тогда это была «не модная» тема. Настоящая «контрреволюция».

ВГ: Какие ещё интересные события происходили в вашей жизни в те годы? Наверно, не так уж легко и просто выстраивались ваши отношения с советской стороной?

ГМ: Мы зарегистрировались с Таей в советском консульстве, в посольстве. Консулом тогда был *Рахманин Олег Борисович*. Но они (посольские) существовали отдельно. Рядом был наш Советский клуб, где и собирались мы, жившие в Китае советские граждане.

ВГ: Когда вы получили советское гражданство?

ГМ: Это было намного раньше, ещё в Харбине. В 1946 году, когда мне исполнилось 16 лет, я получил советский паспорт. Но какой это был паспорт – по этому паспорту (совзагранвиду) я был ограничен в правах и, например, не мог уехать в Советский Союз. Были с этим тонкости всякие. Чувствовался «холодок». В общем, с советскими в Китае я контактировал мало и неохотно. Официального общения у нас с ними особенно и не было. А вот сотрудники посольства СССР в Пекине приходили в наш клуб. В клубе у нас были хорошие артисты, группа из специалистов-«харбинцев», которых пригласили китайцы. Мы давали спектакли, устраивали замечательные вечера. И посольские всегда с удовольствием приходили и присутствовали. Но любви между нами не было. Точно.

В это время произошло ещё одно важное для меня событие – я стал работать переводчиком, сочетая это с работой в Пекинском университете и «Вэньхуа бу». Переводили вместе с Костей, сначала он меня к этому приобщил, руководил мною. Занимаясь активными переводами с китайского языка на русский язык, я заложил основу для уже советского периода своей жизни. Затем наступил 1954 год. Власти СССР призвали русских людей к возвращению из Китая, к участию в освоении целинных и залежных земель. После этого из Шанхая и со всего Китая потянулись русские люди, которые выезжали через Пекин в СССР с паспортами, с этими «совзагранвидами» на руках.

ВГ: Наверно, решение вернуться на историческую родину далось вам нелегко, не в один день оно было принято?

ГМ: Конечно! Я всё же решил, что нужно поехать в СССР. Зачем сидеть здесь, в Пекине? Хотя в Пекине условия для жизни были просто сказочные. Вы, наверно, не можете представить, что в Пекине тогда было всё, что только пожелаешь. Было изобилие всего, включая почёт и уважение.

ВГ: Политика «трёх красных знамён»⁷, в том числе «большой скачок», тогда ещё не началась. Поэтому и изобилие можно представить. Это был «китайский НЭП», должно быть.

ГМ: «Китайский НЭП», да. Пекин был завален иностранными товарами, особенно американскими. Потому что во время эвакуации из Пекина в конце 1948 года американцы всё бросили, оставили свои огромные запасы. Я, к слову сказать, лет 15 потом носил в Советском Союзе американскую лётную куртку – великолепную, лёгкую, утеплённую...

ВГ: И вы решились оставить всё это изобилие в Китае, чтобы уехать в СССР?

ГМ: Да. Но мы не смогли уехать в 1954 году, потому что китайцы попросили остаться, довести до конца обучение. И нам удалось уехать только в мае 1955 года.

⁷ По инициативе Мао Цзэ-дуна в мае 1958 г. 2-я сессия VIII съезда КПК одобрила так называемый курс «трёх красных знамен» («генеральная линия», «большой скачок», «народные коммуны»). Его суть выражалась так: упорно бороться 3 года и добиться перемен в основном облике больших районов страны. «3 года упорного труда – 10 000 лет счастья».

ВГ: И куда же вы направились там, в СССР? В никуда?

ГМ: Почему «в никуда» (смеётся)? Я отправился на Родину, в Россию. А какой она была? Очень грустно говорить о том, какой она была в то время.

ВГ: Не такой, как вы представляли, в послевоенной разрухе ещё?

ГМ: Да какая разруха! Бедность потрясающая, скудость, серость страшная была. Люди смотрели на всякие китайские вещи как на чудо. Но мы привезли весь свой багаж, получили подъёмные на семью, всё как полагается. Мы попали в Варненский район Челябинской области, у самой границы с Казахстаном. Там был создан зерновой совхоз, куда нас и направили. Три или четыре месяца, которые мы там провели, – это были лучшие месяцы в моей жизни!

ВГ: Это вы без иронии говорите? Правда?

ГМ: Да! Нисколько! Нас поселили в общежитии-бараке, разделённом на небольшие комнатки-отсеки. В общем, можно было жить. Была рядом речка, тишина, свежий воздух, покой, совершенно несравнимый с жизнью Пекинского университета. Я занимался там изготовлением кирпичей из самана. Навоз, глина, солома, – там всё намешано было. Замечательное производство! Руководили этой работой два пожилых ссыльных украинца, которые очень хорошо относились к нам. Ко мне, в частности. Но они были ссыльные, очень грустные. Мы же на быках делали весь этот саман – быков гоняли, они ходили и месили его. Потом из всего этого делали такие большие, капитальные блоки, размером в наш двойной или даже тройной кирпич. Рядом жили немцы, тоже вынужденные переселенцы, которых репрессировали и выгнали, поселили туда. Среди широкой степи их усадьба была единственным зелёным уголком, оазисом. После Пекинского университета, после приятной преподавательской работы – месить саман и купаться в речке, отдыхать на природе после немногих часов работы – это было действительно одно удовольствие! Когда же прошло несколько месяцев, я сказал директору совхоза: «Вы знаете, я квалифицированный специалист, китаевед, работа здесь меня не очень устраивает». А он был москвичом, тоже командированным, загнанным в те места. И говорит: «Ради бога, уезжайте куда хотите! Но вам нужно оформить и обменять паспорт, получить нужные документы». И тогда я поехал в свой Варненский райцентр. Варненский – от слова Варна, потому что там жили потомки казаков, которые участвовали в освобождении Болгарии в оные времена⁸. И там была не одна Варна, там была целая группа деревень с болгарскими названиями. Приехал я в районный отдел милиции и говорю, что мне нужно сделать. Ответ: «Ради бога! Пожалуйста! Заполните анкету и приходите через неделю». Ещё меня заботливо предупредили: «Только не забудьте выписаться! Иначе у вас будут большие неприятности, и вам придётся специально возвращаться для выписки в те места, откуда вы выехали». Отличные мужики, охотники они были. Мы сразу нашли с ними общий язык. И через неделю они сделали мне все документы.

⁸ Город Варна был освобождён из-под власти Османской империи 27 июля 1878 г., в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

И мы с Таюшей, взяв свой чемодан на палку, понесли его на ближайшую станцию Карталы – крупную железнодорожную станцию, но уже в Казахстане. Дошли до станции, сели в поезд и уехали в Челябинск, ближайший крупный город. В Челябинске я пошёл в горком партии и сообщил, что я такой-то и такой-то, приехал из Китая, хотел бы заняться работой по специальности. Ответ: «Боже мой, что вы! Не беспокойтесь ни о чём! Вы хотите поехать в Москву, так поезжайте в Москву!» Так и получилось, что мы со своими документами поехали в Москву. И начался московский период нашей жизни. Это была осень, конец 1955 – начало 1956 года. И мы уже были «москвичами». Но ни прописки, о которой мы впервые услышали в Москве, ни работы – ничего пока не было!

ВГ: Где же вы остановились в Москве?

ГМ: Мы остановились в знаменитой гостинице «Ленинградская». Вот, такое нахальство было. Но, пожив там некоторое время, почувствовали, что деньги тают. И тогда нашли еврейскую семью, которая с удовольствием дала нам приют в своём небольшом домике в Марьиной роще. Эти хозяева сдали нам комнату, где мы свободненько и расположились. После этого я стал ходить по разным издательствам, редакциям и журналам и предлагал им свои услуги. Это был мало-денежный период. Потому что имевшиеся деньги иссякали. Но Таюша почти сразу, даже без прописки, поступила на работу в ГУМ переводчицей английского. Она же знала несколько языков. А я избрал себе работу «вольного переводчика». Ходил повсюду, знакомился, предлагал свои услуги. Кстати сказать, отнеслись все ко мне великолепно.

ВГ: И много было в те годы такой «вольной» работы?

ГМ: Очень много! Но приходилось вертеться! Я брал столько работы, сколько мог! Начал работать в издательствах, где занимался не только мелкими разовыми переводами, но и стал переводить книги. В частности, перевёл китайскую книгу «Прудовое рыбоводство». Большая книга – хороший заработок! Потом перевёл книгу по китайскому чаеводству. Вот это были такие работы, которые дали хорошие деньги. Самое главное, у меня появилась постоянная внештатная работа в «*Детгизе*». Когда я в первый раз пришёл в «Детгиз», то встретил там изумительного человека Смуйдритэ Карловну Беркман. Полная, крупная, очень красивая женщина-прибалтийка. Потом мы с ней за несколько лет очень подружились. Но в то время меня «забрили» (забрали) на два месяца на учебные сборы в армию. Забрали как рядового, так как в то время у меня было всего два курса образования в ХПИ. Но как раз тогда я получил от Смуйдритэ Карловны заказ на перевод своей первой художественной книги, которая называлась «Бессмертный Ван Сяо-хэ»⁹. Это была небольшая книжка о молодом шанхайском рабочем, который приобщился к революции, пострадал за неё. В общем, довольно банальный сюжет. Я её перевёл, а потом стал пере-

⁹ Кэ Лань. Бессмертный Ван Сяо-хэ [Текст] : [повесть / Кэ Лань, Чжао-цзы ; ил.: Л. Кравченко], пер. с кит. Г.В. Мелихова. М., 1957. 208 с.: ил.

водить массу маленьких китайских детских книжек. Все они издавались, и это было прекрасно!

ВГ: Была и у меня в детстве любимая книжка китайских народных сказок, которая называлась «Братья Лю» и была тоже издана Детгизом¹⁰.

ГМ: Приятно слышать, хотя это был не мой перевод. Но таких книжечек я очень много перевёл. Работал и как рецензент. В общем, «Детгиз» – это было «моё» издательство, при котором я работал, кормился, получал удовольствие от работы. И коллектив там был очень хороший. Находилось издательство в самом центре, в переулке напротив памятника Дзержинскому. Ещё пару художественных книг я сделал для издательства «Молодая гвардия». Я не помню названия этих книг, но редактором их был китаист Г.И. Головнёв.

Когда я приехал в СССР, это был очень странный период. В Москве была масса безработных китаистов. Они шли работать в редакции, в журналы, потому что не было работы по специальности и знаний не хватало. С одним из таких китаистов свела судьба и меня. Это был редактор журнала «Вокруг света» Юрий Алексеевич Попков – талантливый и деловой человек. По его приглашению я стал писать для журнала «Вокруг света» свои статьи и очерки о Китае, о различных сторонах китайской народной жизни. Эти статьи шли под моей фамилией и были для меня в тот период самой интересной творческой работой.

ВГ: То есть вы стали уже выступать в роли журналиста и автора?

ГМ: Да, Юра Попков меня многому научил, «натаскал»... Чудный человек! Так я и опубликовал три или четыре крупных очерка в этом журнале. Всего же за этот период своей переводческой работы я перевёл на русский язык 13 книг, и не только детских. То есть у меня уже был солидный переводческий багаж.

ВГ: Как складывалась ваша работа в дальнейшем?

ГМ: Время шло, и я чувствовал, что нужно заняться более серьёзной работой. Например, стать китаеведом и пойти в науку.

ВГ: Но для похода в науку нужно было ещё какое-то формальное образование.

ГМ: Да, я об этом ещё скажу.

ВГ: В одном из своих интервью китайским журналистам вы рассказывали, что, приехав в Москву, отправились в Моссовет и предложили свои услуги в качестве переводчика или журналиста. Был такой эпизод в вашей биографии?

ГМ: Конечно, всё дело было в том, что мы жили без прописки. В Харбине мы жили там, где хотели. И я понятия не имел о том, что такое прописка. А тут была нужна прописка, и мы с Таюшей пошли в Моссовет. Сказали, что мы – репатрианты, живём сейчас в частном секторе и просим нам помочь. В то время вышел какой-то правительственный указ о предоставлении каких-то льгот для подобных нам репатриантов. И нам дали большую комнату в коммунальной квартире на улице Кирова (Мясницкой). Жили там очень старые люди, всего три или четыре семьи. И мы туда переехали и стали жить уже со своей пропиской. В коммуналке, конечно,

¹⁰ Братья Лю: китайские народные сказки. М., 1955.

но и это было для нас очень здорово – 22 кв. метра жилплощади в центре Москвы! И после этого я стал думать о том, что делать дальше. Как раз в это время меня пригласили работать в Институт китаеведения АН СССР. А у меня, имейте в виду, было всего два курса институтского образования. Но это меня нисколько не тормозило, не сдерживало. Потому что в области китайского языка я чувствовал себя очень уверенно, как царь! Мною было сделано много хороших переводов, и люди ко мне уважительно относились. Опять же, сами институтские китаисты очень слабо знали китайский язык, честно говоря. Поэтому я там выступал как высокий эксперт. Рост у меня высокий – сами знаете, какой! В общем, уверенности у меня было много. Недаром я родом из казаков! Конечно, помимо этой уверенности в себе, мне помогало очень доброжелательное отношение, которое было со всех сторон. Все коллеги относились ко мне очень хорошо, чувствовали, что я человек «из другого мира». Конечно, то, что я видел в Москве и видел на целине, – всё это было очень тяжёлой картиной. Особенно на целине – грубость, мат, пьянство – такие вещи, которые особенно сильно резанули поначалу. Мы же интеллигенты – чёрт возьми!..

Так вот, в 1959 году меня пригласили в Институт китаеведения как специалиста по Китаю, китаиста, переводчика. Моё официальное образование не имело никакого значения. Там был громаднейший отдел, который возглавлял *Лазарь Исаевич Думан*. Замечательный, очень доброжелательный человек, крупный учёный, специалист по древней и средневековой истории Китая. Я был при нём вроде референта. Он просил меня делать всякие научные переводы, выполнять техническую работу. Научно-техническим сотрудником я был, сначала – младшим, а потом – старшим. Около года он привлекал меня к занятиям иньскими надписями «цзя гу вэнь». Я составлял для него картотеки и всё, что нужно. Но он, по-видимому, не успел воспользоваться этими материалами.

ВГ: Думан владел китайским языком?

ГМ: Как вам сказать? Вообще-то он им владел, но я чувствовал в нём больше историка, но не языковеда или, тем более, носителя языка. В своё время Думан тоже был на практической работе где-то на Дальнем Востоке.

Там, в институте, мы с Лазарем Исаевичем и другими коллегами сделали в своё время очень хорошую и интересную книгу «Внешняя политика Цин в XVII веке»¹¹, в которой три четверти объёма – это его вклад, включая большой объём чисто технической работы, лично выполненной этим большим учёным. Это была школа! Он написал и основную главу «Внешняя политика Цин в отношении России и заключение Нерчинского договора».

ВГ: В этой книге вами тоже написаны несколько глав – первая и третья.

ГМ: Да. Вообще, книга была издана накануне моего ухода из института. Спустя десять лет я её перечитал, эта работа мне снова очень понравилась, и я отдал дань уважения моему учителю.

¹¹ Внешняя политика государства Цин в XVII веке / Отв. ред. *Л.И. Думан*. М., 1977. 385 с.

ВГ: Как всё же решился вопрос с получением высшего образования?

ГМ: В то время, помимо работы в институте, я продолжал переводить книги для издательств. Но дальше мне нужно было получить диплом о высшем образовании. Не мог же я всё время быть техническим сотрудником. И Думан помог мне, обратился к руководству института с просьбой, чтобы мне дали возможность поступить на учёбу в Институт восточных языков (ИВЯ). Не знаю, Бог ли мне также помогал. Короче, меня зачислили в этот Институт восточных языков при МГУ на второй курс, для продолжения образования на условиях работы по индивидуальному плану. Но меня обязали сдать все экзамены, все зачёты за первый и второй курсы.

ВГ: В каком году вас зачислили в институт?

ГМ: Где-то в 1961 году.

ВГ: Как вам удавалось сочетать работу с учёбой по индивидуальному плану?

ГМ: Мой индивидуальный план заключался в следующем. Я работал в академическом институте. В определённое время приезжал в ИВЯ, общался с преподавателями, договаривался и сдавал им зачёты или экзамены по своему плану и разумению. Эта система меня, конечно, очень устраивала. В учебном институте ко мне, неизвестно почему, тоже относились с большим уважением. Китайская кафедра меня обожала. Надо сказать, что я немало их консультировал. В общем, учёба протекала приятно и гладко. Но приходилось, конечно, и попотеть. Когда я однажды пришёл со своим планом на кафедру истории КПСС, возник сложный момент. Там был какой-то преподаватель с обожжённым лицом – видимо, бывший танкист, ветеран Отечественной войны. Сначала он не хотел со мной даже разговаривать, встретил недружелюбно, настороженно и неохотно: «Как? Что? Вы хотите сдать экстерном экзамен по истории КПСС?! А вы знаете материал?» Я говорю: «Да, знаю». И стал сдавать экзамен. Ответил один билет. Второй билет. Ещё дополнительные вопросы. Мне уже надоело, ведь и одного билета достаточно! Я впервые почувствовал недружелюбие и уже стал злиться – про себя, конечно. В конце концов, преподаватель сказал: «Да, вы знаете». Но поставил мне только четвёрку, разумеется. Был один такой сложный случай. Всё остальное шло «как по маслу»... Таким образом, занимаясь по индивидуальному плану, я и переходил с курса на курс, доучился, сдал государственные экзамены и получил в 1964 году диплом по специальности «восточные языки и литература». С присвоением квалификации референта-востоковеда.

ВГ: Какой была тема вашей дипломной работы?

ГМ: Тема дипломной работы была посвящена русско-китайским отношениям и истории маньчжуров. Это была та тема, которой я занимался в научном институте у Думана. Думан был руководителем моей дипломной работы, при его благосклонном участии я всё это делал и писал. Короче говоря, мой диплом потом плавно перерос в кандидатскую диссертацию.

ВГ: Когда вы защитились, и как звучала тема кандидатской диссертации?

ГМ: Тема: «К истории освоения Цинской империей периферии Северо-Восточного Китая (1583–1689)». А защитил 20 июня 1968 года. Я не торопился и уже старый тогда был.

ВГ: В то время вам было всего 38 лет!

ГМ: Вы думаете – это мало?

ВГ: Думаю, что мало. Сейчас думаю, что 38 лет – это мало!

А чему была посвящена докторская диссертация, которую вы защитили в 1986 году?

ГМ: Примерно то же самое – один чёрт...¹²

ВГ: Как складывалась ваша собственная научная работа в 1960-х годах?

ГМ: Где-то в середине 1960-х годов, когда у нас возникла полемика с маоистами (Тихвинский тогда возглавлял всю нашу работу), я опубликовал очень много статей. Причём, прямо скажем, не халтурных, а очень серьёзных статей по истории маньчжуров, по истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура, по русско-китайским отношениям и так далее. Естественно, по территориальным вопросам я был на советской стороне. При этом был объективным учёным. Халтурные вещи или политические спекуляции я не мог писать. У меня была очень серьёзная исследовательская база.

ВГ: То есть вы работали по первоисточникам, по династийным историям, «до-стоверным записям» (ши лу), по эпиграфике.

ГМ: Вот именно, в этом всё и дело! В это время я как раз написал две статьи в сборник «Маньчжурское владычество в Китае»¹³. Хочу сказать, что мне не стыдно за них. Потому что это научные статьи. Там были очень интересные схемы и карты. Занявшись историей маньчжуров, я совершенно спокойно показал, что маньчжуры сформировались вот тут, у Минской стены в Ляодуне. Отсюда *Нурхацзи* и *Абахай* предпринимали объединительные походы, консолидируя многолюдные племена на китайской периферии. Но оттуда было ещё далеко до Амура, очень далеко!.. Хочу сказать, что я, наверно, единственный в СССР, кто прочитал все хроники первых маньчжурских государей (ши лу). Это сотни томов, начиная с Тайцзу, с Нурхацзи и Абахая, вплоть до Шэнцзу (императора *Канси*). Все эти хроники периода с 1599 по 1700 год я проштудировал, выделил из них все нужные материалы, не пропустил ни одной фразы с упоминанием России и Китая. Перевёл и сделал сборник цинских материалов о русско-китайских отношениях, который так и остался в рукописи. Не знаю, как у меня хватило сил на такую работу. А потом времена изменились, начались новые отношения...

ВГ: Где сейчас эта рукопись?

¹² Докторская диссертация Г.В. Мелихова: «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке (40–80-е гг. XVII в.)». М., 1986. 390 с.

¹³ Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

ГМ: Она у меня лежит. Это научная бомба, потому что там скрупулёзно, по-научному переведён с китайского на русский огромный пласт документов, связанных с маньчжурско-русскими отношениями в XVII веке.

ВГ: Надо бы издать их, есть такая возможность?

ГМ: А не рано ли?!

ВГ: Вы думаете, что рано?

ГМ: Я написал это очень давно. 250 или 300 страниц. Простудировал источники на самом высоком уровне.

ВГ: И все-таки, в чём суть, в чём состоит упомянутая вами «бомба»?

ГМ: Суть в показе на научной основе того, как на самом деле зарождались и развивались в XVII веке маньчжурско-русские отношения. «Бомба» в том смысле, что это уникальная подборка китаеязычных документов и материалов в переводе на русский язык. В рукописи осталась и другая большая работа «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке» (докторская диссертация), где все эти сюжеты довольно объективно и спокойно показаны и описаны «из русского угла».

ВГ: Вопрос по поводу объективности. В 1960–1970-х годах опубликованные вами статьи, особенно касавшиеся территориальных проблем, очень внимательно изучались китайской стороной. В то время китайцы вас очень здорово ругали и критиковали. Называли «советским ревизионистом». Вы знали об этом? Как вы к этому относились? Обижались на такую критику?

ГМ: Все мы тогда были для них «советскими ревизионистами». Слышал мельком и не думал об обидах – времени не было. Важна была суть дела. А эта суть заключалась в том, что у китайских историков был в то время низкий уровень научных публикаций. Да и политика – не мягкое ложе. В целом за это время, с 1960 г. до примерно 1980 года, я опубликовал в разных сборниках около 14 крупных статей. Все эти статьи цитируются в книге Ван Ци¹⁴.

ВГ: Где вы обычно находили материалы для работы?

ГМ: В *Синологической библиотеке*. Сначала она находилась в *Институте китаеведения*, где я работал. Потом полностью переехала в *Институт Дальнего Востока (ИДВ РАН)*.

ВГ: Помимо Л.И. Думана, кого из работавших в те годы вместе с вами коллег вы вспоминаете с особой теплотой и уважением?

ГМ: Было очень много талантливых людей. Единственным их узким местом был китайский язык. Но это чисто наживное дело. С глубоким уважением я вспоминаю *Леонарда Сергеевича Переломова*. Это очень деликатный, умный, знающий и очень хороший человек, который занимался китайскими религиями, конфуцианством. Список его трудов вам, конечно, известен. Очень уважаю его как китаеведа, за глубочайшее знание языка, за то, что просто хороший мужик. Мы с ним настоящие друзья. Долгое время собирались на рыбалку, но так, по-моему,

¹⁴ Ван Ци. Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных учёных. М., 2010.

и не собрались. Не хочу называть имён, но в своё время у нас были люди, которые прозвали таких глубоких, погружённых в свою тему исследователей «гробокопателями». Сами они при этом копались в англоязычных работах о Китае. Круг этих авторов и работ всем также известен. Это были и есть талантливые люди, но мне они несимпатичны...

Олег Ефимович Непомнин – вот, это умный человек и крупный учёный. Он занимается в основном социальной историей. Молодец, молодец! Ну, конечно, *Тихвинский Сергей Леонидович* – он на первом месте. Учёный, который занимался тогда русско-китайскими отношениями и очень активно выступал против маоизма. Издал сборники «Документы опровергают»¹⁵ на трёх языках: английском, французском и немецком. Дальше опубликовал ещё одну книгу на двух языках. Публиковал он и мои статьи, спасибо ему! Недавно в России появилась на русском языке книга «Проблема восточного участка китайско-российской границы». Автор – китаянка Ван Ци¹⁶. Там перечислены и все мои статьи тех лет по этой теме, 14 статей. То есть, они попали в фокус внимания китайцев.

Юрий Мисакович Гарушянц. Увиделись мы с ним во время моих работ по переводам различным. Попал я к *Николаю Герасимовичу Сенину*, который очень охотно принял меня и дал две или три статьи по китайской философии, попросив их перевести. Думаю, они были потом использованы Сениным. В общем, из-за Сенина мы и познакомились с Гарушянцем. Когда я перевёл статьи (что-то про конец XIX века, «движение самоусиления» и т.п.), написанные непростым полувэньянем, он передал их на рецензию Юрию Мисаковичу. Отзыв был очень хороший, но лицо у него (Гарушянца) было кислое. То ли он думал, что буду перебегать ему дорогу или мешать ему. В любом случае, я глубоко уважаю его, он знал язык. И потом, в отделе Китая он был одним из лучших, блестящих учёных. Мы с ним частенько общались чисто по-человечески. А начало нашего знакомства было именно такое. Помню, когда я работал в отделе Китая, в Институте востоковедения, у нас была то ли ёлка, то ли какое-то торжество или капустник, на котором прозвучал такой куплет: «Вот исторический пасьянс – Кукушкин, Глунин, Гарушянц. Вот корешки, а не верхушки – Глунин, Гарушянц, Кукушкин». Очень талантливыми людьми все они были...

Со *Станиславом Кучерой* мы сидели лет пять или шесть в одной комнате. Он всё время был погружён в свою серьёзную работу по китайской древности. Круг проблем его был от меня довольно далёк. Но как учёного я его очень уважаю. Очень сдержанный и преисполненный самоуважения человек. Раньше я не знал, что он учился в Пекинском университете и преподавал польский язык в Китае. Молодец! Ещё больше его уважаю за это!..

¹⁵ Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. 511с.

¹⁶ Ван Ци. Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных учёных. М., 2010.

Да! Прочёл интервью с вашей матушкой, *Лидией Ивановной Головачёвой!* Она дала замечательный анализ конфуцианской и даоистской мысли! Я готов подписаться под всеми её высказываниями, новаторская работа! Потом, видна мягкость суждений, воспитанность. Я очень высокого мнения о вашей маме!

ВГ: Спасибо за такую высокую оценку!.. Позвольте вернуться к вашей судьбе. Вы говорите, что были очень востребованы в Китае и СССР, всё складывалось удачно. Но был в вашей жизни и драматичный период, трудности и обороты событий, с которыми приходилось сталкиваться и мириться. Был тяжёлый период, когда из-за политических споров случился почти полный разрыв советско-китайских отношений, который так негативно повлиял на наши страны и на вашу личную судьбу. Вместо того, чтобы и дальше быть «золотым мостом», как говорят китайцы, вы оказались в каком-то «вакууме». Как вы пережили эти годы, эти разочарования?

ГМ: О, да! Я очень много потерял. Я потерял практически всё! Весь мой китайский язык подзабыл. Я, конечно, сейчас говорю, когда приезжаю в Китай. Но уже нет той лёгкости, беглости, уверенности в языке, которая была. То есть, в то время я не занимался, не имел связей с живым Китаем. Как раз в это время я перешёл работать в знаменитый *Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО АН СССР)*.

ВГ: Какие причины побудили вас к переходу в новый институт?

ГМ: Были глубокие причины. Во-первых, внешние причины. В то время в отделе Китая уже был десяток молодых кандидатов наук. И никакого прогресса, движения у нас не было. В самом институте была сложная обстановка, никто не рос, никого не продвигали дальше. Понимаете? Работаешь младшим научным сотрудником – значит, и умрёшь им.

ВГ: Иначе говоря, не было перспективы для научного роста?

ГМ: Абсолютно! Как раз в это время меня пригласил Дмитрий Васильевич Петров, заведующий отделом Дальнего Востока ИМЭМО. Пригласил меня на должность старшего научного сотрудника.

ВГ: То есть с повышением?

ГМ: Не просто с повышением. Это был скачок с громадным повышением, с должности младшего научного сотрудника на должность старшего. Зарплата тоже сразу возросла вдвое. В ИМЭМО я стал заниматься чрезвычайно интересными вещами. За мною в изучении международных отношений «большого четырёхугольника» (СССР, США, Китай, Япония) был закреплён «китайский угол». Из этого «китайского угла» я изучал все процессы, которые происходили в области отношений упомянутых четырёх держав. Там мы постоянно строили разные треугольники, «четырёхугольники», прочие фигуры и модели. Эти наши экспертные оценки по всем странам и периодам шли потом в ЦК КПСС и т.д. Начиная, скажем, с визита Никсона в Китай и кончая Вьетнамом, Камбоджей и Лаосом. Все внешнеполитические проблемы Дальнего Востока и ЮВА проходили через

меня, поскольку в ИМЭМО я представлял именно этот аспект всей нашей работы. Я оценивал все происходившие в регионе процессы из области международных отношений, используя для этого имевшиеся у нас богатейшие источники.

ВГ: Легко ли было приспособиться к работе в стенах ИМЭМО?

ГМ: Я был тогда совершенно «зелёным» и, конечно, ещё не стал экспертом в международных отношениях. До этого я много лет «сидел» на маньчжурах и русско-китайских отношениях, поэтому была своего рода китаеведческая «узость». А тут для меня открылся «океан» международных отношений, весь мир, в том числе очень интересный «китайский угол». В общем, работа в ИМЭМО в те годы открыла для меня совсем другой мир – мир блестящих учёных-международников, мир большой международной политики...

Хочу в связи с этим рассказать про первое заседание, в котором я участвовал. Едва я пришёл в 1970 году к Петрову, как был назначен «ситуационный анализ» – очередной семинар для рассмотрения очередного узлового вопроса американско-вьетнамско-китайских отношений. Я сижу на этом «ситанализе», а прямо напротив меня садится директор института, академик *Николай Николаевич Иноземцев*. Очень серьёзный учёный-международник, член ЦК КПСС. Сидел и всё время, пока я делал свой доклад, пристально смотрел на меня. И этот момент я запомнил на всю жизнь. Потому что я был всего лишь начинающий международник, а тут зашёл директор, сел напротив меня и смотрит оценивающе. Какая фигура, какая внешность! Смуглый человек, тёмные глаза, пристальный безотрывный взгляд. Какая-то была сила в этом взгляде! Через 6–7 лет он заболел, но на излёте своей карьеры Иноземцев сделал две замечательные вещи. Во-первых, построил новое здание ИМЭМО, которое и сейчас стоит там, на своём месте. Во-вторых, он дал сто квартир всем людям, которые работали тогда в институте и нуждались в улучшении жилищных условий. Вы не можете себе представить, что это такое – 100 квартир – в то время! И я получил тогда свою первую отдельную квартиру. А ордер на эту квартиру вручил мне с поздравлениями уже новый директор ИМЭМО – *Евгений Максимович Примаков*. Отношения у меня с Примаковым были прекрасные. Но это был очень большой человек...

ВГ: «Китайским углом» и «ситанализами» вы занимались, таким образом, почти 10 лет. По какой причине вы потом ушли из ИМЭМО? Наверно, для этого тоже были свои серьёзные причины?

ГМ: Это была интересная работа, в общем-то, и деньги хорошие платили. Все перипетии китайско-американских отношений, шаг за шагом, всё это проходило перед моими глазами. Было очень интересно, и я чувствовал себя очень комфортно в своём «китайском углу». Но под конец мне как-то всё это поднадоело! Политика, одна политика, ТАССовские и иностранные материалы. Издавали мы, конечно, в те годы и книги. Но стала уходить острота тем. Рутинная, застой какой-то ощущался.

ВГ: И вы стали думать, как жить дальше?

ГМ: Об этом я стал думать ещё раньше! Думать, что надо переходить в Институт истории СССР АН СССР. Конечно, это был знаменитый институт. Но ведь и я изучал русско-китайские отношения, получил хорошую подготовку как международник. В общем, мне это удалось. В ИИ СССР меня тепло встретил *Алексей Леонтьевич Нарочницкий* (1907–1989). Очень крупный учёный-международник. В основном специалист по западным международным вопросам. У него есть колоссальный научный труд про политику капиталистических держав на Дальнем Востоке¹⁷. Он принял меня в институт, и это был лучший директор в моей жизни. Почему? У него было для меня всё! Что я ни предложу – хорошо! Давай! Добро! Давайте, работайте!.. Это было замечательно! Хотя сам он был человеком очень жёстким. И многие до сих пор работающие в институте коллеги «имеют зуб» на него. У нас же с ним были изумительные отношения, какое-то доверие, очень важный контакт. В науке я никогда не торопился. Но именно в этом институте я написал уже свою докторскую диссертацию о России и Китае на Дальнем Востоке, где были затронуты и пограничные, и общие исторические вопросы. Это была абсолютно «пророссийская работа», выполненная на хорошем материале. Сама тема была деликатной, поэтому работа была депонирована, но не опубликована.

ВГ: Выходит, вы уже 32 года работаете в этом институте?

ГМ: Да, я даже председателем профкома института одно время был. Но у меня сохранились и давние связи с Институтом востоковедения (ИВ РАН), я участвовал в ежегодных конференциях «*Общество и государство в Китае*». Друзья у меня там остались. Например, *А.А. Бокщанин*, очень хороший человек, блестящий специалист. Мы с ним тоже дружны. А знакомы-то, наверно, с 1958 года! И в книге о внешней политике империи Цин у нас есть совместные главы, написанные на общих источниках и материалах.

ВГ: Когда в ваших работах стала всплывать «харбинская» и «эмигрантская» тема? Это же целая эпоха в вашей научной жизни, как она начиналась?

ГМ: Да, это целая эпоха! Она началась с того, что я родился в Харбине! И всё, что связано с Харбином, доходило до меня многие годы и где-то оседало. В 1991 году я выпустил книгу «Маньчжурия далёкая и близкая»¹⁸. Хорошие были связи с издательствами, в особенности с *Олегом Константиновичем Дрейером*. Ему я обязан тем, что в трудное, совершенно «глухое» время он позволил мне опубликовать эту книгу. Время было ещё такое, что тема эмиграции не могла пройти утверждения ни в ЦК, нигде! Абсолютно закрытая была тема. А мне удалось написать и издать очень неплохую книгу, где объективно показана эта русская эмиграция. И я намеренно представил её, имея в виду дальнейшее продолжение, с начала строительства КВЖД в 1898 г. до 1917 года. После японо-ки-

¹⁷ *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М., 1956.

¹⁸ *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. М., 1991. 317 с. То же: 2-е изд. М., 1994. 317 с.

тайской войны 1894 года и заключения ряда соглашений между Китаем и Россией в Маньчжурии началось активное строительство железных дорог. Напомню, что в это время в Маньчжурии появились оба моих деда, и отец мой там родился. Поэтому тему эту я воспринимал близко к сердцу и «горячо».

ВГ: А почему было выбрано такое название: «Маньчжурия далёкая и близкая»?

ГМ: Потому что для меня Маньчжурия была родной и близкой стороной, которую я хорошо знал, где жили мои русские и китайские друзья. Мне хотелось обязательно отразить в своей книге эти два основополагающих элемента нашей общей дружбы. Замечу, что этот момент дружбы и сотрудничества проходит через все мои работы. Но при этом для читателя-москвича, для всех живущих в СССР (России) Маньчжурия – это очень далёкий край. Поэтому я и придумал такое название...

ВГ: Потом, вслед за этой книгой, появились и другие, как продолжение?

ГМ: Это была «затравка», в которой вся история КВЖД была изложена по главам. Но история КВЖД не как железной дороги, а как история русских в Китае.

ВГ: Менялись времена, менялись и названия ваших книг. Мне кажется, в советские времена было бы невозможно издать книгу под названием «Белый Харбин». Потом возможность появилась, и вы издали такую книгу в 2003 году.

ГМ: Повторю, что всё это началось с Дрейера. Он был первым, кто осмелился издать такую, по сути, «белоэмигрантскую» книгу «Маньчжурия далёкая и близкая». С этого всё началось. Это был такой психологический и, может быть, даже политический перелом, после которого сама тема стала с трудом, но открываться. И этой темой я с тех пор занимаюсь. Неужели уже 20 лет? Кошмар!

ВГ: Если та ваша книга вышла в 1991 году, то сейчас уже 21-й год пошёл!

ГМ: Но это очень интересная, неисчерпаемая тема! Потому что до сих пор почти никто о ней ничего не знает!

ВГ: Насколько я знаю, в последние годы большой интерес к изучению темы русских в Китае проявляют и китайские учёные.

ГМ: Значит, и китайцы открывают для себя эту проблему. Очень хорошо! Для них в прошлом это была тоже абсолютно запретная тема. Все документы и бумаги по ней лежали в китайских спецхранах, в архивах, без права доступа кому бы то ни было. А теперь, значит, они стали это открывать. Сейчас они также уделяют очень большое внимание изучению еврейских эмигрантов в Китае. Но большинство этих эмигрантов в Харбине и Шанхае были «русскими» евреями. Поэтому, будучи в Харбине, я однажды зашёл в местный китайский центр изучения еврейской эмиграции и поблагодарил их за то, что они так хорошо изучили наших «русских» евреев. Выпустили два солидных тома, где собраны биографии, отслежены судьбы очень многих еврейских эмигрантов.

ВГ: В своей книге про российскую эмиграцию в международных отношениях на Дальнем Востоке вы пишете, что среди русских эмигрантов в Китае, в том

числе и в Харбине, было много известных учёных-китаеведов и востоковедов, объединенных в «Общество русских ориенталистов», «Общество изучения Маньчжурского края» и другие¹⁹.

ГМ: Это были первые и самые старые организации русских востоковедов, которые изучали Китай во всех его проявлениях. В частности, в 1909–1927 годах в Маньчжурии, в Харбине, действовало упомянутое вами «Общество русских ориенталистов» (ОРО). Славным памятником обществу стали составленные им 54 тома солидного научного журнала «Вестник Азии», которому я как китаевед и профессиональный историк, даю сегодня высокую оценку.²⁰ Различные области истории и культуры Китая плодотворно изучали всемирно известные синологи *П.В. Шкуркин, И.Г. Баранов, А.П. Хионин, С.Н. Усов, В.Г. Савчик, Авенариус* и многие другие.

ВГ: Среди имён известных востоковедов вы вспоминаете и имя *С.М. Широкогорова*.

ГМ: Это был крупный востоковед-этнолог, но несколько далёкий от маньчжурского научного сообщества. Он жил и работал в основном в Пекине, хотя тоже занимался малыми народами. Долгое время забытый, но блестящий автор. Среди русских востоковедов в Китае таких замечательных фигур и крупных имён мирового уровня было очень много, не один Широкогоров. Это не пустые слова. Всё это подтверждается научной литературой.

ВГ: В годы критики в СССР маоизма и китайской «культурной революции» приходилось ли вам сталкиваться с подозрительным отношением к вам лично? В Москве? Не были ли вы в глазах отдельных лиц «китайским шпионом»?

ГМ: Нет, никаким «китайским шпионом» я не был. Хотя уже в наше время, довольно давно, некоторых моих товарищей называли «японскими шпионами». Прозвище «китайского шпиона» как-то не липло ко мне. Всё-таки я сам энергично выступал со всякими критическими вещами. Единственное напряжение, которое я ощущал, было связано с партийностью. Я всегда был беспартийным и даже не стремился вступить в партию (КПСС). Но нужно было защищать докторскую диссертацию, что было почти невозможно без вступления в партию. И всё же меня пропустили без членства в партии. Я ни одного дня не был в партии. Почему? Потому что я не хотел терять массу времени на партийных собраниях и поэтому всячески уклонялся от этого! В разных институтах меня тянули вступить в партию. Но я говорил, что не готов, недостойн, плох и старался уходить от этого дела. И правильно делал, потому что это были десятки, сотни часов собраний, на

¹⁹ *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. С. 207. См. также ссылку на краткий «Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX–XX вв.»: http://old.bfrz.ru/cgi-bin/load.cgi?p=news/proektu_nayk_otdel/rus_nayk_zar_slovar_sorokina/vostokovedu.htm

²⁰ Подробнее см.: *Мелихов Г.В.* Русское китаеведение в Китае: мост дружбы // Китай и Россия в XXI в. М., 1995. Ч. 2. С. 65–70.

которых «переливали из пустого в порожнее». К счастью, все эти «говорильни» меня минули.

ВГ: Когда и как состоялось ваше возвращение, ваш первый приезд в Китай после отъезда в 1955 году и «культурной революции»?

ГМ: В 1990 году.

ВГ: То есть, это произошло через 35 лет.

ГМ: Да, да. В 1990 году в Китае торжественно отмечался очередной юбилей Харбинского политехнического института. Китайская сторона дала добро на приезд многих людей, которые там учились или работали, которые помнят ХПИ. Были устроены огромные приёмы и высокие встречи. Мой отец был выпускником и известным профессором этого института. Оказалось, что два стареньких человека на том юбилее ещё помнили это! В то время во мне был ещё заметен «китайский запал». На торжественном заседании ХПИ я выступил с речью на китайском языке! Причём эта речь «забила» из меня как фонтан! И всё это было тепло встречено присутствующими.

ВГ: Получается, это Харбин пригласил вас вернуться в Китай!

ГМ: Да, Харбин. В своё время в Москве тоже организовалась группа бывших выпускников и учащихся ХПИ. От этой группы мы и поехали. Конечно, это была замечательная поездка!

ВГ: Сильно ли изменился Китай за время вашего многолетнего отсутствия?

ГМ: Во-первых, Китай так и остался для меня родной страной. За две недели, которые я там прожил, я чувствовал себя «как рыба в воде», как у себя дома.

ВГ: И всё же, сильно ли изменился Харбин за 30 лет, пока вас там не было?

ГМ: Харбин как раз в то время начали сильно ломать. Много старых зданий поломали. И сломали мой дом, в котором мы жили.

ВГ: Вы успели увидеть этот дом?

ГМ: Я увидел его в момент, когда он был уже полуразрушен. Висел балкон. На втором этаже у нас большая квартира была, во весь этаж. Когда дом стали ломать, как раз в это время я и зашёл туда под крики: «Осторожно! Осторожно! Будьте осторожны! Это всё рушится, всё ломается!» Я зашёл, посмотрел и, как вам сказать, это было очень сильное чувство...

Очень тяжёлые воспоминания остались от поездки на кладбище. В Харбине было Старое, и было Новое кладбище. Теперь Новое превращено в спортивную площадку, в парк развлечений. Причём при строительстве были сняты только могильные плиты, большую часть которых использовали для облицовки набережной р. Сунгари. А прах умерших людей не потревожен. Я знаю, что надо пройти от церкви столько-то метров, и там находится могила бабушки. А теперь на месте могилы бабушки – баскетбольная площадка. Конечно, это тяжело! Но ничего не поделаешь! Потому что время идёт, всё меняется. Всё надо строить и ломать. Без этого жизнь никак не обойдётся. А могилы все находятся всё на том же месте, но их закатали под спортивные площадки.

ВГ: В настоящее время вы возглавляете Московскую ассоциацию бывших харбинцев. Что это за сообщество?

ГМ: Это сообщество наших земляков. Людей, для которых Харбин является родным городом. Но к нам примкнули также много шанхайцев, тьянцзинцев, которые оказались в Москве. Началось это в 1988 году, когда в Новосибирске образовалось общество друзей ХПИ. Потом появилось московское, петербургское общество и так далее. Мы, старые уже люди (ко мне это не относится, конечно!), встречаемся друг с другом, пьем чай, пьем водку, ведём разговоры. Иногда доклады, встречи всякие интересные были. Приезжали к нам австралийские харбинцы. Духовная связь сохраняется потрясающая! Мы издали два сборника «Харбинцы в Москве»²¹. Это биографии бывших земляков, которые оказались в Москве.

ВГ: А вы были знакомы с писательницей Натальей Ильиной?

ГМ: Да, я знаком с *Натальей Ильиной*. Она просила у нас прощения...

ВГ: За что?

ГМ: За то, что предвзято писала. За её «Возвращение». Заказ у неё политический был, что ли? Она талантливый человек, это самое главное. Но когда она приехала сюда (в СССР), она выступила с очень некрасивыми книгами, которые порочили эмиграцию. Это было несправедливо, это было глупо. И все живущие тут (в СССР) наши были очень недовольны и резко её критиковали. Я так и не понял, зачем это было сделано. Это чувство к ней у меня сохранилось. Однажды мы встретились с Ильиной в доме одной общей знакомой, китаеведа *Е.И. Рождественской*. И когда я с ней встретился, я просто показал ей, что её не вижу и знать не хочу. Она же начала как-то лебезить. Она нам сказала, чуть не плача, что не знала, что Харбин был такой замечательный город, что такие замечательные люди там жили... А потом она стала по-другому писать. Уже как писательница сгладила всё это и перешла в основном на Шанхай. Но от этого она не стала нам ближе. У неё шанхайская «закваска». Там жила половина бывших харбинцев. Но это был другой мир, космополитичный город, где русские жили в окружении других иностранцев: англичан, французов. Во французской концессии жили. Шанхай – великий город. Когда шанхайцы приезжали в Харбин, они немножко свысока относились...

ВГ: Как складываются ваши отношения с *Русским географическим обществом (РГО)*?

ГМ: Сейчас – никак. Раньше я был членом этого общества, участвовал в докладах и обсуждениях. Сейчас я занят своими делами, а дел у меня очень много.

ВГ: Чем вы сейчас занимаетесь, и какие у вас имеются рабочие планы?

ГМ: Раскрывая историю русской эмиграции я, шаг за шагом, дошёл до темы русских в империи «Маньчжоу диго». Это период 1932–1945 гг., по которому имеются изумительно богатые и интересные русские и японские материалы. Сам

²¹ Харбинцы в Москве: биографические очерки в двух выпусках / РАН, Ин-т рос. истории, Ассоц. «Харбин». М., 1997.

этот период очень богат историческими событиями. Началась война в Азии и на Тихом океане, – всё это отражалось, «кипело» в русском анклав. Так что, я пока смог только до 1937 года написать. И то – это 600 с лишним страниц, которые я ещё дорабатываю. Как говорится: «Всё кипит, но всё сырое». А потом, если буду жив и здоров, я хочу написать про период 1937–1945 гг. Это самый интересный период. Такая «ломка» политическая происходила там, в Маньчжурии. Там были Китай, Япония, Советский Союз, эмиграция, Америка. Очень сложная тема! В частности, потому что эмигранты по-разному оценивали происходившие события и Россию по-разному оценивали. Очень интересно! Но не знаю, как это удастся написать. И ещё осталась очень интересная вещь – где-то в середине этой большой темы надо обязательно написать книгу – «Белый» Харбин: год 1936.

ВГ: Почему?

ГМ: Потому что 1936 год был во всех отношениях ключевым для истории русской эмиграции. Это был год, когда проявился необычайный всплеск русской науки, техники, культуры, искусства. Приезд *Ф.И. Шалапина*, приезд *А.Н. Вертинского* – это лишь отдельные яркие события того года.

ВГ: Почему, всё-таки, 1936 год показался вам таким особенным?

ГМ: Это концентрация, апогей всего того, чего добилась русская эмиграция. И это был последний предвоенный год. А в 1937 году, извините, уже началось вторжение Японии в Китай, началась антияпонская война. Япония, такое «мизерное» государство, естественно, застряла в Китае. Куда им Китай?! Мой папа хорошо сказал: «Для Японии война с Китаем – это война с пространством». На уровне «человек-человек» и «чиновник-чиновник» сами японцы признавали, что война будет ими проиграна. Один японский директор фанерного завода в Харбине, который приютил очень много эмигрантов и максимально обеспечил им условия для жизни, однажды ехал с отцом в машине и вдруг говорит: «Да, Япония войну проиграла!» Перепугал отца. Потому что в таких условиях от японца вдруг слышать такую речь! Отец, как он потом рассказал, подумал даже, что это провокация. Видимо, это была выстраданная японцем мысль. Это был 1943–1944 год...

ВГ: Как известно, вы занимаетесь не только империей Цин или русской эмиграцией. Как один из соавторов книги про Тырские стелы XV века²² я хочу искренне поблагодарить за ваши исследования, статьи и очень точные переводы первой стелы 1413 года. Это было огромным подспорьем в нашей работе!

ГМ: Вы мне льстите.

ВГ: Нет-нет, ни в коем случае! Почему вы занялись изучением этих стел?

²² Головачёв В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О. Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб., 2011. 320 с. + 117 рис. Тырские стелы были установлены на Тырском утёсе в низовьях Амура в 1413 г. и 1433 г. в честь постройки и реконструкции храма Великого Покоя, во время экспедиций евнуха Ишиха, посланца императора династии Мин.

ГМ: Тексты этих стел я изучал по уже существующим публикациям. А связано это было с тем, что я занимался историей маньчжуров. И постепенно от маньчжуров перешёл к ранним Минам, к минской династии. Это была тоже одна из высших точек моего изучения минского Китая. Дальше я не пошёл. Так что, А.А. Бокщанин сделал гораздо больше по изучению Мин и сделал это замечательнее, чем я. Тут интересен был мой неожиданный выход, перенос фокуса исследований из южной и центральной Маньчжурии к Тырским стелам в низовьях Амура. По времени установка стел совпала с великими плаваниями адмирала *Чжэн Хэ* в южные моря и океаны, где Мины, конечно, никого не завоёвывали. Но построили и послали на юг огромный флот, проявили фактор силы. В чём там дело было? Ведь дела в Минской династии шли неважно! Те же *чжурчжэни* их сильно допекали. И вот такие дальние походы они совершали, через пустыни, через тайгу! Какие-то великодержавные, великоханьские, может быть, идеи стояли за этим. И что они дали? Чжэн Хэ многое сделал. Память о нём сохранилась огромная! Конечно, и экспедиции великого внуха Ишиха тоже оставили след в истории.

Главная мысль, которую я вынашивал и доказывал в те годы, состояла в том, что в Приамурье произошла смычка двух великих цивилизаций – русской и маньчжуро-китайской, цинской. И эта «смычка» имела и сегодня имеет огромное значение для истории всего Дальнего Востока. Отношения между двумя странами были сначала дружественными. Критиковал император Канси за то, что зарываются «руссы». Потом, усилившись, он, видимо, решил вырвать эту занозу. После этого и возник крупный конфликт, из-за которого мы очень много потеряли. Всё пространство к северу от Амура осталось голым. Но интересно, что в то же самое время зарождались торговые, культурные, посольские связи. То есть уже начался диалог цивилизаций. Центром генезиса всех этих связей был район Амура, Приамурье. И основной осью связей был Амур. Масштабы русской колонизации Приамурья были огромны. По Амуру к XVII веку русские плавали «как цари», а русские казаки «объясачивали» местное население до самой реки Сунгари.

ВГ: Будучи специалистом по российско-китайским отношениям, как вы смотрите на будущее этих отношений? Не перейдёт ли «стратегическое партнёрство» в «стратегическое соперничество»?

ГМ: Это очень трудный вопрос. Но я думаю, что этого не произойдёт, что наши отношения будут сохраняться в дружеском русле, на нормальном хорошем уровне во всех областях, в том числе в области культурных, экономических и прочих обменов. Хотя Китай очень силён, он не может рассчитывать на то, чтобы напасть или вторгнуться в Россию. Это исключено. В советское время, работая в ИМЭМО, я прочёл более 500 публичных лекций о Китае и его роли в многосторонних международных отношениях, во всех этих «треугольниках» и «четырёхугольниках».

ВГ: Это были лекции по линии *общества «Знание»*?

ГМ: Да, по линии общества «Знание». Мы ездили из Москвы организованным порядком и выступали в разных краях и областях, перед заранее заказавшими наши лекции слушателями. Я почти всегда читал лекции на темы «Китай сегодня» или «Международное положение». И лично я горжусь тем, что никогда не «нагружал» своих слушателей какими-то там «китайскими угрозами» или какими-то «страхами». Наоборот! Выступая в 1960–1980-е годы перед битком набитыми аудиториями где-нибудь в Хабаровске или Благовещенске, рядом с Китаем, я всегда старался делать это оптимистично, спокойно, уверенно. Ведь я знал Китай! Ну, иногда «пощипывали», конечно, без этого не обойтись. Но, ей-богу! После этих лекций на животрепещущую тему «Китай сегодня» люди уже как-то по-другому смотрели на те же самые вещи. В основном я ездил с лекциями индивидуально, по путёвкам общества «Знание». Объездил весь Советский Союз. На Дальнем Востоке и в Сибири – там были самые благодарные мои слушатели. Потому что они жили рядом с Китаем. Ещё их пугали Китаем.

ВГ: Ну, а местные «пугальщики» вас не критиковали за излишний «оптимизм»?

ГМ: Нет! Я убедительно, спокойно всё говорил. Ссылался на свой авторитет, на знание Китая. Использовал своё знание Китая «на полную катушку» и объяснял, что китайцы – такие же люди.

ВГ: Как объяснить, что запугивания «китайской угрозой» звучат до сих пор? Какова основа для продолжения всех этих пустых речей?

ГМ: Основой является действительно большое число и плотность населения трёх соседних с Россией провинций Северо-Восточного Китая, а также объективная необходимость экономического взаимопроникновения наших стран. Однако китайцы занимаются в России полезным трудом. Есть, конечно, случаи хищничества. Но все разговоры о вторжении Китая – просто глупость. Этого никак не может произойти, потому что Китай, как я уже отмечал, находится в системе многосторонних и многоуровневых международных отношений с ближними и дальними странами. В этих условиях невозможно, нереально развернуть какую-то экспансию или агрессию. Не существует никакой «китайской угрозы» как таковой. Возможно, это выполняют чьи-то заказы отдельные журналисты. Возможно, что и наши бездарные управители Дальнего Востока оказывают всем плохую услугу, способствуя таким разговорам. Думаю, они виноваты в том, что возникает какой-то перекосяк в восприятии действительной ситуации.

ВГ: Чтобы отвлечься от «китайской угрозы» – как вы относитесь к китайской кухне?

ГМ: Замечательно! Китайская кухня – самая лучшая в мире! Из самых простых продуктов, например, овощей, курицы или свинины, можно приготовить сотни и тысячи вкуснейших блюд!..

ВГ: Георгий Васильевич, вы занимаетесь изучением Китая уже 60 лет. Как вы считаете, наряду с любовью к китайской кухне, что является самым главным в работе китаеведа?

ГМ: Главный метод работы китаевода – это сидеть на «заднем месте» и изучать источники. Без этого никакие вольные «построения» в отношении Китая не пройдут, потому что на всякое «чихание» в свою сторону Китай может ответить огромным количеством письменных материалов, научной литературы. «Простачком» критиковать Китай – бессмысленно, пустой номер. Во-первых, китайцы – умный народ. Во-вторых, у них есть глубокая внутренняя культура. Полуграмотный владелец маленькой лавочки имеет высокий уровень самосознания, гордости за то, что он – китаец. В Пекине у меня была однажды интересная встреча в такси. Как всегда, еду, болтаю. А шофёр, очень красивый молодой парень, вдруг, говорит мне: «Я – маньчжур». И сообщает, что его предки принадлежали к «Жёлтому с каймою знамени»!²³ Вот так-то!

ВГ: То есть чёткая маньчжурская идентичность у него была.

ГМ: Да. А «Жёлтое с каймою знамя» – главное знамя маньчжурской знати. Если вернуться к принципам работы китаевода, то нужно писать правдиво, достоверно, на большом числе разных источников. Ведь если посмотреть мои статьи периода «критики маоизма», то по ним видно, что хотя, может, и прорвались там какие-то лишние выражения из-за живости моего характера, но в основном это было серьёзно и добросовестно написано. Так что, нужно много сидеть и читать. Другого рецепта я не знаю. Потому что «по верхушкам» Китай не освоишь.

ВГ: Есть ли у вас свои ученики?

ГМ: Нет, только три или четыре аспиранта есть защитившиеся. Одна аспирантка, которую ко мне распределили в институте, писала диссертацию по истории русской разведки за рубежом. Был ещё один кореец, Пак Чон Хе, который защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию по русско-корейским отношениям в XX веке. Много работал по материалам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)... Вообще, сегодня китаеведение не будет развиваться школами. Оно будет прирастать индивидуальными учёными.

ВГ: Почему? Потому что наступил век всеобщего доступа к информации? Или потому что нет больших учителей вроде *Бичурина*, *Алексеева*, *Конрада*?

ГМ: Вы сами ответили на вопрос! Нет больших учителей. Где они теперь, к сожалению?

ВГ: Но есть, скажем, школа Тихвинского.

ГМ: Школа Тихвинского – это моя школа. Да. В своё время мы работали в одном отделе. Тихвинский тогда «вёл» большой проект по новой истории Китая. И я никогда не забуду такого эпизода: идёт заседание рабочей группы. Молодые кандидаты критикуют Тихвинского, как говорится, «и в хвост, и в гриву». И вот человек, тогда уже доктор наук, такой большой учёный, сидит – красное лицо,

²³ К началу XVII в. войска маньчжуров состояли из 4 «знамён»: жёлтое (главное), красное, синее, белое. В 1615 г. к ним добавили ещё 4 знамени: тех же цветов, но с каймой по краям. После этого они стали именоваться «восьмизнамёнными», а выходцы из «знамённых» составили основу родовой знати в маньчжурской династии Цин (1644–1912).

красная шея – сидит и пишет, пишет, записывает все замечания. Вот как вёл себя Тихвинский! Для меня это ШКОЛА!

Ошибок много было найдено в процессе обсуждения в этой книге по новой истории Китая! Поначалу она была сырой, и наши «молодые волки» в отделе грызли её со всех сторон. А вышла она, конечно, уже хорошей. Посмотрите оглавление, какой там состав участников²⁴! Мне также запомнилось, как на одном заседании в отделе Тихвинский во время своего выступления произнёс: «Вот здесь сейчас сидят будущие кандидаты и доктора наук...» Нам, молодым, это приятно было слышать, и это не пустяк, это был вдохновляющий стимул!

ВГ: Кроме всего прочего, Тихвинский ставил крупные научные цели и консолидировал всех на их достижение.

ГМ: Конечно, он крупный учёный и мог бы создать настоящую школу. Но вот Олегу Непомнину принадлежит одно высказывание в адрес Тихвинского, причём сказанное в лицо: «Вы попрыгунчик! Вы из одного института переходите в другой, в третий...» Это слова Непомнина. И действительно, если посмотреть послужной список Тихвинского – он как бы «прыгал» из одного учреждения в другое! Но, безусловно, он настоящий учёный, которого я глубоко уважаю. Очень трудолюбивый, способный, талантливый человек! Умеет сидеть «на одном месте»!..

ВГ: Сейчас, когда в науку приходит новое поколение молодых китаеведов, что ещё можно пожелать им с высоты вашего огромного опыта?

ГМ: Пожелать? Желая им как можно больше ездить в Китай. Пользоваться каждым случаем, чтобы оказаться в Китае и попытаться проникнуть и влиться в китайскую жизнь. Причём не с позиций какого-то там «западного» превосходства, а просто по-настоящему узнать и понять Китай. Китайцы – очень талантливые и способные люди, и относиться к ним нужно с должным уважением. Я хочу, чтобы молодые китаеведы никогда не повторили мою историю, когда, находясь в расцвете сил, я был лишён возможности полноценно заниматься Китаем. Заниматься так, как мог, умел и хотел. Чтобы у них не было тех серьёзнейших испытаний, когда я на восемь лет был вынужден почти полностью прекратить изучение Китая и занялся историей освоения Россией районов Дальнего Востока. Желая, чтобы у них всё шло более гладко, но чтобы при этом они докучливо, серьёзно и глубоко изучали китайский язык. Может быть, жизнь станет лучше и заиграют у нас ещё молодые таланты!

ВГ: Как вы оцениваете свой пройденный путь в жизни и китаеведении в целом, основные разочарования, успехи?

²⁴ Имеется в виду «Новая история Китая» под ред. С.Л. Тихвинского (М., 1972. 635 с. с ил.), написанная авторским коллективом в составе: Е.А. Белов, Л.Н. Борох, А.М. Григорьев, И.С. Ермаченко, В.П. Илюшечкин, А.Д. Ипатова, Н.М. Калужная, А.С. Костяева, А.Г. Крымов, О.Е. Непомнин, В.И. Семанов, С.Л. Тихвинский, А.Н. Хохлов, Ю.В. Чудодеев.

ГМ: Я уже говорил, что период вражды между СССР и Китаем был большим ущербом для меня. Я знаю, что по-другому развернулся бы. Вся жизнь пошла бы по-другому. Я был бы своим человеком среди китайских учёных...

ВГ: Но вас и сейчас они хорошо знают.

ГМ: Конечно, знают! У меня очень хорошие отношения с китайскими учёными. Была даже попытка одного хэйлунцзянского издательства выпустить мою книгу в переводе на китайский... Но, всё же, сколько времени было потеряно! Оно не было потеряно в научном плане, потому что я занимался своим делом. Но многие возможности были упущены безвозвратно.

ВГ: А что можно сказать про ваши общие успехи?

ГМ: Я, в общем-то, счастливый человек. Потому что даже в тех труднообразимых условиях «с гражданством, но без прописки» я добился всего, чего хотел. Добился своим трудом. Хотя сотни самых разных людей помогали мне, даже своим добрым отношением. Я ни разу не встретил отношения к себе, как к какому-то «другому». Хотя, конечно, я не хотел вступать в партию... Конечно, я всё же был «другой»...

ВГ: «Другой», но, в любом случае, свой, глубокоуважаемый и дорогой! Спасибо большое за ваше интервью, Георгий Васильевич!

ГМ: Не за что! Я очень рад познакомиться, буду кланяться и приглашать тебя в китайский ресторан!..

МЯСНИКОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ
INTERVIEW WITH VLADIMIR S. MYASNIKOV

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies the Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Мясников Владимир Степанович (ВМ)

Китаевед, профессор, академик РАН

Место интервью: С.-Петербург, Москва

Дата: 29 июля 2010 г.

Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ)

Примечания: Динара Трегубова,

В.Ц. Головачёв, А.И. Кобзев

Продолжительность: 4 часа

Vladimir S. Myasnikov

Sinologist, professor, Academician, RAS

Place: S.-Petersburg, Moscow

Date: June 29, 2010

Hosted by: Valentin Golovachev

Footnotes: Dinara Tregubova, Valentin

Ts. Golovachev, Artyom I. Kobzev

Duration: 4 hours

Владимир Степанович Мясников (родился 15.05.1931 в Москве). Китаевед, востоковед, историк, специалист в области российско-китайских отношений, истории внешней политики, дипломатии, исторической биографии. Академик РАН (1997), доктор исторических наук (1978), профессор (1982). Советник РАН (с 2003), член дирекции Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН), член Бюро Отделения историко-филологических наук РАН, председатель редколлегии научной серии «Научное наследие» РАН. Окончил

МГИМО(МИД) в 1955 г. Работал в ИДВ РАН (1966—2003 и с 2017). ИВ РАН (2003—2011), ИНИОН РАН (2011—2017). Автор свыше 500 научных статей, книг, монографий.

ВГ: Здравствуйте, Владимир Степанович. Я слышал о том, что вы не любите праздновать юбилеи и круглые даты. Но, прежде чем начать это интервью, позвольте поздравить вас с юбилеем! Ведь в мае этого года (2010) вам исполнилось 79 лет. А по китайским обычаям (традиционно китайцы исчисляют возраст человека с момента зачатия) восьмидесятилетие принято отмечать именно в 79 лет.

ВМ: Семёрка и Девятка? Спасибо, вы дали мне прекрасный аргумент для того, чтобы официально не отмечать 80-летие. Буду говорить, что, следуя китайским традициям, считаю, что юбилей уже прошёл. Опоздали, господа!

ВГ: Как вы ощущаете себя сейчас в творческом плане? Как ваше рабочее настроение?

ВМ: Видите ли, если отвлечься от окружающей нас академической обстановки – вчера по телевидению вместе с вице-президентом Академии наук выступала одна стриптизёрша, которая требовала закрыть Академию наук. Видите, куда мы приехали! Конечно, это не улучшает настроения ни у кого, у нормальных людей. А так, у меня все без изменений. Как все действительные члены РАН я работаю по индивидуальному плану. Выходят книжки и так далее.

ВГ: Насколько я знаю, вся ваша жизнь связана с Москвой, а Москва находится далеко от Китая. Когда и как вы впервые узнали о существовании этой страны?

ВМ: Действительно, я родился в Москве 15 мая 1931 года, в семье Степана Никифоровича и Ольги Федоровны Мясниковых. Мой папа был юристом, одним из первых советских выпускников юридического факультета МГУ. Мама закончила медицинский факультет Томского университета (мои родители познакомились в Томске ещё до революции 1917 г.), откуда переехала к папе в Москву. И работала в Москве акушером-гинекологом. Мои родители не имели отношения к Китаю. Но в Савельевском переулке на Остоженке, где прошли мои детство и юность, в те довоенные годы жило много китайцев. После войны ситуация поменялась, потому что была эвакуация. А до войны я ходил в школу мимо китайской прачечной в Лёвшинском переулке, где сквозь окна было видно как там стояли и гладили бельё китайцы.

ВГ: То есть, китайцев вы знали «живьём», а не понаслышке...

ВМ: Да. Рядом с моим домом жила китайская семья, в которой мальчик полез на четвёртый этаж, чтобы достать мячик, улетевший на край крыши. И этот мальчик упал с четвёртого этажа. Все были перепуганы. Приехала скорая помощь. Я первый раз в жизни увидел скорую помощь. Но мальчик упал удачно, упал в клумбу и не разбился. Его вылечили, и через месяц он уже бегал по улицам. В общем, это был район, где было много китайцев.

ВГ: Что повлияло на ваш выбор профессии китаеведа?

ВМ: Окончив в 1950 году с золотой медалью среднюю школу № 36, я поступил на китайское отделение *Московского института востоковедения (МИВ)*. На мой

выбор повлияла, во-первых, историческая победа, одержанная в 1949 году китайским народом¹, провозгласившим создание Китайской Народной Республики. Кроме того, сказалась и семейная традиция. В МИВе уже учились два моих старших брата: родной – Александр – на уйгурском отделении, и двоюродный – бывший фронтовик Владимир Васильевич Попов – на турецком.

ВГ: Очень многие коллеги-китаеведы вашего поколения называют одну и ту же причину. Все они были вдохновлены образованием КНР, этим событием мирового значения, но откровенно признаются, что тогда мало что знали про Китай и китайцев. А что вы знали в то время о далёком Китае?

ВМ: Во-первых, читал я какие-то книги. Знал, конечно, что такое Китай, где он находится. Кроме того, у нас было советское школьное образование. Там хорошо давали и историю, и географию. Были, безусловно, какие-то представления о традиционном Китае и о нашем Дальнем Востоке. Ещё в школе я внимательно следил за ходом гражданской войны в Китае. Все мы, поколение «детей войны», глубоко переживали горечь поражений, боль утрат и торжество победы в Отечественной войне. С видом «знатоков», понимающих, что СССР помогает народной революции в Китае, мы говорили друг другу: «*Чжу Дэ* – это же наш Жуков!»

ВГ: Знакомясь с вашими публикациями я не мог не заметить, что вы уделяете большое внимание, много добрых слов своим учителям. Какие китаеведы были вашими учителями?

ВМ: Академик *В.М. Алексеев* в своё время читал лекции в МИВе, но мне уже не довелось его услышать. Из преподавателей мы больше всего уважали *Бориса Степановича Исаенко* – великолепнейшего знатока Китая. Замечательные лекции по отечественной истории читал *Михаил Евтропьевич Соловьёв*. Среди филологов примечательной фигурой был *Гарма Данцаранович Санжеев*, вступивший в переписку с *И.В. Сталиным* по проблемам языкознания. Ответ ему Сталина был опубликован в известной брошюре «Марксизм и вопросы языкознания»².

ВГ: В каких условиях приходилось учиться? Как вы изучали китайский?

ВМ: Московский институт востоковедения выделялся относительной независимостью студенческого братства от материальных условий: стипендия была вдвое выше, чем в других вузах. Государство доплачивало за восточные языки. Примечателен был институт и почти полным отсутствием студенток. Девушек стали принимать в МИВ только начиная с нашего курса.

Те, кто готовился стать специалистом по Китаю, должны были проявлять упорство в изучении китайского языка. В наше время ещё не было тех прекрасных учебников, словарей и аудиторий с компьютерами, которые используются в учебном процессе сегодня. Не было и языковых стажировок в изучаемой стране. Успех в учёбе определялся, прежде всего, мерой затраченного труда. Моим

¹ Победа коммунистов в гражданской войне 1946–1949 гг. в Китае между Гоминьданом и КПК.

² См.: *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.

девизом, которым я помечал свои студенческие тетради, стало латинское выражение «per aspera ad astra» (через тернии к звёздам). Я ему следую и по сей день.

ВГ: Много ли студентов училось на вашем курсе, и как складывалась их профессиональная судьба после окончания учебы в МИВ?

ВМ: Наш курс был самым многочисленным – около 120 человек. Создание КНР предполагало быстрое расширение связей между нашими странами во всех областях, поэтому и приём на китайское отделение был увеличен в четыре раза. К сожалению, одним из первых решений *Н.С. Хрущёва* в области образования было закрытие нашего института. Летом 1954 года правительство соединило МИВ частично с Московским государственным институтом международных отношений МИД СССР (МГИМО), частично – с истфаком МГУ. Так был создан *Институт стран Азии и Африки при МГУ*, считающийся преемником МИВ.

После закрытия МИВ мы завершали свою учёбу уже в МГИМО. На пятом курсе заполняли подробнейшие анкеты. Нам объяснили, что между Хрущёвым и *Мао Цзэ-дунем* достигнута договоренность о привлечении китайской рабочей силы (около 3 млн. чел.) для развития Сибири и Дальнего Востока. Но потом об этом как-то перестали вспоминать, и трудоустройство наше оказалось сложным делом. Многих посылали в Среднюю Азию для преподавания английского языка в школах. Кто-то пошёл на комсомольскую работу, кто-то устроился в органы таможни и другие государственные учреждения.

ВГ: А как решился вопрос с вашим трудоустройством?

ВМ: После успешной защиты дипломной работы, когда почтенный оппонент, профессор *Алексей Иванович Штрахов*, ошеломил меня словами о том, что мой диплом – почти готовая кандидатская диссертация, кафедра истории Китая рекомендовала меня в аспирантуру, но не смогла получить для меня место в аспирантуре МГИМО. Надо было устраиваться самому.

Начиная с 4-го курса я подрабатывал переводами во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ). Переводил в основном медицинские тексты, так как в домашней библиотеке было довольно много маминых книг и справочников в этой области. Китайско-русский словарь³ *В.С. Колоколова* был тогда нашим единственным подспорьем при переводах. Но в это время в книжном магазине «Дружба» стали появляться изданные в КНР китайско-русские словари по разным отраслям знания. Я начал их собирать, и коллекционирование словарей стало одним из моих увлечений. Я руководствовался простой мыслью: если какой-либо из словарей хоть раз в жизни поможет мне понять нужный термин, значит, он не зря занимает место на полке. Лет через десять, когда образовалась *Синологическая библиотека*, я передал туда большую часть моей коллекции.

³ См.: Кратк. кит.-рус. словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины. М., 1935. 688 с. (Существует более раннее литографическое издание: Кратк. кит. – рус. лексикон. М., 1927. 216 с.).

Опыт ВИНТИ помог мне, когда я получил предложение занять место библиографа в Центральной медицинской библиотеке при Институте усовершенствования врачей. Нужно было описать огромную партию литературы по китайской медицине, подаренную министру здравоохранения СССР *М.Д. Ковригиной* во время её визита в Китай и переданную ею библиотеке. Так состоялось моё знакомство с китайской медициной. Моя работа по описанию коллекции китайских книг продолжалась сорок дней.

ВГ: А что произошло через сорок дней?

ВМ: Спасло меня то, что в сентябре 1955 года меня зачислили в бригаду китаеведов и маньчжуристов *Института востоковедения АН СССР*, которые разбирали и готовили для передачи правительству КНР материалы так называемого «маньчжурского архива», хранившегося на Пироговке, в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Этот архив ряда учреждений провинции *Хэйлуцзян* был вывезен из северо-восточного Китая (Дунбэя) царскими войсками в 1900–1901 гг., в период интервенции восьми держав⁴ при подавлении восстания *ихэтуаней* («боксёрского восстания»). Архив находился во Владивостоке, потом его перевезли в Москву и хранили там до тех пор, пока кто-то не подсказал Хрущёву, что надо бы вернуть его в Китай. Это нормальное дело, для которого была создана бригада во главе с *Леонардом Сергеевичем Переломовым*. В ней участвовали и *И.М. Ошанин*, и *Л.З. Эйдлин*, и *В.С. Колоколов*, и *Б.И. Панкратов*, и даже целый ряд приезжих экспертов, например *Румянцев Георгий Никитич* из Улан-Удэ. *Черемисов Константин Михайлович* учил меня маньчжурскому языку, так как документы были на маньчжурском и китайском языках, и всё это было интересно. В общем, работа пришлась мне по душе. Во-первых, пусть временно, но я начал работать в академическом институте. Во-вторых, работа велась рука об руку с выдающимися востоковедами старшего поколения. В обеденные перемены *Илья Михайлович Ошанин* так увлекательно рассказывал о Китае, что стихийно образовался семинар, где обсуждались любые китаеведческие проблемы.

ВГ: Как повлияло на вас такое общение?

ВМ: Классификация источников, их описание и поиск в них сведений об отношениях Китая и России настолько увлекли меня, что я решил посвятить себя научно-исследовательской работе. Как раз в это время на базе отдела Китая в Институте востоковедения АН СССР было решено создать специальный *Институт китаеведения*. Работа над «маньчжурским архивом» завершилась весной 1956 года, а дело создания института затягивалось. И я оказался временно безработным.

Но китаеведческое братство не оставило меня без средств к существованию. В китайскую редакцию Международного отдела Всесоюзного радио пришло не-

⁴ *Альянс 8 держав* – вторжение войск США, Великобритании, Германии, Франции, России, Италии, Австро-Венгрии и Японии в Китай в июне 1900 г. для подавления восстания *ихэтуаней*.

сколько десятков тысяч писем на китайском языке. Мне предложили заняться переводами этих писем на договорной основе. Я переводил эти письма и продолжал брать переводы в ВИНТИ. Но еженедельно приходил к зав. отделом Китая Института востоковедения *Алексею Степановичу Перевертайло* и задавал ему один и тот же вопрос: «Когда же откроют Институт китаеведения?» И этот замечательный человек отвечал мне очень доброжелательно: «Зайдите через неделю». Так продолжалось восемь месяцев.

ВГ: Насколько я знаю, большую роль в вашем становлении как китаеведа сыграл *Пётр Емельянович Скачков*.

ВМ: Да. По рекомендации *Лазаря Исаевича Думана* и *Николая Павловича Виноградова*, руководителя моей дипломной работы об основоположнике русского китаеведения *Н.Я. Бичурине*, я стал сотрудничать с известным китаеведом старшего поколения, историком и библиографом П.Е. Скачковым. Эта встреча стала важным событием, повлиявшим на выбор основного направления моей дальнейшей научной работы. Пётр Емельянович стал моим первым наставником в науке. Под его руководством я занялся расшифровкой хранившихся в Отделе рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. Ленина (ВГБИЛ) дневников китаеведа XIX в. *К.А. Скачкова* – одного из членов 13-й Российской Духовной миссии в Китае (1850–1858). Как астроном и агроном К.А. Скачков занимался в миссии обсерваторией. При этом он оставил уникальные свидетельства о бушевавшем в те годы в цинском Китае *восстании тайпинов*. Так как русский китаевед сочувствовал повстанцам, то свои записи, чтобы сделать их непонятными для посторонних глаз, он вёл частично на русском, частично на китайском и французском языках (в русской транскрипции). Дневниковые записи К.А. Скачкова, относящиеся к тайпинам, назывались «Мой дневник» и «Мой политический журнал». Они столь трудно читались, что я на первых порах пришёл в отчаяние: непонятен даже текст, написанный на моём родном языке! Но через два года упорного труда мне всё же удалось закончить расшифровку скачковских дневников о тайпинах. К тому времени я уже был сотрудником Института китаеведения АН СССР.

ВГ: В одной из своих статей вы как-то упомянули о том, что Скачков писал киносценарий для фильма о жизни Н.Я. Бичурина. Был ли завершён этот сценарий?

ВМ: Понимаете, он собирался его доделывать, но так и не доделал. Но Скачков занимался Бичуриным. Он и меня привлек к бичуринской тематике. Правда, как я уж говорил, Бичуриным я увлёкся ещё в студенческие годы и посвятил ему свою дипломную работу.

В Институте китаеведения мы с П.Е. Скачковым начали совместно готовить сборник официальных международных актов, заключённых двумя государствами с 1689 по 1916 годы. Скачков уже жил в Ленинграде и бывал в Институте китаеведения наездами. Работа была увлекательной. В результате, в 1958 году издательство «Восточная литература» выпустило сборник документов по русско-

китайским отношениям (Русско-китайские отношения, 1689–1916: официальные документы. Сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М., 1958). В том же году и в том же издательстве вышли дневники К.А. Скачкова... Вообще, 1958 год стал для меня «урожайным»: в № 1 только что основанного журнала «Советское Китаеведение» была опубликована моя первая статья о поездке в Китай *Ивана Петлина*. При работе над этой статьей мне удалось совершить открытие, упразднявшее версию самого *Н.М. Карамзина*, который в своей «Истории государства Российского» (т. 1–12. 1816–1829) утверждал, что первая поездка русских в Китай состоялась при *Иване Грозном*. Мне же удалось обнаружить два ранее неизвестных документа о первой поездке русских в Пекин в 1618 году. По совету Скачкова рукопись этой статьи прошла апробацию у замечательного знатока Китая *Марка Исааковича Казанина*, который подтвердил большое научное значение найденных мною документов.

ВГ: Насколько я помню, Марка Исааковича Казанина вы также называете одним из своих учителей, наряду с П.Е. Скачковым...

ВМ: Наше знакомство с М.И. Казаниным перешло в длившуюся не одно десятилетие дружбу. Он также стал одним из моих любимых учителей. Кстати, вы не видели, в конце прошлого года вышла книжка «Казанин. Избранное»?⁵

ВГ: Нет, но мне очень интересна личность этого Китаевода.

ВМ: Ну, я вам подарю тогда. Там у меня большой очерк о нём. Позвоню издателям, чтобы они подвезли последний том (о российско-китайских отношениях) и книжку Казанина. Казанин был репрессирован. Скачков тоже был репрессирован. Это было удивительное поколение. Они были другими.

ВГ: А какими они были?

ВМ: Они не были озлоблены против режима. Они были нормальными людьми. В определённый период они работали в Китае. Потом произошла эта трагедия, которую они воспринимали, конечно, не как «подарок судьбы», а как, скорее всего, испытание Всевышнего. Но пережили, пришли и продолжали работать. Только надо было успеть выполнить задуманное. Вот, что было для них главное.

ВГ: То есть это были настоящие интеллигенты, о которых вы много писали. Не только российские, но и китайские интеллигенты. Штучные личности «междивизиационного типа», как вы говорите.

ВМ: Да, это была настоящая русская интеллигенция. Совершенно верно. Я и к китайской интеллигенции отношусь с огромным уважением. Скажем, когда уже прошла «культурная революция», да и в годы «культурной революции», люди вставали на собраниях и говорили правду. Они не заботились о себе, но думали о своём народе. Вот это настоящие интеллигенты! Есть только две страны, имеющие настоящую интеллигенцию. Это Китай и Россия. А эти западные «филистёры»... Там с трудом, может быть, на миллионы людей можно одного-двух найти. Я это достаточно хорошо знаю. Я в Америке прожил полтора года в разных ко-

⁵ См.: *Казанин М.И. Избранное* / Под общ. ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2009. 431 с.

мандировках. Я и в Европе тоже был не один раз. А вот настоящая интеллигенция есть только в двух странах. Очевидно, так сложилось исторически. Потому что только там, в Китае и России, настоящая интеллигенция жила во имя народа. Все остальные, кто хотя бы на шаг отступает в сторону, он перестаёт быть интеллигентом. Это уже нечто другое – прислужники режима или что-то другое, я даже не знаю, как их назвать. Каждый человек выбирает сам. Но интеллигентный человек – тот, у которого не может быть разлада с совестью.

ВГ: Как насчёт разлада совести в условиях современного Китая? Не кажется ли вам, что сохраняется какой-то разрыв между внутренней жизнью и официальной идеологией в КНР?

ВМ: Вы знаете, в данном случае, как и большинство китайского народа, я – государственник. Я понимаю, что если народ действительно хочет возрождения своей страны, чтобы она заняла подобающее место в системе международных отношений и в мире в целом, то какие-то издержки неизбежны. Они идут очень трудным путём. Мы шли таким же трудным путём. Произошло то, что произошло. Я не хочу сейчас это аргументировать. Но я знаю многих китайских коллег. Вот недавно приезжала одна делегация из Академии общественных наук Китая. И они сообщили, что готовятся сейчас к 20-летию крушения Советского Союза. В каком смысле готовятся? Конечно, не праздновать, а извлечь уроки. По максимуму извлечь уроки. Чтобы с нами (китайцами) не сделали то же самое, что сделали с вами. Чтобы не потерять страну.

ВГ: И чтобы ещё раз не потерять национальную интеллигенцию, потому что интеллигенция это «медленно созревающий плод».

ВМ: Да, конечно, это так.

ВГ: Я знаю, что ваша супруга, *Светлана Даниловна Маркова*, посвятила много лет изучению китайской интеллигенции. В частности, творчеству *Го Мо-жо*.

ВМ: Да-да. Есть книжка моей супруги «Китайская интеллигенция на изломах XX века». Вы её видели?

ВГ: К сожалению, только слышал о ней.

ВМ: Эта книга имеется в Синологической библиотеке. Попросите у них.

ВГ: Хорошо, спасибо.

ВМ: Я издавал эту её книгу уже после ухода автора из жизни, и вы там многое увидите...

ВГ: Владимир Степанович, в своё время академик *С.Л. Тихвинский* упоминал также о таком известном китаеведе, как *Борис Иванович Панкратов*. Я знаю, что вы были неплохо знакомы с этим человеком. Можно ли хотя бы коротко рассказать о нём как о человеке и китаеведе? Потому что сегодня уже мало кто помнит Панкратова.

ВМ: Бориса Ивановича я очень любил. И мне просто повезло. Через Петра Емельяновича Скачкова я познакомился с двумя ленинградскими китаеведами. Это были *Всеволод Сергеевич Колоколов*, по словарю которого мы учились (это

был единственный словарь тогда), и Борис Иванович Панкратов. Они, кстати, были примерно одного возраста и дружили между собой. Так сложилась судьба, что они выросли в Китае, были великолепными знатоками китайского языка и культуры Китая. Борис Иванович был интеллигентом высочайшей пробы. Он работал в Институте востоковедения в Ленинграде, дружил со Скачковым. Но тогда произошла какая-то досадная ошибка. В Академии наук всё время идут какие-то сокращения и так далее... Так вот, Всеволод Сергеевич (Колоколов) был профессором, он получил профессора «Honoris causa»⁶ ещё в 1920-е годы, когда преподавал в Военной академии РККА. А Борис Иванович был без всяких степеней. Ну и сократили в институте двух лиц старшего возраста. Мне удалось обеспечить их работой, так как у нас в Институте Дальнего Востока была одна программа, по которой они занимались переводами и получали деньги. Борис Иванович, конечно, очень обиделся и сказал, что его ноги больше не будет в Институте востоковедения. Когда в 1964 году умер Скачков и была панихида в институте (востоковедения в Ленинграде), Панкратов даже не вошёл туда. Стоял на набережной в холодный, ветреный и дождливый ноябрьский день. Но на кладбище поехал проводить. А через некоторое время у него был юбилей – 70 лет. И оказалось, что Борис Иванович был почётным доктором восемнадцати университетов! Его знали во всём мире! Вот какие ошибки допускает иногда не совсем грамотное руководство академических институтов. Нет пророков в своём отечестве...

ВГ: А чем занимался Панкратов в китаеведении? Какова была его главная научная стезя?

ВМ: Он перевёл «Юань ши» («Историю [династии] Юань»)⁷. У него были переводы средневековых китайских поэтов, в частности Ду Фу. Он писал немного, но был настоящим Знатоком Китая. Мы познакомились с ним тогда, когда готовили передачу в Китай так называемого «маньчжурского архива». Как-то раз, когда мы уже заканчивали это дело (подготовку к передаче архива), когда все документы были уже обработаны, мне пришлось работать с письмами какого-то «фудутуна»⁸ по имени Энь, который пишет просто поздравительные письма на красных бланках. Но читались они трудно, даже как-то не всегда понятно. Иногда встречались какие-то очень сложные лингвистические построения. Ведь это был чиновник, интеллигент, который цитировал то одного поэта, то другого.

⁶ *Honoris causa* – лат. Букв.: «ради почёта», за заслуги. Например, учёная степень, присуждаемая за научные заслуги, без защиты диссертации.

⁷ Неточность. Б.И Панкратов перевёл с монгольского языка транскрибированную китайскими иероглифами в 1240 г. анонимную «Юань-чао би-ши» («Сокровенная история династии Юань», «Сокровенное сказание монголов»), а Юань ши 元史 – одна из китайских официальных династийных историй, составленная к 1370 г. под руководством крупного учёного и сановника Сун Ляня (宋濂, 1310–1381).

⁸ *Фудутун* 副都統 – наместник в Китае; заместитель командира «знамени», командир «знамённой» области.

Мне тогда трудно было в этом разбираться. Да и сегодня трудно разбираться, ведь нужно быть специалистом. А Борис Иванович нас тогда консультировал, приходил один раз в неделю. Как-то раз он приходит, спрашивает, как дела. Нас тогда всего три человека уже оставалось. Говорим: «Борис Иванович, тут какой-то фудутун Энь...». Борис Иванович вдруг говорит: «А я был с ним знаком!» Вот тут уж я как стоял, так и сел! Панкратов посмотрел и сказал: «Вы правильно всё делаете. Тут не надо дословного перевода. Просто отмечайте для архива, что это поздравительное письмо».

ВГ: Выходит, он мог прочесть, понять и оценить документ «с ходу».

ВМ: Да, для него это было вообще нетрудно! И вот ещё малоизвестный эпизод из истории нашего китаеведения. Я долгое время дружил семьями с *Ильёй Михайловичем Ошаниным*. По рассказам Ильи Михайловича, Всеволод Сергеевич Колоколов ушёл на фронт в первые дни войны. Был рядовым шофёром, провёл всю войну за рулём, «за баранкой». Илья Михайлович возглавлял тогда кафедру в Военном институте иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). Была эвакуация и так далее. Потом закончилась война, ВИИЯКА вернулся в Москву и Илья Михайлович уже жил в Москве. В это время Всеволод Сергеевич возвращается с фронта в солдатской шинели, в кирзовых сапогах. Решил, что надо зайти «к Илюше». Пришёл. А Илья Михайлович написал за время войны докторскую диссертацию по служебным частицам в *вэньяне*. И он боялся признаться в этом Колоколову, потому что называл Всеволода Сергеевича «сяньшэн», учителем. Как говорил Ошанин, они просидели весь вечер, делились воспоминаниями и новостями, выпили: «За Победу!». И только в первом часу ночи Ошанин сознался Колоколову в том, что у него есть докторская. «Дай почитать!» – сказал Колоколов и начал читать. И где-то уже на четвёртом часу чтения Колоколов вдруг встал, подошёл в угол и говорит: «У тебя здесь в цитате пропущен один иероглиф!» Ошанин: «Не может быть! Я лично вписывал!» Колоколов: «Нет, пропущен!» Достаём текст, читаем – пропущен! Всеволод Сергеевич заметил это потому, что получал образование в классической китайской школе⁹ до *Синьхайской революции*. Тексты он знал наизусть! И несмотря на войну, на все прошедшие годы, он вспомнил и выправил Ошанину эту цитату! Вот такие были очень серьёзные люди! Много подобных историй можно и про других (китаеведов) рассказывать. Кстати, когда я поступил на работу в Институт китаеведения, меня поначалу зачислили в сектор истории Китая. Руководил сектором замечательный историк-китаевед *Владимир Николаевич Никифоров*. У него тоже можно было многому поучиться.

ВГ: Может, вы скажете несколько слов и про *Евгения Ивановича Кычанова*, очень известного и уважаемого китаеведа? Вам приходилось работать с ним вместе?

ВМ: Мы знаем друг друга и дружим с ним много лет, начиная с 1960-х годов. Считайте, пятьдесят лет уже!

⁹ Обучение в китайской классической школе в основном состояло из заучивания наизусть древних текстов.

ВГ: Мне кажется, это человек, достойный упоминания в нашем интервью.

ВМ: Безусловно! Это уникальный учёный, очень талантливый человек! В 1964 году мы были с ним вместе на языковой стажировке в Пекине. Учились в одной группе и с тех пор дружим. Я дарю ему свои книжки. Он дарит мне свои. Если брать какую-то объективную шкалу ценностей, то он давно уже мог быть действительным членом Академии наук. Просто жизнь иногда складывается так, что, например, Институт востоковедения РАН, где я сейчас служу, и где работал и работает Е.И. Кычанов (теперь это *Институт восточных рукописей*), не выдвигал никого в академики. Один раз выдвигал свою кандидатуру директор *Р.Б. Рыбаков*, но потом перестал почему-то. А петербургскому филиалу, где работал Евгений Иванович, было вообще трудно. Вот, правда, *Дандамаева Мухаммеда Абдулкадыровича* мы провели в члены-корреспонденты РАН. Он очень сильный учёный по вавилонской клинописи. Конечно, безусловно, все коллеги в востоковедных кругах знают, что Кычанов – это «глыба»! Настоящий крупный учёный, блестящий исследователь, не разменивающийся на какие-то конъюнктурные работы. Его знают лично и по работам во всём мире, уважают в Японии, в Китае, на Тайване и в Америке, где угодно. Он занимался *киданиями, тангутами, маньчжурами* и Тибетом. Интересно пишущий, интересно думающий самостоятельный учёный петербургской школы. И хороший человек! Это тоже очень важно.

ВГ: Позвольте вернуться к вам лично. Когда вы впервые оказались в Китае?

ВМ: В 1958 году, кроме выхода первых публикаций, состоялась и моя первая командировка в КНР, по приглашению АОН Китая. По совету директора Института новой истории АОН КНР, крупного китайского историка профессора *Лю Даяня*, я в течение августа–ноября напряжённо работал в архиве музея *Гугун* над документами Минской и Цинской династий. В работе в архиве мне помогал известный специалист по Монголии, профессор *Юй Юань-ань*.

В Пекине мне также удалось познакомиться с книжными сокровищами Пекинской библиотеки, материалами музея Гугун, историческими достопримечательностями столицы КНР. Как раз в это время здесь была развернута выставка архивных документов, переданных советской стороной. Это был тот самый «Маньчжурский архив», с разборки которого я начал работу в Академии наук. В Гугуне же проходила выставка сокровищ цинского императорского двора, и я был поражён богатством и великолепием экспонатов. Тогда же китайскими археологами были произведены раскопки могилы минского императора *Ваньли*, при котором Пекин посетила первая русская миссия. Вместе с китайскими учёными мы, группа советских китаеведов – сотрудников Института китаеведения, посетили раскопки ещё до их официального превращения в музейный комплекс. После возвращения в Москву я встречался с известным антропологом *М.М. Герасимовым* и обсуждал с ним возможности восстановления облика Ваньли по его черепу. Фото такой реконструкции мне хотелось поместить в первом томе серии документальных сборников об отношениях России и Китая. К сожалению,

отсутствие средств не позволило Герасимову осуществить «китайский проект». Побывал я и в исторической столице маньчжуров – городе Шэньяне, где осмотрел великолепный исторический музей, остатки дворцовых сооружений и комплекс захоронений первых маньчжурских ханов.

ВГ: Эта поездка сыграла большую роль и в вашей семейной жизни...

ВМ: В Пекине же началась моя большая дружба с коллегой по институту Светланой Даниловной Марковой. В дальнейшем взаимные чувства привели к тому, что Светлана Даниловна стала моей женой. Светлана Даниловна была очень талантливым и известным китаеведом-филологом, специалистом по современной китайской литературе и культуре в целом. В Пекине она познакомила меня со своими старыми друзьями: академиком Го Мо-жо, академиком-математиком Хуа Ло-гэном, поэтом Сяо Санем (*Эми Сяо*), историком Цзянь Бо-цзанем и многими видными китайскими интеллигентами.

ВГ: Владимир Степанович, одновременно с вами в конце 1950-х годов в Пекине учился и занимался наукой ещё один коллега, крупнейший советский китаевед *Михаил Васильевич Крюков*. Как вы оцениваете вклад Крюкова в отечественное и мировое китаеведение? В чём его уникальность как человека и учёного?

ВМ: С Михаилом Васильевичем Крюковым мы учились в одной группе и дружим уже 60 лет. Думаю, что юбилей дружбы можно было бы и отметить. Я думаю, что было бы некорректно оценивать вклад моего друга в отечественное и мировое китаеведение. То, что Михаил Васильевич является членом *British Royal Society*, говорит само за себя. Учёный с мировым именем, ставший британским академиком. Он единственный из наших учёных удостоен столь высокой чести. А чтобы понять его уникальность как человека и учёного, обратитесь к одной из его великолепных книг, я имею в виду «Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова». М., 2000. Думаю, что оттуда вы почерпнёте очень много достаточно интересного для вашего интервью.

ВГ: Спасибо, я читал эту книгу ещё в рукописи, это замечательная книга!.. Как и другим коллегам вам тоже пришлось пережить закрытие Института китаеведения.

ВМ: Да, в 1960 году, после завершения проходившего в Москве XXV международного конгресса востоковедов, Н.С. Хрущёв совершил «второе закрытие» китаеведения. Первым было закрытие учебного института (МИВ), где готовили востоковедов. Теперь же было принято решение закрыть Институт китаеведения АН СССР. Поводом для этого стало донесение работавшего в Пекине дипломата *Н.Г. Сударикова*, который доложил о высказанном *Мао Цзэ-дун*ом в одной из бесед с ним неудовольствии тем, что в СССР создан Институт китаеведения. По мнению Мао, изучают только колониальные и зависимые страны, а зачем изучать Китай, строящий социализм? Конечно, скорее всего, Мао Цзэ-дун просто решил ослабить научное обеспечение политики СССР на китайском направлении. Н.С. Хрущёв же сделал поспешный вывод, что если научный институт вызывает какое-то недовольство в Пекине, то его следует принести в жертву. Дальнейший

ход показал, что это была одна из ошибок Хрущёва. Через два года после снятия Хрущёва со всех постов институт был восстановлен как *Институт Дальнего Востока АН СССР*. Тогда же, в 1960 году, большинство сотрудников Института китаеведения перешли в Институт народов Азии, как тогда стали именовать Институт востоковедения, где был комплексный отдел Китая под руководством бывшего директора Института китаеведения, известного историка и дипломата, профессора С.Л. Тихвинского.

ВГ: Какой теме была посвящена ваша кандидатская диссертация? И как складывалась ваша дальнейшая научная работа?

ВМ: Поступая в 1960 году в аспирантуру Института народов Азии я уже имел ряд публикаций, определивших круг моих основных научных интересов. Моя кандидатская диссертация была посвящена наиболее острым проблемам истории российско-китайских отношений в XVII – первой половине XIX столетия. А первым её читателем был *М.И. Казанин*. Он поддержал меня и дал ряд ценных советов. Заодно Марк Исаакович спросил, каковы мои дальнейшие творческие планы. Я ответил, что хотел бы перевести с китайского языка «Шофан бэйчэн»¹⁰ – труд *Хэ Цю-тао*, цинского историка XIX века. Услышав эти слова, Марк Исаакович задумался, а потом произнёс: «Нет, вы можете писать, вам дано это. А перевод могут выполнить и другие, например те, кто вернулся в СССР из Китая в качестве реэмигрантов. Вы должны работать как историк, а не как переводчик». Я был поражён этим суждением, но я знал, что Казанин обладал редкой способностью видеть сущность людей. Это был дар Небес, приумноженный огромным жизненным опытом. Я принял этот совет как указание, по какому пути мне следовать в моей профессии. И я всю жизнь благодарен своему учителю.

Два года из трёх аспирантских лет я провёл на стройке академического дома, где работал для получения квартиры. Но успевал кое-что публиковать и диссертацию закончил в срок.

ВГ: Как вам всё же удалось написать диссертацию в срок?

ВМ: Конечно, у меня были наработки, я имел в своём распоряжении архивные данные, достаточное количество литературы. Но на сам процесс написания у меня оставалось не более трёх месяцев. Тогда я применил метод «сдвоенного рабочего дня». Отправив семью на Чёрное море, я в течение летних месяцев вставал в шесть утра, а в семь уже садился за пишущую машинку. Норму я определил себе экспериментальным путём – 7 страниц в день. Работал до двух часов дня, затем обедал и спал до четырёх часов. С четырёх до десяти вечера был «второй рабочий день» с коротким перерывом на ужин. В десять вечера – отбой, отход ко сну. Проработав в таком режиме три месяца, я завершил 500-страничный труд. Работа охватывала период от начала XVII столетия до середины XIX века. Ти-

¹⁰ *Шофан бэйчэн* (Готовьте колесницы на страну полуночную). Устаревший в научном плане труд Хэ Цю-тао, посвящённый формированию русско-китайской границы. Интересен в идеологическом отношении.

пологически этот период можно квалифицировать как этап смешанных взаимосвязей, когда при сходстве социально-экономических систем (равновеликие феодальные империи) цивилизационные различия оказывали существенное влияние на характер отношений.

Главное положение концепции, выработанной мной на основе документальных источников, заключалось в том, что национальные и государственные интересы России и Китая не противоречили друг другу. Это подтверждалось почти 300-летним опытом взаимодействия двух стран. Одна из важнейших особенностей истории русско-китайских отношений состояла в том, что два государства **никогда не были в состоянии войны друг с другом.**

ВГ: Когда состоялась защита диссертации?

ВМ: Диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук я успешно защитил 13 февраля 1964 года. Оппонентами были *М.С. Капица* и *Н.Ф. Демидова*. В конце марта того же года в составе довольно большой группы сотрудников АН СССР я выехал на языковую стажировку в Пекинский институт иностранных языков. Мы набирались знаний. Жизнь в общежитии и совместные занятия сдружили меня с *А.А. Бокщаниным* – ныне профессором, он много лет был заведующим Отделом Китая Института востоковедения РАН, а также с *Е.И. Кычановым*, который долгое время был директором Ленинградского (Петербургского) филиала Института востоковедения. Тогда же в *Бэйда* проходил стажировку один из лучших наших китаеведов – выдающийся литературовед, блестящий эрудит *В.Ф. Сорокин*, с которым меня связывает давняя дружба.

ВГ: Как сказывалось на вашем пребывании в Китае обострение советско-китайских отношений?

ВМ: В Пекине мы узнали, что ещё 15 февраля 1964 года на пленуме ЦК КПСС выступил главный идеолог *М.А. Сулов*, который обвинил тогдашних китайских руководителей в отходе от марксизма. Межпартийная полемика сильно осложняла межгосударственные отношения, но мы продолжали учёбу.

В то время в Пекине начались советско-китайские переговоры по пограничным вопросам. Некоторый опыт работы в архивах и знания, полученные мной в процессе изучения российско-китайских отношений XVII–XIX вв., особенно документов, связанных с историей пограничного размежевания между Россией и империей Цин на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, обратили на меня внимание членов советской делегации, проявивших большой интерес к моим работам. С этого времени Министерство иностранных дел вновь стало привлекать меня к сотрудничеству.

ВГ: Как продвигалась ваша научная работа после возвращения в Москву?

ВМ: Возвратившись в Москву, я продолжал работать в ЦГАДА над подготовкой первого тома документов и материалов по истории отношений России с Китаем. 11 ноября 1964 года наше китаеведение понесло тяжёлую утрату: ушел из жизни мой учитель *П.Е. Скачков*. После смерти Скачкова остался его большой

незаконченный труд по истории дореволюционного отечественного китаеведения. Я решил отложить написание докторской диссертации и завершить работу над рукописями П.Е. Скачкова. Работать приходилось урывками, чаще всего во время отпуска. Наконец, труд Петра Емельяновича увидел свет восстановленным до полного объёма. Он вылился в фундаментальное научное исследование (Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. Отв. ред. В.С. Мясников. – М., 1977, 505 с.). Эти очерки стали свидетельством достаточно высокого уровня развития нашего китаеведения, ибо любая наука может заниматься самопознанием, только достигнув определённого уровня. Кстати, выявились и особенности нашей китаеведческой школы по сравнению с другими.

ВГ: Как бы вы определили эти особенности?

ВМ: В мире существует четыре типа китаеведения. На первом месте стоит, как отмечал *В.М. Алексеев*, национальная школа – изучение своей страны китайскими учёными. Второй тип – китаеведение стран конфуцианского и буддийского культурных ареалов, соседей Китая. Действительно, Япония, Корея, Монголия, Вьетнам и Индия накопили тысячелетний опыт политических, экономических и культурных связей с Китаем, восприняли многие элементы китайской цивилизации и сами внесли в неё существенный вклад. Третий тип – «заморское» китаеведение, представленное национальными школами Италии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Германии, США, Австралии. Что касается русского китаеведения, то оно относится к четвёртому типу – добрососедскому. 400 лет назад Россия и Китай стали соседями. Установление добрососедских отношений было главным стремлением двух государств. Русское китаеведение выросло, исходя из этой потребности.

ВГ: Вы много раз бывали в командировках в Европе. И всё же, чем отличается европейское китаеведение в целом от российского китаеведения?

ВМ: Во-первых, тем, что для нас Китай – это соседняя страна, а для них – какие-то далёкие заморские территории. Во-вторых, я это тоже иногда говорю своим китайским друзьям: исторически у русского народа и у китайского народа есть очень много общего. Мы столетиями жили в бедности, тогда как Европа жила в это время уже совсем по другим меркам. У них там «капитализмы» всякие развивались, а мы жили в феодализме, в бедности и так далее. Это – общность судьбы. Мы гораздо легче понимаем друг друга.

ВГ: Я бы ещё добавил, что жили не только в бедности, но и в унижении.

ВМ: А феодализм – это и есть унижение, личная зависимость! Поэтому если что-то кажется нашим европейским коллегам – «Ах! Ах!» (шокирующим), то мы понимаем, что это естественное состояние и естественное отношение к такому состоянию. Безусловно, европейскую школу нельзя сбрасывать со счетов. Там было очень сильное китаеведение. И нужно помнить, что когда-то в Петербургском университете, например, как готовили к званию профессора? Отправляли на два-три года в Европу! Вот как академик Алексеев с *Шаванном* путешествовали по Китаю, какое прекрасное он получил образование! Сначала поработал в Лон-

доне и в Париже. А потом уже отправился в Китай. Так в принципе развивалась наша отечественная наука. *Пётр Леонидович Капица* тоже сначала поработал у *Резерфорда*, и это был правильный подход!

В том, что сейчас почти полтора миллиона российских учёных работает за рубежом, есть свои плюсы и минусы. Если эти люди, получив там хорошие навыки работы на современном уровне и оборудовании, вернуться сюда, то наша наука могла бы «рвануть» вперёд совершенно другими темпами. Опять же, тут нам надо учиться у китайцев, которые проводят политику возвращения своих учёных из Соединенных Штатов. Правильно проводят – создают условия не хуже, а лучше, чем в Штатах. И тогда люди едут домой.

ВГ: Вы были одним из немногих советских китаеведов, неоднократно бывавших в Китае в годы «культурной революции». С чем были связаны эти поездки?

ВМ: В августе 1966 года я был командирован в КНДР и КНР в составе делегации *Союза Советских Обществ Дружбы*. 20 августа мы прибыли из КНДР поездом в Пекин. Это был незабываемый день – «культурная революция» начала шагать по улицам китайской столицы. Не просто шагать. Многочисленные толпы молодёжи в нарукавных повязках с надписью *хунвэйбин* запрудили Чанъаньцзе и все прилегающие улицы... Всюду вывешивались *дацзыбао*. Перед нашим посольством, которое мы посетили, шла непрерывная демонстрация жителей Пекина. В Шанхае, где мы пробыли три дня, ночью невозможно было уснуть не только потому, что увидели поваленный и обклеенный листовками памятник А.С. Пушкину, а ещё и потому, что из мощных динамиков, установленных на здании гостиницы, непрерывно неслись звуки революционных мелодий.

В марте 1969 года нас всех охватила тревога: произошли вооружённые столкновения на советско-китайской границе в районе острова Даманский. В конце мая мне было предложено занять должность учёного секретаря ИДВ и возглавить Сектор пограничных проблем Китая. 11 сентября в Пекине состоялась встреча *А.Н. Косыгина* с *Чжоу Энь-лаем*. Стороны договорились возобновить переговоры по уточнению линии границы на отдельных участках. В начале октября я вернулся из отпуска в Москву и узнал, что меня вызывают в МИД, так как я был включён в качестве эксперта в состав Советской правительственной делегации на советско-китайских переговорах по пограничным проблемам. 18 октября мы прибыли в Пекин, и 20-го обе делегации сели за стол переговоров. Конечно, мне было интересно побывать в Пекине в разгар «культурной революции». В то время мне было сделано предложение перейти в МИД на должность советника. Но я решительно отказался уйти с научной работы. Опыт работы в делегации привёл меня к выводу о сходстве типологии формирования границ России с Китаем, Монголией и Кореей. По моей инициативе в 1978 году были обновлены договорные документы, а затем проведена редемаркация советско-монгольской и советско-корейской границ.

Вернувшись в Москву в 1969 году, я вновь приступил к работе над документальными сборниками «Российско-китайские отношения в XVII веке» (РКО

в XVII веке. Т. II. 1686–1691. Сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой, В.С. Мясникова. М., 1972). Наш том интересен не только основным составом документов, раскрывающих ход переговоров в Нерчинске¹¹, но и своими Приложениями. В нём мы реализовали один из главных принципов издания всех последующих томов этой серии – освещать события тремя категориями источников: русского, китайского и западного происхождения.

ВГ: Вы также уделяли немало времени преподаванию...

ВМ: Моей постоянной заботой было привлечение к научно-исследовательской работе молодёжи. Я решил, что знакомиться с талантливыми молодыми людьми нужно тогда, когда они находятся ещё на студенческой скамье. Поэтому я принял приглашение кафедры истории Китая *МГИМО*, которую тогда возглавлял *А.В. Меликсетов*. И почти десять лет читал студентам лекции о международных отношениях Китая и по истории русско-китайских связей. Даже сегодня я по-прежнему общаюсь со студентами, преподавал в Восточном университете при ИВ РАН¹² и на факультете мировой политики МГУ, читаю курс для магистрантов ВШЭ.

ВГ: Чему была посвящена ваша докторская диссертация?

ВМ: Моя докторская диссертация называлась «Империя Цин и Русское государство в XVII веке». За годы работы над архивами и китайскими первоисточниками мне удалось выявить определённые закономерности в практике ведения китайской дипломатией дел с соседними государствами. Результаты исследования этой проблемы и были положены в основу докторской диссертации. Проведённый в диссертации анализ теории и практики цинской дипломатии позволили определить дипломатию императора *Канси* в отношении Русского государства как стратагемную. Стратагемность была воспринята Цинами от традиционной китайской дипломатии, которая веками успешно применяла стратагемы, но держала их в строгом секрете.

ВГ: Что принято понимать под стратагемой?

ВМ: Понятие «стратагема» означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Стратагемная дипломатия – это дипломатия, которая основывается не на нормах и принципах международного права, а на теории военного искусства, имеющей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства. Дипломатическая стратагема – это долговременный план, нацеленный на решение крупной внешнеполитической задачи. Понятие стратагемности при анализе истории и современных международных отношений Восточной и Центральной Азии теперь стало общепринятым.

Обсуждение моей докторской диссертации состоялось в начале 1977 года, а осенью – её защита. Моим первым оппонентом был академик *А.Л. Нарочницкий*. Поддержать меня пришли такие видные китаеведы, как *С.Л. Тихвинский*, *М.С. Капица* и *О.Б. Рахманин*. Защита прошла по-деловому. Диссертация была

¹¹ Переговоры, предшествовавшие подписанию Нерчинского договора 1689 г. – первого договора, определившего отношения Русского государства с империей Цин.

¹² Ныне – Институт стран Востока. Адрес: Москва, ул. Рождественка, д. 12.

опубликована в виде монографии объёмом в 312 страниц. Через несколько лет её переиздали в Хабаровске (Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. 2-е изд., доп. Хабаровск, 1987. 512 с.). Кроме того, вышли её переводы на английский и французский языки.

ВГ: Как вы уже упомянули, стратагемная дипломатия имеет отношение не только к истории, но и к современной мировой политике. Не с этим ли связан ваш давний интерес к современным международным отношениям?

ВМ: Да. Помимо изучения российско-китайских отношений, в 1980-е годы мне пришлось перейти к изучению проблем современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Во второй половине 1980-х годов я принимал активное участие в совместном проекте ИДВ АН СССР и Центра стратегических исследований Стэнфордского университета по выработке мер доверия в Азии, в первую очередь на Корейском полуострове. Эта работа занимала много времени и сыграла существенную роль в разрядке напряжённости на Корейском полуострове. Однако я не хотел оставлять свои давние увлечения историей русского китаеведения, историей китайской дипломатии и международных отношений в странах Азии. Мой интерес к специфике китайской дипломатии привёл к написанию в 1988 году монографии «Краткий очерк истории дипломатии КНР».

ВГ: Как продолжалась ваша научная работа в нелёгкие для России 1990-е годы?

ВМ: В 1990 году я был избран членом-корреспондентом АН СССР. В следующем году я был в командировке в Японии, где приобрёл недорогой компьютер тайваньской фирмы «Асег». Это позволило мне, как говорят экономисты, резко повысить производительность труда. Конечно, дело было не только в компьютере. Просто у меня был период творческого подъёма. Работалось легко и с удовольствием. В некоторые годы я ежегодно публиковал по 10–12 работ. Хотя, казалось, ситуация была такова, что можно было упасть духом. Я имею в виду расчленение Советского Союза.

В это время моё внимание стало всё больше привлекать влияние цивилизационных, этнокультурных особенностей государств на их взаимоотношения. Я понял, что типология международных отношений должна быть дополнена такими понятиями, как моноцивилизационный тип межгосударственных связей, когда они развиваются в рамках одной цивилизационной системы (например, европейской), и смешанный тип – отношения государств, принадлежащих к различным цивилизационным комплексам. Я выступил с докладом на эту тему на конференции по экономической истории. А затем опубликовал ряд статей и ввёл эти понятия в достаточно широкий круг научных изданий.

ВГ: В 1996 году вышла ещё одна ваша книга «Договорными статьями утвердили...»¹³. Почему была написана эта книга?

¹³ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы, XVII–XX вв. М., 1996. 482 с.

ВМ: Дело в том, что в 1994 году было подписано Соглашение о западном участке российско-китайской границы, а Соглашение о восточном участке было заключено ещё в советское время – в 1991 году. Поскольку вся граница была вновь делимитирована, я решил написать её полную историю. Успел уложиться в срок, и книга вышла в 1996 году. Она разошлась мгновенно, хотя полиграфически издание было выполнено очень бедно. Но работа оказалась столь нужной дальневосточникам, что глава администрации Хабаровского края *В.И. Ишаев* распорядился сделать в Хабаровске второе, уже «приличное» с точки зрения полиграфии и к тому же дополненное издание.

Во введении к книге я обратился к китайским историкам с призывом совместно рассматривать самые сложные проблемы отношений России и Китая в период правления династии Цин. В конце книги выдвинута идея заключения между Россией и Китаем нового договора. Как заместитель председателя российской части *Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития* я выступил на третьей сессии комитета, проходившей в октябре 2000 года в Пекине, с докладом о перспективах заключения договора между Россией и КНР. Такой Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР был подписан в Москве 16 июля 2001 года.

ВГ: Через год после выхода «Договорных статей» вы были избраны академиком, действительным членом РАН.

ВМ: Да. На выборах члены Отделения истории были настроены благоприятно. Я получил 14 голосов из 15. Это очень хороший результат. Единодушно голосование прошло только один раз, когда был избран действительным членом мой друг, всемирно известный специалист по античному Востоку *Григорий Максимович Бонгард-Левин*.

ВГ: Изменились ли ваши научные интересы в XXI веке?

ВМ: В начале 2000-х годов меня заинтересовала проблема возможного взаимодействия на международной арене России, Китая и Индии. Этот интерес возник ещё в 1991 году, когда я участвовал в международном форуме в Дели, где среди прочих обсуждалась и эта проблема. В 2000 году я был одним из организаторов конференции по этой проблеме, прошедшей в ИВ РАН. А в 2001, 2002 и 2003 годах активно участвовал в международных конференциях учёных России, Индии и Китая, проводившихся в Москве, Дели и Пекине. Но всё же главным моим делом была и остаётся подготовка фундаментальных трудов. В 2000 и 2005 годах вышли очередные тома «Российско-китайских отношений (РКО)» (т. IV и V), посвящённые XX веку. Том IV освещает советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. Том V охватывает период с 1946 г. по февраль 1950 г. Только что вышел очередной том из серии «Русско-китайские отношения». Это третий том XX века, 1931–1936 гг. Это очень интересный исторический период. Здесь и начало японской агрессии в Китае, и так далее. Хоро-

ший том! Я только что послал его с «оказией» китайским друзьям. В этом томе я и редактор, и составитель.

ВГ: Поздравляю вас с выходом этого тома!

ВМ: Спасибо!

ВГ: Владимир Степанович, пожалуйста, ещё несколько слов о ваших отношениях с Европой, европейским китаеведением. Как они начинались?

ВМ: На Западе я впервые побывал в 1973 году. В Сорбонне тогда проходил XXIX Международный конгресс востоковедов. Попал в число группы не делегатов, а «научных туристов». Тем не менее, я выступил с докладом об издании документов о ранних русско-китайских отношениях. Впервые в жизни я выступал на международном конгрессе. Выступал на английском языке, демонстрируя два тома изданных нами документов. Они вызвали огромный интерес.

ВГ: Кажется, на этом конгрессе произошла и ваша первая встреча с тайваньцами.

ВМ: Мои парижские приключения не закончились выступлением в Сорбонне. Я все дни присутствовал на секции «Классический Китай». Там было около 80 тайваньских учёных. В день завершения конгресса к нашей делегации подбежала испуганная переводчица, державшая газету «Monde». В статье говорилось, что наибольший интерес на конгрессе вызвало присутствие советского учёного В.С. Мясникова, который постоянно общался с тайваньцами. «Уж не ведёт ли Советский Союз секретные переговоры с Тайванем?» – таким вопросом заканчивал свою статью французский журналист. Так жизнь учила осторожному отношению к журналистам, готовым использовать любые средства в погоне за сенсацией.

ВГ: В ваших «европейских приключениях» была ещё история с изданием на русском языке книги швейцарца *Харро фон Зенгера* «Стратагемы».

ВМ: Я встретился с ним на конференции Европейской ассоциации китаеведов в 1990 году. Он подарил мне, первому европейскому «стратагемщику» (это признание самого Харро фон Зенгера), свой труд, только что вышедший в Германии. Я привёз книгу в Москву и на заседании Главной редколлегии издательства «Прогресс» предложил издать книгу «о китайском искусстве жить и выживать» для русского читателя. Я выступил в роли ответственного редактора, автора предисловия, озаглавленного «Антология хитроумных планов», и комментариев к этой книге. Издательство долго тянуло, переводчик работал медленнее, чем мне хотелось. Но книга всё же появилась на прилавках книжных магазинов в 1995 году и имела большой успех.

ВГ: Скажите, имеются ли в западном китаеведении учёные такого масштаба, которых вы поставили бы в один ряд с *Иакинфом Бичуриным*?

ВМ: Безусловно, есть. В своей книге «Квадратура китайского круга»¹⁴ я писал о *Роберте Хансе ван Гулике*. Во время Второй мировой войны в Чунцине собра-

¹⁴ См.: Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи. Кн. 1 и 2. М., 2006.

лись: «глава» американского китаеведения *Джон Кинг Фэрбэнк*, *Джозеф Нидэм* – «глава» английского китаеведения, С.Л. Тихвинский – «глава» нашего советского китаеведения и голландец Роберт Ханс ван Гулик. Ван Гулик, вообще, сам по себе был «феноменом». Он был санскритолог, японовед, а также китаевед «от бога». Я очень люблю его серию детективных романов, которые он написал в качестве отдыха. Это, кстати, великолепная школа познания классического Китая. Под видом детективов читателям подаются достоверные сведения о танской¹⁵ эпохе. Это всё достоверно! В некоторых своих произведениях Ван Гулик иногда сообщает либо в предисловии, либо в послесловии, из каких китайских источников взяты эти сведения и сюжеты. Если взять этот возрастной уровень, то вот вам четыре великих, выдающихся китаеведа. Я также был знаком с *Гербертом Франке*, *Ван Дер Луном*, *Денисом Твитчетом*, *Джоном Ластом*, который подарил мне свой *Index Sinicus*¹⁶ 1920–1955 (Cambridge, 1964). С ещё целым рядом выдающихся европейских китаеведов я продолжаю поддерживать отношения, например с *Марианной Бастид-Брюгьер*, с Харро фон Зенгером. Это всё очень знающие люди.

К сожалению, сегодня европейское китаеведение раскололось на две части. Одна часть – это Европейская ассоциация китаеведения. Там занимаются классическим Китаем и такими «небольшими» темами. Вот, скажем, одна дама поехала в какую-то провинцию и провела два года в каком-то уезде. И в итоге она написала социологический очерк этого уезда. Это замечательно. Или, как, скажем, сегодня французская девушка рассказывала нам на конференции о музыкальных мотивах в китайской поэзии эпохи Сун¹⁷. Это, безусловно, хорошая классическая тема. Но сегодня большая часть китаеведов работают в корпорациях, потому что связи ЕС с Китаем это совершенно особая страница в сегодняшней мировой экономике. У Китая тоже есть специалисты, которые знают Европу, может, даже лучше самих европейцев.

Конечно, Европейская ассоциация китаеведов уступает сегодня тому, что происходит в самом Китае. Когда проводится Шанхайский Всемирный форум по изучению Китая – вот там интересно присутствовать! Там столько секций, там такие вещи рассказываются! Сами китайские специалисты рассказывают там о своей стране. Вот это интересно! Я участвовал в двух форумах. В этом году проходит Шанхайская всемирная выставка World Expo–2010, поэтому они пропускают организацию Форума китаеведов...

ВГ: Похоже, центр мирового китаеведения смещается в Китай, как ни странно это звучит.

ВМ: Об этом писал ещё *В.М. Алексеев*. Что основные учёные по Китаю – это китайские учёные. Это их история, это их страна! А мы должны с ними взаимо-

¹⁵ *Тан* 唐朝 – китайская императорская династия (618–907).

¹⁶ См.: *Index Sinicus. A catalogue of articles relating to China in periodicals and other collective publications 1920–1955. Compiled by John Lust. W. Heffer & Sons Ltd. Cambridge England, 1964.* Справочник содержит библиографию статей по Китаю, изданных в 1920–1955 гг.

¹⁷ *Сун* 宋朝 – китайская императорская династия (960–1279).

действовать, должны многому у них учиться. Это правильный подход. Учиться, как говорится, не зазорно никому. А то, что китайские учёные вышли сегодня в области общественных наук, в социологии, экономике, международных отношениях и целом ряде других дисциплин на мировой уровень – это факт. В истории это, может быть, несколько сложнее. Там часто всё ещё преобладают традиционные подходы, сохраняется традиционная методология.

ВГ: И это тормозит.

ВМ: Это тормозит развитие исторической науки как таковой. Это верно. Они это тоже знают, между прочим. Я знаю об этом из общения с китайскими коллегами. Вот последняя книжка избранных сочинений *Дай И* – хорошая очень книга!¹⁸ Он уже далеко не молодой человек, но очень хорошо усваивает какие-то новации. Он выступает уже на уровне мировой исторической науки. Но далеко не все китайские историки пока так работают. Поэтому, придёт время, и не так уж долго придётся ждать. Я думаю, что где-то через десяток-полтора десятка лет они выйдут на передовой уровень. Я только что возглавлял комиссию РАН по проверке Института всеобщей истории. У этого института сложились очень хорошие отношения с Институтом всеобщей истории АОН Китая в Пекине. А когда наши российские историки впервые поехали туда десять лет назад, они с удивлением говорили мне: «Слушайте, китайцы же работают на мировом уровне!» А я им говорю: «Что вы думаете, что вы приехали куда-то в отсталую страну?» Китайцы прекрасно подготовлены. Они прекрасно знают европейские языки, ездят в Европу больше, чем мы ездим в Европу. Их страна позволяет это, государство субсидирует.

Потом, если уж сравнивать, то тут надо учитывать и нашу ситуацию в науке. Я уже 16 лет работаю в Российском гуманитарном научном фонде (РГНФ), был одним из его основателей. Там сейчас происходят некоторые перемены, которые я не буду комментировать. Но я хочу здесь отметить ограниченность возможностей наших фондов. Скажем, мы даём грант на 100, 200, 300 тысяч рублей на одного человека. В Китае делается по-другому. Там жёстче конкуренция. Но институтский грант под написание монографии – это 10 000 долларов США. А государственный грант – это 50 000 долларов. Понимаете?

ВГ: Понимаю, уровень совершенно другой.

ВМ: Уровень совершенно другой! Да, конечно, конкуренция жёсткая. Но если учёный получил грант, он пишет книгу очень солидно. Поэтому взаимодействие с Китаем полезно. Но сегодня мы пока всё ещё находимся в стадии, когда большинство нашего не знающего Китая чиновного люда, приезжая туда, падают в шок от увиденного. Да, конечно, можно упасть от сравнения, если ты прилетел

¹⁸ Видимо, речь идёт о собрании работ по эпохе Цин известного историка Дай И (Дай Бин-хэна) Дай И цзы-сюань цзи (Избранное Дай И, составленное им самим. Пекин, 2007 戴逸自选集. См. также: *Дай И: Юйбинцзи: Дай И суйби* (Сборник речей о льдах [летом]: беглые записи Дай И) 语冰集: 戴逸随笔(历史学家随笔丛书). Гуанси, 1999 广西人民出版社.

из Шереметьево куда-нибудь в Шанхай, Гонконг или Пекин. Это уже XXI век, а мы всё ещё там где-то плетёмся!

ВГ: А если заглянуть в академические стены, то этот разрыв между нашей и китайской наукой будет ещё очевиднее!

ВМ: Да, конечно. Но я очень рад за своих китайских коллег. Уже больше полувека я бываю в Китае. И я помню, как люди жили раньше. Как мои друзья-профессора жили в традиционных домах. Раньше, когда в Пекине строили новые четырёхэтажные дома, все удобства были во дворе. Идёшь домой к директору института в Харбине, поднимаешься по лестнице – все лестничные площадки завалены припасённой на зиму капустой. Сегодня же у них стоят великолепные дома, современнейшие лифты, огромные квартиры. Как говорил когда-то один мой родственник: «Чтоб я так жил!»

Действительно, прекрасно живут теперь. Как-то раз, когда я был в Харбине, случилась забавная сцена. Я – почётный доктор Хэйлунцзянской академии наук¹⁹. *Цюй Вэй* – президент академии – пригласил пообедать. Нас было человек пятнадцать за большим круглым столом. Мы сидели и обсуждали с коллегами довольно острые вопросы. И их в этот момент попросили вносить деньги за квартиры в новом жилом доме. И цена была 600 долларов США за кв. метр. Когда в Москве она была 6000! Потом они вспомнили, что я тут тоже присутствую, и стали расспрашивать, в какой квартире я живу. Я ответил, что живу в двухкомнатной квартире, площадью в 63 кв. метра. «Ты же академик! Почему такая маленькая?» – стали спрашивать китайцы. Я отвечаю, что живу один и мне этого достаточно. «Да... Но ты её купил?» – спрашивает Цюй Вэй. Ну, я сказал, что да, купил... «А, сколько ты заплатил?» Я говорю: «Сто тысяч долларов». «Ну, это немного!» – сказал он. И эта последняя, короткая фраза китайского учёного говорит о многом.

Поэтому, конечно, сегодня у китайцев есть хорошие шансы сделать действительно большой прорыв в науке. Да, прежде в императорском Китае технологическое и научное развитие в целом отставало. Хотя талантливых людей было «пруд пруди», но они все стремились занять чиновничьи должности. И это понятно. А теперь, когда наука поддерживается государством, когда она востребована, я оцениваю шансы Китая очень высоко.

ВГ: Как известно, наступление XXI века ознаменовалось резким подъёмом роли Китая как мировой державы. В чём секрет успеха китайских реформ? И что мешает нам поспевать за китайцами?

ВМ: Наши уважаемые господа министры, они вообще всё время отрицают возможность учёта китайского опыта. Но это такая, простите, безмозглая позиция. Учиться надо всегда и у всех.

Что касается опыта китайских реформ, то когда у нас восседал *Михаил Сергеевич Горбачёв* (он был ещё в качестве и генсека ЦК, и президента), я тогда ра-

¹⁹ *Хэйлунцзянская академия наук* – здесь: Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян.

ботал в Институте Дальнего Востока, и мы приводили к нему авторов проектов китайских реформ. Тех, кто был идеологами и с кем работал *Дэн Сяо-пин*. Ещё не были нормализованы отношения, через чёрный ход приводили к нему. И ему рассказывали, что и как надо делать. В ответ – абсолютное неприятие. То есть, не воспринимает человек. Ну, китаец пришёл!.. А китаец пришёл такой, которого королева английская принимала, все президенты развивающихся стран принимали и учились у него. Понимаете, это вот есть... Я русский человек, поэтому я могу говорить о своих согражданах и соплеменниках с прямоотой. У нас есть иногда такая идиотская спесь: «Подумаешь, какой-то там китаец! Я сам всё это знаю!» Ничего подобного! Учись, дорогой, учись!

Я был и на беседе уважаемого академика *А. Аганбегяна*, о котором китайские газеты писали, что он «главный стратегический советник Горбачёва». Мы привели к нему нашего китайского коллегу. Китайский коллега 25 лет сидел в одиночной камере в тюрьме. Его репрессировали, когда была кампания борьбы с буржуазными «правыми». Он был не очень коммунистический деятель, но он гениальный экономист. И вот некоторые, как *Солженицын*, в лагерях вынашивали планы романов, некоторые вынашивали сценарии кинофильмов. А он вынашивал экономический план преобразования Китая, его родины. И когда Дэн Сяо-пин пришёл к власти, он в первую очередь выдернул его из тюрьмы. И взял в свою команду. *Чэнь И-цзы* его звали. И вот, когда мы привели его к Аганбегяну, Аганбегян 40 минут его продержал в приёмной. Человека, которого принимала английская королева! Потом его увезли в Троице-Сергиеву лавру и еле коньяком отпоили от шока, который он испытал. А я был на той беседе. Наш «этот самый» говорит: «Вот, мы думаем так, так, так...» А у того (китайца) голова работает потрясающе. Он говорит: «Нет, это не пойдёт. У вас тогда не будут работать вот эти, эти и эти связи». Он как шахматист – видит картину экономики всей страны. Вот, у кого и как нужно учиться! Хочу подчеркнуть, что Китай равен по территории Европе и в 1950–1960-е годы по количеству населения тоже был равен Европе. И надо обладать определённым качеством мышления, чтобы можно было проанализировать экономику такой огромной страны. Потому что одно время сингапурцы пытались тоже помогать Китаю. 80% населения Сингапура – китайцы. Помогать Китаю в экономических реформах. Свой передать опыт. Но не пошло. Ведь Сингапур – маленькая страна. Хоть для себя самих они быстро нашли выход.

ВГ: Выходит, нам зазорно учиться, но не зазорно продавать лес, сырую нефть, газ и другое сырьё.

ВМ: Вот, они вывозят наш лес и зарабатывают на этом великолепные деньги. Но они ведь считают нас идиотами – тех, кто продаёт этот лес! Мы своё национальное богатство разбазариваем, отдаём им. Они построили около тысячи заводов по переработке леса вдоль нашей границы. Об этом даже В.В. Путин уже заявляет, критикуя наших министров. Спрашивается, почему не мы это сделали? А вот так вот!..

ВГ: Позвольте вернуться к проблемам китаеведения. Вы уже немного поругали американскую интеллигенцию за её немногочисленность. Но если сказать хотя бы в двух словах об американских китаеоведах и китаеведении. В чём особенность американцев?

ВМ: Вы знаете, у меня много друзей в Америке. Особенность есть одна, и правильная особенность. У них современностью чаще всего занимаются те люди, которые сначала занимались изучением классического Китая. Я и сам прошёл такую школу. Я занимался и цинским Китаем, и современным Китаем. Ещё в первую свою поездку в США в 1975 году я побывал в Чикаго. Поскольку в качестве моей темы были обозначены цинские сюжеты, то мне посчастливилось встретиться с Криллом. *Крилл* – это по нашим понятиям полный академик, который написал 12 великолепных монографий о древнем Китае и так далее. И он пригласил ещё 3–4 молодых китаеведов примерно моего в то время возраста. Но мы говорили с ним не о древнем Китае, а о современном. Крилл – увлекающийся человек, проанализировал ситуацию в Китае в 1975 году, когда ещё шла «культурная революция», с точки зрения традиционного Китая. Он показал ясное понимание действий китайского руководства и всех слоев китайского общества. Все его коллеги сидели с открытым ртом, для них это было откровение. Мы же с ним понимали друг друга очень хорошо. Те молодые американцы, видимо, были специалистами политологического склада.

Но я знаю очень многих американских китаеведов, которые прошли сначала школу изучения классического Китая, а потом уже занимались и современностью. И это правильный подход. Это и есть так называемая «школа Фэрбэнка», который именно так учил у себя в Гарварде. Потом, конечно, круг китаеведения расширился. Особенно после нормализации отношений с Китаем, после 1972 года. Я как-то спросил американцев, сколько у них китаеведов выпускается в год из университетов. Они немного задумались и сообщили, что у них ежегодно защищаются 50–60 докторских диссертаций по Китаю. А у нас тогда было всего 50 докторов наук в области китаеведения на весь Советский Союз! Мы с покойным *Владимиром Николаевичем Никифоровым* как-то просчитали всех...

ВГ: Но всё-таки американские доктора – это PhD, что ближе по качественному уровню к нашим кандидатским диссертациям. Или вы считаете, что PhD выше нашей кандидатской степени?

ВМ: Не ниже. PhD это хороший уровень. Понимаете, они ведь защищают PhD, а потом готовят по 5–7 лет монографию по этой PhD. Так вот, эта монография – уже чисто докторская диссертация на нашем уровне. Это, во-первых. Во-вторых, у них была очень правильная подготовка. Они учились по три года у себя в университете, а потом их отправляли на два года на Тайвань, с условием жить в семье. Даже если ты любишь китайскую девушку, это тоже поощряется. Всё, адаптируйся в этих условиях! Один раз приобщайся к жизни и языку так, чтобы потом ты был специалистом, у которого нет проблем. Это правильно. А у нас было 20

лет перерыва, когда мы не могли ездить в Китай и общаться с китайской интеллигенцией! А это общение было самым главным, по крайней мере, для нашего поколения. Я бывал в те годы в Китае, но я не мог общаться, потому что не хотел подставлять их.

В общем, западным китаоведам присущ прагматичный подход. Вот я как-то был в Лувэйне (в Бельгии), там они отмечали 300-летие миссионера *Вербиста*. Эту конференцию возглавлял патер Хэндрикс, который 18 лет служил на Тайване архиепископом.

ВГ: Кстати, вы тоже не раз бывали в командировках на Тайване. Как вы относитесь к Тайваню?

ВМ: У меня на Тайване есть друзья, я очень дорожу отношениями с ними. На Тайване сравнительно давно уже в плане экономического, научного и культурного развития удалось реализовать то, что сегодня создается в масштабах всего Китая. Думаю, что на острове эпоха «сяо кан» уже наступила. Очень высоко ценю достижения тайваньских китаеведов. Например, продолжая заниматься историей Китая периода династии Цин, я познакомился с некоторыми тайваньскими изданиями. Как известно, в середине XVIII столетия император *Цяньлун* завоевал Западный край. В честь этого события, завершившего в 1758 году многолетнюю войну Цинской империи против *Джунгарского ханства*, была создана серия батальных картин и портретов выдающихся полководцев. Значительная часть этой коллекции хранится в тайбэйском музее Гугун. Там в 2002 году была организована выставка, называвшаяся «Великая культурная инициатива императора Цяньлуна». Культурная инициатива состояла в том, что Цяньлун, который сам был и поэтом, и художником, знал несколько языков, приказал развивать живопись, объединяя усилия китайских художников и европейских, в качестве которых выступали жившие в Китае католические миссионеры. В каталоге этой выставки (с.150–152) помещены репродукции некоторых картин из серии «Усмирение Синьцзяна»: «Рейд на лагерь Галдана» (*Джузеппе Кастильоне*), «Банкет в честь заслуженных воинов» (неизв. худ.). Здесь же были представлены портреты иностранных послов, привозивших дань, в том числе и английская супружеская пара (вполне вероятно, что это британский посол *Джордж Макартни*), и карманные часы XVIII века, изготовленные в Лондоне, возможно, это часть подарков, привезённых тем же Дж. Макартни. Всё это великолепно издано и прокомментировано. И в университетах и в *Академии Синика* ведётся большая научная работа. Хорошо, что теперь уже налаживаются связи между учёными *Академии общественных наук Китая* и их тайваньскими коллегами.

ВГ: Последний вопрос. Как вы оцениваете современное состояние российского китаеведения?

ВМ: Сейчас в наши ряды пришло очень много высококвалифицированных китаеведов. Например, только в МГУ китайский язык изучают на 7 факультетах. Это показатель? Показатель. Прекрасную подготовку дают городские курсы ки-

тайского языка. В Москве и в Питере изучают. Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России – это тоже хорошее дело, благодаря которому много людей приобщается, хотя бы знакомятся с китайским языком. Во-вторых, я бываю в России на многих конференциях, и везде уделяется большое внимание классическому Китаю. Я считаю, правильно уделяется. Современный Китай надо, конечно, изучать. Но для этого у нас есть специализированный Институт Дальнего Востока РАН. Кстати, я рекомендовал приглашать и оттуда на всемирный форум китаеведов в Шанхае. Но почему-то, по каким-то причинам не получается...

У нас в России есть хороший профессиональный журнал «Проблемы Дальнего Востока», у нас есть научный журнал «Восток». Вот сейчас Восточный факультет СПбГУ стал очень солидно издавать «Вестник СПбГУ» (серия «Востоковедение»). Это тоже говорит о том, что отечественное китаеведение не стоит на месте, а развивается. У нас прекрасно развивается китаеведение во Владивостоке. Там *А.А. Хаматова* многое делает. В то же время там *В.Л. Ларин* возглавляет Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Он – китаевед, доктор наук. И так далее. Большую роль в изучении китайского языка и китайской культуры в целом играют созданные за последние годы «Институты Конфуция». Я даже скажу, что сегодня наше китаеведение находится на взлёте.

ВГ: Мне кажется, что сегодня и молодёжь начинает потихоньку возвращаться в науку из бизнеса.

ВМ: Ну, это всё не так быстро. Но меня вот что радует. Недавно я работал в одной мидовской делегации. Там был молодой человек – переводчик, который сказал, что закончил *МГИМО*(у) и отучился один год в Китае. Бегло переводит, умный. При встрече он как-то подсел и говорит: «Владимир Степанович, я так счастлив, что мы встретились. Я писал свой диплом по стратагемам». Я также преподавал на факультете мировой политики в МГУ. Там один мой студент-дипломник (он сейчас работает в Китае) тоже написал диплом, в котором уделил внимание стратагемам. Значит, у молодёжи есть интерес к классическому Китаю. Они учатся в современных институтах, изучают международные отношения, но имеют желание и повод писать по классическому Китаю. Я ещё раз подчёркиваю, что без знания классического Китая, классических китайских книг быть хорошим китаеведом нельзя. Слава богу, эти книги сейчас переведены. И китайские романы, и «*Четверокнижие*». Читайте *Переломова Л.С.*, читайте *Мартынова А.С.*, *Малявина В.В.* Только работайте, и вы получите прекрасное китаеведное образование.

Хотя, к сожалению, некоторые студенты не знают западных писателей, писавших о Китае. Я их спрашиваю: Вы Моэма «На китайской ширме» («*On the Chinese Screen*») читали? Но они не знают даже, кто такой *Сомерсет Моэм*! Я спрашиваю: «Ну, Вы *Голсуорси*-то прочитали, наверно?» В ответ – молчание. И это не только в отношении западных писателей. Мой друг, академик *Пивоваров Юрий Сергеевич*, читает в *ИСАА при МГУ* курс «Развитие общественной мысли в Рос-

сии». Он дошёл до определённого периода, ко времени Л.Н. Толстого. Когда он спросил у группы из 15 человек, кто читал «Войну и мир», поднялось только две руки. Это были два китайских студента...

ВГ: Помимо расширения общей культуры личности, что бы ещё вы могли посоветовать молодым китаеведам? Например, с чего начинать изучение классического Китая или российско-китайских отношений?

ВМ: С источников и документов.

ВГ: А как нужно изучать исторические документы?

ВМ: Ещё в молодости работа с архивными документами научила меня, во-первых, необходимости сравнительного изучения текстов одного и того же автора, что облегчает их понимание (дневники К.А. Скачкова); во-вторых, обязательной сверке опубликованных документов с оригиналами (*Айгуньский договор*); в-третьих, внимательнейшему, сплошному (не надеясь на указатели) просмотру фондов при выявлении документов по любой проблеме. И ещё я тогда почувствовал то высшее, ни с чем не сравнимое удовлетворение, которое даёт тебе творчество, когда ты сообщаяешь окружающим нечто, до тебя никому неизвестное. За открытием новых истин следует нечто близкое по своей духовности к озарению – ни с чем не сравнимый восторг глубочайшего удовлетворения. Именно этим наука вознаграждает за любовь и преданность к ней. Это чувство не означает успокоение, а, наоборот, подобно экстазу любви вызывает желание вновь и вновь пережить его. Оно и является стимулом деятельности работника любой науки.

ВГ: Владимир Степанович, вы не раз говорили и писали, что не любите подводить итоги. Давайте, мы тоже не будем ставить точку в нашем интервью!

ВМ: Давайте! Лет через 15–20 продолжим!

ВГ: Спасибо большое!

ВМ: Ладно, вам спасибо!

ТИХВИНСКИЙ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ
INTERVIEW WITH SERGEY L. TIKHVINSKY

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies the Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

<p>Тихвинский Сергей Леонидович (СЛ) Китаевед, д.и.н., Академик РАН Место интервью: Москва Дата: 28 апреля, 22 мая, 27 июня 2009 г. Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ), Ю.В. Чудодеев Примечания: С.Г. Андреева, В.Ц. Головачёв, А.И. Кобзев Продолжительность: 2 часа</p>	<p>Sergey L. Tikhvinsky Sinologist, Academician (History), RAS Place: Moscow Date: April 28, May 22, June 27, 2009</p> <p>Hosted by: Valentin Ts. Golovachev, Yury V. Chudodeev Footnotes: Valentin Ts. Golovachev, Svetlana G. Andreeva, Artyom I. Kobzev Duration: 2 hours</p>
---	---

Тихвинский Сергей Леонидович (01.09.1918– 24.02.2018). Специалист по истории Китая, Японии и других стран Азии, международных отношений и внешней политики СССР. Защитил кандидатскую (Сунь Ят-сен, 1945) и докторскую («Движение за реформы» в Китае, 1953) диссертации. До начала 1960-х гг. был един-

ственным в СССР китаеведом-доктором исторических наук. Член-корреспондент по Отделению истории с 26.11.1968, академик по Отделению истории (всеобщая история) с 29.12.1981. С 1938 г. сотрудник спецслужб, заслуженный работник НКВД (1940 г.), полковник. С 1956 г. на дипломатической и научной работе. С января 1960 г. – директор Института китаеведения, с 1961 г. – заместитель директора Института народов Азии, с декабря 1963 г. – заведующий отделом по Китаю, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Чрезвычайный и полномочный посол СССР с 1967 г. Член Президиума АН СССР в 1982–1988 гг. Почётный председатель Всесоюзной ассоциации китаеведов АН СССР (ныне – Ассоциация китаеведов РАН) с 1988 г. Почётный председатель Общества Советско-китайской дружбы с 1998 г. Лауреат Государственной премии СССР (1982 г.) и РФ (1999 г.). Автор более чем 600 научных работ, в том числе 12 монографий, изданных на русском, китайском, английском, французском, немецком, польском, японском, вьетнамском и др. языках. С 2001 г. председатель редколлегии книжной серии «Классики отечественного востоковедения» («Восточная литература» РАН). В 2006 г. в качестве главного редактора инициировал написание 10-томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», изданной в 2013–2017 гг. См.: Труды и годы: К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. Биобиблиографический указатель. М., 1998. 113 с.; Н.В.Петров, Кто руководил органами госбезопасности, 1941-1954: Справочник. М., 2010. С. 843-844.

ВГ: Здравствуйте, уважаемый Сергей Леонидович!

СЛ: Здравствуйте! Хочу сразу передать вам свой пятитомник. Вот, здесь пять томов¹. Шестой том вышел вне этого. Вот ещё две библиографии. Здесь все мои биографические данные, практически все мои работы там переписаны. Теперь, что касается пятитомника. Первая книга – история Китая до XX века. Дальше (книга 2) – история Китая в первой четверти XX века. Дальше (книга 3) – история Китая в 1919–1945 годах. Дальше (книга 4) – отечественная история и всемирная история. Книга пятая – воспоминания дипломата и заметки историка. Все тома иллюстрированы фотографиями. Вот, например, фотография – когда (посол СССР) *Н.В. Роцин* вручал верительные грамоты *Мао Цзэ-дуну*. Я переводил.

ВГ: Это происходило в 1949 году?

СЛ: Нет, в 1950 году. В общем, вся моя жизнь задокументирована. Поэтому, если чего-то вам говорить, то я могу минут на двадцать вам рассказать.

ВГ: В принципе, весь наш проект отличается от обычного интервью тем, что оно задумано как «марафонское» интервью протяжённостью в несколько часов. С другой стороны, готовясь к сегодняшней встрече, я прочёл несколько посвящённых вам юбилейных статей. Почитал кое-какие материалы, статьи, переписку. Действительно, в этих материалах и статьях сказано очень много. Поэтому, может быть, нет смысла это повторять.

¹ Тихвинский С.Л. Избранные произведения. М., 2006.

СЛ: Здесь по названиям вы видите, что у меня выходили работы по движению за реформы в Китае в конце XIX века, у меня есть работы о *Сунь Ят-сене*, у меня есть работы о советско-китайских отношениях. Понимаете, у меня много чего – за девяносто лет я бумаги «испортил» много.

ВГ: Даже боюсь вас спрашивать. Но, может быть, стоит затронуть какие-то моменты «непарадного» свойства, которые оставались в тени. Например, вы уже писали о том, как стали заниматься Китаем. Но, вот, интересно узнать, когда вы вообще узнали о существовании Китая? Каким был самый первый образ Китая в вашем восприятии?

СЛ: Ну, это получилось интересно. Я узнал о Китае, будучи мальчишкой. Лет десять мне тогда было, не больше. Родители снимали на лето дачу в Ижорах, под Ленинградом, на южном берегу Финского залива, против Кронштадта. И нашим соседом по даче оказался академик [В.М.] Алексеев. Я тогда ещё ничего не сообщал. Мы с приятелем оборудовали на дереве наблюдательный пост и смотрели в бинокль как проходили суда по Финскому заливу, по морскому каналу. А иногда слышали и разговоры [взрослых] у забора. Отец подходил, и Алексеев подходил [к забору], говорил о Китае. Вот эти рассказы, а также труды русских и иностранных путешественников по Центральной Азии и стали той искрой, которая меня «зажгла», повлияла на выбор моего дальнейшего жизненного пути.

ВГ: То есть это было результатом случайного стечения обстоятельств, а не какой-то официальной пропаганды...

СЛ: Нет-нет. Я просто «подслушал» разговор двух взрослых людей. Отец у меня – врач, [но] он интересовался Китаем. Уже после этого я тоже заинтересовался, стал в Эрмитаж ходить, смотреть коллекции китайского искусства. Когда поступал – стал одним из 28 человек, которые были зачислены на китайское отделение. Причём я был единственным, кто подал заявление [именно] на китайское отделение. Остальные [подавали] на романские языки, на германские, персидский и прочие языки. Но надо было комплектовать китайскую группу, и её насильно сделали. И в результате на пятый курс перешли [только] я и девочка Валя Исакович. Все остальные, к сожалению, отсеялись.

ВГ: Стало быть, китайский язык не был тогда престижным?

СЛ: Не потому, что не был престижным. Хотя в то время, конечно, европейские языки котировались больше. Товарооборот с Китаем был небольшой. Это был 1935 год. Я поступил 1 сентября, и мне как раз исполнилось семнадцать лет. В этот день я пошёл на [лингвистический] факультет. Назывался он – Ленинградский институт философии, литературы и истории (ЛИФЛИ, потом преобразован в филологический факультет ЛГУ). В первый же день В.М. Алексеев, перед которым я предстал уже как студент, не при родителях, а как взрослый со взрослым, взял мел и стал писать на доске иероглифы. И говорит нам, кто в первый раз увидел иероглифы: «Списывайте!»

ВГ: Сильный педагогический приём!

СЛ: Да, всё равно, что бросать в воду – кто как выплывет. И после звонка, на второй час – перевод цитаты из [«Бесед»] Конфуция: «Учиться и постоянно со-

вершенствоваться – это ли не радость?!» 學而時習之不亦樂乎. [После занятий] я пришёл домой. Первое сентября – мой день рождения. Родители хотят отметить. Я [им] говорю: «Нет! Я должен заниматься!» Глубокой ночью родители приходили ко мне в комнату. [Я же] сижу, как идиот, и переписываю эти китайские «каракули». Вот такой это был период.

То было тяжёлое время – 1937–1938 годы. Любимые ученики Василия Михайловича [Алексеева] – *Борис Александрович Васильев, Юлиан Константинович Щуцкий*, – все попали под сталинские репрессии. И над самим Алексеевым тоже нависла угроза, он подвергался публичной устной и печатной критике. Была [опубликована] статья в «Правде», озаглавленная «Лжеучёный в звании советского академика». После этой статьи Алексееву следовало [ждать], что арестуют и его². Но, к счастью, как-то уцелел он. Это был крупный мужчина, абсолютно лысый – крупная бритая голова. Даже фотография есть его. Носил сильно накрахмаленный воротник, галстук-бабочку. Так вот, когда случилось [несчастье] с его любимыми учениками Щуцким и Васильевым, он обычно приходил [на занятия] с огромным чемоданом. Садился в аудитории, открывал крышку [чемодана], доставал оттуда записи лекций – карточки – и, почти не глядя на нас, он по карточкам читал. [Когда звенел] звонок, он собирал чемодан, запирали и молча уходил. Конечно, тяжёлое время было. А потом [во время войны] его сын погиб на фронте. После войны критика Алексеева возобновилась, когда *Сталин* развернул новую волну репрессий под лозунгом борьбы с «низкопоклонством перед Западом». Недруги Алексеева стали обвинять его в «любовании китайской монархической стариной», незнании современного Китая и т.д. На самом деле Алексеев был прекрасно осведомлён о происходивших в Китае событиях, ясно представлял значение китайских культурных традиций и их влияние на современную политику страны. Он охотно передавал эти знания не только своим студентам, но и дипломатам, которые зачастую посылались в Китай без каких-либо предварительных знаний о самой стране и китайском народе, об его истории и культуре.

ВГ: То есть Алексеев заложил мощную школу?

СЛ: Да. К числу представителей этой школы, продолжавших заложенные В.М. Алексеевым традиции, относились и относятся многие видные питерские и московские китаеведы. Это *В.В. Петров, Л.Н. Меньшиков*, академик *Б.Л. Рифтин, В.Ф. Сорокин, А.С. Мартынов* и многие другие, в свою очередь передающие своим ученикам славные традиции школы академика В.М. Алексеева.

ВГ: Среди «алексеевских» учеников старшего поколения были и такие известные китаеведы как член-корреспондент АН СССР *Н.Т. Федоренко* и *Л.З. Эйдлин*?

СЛ: Да. В мою бытность студентом в Ленинграде Николай Трофимович Федоренко часто приезжал со Львом Залмановичем Эйдлиным из Москвы, где они были аспирантами *Московского института востоковедения*, чтобы слушать

² В публичной критике В.М. Алексеева пришлось участвовать и его студентам. См.: *Баньковская М.В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М., 2010. С. 349.

вместе с нами лекции Василия Михайловича³. Федоренко – видный советский дипломат, бывший посол СССР в Японии, представитель СССР в СБ ООН, заместитель министра иностранных дел, успешно совмещавший дипломатическую работу с научной. Он создал ряд фундаментальных трудов по истории китайской классической литературы, от древнейших памятников *Шу цзин*, *Ши цзин*, *И цзин*, до классического романа *Сон в красном тереме*. Мне довелось не раз встречаться с Николаем Трофимовичем и в Китае, и в Москве. И я всегда восхищался его блестящим знанием китайского языка и культуры нашего соседа – Китая.

Другим московским учеником Алексеева, с которым я впервые встретился ещё на филологическом факультете ЛГУ, был Лев Залманович Эйдлин – видный исследователь и переводчик китайской литературы, и особенно поэзии. Эйдлин был одним из самых любимых учеников Алексеева. После кончины Алексеева Эйдлин активно способствовал изданию и переизданию его трудов. В числе докторантов Алексеева были также специалист по китайской экономике и истории китайских экономических учений *В.М. Штейн*, историк *Г.В. Ефимов*, а также *Илья Михайлович Ошанин*, успешно завершивший работу над изданием четырёхтомного Большого академического китайско-русского словаря, начатого ещё до войны его учителем.

ВГ: Кстати, И.М. Ошанин работал в *Университете китайских трудящихся имени Сунь Ят-сена* в Москве, где учились *Дэн Сяо-пин* и *Цзян Цзин-го*. Приходилось ли вам встречаться с И.М. Ошаниным?

СЛ: Только в Москве. Он тоже докторантом был В.М. Алексеева. Илья Михайлович Ошанин процветал при *Д.В. Богомолве*, после (СССР) в Чунцине.

ВГ: А как начиналась ваша научная работа?

СЛ: В годы войны я поступил в аспирантуру Тихоокеанского института, директором которого был *Е.М. Жуков*. Там были *Г.Б. Эренбург*, *А.А. Губер*, – все наши востоковеды. С 1943 года я был два года [вторым секретарём посольства СССР] в Чунцине. Познакомился и с *Го Мо-жо*, и с историком *Хоу Вай-лу*, *Цао Цзин-хуа*. И вдова Сунь Ят-сена [*Сун Цин-лин*] дала мне материалы. Гоминьдановский ветеран, член «*Синчжунхуэй*» (Союза возрождения Китая) Фэн Цзы-ю тоже дал материал. Так что я диссертацию сделал на обратном пути [в СССР]. У меня трагедия была. Ко времени отъезда из Чунцина сын заболел туберкулёзным менингитом. Во время войны жена и сын слабыми были. Четыре года не могли помочь. Полетели в Индию, где сын умер в госпитале. Это было большое потрясение. Все пароходы шли (перебрасывались) с запада на восток, [поэтому] я долго жил в Карачи, в ожидании парохода, писал диссертацию. И 30 июля 1945 года я защитил кандидатскую диссертацию в Институте истории АН СССР. Защита проходила под председательством академика *Б.Д. Грекова*.

ВГ: Простите, что перебиваю вас. Я читал, что вашим руководителем по кандидатской диссертации считался *Г.Н. Войтинский*?

³ Подробно об этой ситуации и Л.З. Эйдлине см.: *Смирнов И.С.* Случай Эйдлина // Он же. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М., 2014. С. 521–542.

СЛ: Войтинский считался руководителем кандидатской диссертации по Сунь Ят-сену. Но связь с ним была только формальная, потому что я привёз уже готовую диссертацию.

ВГ: Тем не менее, вы общались с Г.Н. Войтинским и помните его?

СЛ: Да, помню, конечно, Григория Наумовича...

ВГ: А как началось ваше научное сотрудничество с В.М. Алексеевым?

СЛ: Уже после войны, перед отъездом в Китай, в июне 1945 года я был в Москве, где сопровождал Го Мо-жо, приехавшего на юбилейную сессию по случаю 220-летия Академии наук [СССР]. И тогда же в Ленинграде я встретился с Алексеевым, рассказал ему, что занимаюсь ..., хочу писать докторскую диссертацию о *Кан Ю-вэе* и «*движении за реформы*» и прошу его быть моим научным руководителем. Он, в общем-то, отнёсся хорошо, благословил меня на «движение за реформы» как тему докторской диссертации. Зачислил меня в докторантуру Академии наук. И я уехал в Китай.

ВГ: В 1945 году Вы уже служили в Пекине?

СЛ: В середине сентября 1945 года я вернулся в Чунцин. 10 октября состоялось подписание соглашения между КПК и Гоминьданом о предотвращении гражданской войны. В этот день из Чунцина в Бэйпин для официального приёма капитуляции японских и марионеточных войск в Северном Китае срочно направлялся Цзян Цзин-го, сын Чан Кай-ши. Я тоже был должен вылететь в Пекин на личном самолёте Цзян Цзин-го. Это был новенький двухмоторный самолёт типа «Дуглас». Но при погрузке личных вещей Цзян Цзин-го водитель грузовика случайно повредил дверь самолёта. После этого всем пришлось пересест на другую, наспех снаряжённую машину, и лететь на ней около шести часов, среди сваленных в беспорядке вещей. 10 октября 1945 года, [вылетев] вместе с Цзян Цзин-го с аэродрома Цзилунпо в Чунцине, я прилетел в Бэйпин, где Цзян Цзин-го принимал капитуляцию японских войск. Все выстроились [по прибытии туда], а от меня постарались избавиться – дали такси с маузеристами и отправили в город. Так я провёл потом почти пять лет в Пекине.

ВГ: Лет 17 назад, в 1992 году, студия «Общественное телевидение» из Тайваня брала интервью у Николая Трофимовича Федоренко. Думаю, что на Тайване и теперь можно найти эту запись... Во время интервью он вспоминал о своей службе в Чунцине. Рассказывал, как встречался с Чан Кай-ши, регулярно встречался с Цзян Цзин-го, который часто приходил смотреть кино в советском клубе и общаться с сотрудниками посольства... Но ведь вы были там почти одновременно и, наверно, имели общий круг общения?

СЛ: Мне запомнилось несколько встреч с Цзян Цзин-го, которого отец в 1944–1945 годах стал активно использовать для установления негласных контактов с нашим посольством. Я был вторым секретарём посольства. И советники посольства брали меня записывать беседы. Цзян Цзин-го говорил по-русски как мы с вами, [поэтому] необходимости в переводе не было. Но на этих встречах всегда присутствовал *Пу Дао-мин*, также свободно владевший русским языком...

ВГ: Пу Дао-мин, о котором вы упомянули, тоже был однокашником Цзян Цзин-го по университету имени Сунь Ят-сена в Москве...

СЛ: ... Бывала ещё жена его, *Фаина Ипатьевна Вахрева*. Говорят, что она жила в Чунцине, но я её не видел. На этих встречах Цзян Цзин-го обычно жаловался на действия китайских коммунистов, заверял от имени Чан Кай-ши, что тот не пойдёт на разрыв Единого фронта и капитуляцию перед Японией. В свою очередь, Цзян Цзин-го интересовался у наших дипломатов ходом боёв на советско-германском фронте, отношениями СССР с США и Англией, усиленно рекомендовал Советскому Союзу вступить в войну против Японии, не дожидаясь окончания войны в Европе. Цзян Цзин-го также информировал нас о трениях между Чан Кай-ши и его американскими советниками... Коренастый, широкоплечий, подвижный, он не был похож на худощавого и щуплого Чан Кай-ши и всячески стремился выдать себя за искреннего сторонника китайско-советской дружбы. Открыто осуждал в беседах с нами влияние на отца ряда антисоветски настроенных политических и военных деятелей Гоминьдана.

ВГ: Видимо, у Цзян Цзин-го была и какая-то ностальгия, толкавшая его к общению с советским дипломатами?

СЛ: Да-да. Он же был членом ВКП(б), редактором малотиражки на Урале, работал на крупнейшем заводе, участвовал в коллективизации сельского хозяйства...

ВГ: Как раз вчера, 27 апреля 2009 года, исполнилось 100 лет со дня рождения Цзян Цзин-го. Это событие широко отмечается на Тайване. Хотя Цзян родился в 1910 году, по китайской традиции его столетие отмечается на год раньше. До сих пор на Тайване очень хорошо относятся к Цзян Цзин-го.

СЛ: Да, он был замечательный администратор, что тут говорить. Не случайно его послали принимать капитуляцию японских войск. Пекин и Тяньцзинь были окружены «восьмёркой» (восьмой армией НОАК). Американцы дали приказ не разоружать японцев, чтобы, не дай бог, коммунисты не захватили [всё японское оружие]. В тот период было очень интересное тройственное соглашение – Гоминьдан, [китайские] коммунисты и американцы, которые учредили Исполнительный штаб «цзюнь цяо бу». И всё это было в Пекине, происходило на моих глазах. И когда американцы хотели поехать на минские могилы (*ши сань лин*), они обратились ко мне как к гаранту. В сопровождении одного из сотрудников Генконсульства [СССР] я поехал вместе с ними. Коммунисты встретили нас там, и [мы] довольно дружественно поговорили...

ВГ: Я читал о том, что вам довелось буквально «пересидеть» в 1949 году осаду Пекина войсками НОАК. Насколько серьёзной была в то время обстановка в Пекине?

СЛ: Очень серьёзной. Тогда, под новый год, весь Бэйпин был заклеен антисоветскими плакатами, на которых был изображен Сталин и, как собачка на поводке, Мао Цзэ-дун. Я, уже как генеральный консул, заявлял протест Дэн Бао-шаню, начальнику штаба хэбэйских войск. Он отвечал: «Мэй ю чжэйгэ ши» (Ничего подобного нет). Тогда я приехал в консульство, попросил ребят сфотографировать,

отпечатать, [затем] поехал снова к Дэн Бао-шаню. Он меня не принял, но пакет я передал. Через несколько дней он отдал приказ и эти плакаты убрали...

Я написал в Москву, что подал такой протест. И мне *Громыко*, он был замминистра, сделал «втык» – что «ваш протест написан в излишне резких выражениях. Учтите это в дальнейшей работе». Когда я уже получил официальное извещение о том, что плакаты убраны, я ответил в Москву, в МИД: «Ваши указания приняты к исполнению. Одновременно сообщая, что протест привел к положительному результату». Нам было, конечно, тяжело, потому что в Бэйпине было тогда примерно два миллиона жителей, около тридцати тысяч беженцев и армия в двести тысяч человек. Причём часть войск Фу Цзо-и, а часть войск – чанкайшистская. Между ними тоже были довольно серьёзные и усиливающиеся трения. Как всегда, войска Гоминьдана решали проблемы снабжения за счёт местного населения. В Бэйпине я был этому свидетелем. У нас было две молочные фермы, которые снабжали население молоком. Одну держал местный молочный торговец Шикин. А вторая принадлежала российской духовной миссии, которую возглавлял [архиепископ Пекинский и Китайский] владыка Виктор. У них было большое стадо, и они обычно заготавливали на зиму фураж. И вот, когда эта конница [националистов] вступила в город, они первым делом стали грабить обе фермы. Мне и вице-консулам тоже приходилось выезжать, поднимать «хай» и обращаться к властям. Так что, было не особенно приятно.

ВГ: Гоминьдановцы беспорядочно бежали из Бэйпина или то было организованное отступление?

СЛ: Во-первых, вырубали на Наньшисяне все деревья. И там был аэродром. Привозили муку, продукты. А обратно вылетали чиновники, помещики и все, кто боялся прихода коммунистов. Так что, обстановка была напряжённая. Сорок дней коммунисты стояли вокруг города и никаких контактов не было. А самолёты прилетали с мукой и увозили обратно беженцев. 31, по-моему, января 1949 года коммунисты вступили в город. Причём они прошли по Цяньмэнь вай, по Дунцзяоминьсяну – это бывшие посольства (Legation quarter) – и вышли в город. Было заранее объявлено, что войска пойдут. Причём со стороны консульства, на улице Дунцзяоминьсян, 37 (сань ши ци хао. Даже телефон помню – у цюй эр лю лин эр [5☒2602]). Американцы заблокировали своё посольство грузовыми машинами, мешками с песком и ящиками. Англичане – то же самое. Голландцы, бельгийцы, – в общем, все боялись. А наши, наоборот, открыли ворота и вышли с детьми и жёнами. Демонстрации не устраивали, но это было очень знаменательно. Потому что, когда они [коммунисты] шли по Цяньмэнь вай, по городу шёл гул. Потом – полное молчание. Они вступили на Дунцзяоминьсян. Прошли вдоль Дунцзяоминьсян, мимо нас прошли в новенькой американской одежде – армия *Линь Бяо* захватила [у Гоминьдана] большие трофеи. Американские тягачи, джипы, орудия на прицепе, кавалерия, – они все последовали по Дунцзяоминьсяну. Потом, когда они вышли обратно в город, [там] снова поднялся шум приветствий. В общем, было интересно... А где-то через полчаса, едва я успел дойти до генконсульства,

зазвонил телефон и кто-то на правильном русском языке, но с типичным китайским акцентом, спросил меня: «Товарищ Тиховенко [Ци Хэвэнь – китайское имя СЛ], узнаёте ли вы, кто с вами говорит?». Это был *Е Цзянь-ин*. Ещё через полчаса он приехал в наше генеральное консульство на автомобиле без охраны, и у нас состоялась дружеская беседа. Он хорошо говорил по-русски, потому что закончил университет имени Сунь Ят-сена в Москве и военную академию Фрунзе.

ВГ: В университете Сунь Ят-сена он даже носил русскую фамилию Юхнов.

СЛ: Ну, этого я не знаю. Но у нас были хорошие отношения. Потому что, когда войска [коммунистов] вступили в город... *Е Цзянь-ин* приехал [к нам] со своей дочкой Сяо Нью-ню. Наши жёны стали заниматься этой Сяо Нью-ню. А он стал говорить, что мы, видимо, родились «в рубашке», так как у них были секретные данные о том, что гоминьдановская разведка, желая поссорить США с Советским Союзом, планировала совершить к моменту вступления в город НОАК крупную провокацию – вырезать состав советского генконсульства и американского генконсульства. Чтобы потом свалить всё на местных антикоммунистов и диверсантов НОАК. *Е Цзянь-ин* сказал, что они знали об этом, подпольщики знали об этом и советское консульство было под защитой. Я ему сказал: «Спасибо, конечно. Но на территорию консульства, недалеко от главного здания, упал неразорвавшийся трёхдюймовый снаряд». То есть, тут же его «подкусил» – спасибо за заботу, но лучше бы убрали этот снаряд!.. А потом он стал председателем военно-революционного комитета Бэйпина. Очень хорошо к нам относился. Во-первых, помог восстановить разграбленное имущество советских граждан, стал охранять ферму, где были остатки сена. И перед отъездом в Гуандун (он был назначен председателем военно-революционного комитета на юге Китая) *Е Цзянь-ин* устроил мне прощальный завтрак на террасе Ваньшоу шань. В первый и последний раз я был на этой башне в летнем дворце *Ихэюань*. Когда подали угощение, я поинтересовался, что это такое – курица или какая-то дичь, олень? Потом он вызвал повара. Пришёл старенький-старенький повар, руки трясутся. «Чем ты нас кормил?» – спрашивает *Е Цзянь-ин*. «Как чем кормил?» – ответил повар. Так же, как [императрица] *Цыси*, когда соблюдала пост, и ей ничего нельзя было есть, кроме рыбы. А есть хотелось и жареное мясо барана, и свинину, и дичь. Все эти чисто рыбные блюда со вкусом и запахом говядины, баранины, курятины, гусятины и создавал этот повар, который в молодости служил поварёнком на кухне императрицы *Цыси*. Больше в Китае я такого не видел.

ВГ: Сергей Леонидович, из разговоров с тайваньскими учёными мне довелось узнать, что в архивах МИД Китайской Республики собрана послевоенная переписка. Там даже хранятся документы за вашей подписью, касающиеся неких инцидентов с выявлением в 1945 году остатков бактериологического оружия японцев.

СЛ: Я же был в Тамканском университете, читал там лекции как раз о периоде нашего военного сотрудничества с Чан Кай-ши. И они даже издали эти лекции. Я помню, в районе Чжанцзякоу была вспышка чумы. Наши вирусологи эту вспышку изолировали и локализовали, когда я был уже советником посольства.

Причем, кто её занёс – известно. Они проследили весь маршрут. Какой-то купец ехал с одного кочевья на другое и везде заражал людей. Наш профессор Чумаков, который занимался чумой, он возглавлял это. Срочно прилетели со всеми палатками, приборами, масками, халатами, чтобы предотвратить эту эпидемию.

ВГ: Вы писали, что в Пекине вам приходилось встречаться с российскими китаеводами, такими как Б.И. Панкратов...

СЛ: Я был знаком с *Борисом Ивановичем Панкратовым*. Он был у нас сотрудником генерального консульства. До этого он был преподавателем *Пекинского университета* и владивостокского Восточного института. Преподавал в 1920-х годах в Яньцзинском университете в Пекине. Борис Иванович – очень толковый человек, профессионал, профессор – помогал с китайскими переводами. Хорошо знал также монгольский, маньчжурский, тибетский языки. А И.С. Бруннерт и В.В. Гагельстром издали книгу о китайском законодательстве. И.С. Бруннерт был казначеем «Общества граждан СССР».

ВГ: Вы также писали, что пытались найти в Пекине книги из Библиотеки *Широкогорова*. Удалось ли найти их?

СЛ: Не удалось. Это был известный учёный. Вообще, *Харбинский политехнический институт* подготовил много толковых людей.

ВГ: В нынешнем 2009 году празднуется шестидесятилетие установления официальных дипломатических отношений с Монгольской Народной Республикой. Не приходилось ли вам принимать участие в переговорах по Монголии?

СЛ: Участвовать в переговорах не приходилось. Но встречал делегацию из Улан-Батора, которая делала промежуточную посадку в Бэйпине (Пекине). И когда они летели обратно из Чунцина в Улан-Батор, я тоже встречал их на аэродроме в Бэйпине. И они мне даже подарили корзину мандаринов, что для Бэйпина было редкостью. По-моему, это был 1946 год.

ВГ: Хочется также спросить про проект «Новой истории Китая». В какой момент родилась идея написания этой истории, вышедшей в начале 1970-х годов?

СЛ: Видите ли, в те годы у нас была «пертурбация». В январе 1960 года я был назначен директором *Института китаеведения АН СССР*. Но уже через год институты востоковедения и китаеведения были объединены, по волевому решению Хрущёва, в Институт народов Азии. Как выяснилось позднее, летом 1960 года какой-то китайский руководитель среднего ранга в беседе с советником-посланником *Н.Г. Судариковым*, а тогда уже портились отношения, обвинил советское руководство в великодержавном шовинизме. Свои упрёки он мотивировал существованием в Москве двух институтов: «ведающего делами Китая» и «ведающего делами других стран Востока». Судариков написал телеграмму, [которую] послал Хрущёву в Москву. Хрущёв же, вместо того чтобы объяснить китайской стороне истинное значение названий обоих научных центров, велел закрыть оба института и изменить название.

Институт китаеведения был в Китайском проезде. Очень хорошо начал работать. До меня директором и создателем этого института был *А.С. Перевертайло*. Потом меня назначили. Это тоже была целая проблема – МИД не хотел отпускать.

Но, по решению ЦК КПСС и президиума АН СССР, я был назначен директором, потому что был в то время единственным китаеведом – доктором исторических наук. Когда нас объединили в Институт народов Азии, я стал заместителем директора у *Б.Б. Гафурова* и заведующим отделом истории. И нас потом в Хохловский переулок поместили. Потом в район сельхозвыставки – ВСНХ. И там (работал) молодой коллектив с участием *Юрия Владимировича Чудодеева*, *А.М. Григорьева*, *А.А. Волоховой*, *А.С. Инатовой* и других молодых ребят. Каждый из них сделал свою кандидатскую диссертацию. И вместе с тем [наш коллектив] впервые написал и опубликовал в 1972 году «Новую историю Китая», которая до сих пор копируется и переведена на китайский язык.

ВГ: Спасибо. В советское время у отечественных китаеведов было мало контактов с зарубежными коллегами...

СЛ: Ну, почему? Когда я работал советником посольства в Лондоне, в это время, в августе 1954 года, прошел XXIII международный конгресс востоковедов в Кембридже, собравший свыше 900 учёных из 32 стран. В том числе делегация СССР из 21 востоковеда, во главе с А.А. Губером. С конца 1920-х годов международные научные контакты советских востоковедов были практически сведены на нет. Теперь же, после двадцати с лишним лет нашего отсутствия, мы решили возобновить контакты между советскими и иностранными востоковедами. После окончания конгресса лондонская «Таймс» написала 30 августа 1954 года, что «самым выдающимся событием XXIII международного конгресса востоковедов в Кембридже было, вне всякого сомнения, присутствие русской делегации». Там я познакомился с английскими и западными китаеведами. В том числе с *Латтимором*, *Фэрбэнком* и так далее. У нас установились связи. Там была такая организация молодых китаеведов, в основном молодёжь, протестовавшая против «классической школы», которую поначалу исповедовал Алексеев. Вот эта организация молодых китаеведов потом преобразовалась в европейскую ассоциацию китаеведов и очень успешно работает. Отношения с западными коллегами были вполне плодотворные. С О. Латтимором, Дж. К. Фэрбэнком и шведами... Вопросов современной истории, где были споры, мы старались избегать. Старались, всё-таки, заниматься историей...

ВГ: Кого бы вы отнесли к крупнейшим классикам отечественного (российско-советского) востоковедения?

СЛ: Китаеведения или востоковедения?

ВГ: Конечно, в первую очередь китаеведения.

СЛ: Из старшего поколения – это академики *И.Ю. Крачковский*, *В.В. Струве*, *А.А. Губер* – специалист по истории Юго-Восточной Азии, *Б.Я. Владимирцов* – по Монголии работал, специалист по библиографии Китая *П.Е. Скачков*. Академик Алексеев Василий Михайлович. Японист, академик *Конрад Николай Иосифович*. Конечно, Ошанин Илья Михайлович, который сделал словарь-четырёхтомник – Большой академический китайско-русский словарь. Федоренко Николай Трофимович, Эйдлин Лев Залманович – это ученики Алексеева. *Вяткин Рудольф Всеволодович*, *Думан Лазарь Исаевич*. Хотелось бы также назвать *М.И. Сладковского*.

Из востоковедов могу назвать *Кюнера Н.В.* Панкратова Б.И. я бы тоже отметил. Это был большой специалист – монголовед-тибетолог. Из специалистов широкого плана – индологи *С.Ф. Ольденбург*, *Щербатской Ф.И.*, *Г.М. Бонгард-Левин*, могилу которого мы посетили сегодня на кладбище.

ВГ: Академик Бартольд?

СЛ: *Бартольд Василий Владимирович*, конечно. *Бертельс Е.Э.* – иранист. В общем, целая плеяда востоковедов. Возьмите толстую книгу *С.Д. Милибанд* (Биобиблиографический словарь)⁴, и там упомянуты все востоковеды.

ВГ: Уже видно на горизонте, близится завершение работы по десяти томной истории Китая. Все авторы активно пишут и сдают свой материал. Сергей Леонидович, как автор идеи и душа всего проекта, какое значение вы придаёте этому труду? И в чём его особенности?

СЛ: Его особенности заключаются в том, что с каждым годом растёт интерес российской общественности к соседнему Китаю. К его культуре, к его истории, к его литературе. А удовлетворить этот интерес пока удастся не в полной мере. Появляются отдельные монографии, но нет такого «сквозного» труда, который показал бы развитие культуры на территории, которую занимает Китайская Народная Республика – с древнейших времён, с палеолита, неолита, до появления первых государств и до наших дней. Вот такой труд необходим. И, главное, у нас есть возможность. Есть коллектив российских специалистов, разных центров и в Москве, и в Питере, и в других городах, и на Дальнем Востоке. Они вполне способны решить эту задачу. Сейчас идёт архивная работа (по сбору и обработке материалов). И вот сейчас тут сидит один из соавторов (Юрий Владимирович Чудодеев), который отвечает за свою часть работы (Китай накануне *Синьхайской революции*).

ВГ: Можно ли сказать, что ваш проект – это некая параллель или аналог Кембриджской истории Китая? Или это что-то другое?

СЛ: Нет, это, я бы сказал, нечто более современное, учитывающее современные материалы. Ведь «Кембриджская история Китая» писалась лет двадцать-тридцать назад. А тут, за это время сделала огромные успехи и китайская археология, и архивное дело в Китае имеет огромные достижения. Правительство Китайской Народной Республики выделяет большие средства на сбор исторических хроник, документов, на археологические раскопки. Поэтому наш труд будет отличаться большей полнотой и большей привязанностью к современности⁵.

⁴ См.: *Милибанд С. Д.* Востоковеды России. XX – начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М., 2008.

⁵ К сожалению, изданные к 2015 г. тома не вполне отвечают этим критериям. См.: Эпохи Чжаньго, Цинь и Хань в «Истории Китая»: обсуждение и рецензии // 44-я н. к. «Общество и государство в Китае». Т. XLIV, Ч. 2 (УЗОК, вып. 15). М., 2014. С.462-615; *Кобзев А.И.* Рец.: История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. II. М., 2013 // Восток. 2015, № 2. С.193–212; *Картунова А.И.* Новая волна интереса историков к проблемам китайской революции 1925–1927 гг. и необоснованная попытка предать её забвению // 45-я н. к. «Общество и государство в Китае». Т. XLV, Ч.1 (УЗОК, вып. 17). М., 2015. С.437–456.

ВГ: Мне кажется, есть и ещё одно очень существенное отличие. В отличие от «Кембриджской истории», в этом проекте будет учтён и задействован практически весь вклад российского китаеведения, наработанный за несколько веков. Вклад, который, по понятным (языковым) причинам, не мог быть в полной мере использован в Кембриджской истории.

СЛ: Действительно, Кембриджская история писалась коллективом из разных государств. Здесь же будут только представители России.

ВГ: При этом они будут учитывать и достижения всего мирового китаеведения.

СЛ: Безусловно. Будут использованы труды *Дж. Нидэма* по истории науки и цивилизации в Китае. Будут использованы материалы «Кембриджской истории Китая». Материалы ЮНЕСКОвского семитомника «Всемирная история: история человечества», последний седьмой том, которой лежит у меня здесь. Вы видели? Я как раз редактор этого тома⁶. А главное, есть огромный массив информации, наработанный китайскими учёными: археологами, текстологами, историками и т.д. Мы стараемся этот материал учесть.

ВГ: Спасибо за столь подробный ответ на этот вопрос, Сергей Леонидович. Ваша совсем недавно выпущенная книга посвящена образу России в Китае. Позвольте спросить, почему вы выбрали именно такую тему и именно сейчас?

СЛ: Я пишу в предисловии, что во время моих лекций студентам и общественности аудитория часто задаёт вопрос – как наши соседи воспринимают Россию. Вот я и решил ответить на эти вопросы в своей последней книге. Тем более что я учитываю в ней опыт своих коллег, китаеведов разных поколений, которые соприкасались с Китаем. И, по существу, моя книга – это экскурс в четырёхсотлетие российско-китайских отношений.

ВГ: Спасибо. По данным опросов общественного мнения, вырисовывается такая картина, что китайцы знают Россию лучше, чем россияне знают Китай. Вы согласны с результатами этих опросов?

СЛ: Ну, я не видел данных этих опросов, но я могу сказать, что речь идёт о различных периодах. В современном Китае тоже – в пятидесятые годы знали больше. В шестидесятые и семидесятые, во время «культурной революции», всё русское и советское преследовалось. Так что, речь идёт не о сравнении – кто больше знает, а о потребности и для Китая, и для России лучше знать своих соседей. Вот в этом и есть главная задача.

ВГ: Вы правы. Кстати, эти же опросы показывают, что хотя китайцы знают Россию лучше, чем россияне знают Китай, в целом представления китайцев о России (СССР) относятся больше к пятидесятым годам XX века. То есть, они тоже отстают от современного положения и тоже нуждаются в большем приближении к действительности.

⁶ История человечества. Энциклопедия. В 8 томах. Том 7. XX век. Под ред. Сарвепали Гопала, С.Л. Тихвинского и др. Пер. под общ. ред. А.Н. Сахарова; отв. ред. Э.А. Манушин. Изд-во: Магистр-пресс/ЮНЕСКО, 2005. 841 с.

СЛ: Да, безусловно. После «культурной революции» интерес к России в Китае несколько ослаб. Но сейчас и китайское руководство, и руководство нашей страны принимает активные меры. Вот проводятся год Китая в России, год России в Китае. Год русского языка в Китае и год китайского языка в России. Все эти мероприятия помогают улучшению взаимопонимания двух наших народов, культуры друг друга и так далее.

ВГ: Несмотря на улучшение отношений между нашими странами и народами, после 1991 года Общество советско(российско)-китайской дружбы, которое вы в прошлом возглавляли как председатель, переживает нелёгкие для себя времена. Пришлось столкнуться со снижением или даже с лишением государственной поддержки. Каковы проблемы и перспективы работы этого общества сегодня?

СЛ: Общество российско-китайской дружбы насчитывает уже большую историю. Оно было основано 29 октября 1957 года. Это была первая в СССР общественная организация дружбы (с зарубежными странами) из всех, которые были основаны позднее. Это одна из сторон народной дипломатии, ставившей своей целью пропаганду китайской культуры, знания о Китае среди советской (российской) общественности. Мне кажется, что мы эту задачу выполнили и продолжаем выполнять. Даже в годы «культурной революции», когда многие достижения китайской культуры замалчивались и осуждались *хунвэйбинами*, мы регулярно проводили по линии общества (советско-китайской дружбы) встречи, посвящённые историческим датам в жизни китайского народа, выдающимся поэтам и писателям Китая. Например, *Ду Фу*, *Ли Бо*, *Бо Цзюй-и*, историка *Сыма Цяня* вспоминали. То есть даже в период самого низкого спада наших отношений наше Общество продолжало информировать российскую общественность о культуре и жизни многотысячелетнего китайского народа.

ВГ: Какие проблемы всё-таки существуют у этого Общества, и как их можно решать?

СЛ: Как общественная организация мы, конечно, не получаем никакой государственной поддержки. Но интересы Общества удовлетворяются на общественных началах и сотрудники *Института Дальнего Востока* играют большую роль, выступая как лекторы, как докладчики на всякого рода мероприятиях, посвящённых китайской истории и культуре.

ВГ: Близится столетие Синьхайской революции. В связи с этим, а также на волне реформ и демократизации в Китае, и в частности на Тайване, как-то по новому возрождается интерес к идейному наследию Сунь Ят-сена. Сегодня на него смотрят уже не так догматично, как раньше. Как вы считаете, какое значение могут иметь идеи Сунь Ят-сена, в частности, его принцип «национализма» (минь цзу), для развития, усиления и объединения Китая в новом XXI веке?

СЛ: Я бы сказал, что в Китайской Народной Республике очень уважительно относятся к памяти Сунь Ят-сена. И когда я присутствовал на церемонии провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года, на площади

(Тяньаньмэнь в Пекине) висел портрет Сунь Ят-сена, и он до сих пор пользуется большим уважением в Китае. И отмечаются даты, связанные с юбилеем китайской революции. Проводятся научные конференции и торжественные заседания. Наследие Сунь Ят-сена – очень богатое, и его продолжают изучать в Китае. Он оставил большое политическое наследство, республиканский Китай. Ведь он был противником маньчжурской монархии. Как противник монархического строя он развернул движение за создание республики. Даже когда отмечалась годовщина провозглашения Китайской Народной Республики, то была (особо) отмечена роль Сунь Ят-сена в национально-освободительной борьбе китайского народа. Философские взгляды Сунь Ят-сена во многом связаны с конфуцианством. Его идея о «*Датун*» (Великом единении) пользуется уважением и в современном Китае. И многие положения конфуцианства, содержащиеся в наследии Сунь Ят-сена, развиваются сегодня и в Китайской Народной Республике.

ВГ: Сегодня, во времена мирового кризиса, в том числе кризиса глобальной идентичности, возникают идеи формирования некоей новой региональной идентичности. В частности, об этом очень активно говорят японцы. И это очень напоминает идеи «паназиатизма». Правда, уже не на расовой основе, а в каком-то более здоровом ключе. Как вам кажется, жизнеспособна ли эта идея новой региональной идентичности в Азии?

СЛ: История показывает, что влияние китайской культуры на соседние государства: на Корею, Вьетнам, Малайзию, Индонезию, – страны, где была большая китайская миграция, это влияние было и сохраняется. И в Сингапуре, пожалуйста, большая китайская колония регулярно празднует юбилеи Сунь Ят-сена, и в значительной степени продолжает ту республиканско-демократическую идеологию, которую заложил Сунь Ят-сен. Собственно говоря, и Мао Цзэ-дун в своих трудах о новой демократии продолжал развивать идеи Сунь Ят-сена. В частности, его политику объединения Китая, объединения партий, союза Гоминьдана и компартии Китая. И эти идеи претворяются в жизнь в Китайской Народной Республике.

ВГ: Ещё один вопрос про Сунь Ят-сена. В своих воспоминаниях вы пишете про встречу с *Михаилом Марковичем Бородиным* (политическим советником Сунь Ят-сена). По вашим словам, эта встреча помогла вам отойти от излишней идеализации образа Сунь Ят-сена. Интересно узнать, как всё же Бородин оценивал личность самого Сунь Ят-сена? Считал ли он его «увлечённым мечтателем» или «старомодным милитаристом»? Или оценивал его как-то ещё?

СЛ: Видите ли, в чём дело, М.М. Бородин не был специалистом по Китаю. Это был революционер с большим опытом работы на территории России, старым членом РСДРП. Потом работал в эмиграции в Соединенных Штатах Америки, в Коминтерне. Поэтому когда Сунь Ят-сен принял его в качестве политического советника, он много взял от Бородина. В частности, структуру Гоминьдана, построение централизованной партии. И эти идеи сработали очень положительно. В том числе, идеи союза молодой компартии Китая с Гоминьданом. До апреля

1927 года эти идеи активно претворялись в жизнь. Собственно говоря, наследием этих идей можно считать воссоздание Единого фронта в 1937 году, когда Япония напала на Китай крупномасштабной войной.

ВГ: И всё-таки, выражал ли Бородин своё личное отношение к Сунь Ят-сену?

СЛ: Видите ли, конечно, революционер-марксист Бородин был сторонником ускорения революционного процесса. Сунь Ят-сен решал вопросы более заземленно и, конечно, лучше знал обстановку в Китае, чем Бородин (мог узнать) за тот короткий срок, который он провёл в Китае.

ВГ: Как вам кажется, если несколько утрировать вопрос, сам Бородин был «ангелом-хранителем» или «демоном» для китайской революции?

СЛ: Это был человек, который делился с Сунь Ят-сеном опытом российского и международного революционного движения. В какой-то степени он повлиял и на конкретную политику Сунь Ят-сена. Его три политических установки явно отражают влияние Бородина и советских специалистов, в том числе и военных. *В.К. Блюхер* (Галин) был там в качестве военного советника. Не только Бородин, но и все советские люди, которые помогали Китаю в его национально-освободительной борьбе, пользовались уважением Сунь Ят-сена. И, как я привожу пример, когда иностранные корреспонденты всячески иронизировали над Бородиным и его ролью, Сунь Ят-сен сказал, что (Бородин) – это *Лафайет*. Человек, который приехал со своей родины в другую страну, чтобы помочь народной борьбе. Лафайет – борьбе американского народа, а Бородин – китайского народа.

ВГ: С 1960 года вы участвовали почти во всех международных конгрессах историков и востоковедов. Сам по себе, это уникальный факт. Можно ли хотя бы коротко сказать, как изменились за последние пятьдесят лет главные подходы к изучению Востока и Китая? С точки зрения тем, подходов, методологии, школ?

СЛ: Что касается международных связей наших историков, то эти связи возобновились только в 1954 году. До этого был длительный перерыв, когда советские историки не участвовали в международных конференциях. И вот в Кембридж на 23-й Конгресс в 1954 году приехала наша представительная делегация, выступила с интересными докладами и оказалась в центре внимания этой международной организации – Международного комитета исторических наук. И с тех пор на каждом Конгрессе мы отчитывались о своих работах. Были и споры, конечно. В том числе и методологические споры. Наши учёные в основном держались марксистской периодизации истории – формационный принцип деления истории на (общественно-экономические) формации. В то время как западные историки больше придерживались цивилизационного принципа. В результате этих международных контактов и Запад воспринял многие идеи стадийного развития по общественным формациям, и наши историки в значительной степени стали учитывать цивилизационный подход к истории.

ВГ: Позвольте задать ещё один достаточно интересный и актуальный вопрос. Согласны ли вы с предпринимаемыми сегодня попытками в очередной раз за-

крыть востоковедение и китаеведение как научно-образовательную дисциплину, как в своё время «закрывал» Хрущёв?

СЛ: Я не знаю, кто сейчас выступает с такими планами. По-моему, сам факт вовлечения в международную жизнь огромного количества народа, проживающего в Азии, Африке и Латинской Америке, – это процесс, который никто не сможет остановить. Поэтому процесс глобализации требует большого внимания к этим странам, отхода от ранее присущего исторической науке «европоцентризма». В проекте ЮНЕСКО – семитомной «Истории человечества» – как раз и применён новый подход. Глобальный подход к истории, в которой народы Азии, Африки и Латинской Америки приобретают своё место в общем потоке исторического развития человечества.

ВГ: Сергей Леонидович, как вам удаётся сохранять творческое долголетие? В чём ваш секрет?

СЛ: Плохо, не тот я стал. Поэтому не будем об этом говорить.

ВГ: Тогда последний вопрос. Что бы вы пожелали молодым китаеведам, которые хотят стать настоящими профессионалами?

СЛ: Больше работать с текстами, больше работать с источниками. Потому что без знания документов и архивов ни одна (научная) работа не может считаться достоверной. И в этом отношении то, что я продолжаю сейчас делать, по мере сил и возможности, это публикация десятитомника по истории Китая. И одновременно мы продолжаем публикацию документов по четырёхсотлетней истории российско-китайских отношений. Мы уже опубликовали много документов и продолжаем их публиковать по разным периодам. Только что мне звонила Мировицкая Раиса Анатольевна, которая подготовила к печати том по периоду 1931–1937 годов. (Всё это) документы, которые нуждаются в изучении. И я призываю молодых историков больше изучать все эти документы, которые мы уже опубликовали...

ВГ: Спасибо большое!..

СЛ: Спасибо!..

ЧУДОДЕЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

INTERVIEW WITH YURY V. CHUDODEEV

Проект: «Китаеведение – устная история»

China Studies – the Oral History

The project is supported by «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Чудодеев Юрий Владимирович (ЮЧ)
Китаевед, к.и.н., ведущий научный
сотрудник ИВ РАН

Место интервью: Москва

Дата: 25 февраля, 1 марта 2009 г.

**Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ),
ИВ РАН**

**Примечания: В.Ц. Головачёв,
А.И. Кобзев**

Продолжительность: 6 часов

Yury V. Chudodeev

Sinologist, PHD

**Leading Research Fellow, Institute of
Orientology, Russian Academy of Science**

Place: Moscow

Date: February 25, March 11, 2009

**Hosted by: Valentin Ts. Golovachev
IOS RAS**

**Footnotes: Valentin Ts. Golovachev,
Artyom I. Kobzev**

Duration: 6 hours

Чудодеев Юрий Владимирович (родился 28.08.1931, г. Москва). Китаевед. Кандидат исторических наук (1965). Окончил исторический факультет МГУ (1954). С 1962 г. работает в ИВ АН СССР. Ведущий научный сотрудник ИВ РАН. Специ-

алист по новой и новейшей истории Китая. Изучает конституционное движение в Китае накануне Синьхайской революции, эволюцию китайских монархических структур и крушение монархии в Китае в 1911–1912 гг., российско-китайские и китайско-японские отношения, модернизацию и общественное развитие в современном Китае и на Тайване. Ведёт активную издательскую деятельность, редактор десятков научных монографий по Китаю и Востоку, в том числе много-томной «Истории Востока». В 1977–1989 гг. – редактор 4-х сборников научных статей и мемуаров советских добровольцев, участников революционного движения и антияпонской войны в Китае в 1920–1930-х. Стажировался в Пекинском университете (1964) и в университете Фудань (Шанхай, 1985–1986). Совершал научные визиты в КНР, Японию, Венгрию. Много лет возглавлял Издательский отдел ИВ РАН. Один из соавторов 10-томной истории Китая на русском языке («предсиньхайский» период).

ВГ: Здравствуйте, уважаемый Юрий Владимирович! Добро пожаловать в наш проект «Китаеведение – устная история»! Этот проект очень важен для будущих китаеведов, и мы очень благодарны, что вы согласились принять участие в нём.

ЮЧ: Здравствуйте, для меня большая честь ответить на 67 вопросов, многие из которых были для меня, конечно, неоднозначны. Тем не менее, я всё же постараюсь высказать своё мнение по поводу того, что было предложено.

ВГ: Думаю, у нас будет гораздо больше вопросов, которые возникнут по ходу беседы. Для начала прошу вас, как всех других участников проекта, немного представить себя.

ЮЧ: Хорошо. Моя фамилия Чудодеев. Зовут Юрий Владимирович. Родился в Москве 28 августа 1931 года, в семье служащего. Отец мой не имел никакого отношения ни по образованию, ни по характеру своей работы к гуманитарным сферам. Он был сначала простым инженером, потом стал ответственным конструктором в соответствующей организации, которая называлась НИИ–17 и работала в области радиолокации. Я рос в семье своих родителей, пережил войну, [начавшуюся] когда был десятилетним парнем. Правда, попал в Сибирь, в город Томск, город университетский, и два года прожил в Сибири. Был вместе с отцом в эвакуации. Завод отца – завод режущих инструментов Фрезер – эвакуировали 16 октября 1941 года, в очень сложный для москвичей день, когда немцы стояли на подступах и все думали, что Москва будет взята. В последний момент завод был эвакуирован. А меня родители отправили в пионерлагерь с одной военно-кавалерийской организацией, с которой мать дружила. И я сначала был в Рязанской области, в пионерлагере. А потом всех детей военнослужащих этой академии РККА отправили в Сибирь. [Мы] пересекли Уральские горы и я оказался, как сейчас помню, в деревне Варгаши Курганской области. Один, с ребятами, детьми этих военнослужащих. Мать меня нашла по всяким рекомендациям. Оставив отца в Москве, она бросилась в погоню за мной, чтобы найти своего единственного ребёнка. И она нашла, а потом узнала, что отца эвакуировали в Томск и, в конце концов, мы

перебрались из этого села в город Томск. Там я пережил войну. В 1943 году мы вернулись в Москву и я, не пропустив ни одного года обучения в средней школе, продолжал его и в 1949 году окончил школу.

Чем я увлекался и чем занимался? Почему мои интересы, вдруг, оказались сопряжёнными с Китаем? Вы знаете, многие моменты в моей жизни, в том числе и с точки зрения получения китаеведческого образования, были случайностями. Но, говорят, что скопление случайностей образует закономерность. Может, в этом что-то есть.

ВГ: Вот, например, вы окончили школу в 1949 году, в год образования КНР. Это тоже такая случайность?

ЮЧ: Конечно. С одной стороны, я неплохо читал стихи, имел неплохой голос, как мне говорили, и хотел стать артистом. Но на каком-то этапе своего обучения в средней школе я также начал увлекаться и историей. Здесь тоже сыграла роль случайность. В 6-м или 7-м классе, точно уже не помню, я «набедокурил» вместе с двумя одноклассниками. Учительница начала вызывать нас по очереди, чтобы наказать соответствующими отрицательными оценками. Двоим она поставила двойки. А мне задала вопрос: «Расскажи, пожалуйста, о правлении Юлия Цезаря». И вдруг, неожиданно я ответил ей на этот вопрос! «Блестяще! – сказала она, – выпучив глаза. – Пять!». И вот, с тех пор я увлёкся историей! Я стал посещать кружки, стал писать исторические доклады, в том числе об образовании Москвы, и так далее. И решил в итоге пойти на исторический факультет. Подал заявление. Но я, в общем-то, не думал поступать на китаеведческое отделение. Про Китай я знал ещё в средней школе – большая страна, находится рядом [с СССР]. Знал, что там идёт борьба за власть между *КПК* и *Гоминьданом*. Знал о борьбе китайского народа против японских агрессоров. Но не больше, в общей сложности. При поступлении на истфак я не добрал один балл и попал в так называемую группу «полупроходников». То есть, не то что я недобрал много и меня сразу отсеяли. Но тех, кто не добрал один балл, решили собрать и сказали: «Ребята, у нас на историческом факультете образуется восточное отделение. И, в частности, кафедра истории Китая. Будут также кафедры, связанные с изучением Кореи, Японии, Ближнего и Среднего Востока и так далее. Вот вы останьтесь, мы вас оставим (здесь) на какое-то время, а вы решите между собой, на какую страну вы, в конце концов, пойдёте». И вот здесь, если можно так выразиться, я «высидел» Китай. Потому что мне вдруг захотелось изучать Китай. Спонтанно, но, тем не менее. Многие тоже хотели изучать Китай, потому что мы знали – вот-вот «на сносях» образование Китайской Народной Республики. Японию, которую потом все стали «спрягать», и все хотели стать японистами, почему-то никто не захотел, только двое (человек). А Китай хотели изучать многие. Но я «пересидел» многих своих коллег и, в конце концов, оказался на кафедре истории Китая, которой руководила *Лариса Васильевна Симоновская*. Таким образом, с 1949 по 1954 год я учился на историческом факультете МГУ, на кафедре истории Китая. Поскольку я учился в целом на истфаке, нам преподавали такие крупнейшие историки, как академик

С.Д. Сказкин, академик *Б.А. Рыбаков*, профессор *А.Г. Бокщанин*, преподававший нам историю Древней Греции и Древнего Рима. Учёба заложила у меня основу для неплохого знания общемирового исторического процесса, которое подпитывало потом мою эрудицию. Правда, в известной мере, в ущерб глубокому знанию китайского языка, что я ощущаю и до сегодняшнего дня.

ВГ: С кем вы учились?

ЮЧ: Учился я с известными в дальнейшем российскими востоковедами. Ну, во-первых, с крупнейшим российским индологом, будущим академиком *Г.М. Бонгард-Левиным*. С профессором *Л.Б. Алаевым* – индологом. С профессором *Н.Г. Киреевым* – тюркологом. С профессором *Ю.В. Ваниным* – корееведом. Учился я с *Эмилией Павловной Стужиной*. Вот она стала хорошим китаистом, изучала китайский город и ремесло в период средневековья.

ВГ: Кто были вашими учителями?

ЮЧ: Кто были нашими учителями? Ну, в первую очередь, с точки зрения изучения языка, я хочу назвать *Алексея Петровича Рогачёва* – отца будущего российского посла в КНР, *Любовь Дмитриевну Позднееву*, которая преподавала нам сложный для восприятия древнекитайский язык *вэньянь*. Средневековую историю Китая нам преподавала историк *Лариса Васильевна Симоновская*. А новую и новейшую [историю] – *Григорий Борисович Эренбург*, *Михаил Филиппович Юрьев*, *Владимир Николаевич Никифоров*.

ВГ: Какие события времени и личные обстоятельства больше всего повлияли на вашу китаеведческую судьбу?

ЮЧ: Вот здесь я тоже могу назвать, можно сказать, случай, который сыграл решающую роль в моей дальнейшей биографии как китаевода. Дело в том, что по окончании истфака я получил диплом специалиста-историка с правом преподавания истории СССР в средней школе. Никто не интересовался нашим востоковедным, в данном случае китаеведческим, образованием. Никому мы в тот момент оказались ненужными. Хотя я и получил какое-то распределение, в связи с беременностью жены мне пришлось остаться в Москве и в течение полугода искать себе работу. Я нашел её в Строительном техникуме Моссовета и 4 года преподавал историю СССР и политэкономии социализма и капитализма. Получил профессию преподавателя. И вот случайная встреча, которая состоялась в 1958 году, вдруг круто изменила мою судьбу. Дело в том, что я случайно встретил в метро своего одноклассника Володю Трифонова, с которым учился на истфаке. В этот момент он начинал свою журналистскую карьеру. В частности, опубликовал в журнале «Коммунист» большую статью о VIII съезде КПК. А когда встречаются в такой момент русские – может и сегодня (хотя сегодня, может, уже и нет) задают такие вопросы: «Где ты? И сколько получаешь?»

Ну, сколько я получаю, я, конечно, ему сказал. А [на вопрос] где я? – сказал, что преподаю историю СССР в Строительном техникуме. Он выпучил глаза и говорит: «Как?! Мы с китаеведческим образованием, и ты не нашёл применение зна-

нию Китая?» Я говорю: «Ну а где, Володя?» Он: «Как где?! Образовался *Институт китаеведения!* Беги туда! [там] Никифоров [который] нам преподавал. Иди к нему и, может, он поможет тебе что-то устроить!» Я по его совету направился в Китайский проезд, где находился только-только образованный в 1956 году Институт китаеведения, нашёл Владимира Николаевича Никифорова. Он, конечно, меня узнал как своего бывшего студента. Поговорили. Он сказал: «Юра, тебя, как специалиста, даже младшим или просто техническим научным сотрудником мы взять не можем! Ты 4 года постепенно забывал и историю Китая, и язык, преподавал другие предметы. Что я тебе посоветую? Я посоветую тебе идти в аспирантуру». Более того, он сказал: «Ты поступишь под начало, под научное руководство доктора наук, профессора *Сергея Леонидовича Тихвинского*». Имя Тихвинского в 1953 году «гремело» у нас на истфаке. В частности, среди преподавателей-китаистов и среди студентов-китаистов. Потому что в 1953 году молодой Тихвинский – он родился в 1918 году, и вы вычислите, сколько ему было тогда лет, – защитил на сложнейших китайских источниках докторскую диссертацию о китайских реформаторах конца XIX века. Даже те преподаватели, которые нам преподавали: и уважаемый нами Григорий Борисович Эренбург, и Михаил Филиппович Юрьев, в общем-то, по используемым ими в своих работах источникам и материалам – в частности, Юрьев занимался китайской Красной армией и так далее – не могли встать на [один] уровень с таким знанием китайского языка. В частности, *вэньня*, потому что Тихвинский переводил первоисточники, связанные с *Кан Ю-вэем*, *Лян Ци-чао* и другими реформаторами конца XIX века. И когда я узнал, что могу попасть в аспирантуру под руководством Тихвинского, я, в общем-то, не мог ничего сказать. Лишь бы сдать экзамены и начать работу под руководством Сергея Леонидовича! Я узнал, какие экзамены нужно сдавать [и сдал их] ...

ВГ: Вы упомянули однокашника Владимира Трифонова. А с кем ещё вы учились вместе?

ЮЧ: Я учился с ребятами, которые большой китаеведческой карьеры не сделали или вообще отошли от китаеведения. В частности, я учился с Борей Наумовичем, который был из Ярославля, уехал в Ярославль, и потом его следы потерялись. Володя Трифонов начал пробивать свою журналистскую карьеру и в итоге стал работать в Институте международного рабочего движения. Я учился с японистом *Поздняковым*, который начал сотрудничать с *Институтом востоковедения*, написал несколько работ, но в районе 40 лет, к сожалению, скончался от рака. А вот Эмилия Павловна Стужина – она сразу попала под патронат Ларисы Васильевны Симоновской, которая воспитывала её как китаеведа-медиевиста. И она постепенно поднималась, так сказать, наверх и стала работать в рамках института. Хотя, если говорить откровенно, тоже были перипетии и в её судьбе. Всё у нас, ведь, в тот период было непросто. Допустим, мы учимся. В 1953 году, в марте, умирает *Иосиф Виссарионович Сталин*. Вся страна переживает. Мила Стужина, она же из провинции приехала в Москву учиться, разговаривала в ко-

ридоре общежития с какой-то коллегой. Ей кричат: «Мила! Сталин умер!» Она махает рукой и продолжает разговор. Естественно, в наших условиях того времени это всё было сразу же донесено в соответствующие инстанции. Началась проработка, вызов на комитет комсомола и исключение Милы Стужиной из комсомола. Она была вынуждена бросить всё и уехать в провинцию преподавать что-то. И лишь потом, когда после смерти [Сталина] постепенно начался процесс реабилитации, Ларисе Васильевне Симоновской удалось вытащить её из провинции, определить в аспирантуру исторического факультета, на свою кафедру. Она [Стужина] её в итоге окончила и стала крупным специалистом. Но судьба её была тоже трагичной. На каком-то этапе она заподозрила, что у неё рак и, будучи очень впечатлительным человеком, не желая мучений ни себе, ни родне, ни окружению, она покончила с собой. Потом выяснилось, что у неё была незлокачественная опухоль. Но Милы, к сожалению, уже не было на свете.

ВГ: Печальная история!.. А профессор *А.А. Бокщанин* учился с вами или был младше вас?

ЮЧ: Он учился на три-четыре курса младше. Г.М. Бонгард-Левин тоже учился на один-два курса младше. А.А. Бокщанин сейчас руководит отделом, где я работаю. Я вспоминаю сейчас этих товарищей. Но мы, как любые студенты в то время, замечали только тех, кто учился на курс или два курса выше. Всю остальную «мелюзгу» мы даже не знали. Только потом мы стали понимать, что учились с крупнейшими специалистами.

ВГ: Вы поступили в аспирантуру, и встал вопрос о выборе темы исследования. Как формировался круг ваших китаеведческих интересов? Как вы выбрали тему диссертации?

ЮЧ: Сейчас расскажу. Мои научные интересы и моя исследовательская деятельность, хоть, может, это звучит и нескромно, начала формироваться в МГУ. Потому что преподавали нам серьёзные специалисты, и они выдвигали очень серьёзные требования к нашим курсовым работам. С этого и начались зачатки нашей исследовательской работы. Я уже не говорю о дипломной работе, которую я писал работая даже в архивах и, в какой-то степени, используя и переводы *Сунь Ят-сена*. Потому что я стал увлекаться Сунь Ят-сеном и написал работу о его деятельности в «предсиньхайский» период. А затем эта работа уже развивалась в рамках аспирантуры у Сергея Леонидовича Тихвинского. Сергей Леонидович предложил мне тему, которую я развивал в качестве кандидатской диссертации. Как у всякого молодого, сначала у меня было планов «громатьё». Сначала я хотел написать диссертацию на тему «Кризис цинской империи в конце XIX – начале XX века». Где-то это раскритиковали, решили, что это будет мне «не по зубам». А Тихвинский, который только-только завершил работу над своей докторской диссертацией, был ещё полон мыслей и, кстати, занимался внешней политикой Сунь Ят-сена. Он предложил мне как бы продолжить тему деятельности реформаторов уже в эмиграции, непосредственно в то десятилетие, которое предшествовало *Синьхайской*

революции. Я не исключаю, что Сергей Леонидович и сам не подозревал, что в канун Синьхайской революции в Китае выкристаллизовалось и начало развиваться движение, которое в какой-то степени «переплюнуло» даже революционное движение под руководством Сунь Ят-сена. Это было так называемое либерально-конституционное движение (*ли сянь юньдун*), «движение за введение конституции» в Китае. Вот за этим движением как раз и стояли поднимавшиеся либеральные *шэньши*, значительная часть китайской бюрократии, которая вошла своими интересами в противоречие с правящей маньчжурской династией, и зачаточные элементы так называемой китайской буржуазии. Потому что в Китае буржуазия не сформировалась как класс, который мы знаем по Западу, о котором Маркс написал «Капитал». Здесь была своя специфика и её надо было учитывать. Надо сказать, как я завершил свою работу. Мне очень помог крупный специалист в области китайского языка, китаец Ду И-син (*Ду Жи-синь*). Он работал в нашем Отделе Китая, где я стал работать после окончания аспирантуры. Защитился я не сразу, я насыщал свою работу китайскими источниками. Работал в архиве АВПРИ – архиве внешней политики Российской империи. Смотрел все донесения царских послов, переводы цинских указов по тем или иным вопросам и так далее. Всё это было у меня в голове, но мне хотелось как можно больше насытить [работу] именно китайскими источниками. И здесь мне очень помог Ду И-син. Как раз тогда вышли сборники, посвящённые развитию китайской прессы накануне Синьхайской революции, большой четырёхтомник. И мы, вместе с Ду И-сином, постепенно переводили со сложного *вэньяня* статьи Лян Ци-чао, Кан Ю-вэя, различные журналы – «*Дунфан цзачжи*» (журнал «Восток») и другие, связанные с моей тематикой. Мне также крупно повезло, что в 1964 году я впервые попал на полгода в Китай.

ВГ: Как называлась тема вашей диссертации?

ЮЧ: «Либерально-конституционное движение накануне Синьхайской революции». В дальнейшем, уже после защиты, мне удалось её издать. Монография была названа «Накануне революции 1911 г. в Китае». А подзаголовок, как бы расшифровывая содержание работы, как раз говорил о либерально-конституционном движении в предсиньхайский период.

ВГ: Как складывались ваши научные интересы в дальнейшем?

ЮЧ: Если говорить о моих научных интересах в дальнейшем, они менялись под влиянием международной ситуации и развития советско-китайских конфликтов в 1960-х и 1970-х годах. В частности, когда директором нашего института стал академик *Е.М. Примаков*, он начал заниматься ситуационным анализом. *Лев Петрович Делюсин*, который к этому времени стал руководить нашим отделом Китая, выдвинул меня в группу, которая занималась «ситанализом» по различным проблемам международных отношений вокруг Советского Союза. Ну, какое-то время, значительное число лет, я посвятил этой международной тематике, и она в известной мере связала мои интересы с международными вопросами. В частности, я заинтересовался вопросами, связанными с японо-китайскими от-

ношениями. Тогда это было достаточно актуально и остро. И сегодня остаётся, безусловно, острым вопросом, затрагивающим в известной мере и наши интересы. Занимаясь темой японо-китайских отношений, я писал по этим вопросам различные справки, записки и так далее. В конечном итоге [эти занятия] натолкнули нас, в содружестве с коллегой *Зоей Дмитриевной Катковой*, на мысль заняться японо-китайскими отношениями не просто с точки зрения политики и экономики, но с точки зрения (неоднозначной для того периода) развития исторической науки, а именно: этнопсихологического взаимовосприятия двух народов, двух наций. Мы натолкнулись на одну статью крупного японского специалиста Такэути Минору. На английском языке, правда. Японского мы не знаем. В дальнейшем, попав в 1990-х годах в Японию, я познакомился с автором. Так вот, он написал небольшую статью в плане того, как относились друг к другу китайцы и японцы, начиная от эпохи *Тан*, вплоть до сегодняшнего дня. Мы вместе ухватились за эту тему. Зоя Дмитриевна в значительной мере собирала материал. Я обрабатывал этот материал и рылся в различного рода других книгах и материалах. В итоге мы с ней написали совместную книгу, она вышла в первом издании в 1995 году.

ВГ: Как называется эта книга?

ЮЧ: Эту книгу мы назвали «Китай и Япония: любовь или ненависть?» Подзаголовок: «К вопросу о развитии социально-психологических и политических стереотипов японо-китайского взаимовосприятия». Я не хочу хвастаться и не хочу хвастаться вдвоём с Зоей Дмитриевной Катковой, но мы были одними из первых в российском китаеведении, кто стал разрабатывать подобные сюжеты, связанные с этнопсихологией. В дальнейшем, как вы знаете, появилась работа *Александра Лукина* о восприятии Китая в России и России в Китае.

ВГ: Но это было совсем недавно!

ЮЧ: Совсем недавно! И есть ещё работа, вышедшая всего несколько месяцев назад. Девяностолетний академик С.Л. Тихвинский написал свою самую последнюю на сегодня работу о восприятии России в Китае. И вот, мы с Зоей Дмитриевной Катковой подумали, что, может, мы были не самые последние из тех, кто развивал эту тему в нашем китаеведении и востоковедении.

ВГ: Помимо китайско-японских отношений вы изучали и советско-китайские отношения.

ЮЧ: Совершенно верно. Что касается советско-китайских отношений, то в этот период (1960-е годы) они развивались не лучшим образом, как все мы знаем. Конфликт в итоге перерос в вооруженный [конфликт] на *Даманском*. И здесь, очевидно, и жизнь, и руководство стали ставить вопрос о том, чтобы поднять и перед нашей общественностью, а может, и перед китайской в дальнейшем, вопрос о советской помощи китайской революции. Я принял самое непосредственное и активное участие в этой работе. В 1950–1960-е годы на ниве советского китаеведения начали подвизаться знаменитый генерал А.И. Черепанов, который в 1920–1930-е годы был военным советником в революционных вооруженных

силах Китая, а также его соратники – генералы А.В. Благодатов, А.Я. Калягин, маршал В.И. Чуйков и другие крупные советские военачальники¹.

ВГ: Многие из них были соратниками *В.К. Блюхера*.

ЮЧ: Совершенно верно. И я начал участвовать в создании целого ряда сборников воспоминаний советских волонтеров в Китае в 1920-х, 1930-х годах. Работа эта была непростая. Я собирал этих людей, просил их написать хотя бы какие-то «болванки». Потом я эти «болванки» обрабатывал, приводил в порядок. Каждый раз встречался, уточнял те или иные факты. И в конечном итоге я оказался главным редактором, составителем, автором предисловий и примечаний восьми сборников воспоминаний. Они вышли в 1980-х годах. Эта тема была мне очень симпатична. Один из этих сборников «На китайской земле» – работа, которая была переведена на китайский язык. Книга «В небе Китая» – о лётчиках, которые воевали в небе Китая. Её перевели на немецкий язык. Издательство «Прогресс», собрав материалы из разных сборников, которые я редактировал, тоже издало подобную вещь на английском языке (*Soviet volunteers in China: 1925–1945*). Естественно, мне было очень приятно. Не исключаю, что было бы очень неплохо сегодня напомнить и нашей молодёжи, и нашей общественности, и, может, китайской общественности о нашей помощи, об этих людях, которые воевали, жертвовали своей жизнью. Двести [советских] лётчиков погибли в Китае, защищая китайское небо в конце 1930-х годов.

ВГ: Видимо, вы были лично знакомы и встречались со многими из бывших военных советников в Китае?

ЮЧ: Конечно, я встречался со многими из них. В частности, с уже упомянутыми А.И. Черепановым, А.В. Благодатовым, маршалом В.И. Чуйковым, с А.Я. Калягиным, который был одним из организаторов сборника «На китайской земле». Конечно, я общался с этими людьми, которые вспоминали очень много и о своих боевых буднях, и о китайских военачальниках и политических деятелях. В частности, многие из них знали лично руководителей Китая того времени – *Чан Кай-ши*, *Ван Цзин-вэя* и других, не говоря уже о лидерах компартии. Так что общение с этими людьми, конечно, меня очень подпитывало. А их воспоминания стали основой сборников «По дорогам Китая», «В небе Китая», «Миссия в Китае» и других.

ВГ: Что это были за люди?

ЮЧ: Это были военнослужащие, которые, конечно, если говорить откровенно, поехали в Китай не добровольно. Их вызывали в соответствующие инстан-

¹ См. воспоминания видных советских военачальников, работавших в 1920–1930-х гг. в качестве советников в китайских вооруженных силах: *Черепанов А.И.* Записки военного советника в Китае. М., 1976; *Калягин А.Я.* По незнакомым дорогам. М., 1979; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. М., 1979; *На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945.* М., 1977; *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. Записки военного советника. М., 1981.

ции, поскольку была соответствующая установка – надо помочь Китаю в борьбе против Японии. И мы помогали Китаю, конечно, если говорить напрямую и откровенно, имея в виду и свои интересы, потому что мы не хотели, чтобы Китай пал под ударами японского сапога, а дальше мы бы оказались один на один с Японией. Сегодня это понимают все. Но мы говорили о нашей интернациональной помощи китайской революции и так далее. И сегодня, говоря об этом так откровенно, я сейчас не вижу в этом ничего страшного и ничего особенного. Это реальность, которую сегодня понимают и у нас наверху, и, надеюсь, внизу. И в Китае, китайцы, – они должны быть нам благодарны. И я хотел бы [это] напомнить.

ВГ: Действительно, мало кто теперь помнит, что советские лётчики воевали с японцами на самолётах, присланных Советским Союзом для военно-воздушных сил Национального правительства *Гоминьдана*. И ещё меньше людей знает о том, что в начале 1938 года, через полгода после начала антияпонской войны, советские лётчики совершили успешный налет на Тайвань и разбомбили главную японскую авиабазу в пригороде Тайбэя. Можете ли вы напомнить подробности этого эпизода?

ЮЧ: Пожалуйста! Как известно, к концу января 1938 года самолётный парк Японии был уже так истощён, что японцам пришлось срочно закупать новые самолёты в Германии и Италии. Суда с боевой техникой не могли разгружаться в порту Шанхая из-за налётов советских бомбардировщиков. Поэтому разгрузка велась на островах, в частности на главной базе военно-воздушных сил Японии – острове Тайвань². Из агентурных данных китайскому командованию стало известно, что на Тайвань прибыл очередной караван с авиатехникой. Самолёты в разобранном виде в контейнерах доставлены на аэродром. Десятки машин уже были собраны и готовы к перелёту в Шанхай. Завезён трёхлетний запас горючего. И тогда советские лётчики стали готовить воздушный налёт на этот объект. Такой налёт имел и большое моральное значение, так как до этого все боевые действия велись только на территории Китая. А Тайвань был в то время частью Японии. Операцию разработал и возглавил Герой Советского Союза Ф.П. Полынин, а общее руководство осуществлял командующий советской авиацией в Китае, прославившийся в Испании лётчик-истребитель П.В. Рычагов³.

В воспоминаниях об этой операции, опубликованных в одной из наших книг о советских лётчиках в Китае, Ф.П. Полынин указывал, что основная трудность боевой задачи заключалась в отсутствии вблизи моря удобной площадки для посадки бомбардировщиков и заправки бензином. Советские лётчики проложили кратчайший маршрут по прямой. Но расстояние до цели составляло около 1000 км.

² После поражения в войне 1894–1895 гг. с Японией, по условиям Симоносекского договора 1895 г., Китай был вынужден уступить Японии о-в Тайвань.

³ О боевых действиях советских лётчиков, помогавших китайскому народу в борьбе с японскими агрессорами см.: В небе Китая. 1937–1940 гг. Воспоминания советских лётчиков-добровольцев. М., 1980.

Ещё одна трудность была в том, что на сухопутных самолётах предстояло лететь над водой. Полёт было решено выполнять на высоте 4500–5500 м. На большой высоте увеличивалась дальность полёта, поскольку меньше расходовалось горючего. Чтобы обмануть японцев, решили вначале пройти севернее острова, потом резко повернуть вправо, снизиться до 4000 м и с ходу нанести удар. На обратном пути над проливом спуститься до 2000 м, чтобы позволить членам экипажей «глотнуть воздуха». Над материком же снова подняться до 4000 м и идти к аэродрому на заправку. Для большей точности позволю себе зачитать отрывок из мемуаров Ф.П. Полынина: «22 февраля, накануне налёта на Тайвань, группа из 28 самолетов-бомбардировщиков перелетела в Наньчан. 23 февраля, в день 20-й годовщины РККА, 28 бомбардировщиков поднялись в воздух на высоту 5500 м. ...Наконец, впереди сверкнула голубая полоска Тайваньского пролива, а за ней выплыл сам остров... Как и было намечено, мы прошли севернее Тайваня, а затем сделали резкий поворот и с приглушёнными моторами начали снижение... Ни одна машина не отстала. Вражеских истребителей в воздухе не было. Но мы встретили другого врага – облачность... Внезапно облака как бы разорвало, появилось “окно” и впереди по курсу открылся город, а сбоку – аэродром. Хорошо различались выстроенные в два ряда самолёты, серые, ещё не распакованные контейнеры и белые цистерны около ангаров. Основная база японских военно-воздушных сил выглядела внушительно. Никакой маскировки противник не соблюдал. Видимо, он чувствовал себя в полной безопасности... Цель всё ближе. На белых крыльях самолётов уже видны красные круги... Машину слегка тряхнуло: бомбы пошли вниз... в центре стоянки один за другим взлетают фонтаны взрывов. “Попал!...” – радуюсь я и со снижением увожу самолёт в сторону пролива. За мной следуют остальные экипажи моей девятки, а на цель выходят [две другие] группы бомбардировщиков... Вражеский аэродром окутывают дым и пламя. В небе появляются шапки разрывов. Это огонь японских зенитчиков. Поздно! Мы сбросили на Тайвань 280 бомб, большинство их попали точно в цель. Наш удар был настолько внезапным, что ни один из вражеских истребителей не успел взлететь. [“За компанию” ведущий прошёлся и по японскому крейсеру в гавани Тайбэя, хотя мелкие бомбы особого вреда ему и не причинили]. И вот остров далеко позади. Идём на высоте 2000 м. Дышится легко. ... Впереди всё отчетливее вырисовываются коричневые горы... Самолёт снова набирает высоту... горючего осталось мало. [Но] на аэродром дозаправки, вопреки опасениям Рычагова, вышли точно...»

ВГ: Все эти героические события происходили 70 лет назад. И, как известно, в то время китайцы испытывали к советским военным специалистам самую глубокую благодарность.

ЮЧ: Когда попадаешь в Китай сегодня, когда встречаешься и начинаешь разговаривать, один из самых первых вопросов, которые они задают, особенно молодёжь: «Вы из какой страны? (*Нинь ши най го жэнь?*)». Ты начинаешь в шутку их спрашивать: «А сам ты как думаешь, из какой я страны? (*Ни цзы цзи сян во ши*

най го жэнь ма?)». Начинается перечисление Америки, Англии, Франции. Дальше почему-то у молодёжи перечень стран иссякает. И только когда ты говоришь: «Во ши элосы жэнь (Я россиянин)», [в ответ] – вот такие выпученные глаза. Ну, а потом, с усмешкой: «А-а, лао да гэ (А, старший брат)!»

ВГ: Времена и люди – всё меняется! Но давайте вернёмся к вашим поездкам по Китаю.

ЮЧ: Во время своего самого крупного посещения Китая в 1985–1986 годах, когда я целый год был на стажировке в Фуданьском университете, я начал путешествовать по Китаю во время зимних каникул. Нас отпустили, можно было с группой проехать по определённому маршруту. А я на каком-то этапе решил проехать один. Правда, часть маршрута проделал с коллегой Светланой Рыковой. И я поехал в Ухань уже один, потому что мне хотелось посетить район, где начиналось так называемое «Юньнаньское восстание» под руководством Цай Э, «Движение в защиту республики» (Ху го юньдун), как его называли⁴. Мне хотелось посетить родину Мао Цзэ-дуна – Шоушань⁵. Мне хотелось посетить красивейший район Лушань, где состоялся знаменитый пленум, на котором исключили из партии Пэн Дэ-хуай⁶, и так далее. И, соответственно, я видел все эти вещи...

ВГ: Если вернуться к вашему первому визиту в Китай. Это было за год до защиты вашей диссертации. Наверно, это был отличный подарок для успешного завершения работы?

ЮЧ: Безусловно. Я учился в *Бэйда*, в *Пекинском университете*, на историческом факультете. К сожалению, запомнил профессора, который опекал меня. Темой моей работы продолжала оставаться тема моей кандидатской диссертации, которую я защитил через год, в 1965 году. И там я продолжал набирать материалы – в основном те, которые китайцы печатали. У них к этому времени вышел восьмитомник о *Синьхайской революции*. Один из томов был специально посвящён конституционному движению *ли сянь юньдун*. И к этому времени вышла монография двух крупных китайских специалистов Ху Шэн-ху и Цзинь Чун-цзи, которые как раз написали работу, очень близко связанную с моей темой. В дальнейшем с Ху Шэн-ху (в 1980-х годах он был профессором Фуданьского университета) я познакомился лично. Узнав о том, что он приехал в Шанхай и работал в Фуданьском университете, я захотел встретиться с ним и договорился с profes-

⁴ Движение в защиту Республики (Ху го юньдун) было организовано в юго-западных и южных провинциях Китая в 1916 г. генералами Цай Э (1892–1916), Тан Ци-яо (1883–1927) и др. для противодействия попыткам восстановить монархический режим в Китае.

⁵ Деревня Шоушань (уезд Сянтань пров. Хунань) – родина Мао Цзэ-дуна.

⁶ На пленуме ЦК КПК, проходившем в Лушане (пров. Цзянси) в июле-августе 1959 г., против левацкого курса Мао Цзэ-дуна выступил видный политический и военный деятель КНР, маршал КНР (до отмены в 1965 г. воинских званий), министр обороны Пэн Дэ-хуай (1898–1974). В результате кампании, организованной приспешниками Мао, Пэн Дэ-хуай и его сторонники были освобождены от занимаемых постов.

сором Ян Ли-цяном, который руководил в Фудане моей работой на истфаке. Хотя уже потом мои темы несколько изменились, я с ним обсуждал все эти сюжеты.

ВГ: Ваш первый приезд в Китай – насколько сильным было эмоциональное впечатление? Наверно, вы приехали в Китай на поезде?

ЮЧ: В этом была особенность. Мы ехали с группой коллег через всю Россию, Мы пересекли Уральские горы, доехали до Читы, до Хингана. Повернули на юг и «вышли» на станцию Маньчжурия. В этой группе как раз были будущий академик *В.С. Мясников*, *А.А. Бокианин*, а также известный китаевед – в дальнейшем он стал мидовским работником – *Ф.С. Быков*. Куда он сейчас исчез – не знаю, никто о нём ничего сказать не может... И, конечно, главным проводником по Китаю в тот момент был *Владислав Фёдорович Сорокин*. Он прекрасно знал Китай, неоднократно в нём бывал. В группе были и женщины, в частности *Светлана Андреевна Серова*, *Виола Сергеевна Аджимамудова* и некоторые другие, которые и сегодня продолжают трудиться. Аджимамудова, правда, уехала в Америку, как я узнал недавно. Виола была литературовед и занималась китайским писателем 1920-х годов *Юй Да-фу*. Серова продолжала под руководством В.Ф. Сорокина работать над темами, связанными с историей традиционного китайского театра.

Сорокин рассказывал нам о Китае, показывал достопримечательности. Я впервые попал в *Ихэюань* – летнюю резиденцию китайских императоров в окрестностях Пекина, увидел красоты китайской природы. Правда, далеко от Пекина мы особенно не ездили. В основном – окрестности, достопримечательности, знаменитый парк Сяншань («Ароматные горы») и так далее. Пекин, столица Китая, был традиционным китайским городом. Он производил сильное впечатление. Но то, что я увидел во время недавних поездок в КНР в 2006–2007 годах, – это, конечно, потрясло меня даже по сравнению с увиденным в 1985 году! Тогда только начинались реформаторские перемены. Тогда состоялся мой третий визит в Китай. Второе моё посещение Китая было в 1966 году, в период «культурной революции», когда мы продолжали поддерживать отношения, несмотря на все сложности, трудности и противоречия с КНР. В том числе старались не прерывать и туристические отношения. Вместе с *Н.М. Калюжной*, доктором наук, крупным специалистом по движению *ихэтуаней*, я попал в туристическую группу в качестве сопровождающего. Руководил этой группой секретарь Тимирязевского райкома партии, а мы, как китаеведы, сопровождали эту группу для того, чтобы что-то показывать, что-то подсказывать и так далее. Вот тогда я увидел, что такое начало «культурной революции». [Тогда ещё не было] такого разгула, о котором потом рассказывали наши специалисты, наши дипломаты, в лице *Ю.М. Галеновича*, *А.Н. Желоховцев* и другие, которые всё это видели и писали об этом. Может быть, было только начало. Но, тем не менее, [был инцидент] в городе Наньчан, когда нас повели на радиоламповый завод. Была экскурсия. Нам предложили пройти по цехам, посмотреть оборудование, как трудятся китайские рабочие. А вот когда мы стали выходить с завода, мы вдруг увидели огромное полотнище – так

называемое «*дацзыбао*», расстеленное прямо на асфальте. Ну, когда мы потом вышли и прочитали, там было написано: «Долой советских ревизионистов (*дадао сусю*)!» и прочие надписи. Но мы не знали как перепрыгнуть – невозможно! Эта «газета» была величиной с комнату. Обойти – тоже. Всё было сделано так, чтобы мы наступили на это [препятствие]. Кто-то сделал огромный прыжок. Кто-то старался ступить между иероглифами. Ну, в конце концов, наша группа вышла, удивлённая. Мы перевели нашим товарищам, что там было написано. Начальник группы сразу потребовал автобус, чтобы нас доставили в гостиницу. Но не тут-то было! Когда мы стали выходить с территории завода, думая, что направляемся к автобусу, нас окружили *хунвэйбины* с нарукавными повязками, с цитатниками Мао Цзэ-дуна, и сказали: «Сейчас мы будем вас судить! Вы растоптали наше “дацзы бао”! Вы надругались над нашими лозунгами, и мы будем вас судить!» Надо сказать, что судили они нас довольно оригинально, выкрикивая всякого рода лозунги антисоветского содержания, зачитывая те или иные цитаты из красной книжечки, цитатника Мао Цзэ-дуна, продержав нас примерно три часа. Нас окружили *хунвэйбины*, мы стояли спинами к ним, женщин взяли в середину, особенно не реагируя на их вопли. Наш руководитель заявил протест, требуя, чтобы нас отправили в гостиницу. В конце концов, этот «суд» через несколько часов закончился, нас посадили в автобус и отвезли в гостиницу. На следующий день руководитель нашей экскурсии, китаец, появился как ни в чём не бывало и предложил поехать и посмотреть очередную достопримечательность. Как поедим?! Вы такое совершили! Потом в посольстве сказали, что нужно было на этом прервать наше путешествие по Китаю и с протестом возвращаться в Пекин. Ну, слава богу, что наш руководитель проявил мудрость и, тем не менее, не поехал в Пекин, а мы продолжали экскурсию. Это дало нам возможность хотя бы ещё чуть больше посмотреть Китай. Так мы попали в Гуанчжоу, посмотрели Ухань.

ВГ: На юге было поспокойнее?

ЮЧ: Да, спокойнее. И вот тогда я впервые увидел в Ухане памятники советским лётчикам, погибшим, защищая китайское небо. Примерно 20 скульптурных изображений наших лётчиков.

ВГ: Возможно, это также повлияло на ваши дальнейшие интересы?

ЮЧ: Конечно! Совершенно верно! В настоящее время я поставил вопрос, в частности, перед академиком *М.Л. Титаренко* и перед Г.В. Куликовой, его заместителем по линии Общества российско-китайской дружбы: нельзя ли организовать поездку туда ветеранов войны? Пусть даже те ветераны, которые воевали в Китае в 1920-е и 1930-е годы, уже все «почили в бозе». Нужно поехать и поклониться нашим могилам и памятникам, которые, кстати, поставили не коммунисты, а гоминьдановцы. И нужно это иметь в виду! И я подумал, что было бы целесообразно не только возложить венки, но и, может быть, прочитать лекции для китайской молодёжи, напомнить об этих событиях. Не все ведь о них знают, и китайская молодёжь тоже, не говоря уже о нашей! Мне сказали – надо подождать до

следующего 2010 года, когда будет отмечаться 65-я годовщина окончания [Второй мировой] войны и какую-то поездку, возможно, удастся предпринять.

ВГ: Что вы считаете для себя главной научной темой сегодня?

ЮЧ: Безусловно, изучение новой истории Китая. В частности, по-прежнему, изучение предсиньхайского кризиса начала XX века. Эту тему я исследую в настоящий момент, имея в виду написать к 2012 году монографию «Крах монархии в Китае»⁷. С этой темой хотелось бы, может, ещё раз съездить в Китай. Хотя в последнее время я занялся [ещё и] анализом российско-китайских отношений, нашим стратегическим партнёрством. А может, попасть также на Тайвань, где есть архивы по деятельности Сунь Ят-сена и его сторонников перед Синьхайской революцией.

ВГ: К какой школе вы себя причисляете?

ЮЧ: Ну, я бы назвал школу академика Тихвинского.

ВГ: В каких общественных востоковедных организациях вы состоите?

ЮЧ: Состою в Ассоциации российских востоковедов. Являюсь членом Общества российско-китайской дружбы.

ВГ: В каких научных организациях вы работали?

ЮЧ: С 1962 года по настоящее время, то есть более 45 лет, я работаю в *Институте востоковедения*, в частности, в Отделе Китая. Короткое время работал по совместительству в *Институте Дальнего Востока*, по приглашению Михаила Леонтьевича Титаренко, и даже полгода преподавал историю Китая в ВИИЯ КА (Военный институт иностранных языков Красной армии). В Отделе Китая я работал с известными советскими китаеводами. В частности, с академиком С.Л. Тихвинским, который после ликвидации *Института китаеведения*, вернее, его слияния с Институтом востоковедения, стал заместителем академика *Б.Г. Гафурова*, возглавлявшего Институт народов Азии АН СССР – так он тогда назывался. Я работал с такими крупными специалистами, как доктор *Р.В. Вяткин*, профессор *Л.П. Делюсин*, доктор *О.Е. Непомнин*, доктор *Л.Н. Борох*. Что нас объединяло? Любовь к истории и культуре Китая.

ВГ: Можете сказать несколько слов о Р.В. Вяткине, Л.П. Делюсине, об их человеческих и научных качествах?

ЮЧ: Если говорить коротко об этих людях, то я могу сказать, что именно эти люди и, конечно, не в последнюю очередь С.Л. Тихвинский, – они научили меня понимать Китай. Вот это очень важная вещь! Ведь когда ты просто изучаешь те или иные аспекты китайской жизни или истории, ты можешь делать это и не заглядывая в глубинные структуры, как это принято сейчас говорить, в менталитет китайской нации. Не понимая традиций, которые и вчера, и сегодня продолжают играть огромную роль в развитии китайской цивилизации и государственности, в социальной жизни китайского народа вообще. Эти люди меня научили, во-первых, изучать китайский язык. Разговорной практики у меня было немного. А вот изучать китайский язык для чтения китайской литературы и источни-

⁷ Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М., 2013. 392 с.

ков, – этому я научился у этих людей. В частности, докторскую диссертацию С.Л. Тихвинского я читал внимательнейшим образом и знал почти «назубок». Она мне казалась и вчера, и сегодня «эталоном» изучения соответствующей научной темы. И я бы сказал, может быть, на меня не обидится Сергей Леонидович, что это была вершина его научного творчества. Конечно, он написал потом много других работ. И я принимал участие (он меня попросил об этом) и помогал ему в организации издания пятитомника собрания его сочинений, которое вышло не так давно. Но я считаю вершиной его научного творчества, его научным подвигом, если можно так выразиться, его диссертацию, связанную с деятельностью китайского реформатора XIX века *Кан Ю-вэя*.

Р.В. Вяткин – крупнейший учёный, хотя внешне не производил впечатления человека, который стоит на каком-то пьедестале и гордится этим. Был очень прост в обхождении. Когда он руководил отделом, то интересовался и личной жизнью [коллег]. И даже, можно сказать, когда у меня были чисто житейские трудности, мне нужно было купить кооператив и менять квартиру – к сожалению, жена не смогла жить в одной квартире с моей матерью на Плющихе и пришлось отделяться, – он давал мне деньги взаймы. Так же, как и Сергей Леонидович, помогал мне материально в этом плане. Р.В. Вяткин стал известен не просто своими исследованиями в области изучения исторической науки в КНР. Он значительную часть своей жизни посвятил именно этой тематике. Но она в конце концов подвинула его к научному подвигу. Он стал переводить, первоначально с нашим крупным специалистом *Таскиным*, «*Исторические записки*» *Сыма Цяня*. К сожалению, смерть не дала ему возможность довести [работу] до конца. Осталось несколько, буквально 10 или 15 непереверждённых глав. Сейчас его сын *А.Р. Вяткин* пытается с помощью других специалистов завершить труд отца. Но, во всяком случае, те восемь томов, которые вышли в свет (а это 120 глав труда Сыма Цяня), – это подвиг! Потому что полный Сыма Цянь сегодня в переводе на какой-либо другой иностранный язык просто отсутствует⁸.

ВГ: Причём нужно отметить, что это профессиональный, очень качественный перевод.

ЮЧ: Совершенно верно! С огромным количеством примечаний, разъяснений тех или иных вещей. Это научный подвиг – иначе это нельзя оценить.

Лев Петрович Делюсин занимался некоторыми сюжетами, которые были далеки от моих интересов, от моей тематики. В частности, он изучал аграрные вопросы в Китае, движение компартии за решение аграрного вопроса. Он занимался вместе с *А.С. Костяевой* историографией китайской революции 1925–1927 годов. Кроме

⁸ Подготовленные Р.В. Вяткиным и В.С. Таскиным первые два тома перевода «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня вышли в 1972 и 1975 гг. После их смерти работу завершил коллектив под руководством А.Р. Вяткина, в который вошли и молодые учёные, и ветераны китаеведения. См.: *Сыма Цянь. Ши цзи («Исторические записки»)*. Т. 1–9 / пер. *Р.В. Вяткина, В.С. Таскина, А.М. Карапетьянца* и др. М., 1972–2010.

всего прочего, он был крупным журналистом, долгое время работал и в Китае, и в наших периодических изданиях, работал в нашем «чжунъяне»⁹. Он прекрасно знал и Китай, и обстановку. Именно у этих людей я и учился понимаю Китая.

ВГ: Что бы вы могли сказать о российском китаеведении в целом?

ЮЧ: Если говорить о российском китаеведении, это несколько сотен, некоторые говорят, что около пятисот специалистов разных возрастов и уровней. Сосредоточена эта «когорта» в основном в Москве, в стенах Института Дальнего Востока, Института востоковедения, *Института стран Азии и Африки при МГУ*. Это Восточный факультет ЛГУ и, кроме того, там есть специалисты в бывшем Санкт-Петербургском филиале нашего института. Сегодня это отдельный институт¹⁰. Первоначально этим филиалом руководил известный китаевед, профессор *Кычанов Евгений Иванович*. Сегодня руководит *Попова Ирина Фёдоровна*. Ну, и известная когорта китаеведов сегодня сосредоточена на Дальнем Востоке, в институте, которым руководит *В.Л. Ларин*. Этот институт изучает экономику, историю, археологию, этнографию и культуру Китая, в основном приграничных районов. Крупнейшие из китаеведов, которых я хотел бы назвать, это, по-прежнему, академик С.Л. Тихвинский, академик М.Л. Титаренко. Это академик *Б.Л. Рифтин* – наш крупнейший литературовед, исследователь китайской мифологии. Это наш крупнейший медиевист, исследователь китайских литературных памятников *Л.С. Переломов*. Это профессор А.А. Бокщанин, профессор О.Е. Непомнин, доктор Л.Н. Борох и философ *В.Г. Буров*. Ну, может, стоило бы и увеличить эту «когорту» людей, имена которых прежде всего пришли мне в голову. Но я пока ограничусь этим. Сегодня это мощный отряд исследователей. К сожалению, его члены стареют, а подпитка со стороны молодёжи пока достаточно ограничена. Тем не менее, перспективы развития отечественного китаеведения я представляю достаточно оптимистично.

ВГ: Можно сказать, что в китаеведении вы уже полвека и один год. Вы были свидетелем подъёмов и спадов в российско-китайских отношениях. Наверно, и наше китаеведение знало соответствующие подъёмы и спады?

ЮЧ: История двусторонних отношений с Китаем, конечно, влияла на развитие советского и российского китаеведения. Причём, влияла по-разному. В частности, в 1956 году был открыт Институт китаеведения, а в 1960 году, под влиянием китайской стороны, не в последнюю очередь Мао Цзэ-дуна, институт был закрыт. И я думаю, что это не лучшим образом сказалось на российском китаеведении. В этом институте были сосредоточены крупные специалисты, которые разрабатывали соответствующие темы, но не успели опубликовать большое количество работ. Институт был закрыт и, в итоге, этот коллектив влился в Институт востоковедения.

⁹ Центральный комитет – кит. *Чжун ян*. То есть работал в ЦК КПСС.

¹⁰ В настоящее время на базе Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН создан Институт восточных рукописей РАН.

ВГ: То есть ссора между Мао и Хрущёвым привела к закрытию Института китаеведения?

ЮЧ: Да! В этом же плане следует рассматривать и полное прекращение научных контактов с КНР в 1964–1984 годах. В 1964 году я всё же попал в Китай, в числе некоторых коллег, в последней когорте учёных. В 1966 году я побывал в Китае уже не как учёный, а как сопровождающий наших туристов. Одним из самых последних попал в Китай. А дальше, до 1984–1985 годов, научные связи были, по существу, прекращены.

«Холодная война» резко ограничила контакты советских китаеведов и с западными коллегами. Редкие встречи, которые были на конференциях китаеведов, имели место в эти годы. На них были С.Л. Тихвинский, Р.В. Вяткин и некоторые наши отдельные китаисты. Они делали доклады, но широких контактов не развивалось.

ВГ: Как повлиял распад СССР на наше китаеведение?

ЮЧ: Конечно, распад Союза повлиял. По некоторым оценкам, у нас в период СССР имелось примерно пятьсот китаеведов, занимающихся изучением Китая. Сегодня в России их, может быть, уже намного и меньше. Некоторые коллеги рискнули уехать в другие страны. Например, Виола Аджимамудова долгое время работала на Тайване, а потом уехала в Америку. Некоторые, привлечённые неплохими заработками, а тогда отношения с Китайской Республикой на Тайване были неоднозначны, рискнули поехать на Тайвань. Я имею в виду отца и сына *Крюковых*. К сожалению, младший – *В.М. Крюков* – погиб на Тайване. Я мог бы назвать и нашего крупного специалиста в области китайской культуры *Е.В. Завадскую (Виноградову)*, которая также работала на Тайване и, к сожалению, умерла вскоре по возвращении на родину. Я имею в виду *А.А. Писарева* и *В.В. Малявина*, которые и сегодня работают там. Ничего страшного в этих отъездах нет, потому что люди набираются опыта, знаний, языка, контактируют со специалистами, обновляют свой «мозговой материал», если можно так выразиться. Изучают подходы к Китаю со стороны своих и западных, и китайских коллег. Но как-то начало ощущаться отсутствие многих из этих людей. В то же время я должен сказать, что с распадом СССР [наше] китаеведение не погибло. Во-первых, Институт Дальнего Востока продолжает своё развитие. В инициативной группе, хлопотавшей о воссоздании Института китаеведения, можно сказать, на новой основе, участвовали академики Тихвинский и Титаренко и некоторые другие. В итоге было принято решение создать ИДВ. Сегодня он функционирует, там работает больше 200 научных сотрудников. Академик Титаренко, который возглавил институт, по-моему, с 1985 года, показал себя не только как прекрасный учёный, но и как прекрасный «менеджер», организатор востоковедного процесса в рамках этого института.

ВГ: ИДВ – это, ведь, тоже продукт своего времени. В чем специфика ИДВ, по сравнению с Институтом востоковедения?

ЮЧ: После образования ИДВ туда ушла значительная когорта востоковедов, которые были связаны с изучением новейшей истории Китая и социально-политической ситуации в [современном] Китае. Из нашего Института народов Азии ушли многие мои коллеги. В частности, Саша (*А.М.*) *Григорьев*, с которым я учился в аспирантуре. Ушёл Владик Сорокин и некоторые другие товарищи. И образовалось своеобразное условное разделение труда между ИДВ и Институтом востоковедения. Отдел Китая в Институте востоковедения стал заниматься историей Китая до 1949 года, до образования КНР. ИДВ, нужно сказать, изучает не только Китай. В какой-то степени он продолжает изучать Японию, Корею и Монголию. Что касается Китая, то ИДВ сосредоточил свои усилия на изучении современной Китайской Народной Республики, её истории, особенно после реформ 1978 года и так далее. Своеобразное разделение тематики сохраняет свою силу и сегодня.

ВГ: Какие исследования, мероприятия и публикации можно отнести к важнейшим научным достижениям этих двух институтов?

ЮЧ: Если говорить о крупных достижениях в изучении Китая каждого из этих подразделений, то я бы назвал следующие. Для ИДВ – это новейшая история Китая. В 1970-е и 1980-е годы они опубликовали несколько томов истории Китая с 1919 до 1949 года. В последнее время доктор *В.Н. Усов* написал и издал историю КНР (в двух томах). Научные сотрудники ИДВ подробно исследуют китайские реформы, реформы «с китайской спецификой», и российско-китайские отношения. Исследование истории российско-китайских отношений в прошлом и настоящем было и остаётся важной стороной деятельности ИДВ. В частности, под руководством академика *В.С. Мясникова* были изданы материалы и документы о российско-китайских отношениях в XVII–XVIII веках, о миссиях в Китай *Фёдора Байкова* и *Ивана Петлина*, о деятельности и трудах *Иакинфа Бичурина* и *Спафария*, и так далее. Сотрудники ИДВ (в частности, *А.М. Григорьев*) разработали важную тему «Коминтерн и китайская революция», издав пять томов ценных архивных документов. В последние годы Институт Дальнего Востока внёс серьёзный вклад и в изучение китайской культуры, выступив инициатором создания многотомной энциклопедии «Духовная культура Китая»¹¹. Профессор *Л.С. Переломов*, который ещё в 1960-е годы перевёл древний трактат «Книга правителя области Шан» (*Шан цзюнь шу*), выполнил также полный перевод с комментариями главного конфуцианского канона «Лунь юй».

Если говорить о некоторых недостатках, связанных с нашей историографией Китая, то надо сказать, что на нас, даже в период полемики с Китаем, конечно, в значительной мере влияла китайская историография и подход к изучению Китая с точки зрения того, что говорят и думают об истории Китая китайские руководители и китайские историки. И в значительной мере все были сосредоточены на истории КПК. Но ведь история Китая в новейшее время – это, в общем-то, история Китайской Республики под руководством *Гоминьдана*. Как можно

¹¹ Энциклопедия «Духовная культура Китая». Полностью издана в 2006–2010 гг. в 6 томах.

изучать историю Китая и Китайской Республики, не изучая, что делал, как вёл себя Гоминьдан в этот период? Какая была внутренность Китая? Ведь КПК это определённая часть, но не вся история. Это, конечно, серьёзный недостаток, который только сегодня начинает постепенно выправляться.

О деятельности отдела Китая Института востоковедения. Крупнейшим достижением под руководством Сергея Леонидовича Тихвинского я считаю создание «Новой истории Китая» (истории Китая периода правления династии *Цин*). Писалась она большим количеством людей – чуть ли не 40 человек было собрано. Идея создания «Новой истории Китая» зародилась у Сергея Леонидовича как только он стал руководить отделом Китая, после того как был ликвидирован Институт китаеведения. Он ещё раньше думал об этом. Но особенно занялся, когда уже стал руководить отделом Китая в рамках Института народов Азии, а в дальнейшем Института востоковедения. На это ушло примерно 10 лет. В итоге, в 1972 году «Новая история Китая» появилась. На уровне того развития нашей китаеведческой науки это, безусловно, был большой вклад и большое достижение. Сегодня можно по-разному оценивать те или иные выводы, которые были сделаны, тот массив материала, который был собран под эту работу. Но надо сказать, что достижением отдела Китая в рамках создания этой работы явился также четырёхтомник переводов китайских источников по различным аспектам новой истории Китая. Во-первых, это памятники, связанные с *тайпинским движением*, переведённые под руководством профессора *В.П. Илюшечкина*. Доктор *Н.М. Калюжная* сама перевела материалы, связанные с *движением ихэтуаней*. Она опубликовала большой сборник материалов, связанных с этим движением. В дальнейшем появился сборник материалов, связанных с Синьхайской революцией. В значительной мере были изданы в переводе на русский язык с комментариями те материалы, которые появились в восьмитомнике («Синьхайская революция»), изданном в Китае. И наконец, доктор *Ю.М. Гарушняц* – к сожалению, он не стал профессором¹² и сегодня уже не работает в нашем отделе – сформировал и издал сборник материалов, посвященный «*движению 4 мая*». Вот эти материалы, китайские источники, переведённые на русский язык, были в значительной мере подспорьем для создания огромного труда – «Новой истории Китая». Значительным достижением российского китаеведения, как ИДВ, так и отдела Китая не в последнюю, а, может, даже в первую очередь, является анализ материалов, связанных с развитием китайской культуры. Здесь я в первую очередь назвал бы своих коллег – доктора *Л.Н. Борох* и доктора *А.И. Кобзева*. Они создавали сборники под названием «Конфуцианство в Китае», «Дао и Даосизм в Китае», «Личность в традиционном Китае», «Китайские социальные утопии», «Этика и ритуал в Китае», «Человек и Природа в Китае». Книга «Культы, религии и традиции в Китае» – работа, которая была издана в 1970 году *Леонидом Сергеевичем Ва-*

¹² Ю.М. Гарушняц не стал и доктором наук, защитив в 1969 г. кандидатскую диссертацию по истории в форме научного доклада.

силъевым. Культурологические исследования в отделе Китая Института востоковедения РАН реализовывались также в трудах профессора *Станислава-Роберт Кучеры*. Помимо его трудов по изучению достижений китайской археологии, хотелось бы назвать его перевод значительной части трактата «*Чжоу ли*», входящего в конфуцианский канон. Важным достижением отдела Китая ИВ РАН следует считать ежегодное проведение научных конференций «*Общество и государство в Китае*». Эти конференции, которые начали проводиться с 1970 года (их инициатором был тогдашний руководитель отдела Китая Лев Петрович Делюсин), собирают значительное число отечественных китаеведов, представляющие коллегам свои новые научные разработки. Публикуются ежегодные сборники тезисов этой конференции. Уже выпущено 42 сборника, которые в совокупности, хотя бы с точки зрения тематики, в известной мере можно рассматривать как квинтэссенцию развития советского и российского китаеведения¹³.

ВГ: Хотелось ещё только пожелать, чтобы в этой известной конференции принимало участие большее число иностранных коллег! Говоря о достижениях отечественного китаеведения, хотелось бы также упомянуть такой гигантский проект, такое крупное библиографическое событие, как издание четырёхтомного *Большого китайско-русского словаря* под редакцией профессора *И.М. Ошанина*. Помнится, вы сами высказывали идею о возможности его переиздания.

ЮЧ: Совершенно верно. Это было крупнейшее библиографическое событие. Словарь вышел, если мне не изменяет память, в 1984 году. В этом году исполнится двадцать пять лет со дня его выхода. Словарь содержит около 250 000 слов и выражений. Наши студенты-китаеведы, в частности мой сын и мой внук, учились активно используя этот словарь. Уже в 1980-е годы его было трудно купить, так как он разошёлся достаточно быстро. Поэтому я бы выдвинул идею о переиздании этого уникального словаря. Тем более что китайский язык всё время обогащается новыми терминами, новыми выражениями. И хотелось бы, хотя это было бы, наверно, и очень сложно, наполнить его новыми словами и выражениями, которые, безусловно, появляются в китайском языке сегодня.

ВГ: Думаю, вы согласитесь, что, появившись во второй половине XX в., БКРС Ошанина стал как бы синтезом всех прежних достижений российского китаеведения в области составления словарей, словарного творчества.

ЮЧ: Безусловно. Это подвиг нашего крупнейшего китаеведа И.М. Ошанина. Когда Илья Михайлович Ошанин издавал этот словарь, он посвятил его светлой памяти другого крупнейшего российского китаеведа *Василия Михайловича Алексеева*. Кстати, как известно из воспоминаний людей, которые работали с Ильёй Михайловичем в тот период, профессор Ошанин попал в Китай и работал переводчиком во время нашего сотрудничества с Сунь Ят-сеном, во время событий китайской революции 1925–1927 годов. Уже тогда он проявлял свои прекрасные

¹³ См.: Общество и государство в Китае. Указатели (I–XL научные конференции). Учёные записки Отдела Китая. Вып. 4. М, 2011.

знания китайского языка и работал с нашими советниками в Китае. А в дальнейшем стал нашим крупнейшим учёным, крупнейшим специалистом, который собрал большую группу коллег. Она так и называлась «Сектор Большого китайско-русского словаря». Работа началась ещё в период создания Института китаеведения, то есть длилась лет двадцать. Над словарём работал приличный коллектив. В конце концов, работа была завершена и словарь был издан.

ВГ: Я слышал, что в конце 1920-х годов И.М. Ошанин работал и преподавал в Университете имени Сунь Ят-сена в Москве. Вы не были лично знакомы с И.М. Ошаниным?

ЮЧ: Как же не был? Конечно, был знаком. Потому что я попал в аспирантуру в 1958 году. Он принимал у меня экзамены по языку и задал, как мне сегодня кажется, элементарнейший вопрос. Понимая, что я, конечно, не очень хорошо знаю язык, он хотел побеседовать со мной на примитивном уровне и спросил: «Какой университет вы окончили? (*Ни ши шэма дасюэ бие ла ма?*)». Но поскольку я попал в аспирантуру не сразу после окончания исторического факультета, если говорить откровенно (надеюсь, вы согласитесь, что во время нашего интервью я рассказываю достаточно откровенно о моей научной судьбе и, надеюсь, никого не обижаю!), после четырёх лет, которые я преподавал историю СССР и политическую экономию в одном из техникумов Москвы, я стал думать: «Что такое *дасюэ*? Великое учение, или что?» В конце концов, кто-то другой, сидящий рядом, подсказал мне, что такое *дасюэ*. И я что-то пролепетал. Потом, конечно, я взялся за более глубокую проработку своего разговорного китайского языка. Но, вот видите, попадал иногда в такие ситуации, о которых сегодня вспоминаешь со смехом. А тогда мне было не смешно! Вот таким образом я и познакомился с профессором И.М. Ошаниным!..

ВГ: В дальнейшем вы с ним вместе работали?

ЮЧ: В дальнейшем мы работали в одном отделе. Поскольку Институт китаеведения потом вошёл в Институт востоковедения (тогда назывался Институт народов Азии АН СССР), был образован достаточно большой отдел Китая, которым стал руководить будущий академик С.Л. Тихвинский. А директором всего института был академик Б.Г. Гафуров [бывший первый секретарь КПСС Таджикистана]. Они находились в Армянском переулке, в здании бывшего *Лазаревского института*. А нам, как отделу Китая, отвели помещение в Хохловском переулке у Покровских ворот. Поэтому мы бегали туда-сюда. Кстати сказать, Синологическая библиотека, которой сегодня гордится Институт Дальнего Востока, начала формироваться как раз в рамках отдела Китая, куда нас перевели из Института китаеведения. Поскольку я был аспирантом у академика С.Л. Тихвинского, он решил произвести некоторую смену кадров, как это бывает модно, в том числе и на самом высоком уровне, и назначил меня учёным секретарём. То есть своим учёным помощником по тем или иным делам в рамках Отдела Китая. Вот тогда я немножко руководил тремя секторами, которые вошли в отдел Китая. Это сектор истории – им тог-

да руководил профессор Р.В. Вяткин. Это Сектор новой и новейшей истории – им руководил умерший, к сожалению, достаточно рано профессор *Н.П. Виноградов*. И отдел Большого китайско-русского словаря. А был ещё сектор литературы, которым руководил профессор *Л.З. Эйдлин*, если вы слышали об этом китаеведе.

ВГ: Конечно! Юрий Владимирович, а что можно сказать о влиянии западной науки и синологии на отечественное китаеведение?

ЮЧ: Надо сказать, что распад СССР в значительной мере повлёк за собой наше большее знакомство с материалами, связанными с развитием западного китаеведения. Были ли мы знакомы с трудами западных синологов? Конечно, некоторые из нас, включая вашего покорного слугу, изучая те или иные сюжеты, знакомились с работами, которые писали английские, американские и японские исследователи. В частности, я знакомился с работой американского профессора Левинсона «*The Mind of Modern China*», с работой Камерон (Cameron) о китайских реформах, с работой синологов Винейка, Джонсона, Уайтинга, японского учёного Такэути Минору (Vinake, Johnson, Whiting, Takeuchi Minoru) и других. Но это были отдельные «лагуны», которые мы изучали в зависимости от изучения наших тем и делали это в значительной мере для того, чтобы с марксистской методологии покритиковать западных учёных, сказать своё «веское слово» в противовес их точкам зрения и так далее. А вот в более широком плане влияние западной мысли на отечественных китаеведов было достаточно сложное и неоднозначное. Скажем, в период «холодной войны» знакомство с трудами корифеев западной мысли, с трудами *Вебера*, *Тойнби*, *Парсонса*, было ограничено и не приветствовалось партийно-идеологической элитой. Их труды не переводились на русский язык. Они критиковались с марксистских позиций. Их переводы и издания на русском языке я считаю одним из крупных достижений нашей перестройки, несмотря на все трудности. Это была возможность для русского интеллектуального читателя знакомиться с теми трудами, которые появились у нас в начале 1990-х годов и не издавались в «доперестроечный» период. Перевели Тойнби, перевели многих других корифеев западной исторической мысли. Сегодня много изменилось. Скажем, западные идеи о циклическом развитии Китая, теория цивилизационного подхода Тойнби, его мысли о Вызовах исторического процесса и Ответах на эти вызовы, – эти идеи всё больше привлекают внимание отечественных исследователей, в том числе и историков Китая.

ВГ: Все наше китаеведение до распада Союза развивалось под знаменем марксизма. А потом, после 1991 года, марксизм, вдруг, стал «немодным».

ЮЧ: Совершенно верно. Теперь, я бы сказал, мы стали увлекаться западными теориями, а западные исследователи стали, неожиданно для нас, увлекаться марксистскими идеями. Неожиданно, идеи К. Маркса как бы снова возрождаются. Посмотрим, как будут дальше развиваться все эти процессы.

ВГ: Вы говорили, что были в Японии и общались с японскими китаеведами. Можно ли рассказать о вашем опыте контактов с зарубежными коллегами?

ЮЧ: Мой опыт [таких] контактов достаточно ограничен. Всего я за время своей китаеведческой практики побывал в Китае пять раз. Но самой крупной и плодотворной оказалась, как я уже сказал, годичная стажировка в Фуданьском университете Шанхая в 1985–1986 годах. Она была для меня полезной, в тот период я изучал тему: *Ху го юньдун* («Движение за защиту республики»). Мне удалось написать несколько статей, связанных с биографией Цай Э и некоторыми другими вопросами. Я опубликовал историографические обзоры о том, как это движение изучается в самом Китае. Но выпустить книгу или монографию мне оказалось сложно, потому что занимали меня другие темы и процессы. Увлёкся как раз отношениями Китая с Японией, в связи с сотрудничеством с коллегой Катковой. Но эта стажировка была для меня полезна не только с точки зрения контактов с китайской профессурой – профессор Ян Ли-цян тогда руководил моей работой. Она была для меня интересна и тем, что мне удалось попутешествовать по Китаю. Под Новый год, во время студенческих каникул, я проделал огромный путь, начав движение из Шанхая в сторону Нинбо...

Кстати, в Фуданьском университете китайская сторона предложила нам: или вы живёте вдвоём – тогда, по договору с советской стороной, китайцы не брали с нас никаких денег за проживание в общежитии для иностранных студентов. Или вы живете один – тогда будете частично оплачивать свою комнату. Кого хотите выбирайте для совместного проживания: или иностранного студента, или своих коллег. В посольстве, когда с нами беседовали, прежде чем мы отправились из Пекина в Шанхай, нам сказали: «Ребята, многие из вас хотели бы жить то ли с американскими, то ли английскими или французскими студентами. Дружить надо с студентами-китайцами! Так что, не чурайтесь их, общайтесь и так далее». Поскольку мне не нашлось подходящей пары (или я выходил на человека, который мог бы со мной жить, но был мне несимпатичен), и вы догадываетесь, по каким соображениям, я сказал, что хотел бы жить с китайцем. Это было только начало нашей перестройки. Только в марте или в апреле 1985 *М.С. Горбачёв* пришёл к власти. В июне 1985 года мы появились в Пекине и в Шанхае. И наши товарищи, которые руководили нашей группой, там был и парторг, и руководитель у нас, они сильно удивились: «Как, Юра?! После достаточно сложных отношений ты хочешь ввести китайца в нашу среду?!» А я напомнил им: «А что нам сказали в посольстве? Дружить надо с китайцами! Вот я и хочу дружить с китайцами». [Они] Звонили из Шанхая в советское посольство в Пекине и спрашивали: «Можно ли Чудодееву жить с китайцем?» Там удивились этому звонку, сказали: «Ну пусть живёт, ради Бога!...» Китайцы – довольно оригинальный народ. Они меня спросили: «А с кем бы вы хотели жить?» Я говорю: Ну, с научным сотрудником, если удастся. Они: «Ну, а если не найдём подходящую фигуру?» Я: «Ну, давайте аспиранта или студента, какого-нибудь!» Они: «А вдруг будут трудности?» Я говорю: «В нашем общежитии есть мальчик по фамилии Ван. Он нас раздевает и принимает нашу одежду. Вот его давайте мне в комнату!» Китайцы заулыбались, сразу поняли, что я понял их юмор, и дали мне

лучшего студента истфака, которого звали Вэнь Чжи-гуан! Его дед был крупнейшим специалистом по валютным операциям в период правления Гоминьдана. В период «культурной революции» он в качестве дворника подметал улицы. Я с его внуком – студентом истфака – прожил год в одной комнате, общался и практиковался в знании разговорного языка. В дальнейшем он написал мне, что уехал к своим родственникам в Канаду. Ну и переписка в какой-то момент прервалась...

Так вот, под Новый 1986 год я предложил своим друзьям из нашей группы – у нас ведь были не только гуманитарные стажёры, но и из различных технических институтов – я предложил им поехать на остров Путошань в Чжоушаньском архипелаге, посетить который мне посоветовали другие иностранные стажёры. Это остров, который знаменит тем, что там были крупнейшие памятники буддийской культуры, изваяния из камня и так далее. Мы в конце концов добрались – всю ночь плыли туда на парходике, на паруснике. Отметили Новый год, побродили по острову. Увидели срубленные наполовину лица святых, надписи, выгравированное в камне слово «синь» (сердце), наполовину раскуроченное отбойными молотками хунвэйбинов.

Но мне захотелось получше узнать Китай, и в каникулярный период я отправился из Шанхая сначала в Нинбо, посетил родину *Чан Кай-ши* в деревне Сикоу¹⁴. Китайцы привели её в порядок. Увидел усадьбу, фотографии *Сун Мэй-лин* и всё прочее. Потом я отправился на пароходе дальше. Причём мне хотелось как можно лучше знать Китай, и в дальнейшем, когда я ездил уже на поезде, не только на пароходе, я просил кассиршу дать мне билеты «ин цзо» (жёсткое сидячее место в общем вагоне). Она говорила: нет, не имею права. Я оставлял ей некоторое количество юаней, и она давала. Не потому что я не хотел жить в хороших условиях, [а просто] хотел быть вместе с китайцами, смотреть, как это происходит. Вагон набивался до предела. Люди лежали в проходах, грызли семечки. Потом уборщица ругалась, кричала, чуть ли не матом – ван ба дань! – проклиная всё на свете, убирала за ними. Но я разговаривал, общался с китайцами. Доплыл до Гуанчжоу, оттуда направился на Хайнань. На юг, где сейчас отдыхают наши миллионеры, я не поехал. А был в Хайкоу. Потом переправился с Хайнаня на континент и отправился по железной дороге на Гуйлинь. Я слышал про Гуйлинь, и мне хотелось эти красоты посмотреть. А из Гуйлиня, сев опять на поезд, я отправился в Куньмин, в провинцию Юньнань, и попутешествовал немного по Юньнани. В частности, потом добрался до Чунцина в провинции Сычуань. И я вам скажу, что кроме общения с китайцами, причём с самыми разными слоями китайской общности, не только с профессорами, но и с простыми крестьянами, со студентами, с молодёжью, я увидел китайскую природу. Она меня потрясла! Я подумал, что как бы мы не хвалили свою природу, она, конечно, даже нам россиянам не так уж известна, наша [родная] природа. Не так уж мы много путешествуем по нашей родине. Так, однажды, когда я побывал с лекцией о Китае в Якутске, на

¹⁴ Сикоу – деревня в уезде Фэнхуа, пров. Чжэцзян (родина Чан Кай-ши и его сына Цзян Цзин-го).

Лене, мне сказали местные руководители: «Юрий Владимирович, приезжайте к нам как-нибудь в отпуск, и мы свезём вас в верховья Лены!» Я говорю: «Ну, а что там, ну, ручеек как Волга вытекает!» Они: «Нет! Она вытекает в каньоне! Это каньоны почище знаменитого американского [Великого] каньона». Но я так и не добрался. Но, во всяком случае, природа Китая, в частности Гуйлиня [уникальна]. А в Сычуани я увидел многовековой титанический труд китайских крестьян – выдолбленные ступенями в горах знаменитые террасные поля! И меня, конечно, потрясала китайская природа! Воспоминания у меня огромные и в целом очень положительные! Это связано со знакомством и с людьми, и с природой. Объездил в 1985–1986 годах почти весь Китай, проделав, в общей сложности, более 10 000 км и на поезде, и на пароходе по многим провинциям Китая. Посетил родовые гнезда и Мао Цзэ-дуна, и Чан Кай-ши. Увидел крупные памятники китайской истории, культуры. Если вам знаком Дали, то я был в Дали и видел эти монументы. Я уж не говорю об огромном памятнике Будды в Юньнани и выдолбленный из камня памятник буддийской культуры.

ВГ: С кем из китайских учёных вам приходилось общаться или дружить?

ЮЧ: С огромным удовольствием вспоминаю свои встречи с китайскими учёными Чэнь Чжи-хуа, Ли Фэн-линем, Пань Да-вэем, Ян Ли-цяном, Лу Ганом, Ху Шэн-ху, Чжан Яо и другими. О встречах и опыте общения со многими из них я написал в книге «На глазах меняющийся Китай» (М., 2008), в которой рискнул описать свои впечатления 2006–2007 годов о Китае во время года России в Китае и года Китая в России, когда я специально интересовался российско-китайскими отношениями и беседовал с китайскими учёными. Эту книгу я рискнул отправить своим китайским коллегам Ли Фэн-линю и Чэнь Чжи-хуа и получил от них положительные отзывы, что мне, естественно, было очень приятно!

ВГ: Как вы оказались в Японии? И как общались с японскими коллегами?

ЮЧ: Я оказался в Японии в связи с тем, что мы с *Зоей Дмитриевной Катковой* как раз работали над нашей книгой о китайско-японском взаимовосприятии. Я пошёл к руководителю нашего института, в то время нами заведовал бывший заместитель министра иностранных дел *М.С. Капица*. А я как китаевед знал его ещё раньше. Он был прекрасный лектор. На его лекции о международном положении стекалась вся Москва. А я определённое время своей жизни посвятил и лекторской пропаганде знаний о Китае. Объездил весь Советский Союз, от Бреста до Южного Сахалина и от Архангельска до Душанбе. Я лет двадцать посвятил лекционной пропаганде. За это время (1970–1980-е годы) прочитал, в общей сложности, более 2000 лекций о современном Китае. И когда мы стали заниматься японо-китайскими отношениями, в плане взаимовосприятия, я пошёл к Михаилу Степановичу и сказал: «Миша, я хочу попасть в Японию!» Капица: «Да? Ну, ты мне время от времени напоминай и скажи в Иностранном отделе, что я не против». И так я попал в Японию. На один месяц, это был ноябрь–декабрь 1991 года. Я работал над этой темой, собирал материалы. Японского языка я не знал. Но,

используя свои знания английского и китайского языков, я хотел побеседовать с японскими китаеоведами, которые занимались этими темами. И вот тогда мне организовали встречу. Правда, я работал в Киото. Тогда же попытался связаться с профессором Такэути Минору, который написал ту небольшую статью, которая подвигла нас на развитие этой темы в нашем освещении. Мне удалось с ним встретиться и поговорить. Мне сейчас трудно вспомнить те вопросы, которые я задавал, но, в общем, насколько я помню, это была очень плодотворная встреча.

Меня всегда увлекали не только письменная культура и изучение источников, но и знакомство с природой, архитектурой, с людьми той страны, где я бывал. Я вообще люблю путешествовать. За свою жизнь я посетил примерно тридцать пять стран. В значительной мере в Европе. Ну и восемь стран в Азии. Это Тайланд, Малайзия, Сингапур, Монголия, Япония. Уж не говорю о Китае, где я бывал пять раз. И я, конечно, в восхищении от Японии, от Сада 15-ти камней (Рёандзи)¹⁵. Я всё это видел и мне всё это было очень симпатично, вызывало настоящий восторг. В Японии меня, может, по контрасту с нами и с Китаем поразила гармоничность отношений японцев друг с другом. Потому что в Китае, несмотря на разговоры о гармонии и так далее, мне встречались вещи, которые не очень симпатично вспоминать. Когда китайцы ругались друг с другом используя выражения, которые не хочется повторять. Когда они толкались и, не взирая на разность возрастов, пытались пропихнуть себя в автобус. Или когда молодой человек, сидящий возле стоящей беременной женщины, не уступал ей места. В Японии я ничего подобного не увидел. Конечно, по контрасту, это произвело на меня довольно сильное впечатление, которое сохраняется до сего времени.

ВГ: Участвовали ли вы в международных научных форумах?

ЮЧ: Я участвовал и выступал с докладами на конгрессах востоковедов в Будапеште и в Москве. Участвовал в научных конференциях российских и российско-китайских. Принимал участие, хоть и нельзя сказать, что очень уж активное, выступал с докладами на нашем научном симпозиуме «Общество и государство в Китае».

ВГ: В каком году состоялась ваша поездка в Будапешт?

ЮЧ: Это был 1996 год. Я как раз там делал доклад о взаимном восприятии японцами и китайцами друг друга. Наиболее крупный форум был [также] организован по линии РАН и КАОН в 2006 году. Этот форум был назван: «Россия и Китай: прошлое, настоящее, будущее», на котором я сделал доклад «Россия, Китай и проблемы АТР».

ВГ: Почему и как вы обратились к издательской деятельности?

ЮЧ: Часть своей 50-летней карьеры в Институте востоковедения, примерно 10 лет, я посвятил издательской деятельности. Она оторвала меня на 10 лет от изучения Китая. В 1995 году я обратил внимание дирекции нашего института, проявив какие-то менеджерские способности, на организацию издания ряда тру-

¹⁵ Сад 15-ти камней (Рёандзи) – создан в XV в. в Киото (Япония) в стиле дзэн.

дов. В частности, сумел очень дешёво по тем ценам издать первое издание нашей общей с Зоей Дмитриевной работы по китайско-японскому взаимовосприятию. Все удивились. Кроме того, я помогал в издании биобиблиографического словаря, который организовывала *Софья Давидовна Милибанд*. Сейчас выходит третье издание этого словаря¹⁶. Я помогал доставать деньги, подавать обращение в Российский гуманитарный научный фонд. Институт обратил внимание на мои способности. Я предложил дирекции создать небольшую редакционно-издательскую группу в рамках института, чтобы не нырять в издательские фирмы, которые берут крупные деньги, а нырять прямо в типографию, пройдя определённую предпечатную подготовку в стенах института. Меня назначили руководителем небольшого коллектива, и я потратил на это 10 лет. Я не жалею, потому что я помог своим коллегам, издав больше 300 книг по востоковедной тематике. В частности, был издан ряд книг и по Китаю. В итоге, на каком-то этапе, в связи с возрастом и прочими проблемами, по решению дирекции, я снова вернулся в Отдел Китая. Здесь всё как-то всколыхнулось во мне, и я сразу оказался «воткнутым» в российско-китайский научный форум 2006 года, где делал доклад. Причём «стоял на ушах». Надо было срочно делать доклад, быстро собирать материалы и готовить к выступлению на форуме. Я всё это сделал, потом попросил Сергея Леонидовича Тихвинского помочь мне снова попасть в Китай. Потому что Китай, который я увидел в 2006 году, меня поразил. У меня образовались какие-то контакты. Мне снова захотелось увидеться с китайскими специалистами. Я туда снова попал и довольно быстро написал свою монографию «На глазах меняющийся Китай». Она в какой-то степени компилятивна, потому что я использовал [не только свои] материалы, но там есть и мои наблюдения, и мои выводы там тоже есть. Я решил сконцентрировать в короткой и сжатой форме, донести до нашего читателя китайские реформы, проблемы, решения XVII съезда КПК и развитие российско-китайских отношений. Причём не только в форме рассказа о том, как я понимаю эти отношения. Я решил в первую очередь донести точки зрения китайских специалистов о российско-китайских отношениях – из тех бесед, которые я вёл с китайскими учёными.

ВГ: Как вы оцениваете восприятие образа Китая в России?

ЮЧ: Это вопрос неоднозначный, безусловно. Сказывается влияние истории, неоднозначных отношений двух наших стран. К сожалению, социально-психологическое восприятие не меняется столь быстро, как меняются социально-политические отношения. Перепады этих отношений, конечно, сказываются до сегодняшнего дня. В нашей политологической среде, не скажу, что в научной, а именно в политологической среде, есть мнения, что Китай будет возвышаться, что к нему надо относиться достаточно сдержанно и осторожно, быть готовым

¹⁶ Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов: с 1917 г. / *С.Д. Милибанд*. М., 1995. 763 с.; Востоковеды России, XX – начало XXI века: биобиблиографический словарь. в 2 кн. / *С.Д. Милибанд*. М., 2008.

к разным возможным изменениям в настроении у китайского руководства. Но и в китайской политологической, и не только политологической, а в соответствующей верхушечной среде есть люди, которые также неоднозначно относятся к нам. Мы можем обратить внимание, что в Китае до сего дня публикуются карты, где соответствующие территории нашей страны рассматриваются как «даннические» земли, относящиеся к сфере влияния Китая. Эти карты публикуются. Что касается вооружённого конфликта на *Даманском* (случившегося ровно 40 лет назад, в 1969 году), то китайская сторона организовала, по моим сведениям, чуть ли не музей на Даманском. Освещение в некоторых публикациях войн России с Китаем, естественно, интерпретируется неоднозначно, в том числе и с не очень приятным для нас оттенком. Нельзя сказать, что это – мнение сегодняшнего китайского руководства. Но надо сказать, что все издания сегодня в Китае контролируются государством. Там нет частных изданий, и это, конечно, в известной мере настораживает. Но нам никуда не деться от нашего соседа, так же, как и им от нас. Главный опыт, который китайцы вынесли из XX века, это вывод о необходимости обеспечить стабильное развитие своего государства. Причём они готовы идти даже на жёсткие меры, чтобы пресекать любые попытки дезорганизовать ситуацию в стране. Это показали события в Синьцзяне, в Тибете и так далее. Но они также хотели бы стабилизировать ситуацию и вокруг Китая – и в региональном, и в более широком масштабе. Думаю, что здесь у нас будут продолжаться отношения, которые в перспективе должны экстраполировать в будущее то, что мы наблюдаем в наших отношениях сегодня. Китайцы хотят выйти к 2020 году на достаточно высокий уровень не только своего общего ВВП, который может чуть ли не сравняться – я не очень уверен, что это будет сделано к 2020 году – с масштабами американского ВВП. Но они хотят поднять уровень жизни народа. Потому что проблемы, которые встали перед Китаем в последние годы, конечно, озадачили китайское руководство, и они пытаются их по-своему решить.

ВГ: Как вы оцениваете изменения в Китае за последние десятилетия?

ЮЧ: Изменения, которые произошли в Китае за последние десятилетия, я оцениваю, безусловно, положительно. Я рад за Китай и китайцев! Взгляд у меня на развитие наших отношений оптимистичный. Обеим странам нужна стабильность внутри, на региональном и глобальном уровнях. И главный урок, как я уже сказал, который извлекли китайцы в XX столетии, это необходимость мирного и стабильного развития. В ближайшие десятилетия Китай может вполне вырваться на первые места в мире по ВВП. Но решит ли он при этом все проблемы, которые мучают его сегодня? Сделает ли резкий рывок в инновационном развитии, – вот это вопросы, на которые вряд ли кто может ответить сегодня однозначно. По крайней мере, Запад будет стараться не дать ему вырваться серьёзно. Сегодня отставание Китая по технологиям от Запада, как признают некоторые исследователи, составляет примерно 15–20 лет. И Запад будет стараться эту дистанцию сохранять.

ВГ: Как вы следите за текущими событиями в Китае?

ЮЧ: Я слежу за событиями через наши китаеведные и востоковедные периодические издания (журналы «Проблемы Дальнего Востока», «Восток», «Азия и Африка сегодня»), через информационные бюллетени ИДВ РАН, российскую печать, труды моих коллег, а также через Интернет. Если говорить прямо, я не имею возможности читать китайскую прессу, потому что она просто не доходит до нас, и времени у меня не остаётся для того, чтобы просматривать хотя бы «*Жэньминь жибао*». Когда я был в Китае во время командировок, я, конечно, брал китайские газеты. И первое, что меня потрясло, на следующий день после окончания XVII съезда [КПК], я не увидел в газетах доклад Ху Цзинь-тао. Но когда я встретился с одним из ведущих китайских специалистов Ли Фэн-линем и спросил его: «В чём дело, где доклад? Как это?» Он улыбнулся и сказал: «У нас немножко другая практика, нежели у вас во времена Брежнева, когда доклад Брежнева на съездах тут же публиковался как руководство к действию. У нас члены Политбюро разъезжаются по стране, собирают замечания, учитывают настроения, и только после этого, с учётом всех этих факторов, доклад публикуется. Но, если хотите, я вам дам текст». И он мне через неделю после завершения съезда (именно тогда состоялась наша очередная беседа) вручил мне доклад Ху Цзинь-тао на русском языке. Правда, он спросил: «Какие вопросы вы привезли?» Я намеревался задать ему и его коллегам более 50 вопросов (господин Ли попросил оставить их ему), многие из которых, естественно, не успели выясниться. Но мы обсуждали главный вопрос о российско-китайских отношениях. Я много почерпнул от беседы с ним. Кстати, это [мнение Ли] вызвало острое недовольство С.Л. Тихвинского, и он опубликовал по этому поводу свою отповедь Ли Фэн-линю, который оценивал советско-китайский договор 1950 года как неравноправный, с точки зрения Китая. Ли мне сказал, что не может быть равноправных отношений между странами, которые находятся в разных «весовых» категориях. Я всё это рассказывал Сергею Леонидовичу Тихвинскому. Он удивлялся, возмущался и так далее. Но, неожиданно для себя, открыв № 3 журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2007 год, я увидел, что все эти идеи, которые излагал мне Ли, были опубликованы в переводе на русский язык в виде его предисловия к соответствующему сборнику китайских статей о российско-китайских отношениях. Когда я изложил это С.Л. Тихвинскому и спросил: «Как, Сергей Леонидович, смотрите, что происходит?» Он сказал: «Ну, Юрий Владимирович, и нам нужно подвигаться, чтобы давать возможность и другим точкам зрения присутствовать в нашем китаеведении, спорить с ним». Так что, и мы, в известной мере, подвигаемся. Перестаём оставаться «кондовыми», какими мы были до последнего времени.

ВГ: Какую научную работу вы ведёте сегодня?

ЮЧ: Что касается программы моей научной работы, я участвую сегодня в написании 10-томной «Истории Китая», которую задумал и реализует академик С.Л. Тихвинский. «Воткнулся» в тот том, который связан с предсиньхайским пе-

риодом. Им руководит О.Е. Непомнин. Я пишу про предсиньхайский кризис, связанный с либеральным и революционным движением.

ВГ: Есть ли у вас ученики?

ЮЧ: Непосредственно учеников, которых я воспитывал как аспирантов, у меня не было в последние годы. Но, в известной мере, я мог бы считать своими учениками своих сына и внука. Они пошли по моим стопам. Оба закончили историческое отделение ИСАА при МГУ. Сын работает в журнале «Итоги» и время от времени пишет по китайской тематике, а внук сегодня работает в нашем представительстве на острове Тайвань.

ВГ: Ваши самые большие научные достижения?

ЮЧ: Если говорить о самых больших достижениях, повторяю, что я вырастил два поколения китаеведов. Правда, в науку они не пошли. Плюс, своими достижениями я считаю публикацию научных трудов, в частности трёх монографий и семидесяти статей, с положительными откликами коллег. Если говорить о разочарованиях, то, думаю, они ещё могут быть впереди, не исключаю.

ВГ: Принимали ли вы участие в переводах китайских памятников?

ЮЧ: Нет, к сожалению, не принимал.

ВГ: Каково, на ваш взгляд, будущее отношений между Россией и Китаем?

ЮЧ: Я уже сказал, что считаю наиболее оптимальной именно экстраполяцию на будущее наших сегодняшних отношений с Китаем. Хотя нельзя исключить, что возможны и определённые перепады в наших отношениях, связанные с повышением Китая и развитием нашей страны. Дело в том, что сегодня мы [в России] никак не можем развить нашу технологическую инновационную структуру, чтобы на базе новых технологий перейти к развитию конкурентоспособных товаров, которые могли бы заинтересовать китайскую сторону. Мы уже отстаём от Китая в плане развития экономических потенциалов. На сегодня мы остаёмся поставщиками сырья, а именно, углеводородов. А что будет дальше? Надо сказать, что некоторые люди [в России], не только в кругах наших политологов, но и на уровне массового обыденного сознания, считают, что в дальнейшем мы можем превратиться чуть ли не в сырьевой придаток Большого Китая. Хотя некоторые китайские коллеги, с которыми я беседовал, Ли Фэн-линь в частности, заявляли мне, что они ничего страшного в этом не видят. Может, здесь была и определённая их заинтересованность в таком развитии событий, я это не исключаю. Но он мне сказал, что лишь бы народ лучше жил. Вкладывайте зарабатываемые деньги в улучшение жизни народа, и всё будет нормально.

В народе, особенно на Дальнем Востоке, иногда возникают мысли, связанные чуть ли не с возможностью территориальных захватов китайцами наших не очень обжитых земель. Иногда пугают наших людей возможностью обширной китайской миграции на нашу территорию. Эти настроения имеют место. Кое-что нам иногда не нравится в поведении китайской стороны, в тех публикациях, которые мы иногда читаем. Но я должен сказать, что не надо преувеличивать все эти мо-

менты, потому что наши связи с Китаем насчитывают не один год, и даже не одно десятилетие.

ВГ: И даже не одно столетие!

ЮЧ: И не одно столетие. Если говорить о китайских рабочих, которые появляются на нашей территории для работы на соответствующих договорных началах, так ведь надо вспомнить историю! Ещё в годы Первой мировой войны трудовой отряд из ста пятидесяти тысяч китайцев строил Мурманск, мурманский порт и стратегическую железную дорогу до Петрограда. А с ростом потребностей России в рабочей силе рекрутирование рабочей силы в Китае стало важной частью и государственной политики. Мы не должны пренебрегать возможностью использовать китайский труд в нужных направлениях. Конечно, на соответствующих договорных началах и на базе законов, действующих на нашей территории.

ВГ: Нужно сказать, что сегодня немало бригад китайских рабочих трудятся на объектах строительства тех же высоток Делового центра в Москве. Правда, кризис ударил и по этой стороне нашего сотрудничества. Объекты строительства, например башня «Федерация», замораживаются. А китайские рабочие, к сожалению, вынуждены возвращаться на родину.

ЮЧ: Если вернуться к будущему наших отношений, то, я думаю, китайская сторона понимает, что им нужно иметь, по крайней мере, не враждебно настроенного соседа. И нам нужно учитывать китайский интерес. Насколько я понял из бесед с китайскими специалистами и обывателями, особенность китайской нации связана с тем, что у них существует острая реакция, связанная, конечно, с историей, на любые попытки ущемить их национальное достоинство, их гордость, их менталитет, «лицо» и так далее. Но они также понимают, что и мы тоже – нация, которая вряд ли простит обиду в свой адрес. Вот я привёл [в своей работе] высказывание китайского политолога Тан Пин-иня. Он пишет, что нет ничего более опасного для безопасности Китая на континенте, чем враждебно настроенная Россия. По его мнению, Китай должен приложить максимум усилий, чтобы заново усиливающаяся Россия была Россией дружеской. Будучи гордой нацией, пишет Тан Пин-инь, Россия больше всего не терпит пренебрежительного отношения к себе. А история доказала, что для тех, кто пренебрегает Россией, Россия становится самым опасным врагом. Поэтому мы должны уважать Россию, добиваться дружеского партнёрства с ней и тогда, когда она станет более сильной страной. Я думаю, что эти же строки мы, россияне, можем перенести и на наше отношение к Китаю.

ВГ: Как вы оцениваете развитие отечественного китаеведения в целом?

ЮЧ: Пока оно развивается в целом достаточно автономно и самодостаточно. Интерес западных и китайских учёных к нашим исследованиям пока достаточно ограничен. Здесь сказываются, конечно, трудности языка. С русского языка всё-таки переводить проблемно. А английский язык распространён в мире более ши-

роко. Сегодня интерес к русскому языку в Китае стал угасать. Молодёжь рвется учить английский язык.

Что касается миссии российского китаеведения, я считаю, что это высокая миссия – ознакомление российской общественности с Китаем, нашим самым большим соседом. А вот перспектива, думается, связана с притоком новой молодой поросли. Но это требует и внимания, и денег, в частности, государственного финансирования.

ВГ: Кстати, а как финансировалась ваша научная деятельность?

ЮЧ: Она финансировалась достаточно скромно. Но поскольку все мы в СССР жили по одному стандарту, этого в основном хватало. Это была зарплата, которой хватало на жизнь, по тем ценам, когда мясо стоило 2 рубля, а водка, между нами говоря, стоила 3 рубля. А я получал 300 рублей, так что этого хватало. И, кроме того, я подрабатывал на лекциях, ездя по России по линии общества «Знание», просвещая наш народ в какой-то большей степени, чем это давало советское радио и телевидение. И это, конечно, помогало. Сегодня стало жить сложнее. Зарплата российских учёных была до последнего времени достаточно ограничена, особенно в 1990-е годы. Сейчас она стала немножко прибавляться, но кризис опять может чуть-чуть [её] подорвать.

ВГ: Какие качества необходимы настоящему китаеведу?

ЮЧ: Это любовь к изучаемому предмету. Надо любить тот предмет, который ты изучаешь, и внимательно относиться к глубинным основам той культуры [Китай], которая чрезвычайно богата и интересна. Плюс – хорошее знание китайского языка. Это то, чего мне очень не хватало всю мою научную карьеру. И я бы порекомендовал будущим специалистам по Китаю, конечно, изучать китайский язык так, как его изучали наши крупнейшие специалисты, которые «долбили» каждый день, рисуя иероглифы в трамвае, в метро или где-нибудь. Я знаю, например, профессора Ю.М. Галеновича. Знаю, как изучал язык профессор Р.В. Вяткин, академик С.Л. Тихвинский, когда он учился у знаменитого академика В.М. Алексеева. Я бы сказал, что надо улучшать материальное положение российских китаеведов и увеличивать контакты с зарубежными коллегами.

ВГ: Давайте вернёмся к вашей издательской деятельности. Вот, я вижу у вас в руках книгу воспоминаний «Моя жизнь в Китае», написанную известным дипломатом и китаеведом *Р.Ш. Кудашевым*¹⁷. Издание таких книг – ваш подвиг!

ЮЧ: Во всяком случае, с господином Кудашевым я познакомился ещё в 1970-х годах, когда он вернулся из-за границы. Он же был не только в Китае. Он работал с нашим послом в КНР *В.С. Толстиковым*. Не сработался с ним. Его перевели в США, в ООН. Он там следил за развитием отношений США и Китая. Потом вернулся в Москву, работал в аппарате ЦК КПСС. И вот тогда я с ним познакомился, и он в какой-то мере приоткрывал мне некоторую закулисную сторону межгосударственных отношений. Сообщал некоторые факты, которые не всегда

¹⁷ Кудашев Р.Ш. *Моя жизнь в Китае*. М., 2008.

можно было узнать со страниц наших газет, услышать по радио или телевидению. Не хочу сказать, что я использовал эти материалы в лекционной пропаганде. Но знать некоторые подноготные моменты, безусловно, было необходимо. Ну, допустим, инцидент на Даманском, когда китайцы расстреляли наших пограничников, начался конфликт и так далее. Что мне удавалось узнать у моих коллег? Ну, допустим, где находится Даманский? Мы думали, что где-то там, на нашей территории... Остров Даманский находится в 20 метрах от китайского берега и в полукилометре от нашего. Как? Почему?! А потому что мы охраняли границу по «красной линии», которая была проведена на соответствующих картах во время соответствующих договоров XIX века. Мы же не говорили о китайской пропаганде! Тысячу раз [они] говорили, что мы нарушаем международное право! Что граница должна идти или по середине реки, или по фарватеру, или по тальвегам, самым глубоким местам в реке, которые иногда не совпадают с фарватером и т.д. и т.п. Когда мы танковой атакой пытались отогнать китайских пограничников, танк застрял в этом промежутке, в этих 20 метрах. Китайцы его, естественно, обследовали, сняли с него оптические прицелы... В связи с Даманским я узнал, что мы накрыли китайскую сторону «Градом». И китайцы потом обгорелые трубы своих солдат возили по своей территории, показывали зверства «советских ревизионистов» и так далее.

Все эти любопытные вещи я узнавал в ЦК КПСС! Скажем, Р.Ш. Кудашев мне рассказывал [случай], когда он был свидетелем визита *Чжоу Энь-лая* в Москву. Он приехал не один, а с маршалом *Хэ Луном*. Во время встречи [в Кремле] наш министр обороны *Р.Я. Малиновский* подошёл к маршалу Хэ Луну, как военный к военному. И сказал: «Вот мы скинули “своего” [Хрущёва], и вы своего [Мао Цзэ-дуна] тоже скиньте!» Был скандал грандиозный! Но Малиновский в результате, не пострадал. Вот такие вещи я узнавал «наверху».

Когда произошёл инцидент с *Линь Бяо* и его сыном, который якобы хотел организовать выступление против Мао Цзэ-дуна, мне тоже рассказывали интересные вещи. [Тогда говорили], что в самолёте чуть ли не шла стрельба. Что его сбила ракета, выпущенная то ли нами, то ли монгольской стороной. Ю.М. Галенович, который дал мне читать свои довольно любопытные воспоминания, пишет об этих вещах более точно. Оказывается, самолёт имел неисправный прибор высоты и, не долетев до советско-монгольской границы, приземляясь на монгольской территории, он не рассчитал, ударился [о землю] и разбился. Никакой стрельбы там не было. Вот такие детали я узнавал от общения с этими людьми! Они, конечно, помогали мне, но не всё я рассказывал. Кое-что знал и сообщал советской аудитории. Правда, однажды М.Л. Титаренко, с которым я тогда общался (в 1980-х годах он работал в ЦК КПСС), однажды мне сказал: «Ты знаешь, на тебя [приходит] куча писем. Если бы я давал ход этим письмам, которые присылали после твоих лекций, то, наверно, тебе бы не очень сладко жилось. Но я их откладывал и не давал им ход».

ВГ: Вы ещё ведёте издательскую работу? Или это уже просто «хобби» для вас?

ЮЧ: Просто я помогаю новому руководителю издательского подразделения института. Иногда ко мне обращается господин И.В. Зайцев, который сейчас возглавляет издательский отдел, и предлагает, скажем, издать очередной том работы *Л.А. Боровковой*. Она больная, пожилая женщина. Естественно, я взялся помочь и издать её последнюю работу. Она издала три работы по китайским источникам о развитии Средней Азии под китайским влиянием. Вторая – о Кашгарском ханстве разошлась как бестселлер. Третья работа – о Средней Азии в начале I тысячелетия, III–VI веков новой эры. Она уже оплачена институтом, издана и напечатана. Я предложил нашему коллеге-спонсору работу господина *В.Ц. Головачёва*, который перевёл, вместе со своей матушкой, работу *Шэн Юэ* об *Университете имени Сунь Ят-сена*, действовавшем в 1920-е годы в Москве. Книга «Университет имени Сунь Ят-сена в Москве и китайская революция: персональные воспоминания» – это интереснейшая работа, вполне добросовестные и объективные воспоминания, которые вначале некоторыми фразами производили на меня странноватое впечатление. Очевидно, сказывается ещё «отрыжка» прошлого воспитания! Но теперь я понял, что сегодня надо писать всё откровенно и прямо о том, что было. Поэтому я довёл до конца издание этой работы. Скоро она выйдет в свет¹⁸. Кроме того, меня попросили издать ряд работ наших коллег-корееведов. Я издавал и, по инерции, продолжаю помогать им в издании серии «Российские корейцы». Они отмечали несколько лет назад 140 лет пребывания корейцев на нашей земле, начиная с 1860-х годов. Доктор наук *Борис Дмитриевич Пак* собирает материалы о героях-корейцах, которые участвовали и в гражданской войне, и в освобождении Кореи. Сейчас я помогаю ему издать работу «Национально-освободительное движение корейского народа в 1920-е годы». Что ещё? Ну, у меня в портфеле ещё две рукописи. Одну из них я получил из рук господина Ю.М. Галеновича, который чрезвычайно быстро и много пишет в последние годы, чуть ли не по одной крупной монографии в год. А здесь он неожиданно обратился ко мне с просьбой помочь в издании его воспоминаний. Я их прочел за несколько дней. Я их возьму и, наверно, предложу одной издательской фирме. Естественно, за их счёт, без всякого гонорара. Может, они заинтересуются. Хотя воспоминания Ю.М. Галеновича требуют редактирования. У него довольно своеобразный стиль изложения, которым он упорно навязывает читателю свою, по его мнению, безапелляционную мысль. Тем не менее, я считаю, что его воспоминания обязательно должны выйти. Неожиданно заведующий Международным отделом нашего института *А.М. Хазанов* обратился ко мне, не помог бы я ему издать его небольшую брошюру. Он в своё время изучал Португалию и написал небольшую книгу о *Васко да Гама*.

¹⁸ См.: *Шэн Юэ*. Университет имени Сунь Ят-сена в Москве и китайская революция. Воспоминания. Перевод с английского *Л.И. Головачёвой* и *В.Ц. Головачёва*. М, 2009.

Главный мой прицел [по изданиям книг] – помочь господину О.Е. Непомнину опубликовать его труд в серии «История стран Азии в XX веке». Я являюсь учёным секретарём этого сериала. Неожиданно для меня господин О.Е. Непомнин взялся написать не только тот сюжет, который он больше знает, это Китай в начале XX века, до революции 1925–1927 годов. Вдруг он сообщил, что написал про весь Китай в XX веке, включая период КНР. Я не исключаю, что это связано с его преподавательской деятельностью. Он читает лекции о Китае в различных институтах. Правда, он предложил «осторожно» относиться к некоторым его оценкам. На это я сказал, что сегодня мы довольно свободны в своих оценках. И если его оценки не всегда совпадают с оценками, скажем, ИДВ, в этом нет никакого криминала. Наоборот, это было бы любопытно! В дальнейшем, не исключаю, весь этот сериал может быть представлен институтом к государственной премии. Сегодня изданы уже 6 томов «Истории Востока», от «Адама до Потсдама». А в дальнейшем, не исключаю, будет издана и история стран Востока в XX веке. Уже вышло одиннадцать книг. Денег у института на издание не хватает. Но уже готовы работы, связанные с историей Камбоджи, Индонезии, Малайзии, Филиппин. Вот историю Китая в XX веке написали. Япония есть, Китай есть в портфеле¹⁹. Историю Индии в XX веке закончат в ближайшее время. Так что, есть шанс выдвинуть и этот сериал [на Госпремию]. Вот я на Китай нацелился, и буду помогать дирекции найти спонсоров.

ВГ: С чем у вас ассоциируется Китай, когда вы вспоминаете о нём?

ЮЧ: Китай – большая, великая и очень красивая страна, в которой живёт великий и очень трудолюбивый народ. Я счастлив и рад, что вся моя научная жизнь оказалась связана с изучением Китая. Я рад, что отношения моей страны и Китая обрели наконец параметры, как я надеюсь, долговременного добрососедства и сотрудничества. Нам всем нужно и важно понять место и роль Китая в стратегическом партнёрстве наших стран и нашего исторического развития. Одним словом, российско-китайское партнёрство требует новых горизонтов. Процесс этот, однако, вряд ли будет быстрым.

Далее, я часто вспоминаю встречи с китайскими коллегами. Очень приятное впечатление произвели встречи с Ли Фэн-линем и профессором Института всеобщей истории Чэнь Чжи-хуа, который принял меня в прошлом году в Китае. Мы поздравили друг друга с китайским Новым годом. И он прислал на китайском языке свою статью, которую он написал в связи с 30-летием знаменитого декабрьского 1978 года 11-го созыва, об изучении истории СССР и России в Китае за последние 30 лет. Он прекрасно знает русский язык и ему было довольно просто написать о том, как китайцы подходят к изучению нашей истории. Он спросил меня, нет ли возможности её опубликовать? Естественно, я обратился в ИДВ с предложением к главному редактору журнала «Проблемы Дальнего

¹⁹ См. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007; Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011.

Востока», господину *В.Я. Портякову*. Тот сказал, что посмотрит, оценит и скажет свое мнение.

Было приятно познакомиться недавно с большим трудом академика М.Л. Титаренко, который в ответ на подарок моей монографии подарил мне свою большую книгу о геополитическом развитии России и Китая в рамках Дальнего Востока и их связях с другими странами Азии. Огромный труд в 600 страниц. И, более того, даже попросил меня написать рецензию в журнал «Азия и Африка сегодня». Я это сделал, хотя сначала был немного озадачен: академик обращается к кандидату наук с просьбой написать рецензию. Во втором номере этого журнала за 2009 год уже появилась моя рецензия «Ещё раз о евразийской идентичности России». Мне также приятно, что в №4 этого же журнала появится рецензия профессора *Ю.Г. Александрова* на мою книгу «На глазах меняющийся Китай». Он крупный экономист. Не так давно вышла его работа «Будет ли Россия евроазиатским тигром?» И он нашёл некоторое количество интересных моментов и в моей книге, которые отразил в своей рецензии.

ВГ: То есть вы продолжаете творить, работать, изучать Китай и наши связи?

ЮЧ: Совершенно верно! Более того, даже появилось «второе дыхание», связанное не только с публикацией раздела в 10-томнике. За последнее время мне удалось опубликовать пять-шесть статей на самые разные темы: «О развитии российско-китайского стратегического партнёрства: взгляд из России и из Китая», «О развитии российско-тайваньских и китайско-тайваньских отношений». Я заинтересовался Тайванем в связи с тем, что мой внук сейчас работает на Тайване. И познакомился с сотрудниками тайваньского представительства в Москве. Я опубликовал в журнале «Дипломатический архив» статью «Возвышение Китая и реакция России». И планирую ещё целый ряд публикаций, которые меня интересуют как китаевода. То есть, у меня круг не только исторический – в дальнейшем я запланировал монографию «Крах монархии в Китае», – но и появился интерес к политологической тематике. Может быть, это идёт ещё от моей лекционной пропаганды в прошлом, которая где-то подвигала меня на эти вещи.

ВГ: Остаётся только выразить восхищение вашей энергией и пожелать вам крепкого здоровья, чтобы вы могли выполнить все ваши планы!

ЮЧ: Валентин, жму вашу руку! Спасибо вам за ваше внимание!

Продолжение интервью. Москва, 11 марта 2009 г.

ВГ: Здравствуйте, уважаемый Юрий Владимирович! Очень рад, что у нас появилась возможность встретиться и продолжить так успешно начатое интервью!

ЮЧ: Здравствуйте, Валентин! Я тоже рад продолжить нашу беседу!

ВГ: Мне кажется, для начала нам стоит наметить общий план нашего разговора.

ЮЧ: Мы можем поговорить об уже упоминавшейся теме китайско-японского взаимного восприятия, об идеях «паназиазма» и о моей научной командировке в Японию.

ВГ: Можно также продолжить обсуждение достижений отечественного китаеведения и вернуться к достижениям, деятельности коллег-китаеведов и другим темам.

ЮЧ: Безусловно. С большим удовольствием!

ВГ: В таком случае, можно ли сказать хотя бы несколько слов о содержании книги «Китай–Япония: любовь или ненависть?», о том, как вы её задумали и писали в соавторстве с Зоей Дмитриевной Катковой?

ЮЧ: Как я уже говорил в прошлый раз, изучая материалы для написания книги, Зоя Дмитриевна неожиданно натолкнулась в то время на небольшую статью японского профессора из Киотоского университета Такеути Минору. Потом я с ним познакомился, когда побывал в Японии. Я ещё расскажу о своём пребывании в Японии. Это очень интересный момент в моей научной биографии. Эта статья характеризовала поэтапное взаимодействие японского и китайского социумов, взаимовосприятия. И особенно взаимовосприятия идеологическими элитами двух стран на протяжении столетий. Мы заинтересовались этим сюжетом (тем более, этот сюжет был не очень разработан специалистами в нашей исторической литературе) и подумали, почему бы нам не заняться им в более глубоком виде, не написать монографию на эту тему, проработать соответствующие материалы для того, чтобы выяснить, как реагировали друг на друга китайцы и японцы. Ну, должен сказать, что вообще-то, если образно выразиться, это была почти «адовая» работа, потому что никакого материала, связанного со статистическим анализом мнения людей, естественно, ни у китайцев, ни у японцев не было. Я имею в виду период средних веков и даже часть нового времени. Нам приходилось искать источники, связанные с трудами тех или иных людей, которые реагировали на взаимодействие двух стран. Особенно мы черпали источники в трудах китайских реформаторов конца XIX века (это *Кан Ю-вэй*, *Лян Ци-чао*), в трудах китайских революционеров в синьхайский и послесиньхайский период, а также в 1930-е годы, когда особенно сильно сказывалось давление Японии на Китай, в том числе и военное. Это труды сподвижников Сунь Ят-сена – *Ван Цзин-вэй*, *Дай Ци-тао*, *Ху Хань-миня*. Ну и, главным образом, *Чан Кай-ши*. То есть, прорабатывались такие вещи, как книги Дай Ци-тао о Японии. Он посвятил японскому вопросу большие труды. Прорабатывались, в частности, такие труды, как известная работа Чан Кай-ши «Судьбы Китая» и так далее.

ВГ: Каковы главные выводы, к которым вы приходите в этой книге?

ЮЧ: Что касается главных выводов, к которым мы пришли в ходе своего исследования, то можно сказать следующее. В целом «образ» Японии в глазах Китая складывался в процессе длительной эволюции сложных отношений двух стран и отличался весьма неоднозначным и более противоречивым характером

по сравнению с его японским аналогом (то есть, образом Китая в Японии). Существенную роль в его формировании играли китайско-японская культурная и расовая общность. В дальнейшем – динамичный прогресс Японии. А затем и постепенное расширение японского политического и военного давления на Китай в конце XIX века и первой половине XX века.

ВГ: Но изначально всецело преобладало влияние Китая на Японию? Когда оно началось?

ЮЧ: Период раннего средневековья, особенно в эпоху Тан, где-то с VIII века, в целом характеризовался преобладающим влиянием Китая, который находился на более высоком уровне развития. Это влияние со стороны более высокой китайской цивилизации ограничивалось преимущественно сферой культуры. Я имею в виду заимствование японцами китайской иероглифической письменности, восприятие из Китая идей конфуцианства и буддизма, сыгравших важную роль в формировании духовной и материальной жизни японского общества. Отсюда и уважительное, почтительное отношение к Китаю со стороны Японии как к стране высоких культурных и моральных стандартов. Китай стал на том этапе своеобразной социально-политической и культурной моделью для японского правящего класса, который, безусловно, учитывал и военно-политическую силу танского Китая. Со стороны Китая, в свою очередь, имело место величественное снисхождение к японцам, которых называли «карликовыми чертями» (сяо гуйцзы). Правда, вы знаете наверняка китайскую идею о том, что Китай стоит во главе мира, который окружён варварами.

ВГ: Как говорилось в трактате *Чжун Юн*: «Всё, над чем простирается Небо, всё, поддерживаемое Землею, всё, что освещают солнце и луна, всё, на что падают иней и роса, что имеет дух и кровь, – всё без исключения испытывает благоговение и почтение [к императору Китая]».

ЮЧ: Да. Отношение к японскому социуму складывалось, как я уже сказал, в значительной мере под влиянием китаецентристской концепции «Китай – варвары». Но дело в том, что китайцы различали варваров-«кочевников», которые время от времени нападали и мешали Китаю (с этим связано возникновение знаменитой Китайской стены), и тех «варваров», типа японцев, которым они передали свою культуру в виде конфуцианства, в виде проникшего через Китай буддизма, в виде своей письменности. Поэтому отношение к такого типа «варварам» у них было уже более своеобразное. Это было особое отношение к японцам как к народу, который воспринял то, что хотели передать китайцы.

Новый этап китайско-японских отношений, который охватывает примерно столетие – с 70-х и 80-х годов XIX века до разгрома Японии во 2-й мировой войне. Значительная трансформация стереотипов взаимовосприятия началась после поражений Китая в *Опиумных войнах*, быстрой модернизации Японии после *реставрации Мэйдзи* и разгрома Китая в ходе японо-китайской войны 1894–1895 годов.

ВГ: То есть более тысячи лет отношения между китайцами и японцами не менялись, выступая как отношения старшего и младшего родственников. Но через тысячу лет отношение Японии к Китаю резко изменилось?

ЮЧ: В какой-то степени менялось отношение со стороны Японии, потому что в Японии стали появляться люди, но это уже в XVIII веке, которые считали, что нужно опираться не на конфуцианскую традицию, переданную китайцами, а надо опираться на японские начала. И они выискивали эти «начала», скажем, в идеологии «синто». Были люди, которые начали выставлять Японию в более привлекательном свете в своих же собственных глазах. А не просто как страну, которая всё восприняла и должна всё время «кланяться» китайской стороне.

ВГ: Своего рода «почвенники», которые первыми оспорили многовековые стереотипы.

ЮЧ: Совершенно верно. Но феодально-консервативная элита Китая на данном отрезке, в конце XIX века, продолжала воспринимать Японию в духе великодержавия и ксенофобии, как «варварский» социум, искаживший китайские культурные ценности в погоне за атрибутами западной цивилизации. В свою очередь, в Японии чувство уважения и почтительности к Китаю, как культурному Колосу, трансформировалось к концу нового времени в высокомерие и превосходство по отношению к народу, который погряз в старых формах общественного бытия и оказался неспособным воспринять плоды современной цивилизации.

ВГ: Но всё же взгляды китайцев на Японию неизбежно менялись под давлением новых условий.

ЮЧ: В последние десятилетия XIX века, наряду с традиционно-консервативным подходом, получил развитие и новый взгляд на Японию, характерный для представителей прогрессивной общественности Китая. Для прогрессивной китайской интеллигенции, начиная с ранних реформаторов (я имею в виду *Ван Тао*, *Чжэн Гуань-ина* и их продолжателей – *Хуан Цзунь-сяня*, *Кан Ю-взя*, *Лян Ци-чао* и, наконец, *Сунь Ят-сена*), Япония эпохи Мэйдзи явилась «образцом» прогресса, быстрой и динамичной модернизации, своего рода феноменом превращения отсталой и зависимой азиатской страны в сильное и процветающее государство. В рамках такого подхода Япония воспринималась равно и как агрессивная милитаристская держава, угрожающая китайской государственности, и как «надежда Азии», как страна, бросившая вызов колонизаторам «белой расы» и заставившая их уважительно относиться к азиатским народам. В частности, в доктрине «паназиатизма» Сунь Ят-сена решающее значение отводилось сотрудничеству Китая и Японии – «нации одной расы и одной культуры» («тун вэнь тун чжун»). Кстати, именно это выражение впервые встречается в трудах Хуан Цзунь-сяня в XIX веке. В доктрине Сунь Ят-сена подчёркивался особый характер отношений, связывающих судьбы двух стран и народов.

ВГ: Личные судьбы Кан Ю-взя, Лян Ци-чао и других перечисленных вами лиц были тоже тесно связаны с Японией. Чуть ли не все они либо жили и учились

в Стране восходящего солнца, либо получали там политическое убежище. Например, тот же самый Сунь Ят-сен или Чан Кай-ши.

ЮЧ: Верно. Как раз я хотел сказать об этом в дальнейшем. В связи с тем, что я затронул идею «паназиазма», по крайней мере, в свете националистических идей Сунь Ят-сена, то есть, как он интерпретировал идею «паназиазма», я хотел бы остановиться на этом вопросе, потому что он достаточно важен и интересен. Основной доктриной, которая обеспечивала на определённом этапе «стыковку» китайского и японского национализма и которая до поры до времени как бы нейтрализовала антияпонскую направленность китайского национализма, явилась идея «паназиазма». Зародившись на японской почве, она получила затем значительный резонанс в китайском национальном сознании. На фоне формирования этой идеи и происходил тот своеобразный психологический сдвиг в китайском восприятии Японии, существенным компонентом которого становилась иллюзорная вера в положительную роль буржуазной Японии в судьбах Китая.

В частности, Лян Ци-чао отдал дань увлечению японскими теориями паназиазма, которые вписывались в его социал-дарвинистские концепции о национальной и расовой борьбе. Правда, вслед за Кан Ю-вэем и в отличие от японских шовинистов, он считал, что преобразованный с помощью реформ Китай будет играть достойную, по сути руководящую роль в паназиазском союзе народов «жёлтой расы». Он верил, что Китай станет заслоном на пути проникновения государств «белой расы» в Азию. Собственно, на этом и строилась японская концепция «паназиазма». Правда, в дальнейшем идея расовой солидарности Китая и Японии не получила развития в его программных выступлениях. Японская модель, в которой доминирующая роль всё более явно отводилась Японии, наталкивалась на патриотический настрой Лян Ци-чао и, естественно, не могла встретить адекватной поддержки. Главное внимание на этом этапе, скажем накануне Синьхайской революции, Лян Ци-чао отводил лозунгу «защиты государства» (*ху го*), то есть укреплению общегосударственного единства на традиционных основах и противодействию любой внешней угрозе, в том числе и японской.

ВГ: Извините, а всё-таки известно, кто был автором доктрины «паназиазма» в Японии?

ЮЧ: Конечно, она родилась в идеологических кругах Японии как доктрина, обслуживавшая политические интересы определённых людей. Но назвать её конкретного автора мне сейчас затруднительно. Надо иметь в виду, что идея паназиазма пропагандировалась в Японии самыми различными кругами – от демократически настроенных интеллигентов, типа Миядзаки Торадзо – японского друга Сунь Ят-сена, который искренне сочувствовал и помогал китайским радикалам (в 1902 году его книга «Тридцатитрёхлетний сон» была переведена на китайский язык с предисловием Сунь Ят-сена), до правительственных чиновников, типа гражданского губернатора Формозы Гото Симпэя (характерно в этом плане его

выступление в Фучжоу в 1900 году с идеей «единодушия японцев и китайцев»²⁰, и до оголтелых японских шовинистов.

Следует признать, что достаточно долгое время эти идеи, в той или иной интерпретации, находили значительный отклик и в самом Китае. Поэтому считать, что это были идеи только агрессивно и шовинистически настроенных кругов, было бы немножко неточно, а, может быть, даже неправильно. Потому что эта идея была «разлита» и в японском обществе и, в значительной мере, в идеологизированных кругах китайского общества. Следует при этом иметь в виду то важное и специфичное обстоятельство, что китайские идеологи различных направлений воспринимали многие идеи Запада через Японию, через переводы «западных» работ на японский язык, читая эти японские переводы. Об этом достаточно подробно написала в своей последней монографии Лилия Николаевна Борох. Количество китайских студентов, скажем, накануне Синьхайской революции подходило к десяти тысячам человек. Многие идеологи – и китайские «либералы», и китайские «революционеры», как мы их называем (я бы назвал их, скорее, «реформаторы» и «радикалы»), учились в Японии, «подпитывались» на японской почве. Здесь можно назвать многих китайских политиков, начиная с Сунь Ят-сена, который хоть и не учился в Японии, но многократно бывал в этой стране. Ван Цзин-вэй, Ху Хань-минь, Дай Цзи-тао, тот же Чан Кай-ши и т.д. и т.п. Эта связь с Японией, конечно, влияла на китайские идеологические круги. К примеру, Сунь Ят-сен, выступая с позиций «паназиатизма», даже в 1920-е годы развивал идею китайско-японского сотрудничества как основы солидарности азиатских народов в борьбе «против европейского насилия». Он активно пропагандировал тезис о взаимосвязи, взаимообусловленности развития двух стран, отношения между которыми, по его убеждению, должны были строиться на основе гармонии и взаимопомощи. Сотрудничество Китая и Японии Сунь Ят-сен образно сравнивал с «губами и зубами одного рта».

Нужно иметь в виду, что в 1924 году Сунь Ят-сен предпринял последнюю поездку в Пекин. Он двинулся из Гуанчжоу через Шанхай. Но из Шанхая он не сразу выехал в Пекин, а поехал в Японию и общался с японскими политическими кругами, со своими друзьями, тем же Торадзо. Выступая в Японии, в городе Кобэ, в ноябре 1924 года, Сунь выступил с программной речью, в которой высказал своё отношение к идеям паназиатизма. В своем знаменитом выступлении в Кобэ, которое, кстати, не переведено на русский язык (мы с Зоей Дмитриевной брали его в китайском варианте полного собрания сочинений Суня), Сунь Ят-сен подчеркивал, что неравноправное положение Китая стало одной из главных помех на пути к сотрудничеству двух стран и народов, их братской дружбы и союза. То есть, он призывал японские правящие круги помочь Китаю «подняться». С дру-

²⁰ См.: Головачёв В.Ц. Визит гражданского губернатора Формозы в Фучжоу в 1900 г. и доктрина «единодушия» японцев и китайцев // 38-я н. к. «Общество и государство в Китае». Т. XXXVIII, Ч. 1. М., 2008, С. 80–86.

гой стороны, единство двух независимых азиатских государств – Китая и Японии – послужило бы, по его мнению, основой для сплочения всех азиатских народов в борьбе против империализма западных держав.

Стоит отметить (мы не очень это подчеркивали в наших работах о Сунь Ят-сене), что суньятсеновская доктрина паназиатизма была пропитана духом противопоставления «жёлтых» и «белых» наций. И она могла быть использована в целях, не имеющих ничего общего с интересами народов Азии. Характерно, что именно эти тезисы Сунь Ят-сена брал в дальнейшем на вооружение Ван Цзин-вэй, порвавший с Чан Кай-ши (выступавшим за сопротивление японской агрессии) и создавший (я имею в виду Ван Цзин-вэя) прояпонское правительство в Нанкине в марте 1940 года.

Таким образом, если подвести итоги, на рубеже новейшей истории для китайского восприятия Японии была характерной тесная связь позитивных и негативных компонентов, их тесное соседство друг с другом, а часто и прямое вытекание одного из другого. Ну, скажем, с одной стороны, идея расовой общности двух народов. А с другой стороны, идея китайского превосходства. Идея о том, что «мы» рано или поздно поднимемся и будем, можно сказать, командовать всем. С одной стороны, восхищение японским динамизмом. С другой стороны – настороженное отношение к Японии как к угрозе и так далее.

ВГ: И всё же с наступлением XX века недоверчивое и негативное отношение китайцев к Японии, как к источнику угрозы и агрессии, всё больше усиливалось, не так ли?

ЮЧ: Расширение масштабов японской экспансии в Китае после предъявления в 1915 году *«двадцати одного требования»* Японии, а также рост китайской националистической реакции, постепенно приобретавшей ярко выраженный антияпонский характер, стали решающими факторами, влиявшими на китайское восприятие Японии на этапе между двумя мировыми войнами (1915–1945). Я считаю, что движение 1919 года, о котором так много написано, а Юрий Мисакович Гарушняц даже переводил китайские труды по *«движению 4 мая»*, носило в значительной мере антияпонский характер. Это была реакция на решения Версальской конференции, которая после 1-й мировой войны отдала японцам Шаньдун (Циндао и так далее). От слепой ксенофобной ненависти ко всем «заморским дьяволам» вообще массовое сознание китайцев шагнуло за эти годы к восприятию японцев как самых жестоких и агрессивных представителей внешнего мира. Вспомните, когда японцы захватили Нанкин в 1937–1938 годах, они устроили там колоссальную резню, уничтожив несколько сотен тысяч мирных китайцев, в том числе детей, женщин, стариков и так далее.

ВГ: Правда, сами японцы замалчивают или приуменьшают эти цифры.

ЮЧ: Может, и китайцы их несколько преувеличили. Но массовые убийства мирного населения остаются фактом, от которого не уйдёшь. Более сложным и противоречивым было, как я уже говорил, восприятие Японии на идеологизи-

рованном уровне сознания. В частности, в национализме Сунь Ят-сена, а в дальнейшем и других теоретиков Гоминьдана, таких как Ху Хань-минь и Дай Цзи-тао, важное место занимал анализ не только причин «жизненной энергии» японцев – откуда взялось так называемое «ямато», но и идея о мессианской роли Китая, об исключительности конфуцианского принципа *ван дао* (путь законного правления), с которыми правящая элита связывала идею превосходства китайской нации, в противовес идее *ба дао* (путь «грубого» узурпаторского правления). Часть правящей китайской элиты испытывала влияние японской идеи «сопроцветания Восточной Азии» (я уже упомянул Ван Цзин-вэя) и согласилась на сотрудничество с японскими агрессорами. Хотя преобладающее влияние принадлежало сторонникам сопротивления, во главе с Чан Кай-ши.

В послевоенный период, если говорить очень коротко, при всём неоднозначном характере последнего шестидесятилетия (после образования в 1949 году КНР), в стереотипах китайско-японского взаимовосприятия всё большую силу приобретали элементы прагматизма. Но надо сказать, что китайская политическая элита прекрасно понимает, что в памяти китайского народа не исчезли воспоминания о тех страницах, которые связаны с периодом японской агрессии в Китае. И поэтому сегодня, в случае необходимости, в случае определённых шагов [Японии], которые могут быть негативно восприняты на китайском политическом Олимпе, всегда можно поднять соответствующую волну, чтобы показать Японии, что китайцы [и сегодня] не забывают те вещи, которые связаны с периодом японской агрессии.

ВГ: Видимо, с этим связано и негативное отношение китайцев к попыткам ревизии новейшей истории в Японии, например в японских школьных учебниках?

ЮЧ: Совершенно верно! С другой стороны, я понимаю также и японскую сторону, и их правящие круги. Японцы хотят иметь «нормальные» отношения с сегодняшним Китаем. Тем более что сегодня Китай нацелился на серьёзное повышение в рамках, по крайней мере, Восточной Азии. Японцы прекрасно понимают, что китайцы помнят о японской агрессии. Но свои учебники они писали, руководствуясь, наверно, всё той же идеей паназиатизма. В духе этой идеи, при всей грубости её воплощения, они хотели как бы «обнять» Китай, чтобы «приподнять» его и превратить в «нормальное» современное государство. В такой интерпретации это и подаётся сегодня в японских учебниках. И это в какой-то мере согласуется с представлением о собственной стране того же Сунь Ят-сена, который считал, что китайская нация – это «зыбучий песок», у которой нет национального духа и так далее. Китайцев сегодня, конечно, задевает всё это. Надо сказать, что период войны, как любое [массовое социальное явление], имел широкое воздействие и на широкую японскую аудиторию. Они [японцы] непосредственно столкнулись с китайским народом и его бытом, увидели бедность Китая и трудности, которые испытывала эта страна. Если говорить о послевоенной реакции определённых кругов японского общества, я не могу сказать, что всё воспринималось только в отрицательном плане. После войны некоторые [японцы] жалели

китайцев, были готовы собирать определённые фонды, чтобы помогать послевоенному восстановлению Китая, вносить моральный и материальный вклад, дабы не то что бы «затушевать», но как бы «сгладить», почти извиниться перед китайцами за то, что было.

ВГ: И всё же, есть только два способа решить эту проблему. Первый – это искреннее покаяние и признание ошибок прошлого, как то сделали немцы. А второй – неискреннее отрицание, замалчивание, попытки приукрашивать или переоценивать историю.

ЮЧ: Ну, японцы не покались, не сказали того, чего от них, очевидно, ждали китайцы. Поэтому отношения за прошедшие 60 лет и были непростые. Были и антияпонские выступления в Китае, в ответ на определённые действия Японии, которые не нравились китайским правящим кругам.

ВГ: Когда несколько лет назад в Китае и Корее начались массовые протесты по поводу искажения истории в японских школьных учебниках, мне довелось прочесть одну интересную статью, автор которой, историк-японка, подвергла анализу китайские школьные учебники истории и довольно наглядно показала, что историю 2-й мировой войны «мифологизируют» не только японцы, но и китайцы, формирующие свои образы «героев» и «врагов». Она доказывает, что «мифологизация» новейшей истории – это взаимный идеологический процесс, а истина, как всегда, лежит где-то посередине.

ЮЧ: Ну, это можно, наверно, отнести к интерпретации и нашей собственной истории!

ВГ: Юрий Владимирович, вы говорили также про «паназиатизм», который обретал формы противостояния между «белой расой» и «жёлтой расой». Не знаю, затрагивали ли вы этот вопрос в своей книге, но мне интересно узнать, каково было место России в этом противостоянии? Была ли она в лагере «белой расы» и, соответственно, врагом «жёлтой «расы»? Рассматривалось ли противостояние с Россией как повод для сближения Японии и Китая? Рассматривали ли вы этот вопрос в вашей книге?

ЮЧ: В нашей книге мы этот вопрос специально не рассматривали. Но я могу высказать своё мнение по этому вопросу. Дело в том, что, по мнению китайских правящих кругов, Россия, конечно, была страной, которая хотела достаточно широко и активно «влезть» в Китай. Надо сказать, что и современная китайская литература, вплоть до сегодняшнего дня, трактует подписанные в XIX веке договоры с Россией как неравноправные договоры. Россия предпринимала в отношении Китая определённые шаги, вместе с западными державами, в период подавления *восстания ихэтуаней*. Она ввела свои войска в Маньчжурию, по существу оккупировав эту часть страны. Но и очень быстро вывела их.

ВГ: В период подавления восстания ихэтуаней Россия и Япония оказались на одной стороне, так как японцы тоже оказались в числе жертв восставших. Какое-то число японцев было убито ихэтуанями.

ЮЧ: Совершенно верно. Но в целом, если брать правящие круги, отношение к России в Китае было негативным. Народные массы были далеки от высокой политики, но сталкивались с фактами истории. Скажем, резня (быть может, это грубое выражение с моей стороны), которая была устроена на берегах Амура в 1900 году, после того как антииностранные и, в частности, антирусские настроения в Китае обратились против наших солдат, которые вошли в Китай, в общем-то, как агрессоры. Ихэтуани вспарывали животы захваченным в плен солдатам. В ответ на берегах Амура была тоже устроена резня в отношении китайцев, которые жили на территории России. И эти вещи не так-то быстро исчезли из памяти китайцев. А вот когда возникла Русско-японская война 1904–1905 годов за влияние на Дальнем Востоке и в Китае и когда Россия потерпела поражение от японцев, это поражение России от Японии было положительно воспринято в определённых китайских кругах. Воспринято как поражение близкой к Западу страны от азиатской страны, поднявшейся достаточно мощно для того, чтобы разгромить Россию, которая воспринималась в Китае как западная держава.

ВГ: Как известно, Русско-японская война велась обеими странами на чужой территории, то есть на территории Китая. Получается, что китайцы воспринимали эту войну как своего рода «освобождение» Китая силами Японии?

ЮЧ: В общем-то, в известной мере, да. По крайней мере, японцы так преподносили эти события.

ВГ: А как, например, относился к Русско-японской войне сам Сунь Ят-сен?

ЮЧ: Представления Сунь Ят-сена о Японии как спасительнице Китая от гибели, от угрозы раздела, которая виделась ему в политике царской России и других западных держав, определили его поддержку Японии в разразившемся в 1904–1905 годах Русско-японском военном конфликте. Позже, в 1919 году, оценивая период Русско-японской войны, Сунь Ят-сен писал: «Более десяти лет назад державы были весьма склонны к разделу Китая. А царская Россия уже предприняла шаги для колонизации Маньчжурии. Но тогда возмущённая Япония начала войну с Россией и, тем самым, удалось спасти Китай от гибели». Вот его интерпретация Русско-японской войны. Это он говорил в 1919 году, уже после Октябрьской революции. И через какое-то время начал устанавливать контакты с нами для того, чтобы бороться с милитаристами.

ВГ: Принял знаменитую установку на союз с Советской Россией. В продолжение разговора о современной Японии, не могли бы вы чуть более подробно рассказать о вашей научной командировке в Японию? Это было бы очень интересно.

ЮЧ: Да. В прошлый раз вы уже задавали мне этот вопрос, и я не мог ответить на него «с ходу». Но, покопавшись в своих материалах, я нашёл свои достаточно подробные, почти дневниковые записи. Потому что Япония произвела на меня огромное впечатление. И я бы хотел сказать несколько слов о своём посещении Японии в ноябре–декабре 1991 года. Это была научная командировка. В прошлый раз я уже начал рассказывать, каким образом я там оказался, как мне

очень помог Михаил Степанович Капица, в то время директор нашего института. О том, как мы с Зоей Дмитриевной Катковой начали заниматься нашим сюжетом, связанным с японо-китайским взаимовосприятием. Срок [научной командировки] был ограничен, всего один месяц. Но этот месяц был для меня достаточно плодотворным. Месячное пребывание в Японии, знакомство с жизнью японцев, с памятниками японской культуры, – всё это произвело на меня огромное впечатление. Моя научная стажировка проходила в городе Киото, в расположенном там университете Рицумэйкан. Я знал, что Киото был столицей японских императоров начиная с конца VIII века. Знал, что при его строительстве за образец был взят славившийся великолепием город Чанъань, столица Китая времен династии Тан. Попав в Киото и совершив экскурсию в расположенный неподалёку город Нара, я понял, что посетил места, где сосредоточено всё, в чём воплотилась духовная сущность японской культуры и национальное своеобразие японцев. Как известно, в Киото и окрестностях находится больше сотни буддийских храмов, синтоистских святынь и других достопримечательностей. Мне удалось познакомиться с такими шедеврами японской архитектуры как, например, храм Феникса, храм тысячи Будд, храм Покоящегося дракона (Рёандзи), где разбит знаменитый Парк камней. Удалось лицезреть пагоду монастыря Тодзи – самую высокую в Японии, ставшую одним из символов города Киото. Я побывал также в городах Токио и Иокогама.

ВГ: А какими были ваши впечатления о современной жизни Японии?

ЮЧ: В Японии меня, естественно, поражал деловой ритм этой страны. В поведении японцев привлекали доброжелательность, вежливость и такт в обращении, а также честность и порядочность, сопряжённые с высоким чувством собственного достоинства.

ВГ: Вы уже говорили, что часть вашей поездки была посвящена встречам с учёными. Как проходили эти встречи?

ЮЧ: Во время командировки мне удалось встретиться и побеседовать с рядом японских учёных, в частности с почётным профессором Киотоского университета, господином Такэути Минору. Частный университет Рицумэйкан находился рядом с государственным университетом Киото. Я беседовал с профессорами Куросава, Хазама, Иосинори, Фудзии и другими. Во время бесед мы касались различных вопросов, как исторических, так и опросов, связанных с современными политическими проблемами. Затрагивались, в частности, события на площади Тяньаньмэнь 1989 года в Пекине²¹, перспективы демократических реформ в Китае, последствия распада СССР и другие. По мнению профессора Такэути Минору, Китай, в силу условий своего развития и реальной ситуации, не созрел

²¹ События на площади Тяньаньмэнь в Пекине в апреле-июне 1989 г. Начались с массовых студенческих демонстраций под лозунгами демократизации и искоренения коррупции. 3–4 июня протесты были подавлены силами армии. На Пленуме ЦК КПК в июне 1989 г. эти события были оценены как «антипартийные, антисоциалистические волнения».

для демократии западного типа. Он прямо сказал мне, что «это пустые мечтания Китая». Такэути Минору говорил мне, что китайский диссидент Фан Ли-чжи, ориентировавшийся в тот период на американскую модель, [никогда] не мог бы стать «китайским Сахаровым». Лидеры КПК не могли допустить потери контроля над страной и были вынуждены прибегнуть к силе. Он подчёркивал специфику развития Китая и Японии, говоря, что их объединяет общность культуры, но не общность судеб.

ВГ: То есть ваше общение с японскими коллегами было свободным и открытым?

ЮЧ: По моим наблюдениям, в то время у японцев уже появилось прочное чувство уверенности (но не самоуверенности) относительно своих возможностей и своего положения в современном мире. Японские профессора стремились развить самостоятельность суждений у своих студентов, поощряли даже дискуссии между преподавателями и студентами по тем или иным вопросам. Я пришёл к выводу, что Рицумэйкан, как частный университет, отличают достаточно прогрессивные умонастроения его профессуры. Вот это, пожалуй, и всё, что я хотел бы ответить на ваш вопрос о моих впечатлениях о Японии и моих беседах с японскими коллегами.

ВГ: Как относились японские коллеги к СССР, к тому, что вы, советский учёный (то были как раз последние дни существования СССР), приехали к ним в Японию?

ЮЧ: Вполне нормально! Здесь не было абсолютно никакого недоброжелательства. Меня «опекал» сравнительно молодой человек, который был специально выделен иностранным отделом университета для того, чтобы помогать мне в моей работе. Поскольку я не очень хорошо, скажу откровенно, владею разговорным английским языком, а в основном на нём мне приходилось беседовать с японцами, я иногда привлекал для бесед с японскими учёными и своё знание китайского языка. И, конечно, он проявлял немалое терпение, когда не совсем понимал, а я не мог точно выразить ему ту мысль, которую хотел до него донести. Здесь я мог бы привести массу [хороших] примеров. Как, например, японская сторона встречает человека, который прибыл в научную командировку. Конечно, наши академические ведомства, занимающиеся приёмом и отправкой учёных, информировали японскую сторону, что такого-то числа, в такие-то часы, таким-то рейсом господин Чудодеев прилетает в аэропорт Токио. Дело в том, что самолёт вовремя не улетел, как это иногда у нас бывает. Я просидел два или три часа, потом объявили посадку, я сел. Но весь рейс до Токио я думал о том, кто меня встретит и куда мне деваться. Вот я приеду. А дальше мне надо ехать в Киото. Правда, мне сказали, что всё будет нормально, только поезжай!

Как только я попал в токийский аэропорт, он поразил меня своими размерами, своей техникой, движущимися дорожками. Выйдя из самолета, прошёл строгую проверку японских таможенников, но без какого-то предвзятого отно-

шения. Обычная процедура нормального таможенного осмотра, предъявление документов и всё прочее. В конце концов, я вышел и увидел девушку, у которой была на груди табличка с надписью на английском языке: «Господин Чудодеев, я Вас встречаю». Эта девушка, которой я обрадовался, даже чуть не обнял её, проводила меня на токийский вокзал. Тут появилась и другая девушка, которая стояла и ждала меня у другого выхода, потому что в аэропорту было два выхода, и я мог выйти через второй. Оказывается, университет Рицумэйкан договорился о моей встрече со службами аэропорта. Меня проводили, посадили в японский поезд, знаменитый «синкансэн». Только там я увидел, что это такое! Настоящая «стрела». Ну, вы знаете, на Тайване они тоже есть, наверно.

ВГ: Да, уже появились.

ЮЧ: Посадили меня в этот поезд. Ничего подобного я не видел на наших железных дорогах! Это мягкие кресла. Это телевизор, который показывает рекламу и всякого рода объявления. Это бешеная скорость в 200 с лишним километров. Почти никакого влияния на ваши телодвижения на закруглениях [пути]. Видно, так построены пути, чтобы не сбавлять скорость на поворотах. В пути я опять думал, куда отправиться после приезда. Где искать Рицумэйкан, с моим английским. Когда же я вышел из вагона, передо мной стоял молодой господин, который, увидев мое европейское лицо, сразу подошёл ко мне и сообщил, что откомандирован для моего сопровождения. Меня поселили в прекрасной гостинице при университете, которая была домом-мемориалом крупного японского учёного-экономиста, преподававшего в этом университете. Там был музей в честь этого учёного. А ряд комнат были отведены для приезжих гостей.

Упомянутый молодой человек постоянно сопровождал меня. Когда я заявлял о своём желании встретиться с тем-то и с тем-то, он внимательно объяснял мне, каким образом мне доехать туда-то и туда-то. Когда я пожелал по совету японских коллег встретиться с господином Фудзии, который работал в Токийском университете, находившемся в пригороде Токио (довольно сложно было разыскать его, потому что в Японии довольно запутанная система метрополитена и других средств сообщения), он внимательнейшим образом рассказывал мне по схеме, как можно попасть в этот университет. И когда, в конце концов, я попал в университет и уже начал беседовать с господином Фудзии, у него на столе зазвонил телефон. Это опекавший меня в Рицумэйкане молодой человек звонил, чтобы уточнить, нашёл ли господин Чудодеев нужного профессора. Ну, и профессор Фудзии подтвердил, что всё в порядке...

ВГ: Юрий Владимирович, чувствуется, что в Японии вас встречали очень гостеприимно. Но, как я подозреваю, во время ваших последних визитов в Китай вас тоже, наверно, очень бережно опекали?

ЮЧ: В общем, да. Могу только сказать, что я был в Китае пять раз. Пребывание в 1964 году и в 1965 году, я уже говорил об этом, совпало с нашими сложными отношениями, с начавшейся пока ещё не «горячей», но уже «холодной» во-

йной между нашими правящими кругами. И это, в общем-то, ощущалось. В 1985 и 1986 годах, когда началась «разрядка» в наших связях, отношение, естественно, изменилось в гораздо лучшую сторону. Я бы не сказал, что оно было прямо уж такое любвеобильное. Но было достаточно нормальное сдержанное отношение. В нашей стране тогда только начала «созреть» перестройка. Горбачёв пришёл к власти, по-моему, в марте 1985 года. А я попал в Китай в августе. Поэтому даже в наших кругах отношение к китайскому окружению было тоже достаточно сдержанное. Когда же я решил попутешествовать и поинтересовался, могу ли я попасть в тот или иной город, думая, что в Китае, как и у нас, может быть какой-то закрытый для иностранцев город, китайцы выразили удивление и сказали, что у них почти все провинции и города открыты. Вы лучше доложите своему руководству, куда вы хотите ехать и свой маршрут, – сказали они. Чтобы, в случае чего, вас могли найти там, где вы будете. И я действительно, используя эту возможность, попутешествовал по Китаю достаточно прилично. И это оставило огромнейшие впечатления!

ВГ: Как прошли ваши последние две поездки?

ЮЧ: А вот последние поездки 2006 и 2007 годов, когда я попал в командировку в Китай с нашими крупными специалистами (господином А.А. Бокщаниным, директором нашего института *Р.Б. Рыбаковым*, заведующей филиалом нашего института в Петербурге *Ириной Фёдоровной Поповой*, а также рядом сотрудников из Института Дальнего Востока во главе с М.Л. Титаренко), отношение было прекрасное, доброжелательное и очень уважительное. Нас поселили в одной из лучших гостиниц старого типа – гостинице «Пекин» (Бэйцзин фаньдянь). Каждый из нас занимал отдельный номер, получал трёхразовое питание. Мы проводили наши научные конференции не выходя из этого отеля. Всё это было очень удобно.

Мы говорили о том, что XXI век может стать «Веком Китая». Китай выходит на ведущие мировые позиции во всех отношениях. И вряд ли приходится сомневаться, что Китай станет, точнее, уже становится одной из лидирующих стран мира. Но мы также говорили о том, что западная модель демократии как будто не очень приемлема для Китая. Что Китай, как говорили японцы (правда, это было давно, в 1991 году), ещё не созрел для демократии. А почему мы должны понимать демократию только в «западной» интерпретации? Почему-то Запад и про нас всё время говорит, что мы как будто не дозрели до демократии. А мы, ссылаясь опять же на мнение западных пропагандистов и политологов, говорим, что Китай не очень развил свои демократические институты и всё прочее. Я хочу сказать, что надо учитывать своеобразие каждой страны.

ВГ: Мой вопрос как раз об этом. Мы говорим, что западная демократия якобы не подходит Китаю. Но, тем не менее, новый Китай требует появления новой идеологии. Марксизм уже устарел, как его не называй. На Западе он, может быть, теперь снова в моде. Но в Китае он уже существует как «оболочка», под названием

«социализм с китайской спецификой». Китаю нужна какая-то новая идеология. Какая же это идеология?

ЮЧ: Я думаю, эту новую идеологию китайцы начали постепенно раскручивать где-то с начала нынешнего тысячелетия.

ВГ: Мне кажется, что это началось даже раньше. Ведь еще *Дэн Сяо-пин* говорил о достижении «малого процветания» в будущем Китае (доктрина *сяо кан*), о бесцветных кошках в тёмной комнате и так далее. *Цзян Цзэ-минь* говорил про «три представительства», а сейчас Ху Цзинь-тао развивает доктрину «гармоничного общества» (*хэсе шэжуй*).

ЮЧ: Упомянутую вами идею (новой идеологии для нового общества) я бы всё-таки начал не с Дэн Сяо-пина. Я бы хотел сказать, что эту идею (гармоничного общества), хоть она, наверно, и мелькала у Дэн Сяо-пина, подчеркнул всё же Ху Цзинь-тао. Особенно на пленумах ЦК, которые предшествовали XVII съезду КПК, где она прозвучала особенно развёрнуто. У нас есть крупные специалисты по Китаю, я имею в виду Ю.М. Галеновича, работающего в Институте Дальнего Востока, который посвятил свою специальную работу идее «гармонизации» китайского общества, используя работы Ху Цзинь-тао²². Ссылаясь на высказывания председателя КПК я не могу считать, что он хочет подменить идеей «гармонизации» идеи марксизма-ленинизма. Китайцы – прекрасные традиционалисты. Они никогда ни от чего не отказываются и, между нами говоря, они никогда ничего не забывают. Поэтому, несмотря на те трудности, которые Китай испытал во время руководства страной Мао Цзэ-дуном, они ведь не выкидывают его из своей памяти, не выкидывают его из арсенала своих политических аргументов. Они начинают с Мао Цзэ-дуна, они говорят о лидерах, которые последовали за ним. Говорят о Дэн Сяо-пине и о четвёртом поколении китайского руководства. То есть, преемственность идей характерна для сегодняшнего китайского руководства. Конечно, идея «гармонизации», идея «гармонии», которая находит свои корни ещё в конфуцианских доктринах, была характерна не только для сегодняшнего китайского руководства. Эта идея пронизывала и взгляды китайских реформаторов конца XIX века. Скажем, знаменитая работа Кан Ю-вэя «Кун-цзы гай чжи као» («Исследование реформаторства Конфуция») – трактат, который он строил опираясь на высказывания *Конфуция* об идее гармонии, идее реформ и так далее. Это и идея Сунь Ят-сена, который хотел организовать отношения Китая с Японией на базе «гармоничного» взаимодействия этих двух стран. Она вообще была характерна для многих китайских политиков и идеологов. Но то, что мы наблюдаем сегодня, я бы не стал называть «подменой». Ху Цзинь-тао всё время ссылается на идеи марксизма, говоря, что это марксизм в сочетании с китайской спецификой. Во всяком случае, они не говорят о том, что хотят заменить идеи марксизма-ленинизма идеями конфуцианской гармонии. Но то, что они сегодня стремятся наладить в китайском обществе взаимодействие на гар-

²² См.: Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М., 2006.

моничных началах, это очень характерная черта сегодняшней китайской идеологии и политики.

ВГ: Адекватны ли эти идеи встающим сегодня перед Китаем проблемам?

ЮЧ: Китайские реформы привели сегодня ко многим проблемам, которые были поставлены во главу угла в выступлении председателя КПК на XVII съезде, в решениях XVII съезда. И они беспокоят сегодня китайское руководство. Например, огромный разрыв между людьми, которые зарабатывают сегодня большие деньги, и теми, кто до сегодняшнего дня являются, по существу, пауперами. Мне говорили, что в долине Хуанхэ люди всё ещё живут в лёссовых пещерах. Может это уже не так сегодня, но в 1970-х и 1980-х годах я встречался с такими свидетельствами. Если сказать более чётко и по существу, речь идёт о формировании новой идеологии в современном Китае. Об идеологии социальной гармонии, которая выдвинута и как ответ на современные проблемы Китая, и как ответ на новую ситуацию в мире. В докладе председателя КПК было особо подчёркнуто, что реализация этой идеи займёт длительный период. И лишь пройдя его, этот этап согласования общественных интересов, Китай сможет шагнуть на вторую, высшую ступень уже не гармонии, а «Великого Единения», то есть эпоху *Датун* в конфуцианской терминологии или коммунизм в представлении китайских лидеров. Они не отказываются от марксистских терминов типа «коммунизм» или «социализм». В частности, гармонизация общества выдвинута как перспективная цель для построения «социализма согласия». Идея возрождения китайской нации также прозвучала очень громко в докладе Ху Цзинь-тао на съезде. В настоящее время идея социальной гармонии, в сочетании с концепцией научного развития и курсом на великое возрождение китайской нации, взятые в совокупности, выдвинуты, по моему мнению, как национальная идея современного Китая. Но дело не только в том, что они выдвигают идею гармонизации внутри китайского общества. Они выдвигают эту идею и в русле своей внешней политики, имея в виду и межгосударственные отношения, в том числе отношения с Японией.

Надо сказать, что китайское руководство может позволять себе достаточно жёсткую линию поведения, если это может затронуть интересы нации в их представлении. Это показали и события в Синьцзяне, и события в Тибете. Проявление этой жёсткости мы иногда наблюдаем или наблюдали, по крайней мере, вплоть до какого-то момента и в отношениях с Тайванем, когда Пекином устраивались манёвры в Тайваньском проливе. И до сих пор, как заявляет президент Китайской Республики *Ма Ин-цзю*, на Тайвань нацелена чуть ли не тысяча китайских ракет. Так что, все эти обстоятельства надо брать и рассматривать в совокупности, в зависимости от той ситуации, которая характерна для Китая и его окружения.

Что касается отношений с Россией, то, как я уже говорил, у некоторых людей в России существуют опасения, что подъём Китая может привести к проявлениям в отношении нашей страны элементов «национального эгоизма». Или прояв-

лениям элементов «экономического эгоизма», о котором говорил наш президент Дмитрий Анатольевич Медведев на экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2008 года. Но ведь на эту проблему можно посмотреть и с другой стороны. Пример бурно развивающегося Китая может и должен стать мощным стимулом для активного экономического роста России! Весь вопрос в том, как этот пример будет реализован в наших программах инновационного развития, которые мы, кстати, как и китайцы, стали выстраивать до 2020 года. Уж не стоит ли за этим некая российско-китайская соревновательная модель «соразвития»?! Вот на этом я хотел бы завершить своё выступление и поблагодарить господина Головачёва за то внимание, которое он уделил моей скромной персоне!

ВГ: Я очень рад, что у нас состоялась такая содержательная и продуктивная беседа! И давайте будем надеяться на продолжение ваших исследований! Спасибо!

ЮЧ: Спасибо! До свидания!

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Авенариус Георгий Георгиевич (1876–1948). Китаевед, правовед, экономист. Жил в эмиграции в Харбине. Преподавал в Институте ориентальных и коммерческих наук; в период *Маньчжоу диго* (1932–1945) читал в университете лекции по истории Восточной Азии. Автор трудов по истории судебной и экономической систем Китая 313

Аганбегян Абел Гезевич (1932 г.р.). Экономист, д.э.н. (1963), академик АН СССР (1974). Ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (1989–2002). В 1980-х советник генсека ЦК КПСС М.С. Горбачёва по вопросам экономики 345

Агван Лобсан Доржиев (1853–1938). Учёный-буддист, дипломат, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии 245

Аджимамудова Виола Сергеевна (1936 г.р.). Китаевед-литературовед. К.филол.н. (1970). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1959–1974 и с 1985), ВИ МО (1974–1985). Исследователь истории китайской литературы XX в. 384

Айгунский договор – договор между Россией и Китаем, подписан 16 (28) мая 1858. Установил принадлежность России левого берега Амура, от р. Айгунь до его устья. Правый берег Амура до р. Уссури закреплялся за Китаем. Район между Уссури и морем «... до определения по сим местам границы между двумя государствами...» объявлялся общим владением России и

Китая. Плавание по Амуру, Сунгари и Уссури разрешалось только русским и китайским судам 349

Академия Синика (Academia Sinica, АС), *Чжунъян яньцзююань* 中央研究院 (Центральная академия наук). Основана в 1928 г. как центр национальной науки в Китае. В годы войны с Японией (1937–1945) почти не действовала – институты были разбросаны по юго-западному Китаю и утратили связь между собой. В 1946–1948 гг. были переизбраны 81 действительных членов АС. В 1948 АС перевели на Тайвань, куда выехали около 10 академиков. Лишь к началу 1960-х гг. работа АС возобновилась в полном объёме. Сегодня АС имеет более 30 НИИ и научных центров, где работает около 800 учёных. АС – один из важнейших центров мировой синологии и естественных наук. Среди учёных АС – 8 лауреатов Нобелевской премии 174, 217, 218, 240, 245, 347

Алаев Леонид Борисович (1932 г.р.). Востоковед (индолог). Окончил истфак МГУ (1954). Д.и.н. (1982), профессор (1986). Главный научный сотрудник ИВ РАН. Преподаватель МГИМО МИД РФ 370

Александров Александр Данилович (1912–1999). Математик, физик, философ. Членкор АН СССР (1946). Ректор ЛГУ в 1952–1964 г. 80

Александров Юрий Георгиевич (1933 г.р.). Востоковед, д.э.н. (1982). Окончил ВИИЯ

(1956). Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1962) 403

Алексеев Василий Михайлович (1881–1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Академик АН СССР (1929). Преподаватель СПБУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902–1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947) 8, 29, 81, 90, 143, 220, 222, 248, 279, 319, 324, 336, 342, 351–354, 360, 387, 399

Алимов Игорь Александрович (1964 г.р.). Китаевед-медиевист, д.и.н. (2010). Окончил востфак ЛГУ (1986). Российский писатель (псевдоним Хольм ван Зайчик), директор издательства «Петербургское Востоковедение» (с 1992) 247

Алтаузен Джэк (Яков) Моисеевич (1907–1942). Советский поэт, сибиряк. В 1918 г. оказался в Китае, работал «боем» на пароходе линии Шанхай-Гонконг. В 1920 г. вернулся в Россию. Погиб на фронте. Его творчество высоко оценил Е. Долматовский во введении к сборнику «Джек Алтаузен. Стихи» – М.: Художественная литература, 1971. 160 с. 77

Алфёров Жорёс Иванович (1930 г.р.). Физик, лауреат Нобелевской премии по физике (2000) за разработку полупроводниковых гетероструктур и создание быстрых опто- и микроэлектронных компонентов, академик РАН 244

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984). Государственный и партийный лидер СССР. Председатель КГБ СССР (1967–1982), генсек ЦК КПСС (1982–1984), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983–1984) 59, 136, 137, 139, 154

АОН КНР – Академия общественных наук КНР. Основана в 1977 г. на базе Отделения философии и общественных наук Академии наук КНР 8, 9, 332, 343, 393

Арбатов Георгий Аркадьевич (1923–2010). Историк, д.и.н. (1964), профессор, академик АН СССР/РАН (1974). Основатель советской школы американистики. В 1967–1995 гг. – директор основанного им Института США и Канады АН СССР/РАН (ИСКРАН). Почётный директор ИСКРАН (с 1995). Член ЦК КПСС (1981–1991). Депутат Верховного Совета СССР (1989–1991) 136, 153

Архипов Иван Васильевич (1907–1998). Партийный и государственный деятель СССР (с 1939). Возглавлял группу советских специалистов в Китае, был главным экономическим советником Госсовета КНР (1950–1958). Герой Социалистического Труда (1977). По сообщению агентства *Синьхуа* от 09.11.2009, Архипов и ещё 9 зарубежных специалистов признаны оказавшими наибольшее влияние на Китай за минувшие 60 лет 130, 131

Бабаян Агаси Арутюнович (1921–1995). Режиссёр, сценарист, актёр. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1974) 246

Байков Фёдор (1612–1664). Глава первого русского посольства, официально на-

правленного в 1654–1657 царём Алексеем Михайловичем в Пекин для установления торговых и дипломатических отношений с Китаем 385

Бак Перл (1892–1973). Урожденная Сайденстрикер (Pearl Sydenstricker Buck; китайское имя 赛珍珠, Sàì Zhēnzhū) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. Дочь миссионера, провела детство и юность в Китае, который вдохновил её написание своих произведений 220

Баранов Ипполит Гаврилович (1886–1972). Окончил Восточный институт (Владивосток, 1911), был переводчиком на КВЖД, жил в Харбине. Преподавал китайский язык и экономическую географию Маньчжурии. Автор многих работ по Китаю. Одну из них (По китайским храмам Ашихэ. – Харбин, 1926) подарил в 1934 г. посетившему Харбин Н.К. Рериху. Член Маньчжурского «Общества русских ориенталистов», «Общества изучения Маньчжурского края» и др. Выехал в СССР, в Казахстан. Умер в Алма-Ате 123, 295, 313

Бартольд Василий Владимирович (1869–1930). Востоковед широкого профиля (по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду). Доктор истории Востока (1900), профессор (1906). Академик РАН / АН СССР (1913). Труды по истории, филологии тюркских и монгольских народов, исламу и культуре мусульманства, археологии, нумизматике, эпиграфике, исторической географии, этнографии 360, 361

Бастид-Брюгьер Марианна (Bastid-Bruguière, Marianne, 1940 г.р.). Французский синолог 342

Баторий Стефан (István Báthory, Stefan Batory) (1533–1586). В 1571–1576 гг. – князь Трансильвании, с 1575 г. – король Польши 181, 474

Бергер Яков Михайлович (1929–2016). Китаевед. К. геогр. н. (1962), д.и.н. (1987). Окончил МИВ (1952). Участник Синьцзянской экспедиции АН КНР (1957). Стажировка в КНР (1958). Сотрудник Института географии (1953–1965), ИЭМСС (1965–1967), ИНИОН АН СССР (1970–1980). Сотрудник ИДВ РАН (1967–1970 и с 2000), зам. главред журнала «Проблемы Дальнего Востока» 122, 128, 154, 155

Берёзкин Александр Васильевич (1910–1968). Историк, член редколлегии журнала «Коммунист» 65

Бертельс Евгений Эдуардович (1890–1957). Востоковед, специалист по истории культуры и литературы Ирана. Доктор литературоведения (1935), профессор (1928), членкор АН СССР (1939). Преподаватель ЛГУ (1924–1941). Завотделом Ирана Азиатского музея/ЛО ИВ АН СССР (1920–1957) 361

Бичурин Никита Яковлевич (1777–1853). В 1802 г. принял монашество под именем *Иакинф*. Архимандрит РПЦ. Китаевед, путешественник, переводчик китайского языка, один из основателей российского китаеведения. Членкор Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1828) 113, 248, 264, 319, 327, 341, 385

Блюмхен Сергей Иванович (1956 г.р.). Китаевед, историк. Окончил Иркутский ПИИЯ (1978), истфак Иркутского ГУ (1986). Стажировался в КНР (1990–1991). Сотрудник отдела Китая ИВ РАН (с 1990). Ученик С.Р. Кучеры, специалист по истории и идеологии древнего Китая 210

Блюхер Василий Константинович (1889–1938). Псевдоним – *Галин*. Советский военачальник. Маршал СССР (1935). Участник 1-й мировой и Гражданской войны в России. Военный министр, главком Народно-революционной армии Дальневосточной Республики (1921–1922). Главный военный советник Гуанчжоуского (Кантонского) правительства (1924–1927). В 1929–1938 гг. командовал Особой Дальневосточной армией. Стал жертвой сталинских репрессий. Посмертно реабилитирован после 1956 г. 117, 365, 375

Бо Цзюй-и 白居易 (772–846). Один из крупнейших поэтов Китая эпохи Тан. Наряду с обличением социальной несправедливости прославился и как большой мастер лирических стихов 363

Бовин Александр Евгеньевич (1930–2004). Юрист, журналист, политолог, дипломат. К. филос. н. (1963). Консультант, глава группы консультантов отдела ЦК КПСС (1963–1972). Ряд лет был спичрайтером генсека ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР/РФ в Израиле (1991–1997). С 1997 г. на пенсии, преподаватель РГГУ, политический обозреватель, ведущий телепрограмм 129, 136, 137, 151, 155, 158

Богомолов Дмитрий Васильевич (1890–1937). Дипломат. В 1920 г. переведён в Наркомат иностранных дел (НКВД). В 1933 г. назначен полпредом СССР в Китае. В 1937 г. отозван в Москву и арестован. Приговорен к смертной казни. Расстрелян. Посмертно реабилитирован 354

Богомолов Олег Тимофеевич (1927–2015) Экономист. Работник Министерства внешней торговли и секретариата СЭВ (1949–1991), аппарата ЦК КПСС (1962–1969). Д.э.н., профессор МГУ (1967–1977), академик АН СССР (1981). Директор Института международных экономических и политических исследований РАН (1969–1998). Был народным депутатом СССР (1989–1991) и депутатом Госдумы РФ (1993–1995) 136, 151

Богословский Василий Алексеевич (1932–1988). Тибетолог, к.и.н. (1961). Окончил истфак МГУ (1954). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1957–1967), ИДВ АН СССР (1967–1988) 241

Богословский Никита Владимирович (1913–2004). Советский и российский композитор, дирижёр, пианист, литератор. Народный артист СССР (1983) 278

Бокщанин Алексей Анатольевич (1935–2014). Китаевед, д.и.н. (1985), профессор. Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Работал в Институте китаеведения с 1958 г., в ИВ АН СССР с 1961 г. Заведующий отделом Китая ИВ РАН (1990–2011). Специалист по истории династии Мин 57 18, 19, 43, 194, 230, 311, 317, 335, 372, 379, 383, 416

Бокщанин Анатолий Георгиевич (1903–1979). Историк античности, специалист по истории Древних Греции и Рима. Доктор наук. Профессор исторического факультета МГУ. Отец китаеведа А.А. Бокщанина 370

Болтач Юлия Владимировна (1976 г.р.). Кореевед, к.и.н. (2007). Учёный секретарь отдела Дальнего Востока ИВР РАН, научный сотрудник ИВР РАН (с 2002) 249

Большаков Олег Георгиевич (1929 г.р.). Востоковед, окончил востфак ЛГУ (1951). Д.и.н. (1974), профессор, заслуженный деятель науки РФ. Главный научный сотрудник ИВР РАН 248

Большой китайско-русский словарь (БКРС). Словарь, включающий около 250 000 слов и выражений. Составлен по русской графической системе коллективом китаеведов под руководством и редакцией И.М. Ошанина; тт. 1–4. М., 1983, 1984 387

Бонгард-Левин Григорий Максимович (1933–2008). Востоковед-индолог, д.и.н. (1970). Научный сотрудник ИВ РАН с 1956 г. Академик АН СССР (1990). Лауреат госпремии СССР (1988), госпремии РФ (2001) и премии им. Дж. Неру (1975). Почётный член Археологического общества Индии, вице-президент Международной ассоциации по санскритологии, главред журнала 340, 360, 370, 372

Боровкова Людмила Акимовна (1930–2011) Окончила истфак МГУ (1953). Д.и.н.

(1994). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1961), отдела Китая ИВ АН СССР (1961–2010). Специалист по средневековому Китаю и истории народов Центральной Азии 41, 401

Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович (1884–1951). Советский партийно-политический деятель. Член КПСС с 1903. В 1923–1927 гг. по приглашению Сунь Ят-сена работал в Китае главным политическим советником ЦИК Гоминьдана. С 1932 г. главный редактор газеты «Moscow News» 224, 364, 365

Борох Лилия Николаевна (1933–2011). Китаевед, д.и.н.(1985). Окончила ИВЯ в 1957 г. Научный сотрудник Института китаеведения АН СССР (1957–1960), ИВ АН СССР (1961–2009). Специалист по изучению общественной мысли в Китае начала XX в. Автор более 50 работ 141, 264, 270, 381, 383, 386, 408

Бохай – (кит. 渤海) или Пархэ (кор.) (698–926) – первое государство тунгусо-маньчжуров, располагавшееся на территории Маньчжурии, Приморского края и в северной части Корейского полуострова 224, 239

Бромлей Юлиан Владимирович (1921–1990). Историк, этнограф. Окончил истфак МГУ (1950). Д.и.н. (1965), Академик (1976). Директор ИЭ АН СССР (1966–1990). Автор многих крупных работ по теории этноса 66

Бурлацкий Фёдор Михайлович (1927–2014) К.юр.н. (1951), д.филос.н. (1964). Работал

в Президиуме АН СССР, журнале «Коммунист», Отделе ЦК КПСС по связям со стран (1952–1964). Замдиректора Института социологических исследований АН СССР (1969–1972). Политический обозреватель, главред «Литературной газеты» (1982–1991). Преподавал в МГУ и за рубежом. Сотрудник Института государства и права, председатель научного совета по политологии РАН. Автор книг о культуре личности Сталина, политических биографий Хрущёва, Брежнева, Горбачёва, Мао Цзэ-дуна, Гитлера, Франко 136

Буров Владилен Георгиевич (1931 г.р., Харбин). Китаевед, д.филос.н. (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). Научный сотрудник Института философии РАН (с 1959). Исследователь классической и современной китайской философии 383

Бухарин Николай Иванович (1888–1938). Революционер, партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1906 г. Друг Ленина. С 1917 член ЦК РСДРП(б). В 1920-х главред газеты «Правда», ведущий партийный идеолог. Глава Высшего совета народного хозяйства, разработчик сталинской теории «социализма в одной отдельно взятой стране», противопоставленной идее «перманентной мировой революции» Троцкого. Поддержал Сталина в борьбе с оппозицией. В 1937 г. исключён из партии и арестован. Расстрелян в 1938 г. 146

Быков Фёдор Степанович (1929 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил философский факультет МГУ (1953) и МИВ (1954). Стажёр Пекинского университета (1957–1958). Сотрудник ИВ (1958–1965), ИЭМСС

(1965–1966), ИДВ АН СССР (1976–1978). Сотрудник МИД (с 1966). Исследователь истории общественно-политической и философской мысли в Китае 30, 379

Бэйда 北大 – обиходное китайское название Пекинского университета (кит. *Бэй-цзин дасюэ* 北京大學) см.: *Пекинский университет* 188, 197, 201, 231, 267, 268, 269, 297, 298, 335, 378

Ван Ань-ши (1021–1086). Китайский государственный деятель-реформатор, учёный, писатель. В конце 1050–1060-х представил императору доклады с обоснованием необходимости реформ. В 1069 г. стал советником двора, в 1070–1074 гг. и 1075–1076 гг. был первым министром. С 1069 г. проводил преобразования, известные как *реформы Ван Ань-ши* 264, 269

Ван Гулик, Роберт Ханс (Robert Hans van Gulik, 1910–1967). Известный нидерландский востоковед, дипломат, писатель 341, 342

Ван Дер Лун, Пит (Piet van der Loon, 1920–2002). Английский синолог голландского происхождения 342

Ван Ли-пин 王力平 (1949 г.р.). Даосский учитель, «отшельник в миру». Преемник школы «Драконовых врат Полноты Истинности» в 18 поколении 106–109

Ван Тао 王韜 (1828–1897). Философ, учёный, общественный деятель, основатель современной журналистики в Китае. Как идеолог движения за реформы Ван Тао считал, что многие западные социально-политические доктрины тождественны

идеям, изложенным в канонах древнекитайской философии. Считал, что конфуцианский путь развития победит во всём мире 406

Ван Цзин-вэй 汪精衛 (1883–1944). Революционер, один из лидеров партии Гоминьдан, соратник Сунь Ят-сена. В 1927 г. – глава правительства в г. Ухань. Соперничал с Чан Кай-ши за лидерство в стране и партии. В 1940–1944 гг. возглавил марионеточное правительство, созданное японцами в г. Нанкин 404, 408, 409

Ван Чжэн-тин 王正廷 (1882–1961). Дипломат и политический деятель. Окончил университет Бэйян в Тяньцзине, затем Йельский университет (США), где защитил докторскую степень (1908). В 1910 г. вернулся в Китай, был министром иностранных дел в правительстве Гоминьдана. С 1921 г. – один из известных руководителей спорта в Китае, в 1922 г. избран членом Международного Олимпийского комитета. С 1952 г. жил в Гонконге 171

Ван Ян-мин 王陽明 (1472–1529). Первое имя Ван Шоу-жэнь 王守仁. Знаменитый китайский философ. Родился в пров. Чжэцзян. Один из основателей неоконфуцианской школы *синь сюэ* (учение о сердце) 101, 144

Ванин Юрий Васильевич (1930–2017). Кореевед, к.и.н. (1963). Аспирант и научный сотрудник ИВ РАН (с 1957) 370

Ваньли 萬曆 (эра правления 1573–1620). Собственное имя Чжу И-цзюнь. Храмовое имя Шэньцзун. Император династии Мин, за 48 лет правления которого благосостояние страны возросло до уровня, невиданного со времён расцвета династии Сун

(960–1279) 332

Васильев Борис Александрович (1899–1937). Китаевед-литературовед. Кандидат литературоведения (1935). Профессор (1936). Научный сотрудник Азиатского музея Института востоковедения (1930–1937). Труды по истории китайского театра и литературы 352

Васильев Ким Васильевич (1932–1987). Китаевед, к.и.н. (1966). Окончил востфак ЛГУ (1956), сотрудник Кабинета древнего Востока ЛО ИВ АН (1960–1987). Специалист по древней истории Китая 229

Васильев Леонид Сергеевич (1930–2016). Востоковед. Окончил истфак МГУ (1953). Д.и.н. (1974), профессор (1979). Главный научный сотрудник ИВ РАН/АН СССР (с 1956). Профессор ИСАА при МГУ, НИУ Высшая школа экономики (с 2007). Автор 2-томного университетского учебника «История Востока», 6-томного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», ряда монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории 12, 28, 141, 148, 149, 208, 209, 386

Васко да Гама (1469–1524). Португальский мореплаватель. В 1497–1499 гг. совершил плавание в Индию вокруг Африки и обратно, впервые проложив морской путь из Европы в Южную Азию 401

Вахрева Фаина Ипатьевна (1916–2004). Кит. имя Цзян Фан-лян. С 1935 г. жена Цзян Цзин-го. В 1937 г. вместе с мужем выехала в Китай, а в 1949 г. – на Тайвань.

Родила Цзян Цзин-го четырёх детей, пережив мужа на 18 лет. Прекрасно усвоила китайские традиции и этикет. В 2004 г. в последний путь её провожало всё высшее руководство Китайской Республики на Тайване 356, 482

Вахтин Борис Борисович (1930–1981). Китаевед, к.филол.н. (1959). Окончил востфак ЛГУ (1954). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1957–1981). Член Союза писателей РСФСР (с 1961). Переводчик, специалист по средневековой китайской поэзии 226, 227, 248

Вебер Макс (1864–1920). Немецкий социолог, историк, экономист; создатель «понимающей социологии» и теории социальных действий. Основные труды: «Биржа и её значение», «История хозяйства», «Наука как призвание и профессия», «Политика как призвание и профессия», «Протестантская этика и дух капитализма» и др. 155, 389

Великий поход 長征. Легендарный поход армии китайских коммунистов в 1934 г. Войска правительства Гоминьдана окружили советские районы в пров. Цзянси и стали готовиться к всеобщему наступлению. Великий поход стал массовым уходом коммунистов с подвластных им территорий, объединением отдельных коммунистических отрядов и укреплением в Особом районе на Северо-Западе Китая (пров. Шэньси и Ганьсу) со столицей в г. Яньань 118

Вербиист Фердинанд (Ferdinand Verbiest, 1623–1688). Фламандский миссионер и исследователь средневекового Китая 347

Вертинский Александр Николаевич (1889–1957). Выдающийся русский эстрадный артист, актёр, поэт и певец, композитор. С 1920 г. жил в эмиграции. В 1935 г. переехал в Китай (Шанхай). В 1943 г. вернулся из Китая в СССР 316

Вестник древней истории (с 1989). Почётный профессор МГУ (2002). Автор более 200 работ по древней и средневековой истории и философии Индии 193

Виноградов Николай Павлович (1923–1967). Китаевед, к.и.н. (1951). Окончил МИВ (1948). Преподаватель МИВ, МГИМО МИД СССР (1951–1955). Научный сотрудник отдела Китая ИВ АН СССР (1955–1967). Участник Великой Отечественной войны (1943–1944) 59, 168, 327, 388

Виногородский Бронислав Брониславович (1957 г.р.). Китаевед, переводчик классических древнекитайских текстов (среди них *Чжуан-цзы*, *Даодэцзин*, *Ицзин*), писатель, общественный деятель 286

Вишнякова-Акимова Вера Владимировна (1904–1965). Китаевед. Участник и очевидец революционных событий 1925–1927 гг. в Китае. Автор книги: Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980 79, 80

Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931). Востоковед-монголовед (историк, литературовед, филолог). Академик АН СССР (1929). Научный сотрудник Азиатского музея – ЛО ИВ АН СССР (1915–1931) 360

Власов фон Вальденберг В.В. (?-?). Полковник, жил в эмиграции в Китае. Педагог, историк. Секретарь Лицея св. Николая в Харбине, автор учебных пособий по истории России. Автор книги: История России (862–1920). – Харбин: Издание Католического Вестника, 1936. Вместе с супругой Анной Михайловной Наам стал католиком византийского обряда. Был арестован в 1948 г., депортирован в СССР, где подвергся репрессиям и погиб 293

Вогель Эзра (Ezra Feivel Vogel, b. 1930). Американский политолог, востоковед, в конце 1970-х – профессор Гарвардского университета. Автор книги *Ezra Vogel. Japan as Number One: Lessons for America* (Япония – номер один. Уроки для Америки). Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1979 138

Военный институт иностранных языков (ВИИЯ). Ныне – *Военный университет* Министерства обороны РФ. Создан в 1919 г., на базе Гуманитарной академии Вооруженных Сил и Военной академии экономики, финансов и права. Ведущее учебное заведение, осуществляющее подготовку офицерских кадров по гуманитарным, юридическим и филологическим направлениям 331, 381, 420, 429, 440, 442, 447, 449, 456, 459, 461, 484, 489–491

Войтинский Григорий Наумович (1893–1953). Настоящая фамилия – Зархин. Революционер, политический деятель, китаевед. Жил в эмиграции в США (1907–1917). Член РКП(б) с 1918 г. В 1920–1927 гг. работал в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). Как представитель ИККИ встре-

чался в 1920 г. в Китае с Сунь Ят-сеном, участвовал в работе IV и V съездов КПК, ряда пленумов ЦК КПК в 1924–1926 гг. В 1926–1927 гг. председатель Дальбюро ИККИ в Шанхае. С 1930-х гг. работал в Москве. Д.э.н. (1935, без защиты); профессор (1935). Работал в Институте истории АН СССР (1929–1948), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ(1929–1953). Участник ВОВ(1941–1942) 50–54, 56, 58, 68, 120, 126, 127, 133, 354

Волохова (Монина) Алёна Алексеевна (1934 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончила истфак МГУ (1957). Сотрудник Института китаеведения (1957–1960), Института народов Азии (1961–1962), ИЭМСС (1964–1966), ИДВ (1966–1971), ИНИОН (1971–1984), Дипакадемии МИД СССР (с 1984) 264, 359

Восток, журнал 東方雜誌 (Дунфан цзачжи) – выходил в Китае в 1904–1948 гг. Всего вышло 819 номеров в 44 томах. Был одним из влиятельнейших журналов-долгожителей панорамно-энциклопедического плана, в котором печатались многие знаменитые авторы 81, 82, 94, 373

Восточной литературы, издательство – основано в 1957 г. по решению Президиума АН СССР, как издательский центр Института востоковедения 229, 440

Вэнь Цзя-бао 溫家寶 (1942 г.р.). Партийный и государственный лидер КНР. По образованию инженер-геолог. Член КПК с 1965 г. В 1968–1983 гг. работал по специальности в пров. Ганьсу. Начальник Канцелярии ЦК КПК (1986–1993). Премьер Госсовета КНР, постоянный член ПБ ЦК КПК (2003–2013). Вместе с Ху Цзинь-тао

его относят к 4-му поколению лидеров КПК и КНР 163

Вэньян – букв.: письменный язык. Архаичный китайский язык, воспроизводящий грамматику и лексические особенности древнекитайских текстов. До начала XX в. был единственным языком официальных документов в Китае (исключение – эпоха монгольской династии Юань) 262, 263, 264

Вяткин Анатолий Рудольфович (1946–2015). Востоковед, к.и.н. (1978). Окончил ИВЯ при МГУ (1970). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1970). Главред журнала «Диаспоры» (с 2001). Специалист по истории Бирмы, стран Юго-Восточной Азии и Китая. Сын Р. В. Вяткина 382

Вяткин Рудольф Всеволодович (1910–1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Исследователь исторической мысли в Китае. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 перевод и полное издание всего труда завершено учениками Р. В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939–1956). Научный сотрудник Института китаеведения (1956–1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960–1967) 42, 140, 141, 166, 168, 209, 270, 360, 381, 382, 384, 388

Гаврилов Юрий Николаевич (1932–2009). Востоковед, д.и.н. (1974). Специалист по истории Кореи, Бирмы, Индонезии. Окончил истфак МГУ (1957). Корреспондент ТАСС в Пекине (1959–1962). Сотрудник Академии общественных наук при ЦК

КПСС (с 1962). Преподаватель ИСАА МГУ (1966–1988), РУДН (с 1995), РГГУ (с 1997). Сотрудник ИВ РАН (1968–1988) 264

Галенович Юрий Михайлович (1932 г.р.). Китаевед-историк, д.и.н. (1982). Окончил МИВ (1954). Сотрудник советских учреждений (КНР, 1954–1956, 1960–1967, 1969–1970), МИД СССР (1967–1978), ООН (1972–1978). Научный сотрудник Института Африки (замдиректора, 1978–1982), ИДВ РАН (с 1982). Специалист по истории КНР 379, 399, 400, 401, 417

Гамаюнов Леонид Степанович (1922–1969). Востоковед, индолог. Окончил истфак МГУ (1951). Завотделом журнала «Народы Азии и Африки» (1959–1969) 65

Гамбиз Луи (Louis Gambise (?-?)). Французский востоковед. Монголовед, автор работ по киданям 234, 235

Ганишин Владимир Георгиевич (1951–2011). Китаевед, к.и.н. (1979). Окончил ИСАА при МГУ (1973). Спецкор АПН, газеты «Известия» в Монголии и Северной Кореи (1973–1991). Научный сотрудник ИДВ РАН (2000–2011) 230

Ганишин Георгий Александрович (1925–2005). Китаевед, к.э.н. (1951). Окончил МИВ (1948). Преподавал в МГИМО МИД СССР (1954–1959), декан Восточного факультета. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1959–1961), ИДВ РАН (1988–1998). На дипломатической и партийной работе (1961–1989) 166, 168

Гао Ман 高莽 (1926–2017). Писатель, переводчик, знаток русского языка, много

раз бывал в СССР. Работник Всекитайского общества китайско-советской дружбы в Пекине (с 1954). В 1962–1989 гг. – сотрудник и главред журнала *Шицзе Вэньсюэ* (Мировая литература). Переводил и изучал русскую и советскую литературу. Почётный член Союза писателей РФ (1996). Кавалер Ордена Дружбы народов РФ (1997), памятной медали Общества дружбы между китайским и русским народами (1999) 131, 132

Гарушияц Юрий Мисакович (1930–2012, м.р. Баку). Китаевед-историк. Окончил МИВ (1953). К.и.н. (1969). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1961), Института востоковедения (1961–1962 и с 1978), ИМРД (1969–1973), ИМЭМО (1973–1978) АН СССР. Автор более 120 научных работ 12, 47–51, 54–57, 65, 148, 291, 308, 386, 409, 473

Гафуров Бободжан Гафурович (1908–1977). Видный деятель КПСС, востоковед. Академик АН СССР (1968). Сотрудник (1936–1946), 1-й секретарь (1946–1956) ЦК КП Таджикистана. Директор ИВ АН СССР (1956–1977). Лауреат премии им. Дж. Неру (1968). См.: Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т.1. М., 1955 56, 144, 154, 247, 359, 381, 388

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831). Немецкий философ, один из создателей немецкой классической философии и философии романтизма. Основные труды: «Феноменология духа» (1807), «Наука логики», «Философия права» (1821) 55, 149, 155

Гельбрас Виля Гдаливич (1930–2018). Китаевед. Окончил МИВ (1953). Д.и.н. (1980), профессор (1983). Сотрудник МВТ СССР (1953–1955), 1956–1964 гг. – научный сотрудник НИИ труда при Госкомитете СМ СССР по вопросам труда и заработной платы), ИЭМСС АН СССР (1964–1967), ИМРД (1967). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1992). 122, 139, 154, 155

Герасимов Михаил Михайлович (1907–1970). Советский антрополог – скульптор и археолог, д.и.н. (1956), зав. Лабораторией пластической реконструкции Института этнографии АН СССР (1950–1970) 332

Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств, создано декретом СНК в 1922 г. Вело предварительный и последующий контроль над всей издательской деятельностью в СССР, за исключением хозяйственных вопросов, финансов и торговли. Контролировало и ввоз литературы из-за границы. В 1991 г., в связи с выходом «Закона о печати и других средствах массовой информации», Главлит СССР был ликвидирован 125

Глунин Владимир Иванович (1924–2004). Китаевед, д.и.н. (1977). Окончил МИВ (1951). Преподавал в МИВ (1952–1954). Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1964), ИДВ АН СССР (с 1966). Изучал новейшую историю Китая 51, 60, 308

Го Мо-жо 郭沫若 (1892–1978). Ученый-историк, археолог, писатель, поэт, драматург, общественный и государственный деятель. Член КПК с 1927 г. В годы Войны сопротивления Японии выступал

(1937–1945) за сотрудничество КПК и Гоминьдана. Перевёл на китайский язык ряд трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, часть «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Фауста» И.В. Гете. После создания КНР занимал ряд высоких государственных постов. Первый президент Академии наук КНР (1949–1978). Неоднократно приезжал в СССР 51, 71, 91, 92, 95, 131, 200, 263, 329, 333, 354

Го Шао-тан – см. Крымов А.Г.

Головачёв Валентин Цуньлиевич (1962 г.р., м.р. Пекин). Китаевед-историк, переводчик китайского языка. К.и.н. (1992, ИСАА МГУ), ст.н.с. Отдела Китая ИВ РАН (с 2004). Выпускник Востфака ДВГУ (1984). Специалист по этнической истории и политике Китая в средние века, новое и новейшее время, истории российского Китаеведения и российско-китайских отношений, этнической истории Тайваня, международных отношений России и Китая в Азиатском регионе 11, 16, 18, 43, 47, 75, 111, 219, 258, 290, 316, 322, 350, 367, 401, 407, 419

Головачёва Лидия Ивановна (1937–2011, м.р. Тамбов). Китаевед-историк, философ, переводчик. К.и.н. (1981). Выпускница Восточного факультета ЛГУ (1975). Специалист по новейшей истории, древней философии (Конфуций, Лаоцзы) и письменности Китая. Мать Китаеведа Головачёва В.Ц. 12, 75, 76, 80, 86, 88, 90, 93, 97, 98, 100, 107, 109, 112, 115, 271, 286, 309

Голсуорси Джон (1867–1933), английский писатель 348

Гольман Марк Исаакович (1927 г.р.). Монголовед, историк, к.и.н. (1968). Окончил МИВ (1951). Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1957) 235

Гоминьдан 國民黨 – Китайская «Национальная народная партия». Старейшая политическая партия республиканского Китая, основанная первым президентом Китайской Республики Сунь Ят-сеном. Истоки партии восходят к 1894 г., когда Сунь Ят-сен основал на Гавайях «Общество возрождения Китая» (Синьжунхуэй). Правящая партия на Тайване (1945–2000, 2008–2016) 21, 61, 62, 74, 133, 163, 166, 169, 170, 193, 324, 354–357, 364, 369, 376, 385, 390, 409, 424, 426, 427, 434, 438, 453, 464, 472, 476, 480, 482, 483, 485, 487, 490

Гомулка Владислав (Władysław Gomułka) (1905–1982). Партийный и государственный деятель. Член Компартии Польши (с 1926). Участник сопротивления. С 1943 г. – генсек Польской рабочей партии (ПРП). В 1948 г. за поддержку идеи «польского пути к социализму» обвинён в правом националистическом уклоне и снят с поста генсека ПРП. В 1949 г. снят со всех постов и исключен из ПОРП. Сидел в тюрьме (1951–1954). Реабилитирован в 1956 г., избран 1-м секретарем ПОРП, возглавил ПНР. В конце 1960х начал антисемитскую кампанию, отчего тысячи польских евреев потеряли работу и эмигрировали. Смещён с поста после массовых волнений рабочих (1970) 198, 199

Гончаров Сергей Николаевич (1955 г.р., Днепропетровск). Китаевед-историк, дипломат, бизнесмен. К.и.н. (1982). Окон-

чил Востфак ЛГУ (1977). Сотрудник ИДВ АН СССР / РАН (1982–1992). Стажёр Пекинского университета (1984–1985), Стэнфордского университета (1990). Сотрудник МИД РФ (с 1992). Специалист по средневековой китайской дипломатии, истории российско-китайских отношений в XX в. После ухода из МИД РФ – представитель ОАО НК «Роснефть» в АТР, г. Пекин (2006–2012) 43

Горбачёв Михаил Сергеевич (1931 г.р.). Политический и общественный деятель, генсек ЦК КПСС (1985–1991), первый и последний президент СССР (1990–1991). Лауреат Нобелевской премии мира (1990) 155, 159, 344, 345, 390, 416, 420

Горбачёва Зоя Ивановна (1907–1979). Китаевед, к.и.н. (1947). Окончила истфак ЛГУ (1930). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1936). Изучала историю крестьянских движений в Китае, историю русского востоковедения, тангутоведение, коллекции ксилографов и рукописей ЛО ИВ АН СССР 226, 227, 228, 229

Горгониев Юрий Александрович (1932–1972). Востоковед, д.филол.н. (1969). специалист по китайскому и кхмерскому языкам. Автор первого кхмерско-русского словаря и первый преподаватель кхмерского языка в МГУ. Стал заниматься кхмерским языком после научной командировки в Китай Окончил МИВ (1954). Преподавал в МГИМО МИД СССР (1957–1958), ИВЯ при МГУ (с 1965). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1958–1972) 187

Гордон Леонид Абрамович (1930–2001). Окончил истфак МГУ. Д.и.н. (1965). Науч-

ный сотрудник социологической лаборатории Института труда, ИМРД АН СССР (1966–1991). В 1991 г. возглавил Центр исследования общественных движений при ИМЭМО РАН 139

Горохова Галина Эдуардовна (1953 г.р.) Китаевед. Окончила философский факультет МГУ (1975). К.филол.н. (1984, тема «О раннем даосизме в Китае»). М.н.с. ИВ АН СССР(1979–1992) 144, 225

Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ГБИЛ). В настоящее время – Российская государственная библиотека (РГБ) 327

Государственный политехнический университет Цинхуа 清華 – один из старейших ведущих университетов Китая. Основан в Пекине в 1911 г. – см. *Цинхуа*

Гранэ Марсель (1884–1940). Великий французский синолог, ученик Эмиля Дюркгейма и Эдуарда Шаванна. Впервые применил социологические методы к изучению истории и культуры Китая 265

Греков Борис Дмитриевич (1882–1953). Историк, академик АН СССР (1935). Труды по истории России, южных и западных славян, русского крестьянства 354

Григорьев Александр Миронович (1933–2015). Китаевед-историк. Окончил истфак МГУ (1956). Д.и.н. (1977), профессор (1987). Научный сотрудник Института Китаеведения (1957–1958), Института народов Азии (ныне ИВ РАН) (1962–1964),

ИДВ РАН. Главред журнала «Проблемы Дальнего Востока» (1993–2004). Автор более 100 работ. См.: Григорьев А.М. Антиимпериалист. программа кит. буржуазных революционеров (1895–1905). М., 1966; Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. (проблемы стратегии и тактики). М., 1980 359, 385

Григорьева Татьяна Петровна (1929–2014). Японист (дочь япониста П.П. Топехи). Окончила МИВ (1952). Д. филол. н. (1981). Профессор (1994). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1958). Член Союза писателей России 143

Грозный, Иван – Иван IV (1530–1584; правил: 1533–1584). Русский царь династии Рюриковичей 328

Громыко Андрей Андреевич (1909–1989). Государственный и партийный деятель СССР, дипломат. Герой Социалистического Труда. На дипломатической работе с 1939 г. Посол СССР в США (1943–1946). Замминистра иностранных дел, одновременно постоянный представитель СССР в СБ ООН (1946–1949). Министр иностранных дел СССР (с 1957) 284, 356

Gu Вэй-цзюнь 顧維鈞 (Wellington Koo, 1888–1985). Дипломат, политический деятель. Окончил англиканский университет св. Иоанна в Шанхае и Колумбийский университет (1908). В 1912 г. получил учёную степень доктора философии. Член делегации КР на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Министр иностранных дел (май–ноябрь 1922, февраль 1923 –

сентябрь 1924, 1931), министр финансов (май 1926), премьер-министр (июль–октябрь 1924) КР. Первый представитель Китая в Лиге Наций (с 1932). Посол во Франции (1936–1940). После разгрома Франции – посол в Великобритании (до 1946). Затем – посол КР (Тайвань) в США. В 1956 г. оставил службу и занял пост судьи Международного суда ООН в Гааге. В 1967 г. вышел в отставку 171

Губер Александр Андреевич (1902–1971). Востоковед, д.и.н. (1943). Академик АН СССР (1966). Окончил МИВ (1925). Научный сотрудник ИВ АН СССР, замдиректора, директор (1950–1956). Председатель Национального комитета историков СССР (1958–1971). Специалист по странам Юго-Восточной Азии 354, 360

Гугун – Национальный Дворец-музей Гугун, *Го-ли Гугун боугуань 國立故宮博物館*, основан 10.10.1925 вскоре после изгнания из Запретного города в Пекине последнего императора Пу-и. Основу музея составили сокровища императорского дворца. Из-за японской угрозы в 1933 г. перевезён в Шанхай, в 1936 г. – в Нанкин, затем в Сычуань. В 1947 г. музей ненадолго вернулся в Нанкин. В годы гражданской войны, с декабря 1948 г. по февраль 1949 г., самая ценная часть коллекции (около 22% предметов) вывезена на Тайвань. Завершению эвакуации помешало взятие Нанкина частями НОАК. В 1964–1965 гг. в Тайбэе построено новое здание музея (достроено в 1967, 2002–2007). Коллекция музея включает 693 507 предметов. Коллекция Музея Гугун *Гугун боугуань 故宮博物館* в Пекине

включает 1 807 558 предметов 24, 39, 46, 217, 244, 332, 347, 433, 437, 459

Гун Хуан-чэн 龔煌城 (1934–2010). Тайваньский филолог, академик Академии Синика (Тайвань). Сферы исследований: сравнительное изучение китайского и тибетского языковых семейств, реконструкция древнекитайского языка и тангутская письменность 244

Гуревич Наум Мануилович (1922–1983). Востоковед-афганист, д.э.н. (1968). Окончил МИВ (1947). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1956–1983). Известие о его пребывании на Кипре, видимо, ошибочно 59, 249

Дай И 戴逸 (1926 г.р.). Известный историк, профессор. Специалист по истории династии Цин, новой и новейшей истории Китая, истории китайско-российских отношений. Председатель государственной комиссии по составлению официальной истории династии Цин (с 2002) 343

Дай Цзи-тао 戴季陶 (Дай Ю-сянь, 1891–1949). Революционер, один из основателей и видных идеологов Гоминьдана. После смерти Сунь Ят-сена претендовал на роль ведущего интерпретатора суньятсизма 64, 404, 408, 409

Даманский, остров (кит. 珍寶島 *Чжэньбао дао* – «Драгоценный остров»). Расположен на р. Уссури, в 230 км южнее г. Хабаровска и 35 км западнее г. Лучегорск. Здесь 2 и 15 марта 1969 г. произошел пограничный вооружённый конфликт между СССР и КНР. 11 сентября возвращавший-

ся с похорон Хо Ши Мина председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай договорились в Пекине о прекращении враждебных акций и о том, что войска остаются на занятых позициях. Фактически это означало передачу Даманского Китаю. 20.10.1969 прошли новые переговоры глав правительств СССР и КНР, удалось достичь согласия о необходимости пересмотра советско-китайской границы. В 1991 г., после серии переговоров в Пекине и Москве, остров окончательно отошёл к КНР 154, 168, 176, 337, 374, 395, 399, 400

Дандамаев Мухаммад Абдулкадырович (1928–2017). Востоковед. Историк Ирана и Месопотамии. Д.и.н. (1975), профессор, членкор РАН (1997). Сотрудник (с 1959), главный научный сотрудник ИВР РАН. Почётный член Американского общества востоковедов (1984) 248, 332

Даодэцзин 道德經 – «Канон Пути и благодати». Главный канонический текст даосизма, лежащий в основе его философии, мифологии, религии, культовой и психофизической практики. Написан разноразмерными рифмованными стихами, построенными на параллелизмах и антитезах, с обильным вкраплением диалектизмов периферийного («варварского») южного государства Чу 76, 90–93, 100, 101, 286, 427, 450, 454

Датун 大同 – «Великое единение, Великое равенство». Термин китайской философии. Как особая социальная концепция впервые изложена в конфуцианском трактате «Ли цзи» (IV-I вв. до н.э.), где описа-

но идеальное общество. В кон. XIX – нач. XX в. идею *Датун* восприняли реформаторы (Кан Ю-вэй) и революционеры (Сунь Ят-сен и др.), доказывавшие потребность социально-политических преобразований в Китае 363, 418

Дацзыбао 大字报 (букв.: Газета больших иероглифов). Рукописные стенгазеты, выпускавшиеся с 1966 г. молодыми пропагандистами «культурной революции» в Китае 88

Движение 4 мая – массовое антиимпериалистическое (в основном антияпонское) движение в Китае в мае-июне 1919 г. Развернулось в ответ на решение Парижской конференции (Версальский мирный договор) не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Началось 4 мая 1919 г. в Пекине со студенческой демонстрации протеста против этого решения, а также против предательства национальных интересов Китая деятелями Пекинского правительства 47, 54, 55, 59, 63, 71, 99, 139, 386, 409, 464, 487

Движение самоусиления – Первое реформаторское движение в Китае под названием «движение по усвоению заморских дел» (янью юньдун) или «политика самоусиления» (цзы цян) проводилось правящими кругами империи Цин на протяжении 1860–1890-х гг. с целью усиления мощи государства перед лицом внутренних смут и внешних угроз со стороны западных держав 308

Движение за реформы – движение за модернизацию Китая, в основу которого

был положен опыт японских реформ после «реставрации Мэйдзи» (1868). После «ста дней реформ» (июнь-сентябрь 1898) потерпело поражение от консерваторов во главе с Вдовствующей императрицей Цыси 47, 57, 350, 354

Делюсин Лев Петрович (1923–2013). Китаевед, д.и.н. (1971). Участник Великой Отечественной войны (1942–1944). Корреспондент газеты «Правда» в КНР (1950–1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1959–1965). Научный сотрудник и заведующий Отделом Китая ИВ АН СССР (1967–1990) 12, 32, 42, 45, 49, 58, 116, 133, 134, 155, 213, 225, 270, 373, 381, 382, 387

Делюсин Пётр Григорьевич (1898–1947, м.р. Ивано-Воскресенск). Отец Л.П. Делюсина. Работал слесарем на ж/д ст. Иваново (1914) и заводе Сименса в Петрограде (1916). Член ВКП(б) с 1917. Поступил в Петроградский Пролетарский университет (1918). В годы Гражданской войны вёл агитацию и мобилизацию на Орловщине. В 1919 г. послан учиться в Москву, стал секретарём Замоскворецкого райкома РКСМ, членом ЦК РКСМ (1921). С 1924 г. работал на разных руководящих и партийных должностях. В 1934–1935 гг. окончил курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). Умер от туберкулёза 118

Демидова Наталья Фёдоровна (1920–2015). Историк, д.и.н. (1990). Специалист по архивным материалам, по истории взаимоотношений русского народа с сопредельными народами, в т.ч. отношений России с Китаем в XVII – начале XVIII в. Сотрудник ИДВ АН СССР (1967–1976) 335, 337

Демьевиль Поль Demiéville, Paul (1894–1979). Известный буддолог XX в. 234

Дервянко Анатолий Пантелеевич (1943 г.р.). Историк и археолог. Специалист по палеолиту Сибири. Академик РАН, д.и.н. Директор Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Председатель Объединённого учёного совета по гуманитарным наукам СО РАН (1983). Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, член Президиума АН (2002). Лауреат государственной премии РФ (2001), Демидовской премии (2004) 41

Детгиз (основан в 1933). Являлся главным издательством детской книги в СССР. Среди всех изданных «Детгизом» китайских детских книг более 40 названий принадлежало центру издательства в Москве, 12 – отделению издательства в Ленинграде. Остальные выпущены совместно и в Москве, и в Ленинграде 302, 303

Джигме Норбу Туптен (1922–2008). Старший брат Далай-ламы XIV. Получил от Далай-ламы XIII признание как реинкарнация великого ламы Такцер Ринпоче 245

Джилас Милован (1911–1995). Югославский политический деятель и литератор. Известен как популяризатор концепции «нового класса» – партноменклатуры, правившей в коммунистических странах 155

Джонсон Чалмерс Эшби (Chalmers Ashby Johnson, 1931–2010). Писатель, почётный профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего. Участник Корейской войны. Консультант ЦРУ (1967–1973). Пре-

подавал в Центре для китайских студентов Калифорнийского университета в Беркли (1967–1972). Президент и сооснователь Института исследования японской политики, содействующего распространению сведений о Японии и Азии. Автор трилогии-исследования: «Возврат» (Blowback), «Скорбь империи» (The Sorrows of Empire) и «Немезида: последние дни американской республики» (Nemesis: The Last Days of the American Republic) 170, 389

Джунгарское ханство (Ойратское ханство). Феодалное государство ойратов в Джунгарии (часть Северо-Западного Китая). Сложилось в 1630-х гг. в ходе объединения ойратских княжеств правителем одного из них Хара-Хулой и его сыном Батуром-хунтайджи. Существовало до середины XVIII в. 347

Дикарёв Андрей Дмитриевич (1958 г.р.). Китаевед-историк. К.и.н. (1984). Научный сотрудник отдела Китая ИВ РАН (с 1980). Дипломатической Академии МИД РФ (с 2013), МГИМО-У (с 2015). Стажёр Китайского народного университета (Пекин, 1984–1985). Специалист по новейшей истории Китая 145

Дмитриев Сергей Викторович (1979 г.р.). Китаевед, к.и.н. (2006). Сотрудник ИВ РАН (с 2005). Окончил истфак МГУ (2002), Французский университетский колледж при МГУ (2003), магистратуру университета Париж I Пантеон-Сорбонна (2004). Преподаватель истфака МГУ (2002–2005). Член Societe Asiatique (2007). Исследует историю Китая эпох Хань и Юань, Монгольской империи и народов Восточной Азии 11, 41, 43, 178, 210

Доронин Борис Григорьевич (1928 г.р.). Китаевед, историк, д.и.н. (1993), профессор (1995). Преподаватель Восточного факультета СПбГУ (с 1968). Специалист по истории династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912) 67, 81

Драгунов Александр Александрович (1900–1955). Китаевед, тибетолог, кандидат языкознания (1937). Окончил ЛГУ (1925). Изучал китайские диалекты, автор работ по дунганьскому языку. Преподаватель ЛВИ-ЛГУ (1928–1942), ДВГУ и ДВПИ (Владивосток, 1930–1936). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1928–1955) 227, 253

Дрейер Олег Константинович (1919–1997). Главред Главной редакции восточной литературы (ГРВЛ) издательства «Наука» (1964–1992), к.и.н. (1971), профессор (1991). Заслуженный работник культуры РСФСР (1977) 148, 311, 312

Дружба – газета, выходила в Пекине в 1950-х гг. на русском и китайском языках 130, 299

Ду Вэй-мин 杜维明 (1940 г.р.) Окончил университет, жил и работал на Тайване. Профессор Гарвардского университета и ряда других университетов США. Всемирно известный специалист в области китайской истории, философии, изучения конфуцианства 99

Ду Жи-синь (杜日新, *Ду И-син* – собственный вариант озвучивания имени) (1902–1985). Родился в пр. Шаньдун. Приехал на заработки на Дальний Восток России, учился в Военно-артиллерийской академии в Москве. Учился отлично, но вскоре

был арестован как «китайский шпион». Прошёл Гулаг (район Воркуты), поселение в Казахстане. После реабилитации стал консультантом в Институте Китаеведения, ИВ АН СССР. Многие монографии, словари и переводы китайских памятников вышли с его квалифицированной помощью 24, 143, 215, 216, 373

Ду Фу 杜甫 (712–770). Великий китайский поэт. Жил при династии Тан (618–907). Одним из первых в истории китайской поэзии проявил обострённый интерес к социальным проблемам 330, 363, 451

Ду Чжэн-шэн 杜正勝 (1944 г.р.). Тайваньский учёный. Занимал пост директора Института истории и языка Академии Синика (1995–2000) и пост директора Национального дворцового музея Гугун (2000–2004) 217, 244

Думан Лазарь Исаевич (1907–1979). Востоковед, историк и экономист. Д.и.н. (1965). Окончил факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (1930). Преподаватель Ленинградского института живых восточных языков, ЛГУ (1936–1941). В 1941–1952 гг. служил в армии. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1935–1940, 1952–1956, 1962–1979), замдиректора Института Китаеведения (1956–1961). Автор более 80 научных работ по Китаю и соседним странам в древности и новое время 29, 30, 142, 166, 168, 209, 223, 304, 305, 307, 327, 360

Дунфан цзачжи – см. *Восток журнал*

Дуньхуан 敦煌. Оазис и городской уезд в округе Цзюцюань, пров. Гань-

су. В древности служил воротами в Китае на Великом шёлковом пути. В 14 км от города находится памятник Всемирного наследия – раннебуддийский пещерный монастырь Цяньфодун (ок. 353–366) В находящихся там пещерах Могао в начале XX в. найдена библиотека, содержащая рукописи 406–995 гг. 240, 243, 256, 457

Дьяконов Игорь Михайлович (1914–1999). Востоковед, д.и.н. (1960). Специалист по древним письменностям, истории Древнего Востока. Сотрудник Эрмитажа (1937–1959), ЛО ИВ АН СССР (с 1954) 240

Дэн Гуан-мин 邓广铭 (1907–1998) – известный китайский историк. Профессор, декан исторического факультета Пекинского университета. Специалист по истории династии Сун, редактор издания «Большой словарь истории Китая. История Сун» 邓广铭, 程应翟主编. 中国历史大辞典. 宋代部分 264

Дэн Сяо-пин 鄧小平 (1904–1997). Партийный и государственный лидер КНР. Учился во Франции и в СССР (1925–1926). Глава секретариата ЦК КПК (1956–1966). Идеолог и теоретик КПК. Разработал национальную модель «социализма с китайской спецификой». Определил цели китайских реформ – преодоление бедности, отсталости, развитие производительных сил и обеспечение «среднезажиточного» уровня жизни народа, подъём духовной культуры. Выдвинул концепцию «одна страна – две системы» 129, 131, 133, 161, 162, 164, 165, 197, 198, 213, 354, 417, 481

Дэн То 邓拓 (1912–1966). Историк, писатель, поэт, каллиграф. Главред (1949–1954) и глава издательства (шэчжан) (1954–1957) газеты *Жэньминь жибао*. В годы «культурной революции» объявлен «врагом Мао», представителем «чёрной банды ревизионистов». Погиб в 1966 г. 132

Е Цянь-ин 葉劍英 (1897–1986). Политический и военный деятель. Участник гражданской войны с режимом Гоминьдана. Окончил университет им. Сунь Ятсена в Москве (1928), где носил фамилию Юхнов. В 1930 г. входил в состав Военного комитета Центрального советского района. С 1937 г. – начштаба 8-й армии НРА. Маршал КНР. С 1971 г. министр обороны КНР и зампредседателя военного совета ЦК КПК. В 1976 г., после смерти Мао, активно участвовал в изоляции и аресте «банды четырёх» (жены Мао Цзэ-дуна Цзян Цин и др.) 357, 358

Европейская ассоциация китаеведов (European Association of Chinese Studies, *Оучжоу ханьсюэ сюэхуэй 歐洲漢學學會*). Основана в 1975 г., зарегистрирована в Париже. Каждые два года проводятся форумы ассоциации 342

Ермаков Михаил Евгеньевич (1947–2005). Китаевед, д.филос.н. (1993). Окончил востфак ЛГУ (1974). Научный сотрудник ИВР РАН 248

Ермаченко (Заусцинская) Ирина Сергеевна (1935–2014). Китаевед, к.и.н. (1971). Окончила ИВЯ при МГУ (1957), истфак Пекинского университета (1960). Сотрудник ИВ АН СССР (1960–1974), ИНИОН АН СССР (1974–1989 и с 2004).

Ведущий научный сотрудник сектора Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН 261, 264

Ефимов Алексей Владимирович (1896–1971). Историк-американист, д.и.н. (1938), член-корреспондент АН СССР (1939), профессор, лауреат Сталинской премии (1942). Научный сотрудник ИЭ АН СССР (с 1957) 66

Ефимов Геронтий Валентинович (1906–1980). Китаевед, д.и.н. (1958), профессор (1958). Окончил ЛИФЛИ (1932). Преподаватель ЛГУ с 1941 г., зав. кафедрами истории Востока и Дальнего Востока, проректор ЛГУ (1961–1965). Труды по истории Китая в новое и новейшее время 65, 81, 82, 223, 353

Жбиковски Тадеуш (Żbikowski Tadeusz, 1930–1989). Синолог, религиовед и литературовед, переводчик. Профессор Варшавского университета, автор ряда работ о религиях Китая, Малайского архипелага и Океании, биографии Конфуция, книги о философе Ян Чжу (楊朱, 440–360). Перевёл на польский язык романы «Троецарствие» (1972) и «Путешествие на Запад» (1984), конфуцианский «Канон о сыновней почтительности» (*Сяо-цзин*) 189

Желуховцев Алексей Николаевич (1933–2017). Китаевед, к.филол.н. (1965). Окончил МГИМО МИД СССР (1958). Сотрудник ИВ АН СССР (1958–1969) и ИДВ АН СССР (с 1969). Труды по литературе и новейшей истории Китая 379

Желтяков Анатолий Дмитриевич (1925–1989). Востоковед. Окончил востфак ЛГУ (1950). Д.и.н. (1972), профессор (1974).

Преподаватель востфака ЛГУ (с 1950), замдекана (1953–1956), завкафедрой истории Ближнего Востока (с 1977) 122

Жуков Евгений Михайлович (1907–1980). Востоковед, д.и.н. (1941), профессор (1944). Академик АН СССР (1958). Окончил ЛВИ (1927). Сотрудник Института истории, завотделом, директор Тихоокеанского института АН СССР (1943–1950). Академик-секретарь Отделения истории АН СССР. Председатель Комитета советских историков. Изучал историю национально-освободительного движения народов Азии и историю международных отношений на Востоке 354

Жэньминь жибао 人民日報 – ежедневная газета, главное официальное печатное издание КНР. Выходит на многих языках. Основана в 1948 как издание бюро ЦК КПК Сев. Китая. Накануне образования КНР ЦК КПК принял решение превратить её в официальную газету ЦК КПК 84, 86, 124, 132, 134, 157, 396, 438, 480

Завадская Евгения Владимировна (1930–2002). Китаевед, искусствовед, переводчик. Канд. искусствоведения (1962), д.филол.н. (1983), профессор. Окончила истфак МГУ (1953). Научный сотрудник Музея восточных культур (1950–1954), института философии (1954–1957), ИВ АН СССР (с 1957). Преподавала в Институте им. В.И. Сурикова. В 1990-х гг. преподавала на Тайване 140, 384

Задоевко Тамара Павловна (1924–1993). Китаевед-филолог, к.филол.н. (1955). Окончила МИВ (1951). Преподаватель филологического факультета МГУ (1956), ИСАА при МГУ (с 1956). Автор известно-

го учебника: *Задоеко Т.П., Хуан Шуин.* Учебник китайского языка. – М., 1973. 755 с. 264

Зайончковски Ананиаш (Zajączkowski Ananiasz, 1903–1970). Польский востоковед, филолог, историк и лингвист. Профессор (1946). Возглавлял кафедру тюркологии Варшавского университета (1935–1939, 1950–1969), кафедру ориенталистики (1945–1950), Институт ориенталистики Варшавского университета (1945–1950, 1957–1961), Департамент тюркологии и иранистики Института ориенталистики (1961–1969). Завкафедрой ориенталистики Вроцлавского университета (1945–1950). Сотрудник школы восточных языков Института международных отношений в Варшаве (1948–1950). Академик Польской АН (1961). С 1948 г. членкор Польской академии учёности. Директор Отдела ориенталистики ПАН, руководил Лабораторией лексикографии и лабораторией Ближнего и Среднего Востока (1953–1969) 182, 189

Зайцев Илья Владимирович (1973 г.р.). Востоковед-тюрколог, д.и.н. (2011). Окончил РГГУ (1995). Научный сотрудник ИВ РАН (1998–2010), замдиректора ИВ РАН (2005–2009). И.о. директора ИНИОН РАН (с 2016). Исследует историю отношений постордынских тюркских государственных образований с Россией и Османской империей 400

Замошкин Юрий Александрович (1927–1993). Окончил МГИМО (1950). Д.филос.н., профессор МГИМО (1952–1967). С 1967 г. работал в АН СССР, с 1975г. – завотделом Института США и Канады. Внёс заметный вклад в отечествен-

ную американистику. Почётный гражданин ряда штатов и городов США. Автор ряда научных трудов по истории, политике и культуре США 139

Зворыкин Анатолий Алексеевич (1901–1988). Историк техники, экономист и социолог, д.э.н. (1939). Первый заместитель главреда Большой советской энциклопедии, 2-е издание (1949–1959), главред журнала «Вестник истории мировой культуры» (1957–1961) 55

Зиновьев Георгий Вениаминович (1967 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1999). Дипломат. Директор Первого департамента Азии в МИД РФ (с 2018) 277

Знание – Всесоюзное общество, просветительская организация СССР, возникшая в 1947 г. В начале 1970-х гг. ПБ ЦК КПСС отнесло общество «Знание» к уровню министерства I категории. Примерно 2/3 лекций были платными, и предприятия перечисляли лектору гонорар. Остальные лекции назывались шефскими и читались бесплатно. Ныне – общероссийская общественная организация Общество «Знание» России 141, 317, 318, 399

Зограф Ирина Тиграновна (1931 г.р.). Китаевед, сотрудник ИВР РАН (1958–2014), д.филол.н. (1981), окончила востфак ЛГУ (1954) 249

Зубков Николай Борисович (1918–2006). Китаевед, заслуженный работник культуры РФ (1979). Окончил истфак МГУ (1941), ВИИЯ (1947). С 1957 г. работал в разных востоковедных журналах, в Главной редакции Восточной литературы издательства «Наука» (1962–1990) 241

Зуев Юрий Алексеевич (1932–2006). Китаевед, тюрколог. К.и.н. (1967). Окончил востфак ЛГУ (1955). Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР (1955–1985). Изучал древнюю и средневековую историю кочевых народов Центральной Азии и Казахстана 224

Зыков Николай ...(? – ?). Китаевед, в годы Великой Отечественной войны – военный переводчик. После войны окончил востфак ЛГУ, преподавал на военной кафедре. После переезда в Москву работал в журнале «Наука и жизнь». Более точные сведения не найдены 222

Иакинф Бичурин – см.: *Бичурин Н.Я.*

Иванов Алексей Иванович (1877–1937). Китаевед, японовед, тангутовед. Профессор СПбГУ/ПУ (с 1913). Преподаватель Петербургского университета (с 1905), Практической Восточной академии (1910–1913), ЛИЖВЯ (с 1921). Служил в МИД (с 1914). В 1922–1927 гг. на дипломатической работе в Китае. После 1927 г. преподавал в МИВ, КУТК. Доктор литературоведения (1935). Пионер тангутоведения в России. Репрессирован и расстрелян (1937). Реабилитирован посмертно в 1958 г. 448

Ильина Наталья Иосифовна (1914–1994, м.р. Санкт-Петербург). Писатель, публицист. Эмигрировала с семьёй в Харбин в 1920 г. С 1936 г. жила в Шанхае. В 1948 г. репатриировалась в СССР. Автор автобиографического романа «Возвращение» (М.: Советский писатель. Кн.1–2, 1957, 1965) 79, 315

Ильичёв Леонид Фёдорович (1906–1990). Член ВКП(б) с 1924 г. Д.филос.н., академик АН СССР (1962). В 1938–1958 гг. работал в печати: ответственный секретарь журнала «Большевик», главред газеты «Известия» (1944–1948), главред газеты «Правда» (1951–1952), заведомом печати МИД СССР (1953–1958). Завотделом пропаганды и агитации ЦК КПСС (1958–1961). Секретарь ЦК КПСС и председатель идеологической комиссии ЦК КПСС (1961–1965). С 1989 г. – советник при МИД СССР, депутат ВС СССР 6-го созыва 127, 135, 136

Илюшечкин Василий Павлович (1915–1996). Китаевед. Окончил истфак МГУ (1939). Д.и.н. (1966, «Крестьянская война тайпинов»), д.филос.н. (1988). Научный сотрудник ИВ РАН (1960–1996). Автор свыше 120 работ 142, 143, 386

ИМРД – Институт международного рабочего движения АН СССР, создан в 1966 г. Печатные издания – журнал «Рабочий класс и современный мир», научно-справочный ежегодник «Международное рабочее движение» (с 1971). С 1990 г. – Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения. В 2005 г. слит с Институтом социологии РАН 47, 56, 116, 139, 430, 432, 448, 480

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам Академии наук. Основан в 1968–1969 г. на базе академической Фундаментальной библиотеки по общественным наукам 82, 86, 121, 147, 151, 152, 322, 422, 428, 438, 462, 463, 472, 477

Иннокентия, словарь – Старый китайско-русский словарь, составленный по словарям: Чжайлса, Архимандрита Палладия (П.С. Попова) и других, под редакцией Епископа Иннокентия. В 2-х томах. Пекин, 1909 125

Иноземцев Николай Николаевич (1921–1982). Экономист и политолог. Окончил МГИМО МИД СССР (1949) и аспирантуру (там же, 1952). Работал консультантом международного отдела журнала «Коммунист» (1952–1957), заместитель главного редактора газеты «Правда» (1961–1966). Сотрудник ИМЭМО АН СССР (1957–1966) – Институт мировой экономики и международных отношений. Директор ИМЭМО с 1966 г. Академик АН СССР (1968). Член Президиума АН СССР (1975) 135, 151, 310

Институт востоковедения РАН (ИВ РАН). Один из старейших научных институтов в России. Переведён в Москву в 1950 г. В Ленинграде осталось Ленинградское отделение (ЛО ИВ АН СССР, ныне Институт восточных рукописей РАН). В 1960–1970 гг. назывался Институт народов Азии АН СССР. Официальный сайт: <http://www.ivran.ru> 6, 9, 11, 12, 18, 19, 33, 42, 47, 75, 116, 145, 166, 176–178, 200, 212, 219, 258, 290, 311, 322, 338, 340, 350, 367, 368, 383, 387, 420, 423, 424, 426, 429–432, 436, 441, 443, 446, 449, 450, 454, 457, 459, 461, 467, 468, 474, 476, 487

Институт Восточных рукописей (ИВР РАН). С 1956 г. – ЛО ИВАН. В 2007 г. переименован в ИВР РАН. Официальный сайт: <http://www.orientalstudies.ru> 236, 249, 445,

446, 448, 450, 452, 456, 461, 463, 466, 469, 475, 479, 489

Институт Дальнего Востока (ИДВ РАН). Институт создан на основании постановления Президиума АН СССР в сентябре 1966 г. Его главной задачей было комплексное изучение проблем Китая, Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея, отношений СССР с этими государствами. См.: <http://www.ifes-ras.ru/structure> 9, 11, 12, 103, 307, 322, 396, 422, 429, 432, 444, 447, 448, 449, 452, 455, 456, 462, 463, 469, 473, 474, 476, 477, 483, 491

Институт китаеведения АН СССР – существовал в 1956–1960 гг., издавал журнал «Советское китаеведение». После ликвидации института большая часть его сотрудников перешла сначала в отдел Китая Института народов Азии, а затем в ИДВ АН СССР (основан в 1966). Меньшая часть сотрудников (в основном специалисты по древней и средневековой истории) осталась в отделе Китая ИВ АН СССР 23, 32, 55, 212, 304, 326, 331, 333, 388

Институт стран Азии и Африки при МГУ (ИСАА при МГУ). 24 июня 1956 г. – официальная дата создания на базе восточных отделений исторического и филологического факультетов нового подразделения – Института восточных языков (ИВЯ). Ныне – Институт стран Азии и Африки при МГУ. См.: <http://www.iaas.msu.ru/isaa-mgu/istoriceskij-ocerk> 68, 126, 145, 258, 274, 348, 397, 429, 431, 439, 444, 446, 462, 467, 469, 489

Ипатова Аида Семёновна (1933, м.р. Москва). Китаевед. К.и.н. (1971). Научный сотрудник Института китаеведения (1958–1961), Института народов Азии (1961–1962), ИЭМСС (1964–1967), ИДВ (с 1966) РАН. Зам. главы центра «Россия – Китай» (с 1992) 40, 359

Исаенко Борис Степанович (1914–1965, м.р. Харбин). Китаевед, к.филол.н. (1950), профессор (1964). Окончил МИВ (1940). Преподавал в МИВ (1935–1942, 1947, 1954), ВИИЯ (1942–1943), МГИМО МИД СССР (1954–1965). Работник посольства СССР в Китае (1943–1947). Сотрудник Института китаеведения АН СССР (1958–1960). Был «пионером синхронного перевода с китайского языка» (переводил на съездах КПСС в Москве). Издал китайско-русский словарь «Опыт китайско-русского фонетического словаря» (1957). Выполнил ряд письменных переводов, в т.ч. работ Мао Цзэ-дуна 58, 119, 120, 131, 263, 324

Итс Рудольф Фердинандович (1928–1990) – китаевед, этнограф, д.и.н., профессор ЛГУ, зам. директора Ленинградской части Института этнографии АН СССР, член Союза писателей СССР. Как писатель-фантаст известен также под псевдонимом Р. Демидов 221

ИФЛИ, он же – МИФЛИ (Московский Институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского). Гуманитарный вуз университетского типа. В 1931 г. выделен из МГУ (на базе факультета истории и философии), вновь слит с МГУ в 1941 г. Такой же институт (ЛИФЛИ) имелся в Ленинграде (1931–1937) 463

Ихэтуаней движение 義和團運動 или *Боксёрское* восстание (букв.: *отряды гармонии и справедливости*) против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая. Длилось с 1898 г. (официально о начале восстания было объявлено в 1899 по 1901 г. Сначала получило поддержку властей Китая. Но позднее Вдовствующая императрица Цыси (慈禧太后, 1835–1908) перешла на сторону *Альянса 8 держав*, который и подавил восстание. В итоге Китай попал в ещё большую зависимость от иностранных держав, что сказалось на нём в XX в. 37, 412

Ихэюань 颐和园 – летняя резиденция правителей династии Цин, находилась на окраине Пекина. Парк с более чем 3000 строений занесён ЮНЕСКО в список всемирного культурного наследия 104, 267, 358, 379

Ицзин 易經 (*Книга перемен*). Она же – *Чжоу И* 周易 (*Чжоуский [канон] перемен*). Один из древнейших китайских философских текстов. Около II в. до н.э. признан одним из канонов конфуцианского «Пятикнижия». Появление *Ицзин* связано с древней практикой гаданий на основе графических символов (гексаграмм). Включает каноническую часть в 2 разделах, созданную примерно в VIII–VII вв. до н.э., и комментарии, созданные в VI–IV вв. до н.э. (*И чжуань* 易傳 или *Ши и* 十翼 «Десять крыльев», в т.ч. 7 глав *чжуань*, 3 из которых имеют по 2 раздела) 93, 283, 353, 427, 448, 454

Ишаев Виктор Иванович (1948 г.р.). Политик, д.э.н. (1999), академик РАН (2009). Гу-

бернатор Хабаровского края (1991–2009). Полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (2009–2013). Министр РФ по развитию Дальнего Востока (2012–2013) 340

Каваками Хадзимэ (1879–1946). Японский революционер, философ и экономист, учававший и переводивший труды К. Маркса 51

Кадырбаев Александр Шайдатович (1950 г.р., Севастополь). Китаевед, д.и.н. (1994), профессор. Окончил востфак ДВГУ (Владивосток, 1972). Преподаватель КазГУ (1996–1999). Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (1972–1996), ИВ РАН (с 1999). Специализация: Российско-китайские отношения, Китай и страны Центральной Азии, Китай и мусульманский мир 41, 246

Казанин Марк Исаакович (1899–1972). Китаевед, историк и экономист, писатель, дипломат. 1-й секретарь дипломатической миссии ДВР в Китае (1920–1921). Сотрудник военной миссии В.К. Блюхера в Китае (1926–1927). Преподавал в КУТК (1927–1930), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ. Изучал историю русско-китайских отношений. Был дважды арестован в годы сталинских репрессий. Полностью реабилитирован в 1956–1957 гг. 63, 328, 334

Калюжная Нина Михайловна (1924 г.р.) Китаевед. Окончила МИВ (1952). Д.и.н. (1984). Сотрудник посольства СССР в КНР (1949–1951, 1953–1955). Сотрудник

Института китаеведения (1957–1960), ИВ АН СССР (с 1961) 121, 141, 379, 386

Кан Ю-вэй 康有為 (1858–1927). Видный учёный-мыслитель, государственный и общественный деятель, лидер движения за реформы в Китае на рубеже XIX–XX вв. 434

Канси 康熙 (1654–1722). Император, правитель маньчжурской династии Цин (1644–1912). Посмертное храмовое имя Шэнцзу. Эпоха правления Канси (1661–1772) считается «золотым веком» императорского Китая 306, 317, 338

Капица Михаил Степанович (1921–1995). Учёный и дипломат. Д.и.н. (1958), профессор (1960), членкор АН СССР (1987). Сотрудник МИД СССР (с 1943). Чрезвычайный и полномочный посол СССР (1960). Директор ИВ АН СССР (РАН) (1987–1995) 57, 58, 247, 335, 338, 392, 412

Капица Пётр Леонидович (1894–1984). Советский физик, академик АН СССР (1939). Лауреат Нобелевской премии (1978) 336

Кара Гьёргь (Kara György, 1935 г.р.). Венгерский и американский востоковед-монголист. PhD (Будапешт, 1961). Д.филол.н. (ЛГУ, 1975). Профессор. Исследователь языков и культуры Монголии и стран Центральной Азии. В т.ч. киданьской, монгольской и маньчжурской письменности 235

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826). Историк, писатель, почётный член Петербургской АН (1818). Автор «Истории государства Российского» (в 12 т., 1816–1829). Выезжал в Европу (1789–

1790), автор «Писем русского путешественника» 148, 328

Карапетьянец Артемий Михайлович (1943 г.р.) Китаевед, д.филол.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ при МГУ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА при МГУ 124, 144

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889–1937). Революционер, дипломат. Член РСДРП с 1904 г. Член РСДРП(б) с мая 1917 г. С 1918 г. заместитель наркома иностранных дел РСФСР. Пал жертвой репрессий. Реабилитирован в 1956 г. 67

Карлгрен Бернхарт (Bernhard Karlgreen, 1899–1978). Шведский синолог-лингвист. Известен работами по грамматике и фонетике древнекитайского языка. Первый учёный, использовавший методы сравнительно-исторического языкознания для реконструкции фонетики древнекитайского языка 97, 98

Карнеев Андрей Ниязович (1964 г.р., Москва). Китаевед, к.и.н. (1996), доцент (2000). Окончил ИСАА при МГУ (1987). Заместитель директора ИСАА при МГУ (1999–2000 и с 2003). Специалист по новейшей истории Китая 71, 145

Картунова Анастасия Ивановна (1924 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1981). Окончила МИВ (1947). Научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС (1960–1991), ИДВ РАН (с 1992) 59, 67

Кастильоне Джузеппе (Castiglione, Giuseppe, 1688–1766). Китайское имя Лан

Ши-нин 朗世寧. Итальянский монах-иезуит, миссионер и придворный художник трёх императоров династии Цин. Прожил в Китае более полувека, умер и похоронен в Пекине 347

Каткова Зоя Дмитриевна (1932–2014). Китаевед, к.и.н. (1972). Училась в МИВ, окончила МГИМО МИД СССР (1954). Сотрудник ИВ РАН (1972–2014). Исследователь истории китайской дипломатии, советско-китайских и японо-китайских отношений 166, 374

Като Кюдзо (1922 г.р.). Этнограф, археолог, исследователь древних культур народов Центральной Азии. Директор Международной Академии Шёлкового пути (Токио, Япония). Знаток русского языка, почётный доктор РАН. Автор книг «История Сибири» (1960) и «Сибирь в сердце японца» (Новосибирск: Наука, 1992) 236

Катушев Константин Фёдорович (1927–2010). Государственный и партийный деятель. Секретарь ЦК КПСС по связям с соцстранами, странами СЭВ и Варшавского договора (1968–1977). Завотделом ЦК КПСС (с 1972). Зампред Совмина СССР (1977). Постоянный представитель СССР в СЭВ (1977–1980). Посол СССР на Кубе (1982–1985). Председатель Госкомитета по внешнеэкономическим связям, министр внешних экономических связей СССР (с 1985) 137

Квантунская армия 關東軍 – главная группировка сухопутных войск Императорских вооружённых сил Японии, дисло-

цированная в 1931–1945 гг. в Маньчжурии 21, 226, 454

Квантэн Лук Luc Kwanten (1943 г.р.) Синолог бельгийского происхождения, монголовед, тангутовед, издатель. PhD (1972, тибето-монгольские отношения при династии Юань). С начала 1970-х гг. вёл исследования и преподавал в США. В 1980 г. переехал на Тайвань, с 1991 г. также работает в КНР 238

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога. Ж/д магистраль, проходившая по территории Маньчжурии, соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897–1903 гг. как южная ветка Транссибирской магистрали. Принадлежала России и обслуживалась её подданными. 1928–1929 гг. – советско-китайский конфликт на КВЖД. В 1935 г. продана государству Маньчжо-го. В августе 1945 г. возвращена СССР. Передана КНР 31.12.1952 122, 125, 263, 290–292, 311, 312, 422, 445, 460, 474, 479, 489

Кетинг Ксения Борисовна (1937–2002). Китаевед, тангутовед. Д.филол.н. (1987). Родилась в Тяньцзине (Китай). Окончила востфак ЛГУ (1959). Работник ЛО ИВ АН СССР (с 1959). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН 236, 248, 251

Кидани – древняя монгольская народность, основатели государства Ляо (907–115) на северо-востоке Китая. Имели свою письменность 238, 239, 240, 332, 429, 444

Ким Георгий Фёдорович (1924–1989) Востоковед, кореевед. Д.и.н. (1964), профессор (1965), членкор АН СССР (1976).

Окончил Омский пединститут (1947). Работал в ИВ АН СССР (с 1952), замдиректора ИВ (1978–1989) 144

Кинслер Мечислав Ержи (Künstler Mieczysław Jerzy, 1933–2007). Китаевед, лингвист. С 1972 г. – член Комитета востоковедных наук ПАН (в 1993–2006 – председатель этого Комитета). Профессор Варшавского университета (с 1978). Член редколлегии журнала «Rocznik Orientalistyczny» (Востоковедный ежегодник), книжной серии «Prace Orientalistyczne» (Востоковедные труды). Автор работ по китайской истории, архитектуре, мифологии и литературе, искусствоведению, китайско-польских словарей и разговорников. Перевёл на польский язык сочинение «Беседы и суждения» (*Лунь юй*) 191

Киреев Николай Гаврилович (1929 г.р.). Экономист и историк-тюрколог. Д.э.н. Научный сотрудник ИВ РАН (с 1958). В 1962–1964 гг., 1967–1969 гг. – сотрудник Торгпредства СССР в Турции 370

Клосон Жирар (*Sir Gerard Leslie Makins Clauson*, 1891–1974). Британский востоковед, госслужащий, бизнесмен. Известен исследованиями тюркских языков 234

Кобзев Артём Игоревич (1953 г.р., Москва). Китаевед, д.филол.н. (1989), профессор (1999). Окончил философский факультет МГУ (1975). Историк китайской философии. Научный сотрудник ИВ РАН (с 1978). Завотделом Китая ИВ РАН (с 2011). Лауреат Государственной премии РФ (2010) за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового Китаеведения и подготовку фундаментальной академической

энциклопедии «Духовная культура Китая». Научный редактор сайта synologia.ru 11, 12, 46, 144, 150, 210, 286, 287, 386

Ковригина М.Д. (1910–1995). Заслуженный врач РСФСР, д.мед.н. (1945). Министр здравоохранения СССР (1954–1959) 326

Козлов Пётр Кузьмич (1863–1935). Русский исследователь Монголии и Тибета, действительный член АН УССР (1928), почётный член Русского географического общества. Ученик и последователь Н.М. Пржевальского. Во время Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909) Козлов открыл остатки мёртвого тангутского города Хара-Хото, библиотеку и другие предметы «тангутской коллекции», которые хранятся в ИВР РАН 227, 479

Козырев Виталий Анатольевич (1964 г.р.) Китаевед, к.и.н. (1999), доцент. Окончил ИСАА при МГУ (1987), стажировался в Пекинском университете (1985–1986). Преподавал в ИСАА при МГУ (с 1988), университете Фэнцзя на Тайване (2006), в Амхерст-колледж (2008), Endicott College faculty, Beverly, Massachusetts (с 2009) в США. Специалист по новейшей истории Китая 145

Колоколов Всеволод Сергеевич (1896–1979). Китаевед, к.филол.н. (1935), профессор (1935). Родился в Кашгаре, Синьцзян. Окончил восточное отделение Академии РККА (1920–1922). Преподавал в Военной академии РККА и МИВ (1922–1937), ИКП (1935–1937), Высшей спецшколе РККА (1939–1942), Военной академии (1947–1957), МГУ (1951–1954). Работал в КУТВ (1923–1924), УТК им. Сунь Ят-сена (1925–1927), ИВ АН СССР

(1949–1979) 214, 222, 223, 225, 226, 227, 236, 253, 325, 326, 329, 330, 331

Комарова Ирина Нигматовна (1932 г.р.) Тибетолог-лингвист, к.филол.н. (1976). Окончила МГИМО МИД СССР (1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1966–1987), Института языкознания РАН (с 1987) 231

Коминтерн – Коммунистический Интернационал. Международная революционная организация, объединявшая компартии многих стран, «единая всемирная коммунистическая партия» (1919–1943) 47, 53, 59, 64, 117, 206, 215, 364, 385, 428, 449, 475

Кондрашова (Молодцова) Людмила Ивановна (1933 г.р.). Китаевед, д.э.н. (1986). Окончила МИВ – геогр. факультет МГУ (1957). Окончила Пекинский университет (1960). Научный сотрудник ИЭМСС (с 1961), ИДВ РАН (с 2000) 286

Кононов Андрей Николаевич (1906–1986). Тюрколог, д.филол.н. (1948), профессор (1950), академик АН СССР (1974). Окончил ЛВИ (1930). Преподаватель ЛВИ (1931–1938), ЛГУ (1934–1980) 227, 250

Конрад Николай Иосифович (1891–1970). Востоковед, японист и Китаевед. Окончил китайско-японское отделение Петербургского университета (1912). Учился в Японии (1914–1917). Профессор (1926). Д.филол.н. (1934, без защиты). Академик АН СССР (1958). Лауреат государственной премии СССР (1972). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1931–1970). Профессор МИВ (1941–1950). Автор более 300 работ. В июле 1938 г. арестован как

«японский шпион», осуждён на 5 лет заключения, освобождён в сентябре 1941 г. 120, 208, 270, 282, 319, 360

Конфуций 孔夫子 (Кунцзы 孔子 – Учитель Кун) (552/551–479 до н.э.). Великий философ, основатель конфуцианства. В истории цивилизации Конфуция ставят в один ряд с основателями мировых религий: Иисусом Христом, Буддой и Мухаммедом 71, 75, 76, 89, 90, 91, 93, 94, 96, 98, 99, 100, 110, 111, 115, 271, 276, 277, 281, 282, 283, 285, 286, 288, 352, 417, 431, 439, 450, 453, 454, 471, 484, 489

Коротков Николай Николаевич (1908–1993). Китаевед. Д.филол.н. (1971). Окончил восточный факультет Дальневосточного института народного хозяйства (1931). Работал в МИВ – преподаватель (1932–1939), завкафедрой китайского языка (1942–1954), в Высшей дипломатической школе МИД СССР (1939–1942), МГИМО, ВИИЯ 119, 127

Костяева Александра Сергеевна (1932–2003). Китаевед-историк. К.и.н. (1967). Окончила истфак МГУ (1955). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1960), ИВ АН СССР (с 1961). Автор около 50 работ 155, 225, 382

Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980). Член ВКП(б) с 1927 г. Председатель Ленинградского горисполкома (1939). Член ЦК ВКП(б) (1939), нарком текстильной промышленности СССР (до 1940). Председатель СНК РСФСР (1943). Член ПБ ЦК ВКП(б), министр финансов СССР (1948). Председатель Совета министров СССР (1964–1980) 154, 176, 337, 434

Котвич Владислав Людвигович (Władysław Kotwicz, 1872–1944). Востоковед, лингвист. Работал в 1891–1924 гг. в России. Специалист по языкам монгольской группы и алтайской семьи. Членкор АН СССР (1923), действительный член Польской академии знаний, председатель Польского востоковедческого общества (1922–1936). Одним из первых, вместе с Ивановым А.И., начинал разбор тангутского фонда 227

Котов Александр Варламович (1920–2003). Китаевед, лингвист, переводчик. Окончил МИВ (1950). Доцент (1970). Преподаватель. МИВ (1950–1954), МГИМО МИД СССР). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1959–1964). Составитель (совместно с Чэнь Чан-хао и А.Г. Дубровским) Русско-китайского словаря (1953, издан в том же году в Пекине, КНР), Китайско-русского словаря-минимум (1974, 2-е издание –1990) 121, 124

Котова Антонина Фёдоровна (1927–2001). Китаевед, переводчик, автор учебников и пособий по китайскому языку. Окончила МИВ (1950). К.филол.н. (1955), доцент (1963). Преподаватель (с 1956), декан историко-филологического факультета ИСАА при МГУ (1970–1984) 121, 124

КПК – Коммунистическая партия Китая. Основана в 1921 г. в Шанхае. Правящая партия в КНР (с 1949) 21, 52–54, 60, 80, 84, 88, 116, 117, 126, 128, 133, 137, 138, 140, 144, 152–154, 159, 161, 162, 165, 194, 197, 228, 239, 299, 300, 324, 354, 369, 370, 378, 385, 394, 396, 413, 417, 418, 424, 428, 429, 431, 438, 439, 451, 453, 455–457,

460, 461, 464, 472, 476, 478, 480–483, 485, 487, 490

Кравцова Марина Евгеньевна (1953 г.р.). Китаевед, д.филол.н. (1994). Окончила востфак ЛГУ (1975), профессор факультета философии и политологии СПбГУ (с 2003) 82

Крадин Николай Николаевич (1962 г.р.). Историк, археолог, д.и.н. (1999), профессор (2001), членкор РАН (2011). Сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (с 1985). Заведующий Центром политической антропологии. Кочевниковед 242

Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951). Востоковед-арабист. Академик АН СССР (1921). Труды по истории арабской культуры. Перевёл и прокомментировал Коран (М., 1963, 1986). Преподаватель Петерб.-Петрогр.-Ленингр. университета (1910–1951). Научный сотрудник Азиатского музея – ЛО ИВ АН СССР, заведующий Арабским кабинетом (1916–1951) 360

Крилл Херли (Creel, Herrlee Glessner, 1905–1994). Американский синолог, специалист по китайской философии 346

Кроль Юлий Львович (1931 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончил востфак ЛГУ (1951). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН. Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1957). Специалист по древней истории Китая 229, 246, 249

Крушинский Андрей Андреевич (1953 г.р.). Китаевед. Окончил ИСАА при МГУ

(1975). К.и.н. (1984), д.филол.н. (2006). Сотрудник ИМРД (1978–1979), ИВ АН СССР (1983–2007), ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Преподавал в РГГУ. Специалист по изучению *Ицзин* (Книги Перемен) 144, 145, 146, 264

Крымов Афанасий Гаврилович (Го Шаотан 郭肇堂, 1905–1988). Китаевед, революционер, политэмигрант, сотрудник Коминтерна. Профессор (1961), д.и.н. (1962). Учился в Москве, в КУТВ. С 1928 г. преподавал в КУТК, КУТВ и других вузах Москвы. Сотрудник Международного Аграрного института (1930–1932). В 1934 г. окончил ИКП и в мае стал кандидатом наук (без защиты). Работал в ИККИ политсекретарём Г. Димитрова. Жертва репрессий. Арестован в 1938 г., осуждён в 1939 г. на 15 лет. Находился в заключении до 1953 г., затем до 1954 г. в ссылке в Красноярском крае. В 1954 г. приговор от 1939 г. отменён, а дело прекращено «за недостаточностью улик». В 1956 г. дело пересмотрено и повторно прекращено «за отсутствием состава преступления». Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1988) 24, 29, 30, 124, 142, 215, 216

Крюков Василий Михайлович (1962–2008). Китаевед-историк, д.и.н. (1997). Окончил ИСАА при МГУ (1984). Научный сотрудник ИВ РАН (1987–1997). Доцент Тамканского университета (Тайвань, 1997–2008). Специалист по истории древнего Китая, литературный критик (русская классическая литература) 384

Крюков Михаил Васильевич (1932 г.р.). Китаевед-историк, этнолог. Д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР

(1955), Пекинский университет (1962). Академик Европейской Академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1955–1957), института этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского университета (Тайвань, 1993–2002) 60, 145, 187, 208, 333, 384

Крючкова Клара Фёдоровна (1925 г.р.). Переводчик, активный участник Общества советско/российско-китайской дружбы 121

Кудашев Ришат Шарафутдинович (Григорий Александрович, 1929 г.р.). Китаевед, переводчик, дипломат. Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Окончил МИВ (1953), ВДШ (1962). Сотрудник МИД СССР (с 1954) и аппарата ЦК КПСС (1964–1970 и с 1973) 399, 400

Кузес Владимир Сергеевич (1923–2008). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончил ВИИЯ (1949). Научный сотрудник ИВ АН СССР/РАН (1952–1998). Участник ВОВ 143

Кузнецов Вячеслав Семёнович (1932 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1985), доцент. Окончил востфак ЛГУ (1955). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1968). Работал в АН КазССР (1961–1965) и ДВНЦ АН СССР (Владивосток, 1965–1969). Преподавал в ДВГУ (с 1970) 224

Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна (1978 г.р.). Китаевед, историк, научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН (с 2005). Ученица С. Р. Кучеры, специалист по исто-

рии и археологии древнего Китая (эпоха Шан) 11, 210, 219

Кукушкин Ким Васильевич (1926–2010). Китаевед, к.и.н. (1955). Окончил МИВ (1951). Научный сотрудник ИВЯ при МГУ (1954–1957), Института китаеведения (1957–1960), Института народов Азии (1961–1967), ИДВ АН СССР (с 1967). Специалист по истории Китая в новейшее время 60, 308

Культурная революция – идейно-политическая кампания в КНР (1966–1976), развернутая лично Мао Цзэ-дуном, который под предложениями возможной «реставрации капитализма» и «борьбы с внутренним и внешним ревизионизмом» поставил цели дискредитировать и подавить политическую оппозицию, укрепить режим личной власти (культ личности) в КНР 32, 52, 55, 60, 67, 76, 79, 80, 84–89, 94, 99, 102, 106, 107, 115, 132–134, 158, 162, 164, 197, 198, 201, 202, 212, 239, 255, 298, 313, 314, 328, 337, 346, 362, 363, 379, 390, 434, 438, 451–453, 464, 478, 481, 482, 487

Кучера Станислав-Роберт (1928, м.р. Львов). Китаевед, д.и.н. (1981), профессор (1998). Окончил Варшавский университет (1952). Аспирант Пекинского университета (1953–1960). Научный сотрудник ИВ РАН с 1967 г. Специалист по древней истории и археологии Китая. 12, 43, 177–179, 188, 193

Кычанов Евгений Иванович (1932–2013). Китаевед, тангутовед. Сотрудник ИВР РАН в Санкт-Петербурге, д.и.н. (1970), профессор (1986). Директор СПбФ ИВ

РАН (1996–2003). Специализация: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации, национальные меньшинства КНР 31, 219, 220, 237, 241, 251, 331, 332, 335, 383

Кюннер Николай Васильевич (1877–1955). Востоковед, историк, этнограф. Специалист по истории и этнографии Китая, Тибета, народов Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Научный сотрудник Института этнографии АН СССР (1934–1955) 360

Лазаревский институт. Первоначально – армянское училище в Москве (1815), основанное членом богатой армянской семьи Лазаревым (Лазарян) Екимом (1743–1826). В 1827 г. преобразовано в Лазаревский институт восточных языков. С 1921 г. – Московский институт востоковедения 49, 388, 458

Лаоцзы 老子 – великий древнекитайский мудрец-философ, жил в VI–V вв. до н.э. Современник Конфуция. Лаоцзы приписывается авторство классического даосского философского трактата «Даодэцзин» 75, 115, 286, 431, 450

Лапина Зинаида Григорьевна (1934 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1986), профессор (1990), заслуженный профессор МГУ (2002). Окончила ИСАА при МГУ (1957), исторический факультет Пекинского университета (1960). Преподаёт в ИСАА при МГУ (с 1964). Специалист по средневековой истории Китая 12, 258, 259

Ларин Виктор Лаврентьевич (1952 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1991), профессор (1994), членкор РАН (с 2016). Преподаватель ДВГУ (1974–1991), декан востфака ДВГУ (1986–1991). Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, 1991–2018). Специалист по новой и новейшей истории Китая, проблемам безопасности в АТР 12, 348, 383

Ларичев Виталий Епифанович (1932–2014). Археолог-востоковед, д.и.н. (1971), академик Российской академии естественных наук (1992). Один из ведущих специалистов по археологии и истории чжурчжэней и других древних народов Дальнего Востока России 224, 225

Ласт Джон (John Lust, 1918–2000). Английский синолог и библиограф, профессор 342

Латтимор Овен (Lattimore, Owen, 1900–1989). Американский востоковед (синолог и монголовед). В годы 2-й мировой войны – один из советников Чан Кай-ши и правительства США. Профессор кафедры истории Китая и Монголии в университете г. Лидс (Великобритания, 1963–1970) 360

Лафайет Мари Жозеф (1757–1834). Французский политический деятель. Маркиз. Участник войны за независимость в Сев. Америке (1775–1783) (в звании генерала американской армии) 365

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924). Революционер, один из создателей

в 1895 г. петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Член РСДРП с 1898 г. Основатель РСДРП(б) с 1903 г. и один из организаторов Октябрьской революции 1917. Вождь и теоретик большевизма и международного коммунистического движения. Председатель Совета народных комиссаров РСФСР (СССР) с 1917 г. и Совета труда и обороны с 1922 г. 71, 118, 121, 126, 127, 161, 211, 425

Ли Бо 李白 (701–762/763). Великий китайский поэт. Современник Ду Фу 363

Ли Гоу 李覲, Ли Тай-бо (1009–1059). Философ, политический мыслитель. Потерпев неудачу на столичных экзаменах на высшую учёную степень *цзиньши*, основал академию на родине, в округе Ганьцзян, стал известен как эрудит и талантливый педагог. По рекомендации Фань Чжун-яня получил в 1049 г. учительское место при дворе, в конце жизни занимал высокий пост «толкователя-ассистента» в столичной Высшей школе (*Тай сюэ*) 272, 273, 277

Ли Да-чжао 李大钊 (1889–1927). Учёный, революционер и общественный деятель, один из первых китайских марксистов и основателей КПК 50, 62, 63

Ли Ли-сань 李立三 (1899–1967). Один из основателей и лидеров КПК. В 1931–1945 гг. жил в СССР. Покончил с собой в результате политической травли в годы «культурной революции» 65

Ли цзи 禮記 (*Книга ритуалов*). Один из главных канонов конфуцианства. Текст трактата составлен в IV–I вв. до н. э. В I в. до н.э. включён в состав конфуцианского Пятикнижия. В XII в. две главы *Ли цзи* (*Да сюэ* и *Чжун юн*) вошли как отдельные каноны в конфуцианский свод *Четверокнижие* 434

Ли Ши-минь 李世民 (598–690), храмовое имя *Тай-цзун*, посмертное имя Вэнь У-хуанди). Самый могущественный император китайской империи Тан (唐, 618–907). Правил с 627 г. 287

Ли Ши-юй 李世瑜 (1922–2010). Известный историк, социолог, религиовед 249

Ли Юэ-жань 李越然 (1927–2003). Переводчик русского языка. Переводил для Чжоу Энь-лая, Мао Цзэ-дуна и других членов руководства КНР и КПК. См. Воспоминания Ли Юэ-жаня: записи лично пережитого в советско-китайской дипломатии. Пекин, 2001. 中苏外交亲历记: 李越然回忆录 124

Лившиц Владимир Аронович (1923–2017). Иранист, языковед, переводчик согдийских текстов. Окончил востфак ЛГУ (1948). Д.филол.н. (1965), профессор (1973). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1958). Членкор Британской АН (с 1977) 248

Линь Бяо 林彪 (1907–1971). Политик и государственный деятель, маршал (1955), министр обороны КНР. Один из идеологов «культурной революции». В 1969 г. на IX съезде КПК объявлен «преемником»

Мао Цзэ-дуна, а в 1973 г. – «интриганом» и «национальным изменником». Погиб в авиакатастрофе в Монголии в августе 1971 г. После смерти лишён всех званий и объявлен изменником. В отличие от других руководителей КНР до сих пор не реабилитирован 89, 124, 197, 357, 400, 485, 487

Линь Ин-цзинь 林英津 (1955 г.р.). Тангтовед, профессор, научная сотрудница института лингвистики при Academia Sinica (Тайвань) 240, 245

ЛО ИВАН – Ленинградское отделение ИВ АН СССР. В феврале 1956 г. сектор восточных рукописей ИВ АН СССР был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения (ЛО ИВ АН СССР). В 2007 г. переименован в *Институт восточных рукописей* РАН (ИВР РАН) 442

Ломанов Александр Владимирович (1968 г.р.). Китаевед, д.и.н. (2001), профессор РАН (2015). Окончил философский факультет МГУ (1989). Научный сотрудник (с 1989), главный научный сотрудник ИДВ РАН 71

Лотман Юрий Михайлович (1922–1993). Окончил филфак ЛГУ (1950) Преподаватель (с 1954), завкафедрой русской литературы (1960–1977), профессор Тартуского университета (1963). Д.филол.н. (1961, ЛГУ). Один из основоположников структурно-семиотического метода изучения литературы и культуры в отечеств. науке. Членкор Британской АН (1977), член Норвежской АН (1987), академик шведской

Королевской АН (1989), член Эстонской АН. Был «невъездным». В конце 1980-х гг. создал серию познавательных телепередач «Беседы о русской культуре» 149

Лубо-Лесниченко Евгений Иосифович (1929–2001). Китаевед, искусствовед, д.и.н. (1990). Членкор РАЕН (1997). Окончил ЛГУ (1953). Сотрудник (с 1957), завотделом Дальнего Востока (с 1965), главный сотрудник Отдела Востока (с 1995) Государственного Эрмитажа. В конце 1990-х гг. преподавал на Тайване 246

Лукин Александр Владимирович (1961 г.р.) Китаевед, д.и.н. (2007). Окончил МГИМО МИД СССР (1984). Работал в МИД СССР (1985–1986), Посольстве СССР в КНР (1986–1988). Сотрудник ИВ АН СССР (1988–1991). Philosophy Doctor, Оксфордский университет (1997). Работал в Гарвардском университете США (1997–1998), в Институте Брукинса (2000–2001). Проректор по научной работе и международным связям Дипакадемии МИД России, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС при Институте международных исследований МГИМО(У). Сотрудник НИУ ВШЭ (с 2014) 154, 374

Лукьянов Анатолий Евгеньевич (1948 г.р.) Китаевед, д.филол.н. (1991). Окончил философский факультет МГУ (1975). Преподаватель РУДН (1978–1993), РГГУ (1993–1997). Сотрудник ИДВ РАН (с 1997). Исследователь древней и средневековой китайской философии 111, 210

Лунь юй 論語 (*Беседы и суждения*). Главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция (551–479 гг. до н.э.), записавших факты биографии, высказывания и поступки учителя, а также беседы с его участием 471

Лю Бинь-янь 刘宾雁 (1925–2005). Член КПК (1944). После 1949 г. – журналист, писатель. В 1950-х гг. назван «правым», исключен из КПК. Реабилитирован в 1960-х гг., но в 1969 г. приговорён к 8 годам лагерей. В 1978 г. ярлык «правого» снят, вновь принят в КПК. В 1987 г. вновь исключен из КПК за «буржуазный либерализм». В 1988 г. командирован в США. После открытого осуждения властей КНР за события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь лишён гражданства и права возвращения в Китай. Много публиковался в гонконгской прессе, издавал диссидентский журнал 132, 134, 157, 162

Лю Да-нянь 刘大年 (1915–1999). Известный китайский историк, директор Института новой истории АН КНР до (с 1958) и после «культурной революции» (с 1978), почётный директор (1982–1999) 332, 491

Лю Шао-ци 劉少奇 (1898–1969, м.р. Хунань). Государственный и партийный лидер КНР. Изучал русский язык, в 1921 г. учился в КУТВ в Москве. Член ЦК КПК (1927). Политкомиссар 4-й армии, член секретариата ЦК КПК (1932–1942). Председатель ПК ВСНП (1954–1959). Официально назван наследником Мао Цзэ-дуна. Поддержал «большой скачок», но затем выступил за постепенность экономического развития. В 1967 г. в осуждён

прессе КНР как «самое большое лицо в партии, облечённое властью и идущее по капиталистическому пути», «китайским Хрущёвым». В 1968 г. обвинён в «контрреволюционной деятельности», изгнан из партии, смещён со всех постов. Арестован и умер в 1969 г. в тюрьме г. Кайфын. Реабилитирован в 1980 г. 89, 131, 162, 195

Лян Ци-чао 梁啟超 (1873–1929). Учёный (философ, историк, литератор), государственный и общественный деятель. Один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае на рубеже XX в. Критиковал Сунь Ят-сена, отвергал революционное насилие. После Парижской мирной конференции (1918) заявил о крахе «западной мечты» о всесии науки, предложив пропаганду китайской духовности как путь спасения Запада 63, 141, 371, 373, 404, 406, 407

Лянь Хэн 連橫 (1878–1936). Тайваньский историк, автор «Сводной истории Тайваня» 臺灣通史. Дед бывшего вице-президента КР Лянь Чжэня 61

Лянь Чжань 連戰 (1936 г.р.). Государственный и партийный деятель. Вице-президент Китайской Республики на Тайване (1996–2000). Дважды проиграл выборы президента Китайской Республики (2000, 2004). Председатель Гоминьдана (2000–2005). Почётный председатель Гоминьдана (с 2005) 61

Ма Ин-цзю 馬英九 (1951 г.р.). Президент Китайской Республики на Тайване 12-го (2008–2012) и 13-го (2012–2016) срока

правления. Председатель правящей партии Гоминьдан. В 1990-х гг. – министр юстиции, мэр г. Тайбэй (1998–2006). Юрист, доктор наук (Гарвардский университет) 418

Ма Сюй-лунь 馬敘倫 (1885–1970). Учёный-филолог, философ, каллиграф. Профессор Пекинского университета, министр образования КНР 95

Ма Сян 馬湘 (1889–1973). Революционер, соратник Сунь Ят-сена. Родился в пров. Гуандун. В 15 лет выехал в Северную Америку. В 1909 г. вступил в *Тунмэнхуэй*. В 1915 г. вернулся в Китай, позднее неотлучно сопровождал Сунь Ят-сена как охранник и начальник личной охраны. После смерти Суня возглавил охрану мавзолея *Чжуншань лин* в г. Нанкин. Умер в 1973 г. в Гонконге. Написал «Мемуары о десяти с лишним годах следования за господином Сунь Чжун-шанем» // Записи мемуаров о Синьхайской революции. – Пекин, 1961. Т.1. С.1. 马湘. 跟随孙中山先生十余年的回忆 // 辛亥革命回忆录(第1集) - 北京: 中华书局 71

Мавандуй (г. Чанша, пров. Хунань). Древние могильники у холмов Мавандуй случайно найдены в 1971 г. В ходе раскопок в 1972–1974 гг. обнаружены 3 больших захоронения: «князя Дай» (владел уделом Дай в 185–165 гг. до н.э.), его 50-летней жены и, видимо, сына. Могилы маркиза и сына разграблены. Зато датируемая около 175 г. до н.э. могила жены и её тело сохранились полностью. Многие из найденных в 3-й могиле книг были известны лишь по на-

званию, а ряд других (например, приписываемые Конфуцию комментарии к *Ицзину*) были совсем неизвестны. Всего найдено 28 трактатов по астрономии, истории, медицине и пр., а также древнейшие копии «Планов Сражающихся царств», *Ицзин* и *Даодэцзин* 92

Макартни Джордж (Macartney, George, 1737–1806). Английский дипломат и государственный деятель. В 1792–1794 гг. возглавлял первую британскую дипломатическую миссию в Пекине 347

Малиновская Татьяна Александровна (1922 г.р. г. Калуга). Китаевед, к.филол.н.(1970), доцент (1974). Окончила востфак ЛГУ (1950), преподаватель ЛГУ (с 1950). Специалист по китайской классической драме 221

Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967). Полководец. В годы Великой Отечественной войны командовал армиями и фронтами. Маршал СССР (1944). В 1945 г. командовал войсками Забайкальского фронта при разгроме японской Квантунской армии. Министр обороны СССР (1957–1967) 400

Малявин Владимир Вячеславович (1950 г.р., Москва). Востоковед (китаевед), историк, философ. Д.и.н.(1988), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1972). Преподавал в ИСАА при МГУ (1975–1988). Работал в Институте этнографии РАН (1985–1991). Профессор университета Тамкан (Тайвань, с 1997). Специалист по древнекитайской философии, культу-

ре и этнической истории Китая 12, 107, 348, 384

Мамаева Наталья Леонидовна (1945 г.р, Брест). В 1968 г. окончила истфак МГУ. Стажёр Ляонинского университета (1986–1987), Пекинского народного университета (1990–1991). Д.и.н.(1993). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1968) 41

Мамардашвили Мераб Константинович (1930–1990). Выдающийся философ XX в. Окончил философский факультет МГУ (1954), д.филос.н. (1968), профессор (1972). Работал в журналах «Вопросы философии» (1957–1961, 1968–1974), «Проблемы мира и социализма» (1961–1966). Сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР (1974–1980). С 1980 г. жил и работал в Грузии 139

Маньчжурь – коренное население Северо-Восточного Китая. В XVII в. захватили весь Китай, основав маньчжурскую династию Цин (1644–1912) 36, 223, 235, 305, 306, 310, 317, 319, 332, 373, 424, 461, 460, 464, 465, 481

Мао Ань-ин 毛岸英 (1922–1950), русское имя Серёжа. Сын Мао Цзэ-дуна от его жены Ян Кай-хуэй. Родился в американском госпитале в г. Чанша (пров. Хунань). После гибели матери в 1930 г. бежал с братом в Шанхай. В 1936 г. послан в СССР, жил и учился в Ивановском интердоме. В 1942 г. окончил курсы сержантского состава, учился в Военно-политической академии им. Ленина и в Военной академии им. Фрунзе. Имел звание

лейтенанта, вступил в ВКП(б). Воевал на 2-м Белорусском фронте. В январе 1946 г. вернулся в Китай. Во время Корейской войны служил переводчиком в штабе Пэн Дэ-хуая (главком Китайских народных добровольцев в КНДР), погиб в 1950 г. 122

Мао Ань-цин 毛岸青 (1923–2007), русское имя Коля. Сын Мао Цзэ-дуна от его жены Ян Кай-хуэй. Родился в американском госпитале в г. Чанша (пров. Хунань). После гибели матери в 1930 г. бежал с братом в Шанхай. В 1936 г. послан в СССР, жил и учился в Ивановском интердоме. Вернулся в Китай в 1947 г. Работал переводчиком в ЦК КПК, признан больным шизофренией 122

Мао Цзэ-дун 毛泽东 (1883–1976, м.р. Хунань). Один из основателей и лидеров коммунистического движения в Китае. После 1949 г. фактический руководитель КПК и КНР. Объект «культы личности» 20, 21, 53, 68, 70, 72, 84, 87, 89, 117, 122, 126, 131–134, 137, 154, 159–162, 193–195, 197, 198, 207, 212, 325, 333, 351, 356, 364, 378, 380, 383, 392, 400, 417, 425, 438, 442, 450–453, 455, 464, 481, 482, 486, 487, 490

Маркова Светлана Даниловна (1923–2001). Китаевед, к.филол.н. (1955). Изучала китайскую поэзию и судьбы китайской интеллигенции в XX в. Супруга академика В.С. Мясникова 329, 333

Маркс Карл (1818–1883). Немецкий философ, социолог, экономист, журналист и общественный деятель. Его работы сформировали в философии диалектический

и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классово-борьбы. Основатель коммунистического движения и идеологии «марксизма» 30, 66, 155, 163, 195, 213, 373, 389, 431, 443

Мартынов Александр Александрович (1905–1975). Китаевед. Окончил ЛВИ (1932). Преподавал в ЛВИ (1933), ВИИЯ (1949–1952). Работник МИД СССР (1933–1937 и с 1953). Зам. главред журнала «Проблемы востоковедения» (1959–1960), «Народы Азии и Африки» (1961–1966). Изучал историю КПК и КНР 249, 348

Мартынов Александр Степанович (1933–2013). Китаевед, к.и.н. (1975). Окончил востфак ЛГУ (1957). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР/ ИВР РАН (с 1960). Преподаватель востфака СПбГУ (с 1992). Труды по истории традиционной китайской идеологии 246, 348, 353

Машкина Ирина Николаевна (1936 г.р.) Китаевед, к.и.н. (1975). Окончила ИВЯ при МГУ (1958). Сотрудник Института китаеведения (1958–1960), ИВ РАН (1960–1994). Изучает историю отношений Китая и Вьетнама в средние века 23

Медведев Дмитрий Анатольевич (1965 г.р., Ленинград). Третий президент РФ (2008–2012). Председатель правительства РФ (с 2012). Юрист, к.ю.н. (1990), окончил ЛГУ (1987) 418

Мейер Михаил Серафимович (1936 г.р.). Востоковед-тюрколог, специалист по османской истории. Окончил ИВЯ при МГУ (1960). Д.и.н. (1990), профессор, директор ИСАА при МГУ (1994–2012). Член Ученого совета МГУ (с 1994). Президент ИСАА при МГУ (с 2012) 26

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940). Театральный режиссер, актёр, педагог. Народный артист (1923). Настоящее имя – *Карл Казимир Теодор Майергольд*. В 1895 г. принял православие и взял имя *Всеволод*, в честь любимого писателя В. М. Гаршина. Окончил Театрально-музыкальное училище Московского филармонического общества, класс В.И. Немировича-Данченко (1898), вступил в труппу Московского

Мартынов Александр Степанович (1933–2013). Китаевед, к.и.н. (1975). Окончил востфак ЛГУ (1957). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР/ ИВР РАН (с 1960). Преподаватель востфака СПбГУ (с 1992). Труды по истории традиционной китайской идеологии 246, 348, 353

Художественного театра. В 1939 г. арестован, в 1940 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно 117, 118, 475

Меликсетов Арлен Ваагович (1930–2006). Китаевед. Окончил истфак МГУ (1956). Д.и.н. (1976). Профессор (1976). Сотрудник Института китаеведения (1956–1960). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1960–1989). Директор ИСАА при МГУ (1989–1994). Главред журнала «Китаеведение» (с 2000) 68, 147, 148, 173, 274, 275, 338

Мельниченко Борис Николаевич (1935–2018). Востоковед, исследователь Юго-Восточной Азии, буддолог, д.и.н. (1993), преподаватель ЛГУ (с 1961), профессор СПбГУ (1996). Окончил истфак Пекинского университета (1961), востфак ЛГУ (1962) 241

Меньшиков Лев Николаевич (1926–2005). Китаевед, историк и литературовед. Д.филол.н. (1976), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Специалист по китайской раме, издатель и интерпретатор традиционных китайских текстов (в т.ч. рукописей из Дуньхуанского фонда и коллекции Хара-Хото). Почётный член Дуньхуанской академии КНР (1999). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1955) 8, 232, 248, 291, 353

Милибанд Софья Давидовна (1922–2017). Востоковед-иранист, писатель, историк науки, библиограф. Окончила восточное отделение истфака МГУ. Научный сотрудник ИВ РАН. Составитель: Библиографический словарь отечественных востоковедов: с 1917 г. / С.Д. Милибанд. М.: Наука,

1995. 763 с.; Востоковеды России, XX – начало XXI века: биобиблиографический словарь : в 2 кн. / С.Д. Милибанд. – М.: 2008 48, 51, 56, 76, 361, 394

Мильский Константин Викторович (1916–?, м.р. Одесса). Писатель-китаевед, переводчик. В 1930 г. выехал с матерью в Шанхай, потом жил в Харбине. После японской оккупации Харбина уехал в Пекин, окончил Пекинский колледж коммерции и финансов (1936). Изучал средневековое право в Тяньцзине. Учился в Школе по подготовке кадров КПК. Был похищен сторонниками Чан Кай-ши и провёл 7 лет в тюрьме. После освобождения изучал классическую китайскую литературу в Пекинском университете. Руководил русским отделением в одном из вузов Пекина (с 1949). Провёл 10 лет в маоистских политических тюрьмах. Освобождён в 1965 г. В 1966 г. выехал во Францию. Жил в Медоне (под Парижем). Выступал в Париже в Союзе русских инженеров с докладами о Китае (1971, 1972). Защитил диссертацию в Высшей школе политических и социальных наук (1974). Издал в Париже ряд книг по Китаю, теории и практике перевода с китайского языка. Писал под псевдонимом Константин Рисов. См.: <http://dommuseum.ru/slovarx/person.php?id=11057> 299

Мин 明 – китайская императорская династия (1368–1644) 36, 291, 436, 472, 485, 486, 488

Миньцзиньдан 民主進步黨 (Демократическая прогрессивная партия). Создана на Тайване в 1986 г. как оппозиционная партия. Выступает за независимость острова

от материкового Китая. В 2000–2008 гг. и с 2016 г. – правящая партия на Тайване 62

Мировицкая Раиса Анатольевна (1926 г.р.) Китаевед-историк. К.и.н. (1953). Научный сотрудник ФБОН (1953–1958), Института китаеведения (1958–1960), ИВ АН СССР (1961–1965), ИЭМСС (1965–1966), ИДВ АН СССР (с 1966). Труды по истории советско-китайских отношений 366

МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского. Гуманитарный вуз университетского типа (1931–1941). Был выделен из МГУ, на базе факультета истории и философии, затем снова с ним слит. Такой же институт *ЛИФЛИ* имелся в Ленинграде (1931–1937) 490

Михаловски Казимир (Michałowski Kazimierz Józef Marian) (1901–1981). Археолог, египтолог, искусствовед. Окончил Университет Яна Казимира во Львове. Доктор наук, доцент (1932). Преподавал в Варшавском университете (1933). Замдиректора Национального музея в Варшаве (1939). Организатор и участник экспедиций в В. Египте и Нубии (1937–1939, 1957), Крыму (1956), Александрии (1960), Дейр-эль-Бахари (1961), Фарасе, Сев. Судане (1961–1964). Возглавлял Международный комитет по спасению храма в Абу-Симбеле перед постройкой Асуанской плотины (1963–1971). Основал в Каире Польский центр средиземноморской археологии (1959). Глава Археологического отделения ПАН, президент Международной ассоциации нубиологии, вице-президент

Международной ассоциации египтологов, завкафедрой средиземноморской археологии Варшавского университета 189

Мицкевич Адам Бернард (Mickiewicz Adam Bernard, 1798–1855). Один из величайших польских поэтов эпохи романтизма, публицист 181

Мишулин Александр Васильевич (1901–1948). Историк-антиковед, профессор МГУ (с 1934), д.и.н. (1943), редактор первого советского школьного учебника по античной истории для 5–6 классов «История древнего мира», увидевшего свет в 1940 г. и ежегодно переиздававшегося в 1949–1953 гг. 48

Монзелер Георгий Оскарович (1900–1959). Китаевед, японовед. Окончил ЛГУ (1924). Сотрудник МАЭ АН СССР (1924–1931). Преподавал в ЛГУ (1930–1931), ЛВИ (1933–1938), ИВ АН СССР (1939–1941). Научный консультант института религии АН СССР (1952–1959). Переводчик стихов (Ли Бо, Басё) 248

Мор Йокаи (Mór Jókai, Móric Jókay de Ásva) (1825–1904). Венгерский романист и драматург, один из крупнейших венгерских писателей XIX в. В его книгах ощутимо влияние Вальтера Скотта, Александра Дюма-отца, Чарльза Диккенса. Автор романа 1872 «Eppur si muove – És mégis mozog a föld» («И всё-таки она вертится»), вышедшем в 1886 г. на польском языке под названием «*Poruszmy z posad ziemię*» («Сдвинем мир с постамента») 182

Московский государственный университет (МГУ) имени М.В. Ломоносова 18, 21, 26, 49, 58, 71, 120, 124, 126, 155, 167, 179, 193, 208, 247, 258, 259, 260, 261, 270, 274, 283, 291, 305, 323, 325, 338, 347, 348, 367, 369, 372, 383, 397, 420, 423–429, 431, 432, 436, 438–440, 442–444, 446, 447, 449, 450, 452, 454, 456, 457, 459, 461–463, 465–467, 469, 470, 473–476, 478, 481, 484, 486, 488–490, 492

Московский институт востоковедения (МИВ). Возник в результате преобразования Лазаревского института восточных языков и действовал в 1920–1954 гг. 47, 49, 51, 56, 116, 118–122, 126, 127, 142, 143, 166, 323–325, 333, 422, 425, 427–430, 432, 433, 434, 439, 441–444, 447, 449, 459, 460, 462, 464, 465, 467, 469, 470, 472, 473, 477, 480, 490

Московский Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (НИИТИИИ РАХ), где Н.А. Виноградова работала ведущим научным сотрудником Отдела зарубежного искусства до своей кончины 07.01.2012 444

Мозм Сомерсет (1874–1965), английский писатель 348

Мудров Борис Григорьевич (1923–1997). Китаевед, к.филол.н. (1951). Преподавал в МИВ в 1951–1954 гг., ВИИЯ (с 1967). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1957–1967). Был одним из ведущих составителей 4-томного «Большого китайско-русского словаря» (1983–1984) под редакцией И.М.

Ошанина (1900–1982) и редактором-составителем гораздо более скромного «Китайско-русского словаря» 1980 г. 51, 58

Мэйдзи реставрация (明治維新 *мэйдзи исин*) – «обновление Мэйдзи» или консервативная «революция Мэйдзи». Связана с изданием 3 января 1868 г. манифеста о реставрации власти императора как верховного правителя страны и упразднением системы сёгуната. Открыла путь к быстрому капиталистическому развитию и модернизации Японии 57, 405, 406, 435

Мясников Владимир Степанович (1931 г.р., м.р. Москва). Востоковед, китаевед, д.и.н. (1978), профессор (1982), академик РАН (1997). Специалист по истории российско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Советник РАН, заместитель академика-секретаря Бюро Отделения истории РАН, председатель редколлегии научной серии «Научное наследие» РАН. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. Автор около 500 научных публикаций 8, 12, 31, 39, 230, 322, 323, 328, 336–338, 341, 379, 385, 455, 462

Нарочницкий Алексей Леонтьевич (1907–1989). Историк, академик АН СССР (1972) и АПН СССР (1968), специалист по внешней политике России в XIX в. Автор крупных трудов по международным отношениям, руководитель издания дипломатических документов внешней политики России XIX в. 311, 338

- Национальный Дворец-музей Гугун – Голи Гугун боугуань* 國立故宮博物館 – См.: *Гугун* в Пекине (1953–1956) 28, 272, 331, 346, 371, 372
- Не Хун-инь* 聂鸿音 (1954 г.р.). Тангутовед, научный сотрудник НИИ этнологии КАОН (с 1993) 255
- Невский Николай Александрович* (1892–1937). Востоковед, знаток ряда языков Восточной Азии, доктор языковедения (1935). Один из пионеров изучения мёртвого тангутского языка. Автор посмертно изданной работы «Тангутская филология» (1960, присуждена Госпремия СССР). Окончил Петербургский университет (1914). Жил и работал в Японии (1915–1929). Преподавал в ЛГУ, ЛВИ (1929–1936). Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1957 г. 226, 227, 236, 237, 246, 248
- Непомнин Олег Ефимович* (1935 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1984). Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Сотрудник ИВ РАН с 1962 г. Специалист по социально-экономической истории Китая 22, 23, 37, 41, 308, 320, 381, 383, 396, 401, 402
- Нидэм Джозеф* (Needham, Joseph, 1900–1995). Английский учёный широкого профиля. Синолог, биохимик и эмбриолог. Специалист по истории науки и цивилизации в Китае 341, 480
- Никифоров Владимир Николаевич* (1920–1990). Китаевед, д.и.н. (1967). Научный сотрудник ИВ РАН (1950–1970, 1984–1990), ИДВ АН СССР (1970–1984). Преподаватель ВПШ и Народного университета в Пекине (1953–1956) 28, 272, 331, 346, 371, 372
- Ниткин Владимир Краснович* (Ни Дэ-гэнь) (1905–1960-е?). Этнический китаец. Преподавал китайский язык в ЛГУ. По профессии художник 221, 223
- Нишида Тацуо* (Nishida Tatsuo 西田龍雄, 1928 г.р.). Тангутовед, профессор Университета Киото 236
- Новиков Борис Михайлович* (1929 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1976), доцент (1978), преподаватель Восточного факультета СПбГУ(ЛГУ) с 1957 г. Окончил востфак ЛГУ (1952). Специалист по истории тайных обществ в Китае в новое время 81, 221
- Нурхаици* (1559–1626), *Абахай* (1592–1643). Отец и сын. Маньчжуры. Основатели маньчжурского государства и династии Цин (с 1636) 306
- Общество и государство в Китае* – Научная конференция проводится Отделом Китая ИВ АН СССР (РАН) ежегодно, начиная с 1970 г. 45, 59, 60, 90, 97, 98, 100, 112, 140, 145, 147, 149, 150, 171, 172, 176, 209, 270, 311, 387, 393
- Окладников Алексей Павлович* (1908–1981). Археолог, историк, этнограф. Академик АН СССР (1968), членкор Британской академии (1973), лауреат Сталинской премии (1950) и Государственной премии СССР (1973). Герой Социалистического Труда (1978) 224, 242

Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934). Востоковед-индолог. Академик РАН (1908). Преподаватель Петербургского университета/ЛГУ (1889–1934). Директор Азиатского музея/ИВ АН СССР (1916–1934) 360

Опиумные войны – три торговые войны (1840–1842, 1856–1858, 1860 гг.), развязанные западными державами с целью сломить политику самоизоляции Китая и открыть китайский рынок для западных товаров и капиталов 405

Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961). Востоковед, академик АН СССР (1935), академик АН Армянской ССР и её первый президент (1943–1947). В 1934–1951 гг. – директор Эрмитажа, заведовал Ленинградским отделением Института народов Азии АН СССР (1956–1961) 226, 227, 228

Осипов Павел Иванович (1901–?). Настоящее имя Чжу У-шан. Китаевед-историк. Окончил Пекинский университет (1925). Член КПК с 1921 г. С 1926 г. жил в СССР, окончил КУТК (1926–1927). Член ВКП(б) с 1926 г., исключен во время чистки 1929 г. Преподавал китайский язык в ЛВИ. Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1932). Репрессирован в 1937–1954 гг. В 1954 г. реабилитирован, в 1956 г. вернулся в Ленинград. Позднее выехал в КНР 228

Остроумов Борис Васильевич (1879–1944). Инженер. Управляющий КВЖД в 1921–1924 гг. 292

Ошанин Илья Михайлович (1900–1982). Китаевед-лингвист. Окончил МИВ (1924). Д.филол.н. (1947), профессор (1948). Со-

трудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии *Фэн Юй-сяна* (1924–1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933–1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931–1942), ВИИЯ (1942–1957), ВДШ МИД СССР (1939–1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря (М., 1983). Лауреат Государственной премии СССР (1986) 25, 119, 142, 326, 331, 353, 354, 360, 387, 388, 424, 459

Павловская Людмила Кузминична (1926–2002). Китаевед, к.филол.н. (1975). Окончила востфак ЛГУ (1953). Сотрудник БАН (1953–1959). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1959) 248

Пак Борис Дмитриевич (1931–2010). Востоковед-кореевед. Окончил востфак Среднеазиатского госуниверситета (1956). Д.и.н. (1974). Профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР. Научный сотрудник ИВ РАН (с 1999) 319, 401

Пан Татьяна Александровна (1955 г.р.). Китаевед, маньчжуровед, к.и.н. (2004). Окончила востфак ЛГУ (1978). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1978). Старший научный сотрудник ИВР РАН, завотделом Дальнего Востока ИВР РАН. Сфера исследований: история маньчжуроведения, история и культура маньчжур, изучение памятников на маньчжурском языке 249

Панасюк Владимир Андреевич (1924–1990). Китаевед. Литератор-переводчик. Окончил ВИИЯ (1951). Преподавал в ВИИЯ.

К.филол.н. (1954). Член Союза писателей СССР (1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1955, 1964–1985) 143, 214

Панкратов Борис Иванович (1892–1979). Востоковед, китаевед, монголовед, тибетолог. В 1916 г. окончил Восточный институт (Владивосток). Много лет жил и работал в Китае, где овладел китайским, монгольским, тибетским и маньчжурским языками. Преподаватель ЛГУ, научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1935–1942, 1948–1979). Перевёл в 1962 г. текст *Юань-чао би-ши* («Секретная история монголов») 226, 228, 249, 326, 329–331, 358, 360

Пань Тянь-шоу 潘天壽 (1898–1971), почётный член Российской академии художеств. См.: Виноградова Н.А. Пань Тянь-шоу и традиции живописи гохуа. – М.: НИИРАХ., 1993. 71

Парсонс Толкотт (1902–1979). Американский социолог-теоретик, глава школы структурного функционализма, один из создателей современной теоретической социологии и социальной антропологии 155, 389

Пекинский университет 北京大學 (коротко: *Бэйда* 北大). Главный и старейший университет Китая. Основан в 1898 г. Занимает первое место в Азии и одно из ведущих мест в мире по уровню и условиям образования 188, 197, 201, 231, 267, 268, 269, 297, 298, 335, 378

Перевертайло Алексей Степанович (1897–1990). Китаевед, к.и.н. (1941). Сотрудник МИВ (1937–1942), Тихоокеанского института (1942–1946), ИВ АН СССР

(1950–1956). Директор Института китаеведения (1956–1959) 143, 327, 359

Переломов Леонард Сергеевич (1928–2018). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор. Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИК АН СССР (с 1955). Сотрудник ИДВ РАН с 1971 г. Президент Русского конфуцианского Фонда, член Правления Международной Конфуцианской Ассоциации. Исследователь древнекитайской философии: легизм, конфуцианство и др. Заслуженный деятель науки РФ 28, 89, 143, 208, 210, 307, 326, 348, 383, 385

Петлин Иван – Глава первой русской экспедиции, достигшей Китая в 1618–1619 гг. См.: Мясников В.С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С.146–151 328, 385

Петров Аполлон Александрович (1907–1949). Китаевед. Окончил ЛГУ (1930). К.филол.н. (1935). Преподавал в ЛГУ (1936–1941), МГИМО МИД СССР (1946–1949). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1936–1941), МИД СССР (1942–1949). В 1942–1943 гг. послан на дипломатическую работу в Китай (в Чунцин) секретарём и советником посольства. Посол СССР в КНР (1945–1947). Затем из-за контактов его жены с дипломатами США (по литературе об индейцах для диссертации, которую она писала) вместо поста замминистра пошёл на понижение. В 1948–1949 гг. – эксперт в Архивном управлении МИД СССР 120

Петров Виктор Васильевич (1929–1987). Китаевед-филолог, литературовед, пере-

водчик и педагог. Окончил востфак ЛГУ (1951). Преподаватель востфака ЛГУ (1951–1987). Член Союза писателей СССР (с 1957) 81, 353

Петров Николай Александрович (1908 – после 1961). Китаевед, литературовед, к.филол.н. (1956). Окончил ЛВИ (1933). Научный сотрудник ИВ АН СССР с 1933 г. Работал в Китае (1935–1937), служил в Советской Армии. Занимался описанием китайских ксилографов. Соавтор коллективной работы «Очерки по истории китайской литературы 1840–1919 гг.» 226

Петрушевский Илья Павлович (1898–1977). Востоковед-историк, заслуженный деятель науки АзССР, д.и.н. (1941) 223, 232, 243, 244, 245

Пивоваров Юрий Сергеевич (1950 г.р.). Историк, д.полит.н., академик РАН (2006). Директор ИНИОН РАН (с 1998) 348

Пиотровский Михаил Борисович (1944 г.р.). Востоковед-арабист, д.и.н. (1985), профессор СПбГУ, членкор РАН. Окончил востфак ЛГУ (1967). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1967). Директор Государственного Эрмитажа (с 1992), председатель Союза музеев РФ. Декан востфака СПбГУ (с 2013) 244

Писарев Александр Андреевич (1950 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992), профессор ИСАА при МГУ. С 1996 г. профессор Тамканского университета (Тайвань). Специалист по истории Китая в республиканский период 12, 71, 384

Позднеева Любовь Дмитриевна (1908–1974). Китаевед, д.филол.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь известного востоковеда Д.М. Позднеева (1865–1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Специалист по китайской литературе 370

Поздняков Игорь Георгиевич (1931–1974). Японист, к.и.н. (1963). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1958–1974) 371

Полоньи Петер. Род. в начале 1930-х гг. Венгерский синолог. Исследователь буддизма, работал в одном из музеев Будапешта. В силу требований времени занимался и проблемами современного Китая. После установления новой власти в Венгрии ушёл в бизнес (по сообщению проф. С. Кучеры) 147, 281

Померанц Григорий Соломонович (1918–2013). Философ, культуролог, писатель, эссеист. Окончил ИФЛИ (1940). Участник войны (1942–1945). В 1949 г. осуждён на 5 лет лагерей по обвинению в антисоветской деятельности. Освобождён в 1953 г., реабилитирован в 1956 г. Работал в ИНИОН АН СССР. В 1976 г. имя Померанца запретили упоминать в советской прессе. В 1984 г. «предупреждён об ответственности по ст. 190» («клевета на советскую действительность»). Книги выходили в Мюнхене, Париже, Нью-Йорке 150

Понамарёв Борис Николаевич (1905–1995). Партийный деятель. Член РКП(б) (1919). Окончил МГУ (1926), ИКП (1932). Замдиректора ИКП (1932–1934). Помощник главы ИККИ Г. Димитрова (1936–1943). Начальник Совинформбюро при Совми-

не СССР (1947). Завотделом по связям с иностранными компартиями при Международном отделе ЦК КПСС (1955–1986). Кандидат в члены ПБ ЦК КПСС (1972–1986). Академик АН СССР (1962). Руководитель коллектива авторов учебника по истории КПСС (1960, 1971–1974). Редактор многотомной истории КПСС. Ответственный редактор 10-томника «История СССР с древнейших времен до наших дней» (1963) 135

Попова Ирина Фёдоровна (1961 г.р.). Китаевед, медиевист, д.и.н. (2000), профессор. Окончила востфак ЛГУ (1983). Директор ИВР РАН (с 2003) 246, 247, 256, 257, 383, 416

Порт-Артур – кит. назв. *Люйшунькоу* 旅順口. Город, военно-морская база на Жёлтом море. Конечный пункт южной ветви Маньчжурской ж/д. Сегодня – район г. Далянь. С 1898 г. – в аренде у России на 25 лет. По Портсмутскому мирному договору (1905) права аренды на Порт-Артур и полуостров Ляодун перешли к Японии. По истечении срока аренды территория осталась оккупированной. В 1945 г. Китай передал Порт-Артур в аренду СССР сроком на 30 лет. В 1955 г. СССР вывел свои войска и вернул порт властям КНР 130, 250, 445

Портяков Владимир Яковлевич (1947 г.р.). Китаевед-экономист, к.и.н. (1978), д.э.н. (1999). Окончил географический факультет МГУ (1970). Сотрудник торгпредства, посольства СССР в КНР. Сотрудник ИЭМСС АН СССР, ИДВ РАН (1992–1999 и с 2003). Замдиректора ИДВ РАН, главред журнала «Проблемы Дальнего Востока» 402

Примаков Евгений Максимович (1929–2015). Востоковед-арабист. Окончил МИВ (1953). Д.э.н. (1969). Профессор (1974), академик АН СССР (1979). Директор ИВ АН СССР (1978–1985), ИМЭМО АН СССР (1985–1989). Член ПБ ЦК КПСС (1989–1990). Директор службы внешней разведки РФ (1991–1996). Министр иностранных дел РФ (1996–1998). Председатель правительства (премьер-министр) РФ (1998–1999). Депутат Госдумы РФ (2000–2001). Президент торгово-промышленной палаты РФ (с 2001) 56, 144, 172, 212, 227, 247, 310, 373

Пу Дао-мин 卜道明 (1902–1964). Известный политический деятель республиканского Китая, переводчик, преподаватель, генерал. В разные годы член КПК и Гоминьдана. Учился в КУТВ (1921–1922), преподавал в УТК им. Сунь Ят-сена и др. вузах в Москве (1926–1930). В 1945 г. начальник русского отдела Военного Совета в гоминьдановской администрации. После 1949 г. жил на Тайване 355

Пэн Бай 彭拜 (1896–1930). Уроженец пр. Гуандун. Революционер, коммунист (с 1924), член ЦК КПК(1927) и ПБ ЦК КПК(1928). Создатель первого советского правительства в китайской деревне (Гуандун, 1927). По словам Мао Цзэ-дуна, «великий глава (*да ван*) крестьянского движения в Китае». Арестован и казнён спецслужбами Гоминьдана в августе 1929 г. В 2009 г. включён в список 100 героев, внёсших великий вклад в создание нового Китая 223

Пэн Мин 彭明 (1924–2008). Историк, почётный профессор (2005) Народного уни-

верситета Китая (Пекин). Специалист по «движению 4 мая» и истории политической мысли Китая в новое и новейшее время 63

Пэн Чжэнь 彭真 (1902–1997, м.р. Шаньси). Видный партийный и государственный деятель Китая. Член КПК с 1923 г. Член ЦК КПК (1945). Член ПБ ЦК КПК (1950). Мэр г. Пекин (1951–1966). Пострадал в годы «культурной революции». Реабилитирован в 1978 г. Вновь введён в ПБ ЦК КПК (1979). Председатель Постоянного комитета ВСНП (1983–1988) 72, 131

Разжигаяев Глеб Иванович (1913–1994). Китаевед. Окончил в Харбине Институт ориентальных и коммерческих наук (ИОКН), выполнял переводы с китайского языка. Член Кружка востоковедения, секции археологов натуралистов и этнографов Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. Автор научных работ о быте маньчжур 295

Раношек Рудольф (Ranoszek Rudolf, 1894–1986). Польский филолог, изучал древний Восток. Доктор наук (1922), профессор (1958). С 1914 г. учился во Вроцлавском университете. Ассистент Института ориенталистики в Львовском университете Яна Казимира (1933–1934). Доцент Варшавского университета (с 1935). После оккупации Польши угнан на работы на заводах в Германии. Работал в Варшавском университете (1948–1964). Изучал шумерологию, ассирологию, хеттологию. Почётный доктор Силезского университета в Катовице (1985) 183, 189

Рахманин Олег Борисович (1924–2010). Китаевед, д.и.н. (1975), профессор (1977). Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол (1985). В 1951–1958 гг. и 1960–1963 гг. работал в посольстве СССР в Пекине. Специалист по истории советско-китайских отношений после 1945 г. 137, 144, 154, 299, 338

Резерфорд (Rutherford) Эрнест (1871–1937). Английский физик, заложивший основы учения о радиоактивности и строении атома. Лауреат Нобелевской премии (1908) 336

Рифтин Борис Львович (1932–2012). Китаевед, литературовед, переводчик. Д.филол.н.(1970), член-корр. АН СССР (1987), академик РАН (2008). Окончил вост. факультет ЛГУ (1955). Научный сотрудник ИМЛИ (1956–2012). Главный научный сотрудник Отдела литератур Азии и Африки. Крупнейший в мире специалист по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии. Труды по древнекитайской мифологии, фольклорной традиции и средневековой литературе Китая 8, 24, 221, 222, 224, 244, 353, 383

Рогачёв Алексей Петрович (1900–1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928–1934). Сотрудник Отдела информации Генконсульства СССР в г. Харбин (1936–1939). Преподаватель в МИВ (с 1939) 260, 263, 370

Рождественская (Молчанова) Евдокия Ивановна (1922–2014). Китаевед, преподаватель, переводчик. К.филол.н. (1963), до-

цент (1974). Окончила МИВ (1947). Преподавала в МИВ (1947–1948, 1950–1954), ИВЯ/ИСАА при МГУ (1956–1986) 315

Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития – межгосударственная общественная организация, пользующаяся поддержкой правительств России и КНР и включающая представителей широких слоёв общества двух стран. Учреждён в 1997 г. 340

Роцин (Рузанков) Николай Васильевич (1901–1960). Военный деятель и дипломат. Генерал-майор (1945). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР. Последний посол СССР в гоминьдановском Китае (1948–1949) и первый посол СССР в КНР (1949–1952) 351

Рубин Виталий Аронович (1923–1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык китайским студентам в Институте с/х (г. Новочеркасск, 1951–1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969–1972). Профессор Иерусалимского университета (1976–1981). Изучал историю философии древнего Китая 141, 143, 147, 149, 209

Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993). Учёный, журналист, партийный деятель. Член ЦК КПСС (1952–1976). Д.э.н., профессор, академик АН СССР (1966), членкор АН ГДР (1967). Завотделом науки и культуры ЦК КПСС (1953–1955). Главред журнала «Коммунист» (1955–1958). Шеф-

редактор журнала «Проблемы мира и социализма» (1958–1964). Главред газеты «Правда» (1964–1965). Главред журнала «Коммунист» (1955–1958) 135, 151, 152

Румянцев Георгий Никитич (1903–1966). Монголовед и тибетолог, к.и.н. (1962). Специалист по монгольским языкам. Внёс большой вклад в изучение истории, этнографии, археологии и филологии бурят-монгольских народов 326

Русаков Константин Викторович (1909–1993). Окончил Ленинградский политехнический институт (1930). С инженерных должностей поднялся до министра рыбной промышленности СССР (1950). В 1957–1960 гг. – советник посольства СССР в Польше. В аппарате ЦК КПСС (с 1960). 1-й зам. завотделом ЦК КПСС (1965–1968). Завотделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран (1968–1972). Помощник генсека ЦК КПСС (1972–1977) 137

Русский Католический лицей св. Николая. Действовал в Харбине в 1929–1948 гг. Полное название — получил в 1933 г. Инициатором его организации был архимандрит о. Фавиан, с благословения Папы Пия XI. Лицей размещался в отдельном здании в Модягоу (район Харбина). Курс 8-летнего обучения базировался на учебных планах классических лицеев царской России. Основные идеи: повышенный уровень образования и строгая дисциплина. После архимандрита Фавиана директором лицея стал в 1939 г. архимандрит Андрей Цикото (1891–1952), в 1917 г. окончивший католи-

ческую Петроградскую духовную академию. Воспитанниками лицея были православные дети и юноши, которые посещали церковные службы на русском языке, говорили и причащались в Св. Николаевском соборе 428

Русский клуб, Тайвань. Официальный сайт: <http://www.russiaclub.tw>

Русское Географическое общество. Основано в 1845 г. в Санкт-Петербурге. Одно из старейших географических обществ мира 446

Рыбаков Борис Александрович (1908–2001). Историк и археолог. Академик АН СССР (1958). Автор трудов по археологии, истории, культуре славян и Древней Руси 370

Рыбаков Вячеслав Михайлович (1954 г.р.). Китаевед, д.и.н. (2009), ведущий научный сотрудник ИВР РАН. Окончил ЛГУ (1976). Специалист по средневековому китайскому праву 246

Рыбаков Ростислав Борисович (1938 г.р.). Индолог, д.и.н. (1991). Окончил ИСАА при МГУ (1963). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1970), директор ИВ РАН (1994–2009). Специалист по проблемам истории культуры, религии 332, 416

Рысевич Зигмунт (Rysiewicz Zygmunt, 1911–1954). Языковед, индолог. Окончил Львовский университет. С 1947 г. учился в Париже у лингвиста Жюля Блоша (Jules Bloch, 1880–1953), индолога Луи Рену

(Louis Renou, 1896–1966), знатока индоевропейских языков Эмиля Бенвениста (Émile Benveniste, 1902–1976). В 1949 г. вернулся в Польшу, защитился в Ягеллонском университете, занял пост профессора в Варшавском университете. В 1954 г. совершил суицид. Автор работ по индийскому и общему языкознанию. Соавтор и главред польского «Словаря иностранных слов» (Słownik Wyrazów Obcych, 1961) 189

Савицкий Лев Серафимович (1932–2007). Тибетолог, к.филол.н. (1980). Окончил востфак ЛГУ (1960). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1960) 241

Савчик В.Г. Востоковед, ученик И. Г. Баранова. Жил и работал в Харбине. Переводчик, составитель учебников 313

Сакья (Сакьяпа) – букв. «Серая Земля». Школа тибетского буддизма, основанная в 1073 г. Центром школы является одноименный монастырь Сакья около Шигадзе в Тибете. Монастырь Сакья контролировался аристократическим кланом Кхон, из которого выходили иерархи этого направления буддизма 245

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889). Русский писатель-сатирик, редактор известных журналов «Современник» и «Отечественные записки». Автор «Истории одного города» (1869) и ряда других сатирических произведений, остро высмеивавших российскую действительность 137

Санжеев Гарма Данцаранович (1902–1982). Монголовед, д.филол.н. (1948), профессор (1935). Окончил ЛИЖВЯ (1928).

Преподаватель ЛГУ (1929–1931), МИВ (1931–1954), ИВЯ при МГУ (с 1968). Научный сотрудник КУТВ (1931–1934), Института языка и мышления (1935–1950), ИВ АН СССР (1951–1982) 324

Свистунова Наталия Павловна (1930 г.р., Москва). Китаевед, к.и.н. (1962). Окончила истфак МГУ (1953). Стажировалась в Пекине (1957–1960, 1987–1989). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1960), ИВ АН СССР (с 1960). Сфера научных интересов: история Китая в эпоху Мин. Переводчик «Законов Великой династии Мин». Супруга *С.Р. Кучеры* 41, 177, 187, 208

Сенин Николай Герасимович (1918–2001). Китаевед, д.филол.н. (1964). Научный сотрудник ИФ АН СССР/РАН с 1951 г. Изучал историю китайской общественно-политической и философской мысли XIX–XX вв. 50, 54, 308

Сергиев Артемий Владимирович (1929–1993). Китаевед, д.э.н. (1972). Окончил философский факультет и МИВ (1950). Сотрудник МИД с 1950 г., работал в КНР (1950–1953, 1956–1959, 1962–1965). Ответственный работник ЦК КПСС (1972–1975) 59

Серебряков Евгений Александрович (1928–2013). Китаевед, д.филол.н. (1973), профессор ЛГУ (1974). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по китайской классической поэзии 221

Серова Светлана Андреевна (1933 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1990). Окончила МГИМО МИД СССР (1957). Научный сотруд-

ник Института китаеведения (1957–1961), ИВ РАН (с 1961). Специалист по истории и культуре Китая, традиционному китайскому театру 31, 230, 379

Си Ся 西夏 – букв. *Западное Ся*. Тангутское государство (официальное название: Великое государство Белого и Высокого). Существовало в 1038–1227 гг. к северо-западу от китайской империи Сун и чжурчжэньской империи Цзинь, на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу 219, 229, 473, 479

Симоновская Лариса Васильевна (1902–1972, м.р. Харбин). Китаевед-историк, Д.и.н. (1967), профессор (1967). Окончила Харьковский университет (1928). Преподаватель ЛВИ, ДВГУ, Харьковского ГУ (1936–1944), исторического факультета (с 1944) и ИВЯ при МГУ (1956–1972), заведовала кафедрой истории Китая 22, 23, 25, 26, 29, 30, 208, 260, 261, 262, 263, 264, 369, 370, 371, 372

Синицын Евгений Павлович (1933–2002). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончил истфак МГУ (1956), истфак Пекинского университета (1962). Научный сотрудник ИВ РАН (1966–1998). Исследователь древнекитайской истории и философии, зарубежного китаеведения 208

Синологическая библиотека – отдел библиотечно-библиографического обслуживания при ИДВ РАН, имеющий 200-тысячный специализированный фонд книг и документов. Основу библиотеки составили книги на китайском языке и книги о Китае на русском и западных языках, переданные из ИВ РАН, Фундаментальной

библиотеки общественных наук, библиотек Русской духовной миссии в Пекине и Генконсульства в Харбине. Источник: http://www.inion.ru/index.php?page_id=381 307, 325, 388

Синчжунхуэй 興中會 (Союз возрождения Китая). Революционная организация, созданная Сунь Ят-сенем в 1894 г. для вооружённого свержения власти маньчжурской династии Цинь 67, 354, 481

Синь циннянь – 新青年 «Новая молодёжь». Журнал-ежемесячник (с июня 1923 – ежеквартальник). Выходил в Шанхае-Гуанчжоу с сентября 1915 г. по декабрь 1924 г. Одноимённый журнал нерегулярно выходил в Гуанчжоу с апреля 1925 г. по июль 1926 г. 54

Синьхайская революция 辛亥革命. Началась 10.10.1911. Привела к свержению монархии в Китае и созданию 1 января 1912 г. Китайской Республики 66, 70, 331, 361, 363, 368, 372, 373, 378, 381, 386, 407, 408, 454, 472, 487, 489

Синьхуа 新華社, Агентство «Новый Китай». Официальное информационное агентство правительства КНР и главный центр новостной информации в КНР 157, 421

Сказкин Сергей Данилович (1890–1973). Историк, академик АН СССР (1958). Специалист по истории Западной Европы 65, 370

Скачков Константин Андрианович (1821–1883). Китаевед, дипломат, учёный, собиратель китайской литературы. Работник

Русской духовной миссии в Пекине (1848–1863) 327, 328, 349

Скачков Пётр Емельянович (1892–1964). Китаевед, к.э.н. (1935). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1930–1964). Составитель известной библиографии Китая (см.: Библиография Китая. М., 1960) 248, 327, 328, 329, 330, 335, 336, 360

Скрынникова Татьяна Дмитриевна (1948 г.р.). Монголовед, д.и.н. (1995), профессор (2002). Окончила ЛГУ (1974). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН 246

Славински Роман – польский синолог, профессор Варшавского университета. Сфера интересов – новая и новейшая истории Китая. Родился примерно в начале 1930-х гг. На пенсии (по сообщению С. Кучеры) 147

Сладковский Михаил Иосифович (1906–1985). Китаевед, исследовал историю экономических отношений в Китае. Окончил востфак ДВГУ (1930). Д.э.н. (1958). Членкор АН СССР (1972). Директор ИДВ АН СССР (1967–1985) 360

Смирнов Николай Александрович (1896–1983). Тюрколог, д.и.н. (1941), профессор (1942). Выпускник МИВ (1924) 65

Смолин Георгий Яковлевич (1930–2011). Китаевед, д.и.н. (1971), профессор (1976). Окончил востфак ЛГУ (1953). Работал в Библиотеке АН СССР (1953–1962). Преподаватель востфака ЛГУ (с 1962). Специалист по средневековой истории Китая 81, 241, 246

Смыкалов Георгий Феофанович (1877–1955). Китаевед, профессор. Окончил

Петербургский университет (1902). Стажировался в Китае (1903–1907). Магистр (1907), профессор (1947). Преподавал китайский язык с 1913 г., в т.ч. в ЛГУ (1938–1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1938–1955) 222

Советов И.И. (Чэнь Чан-хао). Преподаватель, доцент. Вместе с более чем десятком других китаистов переведивший указанный 4-томник Мао Цзэ-дуна, а затем участвовавший в создании 4-томного Большого китайско-русского словаря (1983–1984) 53

Соколова-Делюсина Татьяна Львовна, (1946 г.р.). Японист, филолог. Окончила ИСАА при МГУ (1970). Преподаватель японского языка в ИСАА при МГУ (в 1990-х). Редактор японской секции издательства «Прогресс». С 1975 г. – член Союза писателей (секция переводчиков). В 2008 г. указом императора Акихито за многолетний труд переводчика японской прозы и поэзии удостоена одной из высших наград – Ордена Восходящего Солнца (Золотые лучи с розеткой) 126

Сокровенное сказание монголов (Юань-чао би-ши или Юань-чао ми-ши) – китайский перевод монгольского названия Монголын нууц товчоо; транслит. Monggul nighucha tobchiyan). Древнейший монгольский литературный и историографический памятник, ценный источник по истории монголов, их государства и его основателя – Чингисхана, а также по истории Центральной Азии XII–XIII вв. 228

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008). Писатель, поэт, публицист; общественный и политический деятель. Совет-

ский диссидент в 1960–1980-х гг. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970) 345, 472

Солнцев Вадим Михайлович (1928–2000). Китаевед. Окончил МИВ (1949). Д.филол.н. (1970), профессор (1971). Членкор АН СССР (1984). Научный сотрудник (с 1958), замдиректора ИВ АН СССР (1965–1986), директор Института языкознания (1987–2000) 121, 149

Соловьёв Михаил Евтропьевич. Китаевед. В 1950-х гг. преподавал в МИВ. Автор ряда книг по истории России и СССР. Других сведений не найдено 324

Соловьёв Фёдор Владимирович (1913–1999). Китаевед, выпускник Восточного факультета ДВГУ (1934–1939). Доктор исторических наук (1980). В 1961–1990 гг. работал в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР 83

Солонин Кирилл Юрьевич (1969 г.р.). Востоковед. Д.филол.н. (2008, тема: «Традиция Хуаянь-Чань и процесс формирования буддизма в тангутском государстве»). Окончил востфак СПбГУ (1992). Преподаёт на философском факультете СПбГУ (с 1992). В н.вр. – завкафедрой философии и культурологии Востока. Научные интересы: буддология, китайская философия и культура, тангутоведение, изучение тангутских рукописей 237

Сон в красном тереме (Хун лоу мэнь 紅樓夢). Выдающийся памятник китайской литературы. Написан в XVIII в. Автор – Цао Сюэ-цинь 曹雪芹. Роман, отразивший традиционные жизнь и нравы китайского общества 214

Сорокин Владислав Фёдорович (1927–2015). Китаевед. Окончил МИВ (1950). Д.филол.н. (1979). Преподаватель МИВ, истфака МГУ, МГИМО МИД СССР, редактор Совинформбюро (1950–1957). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1960), института народов Азии (1961–1967), ИДВ АН СССР (с 1967). Вице-президент Европейской ассоциации китаеведения (1980–1986). Сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага, 1958–1960) 59, 121, 210, 230, 231, 253, 335, 353, 379, 385

Соссюр Фердинанд де (Ferdinand de Saussure, 1857–1913). Швейцарский лингвист, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики. Идеи Ф. де Соссюра, которого часто называют «отцом» лингвистики XX в., оказали большое влияние на гуманитарную мысль XX в. в целом, вдохновив рождение структурализма 111

Софронов Михаил Викторович (1929 г.р.). Востоковед, языковед, д.филол.н. (1970), профессор. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1957–1970), ИДВ АН СССР (с 1970). Преподаватель МГУ (с 1970). Окончил востфак ЛГУ (1952). Вёл исследования по дешифровке и реконструкции тангутского языка («Грамматика тангутского языка», кн. 1–2, 1968) 236, 253

Союз Советских Обществ Дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) – массовое добровольное объединение советских общественных организаций, работавших на развитие и укрепление дружбы и культурного сотрудничества народов СССР и зарубежных стран. Учрежден в 1958 г., вёл свою

историю от Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, основанного в 1925 г. (правопреемник – Российская организация международного сотрудничества) 362

Спафарий Николай Гаврилович (Милеску Николае Спетарул) (1636–1708) – молдавский учёный, дипломат, писатель. С 1671 г. жил в России, переводчик Посольского приказа. В 1675–1678 гг. возглавлял русское посольство в Пекине 385

Спешнев Николай Алексеевич (1931–2011). Китаевед, лингвист, переводчик, д.филол.н. (1987). Окончил востфак ЛГУ (1957), преподаватель ЛГУ с 1957 г. Профессор (1989), почётный профессор СПбГУ. Родился в г. Пекин 222, 253

Спирин Владимир Семёнович (1929–2002). Китаевед, к.филол.н. (1970). Окончил востфак ЛГУ (1952). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1952). Специалист по методологии исследований (структурным подходам) древнекитайской философии 92

Стабурова Елена Юрьевна (1948 г.р., г. Оха, Сахалинская обл.). Китаевед. Окончила востфак ЛГУ (1972). Д.и.н. (1993). Профессор (с 1995). Преподаватель Латвийского госуниверситета (1978), Рижского университета им. Страдыня. Директор института Конфуция. Перевела на латышский язык книгу высказываний Конфуция *Лунь Юй*. Автор 6 монографий. Специалист по новой и новейшей истории Китая 146

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Революционер, коммунист. Государственный лидер в СССР

начала 1920 г. до начала 1950-х гг. Один из вождей ВКП(б) и международного коммунистического движения. Объект культа личности 19, 64, 67, 71, 72, 85, 118, 121, 126, 130, 133, 136, 160, 161, 175, 187, 189, 206, 207, 213, 324, 353, 356, 371, 372, 425, 455, 476, 480

Струве Василий Васильевич (1889–1965). Востоковед, египтолог и ассириолог. Академик АН СССР (1935). Преподаватель ЛГУ (1916–1934). Заведовал египетским отделом Эрмитажа (1914–1933). Директор, завотделом Древнего Востока ИВ АН СССР (1958–1965) 360

Стужина Эмилия Павловна (1931–1974). Китаевед, к.и.н. (1962), доцент (1967). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1957). Специалист по социально-экономической истории Китая в средневековье и новое время 41, 264, 370, 371, 372

Судариков Николай Георгиевич (1913–2000). Юрист, дипломат, преподаватель. К.ю.н. Член ВКП(б) (1939). Работал в органах юстиции СССР (1932–1946). Советник Посольства СССР в КНР (1956–1960), Чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНДР (1967–1974), Австралии (1979–1983), на Фиджи (1980–1983). С 1983 г. преподавал в Дипакадемии МИД СССР 55, 138, 333, 359

Сун Мэй-лин 宋美齡 (1897–2003). Третья жена Чан Кай-ши (с декабря 1927), младшая сестра Сун Цин-лин, жены Сунь Ят-сена 391

Сун Цин-лин 宋慶齡 (1893–1981). Видный гос. и обществ. деятель Китая, вдова Сунь

Ят-сена. В 1954–1981 гг. – зам. председателя ПК ВСНП КНР, в 1959 г. и 1965 г. избиралась заместителем Председателя КНР 51, 72, 354, 471

Сунь Ят-сен 孫逸仙 (1866–1925), *Сунь Вэнь* 孫文 (литературный псевдоним), *Сунь Чжун-шань* 孫中山 (имя в эмиграции). Революционер-демократ, один из великих лидеров Китая в XX в. Основатель партии Гоминьдан (1912), вождь Синьхайской республиканской революции 1911 г., первый президент Китайской Республики. Автор учения о трёх «народных принципах» (национализм, народовластие, народное благоденствие). Выступал за союз Гоминьдана с КПК и СССР. В 1940 г. посмертно удостоен титула «отца нации» 48, 61, 67, 70–72, 117, 119, 149, 159, 169, 231, 350, 351, 354, 363–365, 372, 373, 381, 387, 404, 406–410, 412, 417, 424, 426, 428, 431, 434, 453, 472, 476, 481, 483, 486, 487

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982). Советский партийный деятель. В 1955–1982 г. – член ПБ ЦК КПСС, отвечал за идеологию. В 1964 г. – активный участник смещения Н.С. Хрущёва. Инициатор гонений на интеллигенцию после хрущёвской «оттепели». Имел репутацию «консерватора» и «догматика». С его именем связаны изгнание из СССР А.И. Солженицына, ссылка А.Д. Сахарова. В 1979 г. был в числе лиц, принявших решение о вводе советских войск в Афганистан 136, 137, 335

Сухарчук Георгий Дмитриевич (1927–2006). Китаевед, д.и.н. (1982), профессор (1984). Окончил МИВ (1950). Научный сотрудник Института китаеведения (1956–

1960), Института востоковедения (1955–1956 и с 1970), ИЭМСС (1964–1965), ИДВ АН СССР (1966–1970) 59

Суцкивер Татьяна Наумовна (1928–2000). Китаевед. Окончила МИВ (1950). Преподавала в МГИМО МИД СССР (с 1951), Научный сотрудник ИНИОН АН СССР (с 1972) 121

Сыма Цянь 司馬遷 (145–86 до н.э.). Великий историк, мыслитель, «отец китайской истории», создатель выдающегося памятника китайской историографии *Ши цзи* («Исторические записки»). См.: Перевод с китайского с комментариями, т. 1–9. – М., 1972–2010. В 2010 г. в России завершён полный перевод на русский язык труда Сыма Цяня 42, 61, 71, 140, 167, 229, 363, 382, 429, 488

Сюй Бэй-хун 徐悲鴻 (1895–1953, м.р. Цзянсу). Знаменитый художник. Учился у отца-художника, в Шанхае и в Париже (с 1919), посетил ряд стран Европы. Директор Центральной Академии Художеств в Пекине и председатель Всекитайской ассоциации деятелей литературы и искусства (1949–1953). В 1934 г. посетил СССР. Один из создателей нового стиля в китайском искусстве XX в., соединившего национальные художественные традиции с достижениями европейской реалистичной живописи 131, 426

Сюй Да-лин 徐大齡 (1922–1996). Историк, специалист по истории эпох Мин и Цин. Профессор (1983). Учился в Католическом университете Фужэнь (天主教輔仁大學, 1941–1945), затем в Яньцзинском универ-

ситете (1945–1947). Более 40 лет (с 1952) проработал на кафедре древней истории Китая истфака Пекинского университета 195

Сюй Куй 徐葵 (1927 г.р.). Профессор. В 1981–1998 гг. возглавлял Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии (ранее: Институт Советского Союза и стран Восточной Европы) при Академии общественных наук Китая. Почётный доктор ИДВ РАН (1994) 60

Сюй Ши-чан 徐世昌 (1855–1939). Крупный сановник, политический деятель последних лет правления династии Цин и периода Китайской Республики. Соратник Юань Ши-кая. Президент Китайской Республики (1918–1922) 70

Сяо кан 小康 букв.: *малое благоденствие*; внутри государства – символ спокойствия и экономического улучшения. Внутри семьи – символ относительной зажиточности. Пропагандируется как одна из целей современной социальной политики в КНР

Тайваньская панорама – русскоязычная версия журнала. Издается в г. Тайбэй. Прежние названия: «Свободный Китай», «Тайбэйская панорама» 103

Тайпинов восстание (1850–1864). Великая крестьянская война в Китае, направленная против социального гнёта и правящей маньчжурской династии Цин. Идеология тайпинов представляла синтез китаизированного христианства и традиционных древнекитайских социально-утопических

идей о справедливом обществе «Великого Благосостояния» (Тайпин) 327, 441

Тан 唐朝 – китайская империя (608–907) 35, 276, 342, 437

Тангуты (самоназвание ми, минья, тибетское название – миняг, китайское название – дансяны или фань, тюрко-монгольское – тангуты) – народ тибето-бирманской группы, говоривший на тангутском языке. В 982 г. создали в северном Китае государство Си Ся (Западное Ся). Большая часть населения исповедовала буддизм. В 1227 г. государство тангутов пало под ударами Чингисхана. К XVI в. тангуты ассимилированы китайцами, монголами и тибетцами 219, 220, 225–227, 229, 233, 234, 236–242, 244, 245, 251, 255–257, 332, 433, 446, 459, 468, 470, 479, 487

Тань Ао-шуан 譚傲霜 (1931–2017). Китаевед. д.филол.н. (1995), профессор (2000). Окончила филологический факультет Пекинского университета (1954). Почётный профессор Педагогического университета Центрального Китая (1999). Член правления Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка. Преподаватель ИСАА при МГУ(с 1966) 124

Тарковский Андрей Арсеньевич (1932–1986). Кинорежиссёр, сын поэта и переводчика с восточных языков Тарковского Арсения Александровича (1907–1989). В 1951–1952 гг. учился на арабском отделении ближневосточного факультета МИВа, когда в этом институте учился и Ю.М. Гарушянц, окончивший его в 1953 г.

Дядя Андрея и старший брат Арсения Валерий погиб в 1919 г. 49, 52

Тартуско-московская семиотическая школа – структуралистско-семиотическое направление в советской гуманитарной науке в 1960–1980-х гг. Объединила преимущественно учёных из Тарту (кафедра русской литературы Тартуского университета), Москвы, Еревана, Риги, Вильнюса. Основатели школы опирались на труды русских формалистов (Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, В.Я. Пропп) 149, 464

Таскин Всеволод Сергеевич (1917–1995). Китаевед. К.и.н. (1968). Окончил восточно-экономическое отделение Харбинского юридического факультета (1936). Переводчик на КВЖД, в Отделении Торгпредства СССР, в юротделе АО «И.Я. Чурин и К°» (1945–1947). Диспетчер автопарка МТС в Северном Казахстане (1954–1955). Научный сотрудник Института Китаеведения (1957–1960), ИВ АН СССР (1961–1995). Переводчик и исследователь китайских исторических сочинений 42, 140, 141, 209, 382

Татаркевич Владислав (Tatarkiewicz Władysław, 1886–1980). Польский философ, историк философии, искусствовед. Профессор (1919, Львов). В 1915–1919 гг. возглавлял философское отделение в Варшавском университете (закрит в 1905 г. властями России и восстановлен с помощью Германии в 1915 г.). Читал лекции в университете Стефана Батория в Вильно (1919–1921), Познаньском и Варшавском университетах (1921–1923). Работал в Варшавском университете (1923–1961).

Главред журнала «Философский обзор» (Przeglądu Filozoficzni) (с 1924) и журнала «Эстетика» (Estetyka) (1960–1963). Представитель т.н. Львовско-Варшавской логической школы, возникшей в 1930-х гг. вокруг философа и логика *Казимира Твардовски* 185

Таубенилаг Рафаль (Taubenschlag Rafał, 1881–1958). Польский историк права, специалист в области римского права и папирологии. Окончил факультет права Ягеллонского университета, получил степень доктора (1904) и полномочного доктора (1913). Профессор (1921). Членкор Польской академии знаний (1927). Декан факультета права Ягеллонского университета (с 1929). В годы 2-й мировой войны был одним из лидеров польской интеллигенции в эмиграции. С 1947 г. заведовал кафедрой античного права и кафедрой папирологии истфака Варшавского университета 190

Твитчет Денис (Denis Crispin Twitchett, 1925–2006). Английский синолог 342

Терентьев-Катанский Анатолий Павлович (1934–1998). Тангутовед, к.и.н. (1973). Окончил востфак ЛГУ (1958). Старший научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1970–1998) 236

Титаренко Михаил Леонтьевич (1934–2016). Китаевед, д.филол.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат государственной премии РФ (2011) 210, 380, 381, 383, 384, 400, 402, 416

Тихвинский Сергей Леонидович (1918–2018). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961–1963). 8, 12, 41, 42, 55, 57, 69, 70, 138, 139, 172, 173, 256, 276, 306, 308, 319, 320, 329, 334, 338, 341, 350, 371, 372, 374, 381–384, 386, 388, 394, 396, 399

Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965). Историк, академик АН СССР (1953). Специалист по истории России 65

Тихонов Дмитрий Иванович (1906–1987). Востоковед, д.и.н. (1968). Окончил ЛВИ (1936). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1936–1961), ЛО Института этнографии АН СССР (1961–1976). Специалист по истории уйгур в средние века и новое время 227

Тойнби Арнольд Джозеф (1889–1975). Английский историк и социолог. Автор идеи о круговороте сменяющихся локальных цивилизаций, движущей силой развития которых служит творческая элита. Доказывал необходимость возрождения гармонии между человеком и природой 389

Толкунов Лев Николаевич (1919–1989). Партийный и государственный деятель, журналист, к.и.н. (1968). Работник газеты «Правда» (1938–1957), аппарата ЦК КПСС (1957–1965). Главред газеты «Из-

вестия» (1965–1975). Глава АПН (1976). Член ЦК КПСС (1976). Депутат ВС СССР (1984–1987) 136

Толстиков Василий Сергеевич (1917–2003). Советский государственный и партийный деятель, дипломат. С октября 1970 г. до начала 1979 г. служил Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в КНР 399

Томас Фредерик Уильям (Frederick William (F.W.) Thomas) (1867–1956). Тибетолог, индолог, филолог 251

Третьяков Сергей Михайлович (1892–1937). Публицист, драматург, поэт-футурист. Окончил юрфак МГУ (1915). Жил и работал во Владивостоке, Пекине, Харбине, Чите (1919–1922). Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. Автор агитационных стихов и пьес, наиболее известна пьеса «Рычи, Китай!» (1926) о борьбе китайских портовых рабочих против американских колонизаторов (поставлена в театре В.Э. Мейерхольда). Роман на китайском материале «Дэн Ши-хуа» вышел в 1930 г. с подзаголовком «био-интервью». См.: Слышишь, Москва?! Противогазы. Рычи, Китай! [Пьесы. Статьи. Воспоминания]. Иркутск, 1966. Арестован и расстрелян в 1937 г. 117, 118, 123

Троцевич Аделаида Фёдоровна (1930 г.р.). Кореевед, д.филол.н. (1985). Окончила ЛГУ (1952). Преподаватель востфака ЛГУ (с 1952). Главный научный сотрудник ИВР РАН 249

Троцкий Лев Давидович (1879–1940). Настоящее имя Лейба Давидович Бронштейн. Революционер, государственный деятель. Один из вождей Октябрьской революции 1917 г., создателей Красной Армии и Коминтерна. Занимал ряд высших гражданских и военных постов в СССР. Член ПБ ВКПб (1919–1926). Автор теорий «перманентной революции», «экспорта революции» и т.д. Лидер внутривластной левой оппозиции (с 1923). Крупнейший оппонент Сталина И.В. В 1927 г. снят со всех постов, сослан в Казахстан. Выслан из СССР (1929) и лишён гражданства (1932). По приказу Сталина убит в 1940 г. в Мексике 146, 152, 425

Трухановский Владимир Григорьевич (1914–2000). Историк, академик РАН (1992). Главный редактор журнала «Вопросы истории» (1960–1987). Специалист по истории Англии, международным отношениям 65

У Жун-цэн 吴荣曾 (1928 г.р.). Историк, археолог, специалист по до-циньской истории, истории империй Цинь и Хань, эпиграфике и нумизматике. Окончил истфак Пекинского университета (1954), преподавал на отделении археологии. Вскоре уехал в университет Внутренней Монголии (Хух-Хото), где работал до 1983 г. Затем вернулся в Пекин. Профессор кафедры древней истории Китая истфака Пекинского университета (1985–1998) 201

У Пэй-фу 吴佩孚 (1878–1939). В 1920–1926 гг. – крупный политический деятель и военный правитель центрального Китая, глава так называемой чжилийской клики

северных милитаристов. Во внешней политике ориентировался на Великобританию и США 58

Университет трудящихся Китая имени Сунь Ят-сена. Вуз для китайцев из Гоминьдана и КПК, действовал в Москве в 1925–1930 гг. В 1928 г. переименован в «Коммунистический университет трудящихся Китая» (КУТК). Несмотря на протесты представителей КПК, имя Сунь Ят-сена в названии КУТК было оставлено. См.: *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ят-сена в Москве и китайская революция. Воспоминания. Перев. Л.И. Головачёва, В.Ц. Головачёв. М.: ИВ РАН, Крафт +, 2009 65, 72, 354, 355, 357, 388, 401

Усов Виктор Николаевич (1943 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1998). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Окончил ИВЯ при МГУ (1967). Стажёр Пекинского института иностранных языков (1966, 1986). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1967) 385

Усов Сергей Николаевич (1891–1966). Китаевед-педагог. Жил в Маньчжурии с 1906 г. Преподаватель китайского языка (1922–1937). Заведовал курсами восточных языков Юридического факультета в Харбине (существовал в 1920–1937). Издал серию учебников и учебных пособий по китайскому языку, иероглифике, методике преподавания языков. Репатриировался в СССР (1954), жил в Рязани 313

Фань Чжун-янь 范仲淹 (989–1052). Известный государственный деятель и писатель времён династии Сун 272, 451

ФБОН (Фундаментальная библиотека по общественным наукам): Библиотека Социалистической академии общественных наук (1918). Библиотека АН СССР (с 1936). В 1969 г. на базе библиотеки образован Институт научной информации по обществ. наукам (ИНИОН) 141, 151, 457

Федоренко Николай Трофимович (1912–2000). Китаевед. Д.филол.н. (1943), профессор (1953), членкор АН СССР (1958). Окончил МИВ (1934). Служил в МИД СССР (1939–1968), Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (1954). Замминистра иностранных дел (1955–1958), сотрудник посольства СССР в Китае (1940–1948, 1950–1952), посол СССР в Японии (1958–1962), постоянный представитель СССР при ООН и СБ ООН (1963–1968). Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1967). Главред журнала «Иностранная литература» (1970–1988). Член Союза писателей СССР (с 1970) 483

Федосеев Петр Николаевич (1908–1990). Учёный, журналист. Сотрудник Института философии АН СССР (1936–1941). Работник аппарата ЦК КПСС (1941–1955), главред журналов «Большевик», «Партийная жизнь». Завкафедрой диалектики АОН при ЦК КПСС. Член ЦК КПСС (с 1961). Директор Института философии АН СССР (1955–1962). Директор ИМЛ при ЦК КПСС (1967–1973). Вице-президент АН СССР (1962–1967, 1971–1988) 152

Фельбер Роланд – родился ок. 2-й пол. 1930-х, умер – в 2000-х. Профессор Гумбольдтского университета в Берлине, ГДР/ФРГ (1970–2000). Область интересов –

экономика древнего Китая, проблемы современного Китая и Тайваня. Автор многих работ по истории Китая в XIX–XX вв. и истории связей между Китаем и Германией 147

Феоктистов Виталий Фёдорович (1930–2005). Китаевед, учёный, дипломат, переводчик. К.филос.н. (1972). Окончил МИВ (1954). Работал в КНР (1954–1958, 1971–1972). Научный сотрудник ИДВ РАН (1968–2005). Исследователь классической китайской философии 113

Ференци Мария Ferenczy Mária. Венгерский синолог, служила директором Музея искусств Дальнего Востока в Будапеште 252

Фингаретт Герберт (Herbert Fingarette, 1921 г.р.). Американский философ. Автор известной монографии: *Confucius: The Secular As Sacred*. New York: Harper & Row, 1972 98

Фишман Ольга Лазаревна (1919–1986). Китаевед, литературовед, д.филол.н. (1965). Окончила филологический факультет ЛГУ (1941). Преподаватель ЛГУ (1946–1949). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1956–1986). Член Союза писателей СССР 226, 227, 248

Флуг Константин Константинович (1893–1942). Китаевед, к.филол.н. (1935), ученик ак. В.М. Алексеева. Окончил ЛГУ (1927). Научный сотрудник Азиатского музея ИВ АН СССР (1925–1942) 227

Франке Герберт (Franke, Herbert, 1944–2011). Немецкий синолог-историк, из-

вестный исследователь истории чжурчжэньской династии Цзинь (1115–1234) и монгольской династии Юань (1279–1368). Один из авторов шеститомной «Кембриджской истории Китая» 235, 342

Фэн Дин 冯定 (1902–1983). Философ, политик, работник образования. В 1927–1930 гг. учился в Университете им. Сунь Ят-сена в Москве. Заместитель директора НИИ марксизма-ленинизма при ЦК КПК (с 1952), профессор Пекинского университета (с 1957). В годы «культурной революции» подвергся репрессиям, но не уничтожен физически. Позднее занимал посты декана философского факультета и проректора Пекинского университета 55

Фэн тай хоу 馮太后 (442–490). Знаменитая Вдовствующая императрица-регент. Фактически правила вместо пасынка Тоба Хуна (拓拔弘, правил 466–471) и неродного внука Юань Хуна (元宏, правил 471–499), вплоть до своей смерти в 490 г. 37

Фэн Юй-сян 馮玉祥 (1882–1948). Крупный военачальник и политический деятель, маршал Китайской Республики с 1927 г. Погиб с дочерью 4 сентября 1948 г. при переезде из США в СССР, на Чёрном море, недалеко от Ялты, из-за пожара («несчастный случай при возгорании киноплёнки») на пассажирском судне «Победа». Возможно, стал жертвой диверсии. Гроб с его телом был отправлен для кремации в Москву. В 1953 г. власти КНР торжественно перезахоронили останки маршала в Китае, у священной г. Тайшань в провинции Шаньдун 79, 461

Фэрбэнк, Джон Кинг (*Fairbank*, 1907–1991). Синолог, профессор Гарвардского университета (1935–1941 и с 1946). Один из инициаторов послевоенной перестройки востоковедного образования в США на основе комплексного регионального изучения Востока. Создал и много лет возглавлял Центр изучения Восточной Азии при Гарвардском университете. Автор трудов по истории американо-китайских связей, американской миссионерской и торговой деятельности в Китае в новое время 341, 346, 360

Хазанов Анатолий Михайлович (1932 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1972), профессор. Окончил истфак МГУ (1955), аспирантуру МГУ (1958). Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1958). Темы исследований: международные отношения в Азии и Африке, политика СССР и России в Азии и Африке 176, 401

Хакка 客家 (кэцзя) – субэтническая группа китайцев, живущих в основном в южном Китае, на Тайване и в странах Юго-Восточной Азии. К 2000 г. численность хакка во всем мире составляла около 32 млн. человек 64

Хаматова Анна Александровна (1945 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1978). Профессор (1990). Окончила восточное отделение филфака ДВГУ (1968). Стажировалась в Сингапуре (1972–1973), КНР (1984–1985), США (1992–1993). Декан востфака ДВГУ (1977–1986). Проректор ДВГУ (1986–1990). Директор Восточного института ДВГУ (с 1997) 348

Хань Юй 韩愈 (768–824). Китайский философ, историк, писатель, поэт, каллиграф. Вошёл в историю как яростный противник буддизма и даосизма 270

Хара-Хото (монг. – Чёрный город). Руины города-крепости Эдзина (или Хэйшуйчэн), центра одного из 12 военных округов тангутского государства Си Ся (кон. X в. – 1227), защищавшего его северные границы от кочевников. Основан в низовьях р. Эдзин-Гол. В 1226 г. разорён Чингисханом, занесён песками. Во время Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909) русский исследователь П.К. Козлов нашёл в руинах Хара-Хото древнюю библиотеку и другие материалы, которые хранятся в ИВР РАН в Петербурге 227, 243, 249, 255, 257, 446, 457

Харбин 哈爾濱. Город в Северо-Восточном Китае, административный центр провинции Хэйлуцзян. С 1898 г. – крупнейшая станция КВЖД. Старые районы Харбина и теперь сохраняют типичную для Сибири российскую архитектуру. В 1924–1962 гг. в Харбине действовало Генконсульство СССР. В настоящее время проживает около 6 млн. жителей 79, 88, 93, 99, 119, 121, 123–126, 128, 131, 140, 146, 263, 281, 282, 290–294, 300, 303, 311–316, 344, 420, 422, 425, 428, 430, 441, 442, 457, 465–468, 475, 476, 479, 482, 483, 489

Харбинский Политехнический Институт (ХПИ). Один из лучших технических вузов Китая. Основан в 1920 г. как техникум, в 1922 г. переименован в ХПИ. В 1937 г. перешёл в руки японцев. С 1945 г. возвращён русский персонал, преподавание на

русском языке, как в советских вузах. Имел 3 факультета: строительный, электромеханический и транспортный. С 1949 г. передан министерству промышленности КНР, преподавание на китайском языке 123, 290, 291, 292, 314, 359

Харро фон Зенгер (Harro von Senger, г.р. 1944). Швейцарский синолог. Доктор философии, доктор юриспруденции, профессор синологии в университете Фрайбурга. Исследователь древнекитайской военной стратегии. Автор известной монографии о 36 стратагемах 341, 342

Хвостов Владимир Михайлович (1905–1972). Историк, специалист по новой истории и истории международных отношений. Академик (1964). Действительный член (1967) и первый президент АПН СССР (1967–1971) 256

Хейфец Александр Наумович (1917–1985). Востоковед, д.и.н. (1964). Преподавал в МГПИ им. В.И. Ленина (1960–1978). Сотрудник ИВ АН СССР (1978–1985) 59

Хионин Алексей Павлович (1879–1971). Востоковед, монголовед, китаевед. Окончил ВВИ (1903) и сразу утверждён в должности ассистента профессора по кафедре монголоведения. На военной, дипломатической и гражданской службе на Дальнем Востоке. С 1921 г. – в Харбине. Вице-председатель ОРО, соредатор журнала «Вестник Азии». В 1925 г. – основатель и директор Института ориентальных и коммерческих наук (ИОКН). Профессор монголоведения в Японо-русском институте

в Харбине (1928–1936). В 1945–1948 гг. – переводчик в советской Главной военной комендатуре в г. Дальнем. Эмигрировал в Австралию (1959) 313

Хмелевски Януш (Chmielewski Janusz, 1916–1998). Синолог, языковед, специалист по древнекитайской логике. Ученик В. Яблонски. Преподавал в университете Лодзи. Профессор Варшавского университета (1955). *Джозеф Нидэм* назначил его ответственным за том своей «Науки и цивилизации Китая», посвящённый логике (vol.VII, part I). Хмелевски начал работу, но в 1983 г. отказался по состоянию здоровья. В итоге том вышел в 1998 г. под началом Кристофа Харбсмейера, завершившего начатую Хмелевски работу 188, 189, 191

Хоу Вай-лу 侯外庐 (1903–1987). Известный историк китайской философии и общественный деятель. Опубликовал в Пекине в 1956 г. монографию «История ранней просветительской мысли в Китае: XVII в. – 40-е гг. XIX в.», которая в 1963 г. стала последним 5-м томом изданной под его началом «Общей истории китайской мысли» («Чжунго сысян тун ши», 1947–1963). Свою миссию видел в создании китаизированной марксистской концепции китайской истории 55, 263, 354

Хохлов Александр Николаевич (1929–2015). Китаевед, к.и.н. (1972). Окончил МИВ (1951). Переводчик в КНР (1951–1953). Научный сотрудник Института китаеведения АН СССР (1957–1961), ИВ АН СССР (с 1961). Специалист по истории русско-китайских отношений 60, 149

Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971). Партийный и государственный лидер в СССР. Член ВКП(б) (1918). 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины (1938), член ПБ ЦК ВКП(б) (1939). В 1953 г. избран 1-м секретарём ЦК КПСС, восстановил регулярность созывов съездов партии и пленумов ЦК. Озвучил на XX съезде КПСС Доклад о культе личности Сталина (1956). Пенсионер (с 1964) 137, 138, 176, 195, 206, 207, 213, 230, 284, 325, 326, 333, 359, 365, 383, 400, 472

Ху Хань-минь 胡漢民 (1879–1936). Революционер, один из лидеров Гоминьдана и правительства Китайской Республики 64, 404, 408, 409

Ху Хоу-сюань 胡厚宣 (1911–1995). Известный историк, специалист по древнейшей эпиграфике (надписям на гадательных костях – *цзя-гу-вэнь*) 55

Ху Цзи-вэй 胡绩伟 (1916–2012). Бывший главред газеты *Жэньминь жибао*. Постоянный член ВСНП. В 1993 г. озвучил призыв к правительству КНР позволить возвращение на родину политическим беженцам – участникам студенческих протестов на Тяньаньмэнь. В 2006–2010 гг. подписывал коллективные письма против давления на СМИ и свободу слова в Китае. В 2012 г. находился в пекинской больнице 162

Ху Цзинь-тао 胡錦濤 (1942 г.р., пров. Цзянсу). Партийный и государственный лидер КНР. Председатель КНР (2003–2013), генсек ЦК КПК (2002–2012), председатель Центрального военного

совета КНР (2005–2013), председатель Центрального военного совета ЦК КПК (2004–2012). Окончил Политехнический университет Цинхуа (1964). После «культурной революции» вернулся на партию работу. Представитель т.н. «4-го поколения» лидеров КНР (предшественники: Мао Цзэ-дун, Дэн Сяо-пин, Цзян Цзэ-минь) 161, 163, 396, 417, 418, 429

Ху Ши 胡適 (1891–1962). Философ, историк философии, литературовед, социолог, публицист, общественный деятель. Стронник вестернизации Китая и последовательный противник революционных изменений в стране. После 1949 г. уехал на Тайвань, возглавлял *Академию Синика*. Кампании против философии Ху Ши и методологических основ его исследований составляли заметную часть интеллектуальной жизни КНР 1950–1960-х гг. 193

Ху Шэн 胡繩 (1918–2000) – историк, философ-марксист, государственный деятель, президент Академии общественных наук Китая (1985–1998) 54, 121

Ху Яо-бан 胡耀邦 (1915–1989, м.р. пров. Хунань). Партийный и государственный лидер КНР. Во время «культурной революции» был снят со всех постов. Генсек ЦК КПК (1980–1987) и председатель ЦК КПК (1981–1982). После умирения студенческих волнений (1986) Дэн Сяо-пин развернул кампанию против «буржуазного либерализма». В 1987 г. на расширенном заседании ПБ ЦК КПК Ху Яо-бан обвинён в «идеологической расхлябанности», выступил с самокритикой и просьбой об от-

ставке с поста генсека ЦК КПК. В 1987 г. переизбран членом ПБ ЦК КПК 162, 164

Хуа Ло-гэн 华罗庚 (1910–1985). Всемирно известный китайский математик, «китайский Эйнштейн», академик АН КНР 333

Хуан Цзунь-сянь 黄遵宪 (1848–1905). Поэт, просветитель, дипломат, мыслитель-реформатор. Сделал дипломатическую карьеру в годы работы в Японии, Англии, США. Затем примкнул к движению за реформы 1898 г., был арестован и умер в ссылке 406

Хуасинхуэй (Союз процветания Китая) – революционная организация, созданная в 1904 г. в г. Чанша (пров. Хунань) с целью «свержения маньчжурской династии и восстановления суверенитета Китая». «Синчжунхуэй» (Союз возрождения Китая) – первая китайская революционная организация, созданная Сунь Ят-сеном в 1894 г. в Гонолулу. Обе организации стали основой для всекитайской революционной организации Тунмэнхуэй (Объединенный союз), созданной Сунь Ят-сеном в 1905 г. в Японии 67

Хунвэйбин 红卫兵 – (букв.: *красный охранник*). Участники созданных в 1966 г., в ходе «культурной революции» в Китае, отрядов из школьников и студентов, которых использовали для борьбы с противниками Мао Цзэ-дуна 84, 85, 162, 224, 255, 337, 363, 380, 391

Хэ Линь 贺麟 (1902–1992). Известный китайский философ, переводчик, специалист по истории западной философии 55

Хэ Лун 贺龙 (1896–1969). Революционер, один из 20 командиров Национально-революционной армии. Член КПК (1927). Один из создателей Красной армии, участник *Великого похода* в г. Яньян (1935–1936). В 1937–1945 гг. командовал 120-й пехотной дивизией 8-й НРА. Внёс важный вклад в победу коммунистов в гражданской войне 1947–1949 гг. Участник 1-й сессии ВСНП, зампред Госсовета, зампред Комиссии по национальной обороне. Маршал (с 1955). Член ПБ ЦК КПК (с 1956). В 1966 г. снят со всех постов и исключён из КПК за «антипартийную деятельность». Реабилитирован в 1980 г. 129, 400

Хэ Цю-тао 何秋涛 (1824–1862). Китайский чиновник, учёный-историк, географ. Изучал историю формирования китайско-русской границы 334

Цай Хэ-сэнь 蔡和森 (1895–1932). Один из основателей и лидеров КПК. Друг юности Мао Цзэ-дуна. В 1929–1931 гг. член делегации КПК при ИККИ в Москве. В 1931 г. вернулся в Китай. Убит гоминьдановцами 65

Цао Цзин-хуа 曹靖华 (1897–1987). Переводчик и популяризатор русской литературы в Китае. В 1921 г. направлен на учёбу в Москву, в КУТВ. В 1924 г. окончил русское отделение Пекинского университета. С 1927 г. преподавал в КУТК им. Сунь Ят-сена в Москве, преподавал китайский язык в ЛГУ (1928–1933). После образования в 1949 г. КНР много лет был деканом факультета русского языка Пекинского университета. Почётный доктор ЛГУ (1987) 297, 298, 354

Церковь византийско-славянского (восточногo) обряда (униаты). Была создана для католиков, практикующих византийско-славянский обряд на территории России и для русских византокатоликов в эмиграции. В её рамках было создано два апостольских экзархата (оба в настоящее время без иерарха): в России (1917), в Харбине (Китай, 1928) 293

Цзян Цзин-го 蔣經國 (1910–1988). Китайский политический деятель, президент Китайской Республики на Тайване (1978–1988). Старший сын Чан Кай-ши. Член Гоминьдана (с 1925). В 1925–1937 гг. жил в СССР (псевдоним Н.В. Елизаров). В 1937 г. вместе с женой Ф.И. Вахревой вернулся в Китай. В 1949 г. переехал на Тайвань, где после смерти отца в 1975 г. возглавил Гоминьдан. При нём в 1987 г. на Тайване отменено военное положение, начался процесс демократизации, быстро и успешно развивалась экономика 16, 73, 163, 354, 355, 356, 391, 427

Цзян Ши-лунь 姜石仑 (1927 г.р.) Известный китайский художник, мастер живописи «го-хуа». С 1955 г. живёт и работает в Санкт-Петербурге. Член союза художников СССР (с 1975). См.: http://www.shilun.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=77&Itemid=112

Цзянь Бо-цзань 翦伯贊 (1898–1968). Историк-марксист, общественный деятель. Декан исторического факультета Пекинского университета. В годы «культурной революции» снят со всех постов и репрессирован. Покончил жизнь самоубийством 193, 195, 333

Цин 清 (1644–1912). Маньчжурская династия. Последняя правящая династия в императорском Китае 291, 304, 311, 316, 319, 335, 338, 434, 435, 436, 444, 455, 460, 464, 473, 483, 491

Цинхуа, университет 清華大學. Основан в 1907 г. в Пекине на деньги из репараций по «Заключительному протоколу» после подавления восстания ихэтуаней. В 1928 г. официально переименован в Государственный университет Цинхуа 国立清华大学. В 2010 г. в Цинхуа имелось 16 институтов с 56 факультетами, более 26 500 студентов и около 3000 иностранцев из 114 стран. Альма-матер современных высших партийных и государственных лидеров КНР 75, 78, 79, 88, 89, 102–104, 109, 110, 164, 426, 481, 483, 484, 491

Цыси 慈禧 (1835–1908). Вдовствующая императрица маньчжурской династии Цин (1644–1911). Фактически правила Китаем в 1861–1908 гг., в периоды правления двух императоров – Цзай Чуня (Тунчжи) и Цзай Тяня (Гуансюя) 57, 70, 358, 435, 443

Цы хай 辞海 (*Море слов*). Крупнейший китайский толково-энциклопедический словарь. Работа по его составлению началась в 1915 г. в Шанхае. Первое издание – 1936 г. 2009 г. – 6-е издание, включающее около 130 тыс. статей или около 19 млн. иероглифов. Над исправлением и дополнением словаря работали более 2 тысяч специалистов и учёных 120

Цюй Вэй 曲伟 (1953 г.р.). Президент академии общественных наук провинции Хэй-

лунцзян (с 1999). Почётный доктор ИДВ РАН 344

Цюй Цю-бо 瞿秋白 (1899–1935). Революционер, член КПК с 1922 г. Член Политбюро ЦК КПК (1927–1931). Член Президиума ИККИ (1928–1930). Член китайского Советского правительства (1931–1934). Арестован и казнён гоминьдановцами в 1935 г. 64, 65, 68

Цюй Юань 屈原 (340–278). Первый известный лирический поэт в истории Китая эпохи *Воюющих Царств* (Чжаньго). Оказал большое влияние на формирование древнекитайской поэзии. О нём см.: Федоренко Н.Т. Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. М., 1986 188, 279

Цяньлун 乾隆 (1711–1799), собственное имя *Айсиньгиоро Хунли* (кит. 爱新觉罗弘历). 6-й маньчжурский император династии Цин. Правил 60 лет (1736–1795). 4-й сын Айсингиоро Иньчжэня, правившего под девизом *Юнчжэн* 347

Чан Кай-ши 蔣介石 (1887–1975). Второе Цзян Чжун-чжэн 蔣中正. Крупнейший политический и военный лидер Китая в XX в. Соратник Сунь Ят-сена. С 1924 г. – начальник военной школы Вампу (близ г. Гуанчжоу на оз. Хуанпу). С 1925 г. вошёл в руководство Гоминьдана. Генералиссимус, верховный главнокомандующий. Президент Китайской Республики (1928, 1932, 1943, 1948–1975). Умер и похоронен на Тайване 20, 61, 64, 70, 72, 117, 163, 169–171, 174, 355, 358, 375, 391, 392, 404, 406, 408–410, 426, 451, 457, 471

Чебоксаров Николай Николаевич (1907–1980). Этнограф, д.и.н. (1949), профессор (1951). Родился в Харбине. Преподаватель истфака МГУ (1941–1966). Научный сотрудник Института этнографии АН СССР (1943–1980). Работал в Китае (1956–1958). Изучал этнографию и этническую историю Китая, стран Европы и Восточной Азии 255

Чельшев Евгений Петрович (1921 г.р., Москва). Индолог. Окончил востфак ВИИЯ (1949), д.филол.н. (1965), профессор (1960). Член Союза писателей СССР (с 1976). Академик АН СССР (1987). Завкафедрой индийских языков ВИИЯ (1952–1956), научный сотрудник (1961–1987), завотделом литератур Востока ИВ АН СССР (1966–1988) 143

Червоненко Степан Васильевич (1915–2003). Партийный деятель, дипломат. К.филол.н. (1949). Сотрудник ЦК КП Украины (1949–1959). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в КНР (1959–1965), в Чехословакии (1965–1973), во Франции (1973–1982). Завотделом ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и выездам за границу (1982–1988), советник МИД СССР/РФ (1989–1993) 138, 231

Черемисов Константин Михайлович (1899–1982). Монголовед, составитель монгольско-русского и бурятско-русских словарей. Сотрудник Института народов Азии АН СССР 326

Черкасский Леонид Евсеевич (1925–2003). Китаевед, литературовед, поэт-переводчик, д.филол.н. (1971). Окончил ВИИЯ

(1951). Сотрудник ИВ АН СССР (1960–1992). Член Союза писателей СССР (с 1970). Автор более 260 работ, в т.ч. литературно-исторической прозы, статей по истории и теории китайской литературы, связям национальных литератур, проблемам художественного перевода. Издал 15 сборников переводов китайской поэзии и прозы. В 1992 г. выехал в Израиль. В 2001 г. в Иерусалиме вышла книга воспоминаний 24, 143

Четверокнижие (四書 *Сы шу*). Свод, состоящий из 4-х конфуцианских канонических текстов: *Да сюэ* (Великое учение), *Чжун юн* (*Следование середине*), *Лунь юй* (*Суждения и беседы*) и *Мэн-цзы*, приписываемых традицией Цзэн-цзы, Цзы Сы, Конфуцию и Мэн-цзы соответственно 71, 348, 451, 486

Чжан Цзо-линь 张作霖 (1875–1928). Военный и политический деятель Китая. Глава фэнтяньской милитаристской группировки, контролировавшей с 1916 г. почти весь северо-восточный Китай (провинции Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзян). Опирался на поддержку Японии. Погиб в 1928 г. в результате теракта (взрыв вагона) на железной дороге в Маньчжурии 58

Чжан Чжэн-лан 张政烺 (1912–2005). Окончил истфак Пекинского университета (1936). Работал в Академии наук в Нанкине. Специалист по древней истории Китая, древнекитайской эпиграфике и письменности. Профессор истфака Пекинского университета (1946), также преподавал в университете Цинхуа. После 1949 г. активно участвовал в организации научных

учреждений КНР, в т.ч. Института археологии и Института истории Китайской академии наук. Работал во многих академических институтах, спецкомиссиях, учёных советах и научных издательствах 193, 195, 200, 201, 215

Чжао Цзы-ян 趙紫陽 (1919–2005). Партийный и государственный лидер Китая. Член КПК с 1938 г. С 1979 г. – член ПБ ЦК КПК. Премьер Госсовета КНР (1980–1987), генсек КПК (1987–1989). В 1989 г. выступил перед студентами на площади Тяньаньмень, стремился решить конфликт демократичным мирным путём. После 4 июня 1989 г. снят со всех постов. Последние 15 лет жизни провёл под домашним арестом в Пекине 164, 165

Чжао Чжу-чэн 趙竹成 (1964 г.р.). Профессор факультета этнологии (университет Чжэнчжи). Специалист по истории Монгольской империи, проблемам этнических отношений и политики в России, Центральной Азии и Китае. Защитил кандидатскую диссертацию в Казанском университете 245

Чжао Шу-ли 赵树理 (1906–1970?). Писатель, чьи первые рассказы написаны в традициях народного романа. Член КПК, Депутат ВСНП трёх созывов (с 1949). Дважды посещал СССР (1949, 1958). С середины 1960-х гг. судьба писателя неизвестна, дата смерти приблизительно 131

Чжоу И-лян 周一良 (1913–2001). Историк и религиовед, специалист по истории Кореи и Японии, автор и редактор многих учебников и энциклопедий. В течение

многих лет профессор Пекинского университета, декан исторического факультета 193, 194, 195

Чжоу ли 周禮 (Чжоуские ритуалы). Древнее название – *Чжоу гуань* (Чжоуские чиновники), «Чжоу гуань цзин» («Канон чжоуских чиновников»). Один из памятников, входящих в конфуцианское собрание классической литературы – «Тринадцать канонов» (Ши сань цзин). Традиция приписывает его создание Чжоу-гуну, младшему брату У-вана – первого государя династии Чжоу (XI–III вв. до н.э.) 177, 178, 193, 201, 204, 386

Чжоу Энь-лай 周恩來 (1898–1976). Партийный и государственный лидер Китая. Член КПК (с 1922). С 1927 г. – член ЦК КПК, с 1928 г. – член ПБ ЦК КПК. В 1931–1934 гг. возглавлял бюро ЦК КПК Центрального советского района. В 1937–1945 гг. представлял КПК при гоминьдановском правительстве в Нанкине и Чунцине. 1949–1954 гг. – премьер Госсовета КНР; 1949–1958 гг. – министр иностранных дел КНР. В 1956–1966 гг. и с 1973 г. – зам. председателя ЦК КПК. После гибели министра обороны КНР Линь Бяо (1971) Чжоу стал второй после Мао Цзэдуна фигурой в руководстве Китая. Умер в Пекине 55, 124, 128, 434

Чжу Ди 朱棣 (1360–1424). Император династии Мин (годы правления: 1402–1424). Старший сын основателя династии, императора Чжу Юань-чжана 36, 37, 44, 46

Чжу Дэ 朱德 (1886–1976). Революционер, военачальник, маршал КНР (1955). Член Гоминьдана с 1912 г. Член КПК с 1922 г.

В 1924 г. окончил философский факультет Гёттингенского университета. В СССР недолго учился в КУТВ и на курсах военного дела. С 1926 г. вёл революционную работу в Шанхае. В 1928 г. участвовал в создании 4-го корпуса Китайской Красной армии (командир – Чжу Дэ, комиссар – Мао Цзэ-дун). Главком ККА (1930). На III пленуме ЦК КПК избран кандидатом в члены ЦК КПК. Из-за разногласий с Мао Цзэ-дуном сослан в 1969–1970 гг. в пров. Гуандун. В 1975 г. вновь избран председателем ПК ВСНП 117, 156, 197, 324

Чжу У-шан – см. Осипов Павел Иванович

Чжу Чжи-синь 朱执信 (1885–1920). Революционер, сподвижник Сунь Ят-сена. Активно интересовался марксизмом, симпатизировал идеям и духу большевизма, Советской России. Убит в провинции Гуандун 64

Чжу Юань-чжан 朱元璋 (1328–1398). Китайский император, крестьянин по происхождению. Основатель династии Мин (明, 1368–1644). Годы правления 1368–1398. Храмовое имя *Тай-цзу*, посмертное имя *Гао-хуанди* 36, 37, 46, 485

Чжун юн 中庸 ([Учение] о срединном и неизменном [пути]). Конфуцианский философский трактат, созданный около III до н.э., входящий в *Четверокнижие* 451, 405, 484

Чжурчжэни 女眞 (*жу чжэнь*). Тунгусские племена, населявшие земли Северо-Восточного Китая, севера Кореи и Приморского края. Говорили на чжурчжэньском языке. Основали династию Цзинь, пра-

вившую в Китае в 1115–1234 гг. 224, 238, 239, 316, 317, 451, 478, 488

Чжэн Гуань-ин 鄭觀應 (1842–1922). Один из первых идеологов движения за реформы, государственный деятель и коммерсант-компрадор. Автор трактата «Слово об опасности в век процветания» (1862–1893). Радетель усвоения политико-правовых основ западной цивилизации, в т.ч. парламентаризма 406

Чжэн Хэ 鄭和 (1371–1433). Знаменитый китайский адмирал времён династии Мин (1368–1644). Совершил 7 крупных морских военно-торговых экспедиций в страны Индокитая и бассейна Индийского океана, вплоть до Мадагаскара и берегов восточной Африки 25, 26, 27, 28, 31, 36, 44, 46, 317

Чигринский Михаил Фалькович (1927–1999). Китаевед, к.и.н. (1993). Окончил истфак ЛГУ (1951). Специалист по этнической истории Тайваня и истории российского китаеведения 248

Чингисхан (монг. Чингис хаан [tʃiŋɡis ɣaːŋ]), собственное имя – Тэмуджин, Темучжин; ок. 1155 или 1162–1227). Основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу 225, 241, 251, 470, 473, 479

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936). Революционер, дипломат. Член РСДРП с

1905 г. В 1918–1930 гг. – глава Наркомата иностранных дел 67

Чудодеев Юрий Владимирович (1931 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил истфак МГУ (1954). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1962). Стажировался в Пекинском университете (1964) и университете Фудань (Шанхай, 1985–1986). Тема кандидатской диссертации: «Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции накануне Синьхайской революции в Китае». Ведущий научный сотрудник отдела Китая ИВ РАН 11, 166, 171, 230, 231, 350, 359, 361, 367, 368, 390, 414, 415

Чэнь Бин-ин 陈兵应 (1945 г.р.). Научный сотрудник музея провинции Ганьсу (г. Ланьчжоу). Переводчик, автор многих работ по тангутоведению 251, 257

Чэнь Бо-да 陳伯達 (1904–1989). Член КПК с 1927 г. Учился в СССР, в УТК им. Сунь Ят-сена (1927–1930). С 1931 г. вел партийную и преподавательскую работу в Китае. В 1939 г. стал политическим секретарём Мао Цзэ-дуна. С 1946 г. – член ЦК КПК. В 1949 г. – вице-президент АН КНР. Кандидат в члены ПБ ЦК КПК (1956). Активный участник «культурной революции». В 1970 г. стал мишенью «критики Чэнь Бо-да» («лжемарксист, карьерист, твердолобый последователь Линь Бяо»), арестован в 1971 г. На процессе по делу «банды четырёх» (1980) приговорён к 18 годам тюрьмы. В 1988 г. освобождён по состоянию здоровья. Умер в Пекине 132, 134

Чэнь Ду-сю 陳獨秀 (1879–1942). Революционер, один из лидеров «движения 4 мая» 1919 г. Основатель и 1-й генсек КПК (1921–1927). Исключён из КПК в 1929 г. Лидер китайских троцкистов (1929–1932) 64, 223

Чэнь И-цзы 陈一谔 (1940 г.р.). Экономист. В 1980-х гг. – директор Института реформы экономической структуры Китая. Активно участвовал в разработке и проведении экономических реформ в деревне, затем в городе и, наконец, в разработке политических реформ 345

Чэнь Си-лянь 陈锡联 (1915–1999). Китайский генерал. Состоял членом Политбюро ЦК КПК с 1969 до 1980 г., когда был выведен из Политбюро и снят с должности командующего Пекинским военным округом 52

Чэнь Цзюнь-мин 陳炯明 (1878–1933). Китайский генерал, милитарист. Контролировал провинции Гуандун и Гуанси. Поддержал создание революционного правительства Сунь Ят-сена в Гуанчжоу (Кантон) в 1920 г. В 1922 г. совершил военный переворот против Гоминьдана. К 1925 г. был разгромлен и бежал в Гонконг 59

Чэнь Ю-жэнь 陳友仁 (Eugene Chen, 1878–1944). Государственный деятель, дипломат. Имел афро-китайско-испанское происхождение. Родился и получил образование в Тринидаде, там же занимался юридической практикой. В 1912 г. уехал в Пекин, был юридическим советником и секретарём Сунь Ят-сена. Служил ми-

нистром иностранных дел Китайской Республики до смерти Сунь Ят-сена в 1925 г. и после, при трёх разных правительствах (1926–1934) 171

Чэнь Юн-фа 陳永發 (1944 г.р.). Академик. Специалист по новейшей истории Китая и истории КПК. Научный сотрудник Института новой и новейшей истории (Academia Sinica, Тайвань). Многие годы возглавлял этот институт 61, 72, 74

Чэнь Юнь 陈云 (1905–1995). Видный партийный и государственный деятель Китая, участник «Великого похода» Китайской Красной армии, прошедшей в 1934–1936 гг. с боями более 25 тыс. км с юга на север Китая, из Центрального советского района (пров. Цзянси) на Северо-Запад (пров. Шэньси-Ганьсу). В 1935 г. прибыл на учебу в СССР, где в 1936 г. опубликовал свои заметки о «Великом походе» 48, 53

Шаванн Эдуард (Chavannes Édouard, 1865–1918). Французский синолог, историк, лингвист, археолог. Профессор Коллеж де Франс (1893). Членкор Петербургской АН (1913). Действительный член Королевского Азиатского общества в Лондоне (1916). Первый переводчик «Исторических записок» Сыма Цяня на французский язык 336, 432

Шавкунов Эрнест Владимирович (1930–2001). Востоковед-историк, археолог, д.и.н. (1984). Окончил востфак ЛГУ (1955). Эксперт по истории чжурчжэней, бохайцев. Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии наро-

дов Дальнего Востока ДВНЦ (ДВО) АН СССР в г. Владивостоке (с 1971) 224, 225

Шалютин Фёдор Иванович (1887–1938). Великий русский оперный и камерный певец (высокий бас). Весной 1936 г. приезжал на гастроли в Китай 125, 316

Шампольон Жан-Франсуа (Jean-François Champollion, 1790–1832). Французский историк-ориенталист и лингвист, основатель египтологии. Благодаря проведённой им расшифровке текста Розеттского камня 14 сентября 1822 г. стало возможным чтение египетских иероглифов и дальнейшее развитие египтологии как науки 95

Шафф Адам (Schaff Adam, 1913–2006). Философ-марксист, д. филос. н. (1945). Официальный идеолог правящей Польской объединённой рабочей партии (ПОРП). Член компартии Польши с 1932 г. С 1941 г. жил в Москве. Окончил философский факультет МГУ. Руководил польским вещанием Московского радио (1944–1946). В 1948 г. вернулся в Варшаву, был членом ЦК ПОРП. Возглавлял Институт подготовки научных кадров (1949–1954), Институт общественных наук и Высшую школу общественных наук при ЦК ПОРП (1957–1968). Глава Института философии Варшавского университета (1952–1953), Член ПАН, директор Института философии и социологии ПАН (1956–1958). В 1968 г., на волне антисемитской истерии, изгнан из ЦК ПОРП и снят с многих постов. В 1980-х гг. критиковал «Солидарность» и поддерживал курс коммунистического правительства В. Ярузельского.

Почётный доктор Мичиганского университета и Сорбонны 185

Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001). По образованию юрист. Работал в Политиздате (1952), в журналах «Политическое самообразование» и «Проблемы мира и социализма» (1960–1964). Сотрудник Международного отдела ЦК КПСС (1964–1988). Депутат ВС ССРП (1987). Помощник генсека ЦК КПСС (1988). Позднее – советник президента СССР. Народный депутат СССР (1990). Глава Центра глобальных проблем Горбачёв-Фонда (1992) 136

Ши сань лин 十三陵 – пригород Пекина, где расположены могилы китайских императоров и императриц эпохи Мин (1368–1644) 230, 231, 280, 356

Ши цзи 史記 (Исторические записки, Записки историографа, Записки историка). Сочинение историографа Сыма Цяня (II–I вв. до н.э.), первое в Китае историко-биографическое произведение. Состоит из 130 *пяней* (глав) и 526 500 иероглифов. Охватывает период от полумифической древности – эпохи легендарного Хуанди (Жёлтого императора, III тыс. до н.э.) до ханьского У-ди (140–87 до н.э.) и представляет собой описание исторических событий и реалий в области политики, экономики и культуры 140, 188, 429, 472

Ши Чжао-цзи 施肇基 (1877–1958). Дипломат. Окончил Университет святого Иоанна в Шанхае (上海圣约翰大学, 1893).

В 1902 г. получил степень магистра в Cornell University. После Синьхайской революции был посланником в США, Испании и Перу. Служил в посольствах КР в Англии (1914–1920, 1929–1932) и в США (1932–1937). С 1941 г. занимал разные дипломатические посты, в т.ч. представителя Китая при ООН 171

Шилин Ким Иванович (1934 г.р.). Философ, социолог. К.филос.н. (1989), д.соц.н. (1996). Работает в ИСАА при МГУ, автор и разработчик концепции «Живого Знания» (Экософии) 275, 276

Широкогоров (Shirokogoroff) Сергей Михайлович (1887–1939). М.р. Суздаль. Выдающийся антрополог, этнограф, лингвист и педагог. Исследователь Сибири и стран Дальнего Востока. В 1922 г. эмигрировал в Китай, жил в Шанхае (1922–1926). Преподавал в университетах Пекина, Шанхая, Сямыня (Амоя), Гуанчжоу (Кантона). С 1930 г. жил и работал в Пекине 313, 359

Шицзин 詩經 (Книга песен, Канон песен). Древний поэтический сборник. Приписывается Конфуцию. Вошёл в своды конфуцианской классики (*Пятикнижие* и *Тринадцатикнижие*). Состоит из 305 произведений, включая народные песни эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.) и храмовые песнопения. Бесценный источник по древней истории и памятник древнекитайской литературы. На русский язык переведён А.А. Штукиным (1904–1963) 353

Школяр Сергей Александрович (1931–2007). Китаевед, к.и.н. (1970). Окончил

востфак ЛГУ (1954). Научный сотрудник ИВР РАН (с 1955) 250, 252

Шкуркин Павел Васильевич (1868–1943). Китаевед, литератор. Окончил Владивостокский Восточный институт (ВВИ) (1903). Служил переводчиком на КВЖД, преподавал в учебных заведениях в Харбине. Имел советское подданство. В 1927 г. уехал в США (Сизтл). Член-учредитель Русского исторического общества в США 313

Шнейдер Марк Евсеевич (1911–1981). Китаевед, д.филол.н. (1978, «Русская классика в Китае»). Окончил востфак ВИИЯ (1952). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1960), ИВ АН СССР (1961–1981). Автор более 50 научных работ по истории и теории современной китайской художественной литературы 143

Штайн, Рольф Альфред (1911–1999). Французский синолог и тибетолог 234, 241

Штейн Виктор Морицевич (1890–1964). Китаевед, экономист, юрист, историк. Д.э.н. (1936), профессор (1945). Финансовый советник Национального правительства в Китае (1926–1927). Преподаватель ЛВИ, ЛГУ и др. (1917–1947). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1935–1964) 227, 353

Штрахов Алексей Иванович (1908–1981). Историк-латиноамериканист, дипломат, д.и.н. (1975). Окончил МИВ (1936). Работал в Институте истории АН СССР (с 1954), Институте всеобщей истории

(1968–1980). Специалист по новой и новейшей истории Аргентины 325

Шуцзин 書經 (Книга преданий/документов), также именуется *Шаньшу*. Эпическое сочинение, излагающее легенды об образовании китайского народа и его древней истории. Один из классических канонов *Пятикнижия*, редактирование которого приписывают Конфуцию. Исторически охватывает период примерно с XXIV в. по VIII в. до н.э. Содержит 58 глав, 33 признаны аутентичными документами VI в. до н.э. 95, 179, 276

Шэн Юэ 盛嶽 (Шэн Чжун-лян 盛忠亮, 1907–2007). Революционер, журналист, военный, дипломат, учёный. Член КПК, ВКП(б) и Гоминьдана. Выпускник и переводчик КУТК. Автор книги: Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ят-сена в Москве и китайская революция. Воспоминания // Пер. с англ., комментарии, предисловие и послесловие Л.И. Головачёвой и В.Ц. Головачёва]. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009, 320 с. 65, 72, 401, 476

Щербаков Илья Сергеевич (1912–1996). Советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Советник-посланник посольства СССР в КНР (1963–1964). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ДРВ (1964–1974). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в КНР (1978–1986) 231

Щербатской Фёдор Ипполитович (1866–1942). Востоковед, индолог, буддолог. Академик РАН (1918). Преподаватель Петер-

бургского университета/ЛГУ (1901–1930). Заведовал Индо-тибетским кабинетом ЛО ИВ АН СССР (1930–1942). Переводчик санскритских и тибетских текстов. Труды по истории индийской культуры и философии учения буддизма 360

Щуцкий Юлиан Константинович (1897–1938). Китаевед. Историк, филолог, литературовед. Д.филол.н. (1937), профессор (1935). Научный сотрудник Государственного Эрмитажа (1936–1937), Азиатского музея ЛО ИВ АН СССР (1920–1937). Репрессирован. Реабилитирован посмертно 352, 353

Эйдлин Лев Залманович (1909/1910–1985). Китаевед, литературовед. Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1937–1941) и ВИИЯ (1941–1952). Д.филол.н. (1969), профессор (1969). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1944–1957, 1959–1985), Института китаеведения (1957–1959). Член Союза писателей СССР (с 1950). Заслуженный деятель науки РСФСР (1980) 143, 326, 353, 360, 388

Эми Сяо (Сяо Сань 萧三, 1896–1983). Революционер, поэт и писатель, критик, главред ряда крупных журналов. Земляк Мао Цзэ-дуна. Автор китайского текста «Интернационала» (1923) и других поэтических переводов, в т.ч. на русский язык. Много лет жил в СССР 262, 333

Эренбург Георгий Борисович (1902–1967). Китаевед, к.и.н. (1945), доцент (1935). Преподаватель УТК им. Сунь Ят-сена

(1927–1932), МИВ, МИФЛИ, истфака и ИВЯ при МГУ (1936–1967). Специалист по новой и новейшей истории Китая 22, 23, 354, 370, 371

Юань 元 – монгольская династия, правившая в Китае в 1271–1368 гг. 35, 41, 478

Юань Ши-кай 袁世凯 (1859–1916). Саяновник, военачальник, политический деятель последних десятилетий правления династии Цин и первых лет Китайской Республики (рубеж XIX–XX вв.). Временный президент республики (1912–1915), самозванный император (1916). Лидер бэйянских милитаристов 69, 70, 72, 473

Юй Минь-лин 余敏玲 (1957 г.р.). PhD (1995). Историк, научный сотрудник Института новой и новейшей истории (Academia Sinica, Тайвань). Специалист по истории советско-китайских отношений и российской культуры в XX в. 379

Юй Юань-ань 余元安 (1915–1961). Историк, преподаватель Пекинского университета. Специалист по истории Монголии и монгольской династии Юань. Переводчик русского языка. В 1950-х гг. помогал Лю Да-няню в изучении истории китайско-русских связей. Автор статьи *Чжун-Элянго жэньминь юхао гуаньси саньбай нянь* (300 лет дружбы китайского и русского народов). Опубликовано в журнале *Лиши яньцзю*, 1957, № 11 61, 62, 332

Юрьев Михаил Филиппович (1918–1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ (1941). Ветеран со-

ветско-финской войны (1939–1940) и Великой Отечественной войны. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956–1990). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1967) 22, 23, 30, 145, 262, 370, 371

Яблонски Витольд Анджей (Jabłoński Witold Andrzej, 1901–1957). Синолог, филолог, основатель польского китаеведения. Доктор наук (1933), адъюнкт-профессор (1948). Учился в Варшавском университете, в Париже (1924–1930). Советник комиссии Лиги Наций по разработке реформы образования в Китае (1930–1932). Преподавал в университете Цинхуа (1931–1932), в Ягеллонском (Краков) и в Варшавском университете (с 1933). Лектор Яньцзинского университета (Пекин, 1937–1938). Советник посольства Польши в Нанкине (1945–1947). Завкафедрой синологии Варшавского университета (с 1947). Директор Института ориенталистики (с 1952), и.о. декана гуманитарного факультета (1950–1951) и философского факультета (1951–1952). Завотделом Дальнего Востока в студии Восточных проблем и языков (1948–1950) и лаборатории Дальнего Востока в Отделе ориенталистики ПАН (с 1956) 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 191, 201, 480

Яковлев Александр Николаевич (1923–2005). Известный общественный деятель СССР-РФ. Окончил истфак Ярославского пединститута (1946). После 1965 г. работал в аппарате ЦК КПСС. Член и секретарь ЦК КПСС (1986–1990), член ПБ ЦК КПСС (1987–1990). Д.и.н. (1967), про-

фессор (1969). Член КПСС (1944 – август 1991). С 1995 г. – председатель Российской партии социал-демократов 151

Яньань – город. С 1936 г. – база китайских коммунистов в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Столица «особого района Китая» в 1937–1948 гг. 77

Янь Фу 严复 (1854–1921, м.р. Фуцзянь). Окончил казённое мореходное училище (1871). После 5 лет плаваний был послан

на 2,5 года в Англию для получения высшего технического образования. Философ, известный переводчик западной классики. Общественный деятель, первым адекватно ознакомивший сограждан с достижениями западных наук в понимании общества и государства 144, 146

Яхонтов Сергей Евгеньевич (1926–2018). Китаевед, к.филол.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по лингвистике и истории языкознания в Китае 221, 223, 253

SUMMARY

The first volume of the new book series «Russian Sinology – Oral History» contains twelve interviews with prominent Russian sinologists of the oldest generation. The interviews were collected as part of the unique international project «Sinology – Oral History», launched in 2008. Nearly 40 countries and territories, such as Russia, Australia, Belgium, China, Czech Republic, Germany, Finland, France, Hong Kong, India, Israel, Italy, Kazakhstan, Korea, Malaysia, Mongolia, Nepal, Netherlands, Norway, Pakistan, Philippines, Poland, Singapore, Sweden, US, Vietnam, Taiwan, Tibet, Turkey, Japan, etc., have participated in the project as of today. The collected interviews are published online, in scientific periodicals and printed volumes (so far, printed in India, Italia, PRC, Taiwan and Japan). The Russian language interviews were also broadcast by the “Radio Taiwan International” and now are published in several printed volumes.

Among the interviewees in this volume are Aleksey A. Bokschanin, Yury M. Garushyantz, Lidia I. Golovacheva, Lev P. Deliusin, Zoya D. Katkova, Stanislav I. Kuczera, Eugeny I. Kychanov, Zina G. Lapina, Georgy V. Melikhov, Vladimir S. Myasnikov, Sergey L. Tikhvinsky and Yury V. Chudodeev.

The interviews contain detailed records of professional activities and lives of those Russian Sinologists born in 1918-1937 period: their biographies, educational background, career, research work, reminiscences on their teachers, colleagues and students, their views on China, on history of the domestic and global Sinology, on Russian-Chinese relations, etc.

Taken as a collective evidence, these highly personal records present a broad picture of the socio-political, ideological, economic and personal environment, which determined the studies on China and Chinese language, visits to China and international exchanges, experienced by the Russian sinologists in Soviet and post-Soviet periods.

The interviews provide us with the new resources and perspectives to analyze both common features and specifics of the domestic Sinology at various stages of its evolution, including its dramatic ups and downs. It also enables us to save the precious achievements of the Russian Sinology and make them a more available part of the global Sinology.

The interviews in this volume are collected and edited by a group of researchers from the China Department at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science.

Научно-биографическое издание
РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ – УСТНАЯ ИСТОРИЯ
Сборник интервью с ведущими
российскими китаеоведами XX–XXI вв.
В трёх томах
Том 1

Ответственный редактор: *В. Ц. Головачёв*

Верстка: *А. Б. Дунаева*

Корректор: *М. Я. Колесник*

Художник: *Е. Ю. Дриго*

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Подписано в печать 18.10.2018 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 31,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 216.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495) 939-3890/91. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.